НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/narodnaiaentsikl811unse

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ НАРОДѢ ГРАМОТНОСТИ.

НАРОДНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

НАУЧНЫХЪ И ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ.

Томъ VIII.
ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Полутомъ I.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1912.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

(КРУГЪ ЗНАНІЙ).

Томъ VIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ.

Полутомъ I.

ПРЕДМЕТЫ:

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ
ИСТОРІЯ ИСКУССТВА
(ЖИВОПИСЬ, ВАЯНІЕ, ЗОДЧЕСТВО).

Въ составленіи статей принимали участіе: В. К. АНДРЕЕВА, Т. Н. БОРОЗДИНА, А. Ф. БЫКОВА, И. П. БѢЛОКОНСКІЙ, прив.-доц. Н. С. ГОЛЬДИНЪ, Н. Н. КНОРРИНГЪ, Л. П. КУПРІЯНОВА, проф. А. Л. ПОГОДИНЪ, Л. Б. ХАВКИНА-ГАМБУРГЕРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть VIII тома «Народной Энциклопедіи» примыкаетъ къ тому отдѣлу нашего изданія, который охватываетъ область наукъ общественно-гуманитарныхъ (наукъ о человѣчествѣ и человѣкѣ); она посвящена обзору всеобщей исторіи и, сверхъ того, содержитъ очеркъ развитія искусства — живописи, ваянія и зодчества.

Задача статей по всеобщей исторіи, помѣщенныхъ въ настоящемъ полутомѣ, заключалась въ томъ, чтобы дать читателю ясное представленіе объ общемъ ходѣ всемірно-историческаго развитія, начиная съ первыхъ шаговъ культурной дѣятельности человѣка вплоть до современной эпохи. Обзору историческихъ временъ предпослана поэтому характеристика важнѣйшихъ сторонъ первобытной культуры — въ статьяхъ 2-й и 3-й: объ эти статьи, въ виду ихъ небольшого размѣра, не могутъ дать, конечно, полнаго представленія о явленіяхъ до-историческаго быта и должны быть дополнены чтеніемъ соотвѣтствующихъ статей по этнографіи и антропологіи въ VI томѣ «Народной Энциклопедіи».

Такую же оговорку необходимо сдѣлать и относительно исторіи внѣевропейскихъ странъ, для которой могла быть предоставлена лишь одна небольшая статья (ст. 27: «Азія въ XIX вѣкѣ»), а также второстепенныхъ государствъ и народностей Зап. Европы: послѣднія затронуты лишь мимоходомъ, въ связи съ исторіей руководящихъ романо-германскихъ народовъ, судьбы которыхъ и составили главное содержаніе исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ въ настоящемъ полутомѣ. Въ VI томѣ «Народной Энциклопедіи» (въ отдѣлѣ «Страновѣдѣніе») читатель найдетъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о странахъ, обойденныхъ или недостаточно полно разсмотрѣнныхъ въ нашихъ статьяхъ вслѣдствіе недостатка мѣста.

Послѣднее обстоятельство не могло не отразиться и на «исторіи искусства», завершающей полутомъ и занимающей, вмѣстѣ съ многочисленными рисунками, не свыше 100 страницъ. Стремленіе дать въ этихъ узкихъ рамкахъ, по возможности, полный обзоръ эпохъ искусства и характеристику всѣхъ замѣчательныхъ его дѣятелей и направленій поставило въ необходимость придать изложенію крайнюю сжатость, мѣстами породило даже нѣкоторую отрывочность. По той же причинѣ — отсутствію мѣста — обзоръ исторіи музыки совсѣмъ не могъ войти въ составъ VIII тома, какъ ранѣе предполагалось редакціею «Энциклопедіи».

Въ составленіи статей настоящаго полутома принимали участіе: В. К. Андреева, Т. Н. Бороздина, А. Ф. Быкова, И. П. Бѣлоконскій, Н. С. Гольдинъ, Н. Н. Кнорринга, Л. П. Купріянова, А. Л. Погодинъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ.

Общая редакція полутома принадлежитъ прив.-доц. Н. С. Гольдину.

Членъ редакціонной комиссіи Н. С. Гольдинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей, вошедшихъ въ составъ этого полутома „Народной Энциклопедіи“.

Всеобщая исторія.

№№ статей		*Стр.*
1.	Общія понятія псторической науки	1
2.	Зачатки матеріальной культуры	10
3.	Общественныя учрежденія и умственная жизнь первобытныхъ людей	18
4.	Народы древняго Востока	27
5.	Древняя Греція	46
6.	Римское государство	61
7.	Образованіе средневѣковаго міра. (Германцы и ихъ государства)	76
8.	Арабы, ихъ религія и государство	90
9.	Византійское царство	102
10.	Славяне въ средніе вѣка	113
11.	Франція въ средніе вѣка	122
12.	Англія въ средніе вѣка	135
13.	Германская имперія и папство въ средніе вѣка	145
14.	Государство и общество въ средніе вѣка	157
15.	Великія открытія и просвѣщеніе въ началѣ новаго времени	169
16.	Расколъ католической церкви въ XVI в. (Реформація)	179
17.	Англійская революція XVII вѣка	193
18.	Западная Европа въ эпоху «стараго порядка»	200
19.	Великая революція во Франціи	210
20.	Европа и имперія Наполеона	227
21.	Франція въ XIX вѣкѣ	240
22.	Объединеніе германскаго народа	252
23.	Объединеніе Италіи	270
24.	Государственное и общественное развитіе Англіи въ XIX в.	277
25.	Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	287
26.	Славянскіе народы въ новое время	300
27.	Азія въ XIX вѣкѣ	312
28.	XIX вѣкъ и его историческое значеніе	319

Исторія искусства.

№№ статей. *Стр.*

1. Введеніе 339
2. Древнее искусство 343
   1. Египетское искусство . . . . . —
   2. Искусство Передней Азіи 347
   3. Греческое искусство 350
   4. Римское искусство 359
3. Искусство средневѣковья 362
   1. Древне-христіанское искусство . . . . . —
   2. Византійское искусство 364
   3. Искусство арабовъ 366
   4. Романское искусство 369
   5. Готическое искусство 370
4. Искусство эпохи Возрожденія 374
   1. Итальянское искусство . . . . . —
   2. Искусство XV и XVI вв. въ Нидерландахъ, Германіи и Франціи . 385
5. Европейское искусство въ XVII и XVIII вѣкахъ 388
6. Европейское искусство XIX вѣка 396
7. Древнее русское искусство (до XVIII в.) 409
   1. Зодчество . . . . . —
   2. Иконопись 414
   3. Прикладное искусство 416
8. Новое русское искусство XVIII—XIX вѣка . . . . . —
   1. Архитектура . . . . . —
   2. Живопись 418
   3. Скульптура 437

Алфавитный указатель всеобщей исторіи 441

„ „ исторіи искусства 449

Списокъ рисунковъ 453

1. Общія понятія исторической науки.

Исторія принадлежитъ къ числу общественныхъ наукъ, наравнѣ съ обществовѣдѣніемъ (соціологія), политической экономіей, правовѣдѣніемъ, статистикой и нѣк. др. Ея задачу составляетъ изученіе человѣческихъ обществъ въ ихъ измѣненіяхъ во времени. Названіе этой науки произошло отъ греческаго слова, обозначающаго «знаніе». Исторія и есть знаніе прошлой жизни человѣчества, знаніе минувшихъ событій, которыя имѣли мѣсто въ судьбѣ различныхъ общественныхъ соединеній, когда-либо существовавшихъ на землѣ—племенъ, народностей и государствъ. Только такія событія, или *факты*, которыя совершались внутри человѣческихъ обществъ и отразились на судьбѣ множества людей, и могутъ интересовать исторію. Исторія не занимается судьбой отдѣльныхъ личностей и событіями ихъ личной жизни.

Наиболѣе цѣнными и важными для изученія являются въ глазахъ историковъ такіе факты прошлаго, вліяніе которыхъ не ограничивается моментомъ ихъ возникновенія, а отражается и на послѣдующемъ времени и порождаетъ новыя событія, какъ причина порождаетъ слѣдствія. Точно установить всѣ эти факты и выяснить эту причинную связь между ними и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ историческаго изслѣдованія.

Возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ узнаетъ историкъ о событіяхъ прошлаго, которыя уже не существуютъ и не могутъ быть предметомъ непосредственнаго наблюденія, какъ явленія природы, изучаемыя натуралистами? Въ исторіи такому наблюденію нѣтъ мѣста. Одно изъ двухъ: или историкъ получаетъ свое знаніе о событіяхъ отъ другихъ лицъ, или сами событія не исчезли безслѣдно и оставили послѣ себя отпечатокъ, дошедшій до нашего времени.

Такимъ образомъ получаются два вида *историческихъ источниковъ*, то-есть свидѣтельствъ о прошломъ: 1) памятники *словесные*, то-есть устное преданіе и записи событій, и 2) памятники *вещественные*—разнообразные предметы, «остатки» старины.

Воспоминаніе о какомъ-нибудь событіи долго не исчезаетъ и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ народныхъ *пѣсняхъ и сказаніяхъ* можно найти свѣдѣнія объ очень отдаленныхъ временахъ. Русскія былины и историческія пѣсни помнятъ первыхъ кіевскихъ князей и татарское иго, Ивана Грознаго и смуту XVII вѣка; въ греческихъ поэмахъ «Иліада» и «Одиссея» отразился стариннѣйшій бытъ греческаго народа (за 800 лѣтъ до Рождества Христова). Многія важныя событія народной жизни запечатлѣлись въ поговоркахъ и мѣткихъ «крылатыхъ» словцахъ. Въ самомъ языкѣ, религіозныхъ вѣрованіяхъ, обрядахъ, забавахъ, обычаяхъ нерѣдко сохраняются слѣды далекаго исчезнувшаго прошлаго.

Съ появленіемъ письменности у каждаго культурнаго народа начинается записываніе событій его предшествовавшей жизни, появляется историческая литература, или *исторіографія*. Восточные цари приказывали увѣковѣчивать свои дѣянія въ *надписяхъ*, которыя вырѣзывались на стѣнахъ сооруженій или на особыхъ памятникахъ. Такихъ надписей дошло немало изъ древняго Египта и Вавилоніи. На высокой Бегистунской скалѣ (въ нынѣшней Персіи) до сихъ поръ видна обширная надпись, начертанная по повелѣнію древне-персидскаго царя Дарія Гистаспа и повѣствующая объ его торжествѣ надъ мятежными князьями.

Въ V в. до Р. Х. грекъ *Геродотъ*, «отецъ исторіи», описалъ великую борьбу за свободу, которую вели его соотечественники съ персидскимъ государствомъ. Другой замѣчательный греческій писатель *Ѳукидидъ* изобразилъ междоусобную войну Аѳинъ и Спарты. Въ древнемъ Римѣ было также немало писателей, описывавшихъ прошлое своего народа (самые замѣчательные— *Ливій* и *Тацитъ*). Въ средніе вѣка появилось множество записей событій, обыкновенно имѣвшихъ видъ *лѣтописей* (иначе называемыхъ «анналами»). Это было простое перечисленіе различныхъ достопамятныхъ событій (война, кончина государя, неурожай и моръ, небесныя знаменія), расположенныхъ по годамъ, безъ всякой внутренней связи. Обширныя лѣтописи образовались изъ краткихъ замѣтокъ, которыя дѣлались монахами на поляхъ пасхальныхъ таблицъ подъ соотвѣтствующими годами. Большое значеніе для исторіи имѣютъ также воспоминанія, или *мемуары*, отдѣльныхъ лицъ, появившіеся въ большомъ количествѣ въ новое время. Къ числу письменныхъ историческихъ источниковъ принадлежатъ различные документы, или *акты*. законы и указы, грамоты, договоры, судебные протоколы, дѣловыя и хозяйственныя записи; въ нихъ содержится много цѣнныхъ свѣдѣній о внутреннихъ порядкахъ государства, его промышленности и торговлѣ, устрой-

ствѣ суда и управленія и т. п. Въ XIX в. началось усердное изученіе этого историческаго матеріала, отличающагося большою точностью въ изображеніи событій. Для этого пришлось обратиться къ *архивамъ*, собраніямъ государственныхъ бумагъ и дѣловыхъ документовъ. Исторію новаго и особенно новѣйшаго времени невозможно теперь изучать безъ такихъ архивныхъ данныхъ.

Извѣстія, которыя содержатся въ устномъ преданіи и письменныхъ памятникахъ, необходимо подвергать провѣркѣ—*исторической критикѣ*. Историкъ долженъ отдѣлить въ нихъ свѣдѣнія достовѣрныя отъ такихъ, которыя искажены пристрастіемъ, враждой писавшаго, или основаны на недостаточномъ знаніи событій. Наименѣе достовѣрны народныя сказанія, гдѣ воспоминанія о дѣйствительныхъ событіяхъ всегда перемѣшаны съ вымысломъ. Письменныя записи являются вообще болѣе надежными и достовѣрными.

На ряду съ памятниками слова, большое значеніе имѣютъ для историка *вещественные остатки* прошлаго — старинныя постройки, произведенія искусства, монеты и оружіе, различные предметы повседневнаго быта—орудія, утварь, одежда и, наконецъ, остатки самого человѣка — черепа и скелеты людей древнихъ временъ. Эти «остатки» изучаются *археологіей*, наукой о старинѣ, и существенно дополняютъ извѣстія письменнаго и устнаго преданія, наглядно воспроизводя предъ нами домашній бытъ, жизненную обстановку различныхъ эпохъ. Много такихъ вещественныхъ остатковъ извлечено изъ глубины земли, благодаря раскопкамъ, которыя производились въ XIX вѣкѣ, главнымъ образомъ, въ странахъ древняго Востока, въ Италіи и Греціи: отрыты развалины дворцовъ и храмовъ египтянъ и ассиро-вавилонянъ, цѣлый римскій городъ Помпея, засыпанный во время изверженія Везувія въ 79 году по Р. Х. Особенно велико значеніе археологіи при изученіи древнѣйшей поры въ жизни народовъ—*первобытной культуры*, или доисторическаго времени, о которомъ молчатъ лѣтописцы и не помнитъ народное преданіе. Открытія, сдѣланныя благодаря раскопкамъ, какъ бы раздвинули предѣлы исторіи на нѣсколько тысячелѣтій назадъ: мы знакомы теперь съ бытомъ греческаго народа, когда онъ только еще усваивалъ начала культуры, принесенныя съ древняго Востока (микенская пора), въ южнорусскихъ курганахъ-могилахъ находимъ погребенія народовъ, жившихъ на русской равнинѣ задолго до появленія славянъ. Вещественные памятники разсказали даже о вѣрованіяхъ и порядкахъ древняго населенія. Сосуды для пищи и оружіе, находимые одинаково и въ

гробницахъ Египта и въ могильникахъ русскихъ степей, говорятъ намъ о вѣрѣ въ посмертное существованіе и сохраненіе земныхъ потребностей въ загробной жизни. Обстановка погребеній часто указываетъ на могущество племенныхъ вождей, на существованіе рабства и многоженства. Предметы, принесенные изъ области другой культуры, даютъ понятіе о сношеніяхъ племенъ между собой и вліяніи ихъ другъ на друга: напримѣръ, египетскіе предметы въ гробницахъ микенскаго времени въ Греціи. Оказалось возможнымъ даже раздѣлить доисторическое время на большіе періоды по матеріалу, изъ котораго изготовляли найденныя орудія, и по способу ихъ обработки. Археологи различаютъ каменный вѣкъ (въ которомъ отличаютъ вѣкъ оббитаго камня, или древнекаменный, и вѣкъ полированнаго камня, или новокаменный), бронзовый и желѣзный вѣка.

Въ XIX в. историческая наука достигла наибольшаго развитія и совершенства. Появилось огромное количество историческихъ сочиненій, которыя освѣтили со всѣхъ сторонъ прошлую жизнь человѣчества, насколько это возможно было сдѣлать на основаніи уцѣлѣвшихъ источниковъ. Появились великіе ученые, которые сдѣлали дѣломъ своей жизни усовершенствованіе пріемовъ изслѣдованія (критики источниковъ) и собираніе новаго историческаго матеріала. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ нѣмецкій историкъ Ранке, впервые указавшій на значеніе архивовъ въ изученіи новой исторіи, а также Нибуръ и Моммзенъ, которые приложили критическій способъ изслѣдованія къ исторіи древняго Рима и освободили ее отъ многихъ ошибочныхъ мнѣній. Благодаря росту матеріала и развитію критики, наше знаніе о прошломъ сдѣлалось несравненно болѣе точнымъ и пониманіе болѣе глубокимъ, чѣмъ въ прежніе вѣка, несмотря на то, что нынѣшніе историки болѣе удалены по времени отъ изучаемыхъ событій. Сложилось новое, болѣе правильное понятіе о самомъ ходѣ исторіи или, какъ говорятъ, объ *историческомъ процессѣ*.

Изучая исторію разныхъ народовъ, нетрудно убѣдиться, что она совершается путемъ безпрерывныхъ измѣненій во всѣхъ областяхъ жизни. Эти измѣненія происходятъ довольно медленно и часто незамѣтно для людей. Только на нѣкоторомъ протяженіи времени видно, какъ измѣнилась вся общественная жизнь. Мѣняются понятія и нравы, мѣняются способы производства, формы государственныхъ и общественныхъ отношеній, взгляды на религію и нравственность. Каждый вѣкъ имѣетъ свою физіономію, свои особенности, ничто не остается неизмѣннымъ. «Все течетъ», восклицалъ еще древній мыслитель. Современная наука говоритъ въ такихъ случаяхъ объ *эволюціи*, или развитіи.

Это измѣненіе общественной жизни совершается не безпорядочно и не случайно. Въ смѣнѣ событій возможно подмѣтить извѣстную правильность. Одному явленію всегда сопутствуетъ другое опредѣленное явленіе; зная данную группу явленій, мы можемъ иногда предугадать наступленіе другой опредѣленной группы событій. Можно говорить, такимъ образомъ, о *закономѣрности* историческаго развитія. Наукѣ не удалось раскрыть законовъ, управляющихъ историческими событіями и дѣйствующихъ съ такою же непреложностью, какъ законы, которымъ подчиняется жизнь всей природы (законы физическіе, химическіе и біологическіе). Быть-можетъ, такіе *историческіе законы* и не будутъ открыты вслѣдствіе ихъ крайней сложности. Возможно только указать на рядъ такихъ силъ и условій, вліяніе которыхъ проявляется въ исторіи съ замѣтнымъ постоянствомъ. Ихъ называютъ *факторами* (то-есть дѣятелями) историческаго процесса.

На первомъ мѣстѣ стоитъ природа, или *естественная среда*. Климатъ, географическое положеніе, устройство поверхности, направленіе рѣкъ или горныхъ хребтовъ, близость моря—все это неизбѣжно отражается на судьбахъ народа, опредѣляетъ его образъ жизни, даетъ направленіе занятіямъ, вліяетъ на государственное и общественное устройство. Въ умѣренномъ климатѣ обыкновенно легче возникаетъ и быстрѣе развивается общественная жизнь, чѣмъ въ климатѣ холодномъ, гдѣ человѣкъ всецѣло поглощенъ борьбой за жизнь, или тропическомъ, ослабляющемъ человѣческую энергію. Въ горныхъ пересѣченныхъ странахъ населеніе распадается на рядъ обособленныхъ общинъ (Греція, Швейцарія). Приморскія страны съ удобными бухтами воспитываютъ націю мореходовъ и торговцевъ (Финикія, Англія, Голландія). Въ плодородныхъ наносныхъ рѣчныхъ долинахъ земледѣльческій трудъ дѣлается основой народной жизни (Египетъ). Въ русской исторіи равнинность страны, распредѣленіе лѣса и степи имѣли сильное вліяніе на ходъ разселенія и народный характеръ.

Особенно велико значеніе природы на раннихъ ступеняхъ развитія: это—сила, которая «держитъ въ своихъ рукахъ колыбель каждаго народа» (Ключевскій). Съ культурнымъ развитіемъ человѣкъ все болѣе освобождается отъ подчиненія природѣ, и самъ становится ея владыкой, видоизмѣняетъ и приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ.

Природныя условія даютъ какъ бы внѣшнюю обстановку, возможность общественнаго развитія, и опредѣляютъ первоначальный характеръ занятій и быта народа (пастушество, земледѣліе, торговый обмѣнъ). Въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи общество подвергается ряду другихъ вліяній. Рѣдкій народъ

живетъ совершенно обособленно, не поддерживая сношеній съ окружающими общественными группами. При этомъ общеніи постоянно происходитъ взаимное подражаніе, обмѣнъ понятій, знаній, пріемовъ работы и т. п. (*культурное взаимодѣйствіе*). Иногда болѣе совершенная культура оказываетъ глубокое, рѣшительное вліяніе на культуру менѣе развитую: начинается сознательное усвоеніе и пересадка на родную почву чужихъ порядковъ и обычаевъ. Происходитъ какъ бы ускореніе историческаго процесса. Народъ-ученикъ стремится въ короткое время усвоить то культурное достояніе, что создавалось его болѣе зрѣлыми сосѣдями на протяженіи вѣковъ. Наглядные примѣры — время Петра Великаго въ Россіи и усвоеніе европейской культуры Японіей во второй половинѣ XIX вѣка.

Движеніе населенія (то-есть ростъ или убыль его) также не остается безъ вліянія на общественные порядки. Возрастаніе густоты населенія усиливаетъ борьбу за жизнь, за средства пропитанія, вызываетъ глубокія измѣненія въ хозяйственной жизни, напримѣръ, переходъ кочевой жизни пастуховъ-скотоводовъ въ осѣдлый земледѣльческій бытъ. Бываетъ, что избытокъ населенія, который не можетъ прокормиться на родинѣ, устремляется за ея предѣлы, колонизуетъ (заселяетъ) новыя области, иногда послѣ долгой борьбы съ старымъ туземнымъ населеніемъ. Такими переселеніями народовъ наполнена всемірная исторія. За 3000 лѣтъ до Р. Х. переселенцы семиты овладѣли Междурѣчьемъ (долина Тигра и Евфрата), гдѣ прежнее населеніе, сумеры, успѣло создать значительную культуру. Въ VII—V вѣкахъ до Р. Х. греческія поселенія охватили побережье всего Средиземнаго моря. Германцы IV—V в. по Р. Х. заняли области Западной Римской имперіи. Крестовые походы въ средніе вѣка были, въ сущности, также огромнымъ переселеніемъ западноевропейцевъ на Востокъ. Такія переселенія (эмиграціи) ведутъ къ плодотворному смѣшенію культуръ и усиленному взаимодѣйствію народовъ. Въ то же время уменьшеніе густоты населенія на старой родинѣ вызываетъ новыя измѣненія въ ея общественныхъ порядкахъ.

Одной изъ важнѣйшихъ дѣятельныхъ силъ въ ходѣ исторіи является *самъ человѣкъ*. Его матеріальныя потребности (въ одеждѣ, пищѣ и теплѣ), его стремленіе къ жизни и счастью и вся его работа, направленная къ удовлетворенію этихъ потребностей,— все это сильные мотивы историческаго движенія. Необходимость соединять усилія для добыванія и переработки благъ природы была толчкомъ къ образованію различныхъ общественныхъ соединеній, которыя возникали у людей съ самаго отдаленнаго времени, а цѣлыя тысячелѣтія совмѣстной жизни воспитали въ

душѣ человѣка новыя высшія понятія и чувства: связь со своимъ родомъ-племенемъ, любовь къ своей національности и родинѣ (патріотизмъ), потребность въ правильномъ порядкѣ (государство) и защитѣ личности (право). Новыя формы общественной жизни, созданныя человѣкомъ, въ свою очередь, становятся причиной дальнѣйшаго развитія и перемѣнъ. Могучей силой, напримѣръ, является *хозяйственный строй* общества, тѣ или другіе способы производства и обмѣна. Переворотъ въ способахъ производства измѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ общественнаго строя и политическія учрежденія. Промышленная революція въ Европѣ конца XVIII вѣка (возникновеніе фабричнаго машиннаго производства) вызвала въ слѣдующемъ вѣкѣ быстрое развитіе рабочаго класса и содѣйствовала упроченію демократическаго строя.

Въ борьбѣ съ природой человѣкъ накопляетъ новыя знанія о внѣшнемъ мірѣ и вырабатываетъ понятіе о своемъ положеніи въ природѣ. Постепенно умственная дѣятельность (наука) становится его потребностью и превращается въ силу воздѣйствующую на историческую жизнь. Отъ *уровня знаній* зависитъ многое въ борьбѣ съ природными препятствіями, и умѣнье использовать природныя богатства (техника), и формы государственнаго управленія, и даже взаимныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ.

Подъ могучимъ воздѣйствіемъ человѣческихъ потребностей и въ связи съ ростомъ знаній, въ человѣческихъ обществахъ происходитъ непрестанное созиданіе *идей*, новыхъ мыслей и изобрѣтеній. Творцами этихъ идей бываютъ выдающіяся личности, *великіе люди*, которые, однако, сами являются дѣтьми своего времени, созданіемъ своей общественной среды. Великіе дѣятели исторіи оказываютъ огромное вліяніе на общество, отгадывая его потребности и ярко выражая мысли, лишь смутно сознаваемыя массой, и стремясь къ ихъ осуществленію силой великаго ума и непреклонной воли. Многія новыя смѣлыя идеи гибнутъ, сталкиваясь съ *традиціей*, то-есть съ привычными воззрѣніями и порядками общества. Жизненныя идеи побѣждаютъ общественную косность и постепенно становятся всеобщимъ достояніемъ, подчиняя себѣ даже своихъ противниковъ. Побѣдоносная идея, захватившая широкіе народные слои, является мощнымъ двигателемъ событій. Такова была въ XI—XII вѣкахъ мысль объ освобожденіи святой земли, руководившая крестовыми походами, или въ XIX вѣкѣ идея конституціоннаго государства и народнаго представительства, во имя которой шла долгая борьба на Западѣ. Въ нѣкоторыя историческія эпохи столкновеніе новыхъ и старыхъ идей,

ихъ смѣна совершаются съ особенной напряженностью. Это эпохи смутъ, переворотовъ, критическія, или *переходныя*, когда на развалинахъ отжившаго прошлаго вырастаетъ новая жизнь и создается новый строй. Въ такія времена историческое развитіе идетъ ускореннымъ шагомъ, усиленно работаетъ мысль, происходитъ точно пересмотръ всѣхъ установившихся отношеній и взглядовъ. Другое дѣло, если традиція пріобрѣтаетъ въ обществѣ такую прочность и устойчивость, что успѣшно противодѣйствуетъ всякимъ нововведеніямъ. Удѣлъ подобныхъ обществъ (примѣромъ служитъ нынѣшній Китай) — культурный застой и отсталость въ сравненіи съ другими странами.

Природа, человѣческія потребности, ростъ населенія, вліяніе сосѣдей, формы хозяйственнаго строя, уровень знаній и работа мысли—таковы важнѣйшіе источники измѣненій, непрерывно совершающихся въ исторіи человѣчества, или *всемірной исторіи*. Главнымъ и самымъ цѣннымъ результатомъ всемірно-историческаго развитія является *культура*, или *цивилизація*, т.-е. достигнутое извѣстнымъ народомъ состояніе его матеріальной (внѣшней), общественной и духовной (умственной и нравственной) жизни.

Къ *матеріальной культурѣ* относятся тѣ способы, при помощи которыхъ человѣкъ добываетъ и перерабатываетъ дары природы (техника), и тѣ формы, которыя принимала въ различное время его внѣшняя жизнь (бытъ). Въ этой области человѣчество достигло своихъ величайшихъ успѣховъ. Отъ грубыхъ и несовершенныхъ способовъ передвиженія и поддержанія огня, отъ каменныхъ орудій и жалкихъ жилищъ первобытныхъ людей до примѣненія пара и электричества, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, фабричныхъ машинъ и «завоеванія воздуха» — таковъ огромный путь, пройденный человѣчествомъ въ его тысячелѣтнихъ усиліяхъ покорить природу и приспособить окружающій міръ къ своимъ потребностямъ.

Общественная культура, т.-е. различныя формы организаціи людей, развивается на почвѣ общественныхъ стремленій человѣка, его потребности во взаимопомощи и совмѣстной хозяйственной дѣятельности. Общественныя учрежденія отличаются большимъ разнообразіемъ и на протяженіи историческаго времени подвергались глубокимъ измѣненіямъ. Такъ, напримѣръ, случилось съ союзами *кровнаго родства*—материнской семьей и родомъ, которые у большинства народовъ уступили мѣсто индивидуальной семьѣ. Въ *экономическомъ* (хозяйственномъ) строѣ различныхъ народовъ также можно отмѣтить рядъ переходовъ и ступеней: бытъ бродячихъ охотниковъ и рыболововъ, бытъ скотоводовъ-кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ; хозяйство безъ

обмѣна («натуральное») съ преобладаніемъ земледѣлія смѣняется хозяйствомъ денежнымъ съ развитой промышленностью и торговлей. Въ *соціальномъ* (общественномъ) строѣ развитіе повсюду порождало расчлененіе на общественные классы, неравные по своему хозяйственному положенію (землевладѣлецъ, торговецъ, рабочій), и сословія, отличающіяся другъ отъ друга юридическими правами (знать, свободные, крѣпостные, рабы). Измѣнялись и формы *политическаго* строя: первобытная бродячая орда, или людская «стая», не имѣла даже простѣйшаго внутренняго устройства; впослѣдствіи возникали и государство-городъ (напр., въ древней Греціи), и государство-племя (у германцевъ), и государство-помѣстье (въ средніе вѣка на Западѣ), и національное государство (въ новое время), и большія политическія соединенія, объединявшія разноплеменные народы («всемірныя монархіи» древняго міра: Ассирія, Персія, Римская имперія) съ сложнымъ внутреннимъ управленіемъ и разнообразными формами политической власти (монархія, аристократія, народовластіе).

Духовная культура слагается изъ вѣрованій, знаній и понятій, живущихъ въ сознаніи народа или его образованныхъ слоевъ, въ видѣ религіи, нравственности, науки и искусства.

Народы, изъ которыхъ состоитъ великая семья человѣчества, принимали неодинаковое участіе въ созданіи культуры. Одни напр., австралійцы) — отчасти въ силу неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій—не обнаружили способности къ развитію и стоятъ до сихъ поръ на такомъ же низкомъ уровнѣ, какъ люди первобытнаго вѣка. Другіе (индусы, китайцы), несмотря на свою древнюю и значительную образованность, не имѣли почти никакого значенія въ исторіи, такъ какъ природа разъединяла ихъ съ остальнымъ человѣчествомъ. Наиболѣе дѣятельная роль въ исторіи принадлежала народамъ бѣлой расы, заселившимъ западную Азію и Европу и раздѣляющимся по языку и бытовымъ особенностямъ на двѣ большія группы: 1) *арійцевъ*, или *индоевропейцевъ* (персы, индусы, кельты, греки, италійцы, германцы, славяне, литовцы) и 2) *семитовъ* (ассиро-вавилоняне, евреи, финикійцы, арабы). Почти каждый изъ этихъ арійскихъ и семитскихъ народовъ внесъ свою лепту въ сокровищницу культурныхъ завоеваній человѣчества: одни являются творцами основъ науки и искусства (вавилоняне, греки), другіе — въ области религіозно-нравственныхъ воззрѣній (евреи, арабы) или въ области права и государственнаго строительства (римляне). Въ исторіи можно замѣтить *преемственность* народовъ и цивилизацій. Болѣе юные народы, позже вышедшіе изъ первобытнаго состоянія, воспринимаютъ достояніе народовъ болѣе древнихъ, чтобы передать

его въ переработанномъ видѣ позднѣйшимъ поколѣніямъ. Нынѣшнее человѣчество до сихъ поръ пользуется результатами умственной работы отдаленныхъ народовъ древности.

Исторія древняго міра начинается съ возникновенія древневосточной, или нильско-евфратской, культуры, созданной семитами Азіи (преимущественно, вавилонянами) и родственными семитамъ египтянами между 3500—500 годами до Р. Х. Выступленіе арійцевъ въ исторіи относится къ болѣе позднему времени (около XV в. до Р. Х.); въ лицѣ персовъ съ VI в. до Р. Х. арійцы получили политическое преобладаніе въ Передней Азіи. Развитіе народовъ древняго Востока еще не закончилось, когда на полуостровахъ Средиземнаго моря—Балканскомъ и Апеннинскомъ уже слагались культуры арійцевъ Европы—грековъ и италійцевъ (римлянъ и друг.), стоявшихъ въ началѣ своей исторіи подъ сильнымъ вліяніемъ Востока.

Съ упадкомъ греко-римской («античной») культуры начинается новый періодъ европейской исторіи, называемый *средними вѣками* (приблизительно 500—1500 г. по Р. Х.), когда руководящая роль принадлежала народамъ Западной Европы—германо-романскимъ, главнымъ образомъ, итальянскому, французскому, нѣмецкому и англійскому. Ближайшей преемницей греко-римской образованности въ средневѣковомъ мірѣ была полуславянская Византія въ восточной Европѣ, вліяніе греческой мысли сказалось и на блестящей цивилизаціи семитовъ-арабовъ въ западной Азіи и Африкѣ.

Въ *новое время* (послѣ 1500 г.) западно-европейская культура достигла своего высшаго расцвѣта и съ XIX в. обнаруживаетъ стремленіе сдѣлаться *всемірной* культурой: ея главныя пріобрѣтенія распространяются по всему земному шару—и въ странахъ, заселенныхъ европейцами (Америка, Австралія), и въ областяхъ древнихъ самостоятельныхъ цивилизацій (Индія, Японія, Китай) — все болѣе сближая враждебныя и чуждыя другъ другу отрасли человѣчества въ единствѣ общественныхъ учрежденій, научныхъ понятій и нравственныхъ идеаловъ.

2. Зачатки матеріальной культуры.

Условія, въ которыхъ мы живемъ, сложились не сразу, а постепенно, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, трудами, опытомъ и усиліями многихъ поколѣній. Мы къ этимъ условіямъ привыкли; они намъ кажутся до того простыми и естественными, что намъ даже странно перенестись мыслью къ тому времени,

когда ихъ не было. Намъ нелегко представить себѣ, какъ жилъ *первобытный человѣкъ*, потому что жизнь его совершенно не была похожа на нынѣшнюю. У него не было ни одежды, ни жилища, ни утвари; объ огнѣ онъ не имѣлъ никакого понятія; животныя были еще его врагами; съ себѣ подобными онъ не могъ объясняться, такъ какъ не умѣлъ говорить по-настоящему. Умъ его былъ слабо развитъ, а до всего надо было додумываться, все надо было изобрѣтать, и шло это, конечно, очень медленно.

Его окружала могучая природа, ежеминутно грозившая опасностями; но въ ней самой таились средства къ существованію и къ борьбѣ съ разными препятствіями.

Первыя ощущенія человѣка были тѣ же, которыя испытываетъ всякое живое созданіе: голодъ и холодъ. Чтобы поддерживать свою жизнь, ему нужна была пища. Онъ находилъ ее въ готовомъ видѣ въ лѣсу, въ полѣ, около воды: срывалъ ягоды, орѣхи и другіе плоды, выдергивалъ изъ земли луковицы и корни, собиралъ дикій медъ, птичьи яйца, не брезговалъ даже насѣкомыми, ѣлъ муравьевъ и личинокъ. Рѣка послѣ наводненія и море послѣ отлива оставляли на берегу рыбу и раковины со слизняками. Первобытные люди охотно этимъ питались. Остатки изъ раковинъ и рыбныхъ костей въ теченіе вѣковъ образовали длинныя береговыя гряды, или такъ называемыя «кухонныя кучи», которыя находятъ на всѣхъ побережьяхъ, гдѣ нѣкогда жилъ первобытный человѣкъ.

Однако, не всегда человѣку удавалось найти или припасти достаточное количество готовой ѣды и надо было ее добывать. Голодъ побудилъ его обратиться къ тому, что дѣлаютъ хищные звѣри,—искать животной пищи.

Онъ сталъ преслѣдовать звѣрей, охотиться на нихъ; но овладѣть ими было не такъ легко, они бѣгали и лазили быстрѣе его и въ случаѣ нападенія защищались зубами и когтями. Гдѣ нельзя было взять силой, человѣку приходилось дѣйствовать хитростью. Онъ видѣлъ, что иной крупный звѣрь, упавъ въ яму, не могъ оттуда выбраться, сталъ самъ рыть ямы и накрывать ихъ вѣтками, а когда звѣрь попадался въ ловушку, добивалъ его камнями или дубиной. Человѣкъ замѣтилъ, что звѣри набрасываются на пищу, и попробовалъ приманивать ихъ. Онъ ложился, держа въ рукѣ кусокъ рыбы или мяса, притворялся мертвымъ и внезапно схватывалъ руками мелкихъ звѣрей или птицъ, попадавшихся на хитрость. Это была первобытная западня, которая впослѣдствіи привела къ силкамъ и капканамъ.

Рыбу, которая въ изобиліи водилась въ рѣкахъ и озерахъ, первобытный охотникъ пробовалъ ловить при помощи палки. Опытъ скоро показалъ ему, что палка съ заостреннымъ сучкомъ или маленькой развилиной лучше задерживаетъ рыбу, чѣмъ совсѣмъ ровная. Это ужъ было подобіе багра.

Человѣкъ разрывалъ дичь руками, а гдѣ не могъ справиться, пользовался острымъ камнемъ, который находилъ гдѣ-нибудь подъ скалою; свою добычу онъ съѣдалъ сырьемъ или высасывалъ изъ нея кровь.

Въ погонѣ за дичью первобытный человѣкъ долженъ былъ постоянно рыскать, переходить съ мѣста на мѣсто, вести жизнь *бродячаго охотника*. Иногда охота являлась необходимостью, если подъ рукою не было растительной пищи. Понятно, что, питаясь такимъ образомъ, онъ и не могъ завести постояннаго жилища.

Чтобы укрыться отъ холода и непогоды, чтобы обезопасить себя отъ нападенія хищныхъ звѣрей врасплохъ, во время сна, человѣкъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь убѣжище. Природная пещера была для него готовымъ жилищемъ. По примѣру звѣрей, онъ приносилъ туда кучу сухихъ листьевъ или мху, которая служила ему постелью, складывалъ тамъ припасы и, наконецъ, соображалъ, что для полной защиты можно завалить входъ камнемъ. Если не попадалось пещеры, то человѣкъ устраивалъ себѣ жилье на деревѣ, устраивая среди вѣтвей настилку или небольшой помостъ. Въ дальнѣйшемъ онъ перенесъ это жилище на землю. Втыкая нѣсколько вѣтокъ или кольевъ и переплетая ихъ, онъ получилъ шалашъ, прикрывавшій вырытую имъ яму или землянку, а впослѣдствіи, научившись сдирать шкуры съ убитыхъ животныхъ, сталъ покрывать это сооруженіе шкурами, устраивая такимъ образомъ подобіе шатра. Шкуры представляли цѣнность, ихъ жаль было бросать; поэтому человѣкъ сталъ устраивать шатеръ такъ, чтобы при передвиженіи на новое мѣсто можно было его разобрать и взять съ собою.

Плодъ, трескающійся и разсыпающій сѣмена, навелъ человѣка на мысль, какъ *разводить растенія*. Первоначально онъ только разрыхлялъ землю палкой, или камнемъ и бросалъ въ нее сѣмена. Палка съ короткимъ толстымъ сучкомъ на концѣ уже представила подобіе мотыки. Нетрудно было убѣдиться, что тяжелая деревянная мотыка лучше проводитъ борозду, но изъ-за тяжести ее уже приходилось волочить по землѣ. Когда къ ней прибавили деревянную рукоятку для пахаря и шестъ, или дышло, для людей, тащившихъ это орудіе, то получился первобытный плугъ.

Первоначально первобытный человѣкъ пользовался камнями и палками въ томъ видѣ, какъ ихъ находилъ; потомъ сталъ обивать одинъ камень объ другой, чтобы заострить ихъ и придать имъ извѣстную форму, а съ теченіемъ времени научился обтачивать, шлифовать камни и заострять палки. Онъ привязывалъ камень къ палкѣ звѣриными жилами или полосками изъ звѣриныхъ шкуръ и, смотря по формѣ камня, тупого или заостреннаго, получалъ подобіе ножа, топора, молотка. Это были его *орудія*. Такихъ каменныхъ орудій различной отдѣлки не мало находятъ повсюду, гдѣ были поселенія первобытныхъ людей. Археологи назвали *каменнымъ вѣкомъ* все то время въ жизни человѣчества, когда оно еще не знало употребленія металловъ, при чемъ обыкновенно различаютъ вѣкъ грубо оббитаго камня (древнекаменный или палеолитическій) и вѣкъ полированнаго камня (новокаменный или неолитическій). Послѣдній вѣкъ отличается вообще бо́льшимъ развитіемъ и совершенствованіемъ культуры [1]).

Человѣкъ каменнаго вѣка былъ, такимъ образомъ, вооруженъ и могъ вести успѣшную борьбу съ самыми сильными животными. Его средства обороны и нападенія постепенно совершенствовались. Палка съ каменнымъ наконечникомъ превратилась въ копье, а тяжелая суковатая дубина—въ палицу, излюбленное оружіе первобытнаго человѣка. Пробираясь по лѣсной чащѣ, онъ неоднократно наблюдалъ, что упругая вѣтка, разгибаясь, можетъ отбросить предметъ на большое разстояніе. Плодомъ этого наблюденія явился *лукъ*, замѣчательное изобрѣтеніе древняго человѣка, свидѣтельствующее о творческой работѣ его мысли.

Важнымъ успѣхомъ человѣка было также *прирученіе животныхъ*. Возможно, что первоначально животныхъ приручали для забавы и лишь постепенно пришли къ сознанію, что прирученныя животныя, особенно рогатый скотъ, могутъ доставлять различныя хозяйственныя выгоды, тѣмъ болѣе, что охота все меньше обезпечивала существованіе по мѣрѣ умноженія числа людей и уменьшенія запасовъ дичи.

Важнѣе всего для человѣка былъ рогатый скотъ. Эти животныя давали ему пищу въ видѣ молока, когда онъ научился доить самокъ. Убивая животныхъ, онъ пользовался ихъ мясомъ, жилами и шкурами; наконецъ приспособилъ ихъ для перевозки, навьючивая на нихъ весь свой скарбъ, когда переходилъ на новое кочевье.

---

[1]) Смотри «Нар. Энц.» томъ VI, стр. 427.

Убѣдившись, какую пользу приносятъ ему животныя, человѣкъ сталъ разводить ихъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался *скотоводомъ*. Скоту необходимы были пастбища, и человѣкъ сталъ жить на одномъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока былъ подножный кормъ для животныхъ. Какъ только кормъ подходилъ къ концу, онъ долженъ былъ переходить на новыя мѣста со своими стадами. Такимъ образомъ скотоводу по необходимости приходилось быть *кочевникомъ*.

Если пастбище было хорошее, владѣлецъ стада оставался на одномъ мѣстѣ довольно долго. Тогда онъ успѣвалъ сдѣлать посѣвъ и собрать жатву. Такимъ образомъ онъ былъ одновременно и пастухомъ и земледѣльцемъ.

Бродячіе охотники не обзаводились ни постояннымъ жильемъ, ни утварью; бродя въ поискахъ за дичью, они ночевали, гдѣ придется. Обзаводиться имуществомъ имъ не было смысла, иначе пришлось бы постоянно переносить его съ собою, что было бы только помѣхой при охотѣ. Пастухи-кочевники уже жили нѣсколько лучше. Оставаясь дольше на одномъ мѣстѣ, чѣмъ охотники, они старались устроить свою жизнь спокойнѣе и удобнѣе. Присутствіе домашнихъ животныхъ обезпечивало ихъ отъ голодной смерти, тогда какъ охотнику приходилось постоянно этого бояться. Нравы сдѣлались мягче и человѣчнѣе, чѣмъ у охотничьихъ племенъ, потому что убійство животныхъ смѣнилось уходомъ за ними.

Кочевой бытъ скотоводовъ держится до тѣхъ поръ, пока пастбища въ изобиліи и населеніе еще не слишкомъ густо. Постепенно, съ разрастаніемъ населенія, обнаруживается недостатокъ въ пастбищной землѣ, и является необходимость все больше заниматься хлѣбопашествомъ, сокращая для этого площадь кочевья.

Когда земледѣліе изъ случайнаго занятія сдѣлалось постояннымъ, когда человѣкъ усовершенствовалъ способы обработки земли и воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ, онъ совсѣмъ пересталъ кочевать, осѣлъ на мѣстѣ, повелъ *осьдлую* жизнь.

Избавленный отъ скитаній, онъ еще болѣе сталъ заботиться объ улучшеніи своего быта, стремился усовершенствовать жилище и сдѣлать его прочнѣе. Накладывая рядами камни, онъ возводилъ цѣлыя постройки, хотя еще не умѣлъ связывать, камней и только засыпалъ свободные промежутки землею или законопачивалъ дерномъ. Большимъ шагомъ впередъ были бревенчатыя постройки. Укрываясь отъ преслѣдованія враговъ, человѣкъ старался сдѣлать жилье свое какъ можно безопаснѣе. Часто онъ строилъ хижины надъ водою: вбивалъ въ дно сваи, которыя скрѣп-

лялись настилкою изъ вѣтвей и цѣльныхъ бревенъ, и на этихъ мосткахъ возводилъ одну или нѣсколько хижинъ; стѣны дѣлались изъ жердей, переплетенныхъ вѣтвями и обмазанныхъ глиной. Остатки такихъ *свайныхъ построекъ* встрѣчаются до сихъ поръ среди болотъ и озеръ въ различныхъ странахъ (Швейцарія, Франція, Италія и друг.).

Наткнувшись на глинистую почву, размокшую отъ дождя, человѣкъ замѣтилъ, что мокрая глина липнетъ и вязнетъ, а засыхая, становится твердой и не пропускаетъ влаги. Это могло привести его къ мысли обмазывать глиной плетенки, чтобы сдѣлать ихъ непроницаемыми для воды, и, наконецъ, лѣпить посуду изъ одной глины. Такъ возникло *гончарное ремесло*, достигшее затѣмъ большого совершенства съ изобрѣтеніемъ гончарнаго круга.

Живя вблизи воды, человѣкъ не могъ не замѣтить, что нѣкоторые предметы, напримѣръ, дерево, плаваютъ по водѣ, а, ухватившись за плывущее бревно, убѣждался, что оно можетъ поддерживать его на водѣ. Этимъ было положено начало передвиженію по рѣкѣ или озеру. Изъ нѣсколькихъ скрѣпленныхъ бревенъ образовался плотъ; изъ копья или шеста, при помощи котораго пловецъ отталкивался при передвиженіи, выработалось весло. Первобытная лодка получилась изъ выдолбленнаго или выжженнаго внутри бревна. Какая-нибудь случайно воткнутая въ дно лодки вѣтка съ листьями показала человѣку, что можно пользоваться силою вѣтра, который, встрѣчая сопротивленіе, толкаетъ, гонитъ лодку: возникъ простѣйшій парусъ.

По мѣрѣ того, какъ первобытный человѣкъ, разселяясь, переходилъ изъ жаркихъ странъ въ болѣе холодныя, вопросъ объ *одеждѣ* получилъ для него большое значеніе. Уже давно онъ овладѣлъ сноровкой въ изготовленіи сѣтей, грубаго плетенья и т. п. изъ растительныхъ волоконъ, соломы или тонкихъ прутьевъ. Сдѣлавшись скотоводомъ, человѣкъ дошелъ до того, что сталъ стричь овецъ и козъ и научился скручивать, прясть шерсть. Переплетаніе волоконъ, нитокъ, шерстинокъ было началомъ *ткацкаго ремесла*.

Тканями человѣкъ сталъ пользоваться для изготовленія платья. Пока онъ еще не умѣлъ дѣлать тканей, онъ носилъ для защиты отъ холода звѣриныя шкуры и мѣха. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было жарко, человѣкъ всегда носилъ что-нибудь на тѣлѣ, ради украшенія. Для этого онъ пользовался листьями или корою деревьевъ, изъ которыхъ изготовлялъ повязку на бедра; нанизывая раковины, получалъ ожерелья и браслеты, которыми любилъ украшать себя. Нравились ему также разноцвѣтныя перья птицъ,

изъ которыхъ выдѣлывались головные уборы. Одежда первобытнаго человѣка, какъ и его орудія, постепенно совершенствовалась и усложнялась. Сначала онъ просто заворачивался въ кусокъ ткани или накидывалъ на себя шкуру, а потомъ научился сшивать отдѣльные куски при помощи острыхъ рыбьихъ костей, сухихъ жилъ или волоконъ растеній, служившихъ нитками.

Человѣкъ замѣтилъ, что сокъ нѣкоторыхъ растеній имѣетъ красящія свойства. Онъ сталъ окрашивать имъ шкуры и ткани и наводить разноцвѣтные узоры на своемъ тѣлѣ, втирая краску въ уколы, сдѣланные на кожѣ. Такое раскрашиваніе тѣла, или татуировка, считалась большимъ украшеніемъ и служила дополненіемъ или замѣною одежды.

Чрезвычайно важнымъ въ жизни человѣка сдѣлалось *примѣненіе огня*. Онъ видѣлъ огонь въ природѣ, когда разливался потокъ лавы или когда молнія разжигала дерево, и его поражала яркость и теплота огня. Животныя тоже приходятъ погрѣться къ зажженному молніей костру, но они не догадываются, что этотъ огонь можно поддерживать. Долго не догадывался и человѣкъ; но когда онъ сообразилъ, что подбрасывая топливо, можно не дать огню погаснуть, то сдѣлалъ великое открытіе. Огонь могъ горѣть у него непрерывно, имъ можно было пользоваться во всякое время, «переносить» огонь въ видѣ пылающей головни и зажигать у себя въ жилищѣ.

Опытъ, вѣроятно, показалъ человѣку, что хворостъ горитъ лучше сырыхъ вѣтокъ. Случайно онъ могъ также натолкнуться на то, что при треніи сухихъ полѣньевъ можно добыть огонь, или же оббивая кусокъ желѣзной руды камнемъ, замѣчалъ онъ, что отъ высѣканія получаются искры. Тогда онъ ужъ былъ обезпеченъ огнемъ даже при кочевьяхъ. Вращая сухую палочку въ просверленномъ бревнѣ или высѣкая искру, онъ подкладывалъ легко воспламеняющійся матеріалъ—сухой мохъ, сухіе листья, трутъ—и этимъ способомъ зажигалъ огонь.

Трудно перечислить всѣ великія услуги, какія оказывало примѣненіе огня. Заселеніе холодныхъ областей было бы безъ него немыслимо. Огонь давалъ могучую защиту отъ дикихъ звѣрей, разсѣевалъ тьму ночи, среди которой первобытный человѣкъ чувствовалъ себя безпомощнымъ и одинокимъ, окруженнымъ враждебными духами. Недаромъ огонь у древнѣйшихъ народовъ пользовался религіознымъ почитаніемъ, какъ благодѣтельный богъ-покровитель дома. Домашній очагъ сдѣлался средоточіемъ, вокругъ котораго сплачивалась старинная семья: мѣсто у огня было первымъ пріютомъ бродячаго охотника-мужчины, а поддержаніе огня важнѣйшимъ дѣломъ женщинъ.

Найдены были способы изготовленія—сначала жаренія, а послѣ также варки — пищи на огнѣ. Это тоже было значительнымъ событіемъ, такъ какъ вареная пища усвоивается гораздо легче сырой. Огонь послужилъ для многихъ усовершенствованій — обжиганія глиняной посуды и кирпичей, закалки деревянныхъ копій, устройства переноснаго освѣщенія въ видѣ осмоленнаго факела или свѣтильника, наполненнаго жиромъ.

Наконецъ, съ помощью огня стало возможнымъ обрабатывать *металлы*. Разведя случайно огонь на глыбахъ руды, человѣкъ могъ замѣтить, что металлъ отъ огня размягчается, и ему можно придать какую угодно форму. Такъ онъ научился ковать, при чемъ первоначально наковальней и молотомъ служили просто камни. Замѣтивъ дѣйствіе очень сильнаго жара на металлъ, человѣкъ научился выплавлять его изъ руды.

Изъ металловъ сдѣлались извѣстны раньше всего золото, мѣдь и олово, позднѣе уже серебро и желѣзо. Сплавъ мѣди съ оловомъ, или бронза, какъ болѣе легкій для обработки, чѣмъ чистая мѣдь, привлекъ къ себѣ вниманіе человѣка. Бронзу можно было не только ковать, но и отливать въ формахъ изъ песку. Желѣзо поддавалось ковкѣ гораздо труднѣе, и человѣку пришлось немало поработать, пока онъ научился его выдѣлывать. Находки при раскопкахъ часто даютъ возможность прослѣдить, какъ грубыя каменныя орудія древнихъ людей уступали мѣсто бронзовымъ и желѣзнымъ (*бронзовый* и *желѣзный* вѣка), при чемъ, однако, долго не исчезали совершенно. У нѣкоторыхъ народовъ бронзовыя издѣлія вошли въ употребленіе раньше желѣзныхъ, у другихъ—наоборотъ.

Примѣненіе металловъ подвинуло человѣка далеко впередъ. При хорошемъ вооруженіи онъ успѣшнѣе охотился и легче отбивался отъ враговъ. Пользуясь металлическими инструментами, онъ постепенно развилъ промыслы и ремесла, которые въ наши времена достигли такого совершенства. Если бы человѣкъ не зналъ употребленія металловъ, то машины, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, телефонъ и прочія великія изобрѣтенія, которыми мы теперь пользуемся, не могли бы, конечно, имѣть мѣста.

Во всемъ и вездѣ природа была великой наставницей человѣка и давала ему не только возможность къ существованію и улучшенію условій жизни, но также пищу для наблюденій и для развитія ума.

Гдѣ бы ни приходилось быть человѣку, онъ всегда долженъ былъ приспособляться къ окружающей природѣ и пользоваться тѣмъ, что она могла ему дать. Поэтому и жизнь людей въ различныхъ мѣстахъ земного шара сложилась не одинаково. Нельзя въ

точности сказать, возникла ли жизнь человѣчества одновременно во многихъ мѣстахъ, или всѣ люди, передвигаясь, выселились изъ какой-нибудь одной страны; но, какъ бы то ни было, *переселенія людей* ведутъ начало съ сѣдой старины. Вызывались они первоначально необходимостью искать пропитанія, когда оно истощалось или когда въ одномъ мѣстѣ скоплялось слишкомъ много людей, такъ что пропитанія не хватало на всѣхъ.

Переселяясь, одни племена и народы встрѣчались съ другими. Подчасъ они враждовали, истребляли другъ друга, но подчасъ заимствовали одни отъ другихъ разныя знанія и навыки, и эти заимствованія шли на обоюдную пользу.

Въ глубокихъ ущельяхъ или среди неприступныхъ горъ, гдѣ сношенія были затруднены, люди сталкивались рѣже, и туда рѣже доходили извнѣ какіе-нибудь успѣхи цивилизаціи. Зато на просторѣ равнинъ и по теченію большихъ рѣкъ, гдѣ люди постоянно селились и передвигались, цивилизація стояла гораздо выше и развивалась несравненно быстрѣе.

3. Общественныя учрежденія и умственная жизнь первобытныхъ людей.

Первобытный человѣкъ вынужденъ былъ заботиться о добываніи пищи, чтобы поддерживать свое существованіе; эти заботы привели его къ изобрѣтенію орудій и оружія, къ добыванію огня, къ развитію земледѣлія и скотоводства. Если бы человѣкъ жилъ въ одиночку, то все, что онъ придумывалъ, пропадало бы безслѣдно, исчезало бы вмѣстѣ съ нимъ; но люди съ глубочайшей древности жили *обществами*, и потому опытъ каждаго человѣка шелъ на пользу остальнымъ. Они многое перенимали другъ отъ друга, многому такимъ образомъ выучивались и работали сообща.

Даже животныя селятся обществами, какъ муравьи и пчелы, или соединяются въ стада и стаи, когда нужно перекочевывать и обороняться отъ враговъ. Они безсознательно, инстинктивно чувствуютъ, что совмѣстная работа поможетъ имъ сдѣлать то, чего каждый въ отдѣльности собственными силами не можетъ выполнить. Человѣкъ еще больше, чѣмъ животное, склоненъ къ общественной жизни, и одиночество является для него самымъ тяжкимъ испытаніемъ. Общественная жизнь дѣлаетъ человѣка умнѣе и сильнѣе, она дѣлаетъ его трудъ производительнѣе, и рѣшительно всѣми своими культурными успѣхами человѣчество обязано общественной жизни.

Только въ общественной средѣ и могъ возникнуть человѣческій *языкъ*, который, въ свою очередь, сталъ средствомъ дальнѣйшаго развитія общественности. Общеніе людей между собою никогда не могло бы имѣть такого огромнаго значенія, если бы люди не нашли способа дѣлиться мыслями, если бы они не научились говорить и понимать другъ друга.

Объясняться звукомъ, крикомъ могутъ и животныя, но у нихъ крикъ выражаетъ лишь немногія ощущенія: болѣзненный крикъ означаетъ, что животное ранено, тревожный — что ему грозитъ опасность, радостный — что оно овладѣло добычей, призывный—что надо собираться вмѣстѣ.

Вѣроятно, первобытный человѣкъ сначала объяснялся съ себѣ подобными при помощи такихъ же выкриковъ и восклицаній, которые невольно вырывались изъ его груди въ минуту торжества или опасности, подъ вліяніемъ боли или страха. Для окружающихъ было почти всегда понятно значеніе любого крика, такъ какъ они отлично знали всѣ обстоятельства несложной первобытной жизни, способныя вызвать то или другое ощущеніе. Постепенно различные звуки получили постоянный опредѣленный смыслъ, стали намѣренно произноситься, чтобы вызвать въ другомъ человѣкѣ извѣстную мысль. Возникли новые звуки и слова для обозначенія знакомыхъ всѣмъ предметовъ. Долго, при скудости древняго языка, приходилось дополнять и пояснять рѣчь посредствомъ тѣлодвиженій и жестовъ, какъ и въ наше время объясняются люди, говорящіе на разныхъ языкахъ и не понимающіе другъ друга.

У первобытныхъ людей мыслей и знаній было мало, поэтому и словъ имъ нужно было немного. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ больше у него запасъ словъ и тѣмъ сложнѣе языкъ, на которомъ онъ говоритъ. Слово принимаетъ различныя формы, отъ одной основы или корня образуются другія слова, напримѣръ: домъ, домашній, домовитый, домосѣдъ и т. д. Слова измѣняются въ окончаніяхъ, образуютъ различныя сочетанія, сплетаются между собою, какъ раскидистыя вершины деревьевъ въ лѣсу; но чтобы языкъ достигъ такого развитія, нужны вѣка и даже тысячелѣтія.

Языки, возникшіе въ разныхъ мѣстахъ земного шара, не сходны между собою. Однако, языки народовъ, жившихъ близко другъ отъ друга, имѣютъ общіе корни и, несмотря на нѣкоторыя различія, принадлежатъ, какъ принято выражаться, къ одному семейству [1]).

[1]) О происхожденіи языка и семьяхъ языковъ см. «Нар. Энц.» томъ VII, стр. 102—105.

Тѣ языки, на которыхъ говорили древніе народы, мало-помалу исчезали, уступая мѣсто другимъ. Но и болѣе поздніе языки не остаются застывшими, неподвижными: они постоянно измѣняются. У человѣка появляются новыя познанія, новыя понятія, для нихъ придумываются новыя слова, которыя входятъ въ обиходъ, а устарѣвшія отпадаютъ или замѣняются другими. Если сравнить, напримѣръ, нашъ языкъ съ тѣмъ, на которомъ говорили наши предки лѣтъ 700 тому назадъ, то разница окажется очень значительной; даже за послѣднія двѣсти лѣтъ произошла немалая перемѣна въ словахъ и оборотахъ рѣчи.

На зарѣ общественной жизни мы встрѣчаемъ *семью*. Это не была та семья, какую мы знаемъ теперь. Въ различныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ, супружескія отношенія мѣняли свою форму: гдѣ господствовали временные браки, гдѣ многомужіе, гдѣ многоженство; но основой древней семьи было не отношеніе мужа къ женѣ, а отношеніе матери къ ребенку, такъ какъ этому отношенію сама природа придала извѣстную устойчивость. Ребенокъ рождается слабымъ и безпомощнымъ, онъ нуждается въ заботахъ и уходѣ со стороны матери. Мать отъ природы нѣжно любитъ своихъ дѣтей, и дѣти, въ свою очередь, привязываются къ ней. Она учитъ ихъ говорить, съ терпѣніемъ повторяя и поправляя каждое слово, которое ребенокъ лепечетъ на свой ладъ. И оттого родной языкъ человѣка, которому научаетъ его мать, называется «материнскимъ». Близкая связь между матерью и дѣтьми положила начало семьѣ, гдѣ ребенокъ считался принадлежащимъ матери, независимо отъ того, живъ ли былъ его отецъ и кто онъ былъ. Основой этой семьи было такъ называемое *материнское право*, когда родство исчислялось по матери, а не по отцу, и женщина была правительницей дома. Она заботилась о жилищѣ, гдѣ укрывались дѣти, поддерживала огонь на очагѣ, дѣлала всякія работы въ домѣ и около дома: шила одежду и воздѣлывала поле въ то время, какъ мужчина еще велъ бродячую подвижную жизнь охотника и чуждался постояннаго труда.

Дальнѣйшія измѣненія въ семейномъ и общественномъ быту стоятъ въ связи съ появленіемъ *собственности*, т.-е. имущества, которое человѣкъ держалъ для себя, не хотѣлъ никому отдавать и оберегалъ отъ посягательства другихъ людей. Это были прежде всего издѣлія его рукъ — утварь, оружіе, одежда, жилище; потомъ прирученныя животныя, которыхъ онъ считалъ своими, потому что на прирученіе и уходъ за ними нужно было затратить не мало труда. Собственностью считался еще урожай зерна или плодовъ, собранный человѣкомъ; но долго онъ

не заявлялъ никакихъ правъ на землю, которая давала урожай, и не считалъ ее своей. Земля, которая была въ изобиліи, не имѣла никакой цѣнности и представляла собой такое же благо природы, всѣмъ доступное, какъ свѣтъ и тепло солнца или воздухъ. Право собственности на землю стало складываться довольно поздно, когда земледѣліе успѣло сдѣлаться важнымъ источникомъ существованія, а удобныхъ земельныхъ участковъ стало недостаточно для разросшагося населенія.

Изъ-за собственности происходили стычки и даже войны: одни люди угоняли у другихъ скотъ, похищали женщинъ, отнимали припасы. Мало того, побѣдители превращали побѣжденныхъ въ *рабовъ* и такимъ образомъ дѣлали людей своей собственностью.

Господство надъ такимъ маленькимъ міркомъ, построенное на силѣ, создало новыя отношенія. Мужчина сдѣлался *господиномъ* дома, жены, дѣтей, рабовъ и имущества и положилъ начало новой формѣ семьи—*патріархальной*. Въ то время, какъ прежняя материнская семья основывалась на кровномъ родствѣ и привязанности къ ребенку, отцовская патріархальная семья опирается прежде всего на право собственности повелителя-мужчины. Женщина, добытая похищеніемъ, или «умыканіемъ», которое впослѣдствіи замѣнилось покупкой жены, является въ этой семьѣ вещью, рабочей силой, служанкой; дѣти подчинены суровой неограниченной «отцовской власти».

Дѣти, подрастая, обзаводились своими семьями, но не отдѣлялись отъ родителей, и всѣ вмѣстѣ составляли большія семейныя общины, среди которыхъ были люди, принадлежавшіе къ нѣсколькимъ поколѣніямъ. Союзъ этихъ разросшихся семей, соединенныхъ сознаніемъ кровнаго родства, происхожденіемъ отъ общаго родоначальника, составлялъ *родъ*. До возникновенія государства родъ былъ единственной силой, которая охраняла жизнь и безопасность человѣка; внѣ рода невозможно было существовать. Земля и скотъ были въ совмѣстномъ родовомъ владѣніи, хозяйство, работа—все велось сообща. Родичи крѣпко держались другъ за друга и за обиду, нанесенную кому-либо изъ рода, или за убійство мстили сообща виновнику и его роду (кровная или *родовая месть*). Во главѣ родового союза стоялъ старѣйшій въ роду,—патріархъ, или родовладыка. Онъ руководилъ дѣлами семьи, назначалъ работы, распоряжался имуществомъ, велъ на войну, творилъ судъ, выполнялъ религіозные обряды.

Иногда нѣсколько родовъ селились вмѣстѣ, и возникало *племя*. Защищаться цѣлымъ племенемъ отъ нападенія враговъ было надежнѣе, чѣмъ каждому роду въ отдѣльности. На время войны

племя выбирало предводителя, военачальника, обыкновенно изъ храбрѣйшихъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ соплеменниковъ.

Управленіе и судъ сосредоточились въ рукахъ наслѣдственнаго племенного *князя*, происходившаго изъ знатнѣйшаго рода. Ему помогалъ *совѣтъ* старѣйшихъ родовладыкъ, которые знали старинный законъ и обычай. Въ важнѣйшихъ случаяхъ созывалась племенная сходка, или *вѣче*.

Дальнѣйшее развитіе человѣческихъ обществъ, образованіе обширныхъ союзовъ, *государствъ*, совершалось, большею частью, благодаря завоеваніямъ. На первыхъ ступеняхъ своего существованія государство представляло собою общественное учрежденіе, навязанное силой побѣдителями побѣжденнымъ для того, чтобы упрочить свое господство надъ послѣдними и пользоваться результатами ихъ труда. Въ военныхъ столкновеніяхъ племенъ перевѣсъ оказывался обыкновенно на сторонѣ номадовъ—пастуховъ; воинственные и подвижные кочевники чаще всего являлись основателями первоначальныхъ государствъ, подчиняя своему господству сосѣднія болѣе мирныя, прикованныя своимъ занятіемъ къ одному мѣсту земледѣльческія племена. Побѣдители взимали въ свою пользу излишекъ, получавшійся отъ хозяйственнаго труда покоренныхъ въ видѣ извѣстной доли урожая, подати или дани, и зато оберегали земледѣльцевъ отъ набѣговъ другихъ кочевниковъ. Чтобы удобнѣе осуществлять обѣ эти задачи, господствующее племя нерѣдко поселялось въ той же области, и такимъ образомъ происходило медленное сліяніе обѣихъ группъ въ одинъ народъ съ общею религіей и общимъ языкомъ, при чемъ потомки побѣдителей занимали высшее положеніе (военное сословіе, знать, свободные), тогда какъ покоренные спускались на ступень зависимаго крѣпостного крестьянства или даже рабовъ.

Въ государствахъ, основанныхъ на завоеваніи, надъ всѣмъ населеніемъ возвышалась неограниченная, деспотическая власть царей-завоевателей, которая одна могла удержать въ повиновеніи покоренный народъ и обезпечить интересы высшаго сословія. Царь былъ полновластнымъ господиномъ. Онъ распоряжался жизнью и смертью всѣхъ, опредѣлялъ каждому его работу и положеніе; только отъ его имени могло совершаться правосудіе. Власть царя переходила по наслѣдству къ его потомкамъ. Земля, на которой устраивалось государство, считалась государственнымъ владѣніемъ, и ею распоряжался царь, подобно тому, какъ патріархъ распоряжался имуществомъ семьи.

Таковы были зачатки государственнаго устройства, которое впослѣдствіи въ теченіе ряда вѣковъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ причинъ, подверглось различнымъ измѣненіямъ, усовершенствованіямъ и преобразованіямъ.

Первобытный человѣкъ собственными руками дѣлалъ все, что необходимо было для его обихода. Онъ самъ зналъ всѣ работы, всѣ ремесла, и немудрено, потому что они еще были очень несложны. Въ большой патріархальной семьѣ тоже все дѣлалось для себя собственными силами, но работы уже начали распредѣляться между отдѣльными членами семьи: кто плотничалъ, кто лѣпилъ кирпичи, кто пахалъ поле, кто ладилъ инструменты или повозки, кто ковалъ, кто ткалъ. При этомъ выяснялось, къ какой именно работѣ склоненъ и способенъ тотъ или иной человѣкъ; работая постоянно надъ однимъ и тѣмъ же, онъ придумывалъ лучшіе пріемы и совершенствовался въ своемъ дѣлѣ. Такъ уже съ самыхъ древнихъ временъ возникаютъ спеціальныя занятія, появляется общественное *раздѣленіе труда*.

Чтобы вырабатывать все для себя, семья старалась завести какъ можно больше рабочихъ рукъ. Это дѣлалось разными способами: то мужчины брали въ домъ по нѣсколько женъ, то добывали рабовъ, чтобы обезпечить себя даровыми работниками.

Древнее хозяйство было хозяйствомъ безъ обмѣна или, какъ его обыкновенно называютъ, *натуральнымъ хозяйствомъ*. Все, что производилось въ собственномъ хозяйствѣ, расходовалось только для себя и на сторону не шло. Но иногда вещи переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія: то люди изъ разныхъ семействъ дѣлали другъ другу подарки, то путемъ захватовъ и грабежей присвоивали собственность сосѣдей. Тутъ люди могли видѣть, что не всегда то лучше, что они сами дѣлали,—иногда сосѣди оказывались искуснѣе въ томъ или другомъ производствѣ.

Первоначальнымъ способомъ присвоенія необходимаго былъ насильственный захватъ, но невозможность добывать всѣ нужные предметы путемъ насилія неизбѣжно должна была привести къ установленію мирныхъ торговыхъ сношеній—*мѣновой торговли*—обмѣниванія предмета на предметъ. Обмѣнъ появляется на сравнительно высокихъ ступеняхъ развитія. Предметами его первоначально служатъ такіе хозяйственныя блага, которыя встрѣчаются только въ опредѣленныхъ мѣстахъ и находятся въ исключительномъ распоряженіи того или другого племени, напримѣръ: рыба, соль, глина и кремень, необходимые для гончарныхъ издѣлій и выдѣлки каменныхъ орудій.

Легче всего мѣна, или мѣновая торговля, производилась на какой-нибудь ходкій товаръ, который цѣнился почти повсюду,

и становился единицей обмѣна; смотря по мѣстности, получали такое значеніе то дорогія шкуры,—куньи, собольи,—то раковины, то соль, то, наконецъ, металлы, особенно серебро и золото. Металлы были удобнѣе тѣмъ, что занимали мало мѣста и не измѣнялись, могли долго сохраняться.

Когда кускамъ драгоцѣнныхъ металловъ стали придавать опредѣленный вѣсъ и обозначать этотъ вѣсъ на самомъ металлѣ извѣстнымъ знакомъ, появилась *монета*, постоянная единица стоимости, благодаря которой торговый обмѣнъ значительно усилился и облегчился.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ приручилъ животныхъ и переложилъ на нихъ часть своей работы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ изобрѣлъ орудія, облегчавшія ему трудъ, онъ вступилъ на путь своего высшаго развитія. Жизнь его не наполнялась уже исключительно заботами о пропитаніи. Онъ имѣлъ достаточно досуга, чтобы присматриваться къ окружающей природѣ, чтобы задуматься о томъ, что возлѣ него совершается. Онъ сталъ умственно развиваться, *мыслить*.

Его познанія были еще такъ ничтожны, что онъ не могъ объяснить себѣ даже тѣхъ явленій, которыя намъ теперь кажутся самыми простыми. Все манило его своей загадочностью. Особенно интересовала его тайна жизни и смерти. Вотъ человѣкъ ходитъ, работаетъ, говоритъ, но его пронзаетъ стрѣла, и онъ падаетъ мертвымъ. Казалось, что его покинуло живое существо—духъ, двойникъ человѣка. Духъ отдѣляется отъ тѣлесной оболочки, но продолжаетъ жить: необходимо позаботиться объ его существованіи, доставлять ему пищу и питье. Духи могущественныхъ людей—вождей, родовладыкъ, становились предметомъ почитанія всѣхъ родичей. Привыкнувъ почитать патріарха-отца, чтили такъ же и его душу послѣ смерти. Жилищемъ ея считали то мѣсто, гдѣ покоились останки умершаго. Умиралъ слѣдующій патріархъ—и его «духу» воздавалось такое же набожное почитаніе. Такъ мало-по-малу увеличивалось число чтимыхъ покойниковъ и развивалось поклоненіе духамъ предковъ (*культъ предковъ*).

Объяснивъ себѣ тайну жизни присутствіемъ души, или духа, въ тѣлѣ, первобытный человѣкъ во всемъ непонятномъ ему искалъ вліянія духовъ. Онъ не зналъ, отчего солнце свѣтитъ, отчего день смѣняется ночью, отчего бываютъ времена года, откуда происходитъ дождь, гроза, буря, молнія и другія явленія природы. Онъ думалъ, что всѣмъ этимъ управляютъ духи, или *боги*, которыми наполненъ міръ: одинъ посылаетъ градъ, другой—благодѣтельную росу, третій—тепло. Дождь и солнце способство-

вали урожаю, поэтому духовъ дождя и солнца человѣкъ считалъ добрыми божествами; другихъ, посылавшихъ бѣдствія, считалъ онъ злыми. Смѣна дня и ночи, лѣта и зимы, гроза и буря представлялись ему борьбой благостныхъ, свѣтлыхъ боговъ съ темными, злыми духами. Небо, земля, небесныя свѣтила, въ особенности солнце, пользовались особымъ поклоненіемъ, какъ самыя могущественныя и благодѣтельныя божества. Имъ приносились жертвы — плоды урожая, животныя и даже люди, придуманы были обращенія къ богамъ и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Люди, изучившіе всѣ тонкости обрядовъ, постепенно выдѣлились въ особое сословіе *жрецовъ*, которое сдѣлалось очень могущественнымъ, такъ какъ жрецы считались посредниками между богами и людьми.

Человѣкъ представлялъ себѣ божество по своему подобію. Онъ думалъ, что боги обладаютъ всѣми человѣческими свойствами и даже слабостями. У всѣхъ старинныхъ народовъ были сказанія о жизни боговъ, сильно разукрашенныя фантазіей. Эти сказанія называются *миѳами*. Въ миѳахъ описываются разнообразныя событія изъ жизни боговъ: ихъ подвиги, семейныя дѣла, злыя козни, измѣна, коварство, военныя доблести,—словомъ, все, что человѣкъ испытывалъ самъ, и что ему было знакомо, съ тою лишь разницею, что свойства людскія у боговъ были развиты до самой сильной степени.

Миѳы древнихъ народовъ давали отвѣтъ на всѣ вопросы и загадки жизни: въ нихъ говорилось о возникновеніи міра и человѣка, созданныхъ всемогущими богами, о карахъ, налагаемыхъ за ослушаніе и грѣхъ, и судьбѣ человѣка послѣ смерти. Вѣра въ множественность боговъ (*политеизмъ*) сохранилась даже у культурныхъ народовъ древняго міра и лишь весьма медленно уступила мѣсто мысли о единомъ Богѣ, Творцѣ и правителѣ міра (единобожіе—*монотеизмъ*).

Присматриваясь къ достоинствамъ и недостаткамъ людей, и приписывая такія же достоинства и недостатки божеству, человѣкъ долженъ былъ задумываться надъ тѣмъ, что хорошо и что дурно, что слѣдуетъ дѣлать и чего надо избѣгать. У него стали вырабатываться понятія о *нравственности*, о томъ, какъ люди должны жить и относиться другъ къ другу. Если возникала ссора, распря, недоразумѣніе, человѣкъ производилъ судъ на основаніи этихъ нравственныхъ понятій. Но пришло время, когда ужъ недостаточно было сказать: «не дѣлай этого» или «не дѣлай того». Люди совершали проступки и преступленія, отъ которыхъ страдали другіе, страдало все общество. Тогда стали составляться законы, возникли велѣнія *права*, по которымъ дол-

жны жить люди, и нарушители законовъ подвергались наказанію, карѣ.

Человѣкъ любилъ дѣлиться своими впечатлѣніями, и о томъ, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, что съ нимъ случилось, чему онъ научился, разсказывалъ своимъ дѣтямъ, родственникамъ, друзьямъ. Тѣ, въ свою очередь, передавали это подрастающимъ поколѣніямъ. Но память человѣческая слаба—многое утрачивается, искажается и не забывается окончательно лишь тогда, когда что-нибудь объ этомъ «напоминаетъ».

Для напоминанія о событіи, которое первобытный человѣкъ хотѣлъ разсказать своимъ отдаленнымъ потомкамъ, онъ сталъ выцарапывать *рисунки* на камнѣ, кости, деревѣ. Онъ рисовалъ, напримѣръ, пару оленей и десятокъ зайцевъ, чтобы объяснить, сколько и какой дичи убито на охотѣ. Онъ рисовалъ шалашъ, домашній скотъ, женщинъ и дѣтей, вооруженныхъ всадниковъ, чтобы показать, какъ на его домъ совершено было нападеніе. Такіе рисунки были первымъ письмомъ человѣка. Много, много еще времени прошло, много разныхъ способовъ письма было испробовано, пока онъ распозналъ, что разговорный языкъ состоитъ изъ словъ, а слово—изъ звуковъ; что звуковъ немного, и, изображая каждый изъ нихъ отдѣльнымъ знакомъ, можно написать что угодно.

Такъ появилась *письменность*, имѣвшая огромное значеніе для культурнаго развитія людей. Научившись запечатлѣвать свою мысль, человѣкъ сдѣлалъ ее безсмертной. Поколѣнія проходили за поколѣніями, но работа ихъ ума оставалась навѣки, и каждое новое поколѣніе продолжало эту работу, полученную въ наслѣдіе отъ предковъ, и прибавляло къ ней что-нибудь свое.

Не будь письменности, не могли бы широко развиваться и распространяться по всему свѣту научныя знанія, составляющія основу нынѣшней культурной жизни. Люди уже съ глубокой древности стали присматриваться къ явленіямъ окружающей природы, въ которыхъ видѣли скрытый смыслъ. Они слѣдили за ходомъ небесныхъ свѣтилъ, которыя, по ихъ вѣрованіямъ, вліяли на судьбу человѣческую. Принося жертвы божествамъ, они разрѣзали жертвенныхъ животныхъ и знакомились съ строеніемъ ихъ тѣла, а отсюда ужъ былъ одинъ шагъ къ изученію человѣческаго тѣла и врачеванію его недуговъ. Они изучали свой языкъ, жизнь народовъ близкихъ и отдаленныхъ, прежнихъ и современныхъ, и многое другое въ окружающемъ мірѣ, что казалось достойнымъ познанія.

Письменность скрѣпила всѣ крупицы знанія, медленно и понемногу достававшіяся человѣчеству. И создалась *наука*, вѣ-

нецъ мысли и ума, отличающаго человѣка отъ животныхъ и дающаго ему возможность совершенствоваться до безконечности.

4. Народы древняго Востока.

I.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ природныя условія наиболѣе благопріятствовали развитію человѣческаго ума, и борьба за существованіе не поглощала всѣхъ силъ человѣка, тамъ населеніе скорѣе поднялось надъ низкимъ и бѣднымъ уровнемъ первобытной жизни.

Народы западной Азіи и сѣверо-восточной Африки раньше другихъ народовъ (напр., обитателей Европы) вышли изъ полудикаго состоянія. Уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х. населеніе нильской долины и равнины между Тигромъ и Евфратомъ сплотилось въ большія государства съ стройнымъ внутреннимъ управленіемъ и накопило значительныя богатства промышленнымъ трудомъ и обмѣномъ. Лучшіе умы въ этихъ старинныхъ обществахъ глубоко задумывались надъ великими вопросами о Богѣ, о происхожденіи міра и объ отношеніяхъ людей между собою, пытливо всматривались въ жизнь природы и создавали первыя основы науки. Техника и искусство достигли въ этихъ странахъ такого совершенства, что вызываютъ до сихъ поръ удивленіе предъ изобрѣтательностью и энергіей народовъ «древняго Востока». Среди нихъ наиболѣе выдѣляются *египтяне* и *вавилоняне*, творцы древнѣйшихъ на землѣ цивилизацій.

До начала XIX в. скудныя извѣстія Библіи и полусказочныя повѣствованія старинныхъ греческихъ писателей бросали слабый свѣтъ на далекое прошлое этихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ изслѣдованія археологовъ, раскопки, произведенныя учеными въ Египтѣ и Ассиро-Вавилоніи, обогатили историческую науку множествомъ свѣдѣній объ ихъ образѣ жизни, устройствѣ и судьбѣ ихъ государствъ, ихъ умственной работѣ и религіозно-нравственныхъ понятіяхъ.

Изъ-подъ песчаныхъ насыпныхъ холмовъ подъ ударами заступа показались на Божій свѣтъ развалины величавыхъ сооруженій, царскихъ палатъ и храмовъ. На стѣнахъ и высокихъ колоннахъ, въ скульптурныхъ изображеніяхъ (барельефы) и надписяхъ воочію проходитъ предъ нами тогдашняя жизнь. Мы видимъ царей стариннаго Египта и Ассиріи въ походѣ противъ

непріятелей, сражающимися на высокихъ колесницахъ во главѣ своихъ армій. Воины выступаютъ утромъ изъ лагеря, осаждаютъ вражескій городъ, уводятъ плѣнниковъ и несутъ захваченную добычу. Побѣжденные властители умоляютъ царя о пощадѣ, приносятъ ему богатые дары и дани, которые изображены на барельефахъ и подробно перечислены въ надписяхъ. Видимъ также картины мирной жизни, неутомимаго народнаго труда. Тысячи работниковъ заняты перевозкой огромныхъ глыбъ гранита, которыя послужатъ матеріаломъ для сооруженія колоссальныхъ статуй и гробницъ-пирамидъ царей Египта. Крестьяне вспахиваютъ землю, понукая воловъ короткой пѣсенкой; приносятъ помѣщику оброкъ, состоящій изъ хлѣба и приплода скота. На стѣнахъ гробницы египетскаго чиновника или вельможи можно прочесть разсказъ объ его жизни, о царскихъ походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, обо всемъ порядкѣ государственной службы и управленія. Гимны, вырѣзанные на стѣнахъ храмовъ величаютъ всесильныхъ боговъ; въ надписяхъ, начертанныхъ по царскому повелѣнію, развертывается предъ нами исторія завоеваній, враждебныхъ и мирныхъ сношеній, мощнаго роста и упадка старинныхъ государствъ. Уцѣлѣли длинные списки царей съ обозначеніемъ времени и продолжительности ихъ правленія. Среди развалинъ ассирійскаго дворца англійскіе ученые нашли огромное собраніе глиняныхъ табличекъ, покрытыхъ вавилонскими письменами (клинопись). Это собраніе оказалось древнѣйшей въ мірѣ библіотекой, собранной жрецами по приказанію царя Асурбанипала. Заботливо расположенныя въ опредѣленномъ порядкѣ эти книги-таблички содержали въ себѣ важнѣйшія произведенія вавилонской науки и литературы: здѣсь были древнія сказанія о сотвореніи міра и о потопѣ, во многомъ сходныя съ разсказомъ Библіи, молитвы и гимны богамъ и священныя заклинанія, переписка царей и ихъ намѣстниковъ въ покоренныхъ областяхъ, судебныя жалобы и постановленія, историческія повѣствованія, записи о небесныхъ знаменіяхъ и математическія вычисленія.

Ученымъ XIX в. послѣ долгихъ трудовъ и усилій удалось изучить языки древнихъ вавилонянъ и египтянъ и разобрать оставленныя ими безчисленныя надписи на глинѣ и на камнѣ, начертанныя ассиро-вавилонской *клинописью* и египетскими *іероглифами*. Оказалось, что первоначально и вавилонскій, и египетскій шрифты представляли собою картинное письмо, изображенія предметовъ; съ теченіемъ времени изъ этихъ знаковъ-рисунковъ развилось буквенное письмо, въ которомъ каждый знакъ обозначалъ отдѣльные звуки или ихъ сочетанія (слоги). Нарѣчія ассирійцевъ и вавилонянъ оказались родственными языкамъ. на

которыхъ говорятъ нынѣшніе семитскіе народы (евреи и арабы). Теперь съ открытіемъ древневосточныхъ памятниковъ, при знаніи языка и письменности, прошлая жизнь народовъ древняго Востока ясно рисуется предъ нами на протяженіи цѣлыхъ тысячелѣтій.

Обѣ старинныя цивилизаціи Востока — Вавилоніи и Египта — возникли въ сходныхъ условіяхъ: въ жаркихъ подтропическихъ областяхъ, въ бассейнахъ большихъ рѣкъ, которыя своими періодическими разливами увлажняютъ почву. И Египетъ, находящійся въ долинѣ Нила, и Ассиро-Вавилонія, расположенная въ Месопотаміи, или Междурѣчьи, между теченіями Тигра и Евфрата,—обѣ эти страны представляютъ собой какъ бы оазисы среди большого пояса пустынь Сѣверной Африки и Азіи. Въ этихъ бездождныхъ мѣстностяхъ все зависитъ отъ рѣчныхъ разливовъ, безъ нихъ были бы невозможны земледѣліе и жизнь многочисленнаго населенія. Греческій историкъ Геродотъ, посѣтившій Египетъ въ V в. до Р. Х., справедливо замѣтилъ, что вся эта страна является «даромъ рѣки», ея созданіемъ. Каждый годъ (съ половины іюня) нильскія половодья наводняютъ узкую долину, оставляя на поверхности земли плодоносные илистые наносы. При недостаткѣ влаги, низкомъ уровнѣ наводненія — неурожай и голодъ угрожаютъ странѣ. Неудивительно, что благодѣтельная рѣка казалась божествомъ первымъ поселенцамъ нильской долины. «Слава тебѣ, Нилъ!—гласитъ старинный гимнъ:— слава тебѣ, явившійся на землю, чтобы даровать жизнь Египту. Ты орошаешь поля и сады, созданные солнцемъ, ты утоляешь все, что жаждетъ небесной влаги. Создатель ржи, производитель ячменя, ты осушаешь слезы на глазахъ несчастливцевъ и никому не отказываешь въ своихъ дарахъ». Почти такое же значеніе въ жизни Месопотаміи имѣли ея рѣки: «широко разливающійся» Евфратъ и Тигръ, «податель благъ», какъ ихъ называло древнее населеніе.

Для того, чтобы воспользоваться благодѣяніями рѣки, нужна была работа многихъ поколѣній. Предоставленные самимъ себѣ и «божественный» Нилъ и Евфратъ могли причинять только вредъ, превращая затопленныя мѣстности въ гнилыя болѣзнетворныя болота, а между-тѣмъ та часть страны, которой не достигало наводненіе, оставалась безплодной пустыней. Первобытному населенію пришлось постепенно завоевывать рѣчные берега, овладѣвать теченіемъ рѣки, равномѣрно распредѣлять полую воду при помощи каналовъ по разнымъ земельнымъ участкамъ, принуждать ее задерживаться надъ почвой посредствомъ плотинъ и отводить избытокъ ея, чтобы не образовалось болотъ. Для этого была необходима сложная, правильно налаженная работа, но не

работа отдѣльныхъ людей или небольшихъ людскихъ союзовъ, а дѣятельность всей народной массы. Оросительные каналы и плотины могли быть вырыты и поддерживаемы въ исправности только множествомъ объединенныхъ рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ сама природа этихъ странъ приводила къ соединенію поселенцевъ, къ образованію сильной государственной власти, которая брала въ свои руки руководство совмѣстнымъ народнымъ трудомъ надъ рѣкою-кормилицею.

Египетское государство существовало уже за 3000 лѣтъ до Р. Х. Цѣлые вѣка, а, можетъ-быть, тысячелѣтія его болѣе ранней жизни не оставили о себѣ почти никакихъ воспоминаній. При раскопкахъ въ Египтѣ были найдены орудія изъ грубо оббитаго и полированнаго камня: это доказываетъ, что и египетскій народъ жилъ когда-то въ первобытномъ культурномъ состояніи. Но въ 3000 г. до Р. Х., когда Египетъ является предъ нами впервые при свѣтѣ исторіи, мы видимъ, что эта страна уже стоитъ на довольно высокомъ уровнѣ образованности и представляетъ собою сплоченное государство (*«Древнее царство»* 3400—2500 гг. до Р. Х.), которымъ управляетъ царь, или «фараонъ», какъ его называетъ Библія, при помощи цѣлой арміи чиновниковъ.

Единое государство возникло не сразу. Въ теченіе многихъ вѣковъ Нильская долина была покрыта мелкими княжествами, изъ которыхъ затѣмъ образовалось два царства — сѣверное (Нижній Египетъ въ дельтѣ Нила) и южное (Верхній Египетъ). Объединителемъ «обѣихъ странъ» явился царь-завоеватель *Мена*, его преемники уже носили двойную корону «Верхняго и Нижняго Египта».

Царская власть въ Египтѣ стояла на недосягаемой высотѣ, пользовалась религіознымъ почитаніемъ. Одна за другой правили династіи (всего ихъ было 30) божественныхъ властителей, которые вели свое происхожденіе отъ Ре, міровладычнаго солнечнаго бога. Божество воплощалось въ каждомъ новомъ фараонѣ. Онъ «вѣчно живетъ подобно Ре», онъ «господинъ вѣчности» и «сіяетъ», по выраженію египетскихъ надписей, являясь предъ народомъ, окруженный своей дворцовой стражей. Его дворецъ въ старой столицѣ, *Мемфисѣ*, называется «горизонтомъ», какъ обитель солнечнаго бога. Царскій престолъ — тронъ жизни, и подданные, являясь предъ лицомъ фараона, должны цѣловать землю у подножія этого трона; одинъ египетскій сановникъ гордится тѣмъ, что «Его Величество разрѣшилъ ему облобызать свою ногу, не допустивъ, чтобы онъ цѣловалъ землю». Послѣ смерти царь становился настоящимъ богомъ, ему воздавалось поклоненіе, строили храмы, приносили жертвы.

По всему видно, что власть фараона на землѣ неограничена, трудъ и имущество подвластнаго народа были всецѣло въ его рукахъ, земля считалась царской собственностью. Становится понятнымъ, какимъ образомъ цари IV династіи (Хуфу, или Хеопсъ, Хефренъ и друг.) могли воздвигать свои несокрушимыя гробницы-пирамиды, которыя и сейчасъ возвышаются невдалекѣ отъ города Каира, пережив цѣлыя тысячелѣтія (рис. 1). Эти гигантскія сооруженія, потребовавшія многолѣтняго труда десятковъ тысячъ рабочихъ, говорятъ о порабощеніи народа и всесильной деспотической волѣ его богоравныхъ царей.

У трона египетскаго владыки стояла толпа послушныхъ *чиновниковъ*, безчисленное множество совѣтниковъ, военачальниковъ и слугъ. Правая рука царя—великій визирь и министръ юстиціи, стоялъ во главѣ всего правительства («великій домъ»); рядомъ съ нимъ находилось собраніе «тайныхъ совѣтниковъ»; «верховный казначей», глава финансоваго вѣдомства, завѣдывалъ всѣмъ, что «ниспосылаетъ небо, порождаетъ земля и доставляетъ Нилъ». Въ областяхъ (номахъ) правители, «первые послѣ фараона, судили населеніе и командовали мѣстными войсками. Высшія должности предоставлялись родовой знати, рядомъ съ нею вырастало новое чиновное дворянство изъ людей худородныхъ, поднявшихся на царской службѣ. Важной опорой царской власти являлось сословіе *жрецовъ*, которое обладало знаніемъ священнаго письма и тайной обращенія къ богамъ. Для поддержанія въ исправности царскихъ гробницъ и ежедневной помпнальной тризны жрецы получали большія земельныя угодья и доходы. Сила жречества, благодаря его богатству и вліянію на народную массу, настолько выросла съ теченіемъ времени, что сдѣлалась опасной для власти самихъ фараоновъ. Въ исторіи Египта былъ даже примѣръ захвата царскаго престола верховнымъ жрецомъ бога Амона, сдѣлавшимся родоначальникомъ XXI династіи. Народныя массы въ Египтѣ были въ подчиненіи, можетъ-быть, даже въ крѣпостной зависимости. Египетъ былъ страной почти исключительно земледѣльческаго и сельскохозяйственнаго труда, на земледѣліи было построено и все огромное хозяйство царскихъ и храмовыхъ помѣстій, доходами съ земли жила и вся египетская знать. *Крестьяне* составляли податное сословіе, были обложены оброками и барщиной въ пользу помѣщика и податями въ царскую казну. Въ городахъ жили *свободные* ремесленники и торговцы.

Послѣ 2500 г. (время *Средняго царства*) въ государственномъ строѣ Египта видна большая перемѣна. Единство государства расшатано въ смутахъ, правители городовъ и областей сдѣла-

лись почти независимыми отъ царской власти и присвоили себѣ права государей. Они передаютъ по наслѣдству свои земли, какъ «вотчины», съ крестьянами, «принадлежащими землѣ». Они гордятся тѣмъ, что издавна сидятъ въ своихъ владѣніяхъ, тамъ же, гдѣ «ихъ отцы, породившіе ихъ, благородные съ перваго дня». Эти «великіе князья» имѣютъ собственные дворы, по образцу царскаго двора, свое управленіе и казначейство съ цѣлымъ штатомъ чиновниковъ; даже счетъ времени въ княжествѣ ведутъ по годамъ собственнаго правленія и гордятся любовью своего населенія въ противоположность предкамъ, гордившимся милостями фараоновъ и повышеніями на царской службѣ.

Въ концѣ средняго царства Египетъ подвергся внѣшнему завоеванію. Кочевники-семиты *(гиксы)* изъ степей Западной Азіи вторглись въ нильскую долину, которая привлекала ихъ своимъ плодородіемъ. Внутреннія смуты и распаденіе страны на независимыя княжества облегчили завоеваніе. Владычество семитовъ продолжалось, однако, не дольше ста лѣтъ. Князьямъ города Ѳивъ, при дѣятельномъ содѣйствіи жрецовъ бога Амона, удалось свергнуть чужеземное иго. Началась новая пора въ исторіи Египта, время *Новаго царства* (1600 — 1100 г. до Р. Х.). Царская власть возстановила свое былое могущество, непокорная областная знать была побѣждена въ междоусобныхъ войнахъ и ея земли были розданы царскимъ приверженцамъ. Египетъ вышелъ теперь изъ прежняго одиночества и вошелъ въ соприкосновеніе съ народами западной Азіи. Властители новаго царства, оберегая границы отъ новыхъ вторженій, сами наступаютъ на сосѣдей, совершаютъ походы въ Палестину и Месопотамію. Побѣдоносныя войска *Тутмоза III* доходятъ до береговъ Евфрата. «Я поставилъ Египетъ во главѣ всѣхъ народовъ, — говоритъ этотъ царь въ своей побѣдной надписи, — ибо люди его едино со мной поклоняются Амону». При его преемникахъ Египетъ превратился въ обширную имперію, господствовавшую надъ значительной частью западной Азіи. Князья Палестины и Финикіи признаютъ надъ собой верховную власть фараона, цари далекой Ассиріи и Вавилона отправляютъ пословъ и дары въ столицу могущественнаго «брата и друга» — *Ѳивы*. Въ военной борьбѣ и въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ народы древняго Востока все больше сближаются другъ съ другомъ, обмѣниваются произведеніями своего труда и пріобрѣтеніями мысли.

Военное могущество Египта временъ Новаго царства оказалось, однако, непрочнымъ: менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ «имперія» распалась. Главнѣйшей причиной упадка можно считать смуту

1. Постройка пирамиды.

изъ-за религіи, возникшую въ XIV вѣкѣ въ правленіе Аменхотепа IV.

Какъ и у всѣхъ народовъ, стоящихъ на ранней ступени развитія, *религія* египтянъ состояла въ почитаніи явленій окружающаго міра, была «религіей природы». Весь міръ казался древнему обитателю нильской долины оживленнымъ, наполненнымъ духами, скрывающимися въ деревьяхъ и въ источникахъ, живущими на вершинахъ горъ, въ тѣлахъ птицъ и животныхъ. Одни изъ нихъ—друзья и защитники человѣка, другіе—коварныя, злобныя существа, насылающія болѣзни и невзгоды. Больше всего въ природѣ приковывали къ себѣ вниманіе египтянина тѣ великія силы, стихіи, отъ которыхъ зависѣло все его существованіе: «черная» плодоносная земля съ ея благодѣтельной рѣкой, необъятное вѣчно ясное небо, сіяющее знойное солнце. Египетскій пастухъ и земледѣлецъ обращался къ нимъ, какъ къ высшимъ богамъ. Небо ему казалось то огромной коровой, усѣянной звѣздами, то женщиной, распростертой надъ землей, то необъятнымъ океаномъ. Каждый день рождается юное сверкающее солнце и на небесной баркѣ плыветъ по небосводу и, старѣясь и умирая, скрывается въ подземномъ мірѣ Запада. Богъ-солнце Ре возникъ изъ распустившагося цвѣтка лотоса, среди первобытнаго моря и породилъ всѣхъ остальныхъ боговъ, выдѣлилъ изъ хаоса свѣтъ и міръ. Постепенно Ре получилъ значеніе верховнаго бога.

У жрецовъ сложилось даже тайное ученіе, что боги Ре, Горъ, Амонъ и друг. являются лишь различными именами одного и того же бога-солнца («солнечное единобожіе»), существовали зачатки мысли объ единомъ всемогущемъ и праведномъ Богѣ-творцѣ, правящемъ міромъ. «Богъ единъ,—говорится въ египетскомъ гимнѣ,—и нѣтъ другого около него. Богъ вѣченъ и не имѣетъ конца. Богъ есть истина, онъ живетъ истиной, которая имъ вызвана на свѣтъ. Богъ есть жизнь, и жить можно только имъ. Онъ внемлетъ тому, кто его призываетъ, онъ защищаетъ слабаго отъ сильнаго».

Египтяне являются древнѣйшимъ народомъ въ исторіи, у котораго мы встрѣчаемъ вѣру въ безсмертіе и загробную жизнь. По народнымъ понятіямъ, загробное существованіе было простымъ продолженіемъ жизни земной съ ея обычной обстановкой и со всѣми человѣческими потребностями. Египетская мысль никогда не могла отдѣлить посмертнаго существованія отъ тѣла; отсюда—множество погребальныхъ обычаевъ, которые имѣли цѣлью спасти отъ разрушенія бренную оболочку человѣка для того, чтобы душа могла соединиться съ нею въ новой жизни въ

«царствѣ мертвыхъ» бога Озириса на западной окраинѣ небесъ. Ни одинъ народъ на землѣ не прилагалъ столько усилій и труда для созданія своего «вѣчнаго жилища»: памятниками этихъ заботъ о мертвыхъ остались безчисленныя «муміи» (набальзамированные трупы), художественное убранство гробницъ (такъ называемыхъ мастаба) и вѣчныя пирамиды царей.

Съ теченіемъ времени стало слагаться и болѣе возвышенное представленіе о загробной жизни. Явилась мысль, что будущая участь человѣка зависитъ не только отъ сохраненія тѣла, но является послѣдствіемъ его нравственнаго поведенія въ земной жизни, т.-е. мысль объ отвѣтственности человѣка и о возмездіи. Душа умершаго должна предстать предъ судомъ Озириса и другихъ боговъ и произнести свое «оправданіе». Божественные судьи взвѣсятъ сердце покойнаго на вѣсахъ справедливости и изрекутъ приговоръ: оправданную душу ждетъ вѣчная жизнь, «торжество», «воскресеніе», осужденную—вѣчная смерть. «Я не творилъ людямъ зла,—говоритъ человѣкъ на судѣ,—повторяя слова «книги мертвыхъ», которую клали въ гробницу вмѣстѣ съ муміей,—не угнеталъ я ближняго, не дѣлалъ ничего, что ненавидятъ боги. Начальствуя надъ людьми, не заставлялъ ихъ работать больше положеннаго; я никого не доводилъ до голода, никого не заставлялъ плакать, никого не убивалъ. Никогда не отнималъ я молока отъ устъ ребенка, не отводилъ воды отъ пашни сосѣда»... Отсюда видно, что нравственныя требованія древнихъ египтянъ не отличались отъ понятій нашего времени: насиліе, обманъ, вражда, убійство были и въ ихъ глазахъ грѣхами, осуждаемыми человѣческой совѣстью.

Съ тѣхъ поръ, какъ ѳиванскіе князья свергли чужеземное иго, богъ ихъ родного города Амонъ, отождествленный съ солнцемъ Ре, сдѣлался верховнымъ божествомъ «Новаго царства». Жрецы Амона-Ре пріобрѣли необычайное могущество, неисчислимыя богатства скопились въ его храмахъ отъ приношеній вѣрующихъ и доходовъ церковныхъ земель. Верховный жрецъ Амона являлся какъ бы духовнымъ главой Египта и, будучи одновременно великимъ визиремъ, имѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла. *Аменхотепъ IV*, вступившій на престолъ въ 1375 г. до Р. Х., рѣшился нанести ударъ могуществу жрецовъ Амона, опасному для царской власти.

По мѣрѣ того, какъ Египетъ превращался въ обширную разноплеменную монархію, упрочивалась мысль о единомъ всемірномъ богѣ, который стоитъ надъ различными народами земли. Такимъ единымъ божествомъ для всей имперіи Аменхотепъ провозгласилъ Атона. Божество это изображалось въ видѣ солнечнаго

диска, или круга, въ сіяніи расходящихся лучей; въ его честь были воздвигнуты храмы въ различныхъ областяхъ имперіи. Не только египтяне, но и подвластные Египту народы должны были принять культъ «солнечнаго диска». Раздраженный сопротивленіемъ ѳиванскихъ жрецовъ, царь приказалъ отобрать въ казну ихъ богатства и совершенно отмѣнилъ почитаніе Амона, равно какъ и многихъ другихъ народныхъ боговъ. Ихъ храмы и изображенія уничтожались, ихъ имена стирались на памятникахъ, самое слово «боги» было запрещено произносить. Повсюду долженъ былъ царить отнынѣ единый Атонъ. Точно желая навсегда порвать съ прошлымъ, Аменхотепъ принялъ новое имя Эхн-атонъ («такъ угодно Атону»), покинулъ старую столицу и основалъ на сѣверѣ отъ Ѳивъ новый городъ «Солнечный небосклонъ». Съ пламенной вѣрой проповѣдывалъ самъ царь «ученіе истины» и слагалъ гимны всеоживляющему богу-солнцу. Однако, новая религія нашла немного искреннихъ приверженцевъ. Умеръ Аменхотепъ—и Амонъ и его жрецы вернули себѣ прежнюю силу и власть надъ умами. Храмы царя-еретика подверглись разрушенію, всюду выскабливалось его имя, вмѣстѣ съ изображеніемъ столь чтимаго имъ солнечнаго диска. Старые боги побѣдили.

Во время этой смуты Египетъ не могъ и думать о поддержаніи своего господства въ Азіи, завоеванія прежнихъ царей были утрачены. Цари слѣдующихъ династій (*Рамзесъ II*) отчасти возстановили былое могущество, но въ Азіи сложились въ это время сильныя государства (напр., Хета), и египетскіе владыки встрѣтили стойкое сопротивленіе. Слава Новаго царства склонялась къ закату. Позднѣйшіе вѣка египетской исторіи были порой упадка. Съ сѣвера нападали «морскія племена», вожди наемныхъ войскъ овладѣвали престоломъ, въ VII в. до Р. Х. Египетъ былъ завоеванъ ассиріянами. Ненадолго онъ свергъ власть иноземцевъ. Въ 525 году новые завоеватели, *персы*, овладѣли Египтомъ и съ тѣхъ поръ «страна пирамидъ» въ теченіе вѣковъ лишь мѣняла своихъ повелителей (македоняне въ 332 г., римляне съ 30 г., за ними—византійцы и арабы), навсегда утративъ государственную самостоятельность.

Въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ свой исторической жизни египетскій народъ создалъ высокую матеріальную культуру. Въ области *техники*, въ различныхъ механическихъ сооруженіяхъ (устройство оросительныхъ каналовъ, водоемовъ, шлюзовъ) онъ не имѣлъ равныхъ себѣ среди народовъ древности. Египетъ является родиной каменной архитектуры, достигшей здѣсь большого совершенства: за 3.000 лѣтъ до Р. Х. египетскіе зодчіе умѣли пользоваться «сводомъ». Въ странѣ издавна процвѣтали

различные виды промышленности: горное дѣло, кирпичное и глиняное производство, выдѣлка льняныхъ тканей и превосходнаго матеріала для письма—бумаги изъ растенія «папируса». На рукописныхъ свиткахъ сохранились остатки богатой *литературы* художественной и научной: поученія, пѣсни и сказки, сборники свѣдѣній по математикѣ и медицинѣ. Необходимость точнаго опредѣленія времени ильскаго разлива привела къ наблюденію неба, и уже за 4.200 л. до Р. Х. сложился у египтянъ *календарь*, съ раздѣленіемъ года на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ, послужившій впослѣдствіи образцомъ для «юліанскаго» календаря. Египетскіе *математики* знали всѣ дѣйствія надъ цѣлыми числами и дроби, рѣшали простѣйшія геометрическія задачи и опредѣляли съ достаточной точностью поверхность круга; въ сочиненіяхъ по *медицинѣ* видно пристальное наблюденіе признаковъ болѣзней и довольно ясное представленіе о строеніи человѣческаго тѣла (анатомія костей и внутренностей). Всѣ эти знанія имѣли только прикладное, практическое значеніе, науки въ настоящемъ смыслѣ слова—исканія истины ради нея самой—не было у египтянъ, точныя наблюденія смѣшивались у нихъ съ суевѣрными примѣтами и колдовствомъ. Древняя мысль сдѣлала только первые шаги въ познаніи міра и человѣка, однако современная наука не могла бы возникнуть безъ этой предварительной несовершенной умственной работы угасшихъ народовъ древности.

II.

Еще болѣе высокая и многосторонняя культура, чѣмъ въ Египтѣ, сложилась въ западной Азіи на равнинѣ, орошаемой рѣками Тигромъ и Евфратомъ (Месопотамія).

Область Месопотаміи представляетъ такой же оазисъ среди безпредѣльныхъ пустынь, какъ и долина Нила, но она болѣе открыта со всѣхъ сторонъ и болѣе доступна для сношеній съ сосѣдними народами. Здѣсь пролегаетъ оживленный торговый путь, ведущій къ берегамъ Средиземнаго моря, и поэтому въ Месопотаміи развился значительный товарный обмѣнъ. Вмѣстѣ съ внѣшней торговлей переносились вѣрованія и знанія, не было такой замкнутости, какъ въ Египтѣ. Зато ничѣмъ не огражденная равнина часто подвергалась нападеніямъ хищныхъ кочевниковъ изъ степи и воинственныхъ горныхъ племенъ съ востока. Здѣсь не прекращалось передвиженіе и смѣшеніе различныхъ народностей и долго не могло сложиться объединенное государство. Въ настоящее время Месопотамія не имѣетъ культурнаго населенія, система орошенія пришла въ упадокъ,

повсюду безжизненная пустыня, выжженная зноемъ. Напротивъ, въ древности она была цвѣтущей страной «плодороднѣйшей изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ», какъ ее называетъ Геродотъ.

За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова первые обитатели Месопотаміи—*сумеры*, народъ, принадлежавшій, какъ предполагаютъ, къ группѣ азіатскихъ урало-алтайскихъ народовъ, основали здѣсь рядъ поселеній и воздвигли оросительныя сооруженія. Они же создали основы письма, извѣстнаго подъ именемъ «клинописи»

Около 3.000 г. влилась въ страну волна новыхъ переселенцевъ, говорившихъ на семитскомъ нарѣчіи. Послѣ долгой упорной борьбы *семиты* покорили старое населеніе и постепенно слились съ нимъ въ одинъ народъ. Но сумерская культура не была совершенно уничтожена завоеваніемъ: она легла въ основаніе новой ассиро-вавилонской культуры, выработанной пришельцами-семитами на новой родинѣ. Послѣ 3.000 г. до Р. Х. страна является передъ нами въ видѣ цѣлаго ряда мелкихъ государствъ-городовъ. Каждый служитъ средоточіемъ культа своего городского бога и управляется своимъ царемъ-жрецомъ. По нижнему теченію Евфрата и Тигра въ собственной *Вавилоніи* выдѣляются города: Ниппуръ съ храмомъ Бела (Ваала), Уръ, Ларса, мѣстопребываніе солнечнаго бога и, наконецъ, городъ бога Мардука—Вавилонъ (т.-е. врата Господни), давшій свое имя всей странѣ и бывшій въ теченіе многихъ столѣтій ея важнѣйшимъ центромъ и въ политическомъ и еще больше въ культурномъ отношеніяхъ. Сѣвернѣе, по среднему теченію обѣихъ рѣкъ, находилась *Ассирія* съ столицей Ниневіей. Временами нѣкоторые изъ этихъ городовъ усиливались и возвышались надъ другими и заставляли признавать ихъ власть. Возникали болѣе обширныя соединенія, цѣлыя государства, какъ, напримѣръ, «Царство Сумера и Аккада» въ южной Вавилоніи и «Царство четырехъ странъ свѣта» къ сѣверу отъ него. Вавилонскіе правители любили украшаться пышными титулами и повѣствовать въ своихъ надписяхъ о военныхъ предпріятіяхъ и славныхъ побѣдахъ. «Владыка черноголовыхъ» *Саргонъ I* (около 2.800 г. до Р. Х.) разсказываетъ о своихъ походахъ «съ великимъ множествомъ обитыхъ мѣдью колесницъ» далеко за предѣлы Вавилоніи до берега «моря заходящаго солнца» (Средиземнаго). Къ 2.000 г. безспорное главенство надъ всей южной частью Междурѣчья принадлежало царямъ города Вавилона.

Объ одномъ изъ нихъ, *Хаммураби*, и его времени осталось особенно много извѣстій на клинописныхъ плиткахъ, найденныхъ при раскопкахъ. Хаммураби освободилъ Вавилонъ отъ подчиненія

сосѣднему воинственному государству Эламу, создалъ въ странѣ правильное управленіе, заботился о благосостояніи населенія. По его повелѣнію былъ вырытъ большой каналъ, названный «благословеніемъ народа». «Берега по обѣимъ его сторонамъ я назначилъ для землепашества и приказалъ засѣять хлѣбомъ. Я даровалъ народу неизсякаемыя воды... Я привлекъ народъ Сумера и Аккада толпами, создалъ для нихъ питье и пищу, я даровалъ имъ плодородіе, обиліе и мирныя жилища». Важнѣшимъ дѣломъ Хаммураби было изданіе *«закона всей земли»*: «дабы водворить на землѣ справедливость, дабы сильный не обидѣлъ слабаго... начерталъ я драгоцѣнныя слова, чтобы по нимъ держать судъ и расправу и рѣшать спорныя дѣла». Это—древнѣйшее собраніе законодательныхъ и судебныхъ постановленій, какое существуетъ на землѣ. Въ этомъ собраніи законовъ говорится объ уголовныхъ преступленіяхъ, имущественныхъ тяжбахъ, о земледѣліи, торговлѣ и долгахъ, о бракѣ и наслѣдствѣ, правахъ жены и дѣтей, о положеніи рабовъ и заработной платѣ ремесленника и поденщика. Съ удивленіемъ мы видимъ, что въ Вавилоніи 2.000 г. до Р. Х., т.-е. въ тѣ времена, когда Европа была еще погружена въ глубокое варварство, существовала оживленная торговля внутри страны и за ея предѣлами. Торговые караваны богатыхъ вавилонскихъ купцовъ, нагруженные товарами, идутъ въ Египетъ и Сирію подъ управленіемъ приказчиковъ, заключаются всевозможныя сдѣлки—купля-продажа, залогъ и заемъ, сдача въ аренду земли и рабочаго скота,—пишутся векселя и выдаются при свидѣтеляхъ квитанціи. Брачный договоръ обезпечиваетъ права жены, за ней признается право требовать развода и обезпеченія. Законъ не даетъ господину права надъ жизнью раба. Онъ протягиваетъ руку помощи задолженному крестьянину, жатва котораго погибла отъ засухи или дождей: «въ этомъ году пусть онъ не отдаетъ хлѣба заимодавцу, пусть сотретъ свою запись на долговой таблицѣ, пусть не платитъ процентовъ въ неурожайный годъ». Зато безпощадно суровъ законъ, карающій за уголовные проступки, за убійство и кражу, особенно за кражу царскаго или храмового имущества. Во многихъ случаяхъ назначается смертная казнь или другія жестокія наказанія (изувѣченіе): «око за око, кость за кость, жизнь за жизнь», гласятъ отдѣльныя постановленія законника. «Если строитель строитъ домъ и домъ обрушится и задавитъ сына хозяина, то должно умертвить сына строителя». По древневосточнымъ понятіямъ, дѣти отвѣчаютъ за преступленія отцовъ. Точно такъ же семья несостоятельнаго должника отдается въ кабалу заимодавцу для отработки долга. Впрочемъ, законъ защищаетъ такую

семью отъ жестокаго обращенія со стороны заимодавца и ограничиваетъ долговое рабство трехлѣтнимъ срокомъ.

Ассиро-вавилонская *религія* образовалась изъ вѣрованій древнихъ обитателей страны, сумеровъ, къ которымъ примѣшались семитскія воззрѣнія. Въ главныхъ божествахъ (Ану, Эа, Белъ, Синъ, Шамашъ) были воплощены различныя силы и явленія природы—небо, гроза и вѣтеръ, звѣзды, солнце, луна. Добрые и злые духи наполняютъ міръ. Богъ весенняго солнца Мардукъ, побѣдивъ чудовище мрака и хаоса Тіаматъ, изъ его тѣла создаетъ вселенную—небо, землю и облака, чтобы удерживали небесную влагу, помѣщаетъ на небѣ солнце и звѣзды, на землѣ—животныхъ и растенія. Мардукъ творитъ и человѣка «изъ крови и костей», «дабы онъ обиталъ землю, и на него было возложено служеніе богамъ». Въ другомъ разсказѣ боги создаютъ изъ глины, смѣшанной съ божьей кровью, первую человѣческую пару. У вавилонянъ были и другія сказанія, напоминающія книгу Бытія, о томъ, какъ человѣкъ утратилъ безсмертіе, отказавшись отъ пищи и питья жизни, и какъ разгнѣванные боги покарали грѣшное человѣчество вселенскимъ потопомъ; спасается лишь «мудрый» Хасисадра, который сооружаетъ ковчегъ по совѣту бога Эа, вводитъ въ него свою семью, помѣщаетъ животныхъ, «сѣмя жизни всякаго рода». Изображеніе потопа, сопровождающагося грозой, могло легко сложиться въ Вавилоніи, странѣ мощныхъ рѣчныхъ разливовъ и водяныхъ циклоновъ, проносившихся съ моря надъ побережьемъ. Мрачно рисовалась въ воображеніи вавилонянъ загробная жизнь, печальная «страна, откуда нѣтъ возврата, жилище, куда входятъ, но откуда не выходятъ, гдѣ тѣни носятся подобно птицамъ, блуждая во мракѣ». Но рядомъ съ этимъ мрачнымъ представленіемъ было другое—о раѣ, предназначенномъ для праведныхъ, объ «островахъ блаженныхъ» на дальнемъ западѣ, куда заходитъ солнце, была мысль о воскресеніи и безсмертіи.

Почитаніе боговъ смѣшивалось у вавилонянъ съ суевѣрными примѣтами, безчисленными обрядностями и колдовствомъ. Нужны жертвы и заклинанія, чтобы снискать милость боговъ. Заговоры и чары помогаютъ отъ болѣзней, изгоняютъ злыхъ духовъ, вселившихся въ тѣло больного.

Сквозь эти грубыя понятія пробивалось, однако, и болѣе возвышенное пониманіе божества. Боги представлялись всевѣдущими и вездѣсущими существами. Они внемлютъ скорбнымъ мольбамъ человѣка и полны милосердія. «Ты склоняешь свою милость ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ», говорится въ вавилонскомъ гимнѣ. Въ молитвахъ часто проступаетъ мысль, что божій

судъ караетъ за грѣхи. До насъ дошли «жалобные гимны» или, какъ ихъ называютъ, покаянные псалмы. Силой и искренностью скорби о грѣхѣ они дѣйствительно напоминаютъ страницы Библіи. «О мой богъ», говорится въ одномъ изъ такихъ гимновъ: «велики мои преступленія, грѣхи мои неисчислимы! Мой богъ покаралъ меня въ гнѣвѣ сердца своего... Доколѣ, о боже, буду я еще страдать? Обрати въ благодать грѣхи мои, повели вѣтру развѣять мои преступленія, уничтожь мои муки, какъ я раздираю одежды свои!» Въ послѣдніе вѣка существованія восточной культуры вавилонская мысль все болѣе и болѣе склонялась къ монотеизму (единобожію), признанію единаго начала, правящаго вселенной. Жрецы учили, что всѣ боги сливаются въ верховномъ божествѣ, создателѣ міра «милосердномъ» Мардукѣ. «Вѣчный господь, высоко стоящій надъ всѣмъ существующимъ!» гласитъ молитва вавилонскаго царя: «я—царь, послушный тебѣ, созданье рукъ твоихъ. По твоей милости, о господи, которую ты простираешь на всѣхъ, ты меня создалъ и далъ мнѣ царство надъ народами. Повели мнѣ любить твое высокое господство; пусть страхъ предъ твоей божественностью живетъ въ моемъ сердцѣ, и даруй мнѣ то, что тебѣ благоугодно». Мысль о единомъ богѣ была, однако, достояніемъ немногихъ «знающихъ». Вавилонское населеніе не поднялось до той ступени религіознаго сознанія, которой достигъ другой древневосточный народъ — израильскій, заимствовавшій многія свои понятія у вавилонянъ.

Изученіе исторіи Востока выяснило, что Вавилонъ былъ средоточіемъ старинной образованности и умственно господствовалъ надъ всѣми тогдашними народами. Для многихъ изъ этихъ народовъ онъ сдѣлался главнымъ наставникомъ въ дѣлѣ культуры. Вавилонскіе жрецы были настоящими создателями человѣческой *науки*. Своей многовѣковой умственной работой они положили начало цѣлому ряду нынѣшнихъ знаній. Съ необыкновенной тщательностью было изучено ими видимое небо, насколько это возможно для невооруженнаго глаза. Астрономическія наблюденія производились у вавилонянъ, повидимому, уже за 4—5.000 лѣтъ до Рождества Христова. Они знали о періодичности затменій и умѣли опредѣлять время ихъ наступленія въ предѣлахъ Вавилоніи, знали скорость движенія луны, и по видимому движенію солнца на небесномъ сводѣ опредѣляли число дней въ году. Въ Вавилонѣ возникло и дѣленіе года на 12 частей, и семидневная недѣля, въ которой каждый день былъ посвященъ одному изъ великихъ планетныхъ боговъ. До сихъ поръ вавилонскій календарь служитъ культур-

нымъ народамъ всего земного шара, и въ названіяхъ дней на нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ еще уцѣлѣли названія великихъ небесныхъ свѣтилъ, которымъ они посвящались (понедѣльникъ, вторникъ и т. д. по-англійски и по-французски: день солнца, день луны и т. д.). Наблюденіе неба было тѣсно связано съ математическими вычисленіями. У вавилонянъ выработались двѣ системы счисленія: шестидесятичная, въ которой основной единицей было 60, и десятичная, т.-е. та самая, что и у насъ. Въ Вавилонѣ установилась и та система счета времени, которая существуетъ у современныхъ народовъ. Часовой циферблатъ, раздѣленный на 60 минутъ,—вавилонскаго происхожденія, равно какъ и дѣленіе окружности на 360 частей (или градусовъ). Вавилонскія мѣры длины и вѣса долго были въ ходу у европейскихъ народовъ.

Вавилонская наука служила преимущественно практическимъ житейскимъ цѣлямъ. Не интересъ къ окружающей насъ природѣ и не стремленіе проникнуть въ тайны вселенной побуждали вавилонскихъ жрецовъ заниматься изученіемъ неба. Существовала вѣра, что небесный сводъ — отраженіе земного міра. Событія на небѣ—знаменія, затменія—опредѣляютъ и судьбу людей. Гаданія о будущемъ по движенію небесныхъ свѣтилъ составляли цѣлую науку (астрологія), которая перешла къ народамъ Европы и еще въ XVII в. пользовалась довѣріемъ даже у образованныхъ людей. Такимъ образомъ, нынѣшняя европейская цивилизація многимъ обязана «вавилонской мудрости», живетъ ея наслѣдіемъ. Дѣло въ томъ, что вавилонская образованность издавна распространялась по всему переднеазіатскому міру. Вмѣстѣ съ товарами вавилонскихъ купцовъ, издѣліями ремесла и произведеніями почвы расходились по странамъ понятія и знанія, создавшіяся въ Вавилонѣ. Въ далекой Палестинѣ и въ Египтѣ была понятна вавилонская рѣчь. Князья Финикіи ведутъ переписку съ фараонами при помощи вавилонскихъ клинописныхъ знаковъ. Народы, едва поднявшіеся изъ варварства, обращались къ Вавилону, какъ къ источнику свѣта и знаній: персы, покорившіе Месопотамію, заимствовали клинопись и примѣнили ее къ своему языку. Возможно, что даже до самой старинной Европы, гдѣ въ эти времена еще господствовала первобытная культура, достигалъ «свѣтъ съ Востока»: изъ отдаленнаго Вавилона доходили издѣлія, способы работы, орудія.

Впослѣдствіи вліяніе восточной образованности на европейскій Западъ становится уже постояннымъ и очень значительнымъ. Немалое значеніе при этомъ имѣлъ *финикійскій народъ*, жившій на восточномъ побережьи Средиземнаго моря,

на рубежѣ между Европой и Азіей. Финикійцы, особенно жители городовъ *Тира* и *Сидона*, были отважными мореплавателями и предпріимчивыми торговцами, ихъ колоніи (поселенія) были разсѣяны повсюду — на островахъ Эгейскаго моря, на греческомъ (Балканскомъ) полуостровѣ, въ Испаніи и Африкѣ (Карѳагенъ). Финикійскіе купцы-мореходы впервые познакомили древнихъ грековъ съ произведеніями Востока, и этимъ путемъ стали переходить на Западъ знанія, вѣрованія, техническіе навыки,—все, что въ тысячелѣтнихъ поискахъ и усиліяхъ мысли создалъ старинный Вавилонъ.

Въ XII в. на Востокѣ поднялось сильное военное государство семитскаго народа — Ассуръ, или *Ассирія*. Ассирійцы были близкими родичами вавилонянъ по своему происхожденію и языку, но мирный промышленный духъ и умственная дѣятельность были чужды воинственному ассирійскому обществу. Это былъ народъ хищныхъ завоевателей, военное дѣло было ими доведено до совершенства. Ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ противостоять натиску ассирійской силы. Ассирія была военнымъ станомъ, постоянно готовымъ къ борьбѣ, и вся ея исторія— длинный списокъ походовъ и завоеваній. Ассирійскіе цари (Асурназирпалъ, Салманасаръ II и др.) покорили всю Месопотамію, воевали въ Финикіи, Палестинѣ, и Египтѣ. Ассирійскія завоеванія сопровождались страшными опустошеніями и избіеніемъ жителей, при чемъ часть населенія уводилась въ плѣнъ въ качествѣ заложниковъ. Мѣстные цари и князья большею частью сохраняли свои престолы, но становились ассирійскими подручниками. Покоренныя страны были обложены тяжелыми налогами. Въ VIII в. ассирійскому владычеству подчинялась огромная область отъ Тигра и Евфрата до Средиземнаго моря. Столица Ассиріи, *Ниневія*, «городъ великій у Бога», по выраженію пророка Іоны, сдѣлалась міровой столицей, въ ея стѣнахъ, благодаря вѣкамъ завоеваній, скопились колоссальныя богатства. Иногда порабощенные народы пытались сбросить нестерпимое иго, но ассирійцы съ безпощадною жестокостью подавляли всякое возстаніе. Надписи ассирійскихъ царей полны описаній такихъ свирѣпыхъ расправъ. «Населеніе удалилось въ недоступныя горы и засѣло на ихъ вершинахъ», повѣствуетъ Асурназирпалъ: «Въ три дня я взошелъ на горы и посѣялъ ужасъ въ ихъ убѣжищахъ. Трупы усѣяли склоны, какъ древесные листья... Я перебилъ всѣхъ сражавшихся, отрѣзалъ имъ головы и сложилъ изъ нихъ курганы». Другой ассирійскій властитель, описавъ такое же свирѣпое подавленіе заговора, прибавляетъ: «поступая такимъ образомъ, я радовалъ сердце великихъ боговъ, моихъ властели-

новъ». Цѣлые народы и царства были стерты ассирійцами съ лица земли (Хетское царство, Эламъ, въ 722 г. Израильское царство). Непрерывныя войны постепенно подкашивали силы ассирійскаго народа. Напрасно пытались нѣкоторые болѣе дальновидные цари сплотить свою разноплеменную державу. Этому мѣшала всеобщая ненависть къ Ассиріи. Ассирія пала внезапно отъ одного удара. Въ 606 г. до Р. Х. мидяне (арійскій народъ) и вавилоняне обложили Ниневію, которая не могла оказать даже слабаго сопротивленія. «Городъ лжи и добычи» подвергся полному разрушенію, и спустя двѣсти лѣтъ никто уже не узналъ въ опустѣлыхъ развалинахъ у берега Тигра прежней владычицы всего переднеазіатскаго міра. Паденіе Ассиріи вызвало ликованіе повсюду, гдѣ въ продолженіе вѣковъ держалось ея жестокое и хищное господство. «И простретъ Онъ руку свою на сѣверъ и уничтожитъ Ассуръ и обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня», восклицаетъ еврейскій пророкъ (Софонія). «И будетъ, что всякій, увидѣвъ тебя, побѣжитъ отъ тебя и скажетъ: разорена Ниневія. Народъ твой разсѣялся по горамъ и некому собрать его. Нѣтъ врачевства для раны твоей, болѣзненна язва твоя. Всѣ, услышавшіе вѣсть о тебѣ, будутъ рукоплескать, ибо на кого не простиралась злоба твоя?» (Наумъ).

Со времени паденія Ассиріи *арійскіе народы* начинаютъ играть дѣятельную роль въ исторіи древняго Востока. Эта многочисленная семья народовъ широко распространилась по Европѣ и Азіи—отъ Индостана до Скандинавскаго полуострова. Ученые предполагаютъ, что арійцы составляли въ давнія времена одинъ народъ или союзъ родственныхъ племенъ; на это указываетъ, между прочимъ, близость ихъ языковъ, которые, какъ полагаютъ, происходятъ отъ общаго древняго языка (праязыкъ). Древнѣйшая область арійскихъ поселеній была, вѣроятно, широкая степная полоса къ западу и къ сѣверу отъ Чернаго моря: здѣсь легче всего могли завязаться сношенія съ восточными народами, отсюда на западъ и востокъ разошлись размножившіяся племена, родоначальники позднѣйшихъ отдѣльныхъ народовъ арійскаго племени.

Уже на древней родинѣ, до разселенія, сложились основы культуры, сходной у всѣхъ арійцевъ. Арійцамъ были знакомы зачатки земледѣлія и скотоводство, рогатый скотъ составлялъ самое цѣнное имущество и служилъ платежной единицей, напр., при покупкѣ жены. Большія семейныя общины подчинялись власти главаря-патріарха, отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ дѣтьми, земля являлась собственностью племени, а не отдѣльныхъ лицъ. Была въ ходу кровная месть, замѣнявшаяся

иногда денежнымъ выкупомъ («вира»—у славянъ, «вергельдъ»—у германцевъ). На ряду съ почитаніемъ предковъ и домашняго бога-огня племя чтило верховныхъ небесныхъ боговъ, дарующихъ плодородіе и жизнь. Всеобъемлющее небо—«отецъ», создатель всѣхъ живыхъ существъ; его мощь и величіе раскрываются въ буряхъ и грозахъ, въ громѣ и молніи (Дьяусъ—у индусовъ, греческій Зевсъ, Юпитеръ римлянъ, Ціу германцевъ).

У аріицевъ Азіи, поселившихся на Иранскомъ плоскогоріи (*мидяне* и *персы*), вся религія выросла изъ древняго мѳа о борьбѣ свѣтлыхъ божествъ съ духами мрака. Около 800 г. до Р. Х. иранскій пророкъ *Заратустра* придалъ этой религіи характеръ чистаго почти единобожія. Міромъ правитъ благостный богъ Агура-Мазда,—сама справедливость и истина. Непримиримый споръ ведетъ съ нимъ Анграмайнью, враждебный добру, воплощеніе смерти и лжи. Эта борьба не прекратится до конца міра. Человѣкъ обязанъ принимать въ ней участіе, чтобы не водворилось царство Анграмайнью на землѣ. Человѣкъ выполняетъ эту задачу, храня правдивость, милосердіе и миръ, воздѣлывая землю и борясь съ пустынями, гдѣ гнѣздятся темныя силы. Сама религія иранцевъ звала къ труду и культурному развитію.

Иранскіе аріицы, поклонники Агура-Мазды, раньше другихъ одноплеменниковъ создали и осѣдлую культуру и сильныя государства. Уже въ половинѣ VII в. возникло мидійское царство, а въ слѣдующемъ вѣкѣ мидійскій данникъ, князь персидскаго племени, *Киръ* (558—529 г. до Р. Х.) завоевалъ всю западную Азію: ему покорились и Мидія и малоазіатскіе правители (Лидія, греческіе города) и царство Нововавилонское, или *Халдея*. Преемникъ «великаго Кира», *Камбизъ*, подчинилъ власти персовъ и Египетъ. При *Даріи Гистаспѣ* персидская всесвѣтная монархія, «царство странъ», какъ ее называли, получила правильное устройство: намѣстники, «сатрапы», управляли прежними царствами, населеніе которыхъ было обложено постоянной податью; царскіе посланцы, «очи и уши государевы», слѣдили за порядкомъ и соблюденіемъ законовъ; правительственная почта передавала повелѣнія «царя царей», который жилъ въ Персеполѣ, окруженный пышнымъ дворомъ и почти божескими почестями, подобно его предшественникамъ, владыкамъ Мемфиса и Вавилона.

Персидская монархія завершаетъ исторію древняго Востока. Народы Азіи съ ихъ разнообразными понятіями и порядками соединились въ общемъ государствѣ. Сильнѣе сдѣлалось культурное смѣшеніе, обмѣнъ произведеній творчества отдѣльныхъ обществъ. Старыя цивилизаціи Востока были оазисами среди

міра варварства и могли быть легко уничтожены натискомъ дикихъ ордъ. Теперь культура охватила обширныя пространства и получила большую устойчивость и прочность. Новые народы—и во главѣ всѣхъ геніальное греческое племя—повели дальше работу мысли и устроенія человѣческой жизни, начатую народами Востока.

5. Древняя Грецiя.

I.

Въ восточной половинѣ Средиземнаго моря Азія и Европа сближаются между собой. Лишь узкіе проливы отдѣляютъ Балканскій полуостровъ отъ малоазіатскихъ береговъ. Цѣпь острововъ, усѣивающихъ Эгейское море, облегчаетъ сношенія между обоими материками. Здѣсь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ старинными государствами Востока возникла и развилась высокая культура индо-европейскаго народа—грековъ или, какъ они иначе назывались, *эллиновъ*.

Въ отдаленныя времена (въ III тысячелѣтіи до Р. Х.) эллины отдѣлились отъ общаго корня и съ сѣвера проникли на Балканскій полуостровъ. Они принесли съ собой немногочисленныя знанія и понятія, свойственныя всѣмъ индоевропейцамъ до раздѣленія. Это были кочевники-скотоводы, знакомые съ употребленіемъ орудій изъ полированнаго камня и, можетъ-быть, съ нѣкоторыми металлами (мѣдью). На новой родинѣ эти переселенцы долго еще продолжали кочевой образъ жизни, и только разрастаніе населенія и недостатокъ земли могли ихъ принудить обратиться къ правильному земледѣльческому хозяйству и къ осѣдлости. Какъ и у прочихъ индоевропейцевъ, у древнихъ эллиновъ господствовалъ *родовой порядокъ*. Община родичей была первоначальнымъ государствомъ. Родъ охранялъ безопасность своихъ сочленовъ, мстилъ чужакамъ за убійство или увѣчье и почиталъ общаго родового предка. Въ жизни природы старинный грекъ повсюду открывалъ присутствіе боговъ. Сіяющіе солнечные боги жили на снѣговыхъ вершинахъ горъ: богъ молніи и грома *Зевсъ*, царица неба *Гера*, *богъ Аполлонъ*—палящее лѣтнее солнце, *Артемида*—луна и др.

По всему Балканскому полуострову проходятъ горныя цѣпи, образующія множество глубокихъ долинъ и ущелій. Горы одновременно защищали Грецію отъ набѣговъ враждебныхъ племенъ съ сѣвера и вносили разъединеніе въ жизнь самого народа. Въ долинѣ могло пріютиться небольшое *племя*, союзъ нѣсколькихъ родовыхъ общинъ, вести здѣсь замкнутую жизнь, создать самостоятельное государство съ укрѣпленнымъ центромъ, который на-

зывался «полисъ» (городъ, кремль). Греческому народу до самаго конца его самостоятельнаго развитія такъ и не удалось составить объединеннаго цѣльнаго государства. Всегда въ немъ раздробленіе, «мелкодержавіе» торжествовало надъ стремленіемъ къ единству, и обычнымъ видомъ государственнаго устройства являлась независимая община съ главнымъ городомъ и небольшой примыкающей къ нему волостью, покрытой мелкими поселками. Такихъ *государствъ-городовъ* было безчисленное множество въ старинной Греціи.

Въ восточной части полуострова горныя долины выходятъ къ морскому берегу, богатому удобными гаванями и корабельными стоянками. Море здѣсь близко и доступно отовсюду, оно глубоко проникаетъ въ материкъ несчетными заливами и бухтами и зоветъ прибрежное населеніе на широкій водный просторъ къ богатымъ странамъ древняго Востока, къ берегамъ Малой Азіи. Острова, усѣивающіе Эгейское море, тянутся непрерывной цѣпью, такъ что старинный мореплаватель почти ни на минуту не терялъ изъ виду береговъ и въ бурю могъ легко найти надежную стоянку. Сильное расчлененіе береговъ и удобство морскихъ сообщеній рано содѣйствовали развитію у грековъ мореходства и указывали имъ путь къ разселенію, тѣмъ болѣе, что скудная каменистая почва Греціи не могла прокормить избытка населенія. Одинъ за другимъ были заняты греками острова по Эгейскому морю, на малоазіатскомъ побережьи появился цѣлый рядъ греческихъ колоній. На островахъ и у береговъ Малой Азіи грекамъ приходилось соприкасаться съ высокой восточной культурой, вступать въ торговыя сношенія, заимствовать техническія знанія. Малая Азія была посредницей между Востокомъ и странами вокругъ Эгейскаго моря. Съ Востока ввозились сюда гончарныя издѣлія и орудія изъ желѣза, изъ Египта пришло знакомство съ каменной архитектурой, черезъ Малую Азію—чеканка монеты и вавилонская система мѣръ и вѣса.

Съ тѣхъ поръ, какъ финикійскій алфавитъ былъ приспособленъ къ греческому языку, могла возникнуть письменность у грековъ. Врожденная пытливость даровитаго греческаго народа глубоко возбуждалась подъ впечатлѣніемъ невиданнаго быта и новыхъ понятій.

Раскопки дали много свѣдѣній о греческомъ бытѣ этой ранней эпохи, обвѣянной вліяніемъ Востока. За 16—15 вѣковъ до Р. Х. и въ самой Греціи (въ Микенахъ, Орхоменѣ) и на островахъ стояли укрѣпленные города съ пышными царскими дворцами и гробницами. Похоже на то, что здѣсь была неограниченная власть царей, и подвластный имъ, закрѣпощенный народъ возводилъ мно-

голѣтнимъ трудомъ эти грозныя стѣны, сложенныя изъ колоссальныхъ каменныхъ глыбъ. Бронзовое оружіе и утварь, рисунки, украшенія—все говоритъ о томъ, какъ далеко ушло впередъ греческое мастерство-искусство въ эти *микенскіе вѣка*.

Еще яснѣе рисуется предъ нами греческое прошлое чрезъ нѣсколько вѣковъ (около 900—700 г. до Р. Х.). Греческія былины *Иліада* и *Одиссея* изображаютъ бурное воинственное время, походы племенъ и набѣги дружинъ подъ начальствомъ могучихъ вождей, осады большихъ городовъ, кровавыя сцены сраженій. Царь, *басилевсъ*, правитъ своимъ народомъ, какъ военный начальникъ и высшій судья. Ему помогаетъ въ правленіи дума изъ представителей *знати*. Былины прославляютъ ея могущество и воинскую удаль.

Знатные называются «счастливыми и лучшими», «жирными, тучными»—за ихъ богатство. Они—«питомцы Зевса» и ведутъ свое происхожденіе отъ верховнаго бога. Самые сильные вожди—князья сидятъ въ укрѣпленныхъ замкахъ, окруженные вѣрными «товарищами»—дружиной, съ ними совѣтуются и дѣлятъ военную добычу. Они выѣзжаютъ на битву въ дорогомъ металлическомъ вооруженіи на колесницахъ. Большія помѣстья, стада и рабы-военноплѣнные, восточныя ткани и цѣнная утварь составляютъ богатство князей. Простой народъ, «худые людишки», по выраженію пѣвца былинъ, находится въ большой зависимости отъ знатныхъ господъ. Крестьянскіе надѣлы («жребій») переходятъ въ руки богачей, безземельные батраки работаютъ за поденную плату въ помѣстьяхъ знати.

Отъ древнихъ временъ уцѣлѣло народное *вѣче*, но оно сдѣлалось безсильнымъ: за нимъ признаютъ только право соглашаться на предложенія царя и думы. Старинный поэтъ изъ народа горько жалуется на гнетъ аристократіи, скорбитъ о беззащитности мелкаго земледѣльца: «Сильный похожъ на ястреба, а человѣкъ простой на соловья, попавшагося въ когти. Безумецъ тотъ, кто хочетъ спорить съ сильнымъ».

Въ VII и VI вѣкахъ большія перемѣны совершились въ греческой жизни. Сельское хозяйство и землевладѣніе постепенно перестали быть главной основой народнаго существованія. Возникли многочисленные *города*, въ которыхъ быстро развивались ремесло и торговля. Ученики Востока, греки, опередили своихъ наставниковъ въ цѣломъ рядѣ производствъ—въ литейномъ искусствѣ, гончарномъ дѣлѣ и ткацкой промышленности. Произведенія греческаго мастерства становятся даже предметомъ вывозной торговли. Часть населенія, оторвавшаяся отъ земли, нашла себѣ занятіе въ промышленности и торговомъ мореходствѣ.

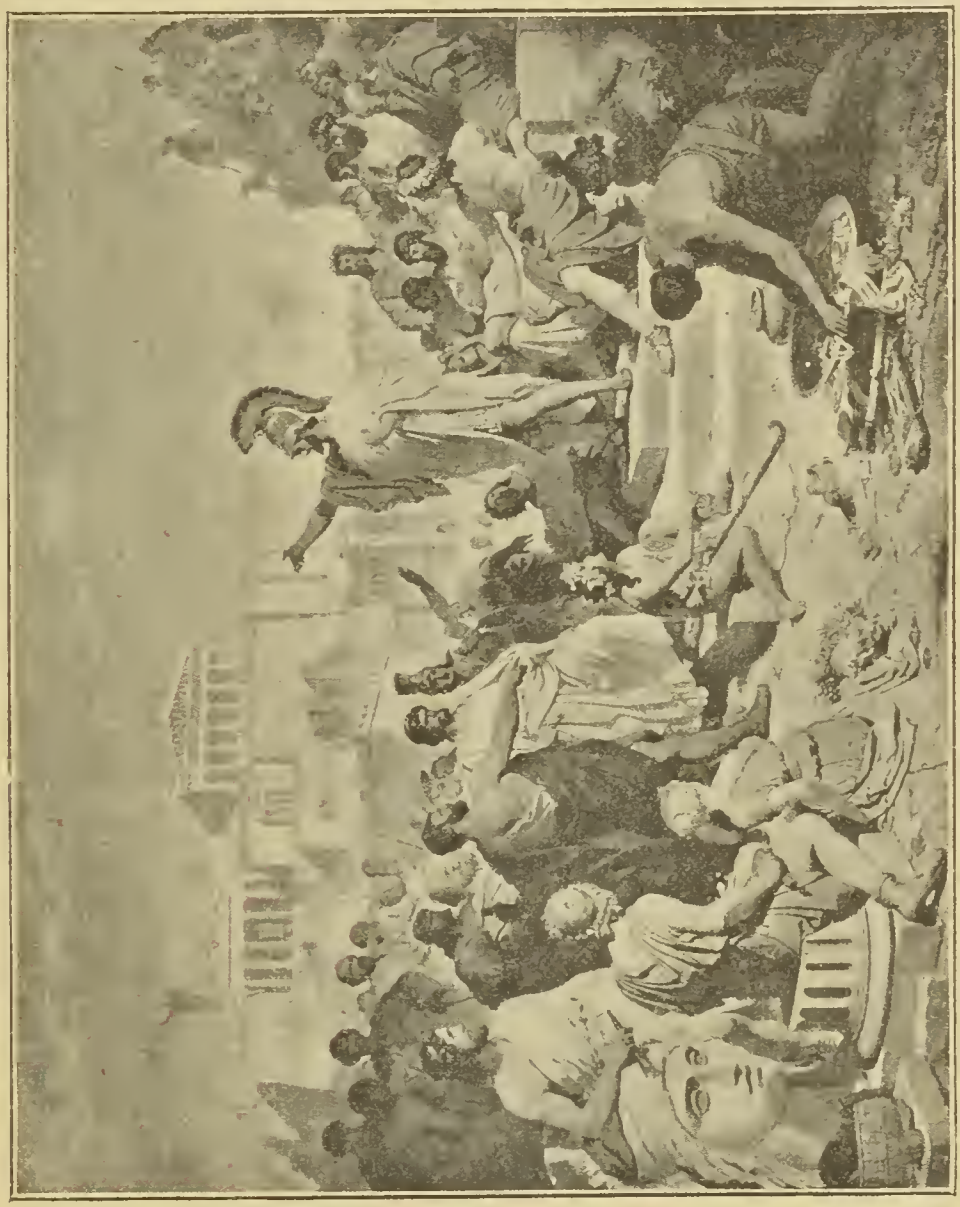
Икона Спаса Великаго Архіерея, въ Смоленскомъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ Москвѣ, письма *Никиты Павловца*, 1677 г. (изъ школы Симона Ушакова).

(См. стр. 416).

Икона Спаса Великаго Архiерея, въ Смоленскомъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ Москвѣ. письма *Никиты Павловца* 1677 г. (изъ школы Симона Ушакова).

(См. стр. 416).

Исчезла прежняя зависимость отъ финикійскихъ купцовъ, которые держали въ своихъ рукахъ морское дѣло и снабжали грековъ товарами Востока. Предѣлы греческаго міра раздвинулись въ эти вѣка, благодаря *колонизаціи* далекихъ странъ. Го-



2. Народное собраніе въ Аѳинахъ при Периклѣ.

нимый нуждой земледѣлецъ и предпріимчивый купецъ создали новую необъятную Грецію по всему побережью Средиземнаго моря. Новые города (колоніи), основанные греками, раскинулись на обширномъ пространствѣ отъ береговъ Испаніи и Италіи до Кавказа и южнорусскихъ степей. Переселенцы не утрачивали связи съ городомъ-матерью (метрополіей), и эта связь поддерживалась, въ особенности, торговлей: колоніи доставляли Греціи

различное сырье, въ которомъ она ощущала недостатокъ (хлѣбъ, рыба, кожи, лѣсъ) и получали взамѣнъ произведенія ея промышленности. Въ оживленномъ торговомъ оборотѣ возвышались богатые приморскіе промышленные города: *Аѳины* и *Коринѳъ* въ собственной Греціи, малоазіатскій *Милетъ* и далекія *Сиракузы*, колонія на островѣ Сициліи, царившая на западѣ Средиземнаго моря, и другіе. Въ такихъ городахъ господствовало денежное хозяйство, широко развивалось монетное обращеніе, денежный капиталъ пріобрѣталъ больше значенія, чѣмъ владѣніе землей и сельское хозяйство. «По деньгамъ и цѣна человѣку», говорила пословица, сложившаяся въ городскомъ быту.

Всѣ эти измѣненія въ хозяйственной жизни греческихъ общинъ—развитіе торговли и промышленности—отразились и на составѣ общества и на устройствѣ государства. Появились новые общественные классы—городскіе *ремесленники* и *купцы*. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались значительныя богатства, благодаря торговлѣ и дешевому труду многочисленныхъ рабовъ, примѣнявшемуся въ мастерскихъ и фабрикахъ. Эти новые, сильные классы не мирились съ владычествомъ знатныхъ землевладѣльцевъ, которымъ все еще принадлежала преобладающая роль въ греческихъ государствахъ.

Въ теченіе VIII вѣка царская власть, уже давно утратившая свою силу, почти повсюду въ Греціи исчезла (кромѣ Спарты и нѣкоторыхъ другихъ общинъ). Представители знатныхъ родовъ подѣлили между собой ея права. Выборные сановники и прежняя царская дума изъ знати вѣдали управленіе и судъ. Малоземельные и разоренные *крестьяне* были въ еще большей зависимости отъ аристократіи, чѣмъ прежде. Нужда заставляла ихъ дѣлать займы у крупнаго землевладѣльца при высокомъ въ тѣ времена денежномъ ростѣ (до 20%), обезпечивая долгъ своимъ надѣломъ. Если долговая сумма превышала стоимость земли, крестьянинъ и его семья попадали въ кабалу къ заимодавцу, должны были отработать ему всю сумму долга и даже могли быть имъ проданы въ рабство.

Въ сѣверной Греціи (въ Ѳессаліи) крестьяне, или «убогіе» (пенесты), превратились совсѣмъ въ крѣпостныхъ; въ средней Греціи, напримѣръ, въ Аттикѣ, области г. Аѳинъ, имъ грозила такая же участь. «Земля была въ рукахъ немногихъ», говоритъ лѣтописецъ; закладные камни стояли повсюду на крестьянскихъ поляхъ, часть земледѣльческаго населенія была уже полузависимой и состояла изъ оброчныхъ крестьянъ *шестидольниковъ*, отдававшихъ сосѣду-помѣщику каждый шестой снопъ изъ

своего урожая. Многіе несостоятельные должники должны были покинуть Аттику и скитались въ изгнаніи, другіе продавались въ рабство заимодавцами. Суровое владычество аристократіи наполняло ненавистью все остальное населеніе, весь *демосъ* (народъ). «Тяжелѣе и горше всего,—говоритъ лѣтописецъ,—ощущалъ простой народъ въ государственномъ строѣ того времени свою закабаленность. Но тяготился онъ далеко не ею одною: вѣдь, можно сказать, ни въ чемъ ему не было доли». Судебныхъ уставовъ въ то время еще не существовало и судьи-знатные могли рѣшать дѣла по произволу и выносить пристрастныя постановленія. «Неправедный судъ лихоимцевъ» былъ одинаково невыносимъ для всѣхъ, и первое требованіе демоса въ начавшейся борьбѣ съ аристократіей заключалось въ установленіи опредѣленныхъ писанныхъ законовъ. Въ VII и началѣ VI в. до Р. Х. появляются первыя *записи права* въ греческихъ общинахъ. Таково, напримѣръ, законодательство архонта (городского правителя) *Дракона* въ Аѳинахъ: въ немъ сохранилась вся неумолимость древняго уголовнаго закона, карающаго смертью даже за незначительныя преступленія, и суровое долговое право—кабала за долги.

Зажиточные городскіе классы не удовлетворились этой уступкой знати. Богатые купцы, промышленники, мореходы сознавали свое значеніе и силу и не могли мириться съ прежнимъ подчиненнымъ положеніемъ. Они потребовали политической реформы: участія въ правительственной думѣ и права выборовъ на государственныя должности. Богатству должны быть предоставлены такія же права въ государственномъ управленіи, какія до сихъ поръ принадлежали знатному происхожденію.

Крестьянство поддерживало горожанъ, надѣясь, что паденіе аристократіи принесетъ имъ «отмѣну долговъ» и «передѣлъ земли», отобранной у знатныхъ; но господствующее сословіе не желало добровольно разстаться со своей властью. Весь VI вѣкъ греческой жизни былъ временемъ внутреннихъ смутъ, иногда настоящей войны между партіями, призывавшими противъ роднаго города враговъ-сосѣдей. Ожесточеніе въ этой борьбѣ за власть видно изъ клятвы знатныхъ: «обѣщаюсь вѣчно быть врагомъ народа и вредить ему, насколько хватитъ моихъ силъ». Побѣжденные иногда предпочитали выселяться на чужбину, чѣмъ подчиниться власти противниковъ, и ихъ имущество захватывалось побѣдителями.

Случалось, что враждующія партіи выбирали посредника съ неограниченной властью. Ему поручалось созданіе новаго строя,

который примирилъ бы интересы аристократіи и демоса и положилъ конецъ междоусобію. Такимъ посредникомъ въ Аѳинахъ въ началѣ VI в. явился архонтъ *Солонъ*.

Исторія аѳинской общины извѣстна лучше и подробнѣе, чѣмъ прошлое другихъ греческихъ городовъ. По исторіи этого города можно всего яснѣе прослѣдить, какъ развивался въ Греціи новый порядокъ: равенство и участіе во власти всего народа—*демократія*, или народовластіе.

Двѣ задачи стояли предъ Солономъ: вывести земледѣльческое населеніе изъ тягостной закабаленности крупнымъ землевладѣльцамъ и предоставить горожанамъ извѣстную роль въ государственномъ строѣ. Великое зло аѳинской жизни требовало рѣшительныхъ и смѣлыхъ мѣръ. И Солонъ объявилъ уничтоженными всѣ долговыя обязательства. Залоговые камни были сняты съ крестьянской земли, люди, закабаленные за долгъ, получили свободу, законъ навсегда запретилъ давать ссуды подъ залогъ тѣла, т.-е. личности должника. Благодарный народъ назвалъ мѣропріятія Солона *снятіемъ бремени*. Для крестьянъ, освободившихся теперь отъ платежей помѣщикамъ, эта великая реформа была какъ бы освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Измѣнился и весь государственный строй; права распредѣлились не по знатности, а по достатку. Все населеніе было раздѣлено на «классы» въ зависимости отъ дохода съ недвижимыхъ имуществъ. Люди высшихъ имущественныхъ классовъ, промышленники и торговцы, получили доступъ къ высшимъ правительственнымъ должностямъ, наравнѣ съ «благороднорожденными» (эвпатридами) и наполнили городской *совѣтъ четырехсотъ*: *Вѣче* изъ всѣхъ свободныхъ гражданъ рѣшало вопросы войны и мира, законодательствовало и выбирало смѣнявшихся изъ года въ годъ правителей (архонтовъ). Было важно въ новомъ строѣ равенство всѣхъ предъ закономъ, возможность для обиженнаго обращаться къ *народному суду*, который сталъ важнѣйшей опорой нарождающейся власти демоса.

«Я далъ народу должную свободу, не умалилъ и не превысилъ мѣры», такъ говорилъ Солонъ въ стихотвореніи о своемъ дѣлѣ. Однако, ни одна изъ партій не осталась довольной его преобразованіями. Смута возобновилась и привела къ тому, что въ Аѳинахъ установилась единоличная власть, основанная на захватѣ при помощи военной силы. Такая власть носила имя *тиранніи* и не разъ возникала въ греческихъ городахъ среди междоусобныхъ споровъ.

Новый правитель *Писистратъ* опирался на крестьянскую массу и тѣснилъ аристократію. Его преемники не сумѣли сохранить народнаго сочувствія и были свергнуты (510 г. до

Р. Х.). «Вождемъ народа» сталъ теперь *Клисѳенъ*, происходившій изъ знатной аѳинской семьи. Могущество аристократіи было въ конецъ расшатано реформами этого эвпатрида. Выборы на должности и въ городскую думу отъ родовыхъ союзовъ, гдѣ знатные еще могли вліять на избирателей, отошли къ новымъ выборнымъ округамъ; переселенцы изъ другихъ греческихъ общинъ пріобрѣли права аѳинскаго гражданства и усилили народную партію; въ сельскихъ общинахъ (демахъ) укрѣпилось самоуправленіе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Все это расширяло политическій опытъ народа, крѣпче соединяло съ новымъ строемъ. Возстановленіе господства знатныхъ было уже немыслимо, а противъ тиранніи Клисѳенъ провелъ законъ объ *остракизмѣ*. Ежегодно весной на вѣчѣ писали на черепкахъ («остраконъ», отсюда и названіе «остракизмъ») имена людей, которые своимъ могуществомъ и честолюбіемъ казались опасными для свободы. Названный большинствомъ такихъ записокъ изгонялся изъ страны на десять лѣтъ. Такъ молодая демократія отстаивала свое существованіе отъ враждебныхъ силъ.

Меньше, чѣмъ за сто лѣтъ, всѣ основы общественной жизни глубоко измѣнились въ Аѳинахъ. Сходныя перемѣны произошли и во многихъ другихъ городахъ, особенно тамъ, гдѣ развился промышленный классъ. Были, однако, общины, гдѣ старые порядки оставались не потрясенными. Такова была *Спарта* на югѣ греческаго полуострова, крѣпкое военное государство, основанное на завоеваніи одного племени другимъ. Народъ побѣдителей (доряне) составилъ здѣсь господствующій классъ — дворянство (*спартіаты*), старое покорившееся населеніе стало зависимымъ крестьянствомъ. Жизнь спартіата была подчинена суровой воинской дисциплинѣ, напоминала лагерную жизнь, воспитаніе развивало въ немъ съ юношескихъ лѣтъ товарищескій духъ и доблести солдата. Весь строй былъ направленъ къ тому, чтобы держать въ порабощеніи крѣпостную массу, *гелотовъ*, готовую подняться противъ своихъ немногочисленныхъ господъ. Спарта была, естественно, врагомъ освободительныхъ движеній, уничтожавшихъ власть аристократіи, и знатные смотрѣли на нее, какъ на союзника въ борьбѣ съ народоправствомъ. Напротивъ, демосъ городовъ, въ которыхъ укрѣпилось народное правленіе, примыкали къ Аѳинамъ, самому сильному демократическому государству въ греческомъ мірѣ.

II

Въ началѣ V столѣтія развитіе греческаго народа едва не было прервано нападеніемъ внѣшнихъ враговъ. Надъ Греціей

прошла гроза персидскаго нашествія. Маленькая раздробленная страна должна была отстаивать свою свободу отъ неизмѣримо сильнѣйшаго противника—Персидской державы, созданной Киромъ и Даріемъ Гистаспомъ. Персія вобрала въ себя почти всѣ страны древняго Востока и наложила руку на греческіе города малоазіатскаго побережья. Такая же судьба грозила европейской Греціи. Послѣ того, какъ малоазіатскія общины (въ 500 г.) попытались свергнуть персидское иго и европейскіе греки (аѳиняне) оказали имъ помощь присылкой кораблей, большія восточныя войска и сильный финикійскій флотъ двинулись на завоеваніе Эллады.

Въ виду грозной опасности, распри были на время забыты, и въ годину народнаго бѣдствія греки дали примѣръ удивительнаго мужества и патріотическаго одушевленія. Въ сухопутныхъ битвахъ при *Мараѳонѣ* (490 г.) и *Платеяхъ* (479 г.) и въ морскомъ бою у *Саламина* (480 г.) сказался и ихъ перевѣсъ въ военномъ дѣлѣ надъ полчищами Дарія и его сына Ксеркса. Персы послѣ цѣлаго ряда неудачъ были вынуждены отступить, отнынѣ малоазіатскіе греческіе города были свободны отъ персидской власти. Эти побѣды грековъ имѣли великое значеніе въ исторіи, такъ какъ персидское нашествіе грозило уничтожить ростки той высокой образованности, которую древніе греки создали и передали европейскому міру.

Самую видную роль въ этой войнѣ за независимость сыграли Аѳины. Аѳинскіе государственные дѣятели наиболѣе способствовали сплоченію греческихъ силъ; аѳинскіе гоплиты (тяжеловооруженные воины) подъ начальствомъ *Мильтіада* и превосходный флотъ, созданный по настоянію предусмотрительнаго *Ѳемистокла*, рѣшили судьбу главныхъ сраженій съ персами.

Съ этого времени къ Аѳинамъ перешло политическое первенство (*гегемонія*) во всемъ греческомъ мірѣ, раньше принадлежавшее спартанцамъ. Греческіе города на островахъ и въ Малой Азіи смотрѣли на Аѳины, какъ на вождя въ дальнѣйшей борьбѣ съ персами: вѣдь только Аѳины и располагали необходимыми для этого морскими силами. Образовался *военный союзъ* морскихъ греческихъ государствъ, руководителемъ котораго стали Аѳины. Аѳинскій полководецъ *Аристидъ*, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ за свою справедливость и честность, былъ главнымъ устроителемъ союза: всѣ его участники имѣли равный голосъ въ союзныхъ съѣздахъ, доставляли военныя суда или уплачивали денежныя суммы по установленной раскладкѣ въ союзную казну на островѣ Делосѣ. Скоро союзъ охватывалъ почти все Эгейское море, въ него вошло до 300 греческихъ общинъ, и еще тридцать лѣтъ, медленно угасая, тянулась война грековъ съ персами.

Война не только научила грековъ соединять свои силы: она высоко подняла самосознаніе эллинскаго народа и его вѣру въ свою мощь и свое будущее. Побѣдители «великаго царя» гордились именемъ эллиновъ и были убѣждены, что они—первый народъ на свѣтѣ, которому суждено господствовать надъ «варварами». Опасность утратить свободу укрѣпила любовь къ демократическому строю. Грецiя скоро оправилась отъ бѣдствій войны, еще сильнѣе закипѣла въ ней промышленно-торговая работа, благодаря которой средніе и низшіе классы пріобрѣли еще большее значеніе въ государственномъ строѣ. Народный подъемъ отразился на всѣхъ сторонахъ греческой жизни въ годы, слѣдовавшіе за войной.

Наступило замѣчательное *пятидесятилѣтіе* (480 — 430), въ теченіе котораго греческій народъ раскрылъ всѣ свои духовныя дарованія и достигъ небывалаго культурнаго расцвѣта. Аѳины и здѣсь стали во главѣ остальныхъ городовъ, были истинной «школой Эллады» и въ общественной жизни, и въ области мысли.

Народный строй окончательно сложился и окрѣпъ въ эти годы. Произошло это не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ старины, преимущественно землевладѣльцевъ; съ опасеніемъ смотрѣли они на развитіе флота и планы продолженія войны на морѣ: все это лишь усиливало значеніе демоса, изъ котораго набиралась «корабельная чернь», т.-е. гребцы на судахъ. Но вліяніе землевладѣльческаго класса было уже незначительнымъ, такъ какъ сельское хозяйство все больше отступало предъ городской промышленностью и морской торговлей. Городскіе люди — владѣльцы капиталовъ, судохозяева и ихъ матросы, ремесленники и рабочіе въ аѳинской гавани (Пирей)— всѣ они требовали дальнѣйшихъ преобразованій государственнаго устройства. Городской классъ больше всего нуждался въ рынкахъ для своей торговли и потому стоялъ за усиленіе морскихъ силъ и смѣлыя завоевательныя предпріятія.

Опираясь на горожанъ, новые «народные вожди» окончательно уничтожили такіе порядки и учрежденія, которые не соотвѣтствовали духу общаго равенства. Государственныя должности, бывшія раньше достояніемъ богатыхъ, уже успѣли сдѣлаться доступными для всѣхъ горожанъ и распредѣлялись по жребію, въ томъ числѣ важныя должности *архонтовъ*, городскихъ правителей и судей. Теперь наступила очередь древняго совѣта *Ареопага*, проникнутаго духомъ старины и состоявшаго изъ пожизненныхъ членовъ, неподвластныхъ народу. По предложенію *Эфіальта* (462 г.), почти всѣ его права были раздѣлены

между народнымъ собраніемъ, городскимъ совѣтомъ и народнымъ судомъ. Рушилось, такимъ образомъ, послѣднее препятствіе для полнаго владычества народа.

Вся государственная жизнь въ Аѳинахъ сосредоточилась на главной городской площади, гдѣ собиралось *вѣче*. Здѣсь рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, о налогахъ и займахъ, устанавлялись новые законы, разсматривались отчеты уходящихъ въ отставку чиновниковъ и жребіемъ опредѣлялись ихъ преемники. *Совѣтъ пятисотъ*, избранныхъ по уѣздамъ, подготовлялъ всѣ дѣла для доклада собранію. Рѣшенія народнаго собранія должны были стоять въ соотвѣтствіи съ дѣйствующими законами; въ противномъ случаѣ, по жалобѣ любого гражданина («обвиненіе въ противозаконіи»), ихъ можно было пріостановить, а ихъ виновникамъ грозило судебное наказаніе.

Какъ и повсюду въ древнемъ мірѣ, въ Аѳинахъ не было народнаго представительства: аѳинская демократія была *непосредственнымъ народовластіемъ*, т.-е. въ государственной дѣятельности всѣ граждане участвовали лично, а не чрезъ своихъ представителей, депутатовъ, какъ въ современныхъ государствахъ. Аѳинскій демосъ былъ *народомъ - государемъ*. Такая форма правленія была возможна только въ старинномъ государствѣ - городѣ съ его небольшими размѣрами и количествомъ гражданъ, не превышавшимъ нѣсколькихъ тысячъ. Въ многолюдномъ вѣчевомъ собраніи дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, враждебныя *партіи* боролись между собою, защищая свои интересы. Большое значеніе пріобрѣтали люди, обладавшіе государственнымъ опытомъ, сильной волей, увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Такіе люди становились вождями партій и, опираясь на своихъ сторонниковъ, руководили государствомъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ государственныхъ дѣятелей въ Аѳинахъ въ V вѣкѣ является *Периклъ*.

Несмотря на знатное происхожденіе, Периклъ стоялъ въ рядахъ народной партіи, былъ другомъ Эфіальта и, вмѣстѣ съ нимъ, боролся съ *Кимономъ* и *Ѳукидидомъ*, противниками демократическихъ преобразованій. Когда Эфіальтъ, ненавистный аристократіи изъ-за реформы ареопага, былъ убитъ, Периклъ сдѣлался главнымъ борцомъ за демократію. Одинъ за другимъ сошли со сцены его противники, изгнанные народнымъ голосованіемъ, и въ продолженіе 15 лѣтъ Периклъ стоялъ во главѣ аѳинскаго гражданства, какъ лучшій человѣкъ, облеченный неограниченнымъ довѣріемъ аѳинянъ. «Было по имени народовластіе, на дѣлѣ же правленье одного», замѣчаетъ писатель того времени, желая показать значеніе Перикла въ государствѣ. Периклъ не унижался

до лести предъ народомъ, какъ дѣлали его преемники, своекорыстные дѣльцы *демагоги* (народные вожаки): онъ подчинялъ себѣ измѣнчивую толпу силой ума и глубокаго убѣжденія, звучавшаго въ его рѣчахъ на вѣчѣ (рис. 2).

Демократическій строй больше всего отличался *свободой*, какую онъ предоставлялъ отдѣльной личности и всему народу. Старинныя государства востока не знали ничего подобнаго: тамъ населеніе было порабощено неограниченной единоличной властью, человѣкъ не имѣлъ никакихъ правъ въ государственномъ строѣ и не могъ свободно распоряжаться своей судьбой. Греки же принесли въ міръ нѣчто новое: самоуправленіе свободнаго народа и равенство всѣхъ предъ закономъ — политическую свободу и гражданское равноправіе. «Нашъ строй называется демократическимъ, — говорилъ передъ концомъ своей жизни Периклъ,—потому что основанъ на большинствѣ, а не на меньшинствѣ. По закону у насъ у всѣхъ одинаковыя права; что же касается значенія въ государствѣ, то каждый можетъ преуспѣть въ государственной дѣятельности не въ силу принадлежности къ тому или другому классу, а по своимъ достоинствамъ». Греческій народъ гордился своей свободой и видѣлъ въ ней свое важнѣйшее отличіе отъ остального міра, который носилъ у грековъ названіе варваровъ. «Одни люди по природѣ свободны, другіе—по природѣ же рабы, — утверждалъ греческій философъ Аристотель,—къ свободѣ призваны одни греки, варвары же обречены на рабство».

Въ свободномъ аѳинскомъ строѣ въ V вѣкѣ личности были открыты всѣ пути, была возможность всесторонняго развитія ея духовныхъ свойствъ и дарованій. Греческій народъ вообще былъ народомъ высокоодареннымъ; греческій умъ отличался многосторонностью и ясностью пониманія, стремленіемъ къ пытливому изслѣдованію и безстрашному исканію истины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, греки были настоящимъ народомъ художниковъ: у нихъ было врожденное чувство прекраснаго и любовь къ искусству, которое тѣсно сливалось со всей ихъ повседневной жизнью.

Благодаря этимъ особенностямъ греческаго генія, въ связи съ общественной свободой, Аѳины въ V в. достигли небывалаго культурнаго расцвѣта. Никогда еще художественное творчество не отличалось такимъ величіемъ и красотой, никогда еще мысль не искала путей познанія такъ страстно и настойчиво, какъ въ эти годы. То было время великихъ художниковъ, поэтовъ и мыслителей, которые сдѣлали безсмертнымъ имя грековъ. Воздвигались прекрасные храмы и подъ рѣзцомъ великихъ мастеровъ возникали совершеннѣйшія созданія скульптуры. Въ театрѣ много-

тысячная толпа присутствовала на представленіи трагедій Эсхила и Софокла, историки и путешественники (Геродотъ) разсказывали ей о недавней славной войнѣ за свободу и о странномъ бытѣ отдаленныхъ народовъ. На шумной площади кипѣли политическіе споры, и *софисты*, «учители мудрости», бесѣдовали съ молодежью о счастіи и справедливости, о лучшемъ государственномъ устройствѣ, о достовѣрности человѣческаго знанія.

Народный строй не былъ, однако, проченъ, у него было много враговъ и много недостатковъ. Гражданскія и политическія права въ полномъ объемѣ принадлежали только *меньшинству*— свободнымъ гражданамъ, аѳинскимъ уроженцамъ. Переселенцы изъ другихъ городовъ, *метэки*, и довольно многочисленные *рабы* оставались безправными. Аѳинское гражданство ни съ кѣмъ не хотѣло дѣлиться выгодами своего положенія, напр., платой за участіе въ совѣтѣ и судѣ (впослѣдствіи и въ народномъ собраніи), которая предоставлялась гражданамъ.

Не было равенства и въ отношеніяхъ аѳинянъ и ихъ союзниковъ. Морской союзъ постепенно превратился въ *аѳинскую державу*, состоявшую изъ главнаго города и его подданныхъ. Союзная казна была перенесена въ Аѳины, часть доходовъ отъ взносовъ союзниковъ шла на богатыя постройки въ аѳинскомъ кремлѣ, члены союза должны были подчиняться рѣшеніямъ аѳинскаго вѣча и судиться въ аѳинскомъ судѣ. Попытки возстаній были подавлены вооруженной рукой, и въ непокорныхъ городахъ поставлены аѳинскія войска для наблюденія. Союзники не мирились съ утратой независимости, и многіе изъ нихъ ждали лишь благопріятнаго момента, чтобы избавиться отъ подчиненія аѳинянамъ.

Другая опасность для демократіи состояла въ отсутствіи общественнаго равенства. По мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства и торговаго оборота, большія богатства скоплялись въ отдѣльныхъ рукахъ, *имущіе классы* обособлялись отъ народа. Масса, живущая трудомъ своихъ рукъ, съ недовѣріемъ и враждой смотрѣла на богатыхъ; различіе въ имущественномъ положеніи особенно бросалось въ глаза при полномъ равноправіи и одинаковомъ участіи въ государственной дѣятельности. Въ свою очередь, состоятельные люди враждебно относились къ власти демоса, который охотно возлагалъ на нихъ всю тяжесть военныхъ издержекъ и различныхъ повинностей. Въ Аѳинахъ никогда не исчезала партія *олигарховъ*, сторонниковъ прежняго аристократическаго устройства. Въ своихъ тайныхъ обществахъ, *гетеріяхъ*, они исподволь готовили переворотъ, который долженъ былъ низвергнуть ненавистное «господство черни», разсчитывая при этомъ на содѣйствіе аристократическаго правительства Спарты

Олигархамъ удалось осуществить свои замыслы въ концѣ V в. во время продолжительной междоусобной войны, возникшей между Спартой и Аѳинами, при чемъ на сторонѣ спартанцевъ стояли города южной Греціи (Пелопоннеса) съ отсталымъ несвободнымъ строемъ, съ аѳинянами же были демократическіе приморскіе города. Эта *пелопоннесская война* тянулась съ перемѣннымъ счастьемъ четверть вѣка (431—404 г.) и закончилась полнымъ разгромомъ Аѳинъ. Морская держава распалась, аѳинскій флотъ былъ сожженъ, и въ самомъ городѣ водворилось хищническое и своевольное *правленіе олигарховъ*, которымъ помогала Спарта. Народный строй былъ, впрочемъ, вскорѣ возстановленъ, но Аѳины уже никогда не могли вернуть себѣ прежняго процвѣтанія и внѣшней силы.

IV вѣкъ былъ временемъ *упадка Греціи*. Жестокая война подорвала народное хозяйство, среди военныхъ насилій грубѣли нравы и развивалась страсть къ захватамъ и легкой наживѣ. Въ греческомъ обществѣ усилилась вражда между богатыми и бѣдняками, въ городахъ вспыхивали ожесточенныя внутреннія распри. Спарта повсюду водворяла олигархію, власть меньшинства, но и тамъ, гдѣ удавалось возстановить демократическій порядокъ и изгнать спартанскихъ ставленниковъ, хозяйничали корыстные демагоги, подкупы и растраты становились обычнымъ явленіемъ.

Раздробленная и обезсиленная страна не могла уже сопротивляться внѣшнему завоеванію. Въ IV в. на сѣверѣ полуострова усилилась *Македонія*, страна съ населеніемъ, родственнымъ грекамъ, и съ крѣпкимъ военнымъ устройствомъ. Ея предпріимчивый царь *Филиппъ* вмѣшался въ греческія смуты и въ 338 г. въ битвѣ при *Херонеѣ* нанесъ пораженіе союзнымъ греческимъ войскамъ. Съ этого времени греки утратили политическую независимость и должны были признать надъ собой македонскую власть (гегемонію), а Филиппа—своимъ предводителемъ въ войнѣ съ Персіей, задуманной македонскимъ царемъ.

Завоеваніе Персіи греками было настоящимъ переворотомъ въ жизни всего древняго міра. «Исторія нашихъ дней покажется сказкой грядущимъ поколѣніямъ», восклицаетъ писатель того времени. Небольшая армія *Александра Македонскаго* (336—323 г.), сына Филиппа, покорила огромную восточную державу, еще недавно грозную своимъ могуществомъ для самой Греціи. Только персы оказали сопротивленіе, остальные народы остались равнодушными или привѣтствовали грековъ какъ освободителей отъ персидскаго ига. Отъ Египта до берега Инда войска Александра прошли съ побѣдами чрезъ безпредѣльныя страны западной

Азіи, и древнія царства Востока слились въ одну всемірную монархію греческаго царя.

Вслѣдъ за арміей грековъ, устремился въ богатыя страны Востока избытокъ населенія изъ Греціи. Чуждые до сихъ поръ народы смѣшивались въ державѣ Александра и вліяли другъ на друга. Восточныя понятія сильно отразились на строѣ государствъ Александра и его преемниковъ, раздѣлившихъ послѣ его смерти покоренныя земли. Повсюду оставалась привычная для населенія царская власть, неограниченная и обоготворенная, какъ и во времена древнихъ властителей Египта или Персіи. Зато въ духовной жизни брала верхъ высшая греческая образованность, *эллинизмъ*, и греки сдѣлались наставниками народовъ Востока, отъ которыхъ сами когда-то получили начатки культуры.

Въ IV в., несмотря на политическій упадокъ, въ Греціи не прекращалось развитіе философіи, наукъ и искусства. Умственный кругозоръ грековъ расширился, когда они ознакомились, благодаря завоеванію Востока, съ бытомъ невѣдомыхъ странъ и неизвѣстными имъ раньше явленіями природы. Величайшимъ мыслителемъ этого вѣка былъ *Аристотель*. Его всеобъемлющій умъ соединилъ всѣ знанія своего времени и прокладывалъ новые пути въ различныхъ областяхъ науки. Аристотель и его ученики изучали вопросы *политики* (наука о государственномъ устройствѣ и управленіи), *логики* и *этики* (наука о нравственности), занимались *исторіей* и *естествознаніемъ*.

Еще шире стало научное познаніе въ два слѣдующихъ вѣка, когда средоточіемъ греко-восточной образованности сдѣлалась *Александрія* въ устьѣ Нила. Египетскіе цари, преемники Александра, создали здѣсь научное учрежденіе *Музей*—съ огромной библіотекой, богатыми зоологическими и ботаническими собраніями, обсерваторіей для наблюденія неба. Александрійскіе ученые работали надъ *языкомъ* и *литературой*; огромные успѣхи были сдѣланы ими въ изученіи точныхъ наукъ—*математики* и *астрономіи* (Эратосѳенъ, Эвклидъ, Птолемей); научная *медицина*, основанная грекомъ Гиппократомъ, далеко подвинулась впередъ, благодаря занятіямъ *анатоміей*.

Благодаря всей этой умственной работѣ, греки сдѣлались *основателями европейской науки* въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время. Они выработали основы научнаго метода (опытъ и наблюденіе), освободили знаніе отъ суевѣрій, которыми еще была полна древне-восточная наука; впервые у нихъ зародилось отвлеченное мышленіе и взглядъ на знаніе, какъ на самостоятельную цѣль, помимо его житейскихъ примѣненій.

Во всемъ этомъ греки явились учителями міра. Мало того, не только наша наука—вся *современная цивилизація* ведетъ отъ нихъ свое начало. Греція была колыбелью идей, которыя волнуютъ насъ и въ настоящее время. «Все то, за что мы еще теперь боремся,—истина, свобода, равенство,—за все это боролись уже греки... Грекамъ мы обязаны всѣми благами, которыя дѣлаютъ нашу жизнь достойной жизни,—нашей наукой, нашимъ искусствомъ, идеалами умственной и политической свободы».

6. Римское государство.

I.

За нѣсколько вѣковъ до Р. Х. на Апеннинскомъ полуостровѣ, гдѣ находится нынѣшняя Италія, жили многочисленныя племена, принадлежавшія, какъ и древніе греки, къ великой семьѣ индоевропейскихъ народовъ. Подобно грекамъ, они въ незапамятныя времена отдѣлились отъ общаго корня и заселили полуостровъ, при чемъ каждое утвердилось въ своей особой области. Море слабо изрѣзывало Апеннинскій полуостровъ. Мало заливовъ и удобныхъ гаваней, особенно на восточномъ берегу, обращенномъ къ культурнымъ странамъ древняго міра. Сношенія съ другими народами, мореплаваніе и торговля не могли здѣсь развиться съ такой силой, какъ въ сосѣдней Греціи. Главными занятіями населенія Италіи были во всѣ времена и остались скотоводство и земледѣліе, которому благопріятствовали климатъ и плодородная почва. Римское государство, впослѣдствіи возникшее въ Италіи, долго оставалось чисто крестьянскимъ государствомъ, и земельный вопросъ былъ главнымъ вопросомъ римской жизни въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Изъ-за земли враждовали между собой и старинныя племена Италіи. Они не сознавали общаго родства, вели между собой безконечныя мелкія войны, устраивая въ срединѣ своей области укрѣпленные поселки для защиты отъ набѣговъ сосѣдей. По своей многолюдности и силѣ особенно выдавалось *латинское племя*, осѣвшее въ средней части полуострова. Его область называлась *Лаціумъ*. Здѣсь на холмахъ по лѣвому берегу Тибра выросло поселеніе, которому суждено было сыграть великую роль въ исторіи Италіи и всей Европы.

Римъ (Рома—на латинскомъ языкѣ)—такъ называлось это поселеніе—обладалъ очень выгоднымъ положеніемъ. Онъ стоялъ на главномъ водномъ пути средней Италіи, недалеко отъ моря и, такимъ образомъ, пріобрѣталъ важное торговое значеніе. Съ другой стороны, это была главная крѣпость на границѣ латинской

земли, выдвинутая противъ враждебныхъ сосѣдей—этрусковъ и другихъ племенъ. Постепенно въ теченіе вѣковъ Римъ превратился изъ незначительнаго города въ сильное государство, власти его покорились сначала жители латинской области, потомъ всѣ народы Италіи и, наконецъ, Римъ сталъ главой всего тогдашняго міра, правителемъ и господиномъ великой державы, охватившей всѣ земли и государства вокругъ Средиземнаго моря.

Начало Рима навсегда останется неизвѣстнымъ, какъ и начальная исторія другихъ старинныхъ государствъ. Позднѣйшіе римскіе писатели записали народныя преданія и сказки объ этой древнѣйшей порѣ. Два брата основали Римъ, и одинъ изъ нихъ—Ромулъ далъ свое имя городу и былъ его первымъ царемъ. Одинъ за другимъ правили семь царей, послѣдній—Тарквиній—былъ изгнанъ возмутившимся народомъ. Нынѣшняя историческая наука считаетъ всѣ эти преданія недостовѣрными, въ нихъ быль перемѣшана съ вымысломъ. Извѣстно только, что въ древнемъ Римѣ было *царское правленіе*, что нѣкоторое время городъ находился подъ властью неиндоевропейскаго народа этрусковъ; за пять столѣтій до Р. Х. Римъ сбросилъ съ себя чужеземное иго, и монархическая власть уступила мѣсто *республиканскому устройству*.

Съ этого времени во главѣ Рима стоятъ выборные городскіе правители — двое «товарищей», *консуловъ*. Они являются наслѣдниками царской власти, имъ принадлежитъ право приказывать и казнить. Они судятъ преступниковъ и водятъ противъ непріятеля ополченія гражданъ. Но власть ихъ срочная и все же ограниченная. *Народное собраніе* выбираетъ ихъ всего на одинъ годъ, на ихъ распоряженія можно принести жалобу народу. Только въ годы великой опасности, внутренняго раздора или грознаго натиска враговъ, царская власть временно какъ бы возрождалась. Римляне отмѣняли консуловъ и ставили обыкновенно на 6 мѣсяцевъ диктатора съ безграничной властью. Вообще же во всѣхъ областяхъ управленія въ республиканскомъ Римѣ выступаютъ теперь выборные сановники, или *магистраты* (преторъ, цензоръ, квесторы) съ властью, порученной на небольшой опредѣленный срокъ и ограниченной. Надъ всѣми магистратами возвышался *сенатъ* (собраніе старѣйшинъ). Онъ составлялся изъ бывшихъ выборныхъ правителей и представлялъ собой верховное правительство республики. Всѣ эти должности и, вмѣстѣ съ ними, вся государственная власть находилась въ рукахъ небольшой части римскаго населенія, родовитыхъ и знатныхъ семействъ *патриціевъ*. Главы этихъ знатныхъ фамилій («отцы», какъ ихъ обыкновенно называли) преобладали въ на-

родномъ собраніи, дѣлили между собой должности консуловъ и другихъ магистратовъ, наполняли сенатъ. Патриціанскія семьи смыкались въ большіе роды, почитавшіе общаго предка и даже владѣвшіе въ болѣе древнее время общимъ родовымъ имуществомъ. Къ знатной семьѣ примыкалъ мелкій зависимый людъ—*кліэнты* (т.-е. послушные люди). Они подчинялись главѣ семейства, какъ патрону-покровителю, искали у него защиты, получали отъ него участки земли и сами были обязаны приходить ему на помощь. Кліэнты напоминали своимъ положеніемъ вассаловъ въ средніе вѣка. Такимъ образомъ, въ V и IV вѣкахъ Римъ былъ республикой аристократической, государствомъ патриціевъ и походилъ по своему устройству на Аѳины раньше реформъ Клисѳена и Перикла.

Кромѣ патриціевъ, въ римскую общину входили многочисленные свободные *плебеи*, но они были лишены политическихъ правъ. Возможно, что плебеи были пришлыми людьми, позднѣйшими переселенцами въ римскую область, или покоренными сосѣдями патриціевъ. Патриціанскій Римъ не допускалъ ихъ къ участію въ государственномъ управленіи, плебеи даже не входили въ древнѣйшее народное собраніе. Ихъ безправное и приниженное положеніе вызвало продолжительную смуту.

Плебеи являлись преимущественно крестьянами-собственниками, сидѣвшими въ небольшомъ надѣлѣ; своею массою они составляли главную силу римскаго пѣшаго ополченія. Безпрестанныя войны съ сосѣдними общинами тяжело ложились на этихъ мелкихъ земледѣльцевъ. Приходилось забрасывать хозяйство, а продолжительные походы приводили къ разоренію и долгамъ. Долговые законы древняго Рима отличались крайней суровостью. Неисправному плательщику — плебею грозила кабала. Кредиторъ могъ заставить его отработать свой долгъ и даже продать его въ рабство. Положеніе плебеевъ отягчалось вдобавокъ тѣмъ обстоятельствомъ, что заимодавцами являлись, главнымъ образомъ, богатые землевладѣльцы—патриціи, и толкованіе судебныхъ обычаевъ было опять-таки въ рукахъ патриціевъ.

Въ долгой борьбѣ плебеямъ удалось постепенно добиться равноправія. Въ половинѣ V вѣка, по преданію, патриціи были вынуждены согласиться на изданіе писаннаго права; но эти *законы XII таблицъ* не облегчили положенія плебеевъ. Попрежнему не допускались браки между обоими сословіями, попрежнему долговое право было безпощадно къ должнику. Были моменты въ этомъ спорѣ, когда плебеи рѣшили покинуть городъ и поселиться на Священной горѣ въ окрестностяхъ Рима. Важнымъ завоеваніемъ плебеевъ явилось учрежденіе особой плебейской государ-

ственной должности, двухъ (впослѣдствіи 10) *народныхъ трибуновъ*. Сначала трибуны являлись заступниками за отдѣльныхъ плебеевъ, которые пострадали отъ насилій или несправедливости военачальниковъ. Трибуны давали поручительство за неисправныхъ должниковъ и защищали отъ пристрастныхъ приговоровъ судьи-патриція. Въ рукахъ трибуновъ было важное право: они могли пріостановить распоряженіе патриціанскаго магистрата, наложить запрещеніе (вето) даже на консульскій приказъ. Знатные были безсильны противъ народныхъ трибуновъ, которые считались неприкосновенными, священными, подъ охраной римскихъ боговъ. Опираясь на свою неприкосновенность, трибуны сдѣлались вождями всего плебейскаго сословія въ борьбѣ съ аристократіей. Они стали собирать народъ въ особыя *плебейскія собранія* (собранія по волостямъ) и сообщили имъ такую силу, что ихъ рѣшенія стали считаться государственнымъ закономъ. Такъ шагъ за шагомъ рушились перегородки, раздѣлявшія оба сословія. Къ 300 году до Р. Х. сохранились лишь мелкія второстепенныя отличія. Важнѣйшія должности и, вмѣстѣ съ ними, сенатъ стали доступны для всѣхъ свободныхъ римлянъ независимо отъ ихъ происхожденія. Отнынѣ всѣ носили имя *римскихъ гражданъ*, и это званіе сдѣлалось почетнымъ и завиднымъ благодаря завоеваніямъ и политическому могуществу Рима.

Несмотря на внутренніе раздоры, Римъ быстро выдвинулся какъ сильное военное государство. Суровый земледѣльческій бытъ доставлялъ ему закаленныхъ и стойкихъ солдатъ. Въ римскихъ легіонахъ царили желѣзная дисциплина и порядокъ. Сами римляне отличались глубокой любовью къ родной общинѣ, выдающимся мужествомъ и государственной дальновидностью. Послѣ упорнаго сопротивленія народы Италіи должны были признать римское верховенство. Въ IV и началѣ III вѣка Риму покорилась вся *латинская область*, подчинились *этруски*, отважные горцы — *самниты* и богатые *греческіе города* на южномъ берегу Италіи. Побѣдителю достались лучшія по своему плодородію пространства во всей Италіи. Римъ получилъ возможность выслать избытокъ населенія на новыя земли, надолго обезпечить малоземельное крестьянство. Значительная доля земель, отобранныхъ у покоренныхъ жителей, сдѣлалась государственной собственностью, *общественнымъ полемъ*, и была отдана въ заимочное пользованіе крупнымъ римскимъ землевладѣльцамъ, которые за это уплачивали государству ничтожный ежегодный взносъ. Съ большимъ искусствомъ было устроено *управленіе Италіи*. Побѣжденные получали различныя права. Съ одними Римъ заключалъ почетный договоръ, побѣжденные враги

считались «союзниками римскаго народа», при чемъ иногда сохраняли полную внутреннюю самостоятельность, признавая лишь «верховенство римскаго народа», другіе становились въ болѣе тѣсную зависимость отъ Рима. Нѣкоторымъ городамъ были дарованы права римскаго гражданства. Такимъ образомъ побѣжденные имѣли разные интересы и не могли сплотиться въ крѣпкій союзъ. «Разъединяй и властвуй» — эти слова сдѣлались правиломъ римской политики. Римскіе гарнизоны по городамъ, поселенія римскихъ колонистовъ, военныя дороги, проложенныя внутрь покоренныхъ областей,—все должно было служить упроченію римскаго господства.

Съ объединеніемъ Италіи подъ властью Рима его завоевательныя войны далеко еще не закончились. Владѣнія Рима теперь соприкасались съ *Карѳагеномъ* — сильнымъ торговымъ государствомъ, основаннымъ финикійскими выходцами на берегу сѣверной Африки. Здѣсь правило богатое купеческое сословіе. Морская торговля доставляла Карѳагену огромныя денежныя средства. Онъ легко выставлялъ большія наемныя войска, и его флотъ господствовалъ въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Предметомъ спора между Римомъ и Карѳагеномъ явился островъ Сицилія съ его плодородными долинами и богатыми городами. Первая *пуническая* [1]) *война* (264—241 г. до Р. Х.) продлилась четверть вѣка. Побѣда стоила Риму большихъ усилій. Римлянамъ впервые пришлось создавать собственный военный флотъ, иначе невозможно было побѣдить карѳагенскую морскую державу. Сицилія сдѣлалась первой римской завоеванной областью за предѣлами Италіи, римской *провинціей*, какъ стали называть такія области. Но миръ съ Карѳагеномъ оказался непрочнымъ. Черезъ 20 лѣтъ геніальный карѳагенскій вождь Ганнибалъ вторгся въ Италію съ сѣвера черезъ альпійскіе проходы, разбилъ одну за другой нѣсколько римскихъ армій и 17 лѣтъ велъ борьбу съ Римомъ на полуостровѣ. Римскій патріотизмъ, настойчивость сената и упорное мужество римскихъ крестьянскихъ ополченій постепенно взяли верхъ надъ великимъ врагомъ. Вторая война закончилась разгромомъ Карѳагена. Онъ потерялъ самостоятельность, его флотъ былъ сожженъ, жителей обложили многолѣтнею тяжкою данью. Когда Карѳагенъ возсталъ черезъ полстолѣтія, вслѣдствіе невыносимыхъ притѣсненій, римское войско совершенно разрушило городъ (146 г. до Р. Х.).

Послѣ торжества надъ Карѳагеномъ у Рима не осталось сильныхъ противниковъ среди тогдашнихъ государствъ. Испанія и

[1]) На латинскомъ языкѣ пунический—финикійскій.

сѣверная Африка были уже въ его рукахъ; теперь началось завоеваніе странъ къ востоку отъ Италіи. Римляне покорили *Грецію* и сильную когда-то *Македонію*, мелкія восточныя царства въ *М. Азіи* и *Сиріи* признали римскую власть. За сто лѣтъ до Р. Х. Риму принадлежало уже десять провинцій, — богатыя страны и разноплеменные народы вдоль береговъ всего Средиземнаго моря. Побѣдители смотрѣли на эти завоеванныя земли какъ на «добычу римскаго народа», ихъ жители считались уже не союзниками, а подданными Рима и платили значительную ежегодную подать.

Завоеванія вызвали большія *перемѣны въ римской жизни*. Изъ культурныхъ странъ (Греціи, Востока) пришли новыя понятія и вѣрованія, а вмѣстѣ съ ними и привычки восточной роскоши. Золото покоренныхъ странъ лилось широкимъ потокомъ и измѣняло прежній суровый скудный бытъ. Денежный капиталъ сталъ играть такую же большую роль, какая прежде принадлежала земельному богатству. Высшіе слои римскаго народа, потомки богатыхъ патриціевъ и видныхъ плебейскихъ фамилій, жадно ищутъ обогащенія въ провинціяхъ. Во время многочисленныхъ войнъ Рима они поднялись надъ остальнымъ гражданствомъ, какъ новая аристократія (*нобили*, т.-е. знатные), держали въ своихъ рукахъ военную команду, обогащались въ походахъ и посылали изъ своей среды правителей въ провинціи. Эти римскіе губернаторы (проконсулы) имѣли неограниченную власть надъ населеніемъ провинцій и часто вымогали насиліями и произволомъ огромныя богатства. Было выгоднымъ дѣломъ брать на откупъ сборъ податей съ провинцій; откупщики, богатые римскіе граждане, вносили въ государственное казначейство установленную годовую сумму и собирали ее съ лихвой съ провинціальнаго населенія. Жалобы на насилія проконсуловъ и откупщиковъ оставались безъ отвѣта, такъ какъ сенатъ состоялъ изъ тѣхъ же представителей правящей знати.

Только римскій крестьянинъ ничего не выигралъ отъ всѣхъ завоеваній и побѣдъ, одержанныхъ благодаря его выносливости и отвагѣ на безчисленныхъ поляхъ сраженій. Въ то время какъ Римъ богатѣлъ, вся деревенская Италія страдала отъ растущей нищеты. Дальніе походы подорвали крестьянскія хозяйства, пережившія карѳагенское нашествіе. Общественное поле было захвачено городскою знатью. Нобили охотно скупали участки разорившихся крестьянъ. На мѣстѣ пашенныхъ селъ возникали большія барскія помѣстья въ тысячи десятинъ (*латифундіи*). Помѣщикъ-магнатъ велъ хозяйство въ крупномъ размѣрѣ при помощи рабскаго труда. Удачныя войны доставляли въ то время

въ Италію огромное количество военноплѣнныхъ. Они продавались на рынкахъ и представляли собой дешевую рабочую силу. Сотни такихъ невольниковъ, гремя цѣпями, работали въ большомъ имѣніи подъ кнутомъ сторожей. Ихъ продовольствіе стоило очень мало, количество работы можно было довести до послѣдняго предѣла. Такимъ образомъ, помѣщичье хозяйство производило массу хлѣба по дешевой цѣнѣ, какая была невозможна для мелкихъ земледѣльцевъ. Вдобавокъ, изъ плодородныхъ южныхъ провинцій (Сициліи, Африки) дешевый хлѣбъ шелъ въ Италію въ качествѣ дани. И крестьянину, разоренному этой конкуренціей, оставалось продать за безцѣнокъ свой дворъ и земельный участокъ и уходить для заработка въ Римъ и другіе города. Постепенно въ Римѣ скопилось немало такихъ бездомныхъ, опустившихся людей. Ихъ называли *пролетаріями*. Необезпеченность этой голодной толпы бросалась въ глаза среди несмѣтныхъ богатствъ и роскоши огромнаго города, владыки міра.

II.

Лучшіе люди въ Римѣ съ тревогой смотрѣли на перемѣны римской жизни, принесенныя міровымъ владычествомъ: на чрезмѣрную роскошь высшихъ классовъ, упадокъ нравовъ, лихоимство и произволъ правителей. Особенныя опасенія вызывало у нихъ крестьянское разореніе, такъ какъ крестьяне составляли главную основу военной мощи Рима. Въ Римѣ сложилась партія поборниковъ народа—*популяровъ*, которая хотѣла возродить это крѣпкое римское крестьянство. Популяры ссылались на то, что отъ всесвѣтныхъ римскихъ завоеваній выгоду извлекли только аристократія и денежные люди, а простой народъ, отдавшій свои силы и кровь на созданіе римской державы, остался ни при чемъ при дѣлежѣ власти и несмѣтныхъ богатствъ. За популярами стояла масса городскихъ пролетаріевъ. Ихъ противники—*оптиматы*—считали въ своихъ рядахъ всю римскую землевладѣльческую знать и богатое купечество. Послѣдній вѣкъ республики прошелъ въ непрерывной борьбѣ двухъ этихъ партій.

Въ 133 г. до Р. Х. народный трибунъ *Тиберій Гракхъ* выступилъ съ цѣлымъ планомъ земельныхъ преобразованій. Самъ онъ происходилъ изъ знатнаго сенаторскаго рода, но былъ полонъ глубокимъ сочувствіемъ къ судьбѣ обездоленныхъ. Проѣзжая по Италіи, Гракхъ воочію убѣдился въ грозныхъ размѣрахъ крестьянскаго оскудѣнія, видѣлъ огромныя помѣстья и обезлюдѣвшія села. «У звѣря и птицы есть логово,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—а тѣмъ, кто сражался за Италію, негдѣ голову преклонить. Римляне называютъ себя владыками міра, а

сколько изъ нихъ не владѣютъ даже клочкомъ земли и не знаютъ, чѣмъ прикрыть и прокормить дѣтей своихъ». Сдѣлавшись трибуномъ, Тиберій внесъ законъ о надѣленіи крестьянъ землей. Онъ предлагалъ для этого воспользоваться общественнымъ полемъ, захваченнымъ частными лицами подъ видомъ аренды. Отнынѣ никто не имѣлъ права держать во владѣніи больше 250 десятинъ общественной земли, излишекъ долженъ быть разбитъ на мелкіе участки и розданъ безземельнымъ гражданамъ. Этотъ *земельный законъ* былъ принятъ народнымъ собраніемъ, но оптиматы оказали ему сильное противодѣйствіе. Они владѣли большею частью общественнаго поля и привыкли смотрѣть на него, какъ на полную собственность. Новый законъ сильно вредилъ ихъ интересамъ. Смѣлый трибунъ сдѣлался жертвой своихъ враговъ. Толпа раздраженныхъ оптиматовъ сенаторовъ напала на Гракха и умертвила его, когда окончился срокъ его трибунской должности.

Судьба Тиберія не остановила его младшаго брата *Кая Гракха*. Онъ отличался еще большей смѣлостью и силой воли и былъ непримиримымъ врагомъ партіи оптиматовъ. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ порядки республики нуждаются въ полномъ преобразованіи. Однимъ изъ своихъ законовъ онъ отнялъ у пристрастнаго сената судъ по дѣламъ о лихоимствѣ надъ губернаторами провинцій и передалъ его купеческой аристократіи. Городскую бѣдноту — пролетаріевъ Гракхъ привлекъ на свою сторону закономъ о казенной продажѣ хлѣба всѣмъ римскимъ гражданамъ за полцѣны. Онъ сознавалъ, что римское владычество не можетъ быть прочнымъ, пока оно сопровождается безправіемъ большей части населенія и грубымъ притѣсненіемъ провинцій. Онъ предлагалъ дать римское гражданство всѣмъ прочимъ жителямъ Италіи «союзникамъ», совѣтовалъ переселять безземельныхъ на свободныя земли въ провинціяхъ и такимъ образомъ скрѣпить и упрочить связи между правящимъ городомъ и остальной римской державой. Но римская толпа, въ которой было мало крестьянъ, плохо поддерживала Гракха. Она не понимала его замысловъ и ни съ кѣмъ не хотѣла дѣлиться выгодами римскаго гражданства. Кай Гракхъ погибъ въ новомъ междоусобномъ столкновеніи, покинутый своими приверженцами.

Такимъ образомъ, попытки реформъ не имѣли успѣха, побѣда осталась на сторонѣ аристократіи и сената. Но внутренняя смута уже не могла прекратиться; послѣ гибели Гракховъ настало время настоящихъ междоусобныхъ войнъ, и среди этихъ войнъ народилась новая государственная власть — имперія. Рядомъ съ сенатомъ и народнымъ собраніемъ въ Римѣ I вѣка до Р. Х.

появляется новая сила: это военные вожди, снискавшіе громкую славу въ побѣдоносныхъ войнахъ того времени. Такими вождями являются *Марій* и *Сулла*, *Помпей* и величайшій изъ нихъ *Юлій Цезарь*. Римское военное устройство сильно измѣнилось въ виду продолжительности войнъ и заморскихъ походовъ. Изъ временнаго ополченія гражданъ, которые по окончаніи войны возвращались къ мирному труду, войско сдѣлалось почти постояннымъ. Появились солдаты по ремеслу, которые по своимъ понятіямъ рѣзко отличались отъ гражданъ. Войско было всецѣло предано вождю, всего отъ него ждало и было готово повиноваться его приказу даже противъ республики. Такая послушная военная сила въ рукахъ честолюбиваго вождя легко могла сдѣлаться орудіемъ для достиженія его замысловъ и возвышенія въ государствѣ.

Марій и Сулла дали первый примѣръ всемогущества, какого могъ достигнуть смѣлый военачальникъ, опирающійся на свои легіоны (полки). Когда народное собраніе назначило главнокомандующимъ въ Азіи Марія, его соперникъ Сулла повелъ свое войско на Римъ и заставилъ перемѣнить народное рѣшеніе. Между обоими вождями и ихъ сторонниками шла свирѣпая борьба изъ-за власти и почета. Римъ не разъ подвергался при этомъ грабежамъ и его жители — насиліямъ. Побѣдившая сторона издавала опальные списки, по которымъ можно было безнаказанно убивать ея противниковъ и захватывать ихъ имущество. Окончательная побѣда осталась за Суллой. Онъ щедро наградилъ своихъ солдатъ, отобравъ для нихъ лучшія земли въ Италіи, принадлежавшія его врагамъ. Себя онъ приказалъ провозгласить пожизненнымъ диктаторомъ и нѣсколько лѣтъ правилъ съ неограниченной властью.

Послѣ смерти Суллы первое мѣсто въ государствѣ занялъ такой же счастливый военачальникъ—Помпей. Сенатъ предоставилъ ему огромную власть для исполненія различныхъ предпріятій. Помпей закончилъ покореніе азіатскихъ царствъ въ западной Азіи; здѣсь, на Востокѣ, онъ распоряжался, какъ царь съ неограниченной властью, рѣшалъ судьбу покоренныхъ народовъ и династій. По возвращеніи въ Италію ему, однако, не удалось сохранить прежняго властнаго положенія—и тогда онъ согласился вступить въ соглашеніе съ двумя могущественными людьми въ Римѣ—Крассомъ и Цезаремъ, чтобы съ ними дѣлить власть въ государствѣ. Такъ возникъ «тройственный союзъ» (*тріумвиратъ*). Три человѣка стали во главѣ римской державы, занимали консульскія должности, дѣлили между собой военное начальство и управленіе провинціями. Республиканскій поря-

докъ въ это время, въ сущности, пересталъ существовать. Оба главныхъ тріумвира—Помпей и Юлій Цезарь—скоро стали добиваться единоличной власти. Въ то время, какъ Помпей находился въ Италіи, чтобы держать въ своихъ рукахъ сенатъ, Цезарь провелъ нѣсколько лѣтъ въ Галліи (нынѣшней Франціи). Онъ докончилъ завоеваніе этой страны, создалъ опытную и преданную армію, развилъ свой военный талантъ. Когда Помпей и сенатъ потребовали, чтобы онъ сложилъ съ себя обязанности правителя, Цезарь повелъ въ Италію свои легіоны и побѣдилъ Помпея и его приверженцевъ въ новой междоусобной войнѣ. Въ 45 году до Р. Х. Цезарь установилъ свое *единовластіе*. Онъ былъ провозглашенъ, подобно Суллѣ, пожизненнымъ диктаторомъ и главнокомандующимъ всѣми войсками. Въ его рукахъ были война и миръ, изданіе распоряженій и назначеніе на государственныя должности. Сенатъ и народное собраніе существовали лишь по имени. У Цезаря были великіе планы; онъ хотѣлъ упрочить единство огромнаго римскаго государства. Онъ заботился о провинціяхъ и подготовлялъ сліяніе съ Римомъ покоренныхъ народовъ, раздавая провинціаламъ право римскаго гражданства. Десятки тысячъ римскихъ безземельныхъ гражданъ были поселены благодаря его заботамъ на плодородныхъ земляхъ въ Греціи и Африкѣ. И въ Италіи и въ покоренныхъ областяхъ новый правитель Рима встрѣтилъ народную любовь. Недовольны были только люди сенатскаго круга и немногіе сторонники прежней республики, тѣмъ болѣе, что Цезарь не скрывалъ своего желанья установить царскую власть и говорилъ, что республика сдѣлалась «пустымъ словомъ безъ смысла и содержанія». Противъ диктатора составили заговоръ, и въ мартѣ 44 г. до Р. Х. онъ былъ заколотъ кинжалами въ зданіи сената. Но возстановленіе старой республики было уже невозможно.

Населеніе римской державы встрѣтило съ глубокою скорбью вѣсть о гибели Цезаря. Приверженцы Цезаря выставили его преемникомъ племянника *Октавіана*. Республиканская партія была побѣждена. Нѣсколько лѣтъ еще продлилась смута, такъ какъ наслѣднику Цезаря пришлось спорить за власть съ сильнымъ соперникомъ *Антоніемъ*, правителемъ восточныхъ областей. Октавіанъ остался побѣдителемъ. Въ 30 г. до Р. Х. весь римскій міръ соединился подъ его верховной властью.

На нѣсколько вѣковъ установилась *римская имперія*. Огромное государство превосходило своими размѣрами всѣ великія монархіи, какія возникали прежде въ древнемъ мірѣ, какъ, напримѣръ, персидская монархія или государство Александра Македонскаго. Въ лучшую пору своего существованія имперія

насчитывала до 70 милліоновъ населенія и обнимала всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря. Здѣсь были и малокультурные народы запада (нынѣшней Франціи, Испаніи, Англіи, Бельгіи) и греки, гордые своимъ высокимъ образованіемъ и славнымъ прошлымъ и старинные народы Востока. Большинство изъ этихъ народовъ сохранило свои родные обычаи и старую религію. Въ восточной половинѣ имперіи преобладалъ греческій языкъ, зато на западѣ все шире и шире распространялась латинская рѣчь, необразованные народы охотно принимали римскіе нравы и порядки, сами становились римскими, романскими (отъ слова «романус»—римскій). Въ этой *романизаціи* народовъ Западной Европы, въ пріобщеніи ихъ къ культурѣ древняго міра состояла великая заслуга Рима въ исторіи человѣчества

Имперія принесла съ собой новое благосостояніе многочисленнымъ народамъ, которые входили въ ея составъ. Прекратились междоусобія республиканскаго времени, прекратились и внѣшнія войны, такъ какъ имперія уже не встрѣчала противниковъ и не нуждалась въ расширеніи своихъ границъ. Повсюду, гдѣ признавалась власть императоровъ, водворился *«римскій миръ»* и подъ его охраной могли спокойно и быстро развиваться торговля и промышленность разнообразныхъ странъ. Въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ установился городской бытъ, росло просвѣщеніе, находили доступъ греческая и римская литература, возникали школы и полезныя сооруженія. Со времени Августа провинціи дѣлаются предметомъ такихъ же заботъ со стороны правительства, какъ и Италія. Провинціальные правители стоятъ подъ строгимъ контролемъ, устраиваются почтовыя дороги, многіе императоры проводятъ цѣлые годы въ объѣздѣ своихъ неизмѣримыхъ владѣній, чтобы лучше знакомиться съ ихъ нуждами и порядками управленія. Неудивительно, что подвластные народы, не мало терпѣвшіе прежде отъ римскихъ поборовъ и гнета, относятся къ имперіи съ глубокой любовью. Среди нихъ входитъ въ обычай религіозное почитаніе «Рима и Августа», какъ великихъ благодѣтельныхъ боговъ. Писатели того времени, греки и галлы по происхожденію, благословляютъ Римъ за то, что онъ «создалъ единое отечество многимъ народамъ», «за то, что онъ сталъ якоремъ, который навсегда пріютилъ въ гавани міръ, долго блуждавшій безъ кормчаго». Разнообразные народы, среди которыхъ Римъ водворялъ гражданскій порядокъ и начала культуры, перестали относиться другъ къ другу съ слѣпой враждой, учились видѣть другъ въ другѣ членовъ одной великой человѣческой семьи. Казалось, что римскому владычеству не будетъ конца, что «вѣчный Римъ»

всегда будетъ править вселенной. Но эта вѣра не оправдалась. Очень скоро миновало счастливое время имперіи I и II вѣка послѣ Р. Х.

Уже во II вѣкѣ замѣтны грозные признаки будущаго упадка. Прежде всего *императорская власть* не могла совершенно предохранить отъ внутреннихъ раздоровъ. Престолъ Августа не переходилъ по наслѣдству. Иногда самъ императоръ назначалъ своего преемника, иногда это право присвоивалъ себѣ сенатъ и даже войско. Случалось, что легіоны въ разныхъ мѣстахъ имперіи провозглашали императорами своихъ вождей—и споръ ихъ разрѣшался междоусобной войной. Среди преемниковъ Цезаря и Августа было много выдающихся даровитыхъ людей, дѣятельно служившихъ благу государства (*Траянъ*, *Адріанъ*, *Маркъ Авреліи* и др.), но случались и жестокіе деспоты въ родѣ *Нерона* и *Домиціана*: ихъ безграничный произволъ, насилія надъ собственностью и надъ личностью вызывали ненависть современниковъ. Не мало императоровъ погибло насильственной смертью благодаря дворцовымъ заговорамъ. Съ теченіемъ времени характеръ самой власти императоровъ подвергся большимъ измѣненіямъ. Основатели имперіи старались сдѣлать незамѣтнымъ переходъ отъ народнаго управленія къ монархическому порядку. Осторожный политикъ Августъ тщательно устранялъ въ своемъ титулѣ и въ обстановкѣ своей жизни все, что могло напоминать неограниченную власть царя или диктатора. Онъ дѣлалъ видъ, что дѣлитъ свою власть съ сенатомъ, и довольствовался почетнымъ именемъ «принцепсъ» (первый гражданинъ). Это не мѣшало ему обладать на самомъ дѣлѣ огромною властью, такъ какъ онъ соединилъ въ своемъ лицѣ права почти всѣхъ прежнихъ республиканскихъ магистратовъ и былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ.

Въ позднѣйшіе вѣка военная сторона императорской власти выступила на первый планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установилась мысль, что императоръ независимъ отъ сената и народа, его власть недѣлима и неограниченна, онъ правитъ подданными, какъ господинъ надъ своими рабами. Въ этихъ понятіяхъ сказалось вліяніе Востока съ его неограниченной царской властью.

Императоры III вѣка, *Діоклетіанъ* и его преемники, окружаютъ себя восточной пышностью и носятъ діадему персидскихъ царей. Все, что окружаетъ императора, считается священнымъ, его величаютъ словами «твоя божественность» и падаютъ предъ нимъ ницъ во время торжественныхъ придворныхъ пріемовъ. Императоръ выступаетъ, какъ земное божество и не знаетъ

ограниченій своей всесильной воли; онъ самъ является «живымъ закономъ на землѣ».

Не только государственная власть, вся жизнь имперіи замѣтно измѣняется въ III и IV вѣкахъ. Уже давно на сѣверной границѣ у государства появились опасные враги — *германцы*. Римляне впервые познакомились съ ними еще во времена республики. Два племени — тевтоны и кимвры пытались вторгнуться въ Италію, но были отражены и разсѣяны Маріемъ. При Августѣ не прекращались столкновенія Рима съ германцами. Римскія арміи стояли вдоль береговъ Рейна и Дуная, рядъ крѣпостей и сторожевыхъ постовъ охранялъ сѣверные предѣлы имперіи отъ германскихъ вторженій. Движеніе варваровъ было временно пріостановлено, но съ конца II вѣка оно возобновилось съ новой силой. Другая грозная опасность возникла въ III вѣкѣ на Востокѣ, гдѣ образовалось сильное *новоперсидское царство*. Военная защита границъ становится съ тѣхъ поръ главной задачей имперіи, на нее уходятъ огромныя средства и силы. Торговля и промышленность замѣтно падаютъ, безпокойное военное время тяжело отзывается и на умственной жизни. Населеніе имперіи бѣднѣло, съ упадкомъ торговаго обмѣна денегъ становилось все меньше въ обращеніи. А между тѣмъ правительство нуждалось еще больше въ денежныхъ средствахъ для содержанія большихъ наемныхъ армій, и съ безпощадною суровостью требовало уплаты податей, въ особенности съ городовъ. Богатые люди въ городѣ, члены городскихъ совѣтовъ, должны были отвѣчать своимъ имуществомъ за исправное поступленіе городскихъ податей. Чтобы они не могли уклониться отъ отвѣтственности, имъ воспрещено было закономъ выходить изъ своего сословія. Тяжелые поборы и пошлины падали на торговлю и промышленность. Торговцы и ремесленники превратились въ наслѣдственныя сословія, имъ запрещалось покидать свои мѣста и измѣнять свои занятія. Никто не могъ теперь уклониться отъ тяжкихъ требованій государства.

Всеобщее закрѣпощеніе коснулось и крестьянскаго сословія. Въ большихъ помѣстьяхъ—латифундіяхъ пришлось перемѣнить прежній способъ хозяйства. Хлѣбъ и другіе продукты стало трудно сбывать на продажу, и производство въ большомъ количествѣ перестало быть выгоднымъ. Подвозъ рабовъ прекратился, и они стали дороги, приходилось щадить рабочую силу. Многіе землевладѣльцы постепенно пришли къ мысли, что выгоднѣе всего раздавать рабамъ небольшіе земельные участки, позволять имъ заводить самостоятельное хозяйство, требуя съ нихъ за это

части урожая и работы на барскомъ полѣ. На свободные участки старались привлечь безземельныхъ крестьянъ. Поселенцы получали ссуду на обзаведеніе, помѣщикъ старался удержать ихъ разными льготами, а иногда и силой. Постепенно вольные земледѣльцы, или *колоны*, какъ ихъ называли, смѣшались съ посаженными на земельномъ участкѣ рабами, между ними не было почти никакой разницы: тѣ же повинности, барщины и оброки. Колону уже нелегко было уйти изъ помѣстья, такъ какъ помѣщикъ требовалъ, чтобы онъ отработалъ за долгъ; его дѣти, родившіяся въ помѣстьѣ, вырастали несвободными, «рабами той самой земли, на которой родились». Государственный законъ призналъ и утвердилъ *закрѣпощеніе крестьянъ*. Ослабѣвшее правительство даже стало возлагать на крупныхъ землевладѣльцевъ сборъ казенныхъ податей съ крестьянъ и наборъ рекрутъ. Такіе магнаты-помѣщики чувствовали себя уже совершенно независимыми въ своихъ владѣніяхъ и неохотно подчинялись распоряженіямъ правительства. У нихъ были свои вооруженные отряды, и ихъ усадьба укрѣплялась на случай неожиданнаго нападенія. Окрестныя села, боясь насилій могущественнаго землевладѣльца, отдавались подъ его покровительство (патронатъ), становились его крѣпостными. Росло *могущество аристократіи*, и съ каждымъ годомъ слабѣла сила государства и уменьшалось подчиненіе его законамъ.

Въ III—IV вѣкахъ великій переворотъ совершился въ духовной жизни населенія имперіи. Изъ дальней римской провинціи Іудеи пришла «благая вѣсть» — *евангельская проповѣдь*. Въ эти трудные годы, страдая отъ гнета правительства и внѣшнихъ опасностей, люди страстно искали утѣшенія въ религіи и не находили его ни въ сухихъ старинныхъ понятіяхъ римлянъ о богахъ, ни въ безчисленныхъ культахъ другихъ народовъ имперіи. Христіанство давало такой простой и опредѣленный отвѣтъ на всѣ чаянія скорбной души, такъ ясно разрѣшало великіе и трудные вопросы объ отношеніи человѣка къ Богу и къ своимъ ближнимъ. Оно не различало людей по ихъ происхожденію или сословію, а учило, что «нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни свободнаго, ни раба, но всѣ—одно во Христѣ». Такъ христіанское ученіе стало религіей всемірной и обращалось ко всѣмъ народамъ міра. Первыми христіанами были греки и іудеи на Востокѣ имперіи, отсюда евангельское слово проникло и на Западъ. Около 250 г. по Р. Х. въ Римѣ и остальной Италіи было уже не мало христіанъ. Въ городахъ образовались большія *христіанскія общины*, которыми руководили духовные наставники—пресвитеры и епископы. Римское правительство смотрѣло подозри-

тельно на приверженцевъ новой религіи. Христіане отказывались присягать предъ изображеніями римскихъ боговъ и не участвовали въ культѣ императоровъ. Они собирались для общей молитвы и трапезы. Враги утверждали, что христіане въ этихъ тайныхъ сборищахъ предаются разврату и умышляютъ на жизнь императора. Народъ приписывалъ ихъ нечестію всѣ бѣдствія имперіи. Уже въ I в. (при Неронѣ) начались правительственныя гоненія на христіанъ. При Діоклетіанѣ (въ III в.) возобновились жестокія преслѣдованія—казни, ссылки, сожженіе книгъ. Но всѣ гоненія приводили къ тому, что христіанскія общины, одушевленныя примѣромъ мучениковъ за вѣру, тѣснѣе сплачивались вокругъ своихъ руководителей, и число послѣдователей христіанства росло безостановочно. При Константинѣ преслѣдованія прекратились. Миланскій указъ въ 313 г. разрѣшилъ христіанамъ свободно исповѣдывать свою вѣру на всемъ пространствѣ имперіи. Чрезъ полвѣка послѣ смерти Константина христіанская церковь была уже господствующей въ имперіи, и запоздалая попытка императора *Юліана* вернуть древней религіи прежнее положеніе кончилась полной неудачей. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» были предсмертныя слова» послѣдняго язычника на императорскомъ престолѣ.

Христіанство объединило разноплеменные народы имперіи въ религіозномъ отношеніи и дало государству новую жизненную силу. Послѣ внутреннихъ смутъ III в. упрочилось единодержавіе *Константина Великаго* (324—337 г.). Древній языческій Римъ при немъ пересталъ быть средоточіемъ христіанской имперіи. На берегу Босфора на рубежѣ Азіи и Европы воздвигся «новый Римъ»—*Константинополь*. Но «граду Константина» недолго было суждено править объединенной имперіей. Въ концѣ IV в. западная половина государства съ ея романскимъ населеніемъ и римской образованностью навсегда отдѣлилась отъ восточной, греческой. Греческая, или византійская, имперія существовала еще въ продолженіе тысячи лѣтъ (до завоеванія турками-османами въ 1453 году), а западныя области уже въ слѣдующемъ столѣтіи стали добычей новыхъ завоевателей—германцевъ. Въ провинціяхъ западной имперіи и въ самой Италіи сложился рядъ германскихъ королевствъ. Новые народы и новая молодая культура стали расти и развиваться въ древнихъ странахъ, которыя римскій мечъ сковалъ въ великое государственное цѣлое.

7. Образованіе средневѣковаго міра.

(Германцы и ихъ государства.)

Римское государство объединило подъ своей властью народы южной Европы, жившіе у береговъ Средиземнаго моря. Среди этихъ народовъ распространилась сходная въ главныхъ чертахъ греческо-римская образованность, установился гражданскій порядокъ и хозяйственныя сношенія. Всѣ остальныя страны были мало знакомы народамъ древняго міра, въ особенности средняя и сѣверная Европа.

Тотчасъ же за Дунаемъ и Рейномъ начинался невѣдомый міръ съ чуждой природой и чуждымъ населеніемъ. Римляне называли эту страну *Германіей*, а ея населеніе — *германцами*. Купцы и путешественники изрѣдка приносили вѣсти объ этихъ далекихъ краяхъ. Вся страна была покрыта болотами и первобытными лѣсами, среди которыхъ протекали многоводныя рѣки. Послѣ солнечнаго благодатнаго юга съ его ровнымъ и сухимъ климатомъ, Германія съ ея морскими вѣтрами и непрерывными дождями казалась особенно печальной и негостепріимной. Разрозненныя племена селились среди ея лѣсныхъ пространствъ и въ рѣчныхъ долинахъ вплоть до береговъ сѣвернаго моря.

Первое знакомство древняго міра съ германцами началось около 100 г. до Р. Х. Два германскихъ племени—*тевтоны* и *кимвры* перевалили чрезъ Альпы со своими семьями, стадами, повозками и появились въ Италіи. Германцы требовали отъ Рима земли для поселенія. Римскіе легіоны подъ начальствомъ Марія отразили это нашествіе, но спустя пятьдесятъ лѣтъ въ Галліи произошло новое столкновеніе съ германцами. Племя *свевовъ* пыталось овладѣть галльскими землями, подвластными Риму. Юлій Цезарь, бывшій въ то время правителемъ Галліи, принудилъ ихъ вернуться обратно за Рейнъ, и эта рѣка надолго сдѣлалась рубежомъ между германцами и Римомъ.

Съ годами римляне получили болѣе ясное представленіе о своихъ сосѣдяхъ; появились даже сочиненія въ римской литературѣ, изображавшія внутренній бытъ, порядки и нравы германцевъ.

Въ I в. до Р. Х. германцы были народомъ еще полудикимъ. Весь строй ихъ жизни напоминалъ бытъ нынѣшнихъ малокультурныхъ народовъ центральной Африки или Азіи. Большая часть германскихъ племенъ вела *кочевой образъ жизни*, важнѣйшимъ промысломъ у нихъ являлись *скотоводство* и *охота*,

правильное земледѣліе почти не существовало. Единственнымъ жилищемъ кочевого германца была его повозка. Племя постоянно передвигалось со своими стадами. Война съ сосѣдями, набѣги и грабежъ скота были обычнымъ дѣломъ въ жизни такого племени. Насколько низокъ былъ умственный уровень германцевъ въ эти вѣка, видно изъ того, что они, даже будучи побѣдителями, легко подчинялись культурѣ побѣжденныхъ враговъ, перенимали ихъ нарѣчіе и нравы. Впослѣдствіи въ Италіи и въ Галліи германскіе завоеватели быстро утратили свои народныя черты и слились съ покореннымъ населеніемъ.

Столкновенія съ Римомъ произвели большія измѣненія въ судьбѣ германцевъ. Римъ опоясалъ свою сѣверную границу длинною цѣпью укрѣпленій и сдѣлалъ невозможными дальнѣйшія переселенія германцевъ. Съ востока ихъ тѣснили славянскія племена. Внутри страны свободныя пространства для кочевокъ все уменьшались, вмѣстѣ съ ростомъ населенія. Постепенно бродячія племена охотниковъ и скотоводовъ переходятъ къ *осѣдлому быту* (рис. 3). Каждое племя осѣдаетъ въ своей области, заводится постоянное *земледѣліе*, пустынныя мѣста превращаются въ пахотныя поля. Пригодная для обработки земля дѣлилась между *родами*, изъ которыхъ состояло племя, а затѣмъ между отдѣльными семействами. Обширныя пространства оставались, однако, неподѣленными и находились въ общемъ пользованіи. Это была *общинная земля* съ пастбищами, лѣсными угодьями и рыбными ловлями. Первоначально у германцевъ вовсе не существовало частной собственности на землю. Земля принадлежала всему племени или роду, а не отдѣльному лицу, лишь постепенно, съ укрѣпленіемъ осѣдлой жизни, стало складываться понятіе, что земля подъ дворомъ и избою, а затѣмъ и земельный надѣлъ составляютъ наслѣдственную собственность домохозяина. *Обработка пашни* носила грубый первобытный характеръ. Выкорчевывали и выжигали для посѣва лѣсные участки, и въ первые годы получался обильный урожай; но вскорѣ почва истощалась, такъ какъ германцы не знали способовъ удобренія, приходилось переносить пашню на новый свободный участокъ. Земледѣльческая работа падала, главнымъ образомъ, на женщинъ и рабовъ; свободные германцы считали этотъ трудъ для себя унизительнымъ. «Награбить побольше добычи,—говоритъ о нихъ римскій писатель,—хотя бы съ опасностью для жизни, они считаютъ болѣе легкимъ и пріятнымъ, чѣмъ пахать землю и терпѣливо ждать урожая; имъ даже кажется признакомъ постыдной лѣни добывать въ потѣ лица то, что можно добыть кровью».

Рабовъ доставляла война между племенами. Ихъ положеніе не было такимъ тяжелымъ и безправнымъ какъ въ древнемъ Римѣ. Рабъ сидѣлъ на особомъ земельномъ участкѣ, велъ собственное хозяйство и только платилъ своему господину ежегодный оброкъ—опредѣленное количество скота и хлѣба.

Древній германецъ не зналъ надъ собой почти никакой принудительной силы, какой является въ наше время государство и его законы. Ему была доступна и понятна только связь людей по родству, власть кровнаго союза, или рода. *Родовые порядки* долго играли важную роль въ германской жизни. Родъ охранялъ безопасность своихъ членовъ, судилъ своихъ преступниковъ и мстилъ другому роду за убійство или обиду. Родичи-земледѣльцы селились вмѣстѣ, одной деревней, и межевали землю подъ руководствомъ родовыхъ старѣйшинъ. Даже въ битвахъ германцы строились по своимъ родамъ. Съ теченіемъ времени власть рода ослабѣла, онъ распался на самостоятельныя семьи, но зато выросло болѣе крупное соединеніе — племя, состоявшее изъ многихъ родовыхъ союзовъ.

Германское племя насчитывало обыкновенно нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ и занимало опредѣленную область, или *марку*. Въ условленные дни собиралась народная сходка, *вѣче*, въ которомъ могли участвовать только свободные германцы. Вѣче и было верховною властью въ государствѣ-племени. Оно рѣшало о войнѣ и мирѣ, выбирало судей по округамъ, разрѣшало распри между родами, судило за измѣну и бѣгство съ поля битвы.

Въ любомъ племени нѣкоторыя семьи выдѣлялись по своему богатству скотомъ, рабами и землей и по воинской славѣ своихъ предковъ. Такія семьи составляли еще немногочисленное *знатное сословіе*. На вѣчѣ главари аристократіи—*князья, старѣйшины* — пользовались большимъ вліяніемъ. Княжескій совѣтъ подготовлялъ дѣла и предлагалъ вѣчу свое рѣшеніе. Народъ ударами копій о щиты одобрялъ предложенія старѣйшинъ или высказывалъ недовольство криками.

На вѣчѣ иногда возникали цѣлыя военныя предпріятія. На призывъ отважнаго вождя составлялся отрядъ молодежи для нападенія на сосѣднее племя. Вокругъ извѣстныхъ и доблестныхъ князей собиралась многочисленная *дружина*, которая жила на счетъ вождя, получала отъ него вооруженіе и боевыхъ коней и преданно ему служила въ набѣгахъ и опасностяхъ. Позоромъ было для дружинника уйти живымъ изъ боя, въ которомъ погибъ его вождь. «Вожди сражаются изъ-за побѣды, дружинники—за своего вождя».

Долгое время у германскихъ племенъ не было общаго начальника. Вѣче избирало племенного вождя, или *герцога*, только на время войны. Но въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ племенъ и набѣгахъ на римскія области власть герцоговъ становилась почти постоянной, и они легко превращались въ пожизненныхъ правителей—*конунговъ* (королей). Такая постоянная власть легко могла достаться и сильному дружинному вождю, и племенному судьѣ-жрецу, и главарю какого-либо богатаго, знатнаго рода. Въ первые вѣка по Р. Х. *королевская власть* упрочилась у всѣхъ почти германскихъ племенъ. Власть эта не была неограниченной, она еще не уничтожала власти вѣча и долго сохраняла свой избирательный характеръ. Послѣ смерти короля вѣче намѣчало ему преемника, обыкновенно изъ того же знатнаго рода, и торжественно поднимало новаго короля на щитъ. Король былъ блюстителемъ мира и представителемъ родного племени предъ богами. Королевская власть сплачивала разрозненныя племена въ большіе союзы, соединяла ихъ силы и, такимъ образомъ, получила большое значеніе, когда началось *великое переселеніе германцевъ* въ страны Южной Европы и на цѣлые вѣка затянулась борьба германцевъ съ римской державой.

Послѣ первыхъ германскихъ вторженій въ предѣлы Рима на сѣверной границѣ по Рейну и Дунаю долго не прекращались военныя столкновенія. Побѣда обыкновенно оставалась на сторонѣ обученныхъ и хорошо вооруженныхъ римскихъ легіоновъ. Германцы, распадавшіеся на мелкія и недружныя племена, отступали предъ натискомъ Рима, и скоро римская власть утвердилась на лѣвомъ рейнскомъ берегу. Здѣсь было положено начало *провинціи Германіи*. Однако, имперіи скоро пришлось отказаться отъ мысли завоевать всю эту обширную страну. Германцы защищали свою родину съ отчаяннымъ мужествомъ; ея суровый климатъ былъ невыносимъ для римскихъ воиновъ. Вслѣдствіе бездорожья и дальняго разстоянія трудно было посылать подкрѣпленія изъ Италіи. Въ концѣ царствованія Августа (9 г. по Р. Х.) римскій военачальникъ неосторожно углубился въ малоизвѣстную лѣсную мѣстность, попалъ въ засаду и погибъ со своими тремя легіонами. Римское правительство рѣшило пріостановить эти дорого стоящіе походы и ограничиться защитой своихъ необъятныхъ сѣверныхъ границъ отъ вѣчныхъ нападеній мелкихъ народцевъ и дружинъ. Была построена цѣлая сѣть укрѣпленій, отъ верховьевъ Дуная до Рейна тянулся *римскій валъ*. Въ опасныхъ мѣстахъ стояли гарнизоны, дозорная стража слѣдила за передвиженіями германцевъ и быстро оповѣщала объ ихъ приближеніи.

Постепенно затихла борьба и на цѣлый вѣкъ установились мирныя сношенія между великимъ государствомъ и германцами. Римская образованность начинаетъ прокладывать пути въ лѣса Германіи. Замиренныя германскія племена легко усваивали римскіе порядки и римскій образъ жизни. Вокругъ стоянокъ легіоновъ въ Германіи выросли цѣлые города. Звучитъ латинская рѣчь, торговцы пріѣзжаютъ со своими товарами, перенимаются способы римскаго земледѣлія и ремесла. Варвары преклоняются передъ имперіей, ея непзмѣримымъ могуществомъ, богатствомъ и культурой. Германскіе вожди съ гордостью носятъ титулъ «друга римскаго народа», пожалованный имъ сенатомъ, нанимаются на службу имперіи и выступаютъ со своими дружинами протпвъ другихъ племенъ, враждебныхъ Риму. Военноплѣнные германскіе рабы работаютъ въ помѣстьяхъ римскихъ магнатовъ. Въ безлюдныхъ областяхъ германцы получаютъ надѣлы отъ правительства и привыкаютъ къ мирной трудовой жизни земледѣльца. Въ теченіе цѣлаго вѣка идетъ какъ бы мирное вторженіе новыхъ народовъ въ имперію, и кровь германскихъ поселенцевъ смѣшивается съ кровью стараго населенія. Это была пора, когда и римское общество лучше ознакомилось съ германцами, съ ихъ нравами и ихъ устройствомъ. Римскій писатель Тацитъ пишетъ цѣлое сочиненіе о германцахъ. Съ тревогой онъ указываетъ на грозную опасность, которую представятъ эти полные силъ воинственные народы сѣвера, если они поймутъ свое единство и дружно ополчатся противъ Рима. «Пусть же останется среди племенъ германскихъ ихъ прежняя взаимная вражда!» въ тревогѣ восклицаетъ Тацитъ.

Все измѣнилось на границахъ Рима въ концѣ II вѣка. Мелкія племена сплотились въ большіе *военные союзы* (вандалы, аллеманы, франки, бургунды), снова звенптъ оружіе, варвары надвигаются на имперію и стараются прорвать желѣзную цѣпь римскихъ укрѣпленій. Однихъ увлекаетъ воинственный духъ, другпхъ толкаетъ земельная тѣснота вслѣдствіе роста населенія и невозможности прокормиться на болотистой и неплодородной родинѣ. И всѣхъ манятъ богатства римскихъ городовъ, несчетная добыча, благословенный климатъ и яркое солнце юга. Мѣстами натискъ враждебныхъ племенъ и внутреннія распри являются еще однимъ побужденіемъ къ переселенію. По примѣру переселенцевъ, покидаютъ родныя мѣста сосѣднія племена, увлекаемыя вѣстями объ ихъ удачѣ въ далекпхъ краяхъ. Германцы еще не утратили вполнѣ привычекъ кочевого быта и отличались большею подвижностью. На родинѣ пхъ ничто не привязывало. Племя съ своимъ скуднымъ имуществомъ легко снпма-

3. Въ усадьбѣ древняго германца.

лось съ мѣста и проходило огромныя пространства, пока не находило или не завоевывало новой родины.

Въ III вѣкѣ имперія уже съ большимъ трудомъ могла бороться съ натискомъ германцевъ, проникавшихъ въ ея пограничныя области. Внутреннія раздоры подтачивали силы государства. Населеніе было закрѣпощено и обездолено тяжелыми налогами и порой смотрѣло на появленіе германцевъ, какъ на освобожденіе отъ ненавистныхъ государственныхъ порядковъ. И когда движеніе варваровъ разрослось и стало всеобщимъ, все великое зданіе имперіи быстро рушилось подъ ихъ ударами и ея области стали добычей побѣдителей.

Это паденіе имперіи произошло въ теченіе IV и V вв. Въ 375 г. монголы-кочевники, *гунны*, прошли изъ Азіи черезъ равнины Поволжья и достигли днѣпровской области. Жившій здѣсь германскій народъ—восточные готы (*остготы*)—первый подвергся нападенію гунновъ и былъ захваченъ ихъ потокомъ, устремившимся дальше къ Дунаю. Западные готы (*вестготы*), спасаясь отъ нашествія кочевниковъ, бросились на Балканскій полуостровъ. Правительство было принуждено впустить ихъ въ предѣлы имперіи и отвести имъ земли для поселенія. Нѣсколько лѣтъ спустя вестготскій конунгъ *Аларихъ* повелъ свое племя на Западъ и вторгся въ Италію. Онъ дошелъ до самаго Рима и взялъ его послѣ непродолжительной осады. «Вѣчный городъ» подвергся страшному разгрому со стороны завоевателей-варваровъ; но Аларихъ не стремился разрушить имперію: онъ былъ готовъ признать ея верховную власть на томъ условіи, чтобы вестготамъ была предоставлена одна изъ областей имперіи. Его преемникъ заключилъ договоръ съ императоромъ Запада, въ силу котораго ему были отведены земли въ *южной Галліи*, между рѣками Роной, Гаронной и Пиренейскими горами. Впослѣдствіи вестготы овладѣли также римской провинціей—Испаніей. Послѣ долгихъ скитаній племя Аллариха могло теперь возвратиться къ осѣдлой жизни. Прежнее населеніе этихъ областей должно было уступить пришельцамъ часть своего имущества и треть земли. «Варвары перековали свои мечи на плуги» по словамъ тогдашняго писателя. Такъ въ предѣлахъ имперіи образовалось *первое государство* германскаго племени.

Вслѣдъ за готами, въ V в. германскія племена одно за другимъ захватывали области имперіи, заключая съ нею договоры, а иногда обходясь и безъ ея согласія. Въ восточной части Галліи по Ронѣ поселились *бургунды*, съ сѣвера надвигались *франки*, *англы* и *саксы* заняли Британію. Поселеніе *вандаловъ* въ Африкѣ было уже настоящимъ завоеваніемъ. Послѣ долгихъ

странствованій по Европѣ они захватили эту провинцію, переправившись черезъ Гибралтаръ, и здѣсь основали свое господство, превративъ населеніе въ своихъ крѣпостныхъ.

Въ концѣ столѣтія и самая *Италія* стала добычей германцевъ. Династія Θеодосія Великаго угасла, вожди разноплеменныхъ германскихъ дружинъ распоряжались по своей волѣ императорскимъ престоломъ. Одинъ изъ нихъ (Одоакръ) въ 476 г. провозгласилъ себя королемъ германцевъ въ Италіи; вскорѣ, однако, онъ былъ побѣжденъ *Теодерихомъ*, конунгомъ восточныхъ готовъ, которые потомъ полвѣка владѣли этой страной.

Къ концу V вѣка все Западно-Римское государство было раздѣлено между германцами. Прежнія римскія провинціи превратились въ цѣлый рядъ *германскихъ королевствъ*. Эта перемѣна сопровождалась страшнымъ опустошеніемъ культурныхъ странъ, невознаградимой потерей человѣческихъ жизней и силъ, гибелью великихъ сокровищъ искусства и литературы. Уровень образованности сильно понизился въ тогдашнемъ мірѣ. Варвары принесли съ собой болѣе простой первобытный жизненный строй, ихъ побѣда была торжествомъ грубой силы надъ цивилизаціей. Въ захваченныхъ ими областяхъ обезлюдѣли города, промышленность исчезла и почти совершенно прекратился торговый обмѣнъ.

Германцы принесли съ собой свои понятія о гражданскомъ порядкѣ и свои *судебные обычаи*. Въ старинномъ родовомъ быту у нихъ не было правильнаго суда, его замѣняла саморасправа, кровавая месть: обиженный самъ отплачивалъ за свою обиду, въ случаѣ убійства родичи мстили родству преступника. Постепенно вошло въ обычай замѣнять кровомщеніе денежнымъ выкупомъ, *вергельдомъ* (что значитъ: цѣна человѣка); часть вергельда уплачивалась родственникамъ, часть племенному судьѣ-королю. Жизнь знатнаго, напр., королевскаго дружинника, цѣнилась выше, чѣмъ жизнь простого свободнаго германца; самый низкій штрафъ платился за убійство крѣпостного или раба. Еще въ V в. германскій судъ не зналъ тѣхъ способовъ разслѣдованія преступленій и разбора спорныхъ дѣлъ, которые существовали въ древнемъ Римѣ. Не было никакого слѣдствія, допроса сторонъ и свидѣтелей; спорщики вступали между собой въ *поединокъ*, и побѣдитель признавался правымъ. Обвиняемый могъ очиститься отъ подозрѣнія посредствомъ особаго испытанія, опустивши руку въ горячую воду или прикоснувшись къ разожженному желѣзу. Если слѣды ожога быстро исчезали, это было въ глазахъ судей доказательствомъ невиновности. И въ поединкѣ, и въ огненномъ испытаніи искали проявленія воли

высшихъ небесныхъ силъ; то былъ не человѣческій, а *Божій судъ*.

Разрушивъ римское государство, варвары не могли, однако, уничтожить совершенно прежнее общественное устройство и культуру.

Римскіе порядки управленія отчасти уцѣлѣли въ государствахъ германцевъ. Сами варварскіе конунги смотрѣли на себя какъ на преемниковъ власти римскаго императора. Германская знать смѣшалась съ сенаторскимъ сословіемъ. Переселеніе сильно измѣнило прежніе свободные порядки германскаго племени. Въ новыхъ королевствахъ исчезло народное вѣче и уменьшилось число свободныхъ. Повсюду въ завоеванныхъ областяхъ германцы встрѣчались съ римскимъ населеніемъ, которое превосходило ихъ и численностью и культурнымъ развитіемъ. Германцы легко подчинялись вліянію туземныхъ жителей и усваивали ихъ языкъ—латинскій. Изъ смѣшенія латинскаго языка и германскихъ нарѣчій образовались новые языки—*романскіе* (итальянскій, испанскій, французскій и др.). «Романскими» называютъ и тѣ новые европейскіе народы, которые образовались изъ слія-нія завоевателей-германцевъ и жителей имперіи.

Племена, участвовавшія въ переселеніи, постепенно утратили старую народную религію. Забылось почитаніе свѣтлыхъ солнечныхъ боговъ—Одина, властителя міра, громовержца Донара и матери-земли, защитницы дома и стада. Готы еще до переселенія въ IV в. приняли *христіанство*. Ихъ епископъ Улфила сложилъ готскую азбуку и перевелъ Евангеліе на родной языкъ. Постепенно обратились въ христіанство и другіе германцы, разселившіеся въ имперіи.

Проповѣдь новой религіи явилась къ германцамъ въ видѣ ученія Арія, осужденнаго церковными соборами. Это мѣшало германцамъ-аріанамъ слиться съ туземнымъ населеніемъ, ихъ раздѣляла религіозная вражда. Вообще, первыя государства, созданныя германцами, оказались недолговѣчны. Уже въ VI столѣтіи королевство остготовъ въ Италіи и вандальское въ Африкѣ были присоединены къ Византійской имперіи полководцами Юстиніана Великаго, а въ началѣ VIII в. новые завоеватели — арабы — проникли изъ Сѣверной Африки въ Испанію и уничтожили владычество вестготовъ.

Наиболѣе крѣпкимъ и жизненнымъ оказалось государство, основанное германскимъ *племенемъ франковъ* въ старой римской провинціи Галліи, которая съ тѣхъ поръ получила названіе *Франціи*. Одинъ изъ франкскихъ вождей *Хлодвигъ* (481—511) соединилъ все племя подъ своею властью, устранивъ убійствомъ и интри-

гами своихъ соперниковъ, и овладѣлъ почти всей страной. Вестготы, бургунды и римляне въ Галліи — всѣ покорились франкскому владычеству. Хлодвигъ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, принялъ крещеніе отъ римскаго епископа и такимъ образомъ заручился могущественной поддержкой католической церкви противъ своихъ враговъ — аріанъ. Онъ положилъ начало сильному государству и явился родоначальникомъ королевскаго рода *Меровинговъ*, который правилъ Франціей въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ.

Въ порядкахъ государства, въ его управленіи, сборѣ податей осталось много слѣдовъ римскаго прошлаго. Королевская власть была уже не выборной, а *наслѣдственной*. Король обладалъ огромными правами въ судѣ и управленіи, напоминавшими неограниченную власть римскаго императора. Вѣче исчезло, и его права перешли къ собранію вельможъ, королевскихъ служилыхъ людей и крупныхъ землевладѣльцевъ. Народное собраніе созывалось только разъ въ году, весной (*мартовское поле*), не для рѣшенія государственныхъ вопросовъ, а какъ бы на большой военный смотръ для подсчета народнаго ополченія и провѣрки воинской годности каждаго франка.

Во франкскомъ королевствѣ не сохранилось внутреннее единство. Меровинги дѣлили наслѣдіе Хлодвига на *удѣлы* и смотрѣли на государственную область, какъ на свою частную собственность. Удѣльные князья жили во взаимной враждѣ, вѣчныя внутреннія смуты, насилія и распри подрывали силу государства. Внутри населенія все сильнѣе проявлялось неравенство и въ общественномъ положеніи и во владѣніи имуществомъ. Королевской власти достались при завоеваніи Галліи огромныя земельныя пространства; Меровинги щедро раздавали эти земли своимъ дружинникамъ и областнымъ правителямъ, какъ жалованье за ихъ службу и вѣрность. Германское государство почти не имѣло денежныхъ доходовъ и земля являлась единственнымъ средствомъ платы за всякаго рода услуги.

Немало земли собралось и въ рукахъ церковныхъ людей — епископовъ и настоятелей монастырей, такъ какъ было въ обычаѣ приносить въ даръ церкви землю, рабовъ и другое имущество, чтобы добиться ея заступничества предъ святыми и молитвъ о спасеніи души. Такимъ образомъ въ франкскомъ государствѣ выросло *крупное землевладѣніе* королевскихъ слугъ и церкви. Прежніе общинные порядки въ землевладѣніи были расшатаны, а мелкіе частные владѣльцы разорялись отъ непосильныхъ государственныхъ повинностей, походовъ и судебныхъ штрафовъ. При слабости тогдашняго государства и господствѣ грубой силы

крестьянинъ никогда не могъ чувствовать своего владѣнія обезпеченнымъ отъ насилій и захватовъ, и ему необходимо было найти себѣ вліятельнаго покровителя. Съ этой цѣлью онъ даже отказывался отъ своего земельнаго участка, отдавалъ его церкви или крупному землевладѣльцу-сосѣду, лишь бы заручиться ихъ защитой, а самъ оставался на этомъ участкѣ уже въ качествѣ съемщика. Отдавая землю, онъ обыкновенно и самого себя отдавалъ подъ покровительство сильнаго лица, закладывался за него (что называлось *коммендаціей*), становился подзащитнымъ, зависимымъ человѣкомъ «на всѣ дни своей жизни». Такъ возникали зачатки средневѣковыхъ общественныхъ порядковъ, которые называются *феодальными*: крупное землевладѣніе высшаго класса и крѣпостная зависимость крестьянъ.

Раздавая земли своимъ дружинникамъ и церкви, короли изъ дома Меровинговъ потеряли былое могущество. Всю власть въ государствѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ начальники королевскаго двора, которые въ то же время командовали ополченіемъ и завѣдывали раздачей помѣстій. Въ VIII ст. эта видная должность принадлежала роду *Каролинговъ*. Одинъ изъ нихъ (Карлъ Мартелъ) въ упорной битвѣ отбилъ нашествіе арабовъ изъ Испаніи. Его преемникъ *Пипинъ* заточилъ въ монастырь послѣдняго короля—Меровинга и принялъ королевскій титулъ. Этотъ переворотъ былъ освященъ благословеніемъ римской церкви; римскій епископъ, глава христіанскаго Запада, прислалъ своего представителя совершить надъ Пипиномъ обрядъ помазанія на царство (752).

Уже въ началѣ христіанства епископы сдѣлались учителями и вождями простыхъ вѣрующихъ. А среди епископовъ римскій епископъ, отецъ, *папа*, какъ его звали уже во II вѣкѣ, выдвинулся на первое мѣсто, благодаря тому, что жилъ въ Римѣ, столицѣ древняго міра. Первые вселенскіе соборы признали за папой старшинство, потому что «онъ живетъ въ царственномъ городѣ»; но папы хотѣли не старшинства, а господства надъ церковью. Церковь стремилась къ единству; святители церкви учили: «Одинъ Богъ, одинъ Христосъ, одна вѣра и одна церковь». Папы хотѣли стать во главѣ этой единой христіанской церкви и подчинить ее своей власти. Чтобы оправдать свои притязанія, папы учили, что основателями римской церкви были апостолы Петръ и Павелъ. Св. Петръ — первый между апостолами и намѣстникъ Христа на землѣ, ибо ему Христосъ сказалъ: «Ты Петръ, и на семъ камнѣ создамъ церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ее». Петръ былъ первымъ епископомъ римскимъ; папа — преемникъ Петра и его намѣстникъ, а

потому и долженъ быть главою и правителемъ всей христіанской церкви.

Нашествіе варваровъ на Италію возвысило папство. Церковь римская сдѣлалось независимой отъ византійскаго императора, которому была подчинена. Кромѣ того, въ силу историческихъ условій, папы выступили защитниками итальянскаго населенія: они становятся во главѣ обороны и берутъ на себя чисто государственныя обязанности. Въ рукахъ папъ сосредоточивается свѣтская власть надъ Римомъ и его областью, и папы называютъ римскую область: «моя страна».

Въ VIII вѣкѣ независимости римской церкви и свѣтской власти папы грозила большая опасность, какъ со стороны византійскаго императора, стремившагося возстановить свою власть, такъ и со стороны лангобардовъ, которые завоевали почти всю Италію, и все болѣе тѣснили Римъ. Папа обращается къ новому франкскому королю, заклиная его помочь св. Петру. Пипинъ отнялъ у лангобардовъ византійскія владѣнія въ Средней Италіи, около Рима и Равенны, и подарилъ ихъ папѣ: образовалось особое *церковное государство* (Папская область), въ которомъ государемъ былъ римскій епископъ (754). Эта услуга упрочила тѣсный союзъ между римскимъ престоломъ и домомъ Каролинговъ.

Самымъ извѣстнымъ представителемъ этой дѣятельной династіи былъ *Карлъ Великій* (768—814). Въ многолѣтнихъ войнахъ онъ расширилъ свои владѣнія далеко за предѣлы Франціи. Ему подчинились исконныя германскія земли и славянскія племена, его войска ходили въ Испанію и покорили государство лангобардовъ въ сѣверной Италіи. Сложилось огромное государство, въ составъ котораго входила большая часть земель западно-римской имперіи. Подъ властью Карла объединились романскіе и германскіе народы Въ 800 г. франкскій король торжественно вступилъ въ Римъ, древнюю столицу имперіи, и папа Левъ III вѣнчалъ его короной римскихъ императоровъ.

Въ качествѣ императора Карлъ поставилъ себѣ высокую задачу: быть защитникомъ церкви и содѣйствовать утвержденію христіанскаго ученія среди подвластныхъ ему народовъ. Его законы одинаково преслѣдуютъ и преступленіе, и грѣхъ — и нарушеніе велѣній государства, и отступленіе отъ предписаній и вѣрованій церкви. Власть императора казалась ему священной, соединяющей въ себѣ и власть мірскую, и духовную власть. Отъ своихъ подданныхъ онъ требуетъ присяги «исполнять святую службу Богу, не совершать измѣны и насилія по отношенію ко вдовамъ, сиротамъ и св. церкви». Въ имперіи Карла установился стройный порядокъ и безопасность. Госу-

дарство дѣлилось на области, находившіяся подъ управленіемъ намѣстниковъ, *графовъ*. Два раза въ году *государевы посланцы* объѣзжали всѣ области, чтобы слѣдить за управленіемъ намѣстниковъ и разсматривать жалобы населенія (рис. 4). Каждую осень съѣзжались къ королевскому двору епископы, графы и другіе вельможи, и въ этомъ собраніи знатныхъ разсматривались предложенія новыхъ законовъ и составлялись королевскіе указы. Весной на *майскомъ полѣ* эти распоряженія представлялись народу-войску. Еще при Карлѣ Мартелѣ измѣнилось *военное устройство*. Набѣги арабовъ и венгровъ создали необходимость въ конномъ войскѣ, тогда какъ прежнее германское ополченіе сражалось только въ пѣшемъ строю. Служба на конѣ въ тяжеломъ вооруженіи стоила очень дорого и была доступна немногимъ. Для того, чтобы королевскіе служебные люди, или *вассалы*, могли нести такую службу, Каролинги раздавали имъ земельныя пожалованія, *бенефиціи*, во временное владѣніе, пока вассалъ исправно исполнялъ свою обязанность. Такъ сложился высшій военный классъ, который выдѣлился изъ остальной народной массы. Конная служба стала считаться признакомъ свободнаго происхожденія. Вассалы приносили клятву вѣрности королю, какъ своему *сеньёру* (старшему), дѣлались его вѣрными, его «людьми» и получали отъ него оружіе и землю. Съ теченіемъ времени и частныя лица, сановники и крупные помѣщики стали раздавать отъ себя бенефиціи, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ вооруженную силу и защищать себя и свое имущество отъ насилій и нападеній, обычныхъ въ тѣ безпокойные вѣка. На мѣстѣ общаго подданства, которое соединяетъ населеніе съ верховной властью, становится другая связь: вассальная вѣрность, частное покровительство, договоръ между частными лицами.

Карлъ Великій старался упрочить въ своемъ государствѣ единую власть и общій законъ, но онъ не могъ уничтожить этихъ личныхъ связей между сеньёрами и вассалами. Онъ даже принужденъ былъ обращаться къ содѣйствію крупныхъ помѣщиковъ-сеньёровъ, которые приводили къ нему ополченія своихъ подвластныхъ вѣрныхъ людей. Пока его могучая рука правила государствомъ, оно сохраняло внѣшній видъ единства, но какъ только онъ умеръ, быстро обнаружилась непрочность созданной имъ имперіи.

Внутри страны могущественная землевладѣльческая знать стала отказывать въ повиновеніи его преемникамъ и стремилась къ независимости отъ государства. Далекія окраины не имѣли защиты отъ нападеній арабовъ, славянъ и «сѣверныхъ людей»—

4. «Государевы посланцы» разбирають судебное дѣло.

норманновъ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, по смерти Карла, его монархія распалась на нѣсколько частей, подѣленная между его внуками. Между ними долго не прекращались междоусобія и нѣсколько разъ повторялись дѣлежи. Къ половинѣ IX в. выдѣлились три обособленныхъ государства: *Германія*, *Италія* и *Франція*, въ которомъ продолжали царствовать отрасли дома Каролинговъ. На островѣ Британіи, между тѣмъ, сложилось королевство *Англія*, основанное англо-саксами. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ германцами послѣ великаго переселенія, образовалось четыре ново-европейскихъ государства, которыя жили съ тѣхъ поръ самостоятельной жизнью и испытали различную судьбу. Исторія этихъ государствъ, ихъ политическаго и общественнаго строя и ихъ умственной жизни и составляетъ главное содержаніе исторіи Западной Европы въ средніе вѣка.

8. Арабы, ихъ религія и государство.

Съ именемъ арабовъ соединяется великое прошлое. Ихъ страна была колыбелью ислама—религіи, насчитывающей и сейчасъ свыше 200 милліоновъ послѣдователей, разсѣянныхъ по всему земному шару.

Малокультурная и малонаселенная теперь Аравія знала лучшія времена. Еще задолго до Р. Х. на ея южномъ побережьи, существовали культурныя государства съ цвѣтущими городами, слѣды которыхъ видны до сихъ поръ. въ развалинахъ великолѣпныхъ храмовъ; дворцовъ, мостовъ и другихъ сооруженій; но въ первые вѣка по Р. Х. эти южно-аравійскія государства утратили прежнее благосостояніе и были покорены сосѣдями.

Центральная Аравія долго-долго не имѣла опредѣленнаго устройства. Здѣсь-то, однако, и возникло великое движеніе арабовъ, отсюда распространился исламъ. Средину Аравіи занимаетъ плоскогоріе Неджедъ, совершенно почти лишенное орошенія. Поселенія возможны лишь около источниковъ, встрѣчающихся чаще на западѣ и въ центрѣ, около нихъ образовались города и деревни, обработаны поля. Эту часть Аравіи заселяли издавна *арабы-бедуины*, кочевавшіе со своими стадами верблюдовъ отъ источника къ источнику и осѣдавшіе прочно тамъ, гдѣ удавалось найти подходящую для обработки землю и устроить постоянный колодезь. Единаго государства у нихъ не было. Бедуины дѣлились на *племена* и *колѣна*, на роды и семьи. Всѣ члены племени считались родственниками, имѣли общаго родоначальника. Глава семьи или рода былъ единственной властью, члены рода под-

держивали другъ друга, многое было у нихъ въ общемъ владѣніи. «Чужого», не примыкавшаго къ родамъ, каждый могъ убить или ограбить, только принятый подъ защиту родоначальника «чужой» находилъ себѣ покровителя, но становился его подчиненнымъ.

Выборный старшина — саидъ — разрѣшалъ споры между родственниками. Въ случаѣ войны выбирался отдѣльно военачальникъ. Распри между родами разрѣшались обычаемъ *кровной мести*. Рѣдко обиженные удовлетворялись выкупомъ (100 верблюдовъ за убитаго), въ большинствѣ случаевъ распри тянулись годами. Бедуины цѣнили свою свободу, личность не была подавлена властью рода. Борьба за существованіе, которую пришлось имъ вести въ суровой, безплодной странѣ, воспитала у нихъ стремленіе къ обособленности; сознаніе національнаго единства было утрачено. Но та же суровая природа содѣйствовала и развитію взаимныхъ услугъ въ общей борьбѣ за существованіе: выработался строго соблюдавшійся, какъ долгъ, обычай гостепріимства, и съ незапамятныхъ временъ былъ установленъ въ интересахъ развитія торговли «священный миръ». Разъ въ году на четыре мѣсяца прекращались всѣ разбойничьи набѣги, и караваны свободно могли совершать свой путь въ Аравіи.

Черезъ Хиджасъ шелъ путь изъ Іемена въ Египетъ и Сирію. Сюда привозили изъ Персіи и Византіи хлѣбъ и ремесленныя произведенія, а изъ южной Аравіи золото, драгоцѣнные камни, тропическіе плоды и благовонныя вещества. Торговля обогащала мѣстное населеніе. Купцы жили преимущественно въ двухъ большихъ городахъ: на югѣ въ *Меккѣ*, на сѣверѣ въ *Ятрибѣ*, гдѣ селились и сирійскіе евреи и христіане-ремесленники,

Около Мекки ежегодно весной устраивались ярмарки, куда и бедуины приводили свой скотъ, везли кожи и шерсть въ обмѣнъ на ремесленные продукты изъ Сиріи. Образовался союзъ купцовъ Мекки для защиты торговли, *корайшъ*, — и корайшиты объединились около священнаго знамени и святилища арабовъ *Каабы*, гдѣ хранился священный черный камень, по преданію арабовъ, переданный Богомъ Аврааму.

Религія арабовъ того времени сводилась къ почитанію боговъ-идоловъ, священныхъ камней, деревьевъ и источниковъ и выражалась въ жертвоприношеніяхъ и празднествахъ, бывали и человѣческія жертвоприношенія — военноплѣнныхъ и дѣтей.

Ежегодно въ Каабу стекались богомольцы, и корайшиты позволяли здѣсь каждому имѣть своихъ идоловъ, чѣмъ привлекали къ святилищу всѣ арабскія племена. Въ окрестныхъ долинахъ устраивались торжественныя жертвоприношенія, а за-

тѣмъ и празднества, на которыхъ выступали арабскіе поэты, пѣвцы, ораторы. Это было время «священнаго мира», и люди разныхъ племенъ могли спокойно съѣхаться въ Мекку и вернуться домой, не боясь набѣговъ и разбоевъ.

Такъ постепенно объединялись арабскія племена еще задолго до Магомета около одной общей святыни, связанныя единымъ арабскимъ языкомъ, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и выразительныхъ языковъ міра, давшимъ богатую поэзію арабовъ.

Въ V и VI вв. язычество и его грубыя понятія не соотвѣтствовали уже міровоззрѣнію арабскихъ племенъ, которыя вышли изъ дикаго состоянія, знакомились другъ съ другомъ и съ воззрѣніями сосѣднихъ народовъ. Уже до Магомета встрѣчались среди арабовъ люди, потерявшіе вѣру въ своихъ боговъ, ихъ называли отщепенцами—*ханифами*. Знакомясь съ религіей евреевъ и христіанъ, ханифы или принимали ихъ вѣроученія, или жили ожиданіемъ новаго пророка, который придетъ возвѣстить арабамъ священный законъ и писаніе, будетъ посредникомъ между ними и Богомъ, какъ Моисей у евреевъ или Іисусъ Христосъ у христіанъ.

Магометъ (правильнѣе: *Мохаммедъ*), по ученію ислама, и былъ такимъ посланникомъ Бога, создавшимъ новую религію арабовъ. Онъ родился въ Меккѣ около 570 г. по Р. Х. Первые годы его дѣтства прошли въ бѣдности и лишеніяхъ; родители его были изъ рода корайшитовъ, но не богаты и рано умерли; Магомету приходилось съ раннихъ лѣтъ думать о заработкѣ. Онъ пасъ стада богатыхъ купцовъ Мекки, собиралъ плоды и ягоды въ окрестностяхъ города. До 24 лѣтъ онъ служилъ у своихъ родственниковъ и, отличаясь честностью, получилъ прозваніе—эль-аминъ (вѣрный). Богатая вдова Хадиджа, дальняя родственница Магомета сдѣлала его своимъ приказчикомъ, и Магометъ ѣздилъ съ ея караванами въ Сирію и южную Аравію. Впослѣдствіи онъ и женился на Хадиджѣ.

Богатство жены освободило Магомета отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ и оставило ему досугъ для размышленій, склонность къ которымъ онъ чувствовалъ и ранѣе, уединяясь въ пустынныя горы своей родины. Благопріятно сложившаяся жизнь его не удовлетворяла, его мучили религіозныя сомнѣнія. Встрѣчаясь съ христіанами и евреями и знакомясь съ ихъ вѣрованіями, онъ давно уже принадлежалъ къ ханифамъ, потерялъ вѣру въ бездушныхъ боговъ и позналъ Единаго Бога. Но вопросъ, что онъ долженъ дѣлать, чтобы спастись, оставался для него неразрѣшимъ. Его сомнѣнія и колебанія разрѣшились видѣніями.

онъ слышалъ таинственный голосъ, который принялъ за откровеніе Бога и увѣровалъ въ свое призваніе быть Его посланникомъ, т.-е. человѣкомъ, которому дано отъ Бога порученіе проповѣдывать новое ученіе арабамъ и всему человѣчеству.

Магомету уже было 40 лѣтъ. Все, что приходило ему въ голову въ моменты возбужденія, онъ считалъ съ тѣхъ поръ внушеніемъ свыше. Его жена, дочери и пріемные сыновья Али и Сеидъ увѣровали въ него и приняли его ученіе. Собравъ старѣйшинъ своего рода, онъ изложилъ имъ свое ученіе, но не нашелъ сочувствія. Отрицая боговъ города Мекки, Магометъ подрывалъ торговлю корайшитовъ и ихъ ежегодныя ярмарки, а его проповѣдь равенства всѣхъ и милосердія къ неимущимъ могла возбудить рабовъ, которымъ внушалось, что и они не ниже господъ. Число послѣдователей Магомета росло медленно и долго не превышало нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, преимущественно среди неимущихъ и рабовъ, терпѣвшихъ насмѣшки и преслѣдованія корайшитовъ. Постепенно, однако, его ученіе пріобрѣтаетъ и вліятельныхъ сторонниковъ.

Магометъ чувствуетъ враждебное къ нему отношеніе въ Меккѣ и ищетъ въ Аравіи иной болѣе благопріятной почвы для своей проповѣди. Во время весенней ярмарки онъ проповѣдуетъ богомольцамъ свое ученіе и находитъ себѣ сторонниковъ среди жителей г. Ятриба. Населеніе Ятриба признало Магомета своимъ вождемъ, и многіе мекканцы, приверженцы пророка, переселились въ Ятрибъ подъ защиту своихъ новыхъ союзниковъ. Корайшиты пытались помѣшать этому переселенію, прошелъ даже слухъ, что они хотятъ убить Магомета, чтобъ уничтожить все это враждебное имъ движеніе. Тогда Магометъ тайкомъ бѣжалъ изъ Мекки въ Ятрибъ, скоро переименованный въ Медину, т.-е. «городъ пророка». Это было въ 622 г., и съ этого года магометане ведутъ свое лѣтосчисленіе.

Переселеніе Магомета въ Медину было дѣйствительно крупнымъ событіемъ въ исторіи новой религіи. Магометъ становится здѣсь вождемъ большой общины онъ уже не только проповѣдникъ новаго ученія, но и властелинъ, который пытается основать новое государство. Здѣсь онъ создалъ единую общину, объединенную общей вѣрой. Магометъ разрывалъ прежнія родовыя связи и объединялъ всѣхъ вѣрующихъ въ одинъ народъ. Всѣ вѣрующіе были равны между собой, обязаны защищать другъ друга и помогать неимущимъ.

Основы ученія Магомета — оно называется *исламъ*, т.-е. покорность Богу—очень просты и не сложны. Онѣ изложены въ *Коранѣ*, священной книгѣ магометанъ. Самъ Магометъ считалъ

Коранъ откровеніемъ Бога, онъ проповѣдывалъ его устно, и поученія его воспринимались сердцами вѣрующихъ и переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Самъ Магометъ считалъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ, посланнымъ Богомъ возстановить чистую религію и, хотя легенды окружаютъ его жизнь чудесами, самъ онъ не выдавалъ себя за чудотворца и не считалъ себя непогрѣшимымъ. Многое въ его ученіи заимствовано изъ религій евреевъ и христіанъ, которыя онъ самъ не зналъ въ подробностяхъ, но бралъ изъ нихъ то, что считалъ существеннымъ, признавая откровенія, данныя Богомъ черезъ ихъ пророковъ Моисея и Іисуса.

«Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Магометъ—посланникъ Божій»—вотъ основной догматъ ислама. Это—безусловный *монотеизмъ*—единобожіе, не допускающее поклоненія ни святымъ, ни ангеламъ. Богъ мусульманъ единъ и всемогущъ, всѣ люди равны передъ нимъ и обязаны ему безпредѣльной преданностью и повиновеніемъ. На этомъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ Бога основана и вѣра магометанъ въ предопредѣленіе (фатализмъ)—вѣра въ то, что все будущее, какъ настоящее и прошедшее, зависитъ отъ Бога, все Ему извѣстно и все совершается по пути, имъ предопредѣленному.

Эти основы ученія ислама съ теченіемъ времени значительно развились и осложнились толкованіями мусульманскихъ богослововъ и философовъ, но въ широкихъ массахъ онѣ сохранились во всей своей простотѣ. Главнѣйшими обязанностями мусульманина, по ученію Корана, являются молитва, постъ въ теченіе мѣсяца Рамадана, когда магометане принимаютъ пищу только ночью, путешествіе къ святымъ мѣстамъ въ Мекку и милостыня.

Нравственное ученіе ислама мало отличалось отъ христіанскаго, но совершенно не соотвѣтствовало древне-арабскому міровоззрѣнію. Ученіе о *равенствѣ* всѣхъ правовѣрныхъ безъ различія расы и племени, проповѣдь милосердія и кротости противорѣчила обычаямъ арабовъ, обычаю кровавой мести и вѣчной войнѣ между племенами. Новая религія обязывала правовѣрныхъ вести войну лишь съ невѣрными; борьба съ язычниками была безусловно обязательна, съ евреями и христіанами дозволялось заключать договоры, обязывая ихъ къ уплатѣ налоговъ. Убитые въ *священной войнѣ* за вѣру магометане получаютъ райское блаженство. Исламъ не проповѣдуетъ умерщвленія плоти (аскетизмъ), но предписываетъ умѣренность для сохраненія чистоты душевной и нравственной свободы.

То униженіе, которое досталось теперь на долю женщины въ странахъ магометанскаго Востока—явленіе позднѣйшаго вре-

мени. Коранъ и его ученіе въ этомъ неповинны. Магометъ, правда, своимъ примѣромъ, освятилъ многоженство, и это, конечно, отразилось невыгодно на положеніи женщины въ странахъ ислама, но Коранъ порицаетъ легкое расторженіе браковъ, ограничиваетъ число женъ четырьмя и облегчаетъ положеніе дѣтей. Всѣ дѣти одинаково наслѣдуютъ положеніе отца и получаютъ равную долю въ имуществѣ — сыновья рабыни такъ же, какъ и сыновья первой жены; дочери получаютъ вдвое меньше братьевъ.

По мѣрѣ того, какъ мединская община укрѣплялась и силы ея росли, Магометъ могъ начать войну съ корайшитами. Первые успѣхи подняли духъ Магомета и укрѣпили его увѣренность въ своемъ дѣлѣ. Корайшитамъ удалось образовать большой союзъ племенъ центральной Аравіи, которыя осадили Медину, но безуспѣшно; скоро затѣмъ фанатизмъ и дисциплина, выработавшаяся въ войскахъ Магомета, помогли имъ одержать полную побѣду надъ нестройными войсками враговъ.

Видя, что сила на сторонѣ Магомета многія племена перешли на его сторону, число послѣдователей ислама росло и въ самой Меккѣ. Дальнѣйшее сопротивленіе только вредило Меккѣ и было ей невыгодно, она признала верховенство Магомета и приняла исламъ.

Около Магомета была теперь грозная армія правовѣрныхъ, всегда готовая къ войнѣ подъ его чернымъ знаменемъ, и скоро вся Аравія объединилась около него. Магометъ мечталъ уже о завоеваніи сосѣднихъ имперій Персіи и Византіи, было уже собрано большое войско, назначены вожди, когда Магометъ заболѣлъ и умеръ (632 г.). Созданное Магометомъ государство необыкновенно быстро расцвѣло, разрослось и достигло такой культуры, которая лишь вѣками пріобрѣталась другими народами. Его могущество, правда, было недолговѣчно, но сѣмена новой религіи были заброшены арабами по всѣмъ извѣстнымъ тогда странамъ земного шара.

Первые годы послѣ смерти Магомета были годами смуты въ Аравіи, арабскія племена не знали, кого считать его преемникомъ, среди нихъ появились свои пророки, оспаривавшіе власть у *халифовъ* — такъ называли преемниковъ Магомета, выбранныхъ общиной Медины. Скоро, однако, войска халифовъ объединили снова всю Аравію и воинственныя способности арабовъ были направлены на покореніе сосѣднихъ народовъ.

Первые халифы, изъ среды родственниковъ и ближайшихъ сотрудниковъ Магомета, были одновременно военными и религіозными вождями народа. Они во всемъ подражали пророку,

вели такой же простой образъ жизни, какъ и онъ, каждую пятницу говорили проповѣди народу, правили государствомъ, совѣщаясь съ видными членами общины и руководили завоеваніями. Воодушевленныя вѣрой войска арабовъ захватили богатыя области Византіи, *Сирію* и *Египетъ*, и всю *Персію*. И Византія, и Персія въ это время (VII в.) были ослаблены взаимными войнами и внутренними смутами, и ихъ войска уступили воинственнымъ арабамъ, скоро усвоившимъ себѣ военную технику своихъ противниковъ. Цѣлью войны было обращеніе невѣрныхъ; принимавшіе исламъ входили въ составъ арабскаго народа, остальные покоренные подчинялись ему и обязывались данью въ пользу правовѣрныхъ. Въ завоеванныхъ земляхъ устраивались военныя поселенія арабовъ—лагери, крѣпости, гдѣ они селились со своими семьями; постепенно эти крѣпости выростали въ цвѣтущіе города, сдѣлавшіеся центрами культуры арабовъ. Земли же, богатыя и плодородныя, захваченныя арабами, не переходили въ частную собственность, онѣ были объявлены достояніемъ всего государства и оставались въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, которые платили государству *налоги*: поголовный и поземельный и доставляли припасы арабскимъ войскамъ. Арабамъ было запрещено заниматься земледѣліемъ въ завоеванныхъ земляхъ, но отказываясь отъ земли, они получали богатую добычу, которая доставалась побѣдителямъ. Доходы государства росли. Никакихъ налоговъ, кромѣ подоходнаго налога на бѣдныхъ — милостыни правовѣрные не платили. Во всемъ была рѣзкая разница между арабами-господами и покоренными; послѣдніе не могли носить арабскую одежду, учиться арабскому языку, писать по-арабски, не смѣли носить оружіе, ѣздить верхомъ.

Такіе порядки не могли долго удержаться. Въ завоеванныхъ земляхъ арабы знакомились съ новыми обычаями, съ иной жизнью и культурой. Воспріимчивые и богато одаренные они перенимали многое у покоренныхъ, постепенно сливались съ ними, и предписанія Корана уже не соотвѣтствовали новымъ ихъ потребностямъ и стремленіямъ, а между тѣмъ они были руководящими началами какъ религіозной, такъ и свѣтской жизни арабовъ. Арабы начали селиться въ завоеванныхъ земляхъ не только въ лагеряхъ, они начали пріобрѣтать тамъ землю въ собственность, заниматься земледѣліемъ, торговлей и ремеслами.

Измѣнился и *образъ жизни халифовъ*. Они завели блестящій, дворъ по образцу Византіи и Персіи, уклонялись отъ общенія съ народомъ, перестали исполнять священныя обязанности—говорить проповѣди и вести богослуженіе. Ихъ намѣстники въ

Рафаэль. „Сикстинская Мадонна“.

(См. стр. 384).

Рафаэль „Сикстинская Мадонна".

(См. стр. 381).

покоренныхъ земляхъ пріобрѣтая большія полномочія, становились полновластными хозяевами въ своихъ областяхъ. Наиболѣе могущественными изъ нихъ были намѣстники богатой Сиріи изъ рода *Омаядовъ*. Въ концѣ VII в. они отказались повиноваться мединскому халифу *Али*, послѣднему изъ сподвижниковъ Магомета. Медина въ это время уже не могла долго оставаться государственнымъ центромъ арабовъ. Внутри Аравіи шли постоянныя смуты династическаго и религіознаго характера. Одни считали, что халифами должны быть лишь потомки Магомета, другіе стояли за свободный выборъ халифовъ, наконецъ были и такіе, которые совершенно отрицали халифовъ и рѣшенія общины считали верховными. Послѣднихъ называли *хариджитами*. Сторонники наслѣдственнаго халифата — *шіиты* — хотѣли возстановить чистую вѣру, удаляя изъ ученія ислама все то, что не шло отъ пророка; они сосредоточились около Медины и пытались поддержать прежній бытъ и образъ жизни арабовъ. Сторонники выборнаго халифата—*сунниты*—допускали рядъ добавленій къ Корану, соотвѣтственно новымъ потребностямъ жизни, и изъ преданій о проповѣдяхъ пророка составили особую священную книгу Сунну. Наиболѣе упорную борьбу вели сунниты и шіиты, послѣдніе негодовали на образъ жизни халифовъ, но вернуть старое было уже невозможно.

Послѣ смерти Али (онъ былъ убитъ однимъ изъ хариджитовъ) Омаяды были признаны халифами. Они перенесли столицу въ *Дамаскъ*, гдѣ, окруженные блескомъ и небывалой роскошью, правили государствомъ (660—750). Аравія потеряла свое прежнее значеніе въ государствѣ. Омаяды раздвинули свои владѣнія на востокъ и на западъ. Они захватили византійскія владѣнія въ *Африкѣ*, разрушили Карѳагенъ и подступали къ Константинополю, но были отбиты. Африканскія племена, берберы, или *мавры*, приняли исламъ, а позднѣе африканскіе намѣстники построили свой флотъ и, продолжая завоеванія арабовъ, перешли въ Европу, захватили Сицилію, переправились черезъ Гибралтаръ и покорили *Испанію* (711) и часть южной Франціи за Пиринеями.

Въ рукахъ арабовъ былъ теперь весь торговый путь отъ Атлантическаго океана до Китая, арабскій языкъ сталъ международнымъ языкомъ для торговыхъ сношеній на всемъ этомъ пространствѣ, ихъ торговый флотъ обслуживалъ все Средиземное море и азіатскіе рынки.

Съ ростомъ торговли росли города, развивалась городская жизнь, промышленность, просыпались новыя духовныя потребности у арабскаго народа. Былая страсть къ войнѣ уступила стремленіямъ къ просвѣщенію, къ совершенствованію наукъ и

пскусства. И Омаяды покровительствовали этому, зарождалась новая жизнь и культура арабовъ.

Опорой правленія Омаядовъ было сильное войско и флотъ, но трудно было удержать власть въ такомъ обширномъ государствѣ, тѣмъ болѣе, что распри между суннитами и шіитами продолжались, и послѣдніе не хотѣли признавать Омаядовъ. Они собрались на востокѣ въ прежнихъ владѣніяхъ персовъ и подняли возстаніе (въ 750 г.) подъ чернымъ знаменемъ Абассидовъ, ближайшихъ родственниковъ Магомета. Объединивъ около себя всѣхъ приверженцевъ убитаго Али, они разбили войска халифа и жестоко перебили всѣхъ главнѣйшихъ изъ Омаядовъ. Воцарилась новая династія халифовъ — *Абассиды*, но единство государства уже не было возстановлено. Уцѣлѣвшіе потомки Омаядовъ захватили владѣнія мавровъ въ Испаніи и здѣсь образовали самостоятельный халифатъ; скоро отъ Абассидовъ отпали Африка и Египетъ.

При Абассидахъ исчезли послѣдніе слѣды прежняго быта арабовъ и духовной власти халифовъ. Шіиты, объединившіеся около Абассидовъ, были по преимуществу персы, принявшіе исламъ. Они пріобрѣли наибольшее вліяніе при дворѣ и возстановили во многомъ персидскіе порядки. Первые Абассиды были хорошіе правители: не заботясь о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, они укрѣпляли свое государство, много сдѣлали для подъема благосостоянія народа, улучшили пути сообщенія, провели новые каналы, построили цистерны-водоемы на пути торговыхъ каравановъ, улучшили систему орошенія; народное хозяйство развивалось, давало большіе доходы, улучшалось земледѣліе, процвѣтала торговля и ремесла. Покровительствуя развитію искусства и науки, Абассиды создали богатые культурные города и чудные постройки, мечети и дворцы. Центромъ ихъ владѣній былъ городъ *Багдадъ*, построенный на р. Тигрѣ. Багдадъ въ цвѣтущую пору господства Абассидовъ занималъ пространство въ 5 кв. миль и по блеску и роскоши построекъ едва уступалъ Константинополю. Халифы были неограниченными властелинами въ государствѣ, но управлять самолично своими большими владѣніями не могли, а, позднѣе, малоспособные и слабые халифы изъ Абассидовъ и не хотѣли. Управленіе постепенно перешло въ руки *чиновниковъ*. Главнѣйшими изъ нихъ были: судья (кади), министръ финансовъ, начальникъ полиціи и начальникъ почты; послѣдній не столько заботился объ устройствѣ хорошихъ почтовыхъ порядковъ и сношеній, сколько долженъ былъ слѣдить за всѣмъ и всѣми въ государствѣ и доносить халифу; это былъ главный контролеръ, «око государя». Канце-

ляріи чиновниковъ — диваны—исполняли порученія этихъ главныхъ помощниковъ халифа.

Провинціями управляли намѣстники, сначала подъ строгимъ надзоромъ халифа, но постепенно власть ихъ росла, и они начинали соперничать съ халифомъ. Удалившись въ свои дворцы и гаремы, послѣдніе изъ Абассидовъ все менѣе и менѣе принимали участія въ управленіи; они ввѣрили его своимъ слугамъ—*визирямъ*, которые и сдѣлались полновластными хозяевами страны. Доходы государства, главнымъ образомъ отъ податей поголовной, поземельной и подоходной, достигали сначала крупныхъ суммъ, но безпредѣльная роскошь двора, самовластіе чиновниковъ, внутреннія смуты и распри подрывали благосостояніе народа;— платежи начали поступать неисправно, казна бѣднѣла. Наибольшія суммы шли на содержаніе арміи и флота, устроенныхъ по образцу византійскихъ. Войска набирались сначала только изъ чистокровныхъ арабовъ, но позднѣе въ нихъ попадаютъ и покоренные жители. Въ послѣдніе годы правленія Абассидовъ въ ихъ войскахъ преобладаютъ *турки*. Эти новые кочевники Азіи, принявши исламъ, массами проникали не только въ войска, но и въ управленіе распадавшагося государства, отстраняя арабовъ. По мѣрѣ отпаденія отъ Багдада сначала западныхъ, а потомъ и восточныхъ областей (Туркестана и Индіи), турки совершенно захватываютъ багдадскій халифатъ въ свои руки.

Во времена расцвѣта халифата Абассидовъ (конецъ VIII и начало IX в.в.) Багдадъ былъ центромъ обширной *торговли арабовъ*. Особенно сильно развились въ это время торговыя сношенія съ азіатскимъ востокомъ и съ сѣверной Европой. Арабскіе товары шли въ Китай, въ Россію, въ Швецію и З. Европу, и это были произведенія, обработанныя арабами, въ то время, какъ обратно они получали сырые продукты. Перенявъ у персовъ и византійцевъ *ремесла и производства*, арабы во многомъ ихъ обновили и довели до совершенства. Наиболѣе славились арабскія произведенія изъ стекла, ковры, роскошныя ткани, тонкія издѣлія изъ золота и другихъ драгоцѣнныхъ металловъ и духи, добывавшіеся изъ цвѣтовъ. Самымъ же важнымъ, имѣвшимъ огромное значеніе для распространенія просвѣщенія, было усовершенствованное арабами производство *бумаги* (заимствованное изъ Китая) изъ хлопка и льняныхъ тряпокъ отъ самыхъ дорогихъ до дешевыхъ ея сортовъ. Производство духовъ требовало знанія *химіи*: примѣненіе этой науки, какъ и другихъ отраслей знанія, къ потребностямъ сельскаго хозяйства и промышленности занимало многихъ арабскихъ ученыхъ, и ихъ труды немало содѣйствовали усовершенствованію арабскаго зем-

ледѣлія, пріемовъ искусственнаго орошенія и выращиванія новыхъ растеній.

Но для того, чтобъ усовершенствованія нашли примѣненіе въ жизни, необходимо было расширеніе и подъемъ общаго культурнаго уровня арабовъ. И въ этомъ отношеніи арабы даютъ рѣдкій примѣръ народа, гдѣ наука и знаніе не были привилегіей небольшой кучки ученыхъ. Знанія широко распространялись въ народныхъ массахъ. Уже при первыхъ халифахъ повсюду въ Аравіи и завоеванныхъ странахъ основывались *школы*, гдѣ обучали чтенію Корана. При Абассидахъ такія школы были основаны во всѣхъ уголкахъ государства, въ нихъ, кромѣ чтенія Корана, обучали грамматикѣ арабскаго языка и красивому письму, школы посѣщались и мальчиками и дѣвочками. Но этими знаніями арабы не удовлетворялись, и многіе посѣщали высшія школы, обыкновенно помѣщавшіяся въ мечетяхъ, гдѣ господствовала полная свобода преподаванія. Если ученіе ислама само по себѣ и не было зерномъ, изъ котораго выросла позднѣйшая культура арабовъ, то заслуга его въ томъ, что оно не ставило этому никакихъ преградъ. Мечети были мѣстами, гдѣ арабское юношество изучало не только *богословіе*—толкованіе ученія Корана—и арабское *право*, но и всѣ другія науки. И свободная арабская наука дала плоды, которыми долго еще питались не только Востокъ, но и Европа. Конечно, въ области науки арабы имѣли предшественниковъ среди ученыхъ Персіи и Византіи, они изучали и переводили ихъ литературу, знакомились съ литературой древняго міра, но не ограничились переводами, а дали много новаго и оригинальнаго. Богословіе, право и философія наиболѣе разрабатывались арабскими учеными. Много вниманія удѣляли арабы и другимъ отраслямъ знанія. Среди нихъ было немало знаменитыхъ математиковъ и астрономовъ; *алгебра* и *геометрія* въ Европѣ преподавались первоначально по книгамъ арабовъ; арабская *медицина*, теоретическая и практическая (у нихъ были хорошо устроенныя для того времени больницы), долго служила въ Европѣ источникомъ врачебныхъ знаній; начатки физики и прикладной механики служили имъ для практическихъ цѣлей въ военномъ и морскомъ дѣлѣ. Арабы первые начали употреблять компасъ при морскихъ плаваніяхъ, ихъ свѣдѣнія въ области химіи, физики и астрономіи дали ключъ ко многимъ открытіямъ позднѣйшаго времени. Арабы впервые начали примѣнять опыты къ изученію природы, и это дало имъ возможность сдѣлать рядъ открытій въ области *естествознанія*.

Народъ практичный и коммерческій, арабы и въ этой области внесли новое: они упростили счисленіе (*арабскія цифры*) и ввели въ торговыя сдѣлки употребленіе векселя, торговлю въ кредитъ. Страсть арабовъ къ путешествіямъ сказалась въ цѣломъ рядѣ оставшихся интересныхъ описаній путешествій и сочиненій по *географіи*, а ихъ вѣковая любовь къ поэзіи и *исторіи* породила чудныя стихотворенія, сказки («Тысяча и одна ночь») и историческіе труды.

Въ западной части арабскаго міра, въ Испаніи, гдѣ послѣдній изъ Омаядовъ основалъ свой халифатъ, были свои крупные культурные центры. Въ теченіе 250 лѣтъ, господства *Омаядовъ въ Испаніи*, она процвѣтала: богато устроенное искусственное орошеніе полей и культура новыхъ растеній, вывезенныхъ арабами съ востока, риса, маиса, сахарнаго тростника, финиковой пальмы, персиковъ и пр. содѣйствовали небывалому подъему земледѣлія, въ городахъ процвѣтали промышленность и торговля, калифы покровительствовали развитію науки искусства и поэзіи, и сами занимались ими. *Кордова* здѣсь была такимъ же центромъ, какъ Багдадъ на востокѣ, въ ней были собраны богатѣйшія библіотеки того времени, ея университетъ посѣщался многочисленными европейцами, ученые занимались переводами на арабскій языкъ греческихъ философовъ. Когда въ XI в. палъ кордовскій халифатъ отъ начавшихся и въ немъ междоусобныхъ смутъ и войнъ, арабскіе ученые разсѣялись по Испаніи и новые культурные центры создались въ Толедо, Севильѣ, и Гранадѣ откуда наука и просвѣщеніе распространились по Европѣ, сюда пріѣзжали многіе европейцы учиться, арабская литература переводилась на латинскій языкъ. Постепенно разрозненные правители испанскихъ мавровъ были покорены христіанами, и ихъ научныя богатства и библіотеки и памятники искусства перешли въ руки завоевателей испанцевъ.

Арабская культура и наука дали сильный толчокъ къ росту просвѣщенія въ Европѣ, тогда еще мало культурной. Воспринявъ основы этой культуры, она широко обогатила ихъ своимъ позднѣйшимъ опытомъ; только нѣкоторые, сохранившіеся въ научномъ языкѣ европейцевъ арабскіе термины и названія (напр., алгебра, химія, зенитъ, алкоголь) напоминаютъ до сихъ поръ о быломъ величіи арабовъ.

Въ Европѣ *вліяніе арабовъ* сказалось, главнымъ образомъ, въ области развитія науки, частью литературы и очень, сравнительно, незначительно въ области нравовъ: мавры нѣсколько смягчили грубые нравы европейцевъ того времени, которые отъ нихъ впервые восприняли идею духовной свободы и терпимости;

многое въ нравахъ и понятіяхъ средневѣковаго рыцарства, также перешло въ Европу отъ мавровъ, но все это уже давно пережито и превозойдено Европой. Иное было *значеніе арабовъ на Востокѣ*, въ странахъ Азіи и Африки. Здѣсь ни одинъ народъ не оставилъ такого глубокаго слѣда, какъ арабы. Ихъ вліяніе здѣсь не ограничилось областью науки и просвѣщенія, оно до сихъ поръ чувствуется въ обычаяхъ и жизни многихъ народовъ, исповѣдающихъ исламъ. Религія арабовъ и ихъ языкъ являются господствующими здѣсь отъ Атлантическаго океана до Индіи.

Культура арабовъ была воспринята человѣчествомъ, сами же арабы совершенно слились съ покоренными народами, поглотившими завоевателей; малозначительныя и малокультурныя племена бедуиновъ до сихъ поръ еще кочуютъ только въ Аравіи.

9. Византійское царство.

Еще за шесть вѣковъ до Р. Х. греки основали у знаменитой теперь бухты Золотого Рога, на берегахъ Босфора, небольшой городъ *Византію*. Выгодное положеніе этого поселенія на пути изъ Азіи въ Европу сдѣлали его центромъ торговыхъ сношеній, а въ 330 г. императоръ Константинъ сдѣлалъ Византію столицей имперіи подъ именемъ Константинополя, быстро расширилъ городъ, укрѣпилъ его, построивъ высокія стѣны, украсилъ его великолѣпными зданіями, привлекъ поселенцевъ, даруя имъ льготы, и превратилъ «градъ Константина» въ одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ и красивыхъ центровъ Европы того времени. Скоро онъ не уступалъ въ своемъ величіи старому Риму.

Единая Римская имперія еще существовала по имени, но раздѣлилась на двѣ части—Восточную и Западную—съ различнымъ населеніемъ, управленіемъ, съ различными обычаями и культурой. На Востокѣ росла власть императора, тогда какъ западныя области имперіи сдѣлались добычей германцевъ, франковъ, вандаловъ, готовъ и друг.

Въ VI столѣтіи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ восточныхъ императоровъ *Юстиніанъ* (527—565 г.) сдѣлалъ попытку возстановить единство имперіи. Его полководцы отняли у германцевъ Италію и Сѣверную Африку, но торжество имперіи было непродолжительно. Вскорѣ послѣ смерти Юстиніана вся почти Италія была отнята у Римской имперіи новыми германскими переселенцами, *лангобардами*, въ ея владѣніи остались лишь береговыя полосы—Римъ и Неаполь на западѣ и Равенна на востокѣ.

Эти владѣнія все болѣе и болѣе подчинялись вліянію римскаго епископа, папы, и отходили отъ Византіи. Владѣнія послѣдней сосредоточились на Балканахъ и у Чернаго моря. Враги, однако, тѣснили Византію и здѣсь со всѣхъ сторонъ. Съ Чернаго моря и Дуная ей грозили *авары*, грабили ея области, заставляя платить имъ дань. Балканскій полуостровъ захватывали *славяне*, они заселили всю сѣверную и западную его часть и внутреннія области: Македонію, окрестности г. Салоникъ и югъ до Пелопоннеса. Со славянами Византіи пришлось вести наиболѣе упорную борьбу. На востокѣ въ началѣ VII в. Византія оттѣснила *персовъ*, вернула себѣ Сирію, Египетъ и Іерусалимъ, но скоро вновь ихъ потеряла въ войнѣ съ *арабами-мусульманами*, которые захватили и ея богатыя области въ Африкѣ и разоряли Малую Азію, грозя Константинополю. Владѣнія Византіи вновь расширились лишь въ IX—X вв., когда военная сила арабовъ пала. Она пріобрѣла вновь Арменію, Кипръ, часть Месопотаміи и въ то же время вела успѣшныя войны на Балканахъ, гдѣ подчинила себѣ Болгарское государство, жестоко расправившись съ его подданными (ослѣпленіе 15000 плѣнниковъ), и продвинула свои колоніи на Черномъ морѣ до Крыма.

Однако, уже въ концѣ XI в. Византія терпитъ пораженія отъ новыхъ враговъ: сильный народъ изъ Азіи—*турки-сельджуки*—захватываютъ Арменію, Сирію и почти всю Малую Азію. Владѣнія Византіи ограничиваются лишь береговой полосой Эгейскаго и проливовъ Чернаго моря.

Въ XIII в. Византія была временно завоевана крестоносцами, шедшими на завоеваніе Святой Земли. Византія была сильно ослаблена этимъ господствомъ западныхъ «варваровъ» (1204—1261), но еще два вѣка упорно отражала нападенія турокъ. Въ 1453 году *турки-османы* окончательно овладѣли ею и водворили религію ислама тамъ, гдѣ болѣе 1000 лѣтъ горѣлъ свѣточъ христіанства, распространившійся отсюда на весь славянскій міръ, на Балканы и Россію.

Въ *государственномъ строѣ* византійскаго царства, въ его законодательствѣ и управленіи сохранились многіе порядки старой Римской имперіи. Государственнымъ языкомъ давно служилъ языкъ латинскій, который лишь въ VIII в. окончательно былъ замѣненъ греческимъ языкомъ; сохранилось управленіе при помощи многочисленнаго чиновничества (*бюрократія*), раздѣленнаго на классы съ разнообразными титулами и чинами. Во главѣ государства стоялъ императоръ, или царь (*базилевсъ*). Въ его рукахъ была вся полнота власти, онъ былъ самодержавнымъ владыкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, верховнымъ главой церкви—намѣстни-

комъ Бога, его называли равноапостольнымъ. По византійскимъ взглядамъ, власть его была неограниченна и священна: онъ могъ распоряжаться жизнью и имуществомъ подданныхъ, устанавливалъ и отмѣнялъ законы и обнародывалъ постановленія вселенскихъ соборовъ—догматы вѣры.

Блескъ царскаго двора и пышные придворные обряды—все поддерживало почтеніе къ императорскому величеству въ глазахъ подданныхъ и иностранцевъ. Вокругъ его особы, въ богатомъ дворцѣ, находились толпы придворныхъ, высшихъ должностныхъ лицъ, тѣлохранители и дворцовая гвардія. Великолѣпныя процессіи, торжественные пріемы, пышныя празднества чередовались постоянно при дворѣ. Сокровища императорскаго дворца поражали пословъ иноземныхъ государствъ. Торжественный выходъ императора приводилъ ихъ въ полное изумленіе: ослѣпляя взоры сверканіемъ драгоцѣнныхъ камней и золотыхъ одеждъ, императоръ казался скорѣе воплощеніемъ божества, чѣмъ человѣкомъ, когда онъ занималъ мѣсто на тронѣ передъ склонившимся дворомъ знати. Чтобъ поразить иностранцевъ, прибѣгали къ помощи механики, и въ то время, какъ посолъ вступалъ въ палаты, птицы, сидѣвшія на золотомъ деревѣ, украшавшемъ залъ, начинали порхать и пѣть, лежавшіе у подножья трона львы вставали и поднимали ревъ, а когда посланникъ падалъ ницъ, императоръ съ тономъ отдѣлялся отъ земли, поднимался все выше и передъ глазами удивленнаго варвара являлся какъ бы въ воздухѣ, облаченный уже въ новыя одежды.

Однако, власть императора въ Византіи была далеко не прочной. Не было строго установленнаго закона престолонаслѣдія, императоромъ могъ сдѣлаться всякій; въ дѣйствительности императорской власти достигали лишь высшіе сановники. Необходимо было избраніе сената или народа, а позднѣе наслѣдованіе по рожденію, по усыновленію или соправительство, но неоднократно императорскій престолъ достигался здѣсь и грубымъ захватомъ, поддержаннымъ народнымъ мятежомъ или военнымъ заговоромъ. Только въ IX в. установилось наслѣдованіе по закону, и три династіи *македонская, Комниновъ, Палеологовъ* занимаютъ послѣ этого престолъ почти по 200 лѣтъ. За все время существованія Византіи въ теченіе тысячи лѣтъ перемѣнилось 107 императоровъ, изъ которыхъ только 34 умерли естественной смертью и 8 на войнѣ, многіе сами отреклись отъ престола, другіе погибли во время многочисленныхъ военныхъ и дворцовыхъ переворотовъ.

Въ первый періодъ существованія имперіи до IX в. сильное вліяніе имѣлъ *народъ столицы*. Необходимо было его накормить и увеселять празднествами, любимыми зрѣлищами и играми въ циркѣ, дать ему мѣсто въ религіозныхъ и дворцовыхъ церемоніяхъ.

Столичное населеніе группировалось въ *партіи цирка*: зеленые, синіе, красные, бѣлые; каждая партія имѣла свое управленіе и кассу изъ взносовъ участниковъ. Партіи эти выставляли вооруженные отряды и участвовали въ придворныхъ церемоніяхъ. Расходясь между собою въ церковныхъ и политическихъ взглядахъ, онѣ часто враждовали, и иногда ихъ взаимныя смуты принимали характеръ настоящихъ мятежей, сопровождавшихся невѣроятными жестокостями. Отъ этихъ мятежей иногда зависѣла и власть императора. Таково, напримѣръ, было при Юстиніанѣ возстаніе «Ника» (партіи зеленыхъ), съ трудомъ усмиренное его полководцемъ Велизаріемъ.

Ни народъ, ни знать не имѣли, однако, такого значенія въ Византіи, какъ *церковь*. Власть патріарха въ Константинополѣ не получила, правда, того вліянія на свѣтскую политику, какъ власть папы въ Римѣ, но церковь имѣла огромное значеніе для всей государственной и общественной жизни Византіи.

Новая религія, признанная при Константинѣ господствующей, пользовалась почетомъ и уваженіемъ. Христіанскія общины были сначала небогаты, но постепенно добровольныя приношенія росли, образовались богатыя церкви, получившія право владѣть недвижимымъ имуществомъ. Устанавливается пышное богослуженіе, строятся роскошные храмы, епископы часто выбираются изъ знати. Церковь становится вліятельной силой въ государствѣ, ею пользуются правящіе классы для своего господства. Верховнымъ главой церкви былъ императоръ, отъ него зависѣло все церковное устройство: онъ утверждалъ, а позднѣе и назначалъ патріарховъ, предсѣдательствовалъ на церковныхъ вселенскихъ соборахъ и обнародовалъ ихъ постановленія. Патріархъ и восточное духовенство должны были подчиниться государственной власти. Отлученіе отъ церкви, бывшее такимъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ папы на Западѣ, почти не примѣнялось патріархами. Политическое вліяніе церковь на Востокѣ, какъ и знать, пріобрѣла лишь позднѣе въ XIII—XV вв., когда власть императоровъ уже падала и, увеличивъ свои земельныя владѣнія на счетъ мелкой собственности крестьянъ, церковь получила значеніе въ мѣстномъ судѣ и управленіи.

Въ началѣ же существованія имперіи *значеніе церкви* было иное. Она освящала власть императора; почитаніе, окружавшее

церковь, распространялось и на ея верховнаго главу — императора; безъ ея участія не обходилось ни одно народное торжество, ни одна дворцовая церемонія; императоръ же участвовалъ во всѣхъ церковныхъ торжествахъ и празднествахъ. Установилось самое тѣсное единеніе имперіи и церкви. Церковь и духовенство благословляли выступленіе войскъ въ походы, воодушевляли армію, нѣкоторыя войны (напр. персидскія) носили религіозный характеръ.

Съ первыхъ же шаговъ роста имперіи замѣтна разница въ развитіи церквей Востока и Запада. Въ то время, какъ на Западѣ была единая церковь и духовенство, подчиненное единому епископу Рима — папѣ, на Востокѣ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ духовныхъ округовъ — *патріаршествъ*, во главѣ которыхъ стояли патріархи Константинополя, Александріи, Антіохіи, а позднѣе самостоятельныя патріаршества образовались и въ другихъ земляхъ, принявшихъ христіанство (Болгарія, Сербія, Россія и пр.). Взаимныя распри патріарховъ изъ-за первенства ослабляли ихъ, и свѣтской власти было легче подчинить церковь своему вліянію. Западная церковь пользовалась распрями восточныхъ патріарховъ и своей отдаленностью отъ императора, для усиленія своей власти и независимости. Къ этому присоединились разногласія въ пониманіи догматовъ вѣры и толкованіи св. Писанія, отказъ папъ признать константинопольскаго патріарха вселенскимъ и т. п. Борьба эта закончилась въ XI в. полнымъ *раздѣленіемъ церквей* на церковь западную, католическую, оставшуюся подъ главенствомъ папы, и церковь восточную православную, подчиненную власти византійскаго царя.

Сильное вліяніе на народъ въ Византіи имѣло *монашество*, очень здѣсь распространенное. Для спасенія души всякій стремился построить монастырь, украсить и поддержать существующія обители, бѣдные крестьяне въ складчину основывали монастырскую общину. Мѣстами монастыри составляли сплошныя поселенія: склоны горъ Олимпа, Иды, Аѳона, нѣкоторыя мѣстности въ Малой Азіи считались святыми и были застроены монастырями. Въ нѣкоторыхъ городахъ насчитывались сотни монастырей (Салоники, Константинополь).

Монашество вербовалось преимущественно изъ бѣдноты или изъ среды людей, не желавшихъ нести гражданскую и военную службу. Различные обѣты монаховъ (отказъ отъ чистоты и омовенія, юродство, физическія мученія, молчальничество и т. п.), дѣлали монаховъ въ глазахъ массъ святыми, ихъ почитали, въ силу ихъ молитвъ вѣрили. Вклады въ монастыри росли, богат-

ства ихъ увеличивались. Первые монахи были людьми благочестивыми и трудолюбивыми, но скоро монастыри, обогатившись приношеніями почитателей, стали сосредоточіемъ праздныхъ людей, считавшихъ ручной трудъ несоотвѣтственнымъ созерцательной жизни монаховъ. Удѣлялось въ монастыряхъ нѣкоторое вниманіе искусству и литературѣ, но главное занятіе монаховъ были богословскіе споры, толкованія догматовъ вѣры; они принимали самое дѣятельное участіе въ многочисленныхъ распряхъ о догматахъ вѣры, долго занимавшихъ вниманіе христіанъ на Востокѣ. Греческое населеніе, склонное къ философіи, привлекалось массами къ этимъ спорамъ, монахи разжигали страсти, и религіозные споры переходили въ политическія движенія и мятежи, волновавшія иногда десятилѣтіями имперію. Религіозная и государственная жизнь тѣсно переплетались. Громкую извѣстность въ исторіи византійской церкви пріобрѣли ожесточенные споры о сущности природы Христа и Св. Духа, о воплощеніи, о троичности Божества, породившія цѣлый рядъ ересей (аріанъ, несторьянцевъ, монофизитовъ, монофелитовъ и пр.). Вопросы вѣры переносились на обсужденіе и рѣшеніе вселенскихъ соборовъ, епископовъ, и не разъ разбивали церковь Востока на нѣсколько разно вѣровавшихъ церквей.

Монахи вмѣшивались и въ политическую борьбу; почитаемые народомъ, они не разъ вліяли на избраніе императора, а иногда и поднимали возстаніе противъ него, проповѣдуя народу, что божественное выше мірского и что царская власть должна подчиниться власти церкви. Ростъ монашества и вліяніе монастырей безпокоили правительство; монашество, кромѣ того, отвлекало населеніе отъ военной службы и отъ земледѣльческаго труда. Рядомъ указовъ императоры вмѣшиваются во внутреннее устройство монастырей, ограничиваютъ и запрещаютъ ихъ постройку и т. п. Въ VIII в. начинается борьба императоровъ противъ почитанія иконъ, косвенно имѣвшая въ виду подорвать значеніе монастырей.

Въ рукахъ монаховъ духовная сущность христіанства утратила свое значеніе, оно оказывало вліяніе на массы своими внѣшними формами, а не духовнымъ содержаніемъ. Почитаніе иконъ, священныхъ предметовъ, мощей, вѣра въ ихъ могущества и чудеса, на почвѣ невѣжества народа приняла характеръ идолопоклонства; къ иконамъ относились, какъ къ существамъ одушевленнымъ. Извлекая изъ этого свои выгоды, монастыри поддерживали эти воззрѣнія. Тогда въ средѣ христіанъ выросъ протестъ, въ М. Азіи секта *павликіанъ* отрицала всякую обрядность и внѣшнія формы поклоненія Богу и имѣла успѣхъ въ

массахъ. Въ то же время проповѣдь ислама, враждебнаго иконопочитанію, захватывала Сирію и Африку и грозила отпаденіемъ отъ христіанства этихъ провинцій. Необходимо было вмѣшательство государственной власти въ религіозныя распри.

Вопросъ объ иконопочитаніи глубоко затронулъ византійское общество: въ VIII в. образовались двѣ враждебныя партіи—*иконопочитателей*, поддерживаемыхъ монахами, и *иконоборцевъ*, нашедшихъ поддержку у императоровъ изъ дома *Исавровъ*, Льва III и Константина V. Въ борьбѣ съ иконопочитателями они повели дѣло сурово и круто. Желая очистить религію отъ суевѣрій и остатковъ язычества, *Левъ III* издалъ приказъ снимать иконы, удалять ихъ изъ церквей, выламывать и закрашивать. Народъ защищалъ свои святыни, но возставшіе усмирялись казнями, непослушный патріархъ былъ смѣщенъ. *Константинъ V* покровительствовалъ павликіанамъ, закрывалъ монастыри, отбирая ихъ земли въ казну, обращалъ ихъ зданія въ казармы и конюшни; монаховъ заставляли надѣвать свѣтское платье и вступать въ бракъ, ослушниковъ наказывали тюрьмой и ссылкой. Императора поддерживало войско и высшее духовенство, недовольное самостоятельностью монастырей.

Болѣе ста лѣтъ продолжалась борьба. Рядъ церковныхъ соборовъ обсуждалъ вопросъ объ иконопочитаніи, но опредѣленнаго рѣшенія не было. Римскіе папы воспользовались смутами для усиленія своей власти, они отказались подчиняться императорамъ - иконоборцамъ и прокляли иконоборство. По смерти Константина V, седьмой вселенскій соборъ, созванный царицей Ириной для возстановленія иконопочитанія, былъ разогнанъ солдатами, вошедшими въ церковь. Тогда царица распустила гвардію и перенесла соборъ въ Никею. Этотъ соборъ возстановилъ почитаніе иконъ, но запретилъ крайности въ поклоненіи имъ. Долго послѣ этого еще продолжались споры двухъ партій. Соборъ IX в. еще разъ осудилъ иконоборство. Считая себя побѣдителями, монастыри продолжали расти, и распространеніе монашества было одной изъ многихъ причинъ, ослабившихъ финансы и военную силу Византіи.

Но если монашество было зломъ имперіи, то христіанство было ея спасеніемъ. Оно было единственной связью разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ ея составъ, и сильнымъ орудіемъ распространенія и укрѣпленія вліянія Византіи на сосѣдніе народы. Распространеніе христіанства среди славянъ сблизило ихъ съ греками, укрѣпило ихъ торговыя связи и было толчкомъ къ воспріятію славянами византійской культуры.

Южные славяне, сербы и хорваты и придунайскіе славяне-болгары были въ наиболѣе тѣсномъ общеніи съ Византіей, но ея вліяніе распространялось и далѣе на западныхъ славянъ: чеховъ, моравовъ и поляковъ, лишь позднѣе подчинившихся римской церкви; особенно же прочнымъ оно оказалось на востокѣ—на славянъ русскихъ.

Войны Византіи со славянами продолжались нѣсколько столѣтій, византійцы то отражали ихъ нападенія, то вынуждены были имъ подчиняться и платить дань. Тогда-то и было пущено въ ходъ новое орудіе—къ славянамъ отправили христіанскихъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Благодаря энергіи знаменитыхъ просвѣтителей славянства св. братьевъ *Кирилла* и *Меѳодія*, хорошо знавшихъ славянскій языкъ, новая религія быстро распространилась въ славянскомъ мірѣ. Они перевели на болгарскій языкъ книги св. Писанія, создали славянскую письменность, ведя проповѣдь на родномъ языкѣ населенія. Моравы, болгары, сербы приняли крещеніе. Воспринявъ религію изъ Византіи, славяне стали перенимать и ея литературу, богословскія сочиненія и поэзію. Позднѣе христіанство сблизило Византію и съ ея врагами на востокѣ. Въ IX вѣкѣ здѣсь ее безпокоили *варяги*; слившись со славянскими племенами, жившими по Днѣпру, и принявъ имя *русскихъ*, они вели постоянно торговлю съ Константинополемъ, получивъ право безпошлинно ввозить туда свои товары: мѣха, медъ, воскъ и военноплѣнныхъ рабовъ. Византійцы умѣли пріобрѣсти себѣ союзниковъ и среди враговъ, покупая золотомъ ихъ помощь себѣ. Во второй половинѣ X в. кіевскій князь Святославъ уже разгромилъ болгарское царство, грозившее нападеніемъ на Константинополь. Въ борьбѣ же съ русскими византійцы ловко пользовались печенѣгами.

Въ концѣ X в. Византія посылаетъ въ Россію своихъ проповѣдниковъ. Породнившись съ царемъ Василіемъ II, кіевскій князь Владиміръ, вмѣстѣ съ народомъ, принялъ крещеніе отъ византійскаго духовенства. Вліяніе Византіи долго послѣ этого тяготѣло надъ русской церковью: византійскіе монахи были ея первыми учителями, греки—ея первыми патріархами. Кіевскій князь сдѣлался союзникомъ Византіи.

Нападенія славянъ заставили бывшее римское крѣпостное населеніе, колоновъ, бросать свои участки, а при поселеніи на новыхъ земляхъ они уже освобождались отъ крѣпостной зависимости. Такъ сложилось свободное *крестьянство* Византіи, существованіе котораго было упрочено въ VIII в. Львомъ III Исавромъ въ его «Земледѣльческомъ уставѣ».

По этому уставу, все крестьянское населеніе дѣлилось на крестьянъ-собственниковъ и крестьянъ-арендаторовъ. Первые жили общинами, вся земля, кромѣ усадьбы и огорода, принадлежала *общинѣ*; пастбища и лѣса были въ общемъ владѣніи и пользованіи, каждому домохозяину отводился надѣлъ, который онъ могъ обрабатывать самъ, или сдавать въ аренду, но не могъ отчуждать его отъ общины. Община была платежной единицей и отвѣчала за исправность платежа податей ея членами; это былъ самоуправляющійся «сельскій міръ», имѣвшій принудительную власть надъ членами.

Крестьяне-арендаторы брали землю у крупнаго землевладѣльца или у монастыря, за что платили «десятину», десятый снопъ, или половину жатвы. Тѣ и другіе были свободны и не были прикрѣплены къ арендуемымъ участкамъ.

Въ X в. крестьяне составляли воинскую силу государства. Сложилось цѣлое сословіе *военныхъ поселенцевъ-крестьянъ*, которые получали отъ правительства земельные надѣлы и обязаны были за это нести изъ рода въ родъ военную повинность.

Поддержаніе крестьянскаго землевладѣнія было одной изъ постоянныхъ заботъ византійскихъ императоровъ. Но *крупныя помѣстья* уже сложились въ Византіи. Таковыми владѣли монастыри; военные люди получали въ награду обширные участки земли, государственные сановники были крупными помѣщиками. Пользуясь всякими затрудненіями крестьянъ (особенно въ голодные годы), помѣщики вводили ихъ въ неоплатные долги, забирали ихъ земли, разоряли ихъ дворы. Въ XI—XII вв. часть воиновъ-крестьянъ обнищала и искала покровительства богатыхъ и могучихъ *«влателей»*, которые давали имъ земли, и обязывала себя военной службой. Особенно сильны были помѣщики—богатые владѣльцы въ Малой Азіи (Фоки и Склиры), грозившіе захватить императорскій престолъ.

Указы императоровъ о неотчуждаемости крестьянскихъ владѣній, о возвращеніи крестьянамъ отобранныхъ у нихъ участковъ плохо исполнялись. Судьи были на сторонѣ землевладѣльцевъ. Съ XI в. императоры сами начали раздавать помѣщикамъ крупные населенные участки земли—*проніи*—въ пользованіе, вмѣстѣ съ работой, жившихъ на нихъ крестьянъ. За это помѣщики—проніары—обязывались нести военную службу и платить подати за крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ. Скоро стали такимъ образомъ раздаваться не только государственныя, но и крестьянскія земли, крестьяне поступали въ барщину къ помѣщикамъ. Усиливался классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣтавшій независимость отъ императора, власть послѣдняго

падала. Новые порядки напоминали феодальное устройство, сложившееся въ средніе вѣка на Западѣ.

Это было уже началомъ *упадка имперіи*. Сильно сократились къ этому времени ея доходы, ослабѣла военная мощь. Во времена расцвѣта (VIII — X вв.) Византія была богата, ея финансы позволяли ей содержать сильное наемное войско и флотъ, имѣть прекрасныя военныя крѣпости, дороги и содержать штатъ опытныхъ военнослужащихъ, стратеговъ и дипломатовъ. Оставались еще крупныя суммы для поддержанія пышности двора, украшенія столицы великолѣпными памятниками искусства и зодчества (особенно много сдѣлалъ для этого Юстиніанъ I) и для покровительства ученымъ, художникамъ и артистамъ.

Главное богатство казнѣ доставляла обширная *торговля* Византіи. Константинополь былъ средоточіемъ торговыхъ сношеній Европы съ Востокомъ, сюда стекались товары изъ Азіи, Африки, Испаніи, Италіи, Германіи и Россіи. На востокѣ торговля Византіи доходила до Цейлона и Китая, на сѣверѣ—до береговъ Балтійскаго моря и Скандинавіи. Государственныя монополіи (исключительное право торговли нѣкоторыми продуктами), пошлины и таможенные сборы давали казнѣ огромные доходы.

Промышленность въ Византіи была сильно стѣснена, не было свободы труда, ремесленники дѣлились на цехи, находившіеся подъ строгимъ надзоромъ эпарха — градоправителя столицы, опредѣлявшаго и заработную плату, и цѣну продуктовъ, и способы ихъ продажи. Главными продуктами византійской промышленности были предметы роскоши: шелковыя ткани (съ VI в. введено разведеніе шелковичныхъ червей), пурпуровыя ткани съ богатымъ шитьемъ, одѣянія, украшенныя рисунками или златотканными узорами, ювелирныя издѣлія, эмали, роскошныя произведенія изъ стекла, слоновой кости, мозаичныя иконы и различные предметы для богослуженія; во всѣхъ этихъ издѣліяхъ византійское искусство дошло до совершенства.

Въ XI в., однако, торговля Византіи значительно падаетъ; уже и раньше греки сами не ѣздили далеко за товарами, ихъ посредниками были итальянскіе купцы въ Венеціи, Генуѣ и Пизѣ. Во время крестовыхъ походовъ торговля этихъ городовъ сильно растетъ и постепенно побиваетъ византійскую, ихъ торговый флотъ разоряетъ флотъ Византіи и подрываетъ ея промышленность.

Упадокъ доходовъ отъ торговли не могъ пополняться и другими сборами. Главными изъ нихъ были поземельный налогъ и подушная подать, нѣсколько разъ отмѣнявшаяся и вновь устанавливаемая. Эти *подати* падали тяжелымъ бременемъ на кре-

стьянство. Чиновники сами раскладывали подати на населеніе, была опредѣлена лишь ихъ общая сумма съ каждой области; система откуповъ и взяточничество еще болѣе обезсиливали населеніе, обремененное, кромѣ того, натуральными повинностями и обязательствомъ нести военную службу.

Богатые финансы имперіи къ концу ея существованія оскудѣли, приходилось уменьшить составъ войска, забросить крѣпости и дороги, а между тѣмъ ей предстояли ожесточенныя войны съ турками-османами, въ борьбѣ съ которыми въ XV в. и погибла имперія, уступивъ Константинополь турецкому султану *Магомету II*. Онъ основалъ въ Европѣ свою имперію, до сихъ поръ владѣющую водами Босфора и болѣе четырехъ вѣковъ тяготѣвшую надъ юго-славянскимъ міромъ на Балканахъ.

Во время расцвѣта имперіи Византія была центромъ *науки, литературы и искусства*. Византійцы изучали греческихъ писателей, ученыхъ и поэтовъ, разыскивали и возстановляли затерявшіяся или испорченныя рукописи. Появился цѣлый рядъ сборниковъ толкованій и изложеній твореній древне-греческихъ философовъ и мыслителей, нѣсколько энциклопедій по вопросамъ науки, литературы и управленія. Цари македонской династіи особенно поощряли эти работы; Константинъ VII Багрянородный самъ былъ виднымъ ученымъ того времени; онъ оставилъ подробное описаніе придворныхъ церемоній и сочиненіе объ управленіи государствомъ. Византійцы оставили намъ много историческихъ сочиненій и хорошо разработанное право. Особенно замѣчателенъ *Сводъ законовъ* римскихъ и византійскихъ, составленный при Юстиніанѣ: онъ оказалъ огромное вліяніе на гражданскій порядокъ европейскихъ народовъ, которые впослѣдствіи, на исходѣ среднихъ вѣковъ, восприняли римское право въ свои законодательства.

Видное мѣсто въ Византіи занимала *богословская литература*, остались творенія богослововъ (Іоаннъ Дамаскинъ), многочисленныя житія святыхъ и апостоловъ вѣры, сборники духовныхъ стиховъ и каноновъ.

Роскошныя постройки, дворцы и церкви, до сихъ поръ сохранившіеся въ Константинополѣ, указываютъ на развитіе въ Византіи *зодчества*, создавшаго свои своеобразныя формы (куполы, высокія стѣны, богатыя украшенія внутри храмовъ)— смѣсь древне-греческаго и восточнаго.

Въ XI в. въ Константинополѣ была *высшая школа* (университетъ), куда привлекались ученые и философы; преподаваніе было даровое и окончаніе наукъ открывало доступъ къ высшимъ должностямъ. Большое значеніе въ Византіи придава-

лось техникѣ военнаго дѣла, она дала Европѣ искусныхъ инженеровъ и механиковъ.

Завоеваніе Константинополя турками положило конецъ византійской культурѣ, но богатства древне-греческой мысли, собранныя византійцами, сохранили Европѣ источники, изъ которыхъ она долго черпала свое познаніе античнаго міра. Византійскіе ученые, удалившіеся въ Европу, стояли въ то время (XV в.) по культурѣ выше европейцевъ и распространяли тамъ плоды византійской учености, возбуждая интересъ къ величію греческаго міра. Они оказали вліяніе на *возрожденіе науки и искусства*, начавшееся въ XIV—XV вв. въ Европѣ, и тѣмъ содѣйствовали освобожденію мысли отъ сковывавшихъ ея узъ католической церкви.

Еще сильнѣе было *значеніе Византіи* какъ центра православія; ея вліяніе было огромно въ странахъ, воспринявшихъ отъ нея религію и просвѣщеніе. Особенно много въ этомъ отношеніи дала Византія Россіи. Но здѣсь на ряду съ благотворнымъ вліяніемъ Византіи, распространившей просвѣщеніе и христіанство среди русскихъ, необходимо указать на то, что преобладающимъ въ Россіи было вліяніе не ученыхъ, а богослововъ, не науки, а церкви, наложившее отпечатокъ на все первопачальное развитіе русскаго государства. Русскіе во многомъ переняли у Византіи ея строй и учрежденія, что содѣйствовало созданію бюрократическо-самодержавнаго строя Россіи и церкви, подчиненной свѣтской власти самодержца.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ Византія была для Европы такимъ же культурнымъ центромъ, какъ Римъ и Аѳины для древняго міра; ея наука, искусство и величіе ея двора вызывали всеобщее поклоненіе и пользовались почетной славой въ Европѣ того времени

10. Славяне въ средніе вѣка.

Славяне одна изъ вѣтвей *индоевропейскаго племени*, того племени или группы племенъ, которыя говорили на предполагаемомъ, общемъ праязыкѣ, возстановляемомъ путемъ сравненія родственныхъ языковъ. Такъ какъ славяне говорятъ на языкѣ, родственномъ германскимъ, литовскому или греческому, можно сказать, что они являются народами, родственными германскимъ народамъ, литовцамъ и грекамъ. Другихъ признаковъ родства между этими народами мы не находимъ: цвѣтъ волосъ, строеніе черепа также не объединяютъ индоевропей-

скихъ народовъ въ одну группу, какъ и культурные признаки. Вѣдь культура распространяется совершенно независимо отъ происхожденія той или другой народности. Современные греки, въ жилахъ которыхъ течетъ такъ мало древнеэллинской крови и такъ много примѣсей албанскихъ, славянскихъ, итальянскихъ и друг., говорятъ на индоевропейскомъ языкѣ, и, сталобыть, могутъ считаться родственниками германскихъ или кельтскихъ или даже армянскаго народа, чуть ли не потомками древнихъ грековъ; а отуреченные сербы - боснійцы или болгары, говорящіе на османскомъ нарѣчіи турецкаго языка, уже самымъ своимъ языкомъ исключаютъ себя изъ рядовъ индоевропейцевъ, а, между тѣмъ, они несомнѣнные сербы и болгары. Уже эти соображенія указываютъ на искусственность всякихъ схемъ, устанавливающихъ родство народовъ. Поэтому, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія объ отношеніи древнихъ славянъ къ родственнымъ народамъ, мы можемъ сказать, что древнѣйшій славянскій языкъ, предокъ нынѣшнихъ, принадлежалъ къ числу индоевропейскихъ.

Едва ли, однако, существовало когда-нибудь славянское племенное единство, пра-славянскій народъ въ смыслѣ антропологическаго единства. Напротивъ, различныя племена, жившія по сосѣдству, были объединены такъ и иначе однимъ изъ племенъ, говорившихъ на славянскомъ языкѣ, и языкъ его былъ усвоенъ и другими.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, является другой вопросъ: гдѣ совершилось это объединеніе различныхъ племенъ, положившее начало пра-славянскому народу. Данныя языка, географическія названія, исторія опредѣляютъ эту территорію довольно ясно. Въ лѣсахъ и болотахъ Полѣсья и на привислинскихъ равнинахъ, въ области теперешней Бѣлоруссіи, Холмщины, прибужской и привислинскихъ частей Царства Польскаго слѣдуетъ искать *родину славянъ*. Такимъ образомъ, славянство является въ исторіи сразу многочисленнымъ и широко раскинутымъ на громадномъ пространствѣ, плохо организованнымъ, склоннымъ къ «анархіи» (безначалію), какъ говорили первые греческіе писатели (VI в. по Р Х.), сообщавшіе о *разселеніи славянъ*.

Съ первой четверти VI вѣка начинаются вторженія славянъ на Балканскій полуостровъ черезъ Дунай, куда они до сихъ поръ массами не проникали раньше. Византія напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы поставить преграды этому наплыву славянъ, которые шли и шли изъ свой широкой, плоской, просторной родины, подобно волнамъ разливающейся рѣки. Въ продолженіе цѣлаго вѣка лучшіе византійскіе полководцы борются съ этимъ нашествіемъ

могучихъ сѣверныхъ варваровъ, императоры воздвигаютъ ряды крѣпостей. Все напрасно: къ концу VI вѣка славяне крѣпко сидятъ на Балканскомъ полуостровѣ, занимаютъ страну до Балканъ и до сербскихъ отроговъ Альпъ, подвигаются и южнѣе. Въ VII вѣкѣ они добираются до самыхъ южныхъ предѣловъ полуострова, они уже признаются, какъ постоянное населеніе, государственной властью имперіи. Въ срединѣ IX в. часть славянъ, покоренная новыми пришельцами изъ черноморскихъ степей, тюркскими *болгарами*, основываетъ очень крѣпкое государство (Первое болгарское царство) и строитъ громадную столицу, развалины которой найдены въ недавнее время. Въ 864 г. болгарскій князь *Борисъ* принялъ христіанство отъ греческой церкви. Тамъ и сямъ основываются мелкія государства и на западѣ Балканскаго полуострова, у *сербовъ*, которые, однако, оказываются неспособными еще въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ объединить все свое племя или хотя бы значительную часть его въ единомъ государствѣ.

Самыя географическія условія, въ которыхъ жили эти южнославянскія племена, сербы и болгары, были очень несходны и тѣмъ обусловили и различіе дальнѣйшей исторіи ихъ. Болгарскіе славяне поселились въ странѣ ровной и плоской: отъ Дуная до Балканскихъ горъ страна представляетъ совершенно открытую равнину, за Балканами до самаго Константинополя тянется опять-таки равнина, пересѣченная только однимъ горнымъ хребтомъ—Родопами. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ область, занятая сербами: это страна холмовъ, невысокихъ горныхъ хребтовъ, красивыхъ широкихъ долинъ, заросшихъ лѣсомъ. Здѣсь удобно было бы сложиться очень маленькимъ государствамъ, отдѣльнымъ княжествамъ, даже просто разросшимся родамъ. Но нужна была современная государственность, чтобы сдержать всѣ эти клѣточки вмѣстѣ, сдѣлать изъ нихъ одно цѣлое. Впрочемъ, и до сихъ поръ Сербія гораздо менѣе связана въ государственномъ отношеніи, нежели Болгарія. Только теперь это отсутствіе прочной государственной страны выражается иначе, нежели средніе вѣка: не въ распаденіи на отдѣльныя княжества, а въ постоянной династической борьбѣ, едва только недавно закончившейся. Зато сдержать сербовъ въ турецкомъ рабствѣ было гораздо труднѣе: вдали отъ турецкаго надзора, среди холмовъ и долинъ Западной Сербіи, созрѣли первые заговоры, изъ которыхъ сто лѣтъ тому назадъ выросла сербская независимость. Владѣть Болгаріей было легче, ея освобожденіе отъ турокъ собственными силами едва ли было мыслимо, а между тѣмъ теперь Болгарія образовала крѣп-

кое и сильное государство, быстро развивающееся въ культурномъ отношеніи.

Въ концѣ того же VI вѣка, когда южное славянство крѣпко осѣло на Балканскомъ полуостровѣ, *западныя вѣтви* славянства въ своемъ передвиженіи за Вислу и Одеръ достигли Эльбы и по ней моря. Другая полоса его, распространяясь нѣсколько позднѣе, заняла Чехію, Моравію, всю Баварію, Саксонію и даже на берегахъ Рейна оставила несомнѣнные слѣды своего пребыванія въ видѣ цѣлаго ряда славянскихъ названій деревень. Такимъ образомъ, въ извѣстную эпоху вся нынѣшняя Германская имперія была занята славянами, которые или разселились между нѣмецкими племенами, или даже вытѣснили этихъ послѣднихъ. Это была эпоха великаго передвиженія народовъ, когда многія изъ германскихъ племенъ направились на западъ и на югъ, когда въ самой Испаніи оказались германцы. Врядъ ли, однако, эта славянская колонизація далекаго запада была густа. Вѣроятно, она раскинула сѣть незначительныхъ деревень и городовъ, объединенныхъ въ мелкія враждовавшія между собой княжества, но сколько-нибудь прочнаго устройства не выработала. Устоять противъ обратной волны германства, которое со временъ Карла Великаго все болѣе опредѣленно стремится на востокъ, она не могла, и къ XI вѣку процессъ онѣмеченія *балтійскихъ славянъ* былъ оконченъ. Только сохранившіеся пережитки (въ Саксоніи) лужицкихъ сербовъ да искаженныя, онѣмеченныя славянскія названія городовъ (Липскъ-Лейпцигъ, Барлино-Берлинъ, Дражданы-Дрезденъ и друг.) свидѣтельствуютъ о нѣкогда широкой, хотя и не густой сѣти славянскихъ поселеній въ Западной Европѣ.

Только *чехи* и *мораване*, непосредственно примыкавшіе къ сплошной славянской стѣнѣ, удержали свои мѣста и создали сильныя государства. Съ юга къ нимъ примыкали тѣ отрасли славянскаго племени, которыя черезъ Карпаты и къ югу отъ нихъ двинулись также на западъ: они заняли теперешнюю Венгрію до Дуная, Крайну, Каринтію, Хорутанію и Хорватію. Такимъ образомъ, съ конца VI вѣка славянамъ принадлежали всѣ тѣ страны, которыя заняты ими теперь, и многія изъ такихъ, откуда въ послѣдующія историческія эпохи они были вытѣснены лучше организованными врагами.

Въ концѣ IX вѣка изъ Южной Россіи приходятъ мадьяры, разрушаютъ сложившееся здѣсь славянское государство *Великой Моравіи*, тѣснимое, съ другой стороны, Каролингами, и основываютъ собственное королевство св. Стефана, принявшее католичество и европейскую культуру. Этимъ завоеваніемъ сплош-

ная область славянскаго поселенія, тянувшаяся отъ Балтійскаго моря до Адріатическаго и Эгейскаго, была прервана. Не сумѣвъ создать въ ту пору одно славянское государство, славяне были разъединены навсегда, и процессъ истребленія и порабощенія пошелъ быстро: саксонцы совершали его на сѣверо-западѣ, австрійскіе нѣмцы — на юго-западѣ, мадьяры — въ Венгріи. Никогда не достигали сколько-нибудь значительнаго объединенія *словинцы*, занявшіе Каринтію, Крайну, Хорутанію. Хорватія, Боснія, сербское Адріатическое приморье, имѣвшія нѣкогда собственный государственный строй, также не выработали прочныхъ государствъ и слились съ сосѣдними государствами, прежде всего съ Венгріей.

Какой уровень культуры мы можемъ предполагать у славянскихъ народовъ, когда они, выступивъ изъ своихъ исконныхъ обиталищъ, двинулись на югъ, на западъ и на востокъ, въ область финскихъ племенъ? Прежде всего, въ настоящее время неопровержимо установлено, что древнѣйшей формой общественнаго быта славянъ является *родъ*, слѣды котораго долго уцѣлѣли въ славянскомъ быту, когда самое родовое устройство общества давно уже отошло въ область прошлаго. Родами славяне разселялись и на новыхъ мѣстахъ, основывая поселки, которые носили названія по родоначальнику (съ окончаніемъ на *ичи*, *вичи* и т. п.). Во главѣ рода стоялъ старшій въ роду, а группа родственныхъ родовъ составляла *племя*. Остатки родового строя еще сохранились на Балканахъ въ быту славянъ Черногоріи и Герцеговины. Изъ племеннаго устройства возникло *государственное*, при чемъ у славянъ эта юридическая эволюція выступаетъ весьма отчетливо. Изученіе славянскаго быта представляетъ въ соціологическомъ отношеніи тѣмъ болѣе интереса, что въ нѣкоторыхъ областяхъ (особенно на Балканскомъ полуостровѣ и въ Россіи) онъ сохранилъ до недавняго времени много чертъ древности. Общину, повидимому, нельзя переносить въ древніе вѣка славянскаго единства; въ Россіи она, можетъ-быть, восходитъ ко временамъ московскаго государства, а въ Сербіи родовая *община-задруга* точно такъ же могла быть вызвана условіями позднѣйшаго быта, особенно въ турецкую эпоху, когда во всѣхъ отношеніяхъ было выгоднѣе держаться вмѣстѣ.

Что касается *вѣрованій* древнихъ славянъ, то говорить о сколько-нибудь развитой миѳологіи у нихъ совершенно не возможно. Кое-что указываетъ на воздѣйствіе на эту сторону славянской жизни со стороны южныхъ сосѣдей, иранскихъ скиѳовъ и сарматовъ, у которыхъ двойственность иранскихъ религій, борьба

свѣта со тьмой, борьба добра со зломъ, Агуры-Мазды съ Анграмайнью, находила также свое отраженіе. Но ближе опредѣлить результаты этого вліянія такъ же трудно, какъ, вообще, составить себѣ полное представленіе о религіозномъ бытѣ древнихъ славянъ. Какъ носители родовыхъ началъ въ своемъ быту, они должны были чтить домашній огонь, почитать предковъ, поклоняться огню и солнцу. Но едва ли у нихъ были жрецы, какъ постоянная религіозная организація, и самыя имена боговъ, которыя могутъ быть отнесены къ праславянской эпохѣ, каковы Перунъ или Велесъ остаются загадочными и по своему происхожденію, и по значенію. Болѣе развиты были языческіе культы у балтійскихъ славянъ, у которыхъ были и храмы, и жрецы, и изображенія боговъ, но къ правдѣ здѣсь примѣшивается столько выдумокъ недобросовѣстныхъ лѣтописцевъ и позднѣйшихъ историковъ, что и здѣсь извлечь что-нибудь цѣнное для праславянской эпохи едва ли возможно.

Исторія *балканскихъ славянъ* развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи. Занявъ области, нѣкогда принадлежавшія этой имперіи, сербы и болгары являлись въ глазахъ византійской власти поселенцами, подчиненными ей. Разумѣется, ни сербы, ни болгары не соглашались на эту роль, вслѣдствіе чего Византія смотрѣла на славянъ полуострова, какъ на бунтовщиковъ, и имъ приходилось шагъ за шагомъ отстаивать свои притязанія на независимость и государственное равноправіе съ Византіей. Но и въ ихъ глазахъ Константинополь былъ Цареградомъ и обаяніе старой культуры Византійской имперіи, блескъ ея столицы, титулъ императора манили къ себѣ славянскихъ «варваровъ», какъ магнитъ. Можно сказать, что все содержаніе ихъ исторіи съ начала VI вѣка до турецкаго завоеванія, т.-е. въ продолженіе многихъ и многихъ вѣковъ, сводится къ постояннымъ попыткамъ наиболѣе талантливыхъ изъ сербскихъ и болгарскихъ государей завладѣть Цареградомъ, сдѣлаться царемъ—императоромъ грековъ. На ряду съ этими непрерывными стремленіями идетъ проникновеніе византійской культуры въ государственный и гражданскій бытъ славянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ и дѣйствительно культурнымъ, что шло изъ Цареграда къ православнымъ славянамъ, усваивались, однако, и гибельныя самыя вредныя стороны византійской жизни и политики: склонность къ придворнымъ интригамъ, борьба вельможъ изъ-за власти, полная неразборчивость въ средствахъ. И чѣмъ крѣпче утверждалась эта культура у сербовъ и болгаръ, тѣмъ болѣе внутренно разлагались ихъ государства, тѣмъ глубже проникала испорченность въ народные слои. Еще до

турецкаго завоеванія Сербія и Болгарія представляли въ государственномъ отношеніи разрывающіеся на части, вслѣдствіе внутренняго разложенія, организмы, а въ культурномъ отношеніи не всегда удачныя копіи византійскаго быта, подражаніе тѣмъ его сторонамъ, которыя были понятны малокультурнымъ народамъ. Литература, распространенная въ низшихъ кругахъ, грубая сектантская мысль были доступны населенію Сербіи и Болгаріи; но тонкое и изящное, что, перейдя на Западъ, создало возрожденіе наукъ и искусствъ, оставалось понятнымъ на славянскомъ Востокѣ лишь отдѣльнымъ избранникамъ. Однако славянская талантливость выдвинула и въ государственной области рядъ даровитыхъ людей. Таковы были основатели независимаго сербскаго государства *Стефанъ Нѣманя* и его сыновья, *Стефанъ первовѣнчанный*, и первый сербскій архіепископъ св. *Сава* (XII—XIII в.), позже знаменитый объединитель сербскаго народа, первый сербскій царь и законодатель, создатель сербскаго патріаршества *Стефанъ Душанъ* (1331—1355). При немъ Сербское государство достигло большого значенія и охватывало почти весь сѣверъ Балканскаго полуострова. У болгаръ выдающимися правителями явились: царь *Симеонъ*, грозный врагъ Византіи, великій просвѣтитель Болгаріи (X в.), позже царь *Самуилъ* (X — XI в.), основатели второго Болгарскаго царства братья *Асѣни*, освободившіе свой народъ отъ подчиненія Византіи, особенно *Калоянъ* (нач. XIII в.), едва не занявшій престола Византіи. Однако, ни одному изъ этихъ государей не удалось создать прочнаго государства; личная ихъ энергія, личная талантливость объединяли вокругъ нихъ области и людей. Со смертью ихъ государства падали, раздѣлялись, попадали подъ власть болѣе счастливыхъ сосѣдей. Только турецкое иго (въ Болгаріи съ конца XIV в., въ Сербіи съ половины XV в.) положило предѣлъ внутреннимъ распрямъ внутри одного и того же народа и создало какъ сербское, такъ и болгарское національное единство.

Иной характеръ имѣла исторія западныхъ, католическихъ, славянскихъ народовъ, чеховъ и поляковъ. Государства этихъ народовъ сложились къ началу X в., при чемъ и чешскіе *Пршемысловичи*, и польскіе князья изъ рода *Пястовъ* довольно долго признавали верховенство Германской имперіи; и у чеховъ, и у поляковъ утвердилось христіанство по римскому обряду. Подъ вліяніемъ международной католической церкви, которая у нихъ, какъ у всѣхъ средневѣковыхъ католическихъ народовъ, пользовалась непререкаемымъ авторитетомъ, они входятъ въ семью западно-европейскихъ народовъ и переживаютъ, по существу, тѣ же

явленія государственной и общественной жизни, что и они, особенно чехи, которые тогда, какъ и теперь, жили именно общеевропейскими интересами.

Поляки стояли на рубежѣ между православнымъ Востокомъ Россіи, съ которымъ они вступали все въ болѣе близкія отношенія, и между католическимъ міромъ Запада; имъ приходилось отстаивать себя и отъ поползновеній германизма, неудержимо напиравшаго на Востокъ послѣ того, какъ онъ поглотилъ славянъ приэльбскихъ и балтійскихъ, и отъ стремленій русскихъ князей, кіевскихъ, галицкихъ, волынскихъ, потомъ московскихъ, и отъ татарскихъ нашествій. Средневѣковая исторія поляковъ сводится, такимъ образомъ, сначала къ объединенію польскихъ племенъ, къ созданію изъ нихъ польскаго народа, къ усвоенію имъ католической и западноевропейской культуры, а затѣмъ къ расширенію его политическаго могущества. Въ какую же сторону могло направиться это расширеніе? Конечно, только въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. не на Западъ, крѣпкій своей культурой, своимъ религіознымъ единствомъ и рыцарствомъ, но на Востокъ, разъединенный, удѣльно-вѣчевой, опустошенный и ослабленный татарами или еще языческій, совсѣмъ слабый въ государственномъ отношеніи. Западно и южнорусскія племена и Литва и Жмудь должны были сдѣлаться областью политическаго вліянія Польши, когда ей къ концу XIII вѣка удалось собраться въ одно крѣпкое государство. Въ объединеніи и въ созданіи изъ русскихъ, литовско-жмудскихъ и чисто-польскихъ племенъ одного государственнаго цѣлаго заключается большая культурно-историческая заслуга польскаго народа. Унія 1386 года объединила литовское государство *Ягелла* (въ которое входили многія русскія земли) съ польскимъ. Битва при Грюнвальдѣ 1410 года, въ которой нѣмецкіе рыцари (тевтонскій орденъ) были наголову разбиты соединенными польско-литовскими силами, обезпечило это государство отъ нѣмецкаго завоеванія. И еще больше 400 лѣтъ просуществовала Польша, какъ самостоятельное государство, сначала какъ польское королевство и литовское княжество, два отдѣльныя государства, связанныя одной династіей Ягеллоновъ, а потомъ (1572), когда эта династія прекратилась, какъ объединенныя равноправныя части одной Польской республики (Рѣчь Посполитая). Въ общественномъ строѣ Польши всего этого времени огромное значеніе принадлежало дворянству (*шляхта*), которое на своихъ съѣздахъ, или сеймикахъ, и въ *общемъ сеймѣ* королевства самостоятельно рѣшало важнѣйшія государственныя дѣла, тогда какъ свободные раньше крестьяне (*хлопы*) были при-

крѣплены къ землѣ. Польша превратилась въ аристократическую шляхетскую республику съ избираемыми, очень ограниченными въ своихъ правахъ королями. И чѣмъ меньше были связаны составныя части этой республики, тѣмъ большая опасность грозила самому существованію ея. Вѣдь московское княжество, покончивъ съ татарами, принялось за собираніе всѣхъ русскихъ племенъ и, переживъ смуту, стало все опредѣленнѣе стремиться къ широкой завоевательной политикѣ, а, съ другой стороны, утвердились и окрѣпли нѣмецкія государства, примыкавшія къ Польшѣ. И государственная гибель ея стала лишь дѣломъ времени, но не погибъ польскій народъ, тѣсно вошедшій за многія столѣтія въ семью культурныхъ европейскихъ народовъ, въ несчастіи онъ еще крѣпче сплотился и продолжаетъ участвовать въ движеніи европейской культуры, какъ ни тяжелы внѣшнія условія его жизни.

Чехи еще тѣснѣе слились съ католическимъ Западомъ; ихъ государи, сначала князья, потомъ короли изъ династіи *Пршемысла*, ничѣмъ не отличаются отъ какихъ-нибудь нѣмецкихъ или французскихъ, или итальянскихъ государей среднихъ вѣковъ. Католическая культура совсѣмъ обезцвѣчивала народность, и католическій государь былъ равноправнымъ членомъ всей католической семьи князей. Поэтому чешскій король могъ быть императоромъ, какъ это было съ *Карломъ IV*, а потомство его могло царствовать гдѣ-нибудь въ Испаніи или Венгріи. Чешскіе бароны жили такъ же, какъ нѣмецкіе рыцари: строили такіе же замки, окружали себя такими же миннезингерами, такъ же отстаивали свои феодальныя права, какъ и ихъ нѣмецкіе или французскіе сотоварищи, такъ же дрались на турнирахъ и ужасались и каялись въ своихъ грѣхахъ на представленіяхъ церковныхъ драмъ о Страшномъ судѣ. По мѣрѣ того, какъ господство латинской литературы начинало отходить въ прошлое, съ пробужденіемъ интереса къ родной письменности, и въ Чехіи возникаетъ литература на чешскомъ языкѣ, иногда даже съ рѣзкимъ національнымъ оттѣнкомъ. Въ XV в., когда испорченность католическаго духовенства и корыстолюбіе папскаго двора начинаютъ вызывать протестъ въ Европѣ, особенно въ свободолюбивой Англіи, въ Чехіи, одной изъ культурнѣйшихъ частей Европы, создается народное движеніе, направленное противъ папства, противъ чуждаго народу нѣмецкаго духовенства и его злоупотребленій. Въ Прагѣ въ это время процвѣталъ университетъ, одинъ изъ древнѣйшихъ университетовъ Европы, и онъ сталъ во главѣ народнаго движенія. Профессоръ и священникъ *Янъ Гусъ*, дитя народа, геніальный

крестьянскій сынъ, выступаетъ съ требованіемъ народной церкви богослуженія на родномъ языкѣ, возвращенія къ старому обряду съ причастіемъ тѣломъ и кровью. Народъ и патріотически настроенная знать поддерживаютъ Гуса; только клятвопреступленіе государя (императора Сигизмунда), который звалъ Гуса на судъ *констанцскаго собора*, обѣщая ему безопасность, погубило этого великаго создателя духовной мощи чешскаго народа (1415). Но идеалы его не погибли. Гусъ провозгласилъ необходимость самостоятельнаго народнаго развитія, мысль, чуждую среднимъ вѣкамъ, лишь теперь входящую въ сознаніе всѣхъ культурныхъ народовъ, но еще не признаваемую ихъ правительствами, эта мысль была провозглашена Гусомъ, и ею до сихъ поръ живетъ чешскій народъ. Больше двухъ сотъ лѣтъ идеями Гуса была озарена политическая жизнь чешскаго народа. *Гуситскія войны* прославили ихъ навсегда. Только въ XVII вѣкѣ *Бѣлогорская битва* прекратила самостоятельное политическое существованіе чешскаго народа. Наступили вѣка онѣмеченія, высшіе классы покинули народъ и перешли въ лагерь побѣдителей. Но народная масса жила своей обособленной жизнью, и когда начала равноправія, провозглашенныя великой французской революціей и подхваченныя романтизмомъ, стали входить въ жизнь первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, изъ среды народа выходятъ горячіе проповѣдники *политическаго* и *національнаго возрожденія* народа. И чехи играютъ все болѣе значительную роль въ судьбахъ Австріи; образованіемъ и напряженнымъ трудомъ, проникнутымъ чувствомъ національнаго и человѣческаго достоинства, они добились того, что ихъ культура сдѣлалась образцовой, и, конечно, теперь никакая сила въ мірѣ не сдержитъ стремленій чешскаго народа и къ политической независимости, которая въ настоящее время достигается народнымъ трудомъ и національнымъ сознаніемъ.

11. Франція въ средніе вѣка.

Въ концѣ X в. во Франціи умеръ послѣдній потомокъ дома Каролинговъ. Сеньёры выбрали изъ своей среды королемъ *Гуго Капета*. Это былъ феодалъ далеко не самый могущественный въ странѣ. Его владѣнія были расположены на Сенѣ (съ главнымъ городомъ *Парижемъ*) и Луарѣ (съ гор. *Орлеаномъ*). Чтобы проѣхать изъ одного своего помѣстья въ другое, короли *Капетинги* (такъ стали называться потомки Гуго Капета) должны были проѣзжать чужими владѣніями, а это не всегда было безо-

пасно. То было время крайняго *развитія феодализма* во Франціи. Страна была раздроблена на многія отдѣльныя княжества, владѣльцы которыхъ постоянно спорили между собою. Обитатель Франціи того времени, особенно, если онъ былъ человѣкъ съ достаткомъ, могъ чувствовать себя спокойно только за высокими и крѣпкими стѣнами, за глубокими рвами замковъ и городовъ, подъ защитою и охраной высокихъ башенъ. До изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія подобныя укрѣпленія были единственной и вѣрной защитой отъ враговъ, поэтому почти на каждомъ крутомъ холмѣ были построены замки, преслѣдовавшія цѣли не удобства, а безопасности. Само собой разумѣется, что сильный сеньёръ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи сотни послушныхъ вассаловъ, былъ всемогущъ въ своемъ округѣ, и рѣдко кто осмѣливался нападать на него самого и на людей, находящихся подъ его защитой. Королевскій санъ мало значилъ для бароновъ. Они не оспаривали правъ короля, но, пользуясь своимъ положеніемъ, часто отказывали королю въ его требованіяхъ, не являлись для принесенія присяги, не выставляли войска и т. д. Бароны чувствовали свою силу, и однажды одинъ изъ нихъ на вопросъ разгнѣваннаго Гуго Капета: «кто поставилъ тебя графомъ?» отвѣтилъ: «А тебя кто поставилъ королемъ?» Поэтому первые короли династіи Капетинговъ были мало замѣтны; они скромно сидѣли въ своихъ владѣніяхъ, не бросались въ рискованныя предпріятія, не вели постоянныхъ войнъ, а втихомолку укрѣпляли свои помѣстья, зорко слѣдили за своими мелкими вассалами и при случаѣ отбирали ихъ помѣстья. Не надѣясь на свои силы, французскіе короли привыкли дѣйствовать скрытно, долго выслѣживали врага, прибѣгая ко всевозможнымъ способамъ преслѣдованія и вѣрно наносили послѣдній ударъ.

Многія обстоятельства благопріятствовали тому, что Капетинги, владѣльцы незначительныхъ земель внутри Франціи, сдѣлались современемъ могущественными государями. Видя, что богатые *города* являются соперниками сеньёровъ, Капетинги поддерживаютъ города, даютъ имъ вольныя грамоты, тѣмъ самымъ развивая въ странѣ торговлю и пріобрѣтая въ лицѣ горожанъ сильныхъ союзниковъ въ борьбѣ со своими врагами. Пользуясь всякими способами для увеличенія собственныхъ владѣній, Капетинги къ концу XII ст. дѣлаются настолько видными королями, что папа, въ поискахъ крестоносцевъ обращаетъ свои взоры къ французскому королю *Филиппу II Августу*, убѣждая его принять участіе въ третьемъ крестовомъ походѣ. Филиппъ-Августъ и въ этомъ походѣ не забылъ о своихъ выгодахъ. Разссорившись въ походѣ съ другимъ участникомъ его Ричардомъ

Львиное-Сердце, королемъ англійскимъ, и вернувшись затѣмъ на родину, Филиппъ-Августъ оказалъ поддержку возставшему противъ Ричарда его брату Іоанну и, пользуясь этой смутой, отнялъ у англичанъ *Нормандію*, которой владѣли англійскіе короли на правахъ ленной зависимости отъ французскаго короля. Въ большой войнѣ за Нормандію, Филиппъ очень умѣло отыскиваетъ союзниковъ, какъ внѣ, такъ и внутри государства, при чемъ въ войскѣ Филиппа сражаются солдаты, набранные въ городахъ, привлеченныхъ имъ на свою сторону. Обратилъ вниманіе Филиппъ и на богатый югъ Франціи, цвѣтущій край, въ которомъ свила себѣ прочное гнѣздо ересь катаровъ. Папа Иннокентій III провозгласилъ крестовый походъ противъ еретиковъ. Желающихъ участвовать въ немъ нашлось много: привлекала надежда на добычу, такъ какъ земли еретиковъ должны были перейти къ крестоносцамъ, и легкость похода, за который тѣмъ не менѣе можно было получить отпущеніе грѣховъ. Новые крестоносцы, во главѣ съ посланниками папы, исполнили свое дѣло быстро и безпощадно. Южныя области Франціи были залиты кровью, беззащитное мирное населеніе вырѣзано, города разрушены. Филиппъ-Августъ не принималъ участія въ этомъ походѣ, но потомъ, когда среди новыхъ владѣльцевъ завоеванныхъ земель начались неурядицы, къ французскому королю обратились съ просьбой взять эти области подъ свое покровительство. Такимъ образомъ, не только сѣверъ Франціи, но и югъ сдѣлались владѣніями короля, и Капетинги въ началѣ XIII в. были самыми могущественными владѣльцами въ странѣ—ихъ земли въ пять разъ превышали владѣнія всякаго другого сеньора. Возвращеніе отнятыхъ англичанами земель и объединеніе ихъ подъ властью французскаго короля способствовало образованію единой *французской націи* и сильно возвысило короля въ глазахъ народа.

Въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ Филиппъ II ввелъ особое *управленіе*, похожее на то, которое было въ вотчинахъ первыхъ собирателей Руси. Капетинги такъ же, какъ потомки Ивана Калиты, стремились къ уничтоженію удѣловъ, самостоятельныхъ сеньерій, и къ установленію такого управленія, какое бы зависѣло только отъ центральной государственной власти. Во главѣ управленія стоялъ *сенешаль* — дворецкій короля. Онъ завѣдывалъ королевскимъ хозяйствомъ, а слѣдовательно, и сборомъ денежныхъ податей; такимъ образомъ, сенешаль завѣдывалъ королевской казной и королевскими расходами; а такъ какъ главный расходъ былъ на войско, то и завѣдываніе самымъ войскомъ и даже командованіе имъ перешло въ

руки сенешала. Вторымъ лицомъ въ королевствѣ сдѣлался личный секретарь короля—*канцлеръ*; онъ завѣдывалъ письменной частью, канцеляріей короля, составлялъ грамоты, прикладывалъ къ нимъ печати и т. д. Такъ какъ грамотность въ тотъ вѣкъ была явленіемъ рѣдкимъ (даже нѣкоторые короли были малограмотными), то должность канцлера обычно занимало духовное лицо. Въ силу своей должности, канцлеру приходилось разбирать всевозможныя жалобы, подававшіяся королю, и канцлеръ сдѣлался главнымъ судебнымъ лицомъ въ государствѣ. Королевскіе приказчики завѣдывали сборомъ налоговъ въ королевскихъ имѣніяхъ, распредѣляли различныя повинности между крѣпостнымъ населеніемъ, разбирали не только гражданскія, но и уголовныя судебныя дѣла и т. д. Пользуясь громадною властью, они получили большое значеніе не только среди населенія королевскихъ вотчинъ, но и въ земляхъ сосѣднихъ сеньёровъ, такъ какъ, съ расширеніемъ королевскаго вліянія, частные приказчики короля становятся государственными чиновниками; къ ихъ суду привлекаются не только крѣпостные королевскихъ имѣній, но и другихъ владѣльцевъ. Въ замкахъ и городахъ приказчики получили военную власть; стали комендантами крѣпостей. Такъ искусно, шагъ за шагомъ, сплеталъ Филиппъ II казенные интересы со своимъ вотчиннымъ и государственное управленіе—съ управленіемъ своихъ помѣстій.

Дѣло Филиппа II Августа продолжалъ его внукъ *Людовикъ IX* (1226—1270). Онъ былъ очень набоженъ, постоянно посѣщалъ церковныя службы и въ одинокой и горячей молитвѣ часто подвергалъ себя бичеваніямъ. Его религіозность стремилась проявиться на дѣлѣ, чего бы это ни стоило. Людовикъ откликнулся на призывъ папы итти въ крестовый походъ въ то время, когда это предпріятіе потеряло въ Европѣ всю свою притягательную силу; король безкорыстно два раза отправлялся на защиту Гроба Господня и во второмъ походѣ погибъ. Въ Африкѣ крестоносцевъ поразила проказа; Людовикъ выказалъ примѣръ христіанской любви и самоотверженности, ухаживая за больными, омывая ихъ раны. Средневѣковая жизнь отличалась грубостью нравовъ и жестокостью. Тогда мало было вѣры въ людей, всѣ другъ друга боялись, и только подъ защитой крѣпкихъ башенъ могли считать себя безопасными; сама церковь слишкомъ втянулась въ борьбу съ свѣтскою властью и забыла свои прямыя религіозно-нравственныя задачи. Среди такого общества личность Людовика поражала современниковъ, и король перешелъ въ исторію съ названіемъ Святого.

Нравственныя качества Людовика IX особенно сказались въ той части государственнаго управленія, въ которой они наиболѣе могли проявляться—въ судѣ, потому что въ старину имѣли значеніе не столько законы, сколько личность самого судьи. Его дѣятельность была направлена на укрѣпленіе среди населенія значенія суда. Въ этомъ отношеніи *королевскій судъ*, правый, равный для сильныхъ и слабыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, получилъ добрую славу въ народѣ. Людовикъ Святой своею доступностью и справедливостью заслужилъ народную любовь. «Если случится разбирать споръ между богатымъ и бѣднымъ», писалъ король въ «Наставленіяхъ» своему сыну: «держи сторону бѣднаго болѣе, чѣмъ богатаго, пока не дознаешься истины». Король принималъ всевозможныя жалобы отъ людей всякаго званія и нерѣдко самъ, у воротъ своего дворца или подъ дубомъ въ рощѣ, разбиралъ судебное дѣло. Ему помогали въ этомъ дѣлѣ т. наз. *легисты*, т.-е. юристы, законники, люди, изучившіе право (законы) римскаго государства. Они составили при королѣ высшую судебную палату, которая называлась *парламентомъ* [1]).

Усиленію могущества французскихъ королей много способствовалъ *Филиппъ IV Красивый* (1275—1314), внукъ Людовика Святого. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ область Шампань (на востокъ отъ Парижа) съ ея знаменитыми ярмарками и устремился дальше къ Фландріи, славившейся своими шерстяными производствами, которыя въ это время вытѣснили льняныя. Фландрія тянула къ Англіи, такъ какъ оттуда, главнымъ образомъ, шла шерсть, необходимая для производства, а съ Англіей Франція была въ вѣковой враждѣ. Споръ изъ-за Фландріи, между прочимъ, привелъ оба государства къ тяжелымъ войнамъ. Онѣ потребовали отъ Франціи большихъ расходовъ, которыя не могли покрыть одни королевскіе доходы. Постоянныхъ податей не было, и Филиппу IV постоянно приходилось изыскивать средства для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ. Въ этомъ дѣлѣ король проявилъ большую ловкость, находчивость и беззастѣнчивость. Онъ часто, пользуясь своимъ положеніемъ, бралъ деньги безъ отдачи, иногда просто вымогалъ ихъ. Особенно въ этомъ отношеніи должны были платиться городскія коммуны, на которыя, при всякомъ удобномъ случаѣ, накладывались штрафы. Имѣнія рыцарей отбирались за малѣйшія провинности. Сеньёрамъ было запрещено чеканить свою монету, и они особенно страдали отъ этого, потому что король, чтобы избавиться отъ большихъ дол-

[1]) Не нужно смѣшивать этотъ французскій парламентъ съ англійскимъ, имѣющимъ значеніе представительнаго законодательнаго собранія.

говъ, которые онъ дѣлалъ, сильно портилъ монету и этою малоцѣнной монетой расплачивался съ кредиторами. Иногда же король просто объявлялъ себя банкротомъ, и тогда кредиторы принуждены были соглашаться на всѣ его условія.

Настойчивое разысканіе всевозможныхъ доходовъ привело Филиппа IV къ *разрыву съ папой*. Филиппъ IV обложилъ взносами земли духовенства, въ чемъ встрѣтилъ упорнаго противника въ лицѣ папы *Бонифація VIII*. Возгорѣлся очень любопытный споръ о предѣлахъ королевской власти. Папа выступилъ продолжателемъ взгляда первенства духовной власти надъ свѣтской, который когда-то развивали папы эпохи могущества. Но теперь для папства время было уже не то. Вліяніе папъ упало, съ одной стороны, потому, что образовались могущественныя монархіи въ родѣ Англіи и Франціи, съ другой—благодаря тому, что въ крестовыхъ походахъ папство преслѣдовало далеко нерелигіозныя цѣли, и тѣмъ уронило себя въ глазахъ народа. Для отвѣта на притязанія папы, Филиппъ IV созвалъ соборъ какъ изъ французскаго духовенства, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ, среди которыхъ было много легистовъ. Соборъ высказался въ томъ смыслѣ, что выше короля на землѣ нѣтъ власти. Когда папа отлучилъ короля, легисты осудили папу; королевскіе посланцы въ Италіи небывалымъ образомъ оскорбили Бонифація VIII. Бонифацій VIII не перенесъ униженія и скоро умеръ, а его преемникъ подъ вліяніемъ требованій Филиппа IV переселился изъ Рима въ Авиньонъ (въ южной Франціи) и такимъ образомъ папство, когда-то всемогущее, почти на 70 лѣтъ [1]) поставлено было въ зависимость отъ французскаго государства.

Во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ французскіе короли выказывали много самостоятельности и настойчивости въ достиженіи цѣли, но въ трудныхъ обстоятельствахъ, особенно когда приходилось доставать деньги на военные расходы, они при всемъ своемъ могуществѣ обращались за совѣтомъ къ *представителямъ народа*. Но созывались далеко не всѣ сословія (штаты), а только главныя, а таковыми считались *дворянство, духовенство* и *горожане* (третье сословіе). На собраніяхъ штатовъ не было представителей отъ крестьянства, да и вообще эти *Генеральные штаты*, т.-е. общее собраніе сословій не были представительнымъ собраніемъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, потому что на собранія высшихъ сословій сеньёры и духовные не выбирались, а просто являлись,

---

[1]) Это авиньонское пребываніе папъ называется въ насмѣшку «Вавилонскимъ плѣненіемъ папъ».

какъ мелкіе владѣльцы-феодалы. Въ засѣданіяхъ каждое изъ трехъ сословій совѣщалось отдѣльно, что, конечно, лишало собранія ихъ значительной силы. Тѣмъ не менѣе, Генеральные штаты имѣли громадное значеніе въ жизни страны. Къ нимъ обращались, значитъ, въ нихъ нуждались, а иногда и боялись. Событія средины XIV ст. во Франціи ярко показали, какое значеніе въ странѣ имѣли сословія, если они дѣйствовали дружно.

Около половины XIV ст. прекратилась старшая линія Капетинговъ, а съ ними поколебалась и разсчетливая политика, передававшаяся изъ рода въ родъ. Вновь избранные на французскій престолъ короли изъ династіи *Валуа* (младшей линіи капетинговъ) далеко не отличались дальновидностью и умѣньемъ въ управленіи. Наслѣдство, оставленное имъ старшими Капетингами, было велико по своимъ земельнымъ размѣрамъ, но въ то же время носило въ себѣ зародыши многихъ смутъ. Сословія враждовали между собою и были недовольны королевскими поборами послѣднихъ лѣтъ и стѣсненіемъ вольностей. Сеньёры нерѣдко отказывали новымъ королямъ въ повиновеніи. Начавшееся разстройство въ управленіи отразилось и на денежныхъ затрудненіяхъ въ странѣ. Короли все чаще и чаще портили монету, что вызывало ропотъ уже въ царствованіе Филиппа IV Красиваго. При первыхъ же Валуа, въ одномъ только 1355 году, 18 разъ ухудшали монету при перечеканкѣ. Это отразилось прежде всего на состояніи промышленныхъ классовъ. Торговля стала приходить въ упадокъ. Чтобы поддержать шерстяную промышленность въ странѣ, короли запретили вывозить шерсть изъ Франціи; это было невыгодно для сельскихъ хозяевъ, для которыхъ шерсть была главнымъ предметомъ вывоза во Фландрію. Фландрія же, будучи недовольна этимъ запрещеніемъ, вошла въ сношенія съ Англіей, откуда шло сырье. Отношенія между Франціей и Англіей обострились и привели къ *столѣтней войнѣ*.

Англичане, воспользовавшись неурядицами во Франціи, выступили съ планомъ завоеванія французскихъ областей. Эдуардъ III англійскій заявилъ притязанія на французскую корону, такъ какъ, по матери, былъ потомкомъ Филиппа IV. Англійскія войска оказались легче, подвижнѣе французской тяжелой рыцарской кавалеріи и въ цѣломъ рядѣ битвъ одерживали побѣды надъ французами, при чемъ въ сраженіи при *Пуатье* былъ взятъ въ плѣнъ самъ король Франціи Іоаннъ. Молодой дофинъ (наслѣдникъ престола), нуждаясь въ деньгахъ, чтобы собрать громадный выкупъ за отца, созвалъ въ 1356 г. въ Парижѣ Генеральные штаты. На этихъ штатахъ половина членовъ была изъ третьяго (город-

5. Жанна д'Аркъ въ Орлеанѣ.

ского) сословія, и, такимъ образомъ, руководящая роль въ собраніи перешла въ его руки. Сословія принялись отыскивать виновника несчастій родины. Ревизіями были обнаружены многія злоупотребленія высшихъ чиновниковъ, которые и были отданы подъ судъ. Настроеніе штатовъ дѣлалось все болѣе требовательнымъ по отношенію къ дофину, который, видя въ дальнѣйшемъ существованіи штатовъ угрозу королевской власти, распустилъ собраніе. Депутаты высшихъ сословій подчинились этому требованію, зато городское сословіе окончательно отказалось повиноваться дофину. Городскихъ депутатовъ поддержала столица Парижъ, и парижскій купеческій старшина *Этьенъ Марсель* организовалъ вооруженное сопротивленіе власти. Дофинъ растерялся, и власть перешла къ руководителю парижской общины Марселю. Въ слѣдующемъ году, по настоянію Марселя, были созваны вновь Генеральные штаты, которые принялись за реформы. Было постановлено теперь, чтобы штаты собирались разъ въ два года, и всякій новый налогъ вводили бы съ согласія сословныхъ представителей. Исполнительная власть должна была состоять при королѣ изъ уполномоченныхъ отъ штатовъ, при чемъ половина членовъ совѣта должна была выбираться изъ представителей третьяго сословія. Дофинъ согласился на реформу, но не искренно, и втихомолку дѣйствовалъ противъ штатовъ. Впрочемъ, въ странѣ слишкомъ много было внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій, чтобы можно было спокойно ввести реформы. Началась междоусобная война, во время которой Этьенъ Марсель высказывалъ взгляды, что королю, если онъ не исполняетъ свой долгъ защиты подданныхъ, можно не повиноваться.

Смута сдѣлалась страшной, когда взбунтовались *крестьяне*. Положеніе ихъ было очень тяжелое, ихъ давило крѣпостное право, разоряли непріятельскія войска, а за отсутствіемъ прочныхъ замковъ и стѣнъ, имъ невозможно было защищать свои хижины и посѣвы. Доведенные голодомъ и невзгодами до крайней степени ожесточенія, жаки [1]) возстали. Ихъ ненависть принимала ужасныя формы. Жаки жгли замки, убивали дворянъ, не щадя ни женщинъ ни дѣтей. Одинъ современникъ этихъ событій говоритъ, что крестьяне словно хотѣли уничтожить всѣхъ дворянъ на свѣтѣ. Движеніе приняло широкіе размѣры. Этьену Марселю былъ на руку этотъ бунтъ, но у жаковъ не было никакого руководителя, а, главное, не было ясной цѣли, кромѣ

---

[1]) Жаками назывались во Франціи крестьяне (Жакъ-Яковъ), иногда говорили насмѣшливо—Жакъ - простакъ. Отъ «жаковъ» произошло и названіе этого бунта «Жакерія».

мщенія. Нестройныя, плохо вооруженныя полчища крестьянъ не могли устоять противъ ополченія, сплотившихся въ общей бѣдѣ рыцарей и были разбиты. Возстаніе было подавлено съ неслыханными жестокостями.

Союзъ съ жаками сильно уронилъ Этьена Марселя въ глазахъ французскаго общества и въ одной мелкой стычкѣ мятежный купеческій старшина былъ убитъ, и дофинъ, вступивъ въ Парижъ, утвердилъ свою власть во Франціи.

Дофину Карлу (впослѣдствіи королю) довелось управлять Франціей въ тяжелую годину, но смутное время не прошло для него даромъ. Имъ было основано новое управленіе на строгой отчетности чиновниковъ, при чемъ были точно установлены налоги. При *Карлѣ V* Франція настолько окрѣпла, что могла возвратить значительную часть англійскихъ завоеваній. Но окончательно вытѣснить англичанъ съ материка все-таки не удалось, а въ началѣ XV в. Францію опять постигло иноземное нашествіе, которое ее чуть не погубило.

Въ XI и XII вв. Франція была раздроблена на массу мелкихъ феодальныхъ владѣній; въ странѣ не было единства, но зато каждый сеньёръ въ отдѣльности, особенно въ эпоху усиленія Капетинговъ, не былъ въ состояніи бороться противъ короля. Теперь же, въ XV в., усиліями собирателей Франціи, Капетинговъ, королевскія вотчины неизмѣримо превосходили частныя владѣнія, но зато эти вотчины пришлось дробить между своими наслѣдниками. Получились своего рода *удѣльные князья* королевской крови. Нѣкоторые изъ нихъ были очень сильны своими богатствами и страшны королю. Къ такимъ владѣльцамъ относился, напр., герцогъ бургундскій, богатѣйшія владѣнія котораго по своимъ размѣрамъ чуть ли не равнялись вотчинѣ короля. Во владѣніяхъ бургундскаго герцога находилась Фландрія, извѣстная своимъ суконнымъ производствомъ. Широкая потребность въ шерсти, вывозимой изъ Англіи, способствовала сближенію бургундцевъ съ англичанами. При поддержкѣ Бургундіи, англійскій король (Генрихъ V) продолжалъ войну съ Франціей. Положеніе Франціи въ это время было очень печально. Безумный король (Карлъ VI) не управлялъ лично, и за первенство въ управленіи спорили два знатные рода. Пользуясь междоусобіями князей, англичане одержали блестящія побѣды и вскорѣ самъ Парижъ былъ въ ихъ рукахъ. Часть Франціи признала королемъ Генриха V, а впослѣдствіи его сына, и только, сравнительно, небольшая часть южной Франціи оставалась вѣрной молодому дофину (впослѣдствіи Карлу VII). Англичане завоевывали города одинъ за другимъ и осадили Орлеанъ, послѣднюю опору

Франціи. Вновь начались народныя бѣдствія и еще не забытые ужасы вражескаго нашествія. Торговля и промышленность прекратились, крестьянское хозяйство стало, потому что усиленные налоги, проходы и постои войскъ разоряли крестьянскія земли; горѣли села, участились разбои.

Въ такіе годы народъ мучительно ищетъ виновниковъ создавшагося положенія и выхода изъ него. Появились призывы къ покаянію, и воспаленное воображеніе народа было взволновано предсказаніемъ, что появится нѣкая дѣва, которая съ оружіемъ въ рукахъ спасетъ Францію отъ враговъ, и когда, дѣйствительно, въ войскѣ дофина появилась какая-то молодая дѣвушка, призывавшая къ военнымъ подвигамъ, всѣ повѣрили, что она—посланница неба. Эта таинственная дѣвушка была крестьянка 16 лѣтъ, по имени *Жанна д'Аркъ*. Она родилась и выросла въ одной изъ деревень Лотарингіи (по западному берегу Рейна), опустошенной англійскими и бургундскими отрядами. Впечатлительная отъ природы и религіозная, Жанна усердно молилась, сгорая желаніемъ помочь родной странѣ. Подъ вліяніемъ усиленныхъ молитвъ, ей казалось, что она слышитъ невѣдомые голоса, зовущіе ее къ подвигу спасенія родины: «иди спасать дофина, возврати ему королевство!» Этотъ зовъ становился все настоятельнѣе, пока, наконецъ, Жанна не покинула родныя поля и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей, пріѣхала къ дофину. Она горячо убѣждала его отправиться на выручку Орлеана и своими рѣчами подняла мужество безпечнаго наслѣдника. Вѣсть о появленіи необычайной дѣвушки мгновенно разнеслась по войску. Всѣ повѣрили, что Жанна—та спасительница дѣва, о которой говорили сказанія. Въ одеждѣ воина, съ мечомъ и знаменемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи священниковъ, пѣвшихъ гимны, двинулась она къ Орлеану во главѣ воодушевленнаго войска. Въ непріятельскихъ войскахъ распространился страхъ передъ этой непостижимой воительницей. Въ кровавой битвѣ англичане были разбиты и Орлеанъ освобожденъ (рис. 5). Послѣ ряда сраженій, въ которыхъ участвовала и Жанна, англичане были отбиты отъ Реймса и здѣсь, въ древней столицѣ Франціи, дофинъ былъ коронованъ королемъ. Простая крестьянская дѣвушка совершила большое національное дѣло: своею вѣрою и преданностью родному дѣлу она подняла упавшій патріотизмъ французовъ и преобразила распущенныхъ солдатъ въ борцовъ за святое дѣло освобожденія родины: все это объединило Францію, дало ей короля и возвратило отпавшихъ союзниковъ. Въ этомъ не было чуда, но суевѣрные люди того времени, видѣли въ этихъ событіяхъ, смотря по обстоятельствамъ,—или перстъ Бо-

жій, или козни дьявола. Въ одной стычкѣ Жанна попала въ плѣнъ къ бургундцамъ, а тѣ ее продали ея врагамъ англичанамъ. Въ Руанѣ надъ ней былъ наряженъ судъ по обвиненію ея въ колдовствѣ. Жанна держалась просто, наивно отвѣчала на хитрые вопросы судей, выказывала себя вѣрующей, покорной христіанкой, и только жажда мщенія заставила англичанъ искать ея смерти. Жанну сожгли въ Руанѣ, какъ колдунью. Но созданная не колдовствомъ, а живой любовью къ родинѣ, народная защита Франціи довершила дѣло Жанны: лѣтъ черезъ двадцать англичане были почти совершенно изгнаны изъ Франціи (1453).

Карлу VII, какъ его дѣду, Карлу V, пришлось устраивать государство послѣ многолѣтнихъ смутъ. При посредствѣ штатовъ былъ установленъ общій *прямой налогъ*, что дало правительству постоянный источникъ дохода. Большое вниманіе было обращено на войско. До этого времени война велась наемными арміями, собранными изъ людей различныхъ націй; это были ненадежные, падкіе на деньги солдаты; съ ихъ начальникомъ уговаривались о платѣ, какъ съ подрядчикомъ. Карлъ VII завелъ *постоянное войско*, состоявшее на жалованьи, наборъ производился сообразно числу поселянъ. Эти войска были хорошо обучены и всегда подъ рукой, но зато содержаніе ихъ при такомъ порядкѣ, стоило дороже, и короли, нуждаясь въ деньгахъ, принуждены были нерѣдко обращаться къ капиталистамъ, что опять-таки сближало королей, особенно сына Карла VII, Людовика XI, съ городскимъ сословіемъ.

Людовикъ XI (1461—1482) былъ разсчетливымъ и прозорливымъ государемъ-хозяиномъ. Въ его лицѣ словно ожилъ представитель старыхъ собирателей Франціи. Онъ привыкъ извлекать изъ всего пользу. Понимая какое значеніе въ государствѣ имѣетъ торговля, онъ старается развить въ странѣ *купеческія компаніи*, чтобы перетянуть торговлю изъ другихъ странъ во Францію. Чтобы привлечь въ страну больше денегъ, насаждаетъ во Франціи дорогія производства, напр., шелковую мануфактуру. Король вообще благоволилъ къ городскому сословію, ходилъ запросто къ горожанамъ въ гости, крестилъ у нихъ дѣтей и т. д. Это дѣлалось, между прочимъ, съ цѣлью найти поддержку противъ феодаловъ-князей, съ которыми король велъ безпощадную войну. Людовикъ XI былъ послѣднимъ объединителемъ Франціи. Его долгое царствованіе прошло въ неустанной борьбѣ съ непокорными князьями, между которыми особенно выдѣлялся герцогъ бургундскій *Карлъ Смѣлый*, владѣнія котораго посреди перерѣзывались вотчиною короля. Всѣ средства были пущены въ этой

борьбѣ. Лукавый и вѣроломный Людовикъ XI не останавливался ни передъ чѣмъ, до клятвопреступленія включительно, пока, наконецъ, въ одной битвѣ со швейцарцами не сложилъ свою голову самъ безпокойный герцогъ; владѣнія его были тотчасъ захвачены Людовикомъ.

Въ объединенной Франціи Людовикъ XI стремился установить порядокъ, потрясенный предыдущими смутами; онъ пользовался многими изобрѣтеніями своего вѣка, напр., книгопечатаніемъ, и завелъ въ Парижѣ типографію; онъ расширилъ почтовое дѣло, которое сначала служило только для передачи королевской корреспонденціи, но впослѣдствіи стало обслуживать интересы всего населенія. Но, несмотря на благожелательныя намѣренія, царствованіе Людовика XI оставило по себѣ мрачное воспоминаніе, благодаря качествамъ самого короля. Хилый отъ природы, Людовикъ XI внушалъ ужасъ современникамъ своимъ подозрительнымъ характеромъ. Проведя свое царствованіе среди жестокой и лукавой борьбы за объединеніе Франціи, онъ вызывалъ къ себѣ всеобщую боязнь и недовѣріе благодаря своему вѣроломству. Мрачный король, въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь, проводилъ свои дни въ крѣпкомъ замкѣ среди болотъ, окруженномъ рвами и охраняемомъ усиленной стражей. Отсюда онъ зорко выслѣживалъ заподозрѣнныхъ лицъ и жестоко расправлялся со своими жертвами: такъ, важныхъ преступниковъ онъ сажалъ въ желѣзную клѣтку, площадь которой равнялась человѣческому росту; нѣкоторые проводили въ такой клѣткѣ многіе годы. Король ненавидѣлъ людей и его мало любили. Нелюдимый, не имѣя преданныхъ друзей, Людовикъ искалъ въ религіи успокоенія своей мятущейся совѣсти. Его вѣра переходила въ суевѣріе; въ своемъ дворцѣ онъ былъ окруженъ всевозможными реликвіями и иконами; даже въ его шляпѣ были зашиты частицы мощей. Король постоянно одарялъ монастыри и разыскивалъ чудотворныя святыни. Онъ умеръ покинутый, и даже передъ смертью оставался такимъ же подозрительнымъ и хитрымъ политикомъ, какимъ былъ всю жизнь. При всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, Людовикъ XI имѣлъ одну неоспоримо хорошую черту: онъ очень ясно понималъ свою задачу объединенія Франціи и неуклонно стремился къ ней. «Правда, онъ угнеталъ своихъ подданныхъ», говоритъ его современникъ: «но не позволялъ угнетать ихъ никому другому—ни своему, ни иностранцу».

При Людовикѣ XI заканчивается въ главнѣйшихъ чертахъ *объединеніе Франціи*. Страна вышла изъ среднихъ вѣковъ съ сильной королевской властью, съ большою сѣтью чиновниковъ,

зависимыхъ отъ короля. Значеніе сословій было разстроено въ междоусобной войнѣ, и Генеральные штаты не получили того вліянія въ государствѣ, которое принадлежало въ Англіи парламенту. Главнѣйшія причины *усиленія королевской власти* въ средніе вѣка во Франціи состояли въ томъ, что короли, воспользовавшись дробленіемъ феодальныхъ земель, постепенно присоединяли ихъ къ своимъ вотчинамъ. Въ этомъ дѣлѣ короли разъединяли своихъ противниковъ, входя въ дружбу съ городскимъ сословіемъ. Они покровительствовали французской торговлѣ (Людовикъ XI), упорядочили управленіе въ своихъ вотчинахъ (Филиппъ II и Карлъ V), изыскавъ въ нихъ правильные источники налоговъ (Филиппъ IV и Карлъ VII). Для болѣе успѣшной борьбы съ феодалами, короли завели постоянное войско (Карлъ VII), подняли значеніе своей власти постановкой суда (Людовикъ IX). Къ этому нужно прибавить еще одно случайное обстоятельство. Большинство французскихъ королей царствовало подолгу, что, при единствѣ общаго направленія политики, способствовало наибольшему укрѣпленію значенія королевской власти и сознанія единства Франціи. Такое богатое и сильное наслѣдство, вмѣстѣ съ взглядомъ на Францію, какъ на свою вотчину, средневѣковые короли Франціи и передали своимъ преемникамъ.

12. Англія въ средніе вѣка.

Англія еще съ V вѣка была населена народомъ германскаго племени, *англо-саксами*, которые основали здѣсь рядъ государствъ (*Кентъ*, *Вессексъ* и друг.), объединившихся только въ IX в. Во главѣ каждаго государства была королевская власть; «собраніе мудрыхъ», *витенагемотъ*, состоявшій изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, помогалъ ей въ управленіи и законодательствѣ; по деревнямъ и округамъ, *графствамъ*, для рѣшенія мѣстныхъ дѣлъ и для суда собирались народные сходы, *гемоты*; населеніе дѣлилось на знатныхъ *эрловъ*, свободныхъ земледѣльцевъ, *кёрловъ*, и рабовъ.

Старогерманскій строй не уцѣлѣлъ и въ Англіи, какъ и въ другихъ западноевропейскихъ странахъ. Свободные крестьяне исчезали, упрочивалось крупное землевладѣніе, обезземеленный и неимущій людъ «закладывался» (*коммендація*) за сильныхъ феодаловъ, королевскихъ служилыхъ людей, въ рукахъ которыхъ собралась земля.

Въ половинѣ XI в. королевство Англія было завоевано нормандскимъ герцогомъ *Вильгельмомъ*, который и сталъ англій

скимъ королемъ; послѣдній англосаксонскій король *Гарольдъ* палъ въ жестокой битвѣ при *Гастингсѣ* (1066). Норманны Вильгельма также были по происхожденію германцы, но они давно уже переселились въ сѣверную Францію (Нормандія) и усвоили французскіе порядки и французскій языкъ. Въ завоеванной странѣ Вильгельму приходилось охранять свою власть мечомъ и держать всегда наготовѣ сильную армію.

Чтобы имѣть эту армію, Вильгельмъ раздавалъ земли, отнятыя у англо-саксовъ, своимъ дружинникамъ. Всякому воину предоставлялся участокъ земли подъ условіемъ военной службы по призыву короля. Люди знатные и богатые и ближайшіе совѣтники короля получили по нѣскольку десятковъ имѣній въ разныхъ мѣстахъ страны. Помимо военной службы, вассалы несли и денежныя повинности королю.

Число главныхъ вассаловъ Вильгельма, прозваннаго Завоевателемъ, опредѣлялось въ шестьсотъ человѣкъ. Эти крупные вассалы, *бароны*, должны были являться на военную службу не одни, а съ отрядомъ воиновъ, число которыхъ зависѣло отъ величины ихъ земельныхъ владѣній.

Чтобы имѣть этихъ воиновъ, бароны, въ свою очередь, раздавали свою землю на такихъ же условіяхъ, на какихъ сами получили отъ короля, и имѣли своихъ вассаловъ (*подвассалы*). Мелкіе королевскіе вассалы и подвассалы назывались *рыцарями*. Бароны и рыцари одинаково считались дворянами, но бароны составляли высшую знать. Обращаясь къ барону, его называли *лордомъ*. Вассалъ давалъ клятву въ вѣрности своему лорду, отъ котораго получалъ ленъ.

Стоя на колѣняхъ, безъ оружія, съ обнаженной головой, и вложивъ руки въ руки лорда, вассалъ клялся: «Выслушай меня, мой повелитель, я дѣлаюсь твоимъ вассаломъ на всю жизнь, дѣлаюсь твоимъ всѣмъ тѣломъ и всѣмъ моимъ достояніемъ; клянусь хранить тебѣ вѣрность на жизнь и смерть, да поможетъ мнѣ въ томъ Богъ». Лордъ подымалъ вассала, цѣловалъ его, и этотъ поцѣлуй скрѣплялъ договоръ. При Вильгельмѣ подвассаловъ насчитывалось до 8.000, но число ихъ быстро росло. Такъ окончательно установился въ Англіи *феодальный строй*, зачатки котораго существовали уже въ англосаксонское время. Въ 1086 году, по королевскому повелѣнію, была сдѣлана опись земельныхъ владѣній всей Англіи («Книга страшнаго суда»): изъ описи видно, что въ странѣ повсюду господствуетъ помѣщичье землевладѣніе и крѣпостные крестьяне обрабатываютъ на барщинѣ землю въ господскомъ помѣстьи, *манорѣ*.

Шестьсотъ вассаловъ короля могли ему доставить армію въ 60.000 человѣкъ. Эти грозныя военныя силы были страшны не только для порабощенныхъ англо-саксовъ, но и для самого короля. Могущественные вассалы, имѣвшіе свое собственное войско, стремились освободиться изъ-подъ власти короля и сдѣлаться независимыми государями въ своихъ помѣстьяхъ. Вильгельмъ прекрасно понималъ эту опасность и принялъ мѣры, чтобы укрѣпить свою власть.

Щедро раздавая земли своимъ сподвижникамъ, Вильгельмъ львиную долю добычи оставилъ себѣ, такъ что онъ самъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ землевладѣльцемъ. Вильгельмъ требовалъ, чтобы всѣ военные люди присягали не только своему лорду, но и королю, такъ что долгъ вѣрности королю связывалъ подвассаловъ столько же, сколько и прямыхъ главныхъ вассаловъ. Вильгельмъ удержалъ въ своихъ рукахъ и судебную власть.

Онъ сохранилъ старые мѣстные суды англо-саксовъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ свободные люди; но выше этихъ судовъ поставилъ свой королевскій судъ. На приговоры мѣстныхъ судовъ можно было жаловаться въ королевскій судъ, а многія судебныя дѣла подлежали исключительно его вѣдѣнію.

Интересно отмѣтить, что въ тотъ жестокій вѣкъ, вѣкъ кулачнаго права и господства грубой силы, Вильгельмъ отмѣнилъ смертную казнь по судебнымъ приговорамъ. Лѣтописи отмѣчаютъ только одинъ случай смертной казни за все царствованіе Вильгельма. Отъ своихъ вассаловъ король строго требовалъ исполненія всѣхъ феодальныхъ повинностей и сурово каралъ за неповиновеніе. «Суровъ былъ Вильгельмъ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—ко всѣмъ противящимся ему людямъ; графовъ, сдѣлавшихъ что-либо противное его приказамъ, онъ заточалъ въ темницы, не пощадилъ и собственнаго брата, и его подвергъ заточенію. Кто хотѣлъ жить и сохранить свои земли, долженъ былъ слѣдовать велѣніямъ короля». Такъ, несмотря на феодальное устройство, Вильгельмъ удержалъ въ своихъ рукахъ *сильную королевскую власть* и заставлялъ вассаловъ повиноваться своей волѣ.

Послѣ смерти Завоевателя, среди его сыновей и внуковъ начались раздоры, настало *смутное время*. Королевская власть сильно ослабѣла. Этимъ воспользовались сильные бароны; они отказывались повиноваться королю, затѣвали возстанія. Въ борьбѣ съ мятежными вассалами королямъ постоянно приходилось обращаться за помощью къ народу, англосаксамъ. Народъ ненавидѣлъ своевольныхъ чужеземцевъ-бароновъ за ихъ жесто-

кости и притѣсненія. Изъ своихъ укрѣпленныхъ замковъ бароны дѣлали набѣги на окрестное населеніе, грабили, убивали, забирали въ полонъ. Въ королѣ населеніе видѣло своего защитника и охотно собиралось подъ его знамена. Отстаивая свою власть, короли уже не дѣлали разницы между англо-саксами и норманнами, тѣмъ болѣе, что сосѣдство и взаимные браки способствовали быстрому сліянію двухъ враждебныхъ племенъ въ одинъ народъ — *англичанъ*. Дѣти и внуки побѣдителей уже видѣли въ Англіи свою родину и гордились тѣмъ, что они англичане.

Особенно старались короли привлечь на свою сторону *города*. Въ смутное время за городскими стѣнами жить было безопаснѣе, чѣмъ въ деревняхъ, и число городовъ и жителей въ нихъ быстро расло. Большая часть городовъ расположены были на королевскихъ земляхъ. Покровительствуя городамъ, короли давали имъ грамоты, или *хартіи*, которыя закрѣпляли за горожанами разныя права. Короли предоставляли гражданамъ самимъ вѣдать свои мѣстныя дѣла, распредѣлять налоги, имѣть свой собственный судъ. Многіе города покупали свои хартіи у короля.

Въ періодъ смуты и раздоровъ вассалы достигли почти полной независимости отъ королевской власти и сдѣлались государями въ своихъ помѣстьяхъ. Дѣло измѣнилось, когда на престолъ вступилъ правнукъ Вильгельма Завоевателя, *Генрихъ II Плантагенетъ* (1154—1189). Генрихъ былъ могущественнѣе самого Вильгельма, потому что, кромѣ Англіи и Нормандіи, владѣлъ еще нѣсколькими областями во Франціи, и прежде всего задался цѣлью вновь подчинить феодаловъ и ввести въ странѣ королевское управленіе.

Съ этой цѣлью онъ произвелъ рядъ преобразованій въ *судѣ* и *управленіи*, которыя нанесли жестокій ударъ могуществу феодаловъ. Король разрѣшилъ мелкимъ вассаламъ откупаться отъ военной службы, внося «щитовыя деньги», на которыя король могъ нанимать иностранныхъ солдатъ и обходиться безъ феодальнаго войска. Частныя войны между феодалами были строго воспрещены закономъ. Кромѣ того, Генрихъ возстановилъ *народное ополченіе*, которое существовало у англо-саксовъ. Всякій свободный человѣкъ обязанъ былъ защищать свое отечество и являться на зовъ короля вооруженнымъ. Сборъ народнаго ополченія вполнѣ зависѣлъ отъ короля.

Заботясь о правосудіи и стремясь ограничить судебную власть помѣщиковъ-вассаловъ, Генрихъ раздѣлилъ Англію на нѣсколько судебныхъ округовъ, и въ каждый округъ назначилъ трехъ судей. Двѣнадцать благонадежныхъ людей изъ мѣстныхъ жителей, подъ присягою, обязывались представлять объ-

ѣздному судьѣ извѣстныхъ или подозрѣваемыхъ преступниковъ, давать показанія въ уголовныхъ дѣлахъ. Съ теченіемъ времени эти присяжные свидѣтели стали сами разбирать дѣла, допрашивать дѣйствительныхъ свидѣтелей и очевидцевъ преступленія, превратились въ настоящихъ судей и сами стали произносить приговоръ: «виновенъ» или «не виновенъ». Такъ выросъ въ Англіи *судъ присяжныхъ*, распространившійся впослѣдствіи и въ прочихъ странахъ Европы и за ея предѣлами.

Стремясь подчинить вассаловъ своей власти, Генрихъ, тѣмъ не менѣе, старался сохранить съ ними добрыя отношенія, онъ возстановилъ старый обычай созывать наиболѣе знатныхъ и могущественныхъ вассаловъ для обсужденія государственныхъ дѣлъ и «для добраго совѣта». Эти собранія вассаловъ назывались *Великимъ Совѣтомъ*. Генрихъ добивался одобренія Великаго Совѣта для задуманныхъ имъ реформъ, понимая, что при содѣйствіи бароновъ ихъ будетъ легче провести въ жизнь.

Преемники Генриха не обладали его государственными способностями. Сынъ его *Іоаннъ*, прозванный Безземельнымъ, сильно притѣснялъ и оскорблялъ своихъ вассаловъ, отнималъ у нихъ земли и принуждалъ къ платежамъ, сверхъ положенныхъ по закону и обычаю. Вассалы долго сносили произволъ короля, но, наконецъ, возстали послѣ неудачнаго похода во Францію, посредствомъ котораго Іоаннъ пытался возвратить свои владѣнія, отобранныя у него французскимъ королемъ.

Въ странѣ никто не оказалъ поддержки королю. Все населеніе Англіи, во главѣ съ городами, ненавидѣло Іоанна за самовластное и беззаконное управленіе. Онъ нарушалъ хартіи городовъ, увеличивалъ городскіе сборы, стѣснялъ торговлю. Народъ страдалъ отъ непосильныхъ и произвольныхъ налоговъ, отъ неправаго суда, отъ несправедливостей и притѣсненій королевскихъ чиновниковъ. Вся страна возстала, какъ одинъ человѣкъ, вслѣдъ за вассалами. Города открыли свои ворота ополченію бароновъ, «войску Бога и святой церкви». Іоаннъ скоро понялъ, что сопротивляться невозможно, и съ гнѣвомъ подписалъ мирный договоръ со своими баронами, извѣстный подъ именемъ *Великой Хартіи Вольностей* (1215).

Въ первой статьѣ было сказано: «даруемъ всѣмъ свободнымъ людямъ нашего королевства, за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, на вѣчныя времена, всѣ нижеписанныя вольности, которыя они и ихъ наслѣдники будутъ имѣть, и которыми будутъ пользоваться отъ насъ и наслѣдниковъ нашихъ».

Хартія обѣщала всѣмъ равный и справедливый судъ, судебные штрафы не должны доводить до разоренія, положенъ пре-

дѣлъ злоупотребленіямъ областныхъ чиновниковъ - *шерифовъ*. Особенно замѣчательна статья 39-я, которая сдѣлалась основой гражданской свободы въ Англіи:

«Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, заключенъ въ темницу, или лишенъ своего имущества, или поставленъ внѣ закона иначе, какъ по суду. Мы обязуемся не судить и не позволять судить свободнаго человѣка иначе, какъ судомъ людей, равныхъ ему, и иначе, какъ по законамъ страны».

Другія статьи ограничивали королевское самовластіе въ дѣлѣ взиманія налоговъ: «Никакой налогъ не можетъ быть наложенъ безъ согласія *Великаго Совѣта* королевства. А при созывѣ этого Великаго Совѣта приглашали бы мы архіепископовъ, епископовъ, настоятелей монастырей и старшихъ нашихъ бароновъ призывными грамотами, за личною нашею печатью; а кромѣ того, черезъ шерифовъ, приглашали бы всѣхъ нашихъ вассаловъ по крайней мѣрѣ за 40 дней дней до срока собранія и въ опредѣленное мѣсто; а во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывали бы причину призыва».

Такъ какъ города много помогли вассаламъ въ борьбѣ съ королемъ, то и они не были забыты въ мирномъ договорѣ.

«Городъ Лондонъ, говоритъ Великая Хартія, будетъ пользоваться, какъ и прежде, своими старинными вольностями какъ на землѣ, такъ и на морѣ. Кромѣ того, мы даруемъ всѣмъ нашимъ городамъ и мѣстечкамъ и портамъ ихъ древнія вольности и хартіи».

Завоеваніемъ Великой Хартіи не кончилась борьба вассаловъ съ королевской властью. И самъ Іоаннъ и его преемники постоянно ее нарушали, и не одинъ разъ вассалы съ оружіемъ въ рукахъ выступали на защиту Хартіи. Борьба за Великую Хартію продолжалась больше 80 лѣтъ. За это время Великій Совѣтъ, умѣло пользуясь своимъ *бюджетнымъ правомъ*, т.-е. правомъ разрѣшать королю налоги, мирнымъ путемъ, путемъ соглашеній съ королемъ, постепенно расширилъ свои права: онъ вмѣшивался во всѣ государственныя дѣла, слѣдилъ за дѣятельностью правительства, указывалъ на злоупотребленія, требовалъ, чтобы король издавалъ новые законы не иначе, какъ съ согласія Совѣта, и добивался отставки непригодныхъ министровъ. Значеніе Совѣта возросло, и народъ привыкъ видѣть въ немъ защитника отъ злоупотребленій и притѣсненій королевской власти.

Въ Совѣтѣ имѣли право участвовать всѣ вассалы короля, и бароны и рыцари; но рыцари, несмотря на то, что и король и бароны, нуждаясь въ поддержкѣ областей, не разъ призывали ихъ въ Великій Совѣтъ «для совѣщанія объ общемъ дѣлѣ королевства», почти перестали принимать въ немъ участіе; для нихъ

было слишкомъ обременительно пріѣзжать въ Вестминстеръ. Совѣтъ обратился въ собраніе высшаго дворянства. Между тѣмъ число крупныхъ вассаловъ неуклонно падало, вслѣдствіе дробленія леновъ между наслѣдниками.

Рыцарей же и землевладѣльцевъ - недворянъ становилось все больше и больше; съ развитіемъ національнаго богатства, увеличивался и ихъ достатокъ. Финансовые расчеты побудили короля въ концѣ XIII в. призвать въ Великій Совѣтъ не только рыцарей, но и горожанъ. Города къ этому времени обратились въ богатыя свободныя общины, и налоги на ихъ торговлю и доходы могли бы дать значительныя средства государству. Между тѣмъ сборъ налоговъ, разрѣшенныхъ Совѣтомъ, состоящимъ изъ однихъ вельможъ, вызывалъ затрудненія. Рыцари и горожане жаловались на поборы, платили туго или совсѣмъ отказывались платить, ссылаясь на то, что не давали своего согласія на взносы. Приходилось вести отдѣльные переговоры съ шерифами графствъ и городскими старшинами. Для короля было гораздо удобнѣе привлечь и рыцарей и горожанъ въ Великій Совѣтъ и здѣсь получать отъ нихъ общее согласіе на платежи. Впервые выборные рыцари и горожане были призваны въ Совѣтъ, или *парламентъ*, какъ онъ сталъ въ это время называться, графомъ *Симономъ де Монфоромъ*, возставшимъ во главѣ бароновъ противъ злоупотребленій короля *Генриха III* (1265 г.). Въ 1295 году король *Эдуардъ I*, сильно нуждаясь въ деньгахъ по случаю военныхъ неудачъ, возобновилъ мѣропріятіе Монфора: онъ призвалъ въ Совѣтъ по два рыцаря отъ каждаго графства да по два горожанина отъ городовъ и мѣстечекъ, и съ этого времени ихъ участіе въ Совѣтѣ дѣлается постояннымъ и правильнымъ. Рыцари выбирались на общихъ собраніяхъ графствъ, на которыхъ принимали участіе и землевладѣльцы и крестьяне собственники, такъ что они являлись представителями не одного дворянства, но и всего графства. Горожане выбирались на городскихъ собраніяхъ и считались представителями городовъ. Собраніе королевскихъ вассаловъ обратилось въ *представительное учрежденіе — парламентъ*. Представители графствъ и городовъ засѣдали отдѣльно отъ бароновъ и составили *палату общинъ* (нижняя палата); бароны образовали *палату лордовъ* (верхняя палата). Король нисколько не боялся скромныхъ провинціальныхъ дворянъ и смиренныхъ горожанъ; онъ не только не ожидалъ отъ нихъ никакихъ посягательствъ на свою власть, но надѣялся найти поддержку противъ мятежныхъ и своевольныхъ лордовъ. Палата общинъ на первыхъ порахъ щедро и охотно снабжала короля деньгами и ни въ какія госу-

дарственныя дѣла не вмѣшивалась, а лишь подавала королю жалобы и «петиціи» (просьбы), написанныя въ смиренномъ и почтительномъ тонѣ: «покорныя и бѣдныя общины просятъ и умоляютъ своего короля, ради Бога и милосердія...»

Однако, рыцари и горожане выказали, заодно съ лордами, стремленіе ограничить королевскую власть въ дѣлѣ *взиманія налоговъ* опредѣленными законами. Когда король Эдуардъ, сильно нуждаясь въ деньгахъ на военные расходы, своею властью наложилъ новыя повинности на графства и города, парламентъ потребовалъ, чтобы король еще разъ присягнулъ Великой Хартіи, вставивъ въ нее новую статью: «король не имѣетъ права назначать новые налоги безъ согласія духовенства, дворянства и общинъ». Король отказался, но возстаніе, вспыхнувшее въ графствахъ и городахъ, заставили его уступить и присягнуть.

По мѣрѣ того, какъ возрастало богатство графствъ и городовъ, увеличивалось и значеніе палаты общинъ, которая могла давать королю щедрыя субсидіи, и постепенно она сравнялась въ правахъ съ палатой лордовъ. Въ 1322 г. король призналъ, что палата общинъ имѣетъ такія же *законодательныя права*, какъ и палата лордовъ, подтвердивъ, что всѣ законы касательно положенія королевства и народа, должны быть обсуждаемы, принимаемы и устанавливаемы въ парламентѣ государемъ-королемъ и соглашеніемъ бароновъ и общинъ королевства. Палата общинъ добилась также права контролировать государственные расходы. Она отказывалась дать разрѣшеніе на новые налоги, пока не будетъ представленъ отчетъ въ израсходованіи прежнихъ сборовъ. Нужда въ деньгахъ принуждала короля удовлетворять это требованіе.

Въ теченіе XIV в., благодаря дружной дѣятельности обѣихъ палатъ, энергичной поддержкѣ и сочувствію всего населенія, парламентъ достигъ такого могущества, что поставилъ свою власть выше королевской власти. Парламентъ провозгласилъ свое право низлагать королей, недостойныхъ власти, и по своему усмотрѣнію распоряжаться короной Англіи. Въ 1327 г. парламентъ низложилъ короля Эдуарда II «за неспособность и нарушеніе присяги» и посадилъ на престолъ Англіи его сына Эдуарда III, въ 1399 году парламентъ низложилъ сына Эдуарда III, короля Ричарда II, за его «великія вины», которыя были перечислены въ грамотѣ о низложеніи, и «за неумѣніе управлять». Къ концу XIV в. верховная власть въ Англіи принадлежала не одному королю, но и парламенту, *королю въ парламентѣ*, по англійскому выраженію.

Въ то время, какъ утверждался новый государственный порядокъ, глубокія измѣненія произошли въ жизни англійскаго *крестьянства*. Крѣпостное право, бывшее въ Англіи, какъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, уже отживало свой вѣкъ. Многіе помѣщики находили выгоднымъ замѣнять крестьянскія рабочія повинности (барщину) денежными оброками. Эта перемѣна явилась шагомъ къ *освобожденію крестьянъ*. Вилланы (крѣпостные) получили возможность выкупаться на свободу и вести самостоятельное хозяйство, снимая землю у помѣщиковъ. Постепенно множество крѣпостныхъ превратилось въ свободныхъ арендаторовъ. Тѣ, кому не хватило земли, уходили на сторону въ городъ или работали въ барскихъ помѣстьяхъ по найму. Въ Англіи образовался, такимъ образомъ, новый народный слой — свободные *наемные рабочіе*.

Интересы этихъ рабочихъ далеко не совпадали съ интересами землевладѣльцевъ и богатыхъ горожанъ, которые засѣдали въ парламентѣ, и это особенно сказалось въ парламентскихъ *законахъ о рабочихъ*, изданныхъ въ половинѣ XIV вѣка.

Въ 1348 г. въ Англію изъ Европы перебралась черная смерть, страшная чума, занесенная съ Востока, которая унесла въ могилу половину населенія: особенно много погибло рабочаго люда. Некому стало обрабатывать землю, посѣвы гнили на корню, скотъ бродилъ безъ призора по полямъ и пашнямъ. Землевладѣльцы, купцы и ремесленники - хозяева съ трудомъ находили рабочихъ, заработная плата возросла почти вдвое. Тогда парламентъ издалъ законъ: всякій мужчина или женщина, здоровый и моложе 60 лѣтъ, не имѣющій собственности которою онъ могъ бы жить, обязанъ служить нанимателю, который того потребуетъ, и долженъ получать только ту плату, какая обыкновенно платилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обязанъ служить, «за два года до чумы». Отказъ наказывался тюрьмой. Черезъ два года строгости еще усилились: рабочему запрещено было покидать приходъ, въ которомъ онъ жилъ, и искать лучшаго заработка; если онъ все-таки уходилъ, его хватали какъ бродягу и бросали въ тюрьму; а когда эти мѣры не помогли, приказано было клеймить лобъ бѣглаго каленымъ желѣзомъ. Между тѣмъ работать за прежнюю плату было невозможно, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба. Принудительный трудъ не покрылъ спроса на рабочія руки, и землевладѣльцы, чтобы выйти изъ затрудненія, попытались возстановить старинную барщину. Эта попытка возвратить ненавистные порядки крѣпостной поры вызвала глубокое возмущеніе и упорное сопротивленіе въ сельскомъ населеніи. Въ графствѣ Кентъ толпы крестьянъ стекались со всѣхъ сторонъ послу-

шать священника *Джона Болла*, который проповѣдывалъ, что дѣла въ Англіи никогда не пойдутъ хорошо, пока имущества не будутъ общими, и пока будутъ дворяне и крестьяне. Народное настроеніе вылилось въ пѣснѣ: «когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто былъ въ то время дворяниномъ?» Позорныя военныя неудачи усилили всеобщее недовольство и возбужденіе. Когда для покрытія военныхъ издержекъ введена была поголовная подать, которая взыскивалась съ крестьянъ откупщиками насильственнымъ и произвольнымъ способомъ, въ графствѣ Кентъ вспыхнуло возстаніе и быстро охватило всю страну (1381 г.).

Сто тысячъ кентцевъ, подъ предводительствомъ *Уата Тайлера*, овладѣли Лондономъ, и подъ стѣнами столицы расположились главныя силы возставшихъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ. 15-лѣтній король Ричардъ II явился въ станъ мятежниковъ и вступилъ съ ними въ переговоры: «я вашъ король и повелитель! чего вы желаете?» — Мы хотимъ, чтобы вы освободили навсегда насъ и наши земли, и чтобы насъ никогда не считали крѣпостными. — «Я вамъ жалую это», отвѣчалъ король. Написаны были грамоты о прощеніи и освобожденіи, и крестьяне спокойно разошлись по домамъ.

Узнавъ объ обѣщаніи короля, стали расходиться и кентцы. Ричардъ II вступилъ въ переговоры съ Уатомъ Тайлеромъ, и во время этихъ переговоровъ народный вождь былъ предательски убитъ. Когда, повѣривъ обѣщаніямъ, крестьянскія ополченія разсѣялись, правительство принялось за усмиреніе страны и дѣйствовало съ безпощадною жестокостью; за лѣто и осень въ битвахъ и на висѣлицахъ погибло 7000 человѣкъ. Отъ имени короля былъ обнародованъ манифестъ: король объявлялъ, что дарованныя имъ свободы—ничто, а его грамоты отнынѣ теряютъ силу. Крѣпостные люди обязаны нести попрежнему обычныя службы и платежи въ пользу помѣщиковъ. Созванъ былъ парламентъ, который одобрилъ поведеніе короля: «король хорошо поступилъ, что отобралъ грамоты: отпустить на волю крѣпостныхъ невозможно безъ согласія тѣхъ, кому они принадлежатъ, а эти лица никогда не согласятся на это, даже если бы имъ пришлось умереть въ одинъ и тотъ же день».

Такъ окончилось возстаніе Уата Тайлера. Оно стоило народу громадныхъ жертвъ и не привело къ желанной цѣли. Крестьяне не освободились отъ всѣхъ остатковъ крѣпостного права, но и помѣщикамъ не удалось возстановить барщину, воскресить отжившіе порядки. Наемныхъ рабочихъ уже невозможно было привести въ зависимое положеніе, и въ слѣдующемъ вѣкѣ крѣпостное право въ Англіи почти совершенно исчезло.

А. Ивановъ. „Явленіе Христа народу".

(См. стр. 422).

„Удобна столица Христа Господа“ (Ф. Достоевски, стр. 155).

13. Германская имперія и папство въ средніе вѣка.

I.

Въ половинѣ IX в. монархія Карла Великаго распалась. Его преемники подѣлили между собой огромную разноплеменную державу, и съ той поры Германія, страна восточныхъ франковъ, стала особымъ королевствомъ. Населеніе Германіи еще не составляло въ это время единаго народа; сильны были воспоминанія о старыхъ германскихъ племенахъ, и отдѣльныя области (Саксонія, Франконія, Швабія и др.) признавали власть особыхъ племенныхъ князей, или *герцоговъ*. Потомки Карла царствовали въ Германіи еще въ теченіе столѣтія. Послѣдній представитель этого царственнаго рода, Людовикъ Дитя, умеръ въ 911 г., и съ этого времени, въ продолженіе многихъ вѣковъ высшая власть въ Германіи считалась избирательной. Князья отдѣльныхъ племенъ и сильные землевладѣльцы, свѣтскіе и духовные, собирались на съѣзды и выбирали королей, по большей части, изъ одной и той же могущественной герцогской семьи. Въ X в. царствовали герцоги *Саксоніи*, въ XI в. владѣтели *франконской* земли, а съ XII в. престолъ перешелъ къ швабскому герцогскому роду—*Гогенштауфенамъ*.

По всей Германіи установился *феодальный порядокъ*. Народъ утратилъ старинную свободу, земля скопилась въ рукахъ государей-помѣщиковъ, королевскихъ вассаловъ. Видное мѣсто среди нихъ занимало *высшее духовенство* — архіепископы (особенно кельнскій и майнцскій), епископы и настоятели большихъ монастырей—аббаты. Для королей Саксонскаго дома церковь съ ея обширными владѣніями была вѣрнѣйшею опорой. Они поручали епископамъ управлять цѣлыми округами, съ церковныхъ земель шли доходы на содержаніе двора, по королевскому призыву собирались ополченія подвластныхъ церкви людей. Безъ этой службы и доходовъ не были бы возможны ни внутренній порядокъ, ни военныя предпріятія германскихъ королей. Понятно, что они старались сохранить высшую власть надъ владѣніями церкви и монастырей, держали въ своихъ рукахъ назначеніе аббатовъ и епископовъ, требовали отъ нихъ присяги вѣрности, какъ сеньёры отъ своихъ вассаловъ. Назначеніе духовнаго лица совершалось въ видѣ особаго обряда—*инвеституры*. Король вручалъ епископу кольцо и посохъ, знаки пастырскаго званія, а

также скипетръ, обозначавшій свѣтскую власть, право управлять церковными землями и судить подчиненныхъ людей. Королевская инвеституpa какъ бы заняла мѣсто избранія въ духовный санъ, церковное посвященіе слѣдовало за нею. Случалось, что короли и другіе свѣтскіе владѣтели отдавали церковные саны за деньги тому, кто соглашался дороже заплатить за назначеніе.

У нѣмецкихъ королей X столѣтія были широкіе, честолюбивые планы. Внутри Германіи они старались установить повсюду свою крѣпкую власть, сурово подавляли мятежи непокорныхъ удѣльныхъ князей. За предѣлами государства ихъ привлекала другая трудная задача: завоеваніе богатыхъ южныхъ странъ — *Италіи* съ ея столицей Римомъ. Тому, кто владѣлъ «вѣчнымъ городомъ» Римомъ нетрудно было бы повелѣвать папствомъ, а чрезъ него держать въ подчиненіи церковь въ Германіи. Только властитель Рима могъ возложить на себя единственный и высшій во всемъ западномъ мірѣ *императорскій титулъ*.

Оттонъ I добился этой цѣли. Съ войскомъ германскихъ вассаловъ онъ прошелъ альпійскіе проходы, заставилъ признать свою власть мелкихъ владѣтелей на сѣверѣ Италіи, а въ самомъ Римѣ папа покорно возложилъ на него императорскую корону (962) г.). Такъ совершилось второе (послѣ Карла Великаго) возстановленіе римской имперіи, которую съ тѣхъ поръ обыкновенно называли *Священной римской имперіей нѣмецкаго народа*. На всемъ тогдашнемъ Западѣ не было государя, который могъ бы сравниться съ Оттономъ по своему могуществу. Казалось, что у христіанскихъ народовъ былъ снова единый глава, преемникъ древнихъ цезарей и великаго Карла. Папская власть склонилась предъ имперіей; отнынѣ никто не могъ стать римскимъ епископомъ безъ согласія императора. Самъ Карлъ не обладалъ такою властью надъ церковью и духовенствомъ.

Чтобы поддерживать эту власть изъ далекой Германіи, *преемники Оттона* должны были напрягать всѣ силы своего государства. Ради мечты всемірнаго владычества они пренебрегали болѣе близкими и важными дѣлами въ самой Германіи, ихъ сила падала, князья по областямъ пріобрѣтали все больше независимости. А между тѣмъ нѣмецкіе владыки были поглощены борьбой въ Италіи, сохраненіемъ призрачной императорской власти. Почти что всякій избранный король шелъ походомъ на югъ, чтобы въ священномъ Римѣ вѣнчаться императорской короной. Итальянскій народъ ненавидѣлъ нѣмецкихъ властителей,

римское населеніе нерѣдко поднималось съ оружіемъ въ рукахъ противъ новаго цезаря. Италія въ средніе вѣка обогнала въ развитіи остальную Европу. Здѣсь раньше выросли торговля и промышленный трудъ, въ богатыхъ городахъ, *коммунахъ*, населеніе стряхнуло съ себя крѣпостное иго сеньёровъ-господъ, расцвѣла умственная жизнь. А нѣмцы, иноземные завоеватели, несли съ собой понятія феодальнаго міра съ его отсталой низкой образованностью, привычкою къ насилію и пренебреженіемъ къ чужому праву. Между имперіей и итальянцами борьба поэтому являлась неизбѣжной. Но всякое сопротивленіе казалось тщетнымъ, пока главная сила Италіи—папство лежало въ униженіи и глубокомъ упадкѣ.

Въ это время, въ X столѣтіи, *папство* переживало трудныя времена. Его владѣнія—папское государство—расхищались могущественной знатью, которая назначала и самихъ папъ. Среди послѣднихъ появляются люди глубоко безнравственные, равнодушные къ интересамъ церкви. Одинъ изъ папъ отличался полнымъ невѣріемъ, другой (Бенедиктъ IX) послѣ цѣлаго ряда преступленій отдалъ апостольскій престолъ за деньги своему преемнику. Папство дошло до глубокаго нравственнаго паденія и нуждалось въ коренномъ преобразованіи для того, чтобы снова стать руководителемъ христіанскихъ народовъ.

Какимъ же образомъ достигнуть этой цѣли? Лучшая часть духовенства, особенно монахи французской обители *Клюни*, славившейся суровымъ уставомъ, видѣли спасеніе въ томъ, чтобы всю церковь приблизить къ монашескому строю жизни, чтобы исчезли въ ней мірскіе интересы и свѣтскій образъ жизни. И государственная власть дѣлала попытки въ этомъ направленіи. Набожный императоръ *Генрихъ III* созывалъ соборы, низлагалъ недостойныхъ папъ и возводилъ людей болѣе строгой жизни и воззрѣній.

Многимъ ревнителямъ церковныхъ преобразованій было ненавистно таксе вмѣшательство и господство мірской силы, императора. Богу одному должна подчиняться вселенская церковь. Только тогда водворится на землѣ истинный *градъ Божій*, всемірное христіанское царство, предсказанное блаженнымъ Августиномъ. Нужно измѣнить весь строй церковный, прежде всего бытъ самихъ пастырей, которые ведутъ брачную жизнь. Соборныя постановленія на Западѣ давно воспрещали *бракъ духовенства*, но запретъ оставался безъ дѣйствія. А развѣ можетъ священникъ отдаваться всецѣло служенію церкви, если связанъ родствомъ и земными заботами, принужденъ искать милостей сильныхъ міра сего? спрашивали ревнители. «Не можетъ церковь

освободиться отъ порабощенія мірянамъ, пока духовныя лица не будутъ освобождены отъ женъ своихъ».

Освобожденію церкви препятствуетъ и другая причина: купля-продажа церковныхъ должностей, распространенная на всемъ тогдашнемъ Западѣ. Этотъ обычай называли *симоніей*, вспоминая Симона волхва, который принесъ деньги апостоламъ говоря: дайте и мнѣ власть сію, чтобы тотъ на кого возложу руки, получалъ Духа Святого (Дѣян. апост. 8) Такъ и его послѣдователи, симонисты, покупаютъ благодать священства; но такіе священники, утверждаетъ одинъ изъ ревнителей, не принадлежатъ къ церкви, они — «клиръ діавола», таинства, ими совершаемыя, недѣйствительны.

Сурово осуждали и *свѣтскую инвеституру*, которая превращала пастырей церкви въ вассаловъ мірскихъ государей и вытѣснила избраніе «клиромъ и народомъ», какъ требовали древнія соборныя правила. Всѣ эти дурные порядки церковнаго строя должны быть уничтожены самою церковью.

Папы XI в. были всецѣло проникнуты этими мыслями. Они созываютъ соборы для преобразованій, издаютъ указы въ отмѣну брака духовенства, вооружаютъ даже паству противъ женатыхъ клириковъ, которые противятся этому новшеству и не хотятъ разстаться со своею семьей. Угроза отлученія обуздываетъ симонію. Отнынѣ папа избирается собраніемъ высшихъ сановниковъ римской церкви — *кардиналовъ*, императоръ и римская знать утратили вліяніе на замѣщеніе папскаго престола.

Главнымъ руководителемъ всѣхъ этихъ преобразованій въ XI в. явился архидіаконъ римской церкви Гильдебрандъ. Въ 1073 г. сторонники преобразованій провозгласили его папой подъ именемъ Григорія VII.

Съ необычайной энергіей *Григорій VII* (1073—1085) приступилъ къ осуществленію великихъ замысловъ. Онъ безусловно запретилъ священникамъ вступать въ бракъ, требовалъ, чтобы духовенство, освобожденное отъ мірскихъ оковъ, всецѣло подчинилось папской власти, и вся церковь сдѣлалась единодержавной папской монархіей. Мало того, само мірское общество и государственная власть, не исключая императора, должны признать верховенство св. Петра и его земного преемника—римскаго епископа. Церковь неизмѣримо выше свѣтскаго государства. Папа—верховный правитель всего христіанскаго міра. Ему безпрекословно должны подчиняться народы и властители, въ его рукахъ «власть вязать и рѣшать». Папа можетъ единымъ словомъ разрушить узы вѣрности, освободить подданныхъ отъ присяги королямъ, отлучать отъ церкви и низлагать мірскихъ правителей, если они не поко-

рятся папской волѣ. Многія государства Григорій прямо считалъ собственностью св. Петра, т.-е. римской церкви, и былъ убѣжденъ, что несетъ предъ Богомъ отвѣтственность за всѣхъ земныхъ царей. Весь христіанскій міръ, въ глазахъ Григорія, превращался въ папское государство, *теократію*. Греки и мусульмане должны быть приведены силой или убѣжденіемъ къ признанію единой римской церкви.

Властный и непреклонный, Григорій не зналъ никакихъ колебаній, не соглашался на уступки. Въ Германіи царствовалъ въ это время король изъ франконскаго дома *Генрихъ IV* (1056—1106). Онъ не хотѣлъ и не могъ отказаться отъ инвеституры и потерять, такимъ образомъ, свои лучшіе лены и многочисленныхъ церковныхъ вассаловъ. Требованія Григорія казались ему неслыханнымъ нарушеніемъ старинныхъ королевскихъ правъ. Завязался рѣзкій споръ. Король объявилъ «лжемонаха Гильдебранда» лишеннымъ папскаго престола. Григорій торжественно отлучилъ Генриха отъ церкви, воспретилъ ему управлять государствомъ и освободилъ отъ присяги всѣхъ его подданныхъ. Нѣсколько лѣтъ тянулась ожесточенная борьба между двумя главами Запада—папой и императоромъ. Во время этой борьбы Генриху пришлось испытать безграничное униженіе. Германскіе князья покинули его и отказали ему въ повиновеніи, если не примирится съ церковью, и король былъ принужденъ умолять папу о прощеніи. Въ одеждѣ кающагося грѣшника онъ простоялъ три зимнихъ дня предъ воротами замка *Каноссы*, гдѣ находился Григорій VII (1077 г.) Суровый папа съ трудомъ согласился снять отлученіе съ своего врага. Вскорѣ ему самому пришлось извѣдать измѣнчивость счастья. Генрихъ собралъ своихъ сторонниковъ и двинулся въ Италію съ большой военной силой. Григорій долженъ былъ покинуть Римъ, опустошенный въ междоусобной войнѣ; онъ умеръ на чужбинѣ. «Всю жизнь я любилъ справедливость и ненавидѣлъ беззаконіе, за то и умираю въ изгнаніи», говорилъ онъ на смертномъ одрѣ. Подъ справедливостью Григорій разумѣлъ владычество папства надъ міромъ.

Великій раздоръ между имперіей и церковью растянулся на многіе годы. Только въ 1122 году сыну Генриха IV удалось заключить мирное соглашеніе съ папою въ г. *Вормсѣ*. Императоръ отказался отъ симоніи и, частью, отъ инвеституры, свѣтская власть почти утратила вліяніе на замѣщеніе высшихъ церковныхъ должностей. Вообще, императорская власть въ Германіи сильно ослабѣла во время этого спора, князья добились, чтобы важнѣйшія дѣла рѣшались въ имперскомъ съѣздѣ, или *рейхстагѣ*,

собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сеньёровъ. Папство вышло изъ спора побѣдителемъ, хотя и не осуществило всѣхъ гордыхъ замысловъ Григорія VII; вліяніе церкви на жизнь стало несравненно глубже и сильнѣе, чѣмъ въ прежніе вѣка.

Въ самомъ концѣ XI вѣка преемникъ Григорія, папа *Урбанъ II* смогъ призвать народы Запада въ крестовый походъ на Востокъ—для борьбы съ мусульманами и завоеванія Святой Земли, и папскій призывъ былъ услышанъ, какъ голосъ Божій. «Такъ Богу угодно!» восклицали тысячи людей, собравшіеся выслушать рѣчь папы на Клермонскомъ соборѣ во Франціи (1095 г.). Папство въ эту минуту казалось руководителемъ и вождемъ всего христіанскаго міра.

Договоръ въ Вормсѣ былъ только перемиріемъ. Когда на императорскій престолъ вступили герцоги Швабіи *Гогенштауфены*, старый споръ возгорѣлся съ новой силой.

Императоры этого дома были честолюбивые и властные люди. Ихъ затаенная мечта заключалась въ томъ, чтобы воскресить неограниченную власть императоровъ древняго Рима и древнее владычество имперіи надъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ. *Фридрихъ I* (1152—1190) созвалъ юристовъ, которые доказывали, ссылаясь на римское право, что воля императора — законъ для всѣхъ, ничѣмъ и никѣмъ не можетъ быть ограничена. Съ глубокимъ недовольствомъ смотрѣлъ Фридрихъ I на могучій ростъ новой силы въ тогдашнемъ европейскомъ обществѣ—свободнаго городского сословія, создавшаго свое богатство при помощи промышленности и торговыхъ занятій. Въ сѣверной Италіи (Ломбардіи) горожане образовали цѣлый рядъ самостоятельныхъ республикъ и отказывались уплачивать подати и нести феодальныя повинности, которыя возлагались на нихъ императоромъ.

Итальянскіе города понимали, что притязанія Гогенштауфеновъ опасны для ихъ свободы, они соединились съ папской властью для борьбы противъ общаго врага.

При *Фридрихѣ II* (1216—1250) вражда достигла крайняго ожесточенія. Еще разъ императоръ былъ отлученъ отъ церкви, Италія была охвачена междоусобной войной сторонниковъ имперіи и папства. Папамъ удалось вытѣснить своихъ непримиримыхъ противниковъ — императоровъ изъ Италіи, призвавъ для этого на помощь французскихъ рыцарей. Послѣдній Гогенштауфенъ, юноша Конрадинъ, былъ захваченъ въ бою и сложилъ голову на плахѣ. Такъ навсегда развѣялась мечта нѣмецкихъ королей о всемірномъ господствѣ имперіи.

Для Германіи послѣ гибели Гогенштауфеновъ наступили печальныя времена—смута и *междуцарствіе* (1254—1273).

Въ памяти нѣмецкаго народа это двадцатилѣтіе осталось какъ время безначалія и произвола, «кулачнаго права». Верховной власти не было. Нѣсколько десятковъ князей, духовныхъ и свѣтскихъ, управляли Германіей.

Еще при Фридрихѣ II всѣ эти мелкіе владѣтели пріобрѣли верховныя права въ своихъ областяхъ (право чеканить монеты, самостоятельный судъ), сдѣлались настоящими государями. Другіе народы въ это время шли къ объединенію въ сильныя государства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ династій, какъ Франція при Капетингахъ и позже Московская Русь при князьяхъ-собирателяхъ. Въ Германіи же побѣдило раздробленіе, вмѣсто монархіи сложилось княжевластіе. Центральная власть сдѣлалась совершенно призрачной и ничтожной. Съ конца XIII вѣка семь сильнѣйшихъ германскихъ князей (три архіепископа, правители Бранденбурга, Чехіи, Саксоніи и Рейнской области) держали въ своихъ рукахъ выборы императоровъ изъ дома *Габсбурговъ* и *Люксембурговъ*. Императоры правили только по имени и не могли назначить ни одного всеобщаго налога или издать законъ безъ согласія прочихъ князей-государей.

II.

Въ то время, какъ Германія шла къ безначалію и распаденію, папство достигло величайшаго блеска и силы. Папа *Иннокентій III* (1198—1216) обладалъ почти всѣмъ, о чемъ лишь помышлялъ его предшественникъ Григорій VII. Онъ могъ говорить о настоящемъ своемъ господствѣ надъ христіанскимъ міромъ—и всей церковью и государствами, о томъ, что «священство выше царства настолько же, насколько душа выше тѣла». Иннокентій распоряжается королевскими коронами, какъ собственностью св. престола, накладываетъ подати на независимыя государства, какъ будто они являются его ленными владѣніями. Король Іоаннъ Безземельный въ Англіи призналъ себя вассаломъ папы, и Иннокентій, ссылаясь на данную ему Богомъ власть вязать и рѣшать на землѣ, отмѣнилъ въ Англіи Великую Хартію Вольностей, которая ограничивала королевское самодержавіе. Папа вмѣшался и въ германскія дѣла, онъ призналъ императоромъ Оттона IV Брауншвейгскаго и когда тотъ сталъ отказывать ему въ повиновеніи, всемогущій папа раскаялся, по его собственнымъ словамъ, въ томъ, что «создалъ этого человѣ-

ка», и возвелъ на его мѣсто Гогенштауфена. Крестоносцы въ четвертомъ походѣ, съ благословенія Иннокентія, завоевали Византію и превратили ее въ латинскую имперію, раздѣливъ между собою ея земли; благодаря этому завоеванію, греко-восточная церковь была принуждена полвѣка признавать надъ собой власть Рима.

И внутри католической церкви Иннокентій былъ всемогущъ. Безспильные соборы созывались только для того, чтобы покорно выслушивать принятыя заранѣе рѣшенія папы. Иннокентій уже не довольствовался прежнимъ названіемъ преемника ап. Петра и гордо именовалъ себя въ грамотахъ «намѣстникомъ Бога».

Папство послѣ Иннокентія не сумѣло удержаться на такой высотѣ. Съ конца XIII в. оно склоняется къ упадку, а въ XIV—XV на рубежѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени наступило полное паденіе. Причины заключались въ чрезмѣрномъ самовластіи папства, которое требовало безпрекословнаго себѣ повиновенія во всѣхъ областяхъ жизни, безпощадно преслѣдовало малѣйшее уклоненіе отъ обряда и всякое свободное исканіе истины. Раньше церковь была спасительной культурной силой въ грубомъ средневѣковомъ обществѣ: она воспитывала западные народы, проповѣдуя имъ христіанское ученіе. Теперь же, когда мысль и наука далеко пошли впередъ, церковь стала препятствіемъ новымъ стремленіямъ, желая держать умы подъ своей опекой, требуя, чтобы всѣ жили и вѣрили, согласно ея указаніямъ; но, требуя себѣ такой власти, церковь сама далеко не стояла на подобающей высотѣ.

Духовенство мало думало о своихъ обязанностяхъ, отличалось грубыми нравами, поголовнымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ. Князья церкви, прелаты, вели роскошную, а иногда безнравственную жизнь. Не лучше было и въ монастыряхъ. «Слова мое и твое раздаются въ обителяхъ чаще, чѣмъ имя Божіе», говоритъ намъ писатель той поры. Народныя сказки и пѣсни конца среднихъ вѣковъ постоянно изображаютъ дурные нравы иноковъ, ихъ страсть къ стяжанію и преданность грѣшнымъ страстямъ. *Папы* этого времени не отличаются отъ остального духовенства, заботятся лишь о своемъ обогащеніи и придумываютъ для этого всевозможныя средства. Несмотря на прежнія запрещенія, въ Римѣ снова господствуетъ симонія, продажа должностей и сановъ церкви. Десятины со всего католическаго міра наполняютъ сокровищницы папъ. Многія страны Европы посылаютъ ему «денарій св. Петра». Папскіе посланцы собираютъ повсюду крестоносные сборы, которые уходятъ не на освобожде-

ніе Святой земли, а на войны папъ съ ихъ противниками въ Италіи. Желая увеличить свои доходы, Бонифацій VIII установилъ празднованіе юбилейныхъ лѣтъ католической церкви (въ 1300 г.). Сотни тысячъ людей устремились въ Римъ, такъ какъ папа обѣщалъ паломникамъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Приношенія богомольцевъ доставляли въ такіе годы огромные доходы папству. Большія выгоды давали Риму также индульгенціи—грамоты о прощеніи грѣховъ за денежную плату, различную—смотря по тяжести грѣховъ. Такія отпустительныя грамоты шли въ продажу, какъ нынѣшнія цѣнныя бумаги, и даже отдавались на откупъ.

Неудивительно, что вѣрующіе и нравственные люди съ отвращеніемъ и страхомъ смотрѣли на церковную жизнь того времени и говорили, что всею католическою церковью овладѣлъ точно тяжкій недугъ, «порча церкви во главѣ и во членахъ». Все чаще раздавались голоса объ «омірщеніи» церкви и требованія, чтобы церковь отказалась отъ власти и мірскихъ богатствъ и послѣдовала «Христовой нищетѣ» и простотѣ первоначальной апостольской церкви. Въ этихъ требованіяхъ слышалось не одно недовольство испорченностью церкви: была вражда къ богатому церковному сословію, которое своими поборами обездоливаетъ народную массу. Въ XII вѣкѣ у католическаго духовенства явились сильные противники.

Съ востока пришло во Францію и Италію ученіе *катаровъ*—«чистыхъ». Катары учили, что міръ раздѣляется на двѣ доли—долю Божію и долю діавола. Церковь была въ ихъ глазахъ преисполнена всякаго зла, принадлежала къ сатанинской половинѣ вселенной. У катаровъ было свое духовенство—проповѣдники и учители, «совершенные». Въ противоположность духовенству церкви они отличались суровостью и чистотою жизни.

Въ южной Франціи сложилось и другое ученіе, враждебное господствующей церкви. Богатыйліонскій купецъ Петръ Вальдо, рѣшилъ послѣдовать евангельскимъ словамъ: «если хочешь быть совершеннымъ, пойди и продай имѣніе твое и раздай нищимъ и приходи и послѣдуй за Мной». Раздавъ свои богатства нищимъ, Вальдо сталъ учить о добровольной бѣдности, какъ о пути къ спасенію. Вокругъ него собралась община вѣрующихъ, которые назывались «ліонскими бѣдняками». По имени Вальдо, ихъ еще называли *вальденсами*. Вальденсы подражали земной жизни Спасителя и апостоловъ; странствуя по городамъ и весямъ, безъ крова и имущества, вальденсы толковали народу Евангеліе, которое было для нихъ единственнымъ источникомъ истины. Они перевели съ латинскаго языка часть Св. Писанія,

чтобы сдѣлать его доступнымъ для мірянъ. Католическая церковь увидѣла въ этомъ свободномъ толкованіи Писанія большую для себя опасность. Соборъ, созванный папой, проклялъ ліонскихъ бѣдняковъ, хотя они ни въ чемъ не отступали отъ ученій церкви, а только осуждали богатство и порочность духовенства и желаніе папства господствовать въ мірѣ. Впослѣдствіи, однако, вальденсы отошли отъ католичества, отрицали власть папы вязать и рѣшать, отвергли таинство пресуществленія, ученіе о чудесахъ и о чистилищѣ.

Люди, осуждавшіе церковные порядки и догматы, были въ глазахъ средневѣковой церкви вѣроотступниками, *еретиками*. Папство пустило въ ходъ всю свою силу, чтобы уничтожить противниковъ. Иннокентій III обѣщалъ прощеніе грѣховъ тѣмъ, кто приметъ участіе въ крестовомъ походѣ противъ еретиковъ-катаровъ, и толпы вооруженныхъ рыцарей двинулись въ южную Францію, думая, что совершаютъ богоугодное дѣло. Цвѣтущая страна, Провансъ, была залита кровью, страшныя преступленія совершены во имя христіанской вѣры, ученія любви. Для полнаго истребленія ереси была учреждена *Святая Инквизиція*, безпощадный и несправедливый судъ по дѣламъ вѣры. По малѣйшему подозрѣнію въ вольнодумствѣ, по безыменному и ложному доносу привлекали къ суду, суровый допросъ и пытка вынуждали сознаніе даже у невиновныхъ. Осужденнаго ждало пожизненное заточеніе или смерть на кострѣ. Такими жестокими мѣрами было подавлено первое возстаніе противъ церкви въ XIII в., но папство, создавшее инквизицію, было навѣки запятнано кровью ея безчисленныхъ жертвъ.

Въ XIV в. *движеніе противъ папства* стало еще сильнѣе. Въ это время окончательно сложились государства новыхъ европейскихъ народовъ (Франція, Англія) съ сильной королевской властью. Папская «теократія», господство римской церкви надъ народами стало дѣломъ немыслимымъ; папскія притязанія встрѣчали теперь рѣзкій отпоръ.

Въ самомъ началѣ XIV в. произошло такое столкновеніе между папой *Бонифаціемъ VIII* и французскимъ королемъ *Филиппомъ IV*. Король обложилъ налогами духовенство во Франціи, какъ своихъ подданныхъ. Бонифацій воспротивился этому. Онъ считалъ духовенство подвластнымъ только римскому престолу; государство не можетъ ни судить духовныхъ, ни налагать на нихъ мірскихъ повинностей. Въ своихъ грамотахъ Бонифацій гордо провозгласилъ ученіе о подчиненіи свѣтской власти Риму, при чемъ сравнивалъ священство и царство съ солнцемъ и луной, изъ которыхъ одно заимствуетъ свой блескъ у другого. Филиппъ IV

приказалъ сжечь папскую грамоту. Народная масса была на его сторонѣ. Земскій соборъ (Генеральные штаты), созванный Филиппомъ, объявилъ, что король подчиненъ одному Богу и никому на землѣ. Безспильнымъ оказалось отлученіе, которое раздраженный папа наложилъ на своего противника. Самъ Бонифацій оказался въ рукахъ приверженцевъ Филиппа и подвергся тяжкимъ оскорбленіямъ.

Гордый папа не могъ пережить крушенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Его преемники оказались въ полной зависимости отъ французскаго короля, покинули Римъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ столицей папства, и переселились въ южную Францію, въ г. Авиньонъ. Только въ концѣ XIV в. папа Григорій XI возвратился въ Римъ, но тотчасъ же послѣ его смерти возникъ раздоръ между кардиналами, выборщиками новаго папы. Голоса раздѣлились. Французскіе кардиналы выбрали одного папу, возвратившагося въ Авиньонъ, итальянцы—другого, который поселился въ Римѣ. Оба считали себя истинными главами церкви, отлучали и позорили другъ друга въ глазахъ всего католическаго міра. Западный міръ раздѣлился на два лагеря: нѣкоторыя страны признали авиньонскаго, другія—римскаго епископа. Около сорока лѣтъ продолжался этотъ *великій расколъ* католической церкви; отъ самихъ папъ невозможно было ждать прекращенія распри.

Тогда у лучшихъ людей изъ среды духовенства явилась мысль созвать *церковный соборъ* и такимъ путемъ произвести необходимую реформу въ Церкви. Соборъ 1309 года провозгласилъ себя вселенскимъ и установилъ ученіе, что соборы выше папской власти, что они могутъ судить и низлагать папъ. Авиньонскій и римскій папа, дѣйствительно, были низложены, и папскій престолъ занялъ избранникъ собора; но осужденные папы отказались сложить свой санъ, и нѣсколько лѣтъ во главѣ церкви стояло трое папъ. Только новый соборъ, созванный въ г. *Констанцѣ*, покончилъ съ великимъ расколомъ. Въ самомъ устройствѣ церкви соборы почти ничего не измѣнили. Они осудили злоупотребленія, но не уничтожили ихъ причины. Папство сохранило свои доходы и прежнюю власть.

Тѣмъ не менѣе его величію былъ нанесенъ неизгладимый ударъ. Люди новаго свѣтскаго образованія въ XIV в. въ разныхъ странахъ Европы подвергли суровой критикѣ устройство церкви, доказывая несправедливость и незаконность папскихъ притязаній. Ученые богословы изслѣдовали самыя основы католическаго вѣроученія, сравнивая ихъ съ св. Писаніемъ. Итальянецъ *Марсилій* изъ Падуи, возставалъ противъ преслѣдованія

еретиковъ, ибо Христосъ далъ ученикамъ лишь власть учить, а не принуждать. Всѣ епископы, по его мнѣнію, обладаютъ равною властью, папа не имѣетъ первенства въ церкви и не является намѣстникомъ ап. Петра. Церковь состоитъ не изъ одного духовенства, это—община всѣхъ вѣрующихъ во Христѣ; имъ, а не папѣ, принадлежитъ верховное рѣшеніе въ вопросахъ вѣры.

Джонъ Виклифъ въ Англіи училъ о томъ, что единственнымъ источникомъ вѣры является св. Евангеліе, требовалъ свободнаго чтенія и толкованія Библіи, которую самъ перевелъ на англійскій языкъ. Монашество и папство Виклифъ считалъ ненужными и вредными для церкви и отвергалъ оба эти учрежденія, такъ какъ для нихъ нѣтъ основы въ Писаніи. Папы не должны обладать свѣтской властью, у монастырей слѣдуетъ отобрать огромныя имущества, такъ какъ богатства ненужны людямъ, отрекшимся отъ міра.

Постепенно Виклифъ сталъ отвергать и многое въ самыхъ догматахъ христіанства. Онъ считалъ возможнымъ такое общественное устройство, при которомъ совѣсти человѣка предоставлена неограниченная свобода, человѣкъ вѣритъ только по личному убѣжденію и ищетъ спасенія безъ посредства церкви и обрядовъ.

Взгляды Виклифа нашли многихъ послѣдователей въ Англіи. Его ученики, «бѣдные священники», распространяли его ученіе въ народѣ, а сочиненія проникли и въ Германію и оказали сильное вліяніе на чешскаго проповѣдника и богослова *Яна Гуса*. Гусъ не принялъ мыслей Виклефа во всей ихъ крайности и не допускалъ такого полнаго разрыва съ католической церковью. Но у него сильно укрѣпилось убѣжденіе, что св. Писаніе—единственная основа вѣры, и личное убѣжденіе было, въ его глазахъ, важнѣе предписаній церковной власти. Изъ папскихъ злоупотребленій Гусъ особенно осуждалъ торговлю индульгенціями и ученіе о папской непогрѣшимости, которое онъ называлъ богохульствомъ. Проповѣдь Гуса встрѣтила глубокое сочувствіе въ чешскомъ народѣ. Онъ погибъ на кострѣ, осужденный Констанцскимъ соборомъ, но его дѣло не погибло. Послѣдователи Гуса, гуситы, послѣ долгой борьбы со всѣми силами католицизма добились въ Чехіи важныхъ реформъ въ церковномъ строѣ и свободной проповѣди слова Божія.

Виклифа и Гуса часто называютъ «реформаторами до реформаціи». Оба они явились провозвѣстниками великаго перелома въ религіозной жизни Западной Европы, который совершился въ XVI вѣкѣ.

14. Государство и общество въ средніе вѣка.

Карлъ Великій умеръ въ 814 г., созданная имъ имперія послѣ жестокихъ междоусобицъ между его наслѣдниками распалась на три государства, изъ которыхъ образовались впослѣдствіи Франція, Германія и Италія. Въ этихъ государствахъ, равно какъ и почти во всей остальной Западной Европѣ, постепенно установился на цѣлые вѣка общественный и государственный порядокъ, сильно отличающійся отъ современнаго, его обыкновенно называютъ *феодальнымъ строемъ*, или *феодализмомъ*.

Королевская власть сильно ослабѣла, тѣмъ болѣе, что короли съ теченіемъ времени роздали вассаламъ значительную часть своихъ земельныхъ богатствъ, на которыхъ основывались ихъ сила и могущество. А между тѣмъ въ IX и X вѣкахъ Западная Европа переживала ужасное время: она подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ со всѣхъ сторонъ. Съ сѣвера и запада нападали *норманны*, съ востока—*венгры*, или мадьяры, а съ юга—*сарацины* (арабы). Надо было отражать вражескія нашествія и защищать населеніе, а короли не въ силахъ были выполнить эту необходимую государственную задачу. При такихъ условіяхъ каждая область, каждый округъ защищались своими силами. Благодаря этому, *графы* и *герцоги* постепенно сдѣлались независимыми правителями, а свои области обратили въ наслѣдственную собственность. Такъ, три большихъ королевства, на которыя распалась монархія Карла Великаго, въ свою очередь, разбились на мелкія доли—герцогства и графства, на большія и малыя *сеньёріи*.

Одна изъ этихъ сеньёрій (каковы, напримѣръ, во Франціи были Нормандія, Бургундія, Бретань и друг.) были самостоятельными государствами: ихъ правители имѣли право общаго суда надъ населеніемъ, облагали его налогами, били монету, созывали ополченіе. Болѣе мелкія владѣнія, *бароніи*, во главѣ которыхъ стояли бароны (во Франціи) или лорды (въ Англіи), напоминали скорѣе крупныя помѣстья, чѣмъ государственныя области, и права владѣльцевъ-государей ближе подходили къ правамъ хозяина-помѣщика. Частновладѣльческій характеръ еще яснѣе проявлялся въ положеніи мелкихъ помѣщиковъ, которые «держали» отъ бароновъ и крупныхъ сеньёровъ-князей населенныя имѣнія, носившія названіе *феодовъ*, или (въ Германіи) *леновъ*.

Центромъ феода сдѣлался укрѣпленный *замокъ*, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ со своимъ семействомъ и роднею,

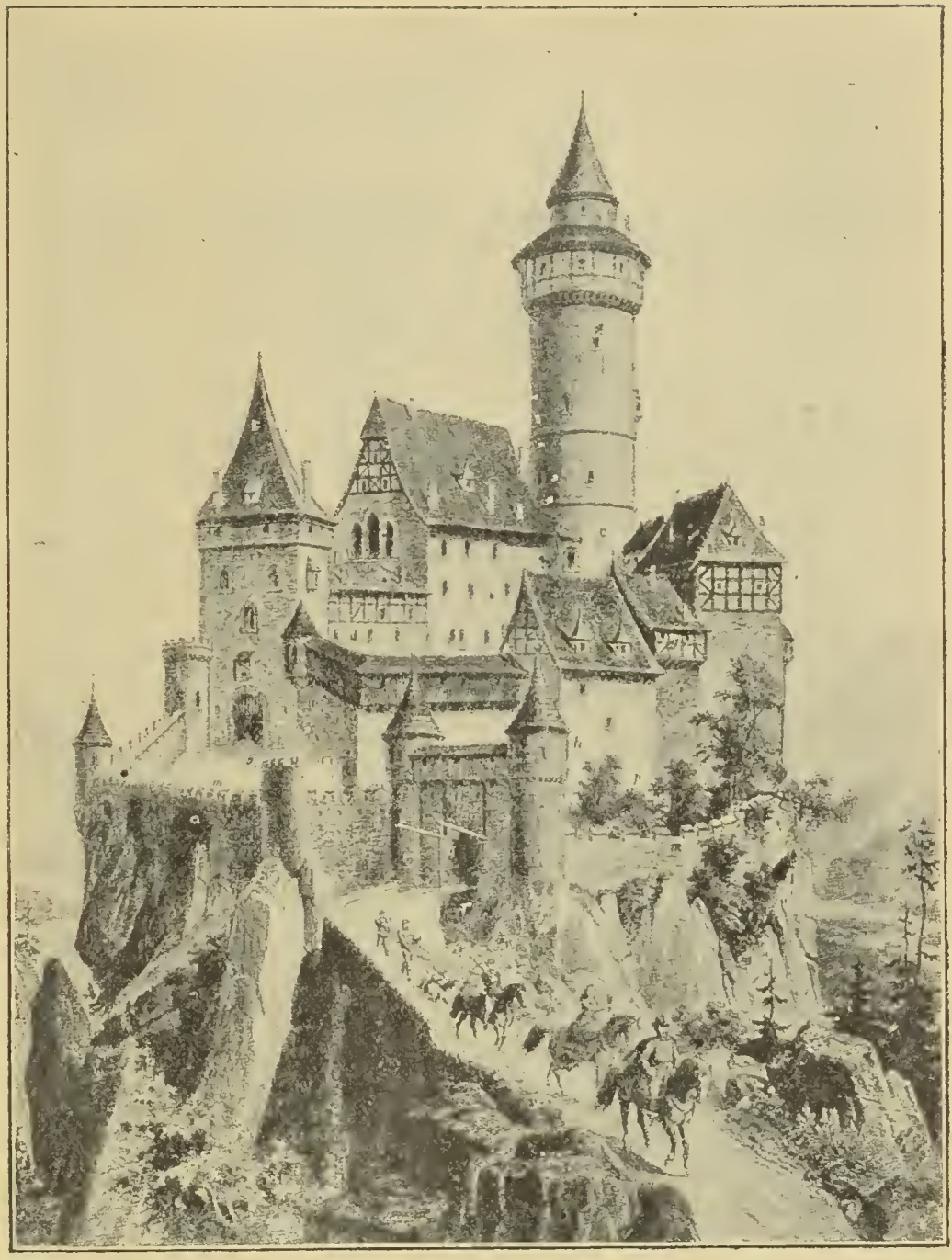
окруженный вассалами и слугами. Въ то время не было огнестрѣльнаго оружія, и замокъ съ его толстыми стѣнами, окопами, бойницами и глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водой, служилъ надежной защитой во время нападенія (рис. 6). Замки имѣли, поэтому, большое значеніе для прилегающаго округа: окрестное населеніе находило подъ ихъ стѣнами убѣжище во время вражескихъ нашествій, столь обычныхъ въ ту воинственную и мрачную эпоху, и частныхъ войнъ, т.-е. междоусобій феодаловъ.

Въ XI вѣкѣ почти вся земля обратилась въ феоды. Всѣ герцогства, графства, бароніи находились между собой въ вассальной зависимости. Всякій сеньёръ былъ въ то же время вассаломъ болѣе крупнаго сеньёра и такъ до короля: король былъ верховнымъ сеньёромъ, онъ стоялъ на вершинѣ лѣстницы, нижнюю ступень которой занимали самые мелкіе вассалы, которые уже не были сеньёрами, и которыхъ звали *подвассалами*.

Двѣ связи соединяли вассаловъ и сеньёровъ—связь личная, узы взаимной вѣрности, и зависимость по землѣ. Эти отношенія выражались въ цѣломъ рядѣ обрядовъ. Вассалъ объявлялъ себя «человѣкомъ» сеньёра и, стоя передъ нимъ на колѣнахъ, вкладывалъ свои руки въ руки послѣдняго, какъ бы отдавая себя подъ покровительство сеньёра; обѣ стороны приносили другъ другу *клятву на вѣрность*. Далѣе слѣдовалъ обрядъ —*инвеститура*: сеньёръ отдавалъ своему «человѣку» въ наслѣдственное владѣніе земельный участокъ—феодъ, вручалъ какой-нибудь знакъ, или символъ земельной власти (знамя, кольцо).

Съ этого времени сеньёръ долженъ былъ защищать и оберегать вассала и, въ свою очередь, ждалъ отъ него вѣрнаго выполненія вассальныхъ обязанностей: вассалъ участвовалъ въ *совѣтѣ* и *судѣ* сеньёра, въ опредѣленныхъ случаяхъ оказывалъ денежную подмогу, а, главное, несъ *военную службу*: по зову сеньёра, онъ обязанъ былъ явиться на боевомъ конѣ, въ тяжеломъ вооруженіи, со своими вассалами на опредѣленный срокъ (не свыше 40 дней).

Военное дѣло было главнымъ занятіемъ сеньёровъ и вассаловъ, и они составили военное, или *рыцарское сословіе*. Рыцарь—значитъ всадникъ. Сперва рыцаремъ считался всякій вассалъ, даже всякій воинъ, который былъ настолько богатъ, чтобы имѣть коня, но постепенно слово рыцарство распространилось на военно-землевладѣльческій классъ, отличая его отъ зависимаго земледѣльческаго населенія. Сыновья феодаловъ съ малыхъ лѣтъ готовились къ рыцарскому званію при дворѣ своего сеньёра, а выросшіе должны были проявить свои военныя доблести и тогда посвящались въ рыцари. Въ IX и X вѣкахъ ры-



6. Замокъ феодала XIII вѣка.

царь былъ грубый, жестокій и безжалостный воинъ. Онъ грабитъ, жжетъ, убиваетъ безъ всякаго милосердія и пощады. Война для него лишь прибыльный промыселъ. Но церковь стремилась сдѣлать изъ рыцаря воина-христіанина, и подъ ея вліяніемъ выработался *идеалъ рыцаря*, защитника церкви и покровителя слабыхъ — вдовъ и сиротъ, появилось понятіе рыцарскихъ доблестей, каковы: храбрость, щедрость, ненарушимая вѣрность сеньёру, изысканная вѣжливость и любезность въ обращеніи, уваженіе къ женщинѣ и служеніе ей. Большое вліяніе на образованіе рыцарскихъ понятій о чести и долгѣ оказали крестовые походы, во время которыхъ возникли рыцарскія товарищества (ордена), поставившія цѣлью оказывать пріютъ и помощь больнымъ паломникамъ въ Св. землѣ и защищать ихъ въ пути отъ мусульманъ. Рыцарство съ его утонченными и благородными понятіями содѣйствовало смягченію нравовъ феодальнаго общества, въ рыцарской средѣ были въ почетѣ даже занятія литературой. Поэты-рыцари, *трубадуры* во Франціи и *миннезингеры* въ Германіи, слагали поэмы и пѣсни; бродячіе пѣвцы (менестрели) переходили изъ замка въ замокъ и пересказывали эти пѣсни, въ которыхъ—напримѣръ, въ «поэмѣ о Роландѣ» или «Сказаніи о Св. чашѣ», прославляются воинскіе подвиги и доблесть истиннаго рыцаря (рис. 7).

Рыцарскій классъ и духовенство стояли во главѣ средневѣковаго общества, были правящими сословіями, владѣвшими всею землей. «Съ начала временъ,—говорили писатели того времени,—народъ дѣлится по тремъ занятіямъ: дѣло однихъ—молиться за всѣхъ, другихъ—воевать, третьихъ—работать на всѣхъ остальныхъ». Положеніе рабочей массы, крестьянъ, въ средніе вѣка было безправное и приниженное.

Большая часть сельскаго населенія были *сервы*, т.-е. крѣпостные. Они образовались изъ потомковъ свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, закабалившихся вмѣстѣ съ землей, изъ арендаторовъ и рабовъ, посаженныхъ на земельномъ участкѣ. Сервъ былъ прикрѣпленъ къ своему участку, не могъ оставить помѣстья, но и господинъ не могъ отобрать у серва участка, составлявшаго его пожизненное держаніе. Званіе серва было наслѣдственнымъ. Сервъ не могъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія господина, за которое долженъ былъ заплатить. Если сервъ умиралъ бездѣтнымъ, его участокъ возвращался къ помѣщику. Сервъ не могъ ни продать, ни подарить, ни завѣщать своего участка; рука его была какъ бы мертва для этого, поэтому сервовъ звали «мертворучниками», людьми мертвой руки. Сервы платили помѣщику личный *оброкъ* частью урожая (снопами хлѣба, сѣномъ и овсомъ) или

7. На праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка.

частью приплода, и отбывали *барщину*, земледѣльческую работу въ господской части помѣстья; размѣръ этой работы опредѣлялся барскимъ произволомъ. Кромѣ того, крестьянинъ обязанъ былъ молоть свое зерно на помѣщичьей мельницѣ, печь хлѣбъ въ помѣщичьей печи, выжимать виноградъ на помѣщичьемъ точилѣ и все это—за очень высокую плату. Вотъ въ какомъ мрачномъ видѣ представляютъ положеніе крестьянъ современники: «крестьяне, которые работаютъ за всѣхъ и трудятся безпрестанно во всѣ времена года, находятся въ постоянномъ угнетеніи для того, чтобы доставлять другимъ пищу и одежду, а также и средства для безпутной жизни. Ихъ преслѣдуютъ пожарами, грабежами и войной, ихъ бросаютъ въ темницы и накладываютъ на нихъ оковы, а потомъ заставляютъ платить выкупъ или же морятъ голодомъ и подвергаютъ пыткамъ. Несчастные кричатъ, ихъ вдовы плачутъ, сироты стенаютъ и кровь страдальцевъ льется». Средневѣковая пословица говорила, что сеньёръ можетъ серва «сжарить и съѣсть, убить и изувѣчить».

Кромѣ сервовъ, было еще незначительное сначала количество *виллановъ*, крестьянъ, лично свободныхъ, платившихъ за свою землю опредѣленный «цензъ». Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ классъ виллановъ разросся: въ него переходитъ большая часть безправныхъ сервовъ-крѣпостныхъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ рабочія повинности и натуральные оброки, съ согласія самихъ помѣщиковъ, стали переводиться на постоянные денежные платежи. Эта перемѣна въ жизни средневѣковаго крестьянства—начало крестьянскаго раскрѣпощенія—стояла въ связи съ общей перемѣной въ хозяйственномъ строѣ, которая становится особенно замѣтной во время *крестовыхъ походовъ*, т.-е. въ XII — XIII вѣкахъ.

Подъ именемъ крестовыхъ походовъ извѣстна продолжительная борьба между христіанскими народами Западной Европы и послѣдователями ислама, турками-сельджуками, изъ-за обладанія Палестиной и ея святынями. Столкновенія западно-европейцевъ съ мусульманскимъ міромъ происходили издавна, еще со времени завоеваній арабовъ, отнявшихъ у Византіи ея азіатскія земли и покорившихъ Пиренейскій полуостровъ. Рядъ обстоятельствъ въ жизни народовъ Запада въ XI в. содѣйствовалъ возникновенію «крестоноснаго» движенія. Значительную роль сыграло *религіозное настроеніе*, которымъ было проникнуто средневѣковое общество отъ высшихъ слоевъ до низшихъ. Это настроеніе, помимо молитвъ и умерщвленія плоти, проявлялось въ *паломничествахъ* къ святымъ мѣстамъ, въ Римъ и даже въ далекій Іерусалимъ. Въ X—XI вѣкахъ благочестивые «пилигримы»

(странники), жаждавшіе спасенія души, толпами стремились въ ту землю, гдѣ жилъ и училъ Спаситель, подвергаясь тяжкимъ лишеніямъ, испытывая всевозможныя затрудненія и опасности, особенно съ того времени, когда фанатическіе *турки-сельджуки* овладѣли западной Азіей. Для защиты отъ ихъ насилій паломники иногда соединялись въ большіе вооруженные отряды, и набожное путешествіе превращалось въ небольшой походъ. Разсказы возвратившихся на родину о вымогательствахъ мусульманскихъ властей и гоненіяхъ на восточныхъ христіанъ порождали враждебное чувство къ невѣрнымъ и глубокую скорбь о положеніи великихъ святынь христіанства. Мысль объ освобожденіи гроба Господня назрѣвала на Западѣ, и нуженъ былъ только руководитель, чтобы она могла найти осуществленіе.

Такимъ руководителемъ явилось *папство*, которое въ XI в., послѣ церковныхъ преобразованій и торжества надъ императорскою властью, сдѣлалось настоящимъ главой христіанскаго міра. Уже *Григорій VII*, проникнутый мыслью о всемірномъ господствѣ католической церкви, обращался ко «всѣмъ вѣрнымъ св. Петра», призывая положить душу свою «за заморскихъ братьевъ»; папа преслѣдовалъ двѣ цѣли: одна—возсоединеніе «схизматиковъ» (раскольниковъ) грековъ и восточныхъ христіанъ, другая—пріобрѣтеніе новыхъ областей для католическаго міра. Въ концѣ XI в. сама *Византія* (императоръ Алексѣй Комненъ) обращалась къ правителямъ Запада съ мольбой о помощи противъ грозившихъ ей сельджуковъ. Осенью 1095 года папа *Урбанъ II* созвалъ *соборъ въ Клермонѣ* въ Южной Франціи. На соборъ стеклось со всѣхъ сторонъ Европы столько народу, и духовныхъ и мірянъ, что они не могли помѣститься ни въ какомъ зданіи. Папа устроилъ торжественное засѣданіе подъ открытымъ небомъ и обратился къ собравшимся съ призывомъ къ походу для освобожденія гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ; въ концѣ XI вѣка турки овладѣли самымъ городомъ Іерусалимомъ, и гробъ Господень очутился въ ихъ рукахъ. Рѣчь папы была покрыта восторженными криками: «Такъ Богу угодно!» и тысячи лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, изъявили желаніе принять участіе въ святой войнѣ. Поднялись знатные и простые, богатые и бѣдные. Сначала двинулось безпорядочное народное ополченіе, увлекаемое жаждой религіознаго подвига; оно не достигло цѣли, разсѣялось или погибло въ Малой Азіи. Въ слѣдующемъ (1096) году была снаряжена большая дворянская армія, которую вели крупные феодалы Франціи и Италіи: *Готфридъ* Бульонскій, *Боэмундъ* тарентскій, *Раймундъ* тулузскій и другіе. Послѣ трехлѣтняго похода и войны съ сельд-

жуками крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ и прибрежной полосой страны; въ Палестинѣ образовался рядъ государствъ - помѣстій, съ *Іерусалимскимъ королевствомъ* во главѣ. Въ этихъ государствахъ установились привычные для завоевателей феодальные порядки, туземное населеніе обратилось въ крѣпостныхъ.

Не одно религіозное рвеніе гнало людей въ далекій путь на тяжелый подвигъ. Забота о спасеніи души и надежда заслужить небесное блаженство тѣсно переплетались съ чисто житейскими побужденіями. Воинственное *рыцарство* искало славы, добычи и новыхъ земельныхъ владѣній, такъ какъ въ Европѣ въ XI вѣкѣ населеніе увеличилось и при тогдашнихъ несовершенныхъ способахъ хозяйства уже становилось тѣсно. Простой *народъ* бѣжалъ на новыя мѣста, спасаясь отъ невыносимо тяжелой жизни, какая досталась на его долю. Наконецъ, торговые сѣверно-итальянскіе *города* (Генуя, Венеція) стремились завязать непосредственныя сношенія съ Левантомъ, «страной солнечнаго восхода», т.-е. Сиріей.

Христіане не сумѣли удержать своихъ завоеваній подъ натискомъ мусульманскаго міра, объединившагося въ виду опасности при султанѣ *Саладинѣ*. Напротивъ, у крестоносцевъ не было единства дѣйствій, феодалы не повиновались главному сеньёру—королю, а притокъ новыхъ силъ изъ Европы оказывался недостаточнымъ. Въ концѣ XII в. Іерусалимъ былъ снова въ рукахъ мусульманъ. Новые походы, въ которыхъ участвовали сильнѣйшіе государи Европы, не привели ни къ чему. Религіозное рвеніе крестоносцевъ, видимо, угасало, на первый планъ выступили политическія стремленія и матеріальные расчеты. *Четвертый походъ* (1204) привелъ крестоносцевъ даже не на востокъ, а въ Византію, которая была ими завоевана и оставалась въ продолженіе полувѣка подъ властью иноземныхъ господъ (1204—1261). Въ концѣ XIII вѣка, послѣ двухъ неудачныхъ предпріятій набожнаго французскаго короля *Людовика IX*, крестоносное движеніе совершенно пріостановилось, — и великая цѣль, провозглашенная на Клермонскомъ соборѣ, освобожденіе св. земли, осталась неосуществленной.

Однако, несмотря на неуспѣхъ, крестовые походы оставили замѣтный слѣдъ въ средневѣковой жизни: въ *наукѣ* и *искусствѣ* сказалось вліяніе арабской культуры, множество словъ и соотвѣтствующихъ понятій перешло въ европейскіе языки, различные продукты восточной природы и способы производствъ (бумажныя матеріи, ювелирныя издѣлія, шафранъ, абрикосъ, рисъ, маисъ и т. п.) впервые стали извѣстны или получили болѣе широкое распространеніе. Многимъ устоямъ средневѣковой

жизни крестовые походы нанесли тяжелый ударъ. Вліяніе *церкви и папства* на умы было значительно подорвано, религіозные предразсудки и фанатизмъ ослаблялись, благодаря продолжительному соприкосновенію съ иновѣрцами Востока. *Королевская власть* укрѣпилась и повела болѣе успѣшную борьбу съ феодальнымъ классомъ, который понесъ немало потерь въ продолженіе двухвѣковой войны на Востокѣ. Множество крестьянъ—*сервовъ*, улучшило свое положеніе, такъ какъ ихъ господа, уходя въ походъ и нуждаясь въ деньгахъ, охотнѣе соглашались на выкупъ крѣпостныхъ повинностей. Наиболѣе ощутительно вліяніе крестовыхъ походовъ на *хозяйственный бытъ* Европы. Военныя передвиженія содѣйствовали мощному развитію транспорта (въ частности, мореплаванія) и обмѣна и вызвали усиленный приливъ золота въ бѣдныя до тѣхъ поръ благородными металлами страны Запада. Все это благопріятствовало возвышенію *городовъ* и *городского сословія* (буржуазіи), явившагося представителемъ новыхъ формъ хозяйственной дѣятельности—промышленности и торговли.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ въ крѣпостной зависимости находилось не только сельское населеніе, но и городское. Въ древней Римской имперіи было множество большихъ и богатыхъ городовъ, которые служили средоточіями политической, культурной и торгово-промышленной жизни. Въ эпоху нашествія германцевъ множество римскихъ городовъ было разрушено до основанія и отъ нихъ остались однѣ развалины, а тѣ, которые уцѣлѣли, обѣднѣли и захирѣли, такъ какъ послѣ паденія Западной Римской имперіи почти исчезли торговля и промышленность, которыми, главнымъ образомъ, живетъ городъ. Жизнь изъ городовъ перенеслась въ сельскія мѣстности; вмѣсто городовъ, существовали деревни, хутора, дворы помѣщиковъ. Высшій классъ населенія, сеньёры и вассалы, духовные и свѣтскіе, разселились по своимъ помѣстьямъ, въ которыхъ установилось *натуральное хозяйство*. Населеніе помѣстья само производило все, что нужно было для удовлетворенія нехитрыхъ и несложныхъ потребностей тогдашней еще грубой жизни: обрабатывало землю, сооружало постройки, изготовляло одежду, орудія и т. п. Все, что производилось, потреблялось на мѣстѣ и не ощущалось потребности ни въ городской промышленности, ни въ торговомъ обмѣнѣ.

Однако, вмѣсто разрушенныхъ городовъ, начинаютъ возникать города новые, но эти города совершенно не похожи на древнеримскіе. Это лишь хорошіе укрѣпленные замки—*бурги*, окруженные укрѣпленными же слободами. Сюда во время частыхъ на-

паденій стекалось окрестное населеніе. Городъ принадлежалъ сеньёру, на землѣ котораго онъ находился. Нерѣдко большой городъ состоялъ изъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ кварталовъ, и каждый кварталъ имѣлъ своего сеньёра. Сеньёры раздаютъ части города вассаламъ; такъ въ городахъ устанавливается феодальный порядокъ. Къ концу X вѣка жители городовъ, *буржуа* (отъ слова бургъ), находятся въ крѣпостной зависимости отъ сеньёровъ-владѣльцевъ города, являются безправными сервами, какъ и сельское населеніе.

Въ XI вѣкѣ въ Европѣ увеличилось населеніе, повысился культурный уровень, благодаря крестовымъ походамъ, завязались сношенія съ Востокомъ, возродились торговля и промышленность и стали быстро развиваться города, какъ торгово-промышленные центры. Появляются ремесленники, работающіе на сбытъ, и для продажи ихъ произведеній устраиваются временные *рынки* въ удобныхъ или безопасныхъ мѣстахъ—подъ стѣнами замка или бурга, вблизи монастыря, привлекающаго много богомольцевъ, у моста или рѣчного перевоза. Съ теченіемъ времени эти временные рынки обратились въ постоянныя торговыя поселенія: здѣсь селится новый народившійся классъ, оторвавшійся отъ земли: *купцы*, сплотившіеся въ особые союзы, *гильдіи*, и *ремесленники* различныхъ разрядовъ, или *цеховъ* (ткачи, башмачники, портные, мясники и т. п.).

Горожане разбогатѣли, стали сознавать свою силу и значеніе и не хотятъ уже болѣе сносить свое подневольное положеніе. Для нихъ необходимы самоуправленіе и хозяйственная свобода, ибо иначе не могутъ развиваться городское ремесло и торговля. Частью путемъ возстанія, частью путемъ взаимнаго соглашенія многіе города — раньше всего въ *Италіи*, а затѣмъ во *Франціи* и другихъ странахъ — добиваются своего, получаютъ хартіи (грамоты) и обращаются въ свободныя городскія общины—*коммуны*. Феодальные сеньёры сперва съ негодованіемъ относятся къ освободительному движенію въ городахъ; «коммуна—слово новое, ненавистное,—восклицаетъ одинъ епископъ,—благодаря ей оброчники освобождаются отъ всякой зависимости и, взамѣнъ этого, платятъ лишь обыкновенную подать». Но потомъ сеньёры и короли находятъ выгоднымъ продавать городскія хартіи. Въ XIII в. всѣ города освободились отъ крѣпостной зависимости, хотя и не всѣ обратились въ независимыя коммуны.

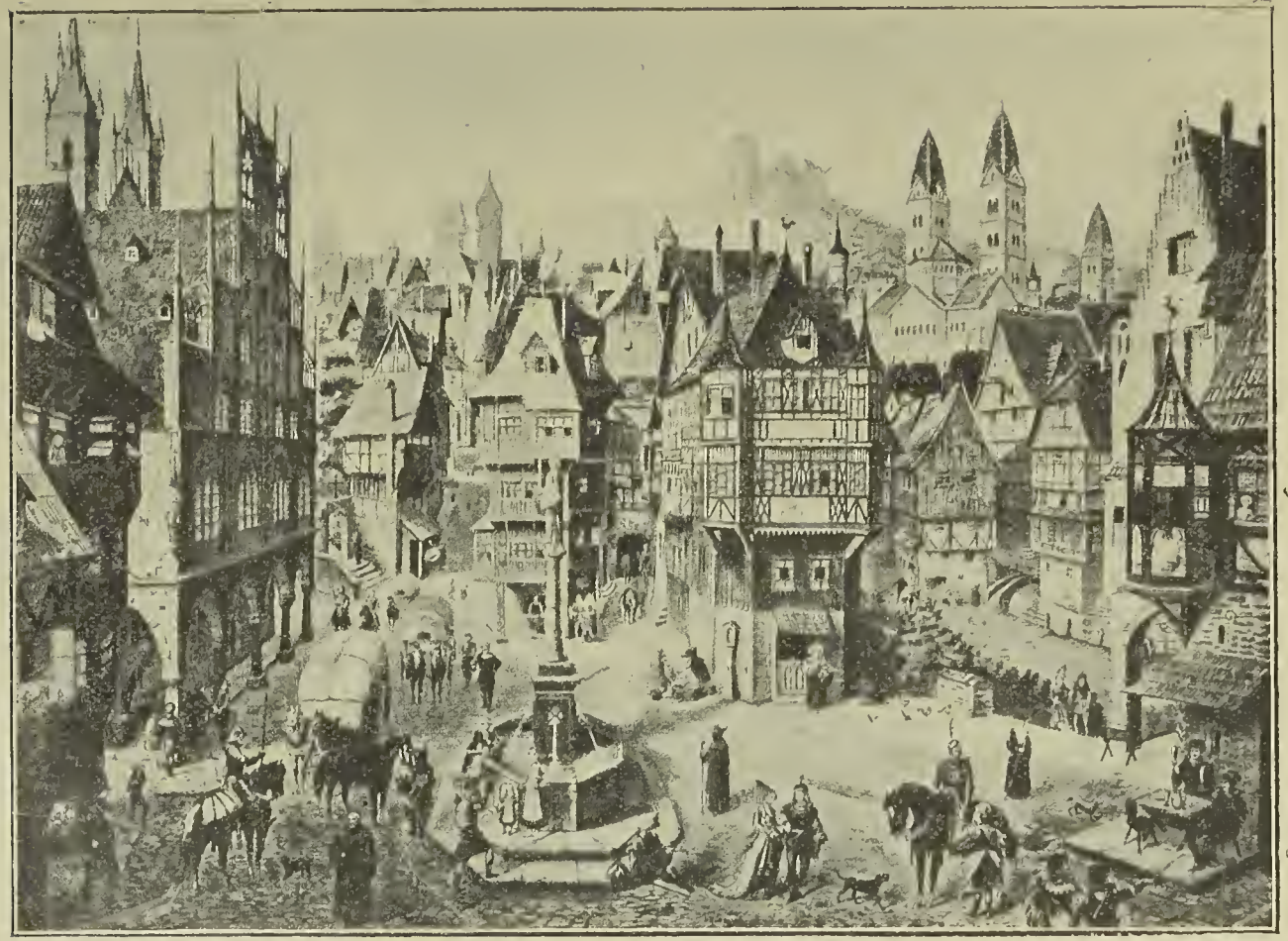
Коммуна—*городская республика*; она свободна отъ помѣщичьяго суда и произвольнаго обложенія податью со стороны сеньёра. Коммуна управляется своимъ *городскимъ совѣтомъ*, состо-

ящимъ изъ представителей вліятельныхъ городскихъ фамилій, съ выборнымъ *головой*; въ важнѣйшихъ случаяхъ созывается городское *вѣче*.

Въ XIII—XIV вѣкахъ города достигли необычайнаго расцвѣта и славились богатствомъ, о которомъ даетъ понятіе и внѣшній видъ городовъ: мощныя каменныя стѣны съ безчисленными башнями опоясываютъ городъ, за ними виднѣется цѣлое море многоэтажныхъ домовъ, тѣснящихся вдоль узкихъ улицъ; посреди рыночной площади возвышается вѣчевая башня-колокольня, выстроенная надъ зданіемъ городской думы (ратуша), и вдали уходятъ въ небо тонкіе шпили величаваго готическаго собора (рис. 8).

Средневѣковые города были родиной новой европейской культуры, которая носитъ всецѣло городской характеръ. Здѣсь расцвѣло *денежное хозяйство* нашего времени, сложились зачатки многихъ современныхъ понятій, и въ упорной борьбѣ съ земледѣльческимъ сословіемъ упрочилась гражданская свобода. Средневѣковое помѣстье заключало въ себѣ лишь всевластныхъ господъ и безправныхъ рабовъ, въ вольномъ городѣ царятъ личная свобода и самоуправленіе.

Развитіе городовъ оказало большое *вліяніе на судьбу крестьянъ*, способствуя ихъ раскрѣпощенію. Въ хартіяхъ многихъ городовъ было сказано: «если крѣпостной проживетъ въ городѣ годъ и день, и за это время никто не предъявитъ на него своихъ правъ, онъ получаетъ навсегда полную свободу». Сложилась даже поговорка: «городской воздухъ даетъ свободу». Городъ сталъ для крестьянъ заманчивымъ убѣжищемъ, куда они спасались отъ неволи. Чтобы удержать крестьянъ, помѣщики стали ихъ освобождать отъ крѣпостной неволи на весьма различныхъ условіяхъ; сервы обращались въ виллановъ. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ натуральное хозяйство замѣнилось денежнымъ, помѣщики стремились извлекать какъ можно больше продуктовъ изъ своего хозяйства—для продажи, и крѣпостное право становилось для нихъ невыгоднымъ, такъ какъ подневольный трудъ всегда отличается малой производительностью. Въ освободительныхъ грамотахъ мы постоянно находимъ указанія: «Мы дали эту свободу ради нашей выгоды», «крѣпостные нерадивы въ своей работѣ, ибо исполняютъ ее на другихъ». Даромъ освобожденіе никогда не давалось; свобода покупалась ежегоднымъ оброкомъ или единовременнымъ взносомъ. Такъ въ концѣ среднихъ вѣковъ началось *раскрѣпощеніе крестьянъ*, которое затянулось на много вѣковъ.



8. Нѣмецкій городъ XV вѣка.

15. Великія открытія и просвѣщеніе въ началѣ новаго времени.

XIV и XV вѣка составляютъ переходную эпоху въ европейской исторіи. Великія изобрѣтенія и открытія этого времени дали людямъ новый способъ борьбы съ недостатками существующаго государственнаго и общественнаго строя, открыли новые пути для приложенія дѣятельности человѣка, наконецъ, необыкновенный подъемъ сознанія человѣческой личности привелъ къ усиленной работѣ во всѣхъ отрасляхъ знанія, къ торжеству разума и просвѣщенія. Эти вѣка положили рѣзкую грань между вѣками средней и новой исторіи: глубоко измѣнились взгляды человѣка на природу, на людскія отношенія, на религію.

Изъ великихъ изобрѣтеній XV ст. на первомъ мѣстѣ нужно поставить *книгопечатаніе*. До середины XV в. книги были рукописныя; ихъ перепиской обычно занимались монахи, какъ люди грамотные и болѣе просвѣщенные по тому времени, но были и особыя фабрики рукописныхъ книгъ, гдѣ работали цѣлыя артели переписчиковъ. Книги были очень дороги (напримѣръ, Евангеліе стоило нѣсколько сотъ рублей) и доступны только богатымъ людямъ. Такъ какъ одно и то же сочиненіе нужно было переписывать во многихъ экземплярахъ, у переписчиковъ иногда появлялась мысль нѣсколько облегчить свою работу. Было въ обычаѣ первую букву на страницѣ и даже самую страницу разрисовывать красками, а такъ какъ разрисовка каждаго экземпляра отнимала много времени, то рисунки и даже надписи стали вырѣзать на тонкомъ листѣ желѣза, этотъ листъ накладывали на бумагу, покрывали вырѣзанныя мѣста краской и на бумагѣ получался надлежащій рисунокъ. Впослѣдствіи стали вырѣзывать изъ дерева цѣлыя страницы и накладывать на нихъ бумагу, вдавливая ее въ углубленія буквъ при помощи особой щетки. Получалась печатная страница съ выпуклыми буквами. Отъ такого способа печатанія до мысли о подвижныхъ буквахъ былъ только шагъ, и первые проблески этой мысли встрѣчаются еще до Гутенберга, творца книгопечатнаго искусства.

Іоаннъ Гутенбергъ родился въ Майнцѣ въ 1397 году. Слесарь и шлифовальщикъ по профессіи, онъ обратилъ вниманіе на упрощенный способъ печатанія картинокъ въ книгахъ и даже придумалъ особый прессъ для нажиманія бумаги. Возможно, что Гутенбергу пришла счастливая мысль распилить деревянную доску съ вырѣзанными буквами, чтобы получить подвижныя

буквы, которыя можно было бы складывать какъ угодно. Затѣмъ Гутенбергъ сталъ вырѣзывать деревянныя буквы на столбикахъ, которые скрѣплялись проволокой,—получился наборъ въ цѣлыя строчки и страницы. Но деревянныя буквы часто ломались при нажимѣ прессомъ, притомъ изготовленіе ихъ было нелегкимъ дѣломъ, если вспомнимъ, что для набора одного печатнаго листа (т.-е. 16 стр.) требуется около 40.000 буквъ. Это побудило Гутенберга вырѣзывать буквы изъ металла, что, конечно, не устранило всѣхъ затрудненій; наконецъ, онъ придумалъ отливать изъ свинца формы (матрицы) для той или другой буквы, что позволило отливать—и въ большомъ количествѣ—буквы совершенно одинаковой величины. Послѣ такихъ усовершенствованій Гутенбергъ задумалъ приступить къ печатанію Библіи.

Въ это время Гутенбергу было около 50 лѣтъ. Работая надъ своимъ изобрѣтеніемъ почти 20 лѣтъ, онъ растратилъ на него все свое состояніе и теперь, достигнувъ значительныхъ результатовъ въ своемъ искусствѣ, не имѣлъ средствъ начать печатаніе большой книги. Для изысканія средствъ Гутенбергъ обратился въ Майнцѣ къ одному капиталисту (Фусту), который далъ деньги на довольно стѣснительныхъ условіяхъ. Но ссуды не хватило на оборудованіе типографскихъ станковъ и прессовъ. Гутенбергу пришлось опять обратиться къ Фусту. На этотъ разъ условія ссуды были болѣе стѣснительныя, такъ что, въ сущности, вся типографія дѣлалась собственностью Фуста. Но Гутенбергъ неутомимо продолжалъ свое дѣло и въ 1452 году было начато печатаніе Библіи, которое окончилось черезъ три года.

Библія напечатана въ два столбца большими и довольно неуклюжими буквами; заглавныя буквы повсюду не напечатаны, а разрисованы, по обычаю того времени, золотомъ или красками. Такъ какъ буквы, которыми напечатана книга, были оловянныя, то отъ частаго тисненія онѣ стирались, и нѣкоторыя мѣста печатались неясно. Вслѣдствіе этого явилась мысль изготовить формы для буквъ, а также и самыя буквы изъ болѣе твердаго металла, что давало возможность отливать болѣе мелкія буквы и печатать ихъ болѣе четко. Въ этомъ дѣлѣ много помогъ Гутенбергу и Фусту нѣкто *Шеферъ*, рисовальщикъ и хорошій писецъ. Онъ былъ приглашенъ Фустомъ раскрашивать заглавныя буквы въ изданной книгѣ, а также занялся изготовленіемъ буквъ новаго образца.

Вскорѣ Гутенберга постигло большое несчастье. Его компаньонъ Фустъ давно уже тяготился имъ за нерасчетливую трату денегъ и желалъ отдѣлиться отъ него, чтобы взять всю типографію въ свои руки, тѣмъ болѣе, что въ Гутенбергѣ Фустъ

теперь уже болѣе не нуждался, потому что секретъ изобрѣтенія былъ хорошо усвоенъ имъ и его новымъ молодымъ и способнымъ помощникомъ Шеферомъ, съ которымъ Фустъ даже породнился, видя въ немъ будущую силу. Судебный процессъ, который началъ Фустъ противъ Гутенберга, окончился не въ пользу послѣдняго: Гутенберга присудили заплатить съ большими процентами деньги, взятыя взаймы, а за несостоятельность отняли типографское имущество. Горячо вѣровавшій въ свое дѣло Гутенбергъ не палъ духомъ и, при помощи другого богатаго покровителя, оборудовалъ новую типографію, но устройство ея отняло довольно много времени, въ то время, какъ у Фуста дѣло было уже на ходу. Руководимая Шеферомъ типографія Фуста достигла значительнаго совершенства, и новая книга, изданная Фустомъ, Псалтирь, благодаря великолѣпному изданію и значительной дешевизнѣ, сравнительно съ рукописной, быстро разошлась и была издана вторично. Изобрѣтеніе совершенствовалось; почти въ одинъ годъ Гутенбергомъ и Фустомъ были изданы книги свѣтскаго содержанія, отпечатанныя мелкимъ шрифтомъ и меньшаго формата.

Великое изобрѣтеніе было по достоинству оцѣнено современниками. Слава о новомъ дешевомъ и болѣе удобномъ способѣ изданія книгъ распространилась далеко за предѣлы Германіи. Черезъ два года послѣ изданія Библіи французскій король Карлъ VII тайно посылаетъ въ Германію разузнать о таинственномъ изобрѣтеніи, а взятіе Майнца въ 1462 г. во время одной междоусобной войны способствовало, вопреки желанію изобрѣтателей, разглашенію и распространенію великой тайны. Типографіи начали распространяться по всей Европѣ. Печатниковъ приглашали повсюду, какъ дорогихъ гостей, и оказывали имъ всяческое покровительство. Возникаютъ типографіи во Франціи, Италіи, Голландіи. Въ концѣ XV в. появляются печатныя книги въ Польшѣ и Чехіи, а въ 1564 г. при царѣ Іоаннѣ Грозномъ была отпечатана въ Москвѣ первая книга дьякономъ Николо-Гостунской церкви Иваномъ Ѳедоровымъ.

Самъ великій изобрѣтатель окончилъ жизнь въ бѣдности, почти забытый своими современниками, даже честь изобрѣтенія была признана за нимъ только спустя почти 40 лѣтъ послѣ его смерти.

Гутенбергъ можетъ по справедливости считаться благодѣтелемъ человѣчества. Послѣдствія его изобрѣтенія неисчислимы, недаромъ одинъ французскій король назвалъ книгопечатаніе «изобрѣтеніемъ скорѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ». Мы настолько привыкли къ печати, что не представляемъ себѣ, какъ можно

обходиться безъ нея. Благодаря печати, извѣстіе о какомъ-либо событіи, отпечатанное въ множествѣ экземпляровъ, въ короткое время становится достояніемъ милліоновъ людей, книга становится доступной каждому, а съ нею вмѣстѣ проникаетъ во всѣ концы земного шара культура, просвѣщеніе. И правъ былъ Лютеръ, одинъ изъ дѣятелей новой исторіи, говоря, что книгопечатаніе есть высшій даръ Бога людямъ для распространенія слова Божія и какъ бы второе избавленіе рода человѣческаго отъ умственной тьмы.

Періодъ новой исторіи, между прочимъ, отмѣчается усиленнымъ развитіемъ экономической дѣятельности Европы. Это усиленіе произошло главнымъ образомъ благодаря открытію въ концѣ XV в. новыхъ странъ, которое расширило торговлю Европы и даже измѣнило самыя основы ея.

Въ 1498 г. португалецъ *Васко-да-Гама* открылъ морской *путь въ Индію*, и съ этого времени европейцы завязали дѣятельныя торговыя сношенія съ южною Азіей и утвердили свою власть въ этихъ далекихъ и богатыхъ странахъ. Еще раньше, въ 1492 году, итальянецъ *Христоферъ Колумбъ*, надѣясь отыскать западный путь въ Индію, отплылъ отъ береговъ Испаніи по Атлантическому океану и открылъ страны Новаго Свѣта — восточный берегъ *Америки* [1]). Средства для экспедиціи Колумба были даны испанскимъ государствомъ, и Испанія извлекла самыя большія выгоды изъ этого великаго открытія.

Помимо золота, изъ Новаго Свѣта шли колоніальные товары, сахаръ, табакъ, чай, кофе, какао, индиго, хлопокъ, что поставило испанскую океанскую торговлю гораздо выше португальской, потому что морской путь въ Индію былъ небезопаснымъ и долгимъ.

Морскія предпріятія и открытія въ нѣсколько лѣтъ измѣнили положеніе государствъ Пиренейскаго полуострова. Изъ небольшихъ, бѣдныхъ государствъ Испанія и Португалія сдѣлались богатыми и сильными. Открытіе заокеаническихъ источниковъ драгоцѣннаго металла произвело и въ Европѣ *цѣлый переворотъ*. Въ ранній періодъ средневѣковья для удовлетворенія небольшихъ потребностей общества было совершенно достаточно того небольшого количества драгоцѣнныхъ металловъ, которое обращалось среди населенія, потому что можно было дешево купить самое необходимое. Но съ развитіемъ культуры начала увеличиваться потребность болѣе дорогихъ покупокъ, на что требовались деньги, которыхъ было мало, и которыя, слѣдовательно,

---

[1]) Смотри подробно „Народн. Энцикл.“ томъ VI, стр. 756.

были очень дороги. Съ открытіемъ же Америки и морского пути въ Индію надъ Европой прошелъ словно золотой дождь. Обиліе драгоцѣнныхъ металловъ въ торговомъ обиходѣ сдѣлало деньги дешевыми. Послѣдствія были самыя разнообразныя и многочисленныя. Теперь стали стремиться имѣть какъ можно больше денегъ. Торговля сдѣлалась самымъ прибыльнымъ занятіемъ, а такъ какъ самый главный источникъ прибыли находился въ Америкѣ, то началась какая-то предпринимательская горячка — цѣлыя тысячи устремились въ Новый Свѣтъ въ надеждѣ найти тамъ золотое дно (по испански - Эль-Дорадо), при чемъ въ числѣ жаждущихъ легкой и скорой наживы было много лицъ невысокаго нравственнаго качества, простыхъ авантюристовъ, даже преступниковъ.

Особенно эти перемѣны отразились на *Испаніи* и *Португаліи*, жители которыхъ бросали земледѣліе и устремлялись къ торговымъ предпріятіямъ; въ результатѣ земледѣліе падало все ниже и ниже, простой народъ бѣднѣлъ, промышленность разрушалась, потому что испанцы и португальцы, въ чаяніи легкаго обогащенія, мало вырабатывали сами и очень многое покупали у иностранцевъ. Благодаря этому, большая часть золота, вывозимаго изъ Новаго Свѣта, уходила за границу въ обмѣнъ на товары, иногда самые необходимые. Такимъ образомъ, обогащеніе испанцевъ было только кажущимся; въ дѣйствительности, отъ этого золотого потока болѣе всѣхъ выигрывали торгово-промышленные, преимущественно морскіе, центры *Германіи*, *Голландіи* и *Англіи*. Но и здѣсь, рядомъ съ усиленіемъ торговой дѣятельности, появились и отрицательныя явленія въ обществѣ. Вслѣдствіе обилія денегъ, цѣны на продукты неимовѣрно возрасли (въ Испаніи и Англіи въ 150 разъ, а во Франціи и Германіи въ 100 разъ). Дороговизна, несомнѣнно, сильно разоряла крестьянъ и вообще лицъ, жившихъ старыми источниками доходовъ, такъ какъ вздорожали, главнымъ образомъ, предметы первой необходимости, напр., хлѣбъ, мясо и проч., и ставило населеніе въ зависимость отъ лицъ, владѣющихъ капиталами.

Это особенно было замѣтно въ земельныхъ отношеніяхъ; возрасли цѣны на землю, а это было невыгодно для земледѣльцевъ. Повышеніе цѣнъ на продукты гибельно отразилось и на положеніи рабочаго класса, такъ какъ жизнь стала дороже, а трудъ оплачивался все такъ же, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ требовались лишнія руки.

Измѣненія въ хозяйственной жизни Европы были тѣсно сплетены съ *культурнымъ движеніемъ*, которое порывало съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ. Человѣкъ среднихъ вѣковъ не имѣлъ

своей воли, онъ долженъ былъ во всемъ слѣдовать мнѣнію духовенства, настоящаго руководителя всей жизни среднихъ вѣковъ. Даже чтеніе Св. Писанія мірянами не допускалось во избѣжаніе превратнаго его толкованія. Сложилась даже поговорка, что философія—служанка богословія, т.-е. всякое изслѣдованіе, изученіе, наука, которая тогда называлась общимъ именемъ философіи, должны служить только ученію церкви. Въ школахъ не было свободнаго преподаванія, при которомъ изучающій извѣстную науку самостоятельно приходитъ къ тому или другому выводу; тогда существовалъ высшій авторитетъ для всякаго знанія—Св. Писаніе, и всѣ научные выводы, несогласные съ нимъ, считались еретическими и авторовъ ихъ нерѣдко постигала жестокая судьба.

Съ конца XIV в. папство начинаетъ быстро клониться къ упадку, авторитетъ католической церкви и духовенства сильно понизился, и отношеніе къ нему народа измѣнилось. Это отразилось на литературныхъ произведеніяхъ писателей различныхъ странъ Европы. Такъ, у итальянца *Боккачіо* (который, между прочимъ, сталъ писать на народномъ итальянскомъ языкѣ, не по-латыни), мы встрѣчаемъ, помимо высмѣиванія предразсудковъ, ѣдкія насмѣшки надъ духовенствомъ. Многія произведенія Боккачіо говорятъ объ отношеніи къ женщинѣ и о любви, что очень характерно для общества того времени: это показываетъ, что старый, господствовавшій въ средніе вѣка взглядъ на женщинъ, какъ на источникъ грѣха, начинаетъ утрачиваться изъ сознанія лицъ той эпохи. Начинаетъ вообще измѣняться въ обществѣ взглядъ на человѣка и на его права. Человѣчество какъ бы пробуждается отъ долгаго сна. Въ средніе вѣка плоть считалась чѣмъ-то грѣховнымъ, ее старались изнурять, чтобы не отвлекать нашъ духъ отъ небесныхъ помысловъ, отсюда крайнее развитіе *аскетизма*, умерщвленія плоти, отшельничества; святые на иконахъ стали изображаться въ видѣ изможденныхъ аскетовъ. Теперь же человѣческое тѣло стало признаваться такимъ же созданіемъ Бога, какъ и душа и, слѣдовательно, на все, что связано съ тѣломъ, перестали смотрѣть, какъ на козни дьявола.

Особенно ярко подобное направленіе сказалось въ искусствѣ. Художники и скульпторы въ своихъ произведеніяхъ начинаютъ изображать человѣка такимъ, каковъ онъ есть въ природѣ, а для этого обращаютъ вниманіе на строеніе человѣческаго тѣла; художники изучаютъ анатомію даже на трупахъ, что полстолѣтія раньше считалось бы величайшимъ нечестіемъ. Такъ какъ лучшіе образцы скульптуры были у народовъ древ-

ности, грековъ и римлянъ, почитавшихъ красоту человѣческаго тѣла, то и великіе итальянскіе художники обращаются къ изученію этихъ образцовъ стариннаго искусства, что пробудило интересъ къ изученію древности вообще. Въ Италіи особенно выдвигаются великіе художники *Леонардо-да-Винчи*, *Микель Анджело*, *Рафаэль* и др. Всѣ они прежде всего стремятся въ изображаемыхъ ими лицахъ передать дѣйствительность, какъ она есть, изобразить настроеніе и внутреннее состояніе каждаго лица въ отдѣльности. Такъ, на всѣмъ извѣстной картинѣ, Леонардо-да-Винчи «Тайная Вечеря», изображающей моментъ, когда Христосъ говоритъ: «единый изъ васъ предастъ меня»,—на лицахъ учениковъ переданы всѣ оттѣнки впечатлѣнія, какое произвели на нихъ эти слова Спасителя. Въ картинахъ Рафаэля, особенно въ многочисленныхъ изображеніяхъ Мадонны (Богоматери), поражаетъ одухотворенная нѣжность и кротость выраженія лицъ, такъ непохожихъ на суровыя лица святыхъ средневѣковья. Стремленіе дать сильную, здоровую «натуру» особенно замѣтно въ скульптурѣ Микель-Анджело; который, напр., въ статуѣ «Моисей» изобразилъ человѣка съ развитыми, какъ у силача, мускулами, что, можетъ-быть, даже не совсѣмъ подходитъ къ образу ветхозавѣтнаго пророка.

Наравнѣ съ возрожденіемъ искусства шло *пробужденіе научной мысли*. Какъ мы видѣли, средніе вѣка не оставляли за человѣкомъ права свободно мыслить, независимо отъ какихъ бы то ни было требованій богословія. Теперь это неотъемлемое право личности было возвращено человѣку и, вмѣсто прежнихъ наукъ «божескихъ», служившихъ единственно для богословскихъ цѣлей, начинаютъ распространяться науки «человѣческія» (по-латыни—humana, по-русски произносится «гумана»—отсюда и все научно-литературное теченіе называется *гуманизмомъ*).

Въ гуманизмѣ человѣческая личность была поставлена въ центрѣ вселенной; это особенно ярко сказалось въ словахъ одного гуманиста Пико делла-Мирандола: «о, дивное и возвышенное назначеніе человѣка, которому дано достигнуть того, къ чему онъ стремится, и быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ», но только разумъ можетъ сдѣлать человѣка «небеснымъ существомъ». Свободная отъ всѣхъ стѣсненій и преградъ наука быстро шагнула впередъ. Въ числѣ гуманистовъ мы встрѣчаемъ людей всѣхъ сословій и положеній, потому что наука доступна каждому разумному человѣку. Гуманисты подвергали рѣзкой критикѣ многое, что ранѣе безспорно принималось на вѣру, вслѣдствіе чего въ наукѣ развились *критическіе пріемы*, имѣющіе громадное значеніе. Такъ, напр., одинъ изъ гуманистовъ, *Лоренцо Валла*, пу-

темъ разбора средневѣковаго документа о «Дарѣ Константина», разрушилъ преданіе о томъ, будто Константинъ Великій подарилъ римскому епископу римскую область въ вѣчное владѣніе; это отняло у папы возможность ссылаться на эту грамоту въ подтвержденіе независимости папскихъ владѣній отъ средневѣковыхъ государей.

Такъ же, какъ и въ искусствѣ, гуманисты-ученые многое *заимствовали изъ древности*. Большое вниманіе обращается на литературу грековъ и римлянъ, сочиненія древнихъ писателей, Цицерона, Вергилія, Горація, Платона, Аристотеля старательно отыскиваются и служатъ предметомъ тщательнаго изученія. Людей, говорящихъ на плохомъ латинскомъ языкѣ, поражаетъ и восхищаетъ превосходный языкъ римскихъ авторовъ, и становится особеннымъ достоинствомъ хотя нѣсколько приблизиться къ языку этихъ древнихъ образцовъ. Вмѣстѣ съ изученіемъ древности, принимаются многіе взгляды и привычки античной жизни. Новое теченіе глубоко распространилось на родинѣ гуманизма Италіи; писатели, художники, ученые наперерывъ приглашались ко дворамъ государей, имъ покровительствовали богатые люди, было въ модѣ быть въ дружбѣ съ какимъ-либо гуманистомъ. Нѣкоторые папы были горячими приверженцами новаго направленія, иногда папскій дворъ становился центромъ гуманистической образованности. Особенно папа *Юлій II* отличался широкимъ гостепріимствомъ для гуманистовъ. Самъ тонкій знатокъ древности, онъ окружаетъ себя поэтами, художниками, при его дворѣ часто устраиваются литературныя чтенія, Римъ начинаетъ украшаться постройками новаго стиля, при чемъ стѣны разрисовываются (фрески) знаменитыми мастерами. Надо замѣтить, что при ослабленіи религіознаго чувства того времени, страстное увлеченіе древностью часто переходило всѣ границы и становилось языческимъ. Доходило до того, что Христа и святыхъ стали называть именами языческихъ боговъ, произносились рѣчи, даже передъ папою, въ которыхъ крестную смерть Христа сравнивали съ кончиною Сократа, съ подвигами героевъ древности, а иногда и просто говорили: «Св. Сократъ, молись за насъ».

Въ другихъ странахъ, особенно въ *Германіи*, гуманизмъ, напротивъ, способствовалъ въ значительной степени пробужденію религіознаго сознанія. Въ странахъ, удаленныхъ отъ папскаго двора съ его распущенностью, религіозное чувство было еще очень сильно, и мысль о злоупотребленіяхъ въ католической церкви, бродившая уже давно въ умахъ благочестивыхъ людей XV в., подъ вліяніемъ свободной науки приняла наиболѣе яркія

формы. Въ Италіи, странѣ, наиболѣе равнодушно относившейся къ церковнымъ дѣламъ, гуманистическое настроеніе сказалось преимущественно въ развитіи искусства, тогда какъ въ Германіи были затронуты и церковныя дѣла, и вопросы о государственномъ устройствѣ Германіи, и положеніи нѣмецкаго народа. Изъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ гуманистовъ необходимо указать на *Эразма Роттердамскаго*, человѣка громадныхъ знаній и способностей. Эразмъ былъ хорошій знатокъ древнихъ языковъ и вполнѣ раздѣлялъ съ гуманистами поклоненіе древности. Но онъ былъ не только тонкій и свѣдущій ученый, но и сатирикъ, бичевавшій въ своихъ произведеніяхъ пороки общества. Въ сатирѣ «*Похвала глупости*», разсказъ ведется отъ имени глупости, которая говоритъ о своихъ заслугахъ передъ міромъ: вѣдь безъ ея помощи не было бы ни одного изъ тѣхъ самообмановъ, благодаря которымъ люди успокаиваютъ свою совѣсть; она помогаетъ людямъ морочить другъ друга, и особенно въ этой сатирѣ, достается католическому духовенству, монахамъ и прелатамъ, обязаннымъ людской глупости своимъ богатствомъ и сытою жизнью.

Вліяніе сочиненій Эразма и другихъ гуманистовъ на общество было очень велико. Общество начинаетъ интересоваться религіозными вопросами и принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ разрѣшеніи, не боясь инквизиціи. Образуется своего рода общественное мнѣніе, къ которому прислушивается даже папа. Это сказалось, между прочимъ, въ одномъ спорѣ между сторонниками стараго и новаго направленія. Доминиканцы, инквизиторы Кельна, пытались выхлопотать у императора Максимиліана указъ о сожженіи еврейскихъ книгъ. Императоръ, сочувствовавшій гуманистамъ, обратился за совѣтомъ къ знатоку еврейской литературы *Рейхлину*, который отвергъ всякій вредъ еврейскихъ книгъ. Разгорѣлась страстная борьба мнѣній. Инквизиторы пустили въ ходъ все свое вліяніе и обратились къ папѣ. Со своей стороны, гуманисты старались воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Съ этой цѣлью были изданы такъ называемыя «*Письма темныхъ людей*», въ которыхъ были собраны письма, якобы писанныя людьми стараго направленія другъ къ другу. Написанныя очень плохой латынью, письма эти обнаруживаютъ глубокое невѣжество мнимыхъ корреспондентовъ, и насмѣшка, проведенная авторами писемъ, была настолько тонка, что многіе «темные люди» приняли ихъ за чистую монету, тѣмъ болѣе, конечно, было ихъ разочарованіе. Дѣло кончилось отмѣной постановленія о сожженіи еврейскихъ книгъ, слѣдовательно, общество и свобода мысли побѣдили отжившія идеи людей стараго вре-

мени. Подъ вліяніемъ гуманистическихъ направленій, въ Германіи вскорѣ поднимается наболѣвшій вопросъ о церковной реформѣ и рейхлиновское дѣло показало, что онъ найдетъ въ обществѣ крѣпкую опору и защиту.

Намъ остается дополнить обзоръ этого времени краткимъ изложеніемъ *научныхъ открытій*, которыя явились результатомъ свободнаго научнаго изслѣдованія. Большой переворотъ во взглядѣ на природу произвелъ польскій ученый *Коперникъ* († 1543). До него господствовала мысль, что въ центрѣ вселенной находится земля, вокругъ которой движутся другія планеты. Коперникъ доказалъ, что такимъ центромъ является солнце, и что сама земля—планета и движется вокругъ солнца. *Кеплеръ* († 1630) установилъ точные законы движенія вокругъ солнца, а итальянецъ *Галилей* († 1642), построившій, одновременно съ однимъ голландцемъ, телескопъ, подтвердилъ теорію Коперника своими наблюденіями звѣзднаго пространства, сдѣлавшагося болѣе доступнымъ, благодаря употребленію зрительной трубы. Самые способы (методы) научныхъ изслѣдованій стали измѣняться. Англичанинъ *Бэконъ* († 1625) доказывалъ, что для правильнаго мышленія нужно руководствоваться только собственнымъ опытомъ, не придерживаясь какихъ бы то ни было авторитетовъ и предразсудковъ. Самымъ правильнымъ методомъ Бэконъ считалъ изученіе отдѣльныхъ явленій, насколько возможно, въ большемъ объемѣ, и затѣмъ выведеніе изъ этихъ наблюденій общаго заключенія. Французъ *Декартъ* († 1650) излагалъ свое ученіе очень оригинальнымъ способомъ. Онъ говорилъ, что сомнѣвается во всемъ, даже въ существованіи самого себя; несомнѣнно только одно сомнѣніе. Но, разъ я сомнѣваюсь, слѣдовательно, мыслю, а разъ мыслю—значитъ существую. Такимъ образомъ, Декартъ приходитъ къ утвержденію существованія многихъ явленій и вещей.

Въ XIV в. монахъ-францисканецъ *Бертольдъ Шварцъ* случайно изобрѣлъ порохъ, и это изобрѣтеніе имѣло неисчислимыя послѣдствія. Вскорѣ порохъ былъ примѣненъ въ военномъ дѣлѣ. Огнестрѣльное оружіе выдвинуло артиллерію и понизило значеніе кавалеріи; пушки совершенно уничтожили значеніе толстыхъ стѣнъ замковъ. Все это повліяло на положеніе рыцарей, до тѣхъ поръ неприступныхъ въ своихъ замкахъ, и, слѣдовательно, внесло измѣненіе въ общественныя отношенія.

Но эти результаты свободной науки давались ученымъ нерѣдко дорогою цѣною. Эпоха Возрожденія, какъ называютъ это время, знаменуетъ собою только начало новой жизни, но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ его идеалы получили безпрепятственное

распространеніе въ массѣ. Церковь, нетерпимая къ чужимъ мнѣніямъ, всѣми силами боролась за свое положеніе, невѣжественно опасаясь, что религію можетъ разрушить какая бы то ни была наука. Она зажигала костры инквизиціи, пытаясь, во славу Божію, сжечь самыя идеи. Галилей, на старости лѣтъ, былъ привлеченъ къ суду инквизиціи, и, истомленный тюрьмою, долженъ былъ отречься отъ своего ученія. Джордано Бруно, итальянецъ, одинъ изъ пылкихъ послѣдователей Коперника, былъ сожженъ, и только смерть помѣшала самому Копернику перенести ужасъ церковнаго преслѣдованія. Памятниковъ живучести и силы человѣческаго духа можно было бы привести множество. Они намъ говорятъ, что безкорыстное стремленіе къ истинѣ всегда будетъ одерживать верхъ надъ невѣжествомъ и грубой силой, и хотя многія идеи этого замѣчательнаго вѣка еще не осуществились и въ наше время, но ихъ успѣхъ и побѣды на протяженіи исторіи новаго времени глубоко заставляютъ вѣрить въ грядущіе свѣтлые дни человѣчества.

16. Расколъ католической церкви въ XVI в.

(Реформація).

Съ начала XVI в. по всей Европѣ прошло широкой волной преобразовательное, или реформаціонное, движеніе въ церковной жизни. Оно заключалось въ томъ, что прежнія религіозныя формы католичества, которыя сложились въ средніе вѣка, были признаны ложными, явилась потребность измѣнить эти формы, а, вмѣстѣ съ нею, и смѣлость пересмотрѣть самые догматы (основанія) католичества. Люди, ставшіе во главѣ этого движенія, бросили вызовъ кореннымъ устоямъ средневѣкового папства, открыто вступили съ нимъ въ борьбу. Для католицизма это не было новостью, потому что въ религіозныхъ исканіяхъ человѣческій умъ не терпитъ никакихъ преградъ, и мы знаемъ много примѣровъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ, когда люди твердо выступали противъ ученія господствующей церкви, но, за рѣдкимъ исключеніемъ, они погибали или въ темницахъ или на кострахъ. Чешскій богословъ *Янъ Гусъ* былъ сожженъ по приговору Констанцскаго собора въ 1415 г. за то, что высказался противъ образа жизни духовенства того времени, еще раньше *Виклифъ* въ Англіи съ неменьшей смѣлостью обличалъ злоупотребленія папства, а чрезъ 80 лѣтъ послѣ гибели Гуса еще разъ возвысилъ голосъ итальянскій монахъ *Савонарола*, клеймя пороки духовенства, и раздѣлилъ печальную судьбу чешскаго пропо-

вѣдника. Спрашивается: какіе недостатки папской церкви вызвали эти обличенія и привели въ концѣ-концовъ къ церковному преобразованію, т.-е. реформаціи?

Къ концу среднихъ вѣковъ, папская власть дошла до крайней степени своего развитія. «Рабъ рабовъ Божіихъ», какъ называлъ себя Григорій Великій, мало-по-малу обратился въ намѣстника Христа, а угодливые сторонники папы, доходили до того въ возвеличеніи папскаго сана, что папу приравнивали къ самому Богу. Одинъ ученый монахъ конца XIV в. писалъ, что у папы на землѣ двойная власть—духовная и свѣтская, что на папу некому жаловаться, что онъ не простой человѣкъ, но Богъ, и, слѣдовательно, ему и нужно поклоняться, какъ Богу. А между тѣмъ образъ жизни папъ этого времени далеко не соотвѣтствовалъ ихъ высокому сану. Они жили, какъ помѣщики въ своихъ имѣніяхъ, проводя время въ пирахъ и на охотѣ, заботились о своихъ доходахъ и въ этомъ отношеніи походили болѣе на купцовъ, чѣмъ на безкорыстныхъ служителей Бога. Духовенство подражало папѣ, и даже монахи немногимъ отличались въ образѣ жизни отъ папскаго двора. Несмотря на это, духовенство ревниво охраняло свои исключительныя права на знаніе божественныхъ тайнъ. На соборѣ, который осудилъ Гуса, было подтверждено, что «мірянамъ не подобаетъ разсуждать и обучать публично», даже чтеніе св. Писанія имъ было запрещено, даже въ таинствѣ причащенія дѣлались различія между священниками и мірянами, которые могли причащаться только подъ однимъ видомъ (тѣла Христова). Папа съ духовенствомъ какъ бы стояли между Богомъ и мірянами, вторгаясь въ самыя тайныя, сокровенныя побужденія человѣка—религіозныя.

Но такія непомѣрныя притязанія католической церкви, уже къ концу XV в. стали встрѣчать противодѣйствіе, особенно благодаря испорченности духовенства. Понемногу въ сознаніе людей проникло убѣжденіе, что одно Св. Писаніе есть источникъ откровенія и не нужно особой благодати, чтобы его понимать; оно доступно всякому, кто серьезно принимается за его чтеніе, всякому вѣрующему въ его божественное происхожденіе. На это указывалъ еще Янъ Гусъ, но особенно развилъ это ученіе въ началѣ XVI в. нѣмецкій богословъ, монахъ *Мартинъ Лютеръ*.

Лютеръ былъ сынъ крестьянина и въ молодости получилъ суровое воспитаніе; въ дѣтствѣ мало видя къ себѣ участія и ласки, онъ часто уединялся, размышляя и углубляясь въ себя. Натура замкнутая и сосредоточенная, Лютеръ рано сталъ задумываться о своей душѣ, о религіи, о Богѣ; часто ему казалось, что онъ безконечно грѣшенъ, онъ постился, не спалъ по ночамъ и долго

и мучительно молился. Изреченіе: «Правосудіе есть гнѣвъ Божій» заставляло его думать о Богѣ-мстителѣ, страшномъ Богѣ, котораго даже трудно было полюбить. Лютеръ принялся за чтеніе Св. Писанія и пришелъ къ выводу, что только вѣрою можетъ человѣкъ спастись и внутренне соединиться съ Богомъ. Однихъ добрыхъ дѣлъ недостаточно для спасенія, потому что добрыя дѣла можетъ дѣлать и невѣрующій человѣкъ. Это не значитъ, что добрыхъ дѣлъ не нужно, но они сами будутъ результатомъ настроенія вѣрующаго человѣка.

Такой взглядъ Лютера на вѣру будетъ понятенъ, если мы вспомнимъ, что большинство людей того времени смотрѣло на добрыя дѣла, какъ на средства искупленія тяжкихъ проступковъ. Впослѣдствіи даже подъ добрыми дѣлами стали подразумѣвать просто денежные вклады, которыми, въ концѣ-концовъ, можно было замѣнить покаяніе, купивъ *индульгенцію* — грамоту, отпускающую грѣхи. Было даже придумано оправданіе этого обычая: заслуги Христа и святыхъ, составляютъ неизмѣримую сокровищницу благодати, изъ которой папы имѣютъ власть черпать и раздавать, сколько угодно. Продавцовъ этихъ индульгенцій, противъ которыхъ возставалъ еще Янъ Гусъ, въ Германіи было довольно много, потому что это былъ одинъ изъ видовъ папскихъ поборовъ, и нѣмцы, по словамъ Лютера, «неослабно сыпали денежки въ ихъ бездонный кошель».

Одинъ изъ такихъ продавцовъ, монахъ *Тецель*, появился въ 1517 г. недалеко отъ Виттенберга (въ Саксоніи), гдѣ Лютеръ былъ въ то время проповѣдникомъ и профессоромъ богословія. Лютеръ, который до боли сознавалъ свою грѣховность и училъ, что искупить ее можно только страданіемъ и вѣрой, не могъ не возмутиться подобной продажей, простымъ выкупомъ грѣховъ. Онъ составилъ возраженіе противъ примѣненія индульгенцій, гдѣ высказалъ свое ученіе о покаяніи, и *95 положеній* своего возраженія прибилъ къ дверямъ виттенбергской церкви: этимъ онъ, по обычаю того времени, вызывалъ Тецеля на ученый диспутъ (споръ). Дѣло получило широкую огласку и дошло до папы, который послалъ къ Лютеру ученыхъ богослововъ выяснить, къ чему онъ стремится и насколько онъ опасенъ. Въ этихъ ученыхъ диспутахъ Лютеръ, защищая свое ученіе, долженъ былъ до конца его развить, и тогда онъ увидѣлъ, что, самъ того не замѣчая, сталъ горячимъ противникомъ папы. Особенно это ярко сказалось на *диспутѣ въ Лейпцигѣ* съ ученымъ *Эккомъ*. Послѣдній, послѣ многихъ споровъ, заговорилъ о Гусѣ, котораго въ Германіи ненавидѣли, предоставляя высказать Лютеру мнѣніе и о немъ, и о томъ соборѣ, который его

осудилъ. На это Лютеръ отвѣтилъ, что многое въ ученіи Гуса—истина, и что соборъ не чуждъ грѣха. «Въ такомъ случаѣ, досточтимый отецъ,—отвѣтилъ Эккъ,—вы для меня язычникъ и мытарь». Такъ произошелъ разрывъ между Лютеромъ и католической церковью. Папа проклялъ Лютера, а Лютеръ въ одномъ посланіи назвалъ папу антихристомъ. Но на этомъ дѣло кончиться не могло, потому что Лютеръ не стоялъ одиноко; къ его мечтамъ о церковной реформѣ, которую онъ задумалъ, примкнула часть нѣмецкаго общества, давно помышлявшая втайнѣ о томъ, что такъ открыто и смѣло высказалъ виттенбергскій проповѣдникъ. Въ Виттенбергѣ студенты и профессора сожгли буллу (папское посланіе), подвергавшую Лютера отлученію.

Нѣмецкій народъ смотрѣлъ теперь на Лютера, какъ на своего вождя, необычайное волненіе господствовало во всей странѣ. Сочувствіе народа ободряло Лютера. Онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ уже безповоротно разрывалъ съ католичествомъ, отвергалъ священство и требовалъ свободы совѣсти, такъ какъ «ни папа, ни какой бы то ни было человѣкъ не имѣютъ права установить хоть единую букву надъ христіаниномъ»; новаго германскаго императора *Карла* I онъ призывалъ исправить церковь, созвать церковный соборъ и тѣмъ разрушить «соломенныя и бумажныя стѣны папства». Но надежды Лютера и всей Германіи на императора не оправдались.

Въ 1521 году Карлъ V, впервые пріѣхалъ въ Германію и на *сеймѣ* (княжескомъ съѣздѣ) *въ Вормсѣ* пожелалъ выслушать самого Лютера. Подъ защитой охранной грамоты Лютеръ явился на блестящій съѣздъ представителей германской знати и съ нѣкоторымъ смущеніемъ изложилъ свое ученіе. Императоръ потребовалъ отъ Лютера отреченія отъ его заблужденій, но Лютеръ, овладѣвъ собой, отвѣтилъ отказомъ и своими словами произвелъ на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе. «Вотъ на чемъ я стою и не могу ни думать, ни вѣрить иначе, Богъ придетъ мнѣ на помощь!» воскликнулъ онъ въ концѣ своей отвѣтной рѣчи (рис. 9). Ему позволили покинуть Вормсъ, но вскорѣ появился императорскій указъ, которымъ Лютеръ осуждался, какъ преступникъ, а его сочиненія предписывалось сжечь. Но положеніе дѣлъ въ Германіи было теперь не то, что сто лѣтъ назадъ, когда Янъ Гусъ погибъ, осужденный констанцскимъ соборомъ. У Лютера нашлись сильные покровители. Герцогъ саксонскій Фридрихъ Мудрый, опасаясь за судьбу своего любимаго проповѣдника, укрылъ его въ своемъ замкѣ въ *Вартбургѣ*. Здѣсь прожилъ Лютеръ подъ чужимъ именемъ цѣлый годъ, занимаясь переводомъ латинской Библіи на нѣмецкій языкъ.

9. Лютеръ на Вормсскомъ сеймѣ.

Этотъ переводъ, великое дѣло Лютера, былъ не скоро оконченъ, но въ народѣ уже ходили многіе переводы Св. Писанія; они имѣли большое распространеніе, потому что сильна была въ народѣ потребность непосредственнаго обращенія къ источнику вѣры. Свободное толкованіе Св. Писанія въ тѣхъ областяхъ Германіи, гдѣ особенно сильно проявилась ненависть противъ католицизма, въ то же время способствовало появленію людей, отрицавшихъ значеніе таинствъ и богослуженія (обѣдни и т. д.), поклоненія иконамъ, монашества,—словомъ, всего того, на что не имѣлось прямого указанія въ Св. Писаніи. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, напр., въ Виттенбергѣ, стали изгонять священниковъ, уничтожали въ церквахъ свѣчи и иконы, считая ихъ предметами идолопоклонства. Обычное богослуженіе было отмѣнено: вмѣсто него, были введены простыя собранія вѣрующихъ, гдѣ читалось Св. Писаніе, пѣлись псалмы, говорились проповѣди. Многіе монастыри закрывались, обитатели ихъ бросали свои обѣты и возвращались въ міръ, а монастырскія имущества отбирались свѣтскою властью. Многіе доходили до того, что отрицали крещеніе въ раннемъ возрастѣ, троичность Божества и даже божественность Христа. Желаніе слѣдовать Св. Писанію касалось не только религіозной области, но и общественныхъ отношеній. Многимъ хотѣлось жить такъ, какъ жили первые христіане, среди которыхъ всѣ были равны, было общее имущество и общіе доходы. Подъ вліяніемъ этихъ идей простые люди, жители городовъ, селъ, рыцарскихъ замковъ стали волноваться: слишкомъ далека была ихъ подневольная жизнь отъ евангельскихъ требованій простоты и святости—поэтому къ протесту противъ владычества папы присоединился протестъ противъ помѣщичьяго гнета, бороться съ которымъ стало для нѣмца такимъ же святымъ дѣломъ, какъ защита своей религіозной совѣсти.

Въ убѣжище Лютера доходили слухи объ этихъ броженіяхъ въ народѣ, но онъ и самъ не зналъ, какъ отнестись къ нимъ. Со многими онъ былъ глубоко согласенъ: и онъ отвергалъ всѣ таинства, кромѣ крещенія и причащенія, и онъ отрицалъ монашество (даже вскорѣ самъ женился) и требовалъ наибольшей простоты въ богослуженіи, потому что на все это нѣтъ прямыхъ указаній въ Св. Писаніи, но онъ боялся увлеченій и народныхъ волненій, которыя, по его мнѣнію, могли ослабить страну и дать врагамъ религіозныхъ преобразованій удобный поводъ подавить реформацію въ самомъ началѣ. Лютеръ боялся поручить дѣло религіознаго строительства простому народу и желалъ, чтобы сильные люди взяли его въ свои руки. Поэтому онъ въ

началѣ разрыва съ римскою церковью обратился къ императору и нѣмецкому дворянству съ убѣжденіемъ взять на себя починъ въ исправленіи католической церкви. Мы видѣли, что императоръ отвергъ это предложеніе Лютера, но зато поднялась часть дворянства, или рыцарства.

Это *рыцарское возстаніе* было не только откликомъ на призывъ Лютера. Къ началу XVI в. масса мелкихъ владѣльцевъ потеряла свое прежнее независимое положеніе. Большинство ихъ разорилось вслѣдствіе неумѣлаго хозяйства и попало въ зависимость отъ крупныхъ магнатовъ, князей или отъ императора. Эта зависимость была непріятна большинству рыцарей, которые вели безпокойный образъ жизни, часто воевали съ князьями, иногда же просто грабили горожанъ. Лишь очень немногіе изъ рыцарей видѣли въ возстаніи высокія цѣли, общія всѣмъ сословіямъ Германіи: такимъ, напр., былъ бродячій рыцарь-гуманистъ *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ*. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ ополчается на «разбойниковъ» Германіи—банкировъ, высасывающихъ нѣмецкія деньги, и духовенство.

Рыцарское движеніе было подавлено крупными князьями. Причина этого была, помимо превосходства княжескаго ополченія надъ рыцарскимъ, еще въ обособленности дворянъ отъ народа. Отношенія ихъ къ низшимъ классамъ населенія были плохія; мелкіе дворяне мало работали, но жили весело, промышляя легкимъ трудомъ, а иногда и разбоемъ. Вотъ почему низшіе классы не только не поддержали рыцарей, но явно шли противъ нихъ.

Крестьяне вообще не дѣлали различія между мелкими и крупными помѣщиками: у тѣхъ и другихъ имъ жилось очень плохо. Въ XVI в. увеличились господскіе оброки и поборы. Произошло это отъ того, что послѣ открытія Новаго Свѣта (1492 г.) въ Европѣ появилось много драгоцѣнныхъ металловъ, шедшихъ изъ Америки, благодаря чему подешевѣли деньги и, что одно и то же, вздорожали на рынкѣ продукты и товары. Жизнь стала дороже. Помѣщикамъ не хватало уже прежнихъ доходовъ и они увеличили оброки, и безъ того уже тяжелые въ крѣпостную эпоху. На помѣщика трудно было найти управу, судьи рѣшали дѣла пристрастно, а имперскій высшій судъ даже совсѣмъ не принималъ жалобъ отъ крестьянъ. На мѣстныхъ земскихъ собраніяхъ (ландтагахъ) крестьяне не имѣли представителей, и поэтому крестьянъ защищать было некому. Къ этому прибавилось еще новое зло. У крестьянъ отъ прежнихъ временъ сохранился порядокъ общиннаго землевладѣнія, а помѣщики, оттягивая у крестьянъ земли, тѣмъ самымъ разрушали общину.

Большими помощниками въ этомъ дѣлѣ явились юристы, которые поддерживали притязанія помѣщиковъ на основаніи толкованія законовъ римской имперіи (римскаго права). Въ XV вѣкѣ особенно сильно распространилось въ Германіи это *римское право*. Его поддерживали императоры въ борьбѣ съ феодалами, опираясь на то, что древніе римскіе императоры были никѣмъ не ограничены въ своей власти. Эти же юристы говорили, что общиннаго владѣнія не должно существовать, потому что его не знали въ древнемъ Римѣ, и, слѣдовательно, крестьянскія земли, по мнѣнію юристовъ, нѣкогда принадлежали помѣщикамъ. Отсюда развилась ненависть къ крючкотворамъ адвокатамъ. Горожане тоже не были друзьями крестьянъ, такъ какъ занимать деньги приходилось въ городѣ, а проценты были очень велики. «Ростовщики скребутъ и дерутъ съ насъ кожу, писалъ Лютеръ, всякій кто владѣетъ сотнею гульденовъ можетъ ежегодно сожрать одного мужика безъ всякаго риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочнымъ пирогомъ». Отъ постоянныхъ поборовъ, крестьяне бѣжали изъ деревень, и вокругъ замковъ стали появляться бродячія шайки недовольнаго люда,

Еще за нѣсколько времени до Лютера начались среди крестьянъ толки о переворотѣ, который принесетъ простымъ людямъ счастье. Не видя улучшенія своего положенія, крестьяне возстали въ 1525 году. Эта *крестьянская война* охватила большую часть Германіи. Крестьяне изложили свои требованія въ *двѣнадцати статьяхъ*, гдѣ указывалось, что, согласно Евангелію, всѣ люди свободны; не должно быть барщины, тѣмъ болѣе, тяжелой; должны быть возвращены отнятыя у крестьянъ земли, установлена одна монета для всей страны, уничтожены пошлины при переѣздѣ изъ одной мѣстности въ другую, установлена цѣлая сѣть безкорыстныхъ судовъ; каждая община имѣетъ право выбирать изъ своей среды священниковъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи требованія были шире: въ Тиролѣ крестьянскіе манифесты говорили, чтобы не было ни замковъ, ни городовъ, ни частнаго имущества, управленіе должно быть въ рукахъ народа. Подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, въ Тюрингіи появился нѣкто *Ѳома Мюнцеръ*, человѣкъ вдохновенно настроенный, говорившій о наступленіи царства Божьяго на землѣ и призывавшій народъ къ суровому покаянію и очищенію для встрѣчи этого царства, и такихъ «пророковъ» въ то время въ Германіи появлялось много. Возстаніе приняло грозные размѣры; крестьяне жгли замки и жестоко расправлялись со своими противниками. Но при всемъ своемъ ожесточеніи крестьяне не имѣли ни хорошаго вооруженія,

ни военной опытности, чтобы устоять противъ сплотившихся господъ. Возстаніе напугало не только помѣщиковъ. Самъ Лютеръ, сочувствовавшій въ общемъ экономическимъ требованіямъ крестьянъ, въ крайностяхъ этого движенія, въ религіозныхъ заблужденіяхъ «пророковъ» увидѣлъ опасность для своего дѣла—церковнаго преобразованія; поэтому онъ выступилъ съ рѣзкимъ осужденіемъ возставшихъ и призывалъ рыцарей къ самымъ крутымъ расправамъ надъ крестьянами. Нестройныя ополченія крестьянъ были разсѣяны и надъ возставшими была учинена жестокая расправа. Послѣ неудавшагося мятежа положеніе крестьянъ нисколько не улучшилось, но зато религіозныя требованія, выдвинутыя во время этого ихъ движенія, ясно показали, насколько далеко большинство населенія Германіи отъ римско-католической вѣры.

Реформація пустила прочные корни. Она распространилась не въ одной Германіи. Въ сосѣдней *Швейцаріи* идеи гуманизма подготовили почву для открытаго протеста противъ католичества. Почти одновременно съ Лютеромъ, въ Цюрихѣ появился реформаторъ *Цвингли*, похожій въ главныхъ чертахъ своего ученія на Лютера. Цвингли, какъ и Лютеръ, стремился къ упрощенію церковныхъ обрядовъ, сокращенію таинствъ, но Цвингли расходился съ Лютеромъ въ пониманіи таинства причащенія, въ которомъ, по словамъ Цвингли, мы только вспоминаемъ о Тайной Вечери. Вслѣдствіе этого разногласія, между Лютеромъ и Цвингли не произошло объединенія.

На толкованіе Св. Писанія Цвингли смотрѣлъ болѣе строго, чѣмъ Лютеръ, потому что отвергалъ не только то, что противорѣчитъ Св. Писанію, но и то, чего нельзя доказать Писаніемъ. Было и еще различіе между этими реформаторами. Цвингли былъ горячимъ патріотомъ, онъ мечталъ посредствомъ религіи объединить разрозненные округа (кантоны) маленькой горной Швейцаріи и даже самъ погибъ въ поднятой имъ борьбѣ съ враждебными кантонами. Лютеръ же отдѣлялъ дѣло религіи отъ всякой политики.

Но Лютеру мало благопріятствовали обстоятельства. Императоръ остался противникомъ его реформы, крестьяне и дворяне размѣняли свои силы, многіе были враждебны къ самому реформатору, а между тѣмъ религіозныя волненія продолжались. Вся Германія раздѣлилась на два ожесточенныхъ лагеря—одни стояли за католичество, другіе—за реформацію. Начались съѣзды той и другой партіи. Императоръ, долгое время занятый на западѣ войной съ Франціей, выступилъ, наконецъ, съ рѣшительною цѣлью подавить ненавистную ересь, но его продолжитель-

ное отсутствіе изъ Германіи сильно уменьшило его вліяніе въ странѣ и дало возможность сторонникамъ реформаціи объединиться.

Крупные владѣльцы-князья, вышедшіе побѣдителями изъ междоусобныхъ войнъ, взяли Лютерово дѣло въ свои руки и стали на защиту реформаціи. Къ тому же она была имъ очень выгодна, они конфисковали духовныя владѣнія, находящіяся въ ихъ земляхъ и присоединяли ихъ къ себѣ (*секуляризація*). Но такъ какъ императоръ не уступалъ, а требовалъ уничтоженія ереси, то князьямъ пришлось соединиться для вооруженной защиты своихъ религіозныхъ и политическихъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь сказывалась старая вражда князей къ императору. Между прочимъ, на сеймѣ въ *Шпейерѣ*, когда было подтверждено постановленіе Вормскаго сейма, враждебнаго къ лютеранамъ, при чемъ запрещалось секуляризировать духовныя земли, часть князей, сторонниковъ реформаціи, отдѣлилась и выступила съ протестомъ противъ постановленій сейма: отсюда названіе *протестанты* стали прилагать ко всѣмъ отпавшимъ отъ католичества.

Протестантамъ было очень важно, чтобы ихъ религію не считали ересью, заблужденіемъ и, идя навстрѣчу императору, желавшему ознакомиться съ сущностью протестантизма, они подали Карлу V въ Аугсбургѣ письменное изложеніе своей вѣры, составленное *Меланхтономъ*, и получившее названіе *Аугсбургскаго исповѣданія*. На Аугсбургскомъ сеймѣ императору не удалось отвлечь силы протестантовъ предложеніемъ созыва вселенскаго собора для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ, и стало ясно, что междоусобной войны не избѣжать.

Война началась вскорѣ послѣ созыва собора въ Тридентѣ, на который протестанты отказались ѣхать. Война шла съ перемѣннымъ успѣхомъ и, наконецъ, въ 1555 г. утомленные стороны заключили въ Аугсбургѣ миръ, по которому установлялось, что подданный долженъ исповѣдывать религію своего государя. Такимъ образомъ, *Аугсбургскій миръ* далъ нѣкоторую свободу совѣсти, но съ большимъ ограниченіемъ—сдѣлалъ исповѣданіе зависимымъ отъ свѣтскихъ князей, которые послѣ подавленія внутреннихъ возстаній еще болѣе усилились и сдѣлались самостоятельными. Такимъ образомъ, Германія стала еще дальше отъ объединенія, чѣмъ была до реформаціи, и не сбылась мечта многихъ патріотовъ, въ родѣ Ульриха фонъ-Гуттена, сдѣлать Германію единой.

До сихъ поръ реформаціонная проповѣдь ограничивалась только лицами, отпавшими отъ католичества, ея проповѣдники

не заходили дальше своей среды. Но въ серединѣ XVI столѣтія въ швейцарскомъ городѣ *Женевѣ*, стоящемъ на перепутьи изъ Италіи въ среднюю Европу и потому имѣющимъ разноплеменное населеніе, появился новый реформаторъ *Кальвинъ*, французъ по происхожденію, мало похожій на предшествующихъ. Кальвинъ развилъ до крайности ученіе Лютера объ оправданіи вѣрою; по его мнѣнію, люди отъ вѣчности предопредѣлены Богомъ одни къ блаженству, другіе къ гибели, но такъ какъ люди не знаютъ о своей судьбѣ, то поэтому всѣмъ нужно жить согласно волѣ Божіей, чтобы быть готовыми къ принятію его Царства. Богъ, въ ученіи Кальвина, является не милосерднымъ, но грознымъ и мстительнымъ. «Богъ не щадитъ цѣлые народы», говоритъ онъ, поэтому не нужно быть милосерднымъ въ наказаніи, можно пустить въ дѣло даже мечъ. Обладая желѣзной волей и непреклоннымъ характеромъ, Кальвинъ устроилъ въ Женевѣ управленіе по ветхозавѣтному образцу. Въ городѣ были отмѣнены увеселенія, жизнь подпала подъ надзоръ особаго учрежденія старѣйшинъ и поставлена была въ опредѣленныя рамки; за малѣйшія преступленія налагались строгія казни. Кальвинъ считалъ католичество ересью, поэтому старался объ ея искорененіи всяческими мѣрами; имъ была устроена въ Женевѣ академія, которая готовила протестантскихъ проповѣдниковъ-борцовъ. Такимъ образомъ, протестантская церковь со времени Кальвина перестала быть обороняющейся и сама перешла въ наступленіе; съ того времени и начинается усиленное распространеніе идей протестантизма далеко за предѣлами его родины [1]).

Кальвинисты появились во Франціи (гдѣ стали называться *гугенотами*), въ Англіи (подъ названіемъ *пуританъ*), въ Польшѣ и даже въ Америкѣ. Вездѣ, гдѣ они появлялись, они принимали дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни. Многіе правители вели противъ нихъ упорную борьбу, потому что кальвинисты учили о неповиновеніи государямъ, не исполняющимъ воли Божіей. Кальвинъ и его послѣдователи не были терпимы къ чужимъ мнѣніямъ; они были такъ же фанатичны, какъ и католики. Но они вели строгій образъ жизни, были людьми очень религіозными и производили большое впечатлѣніе своею горячею проповѣдью. Во многихъ государствахъ Европы стали порывать съ католицизмомъ и воспринимать идеи реформаціи; иногда это дѣлалось изъ убѣжденія, а иногда просто изъ выгоды—конфисковать владѣнія церкви и быть независимыми отъ папы.

---

[1]) Кальвинисты, соединившіеся съ цвингліанцами, стали называться реформатами.

Папы, вначалѣ отнесшіеся къ религіозному движенію XVI в. невнимательно, поздно обратили на него должное вниманіе. Положеніе было критическое. Многіе вѣрные католики находили справедливымъ нападки протестантовъ на католическую церковь и требовали исправленія ея порядковъ. Самъ императоръ, преданный папѣ, поддерживалъ мысль о созывѣ собора, который и былъ созванъ въ *Тридентѣ*. На немъ были исключительно католики и большую роль игралъ самъ папа, поэтому этотъ соборъ, засѣдавшій болѣе двадцати лѣтъ, въ концѣ-концовъ явился послушнымъ орудіемъ папства. Кромѣ того, на этомъ соборѣ имѣли важное значеніе такъ называемые іезуиты, члены новаго ордена (общества), монашескаго братства, возникшаго въ 1540 г.

Создателемъ *ордена іезуитовъ* былъ *Игнатій Лойола*, испанецъ, человѣкъ отъ природы крайне честолюбивый. Послѣ неудавшейся свѣтской карьеры, полукалѣка, Лойола сдѣлался мрачнымъ и задумчивымъ; его постоянно преслѣдовала мысль о какомъ-нибудь подвигѣ; онъ рѣшилъ всецѣло отдаться на служеніе церкви. Послѣ долгихъ скитаній Лойола обратился къ папѣ съ просьбой утвердить уставъ новаго ордена Іисуса (по латыни «Іезусъ» — отсюда іезуиты). Уставъ его сильно отличался отъ уставовъ другихъ орденовъ. Члены ордена іезуитовъ не носили монашескаго одѣянія, не имѣли монастырей, могли не поститься; ихъ обѣтъ былъ—защита католической церкви и безусловное повиновеніе папѣ. Орденомъ управляла коллегія изъ нѣсколькихъ лицъ во главѣ съ генераломъ ордена. Попасть въ орденъ можно было, только выдержавъ цѣлый рядъ испытаній; новичкамъ только послѣ многихъ лѣтъ подвижничества давали какое-либо порученіе. Чтобы не было въ орденѣ никакого раскола, былъ установленъ строжайшій взаимный надзоръ его членовъ другъ за другомъ. Орденъ быстро распространялся по Европѣ; это объясняется цѣлью, общей и единой для каждаго іезуита, именно, распространеніемъ католичества и, отчасти, самымъ уставомъ ордена, въ которомъ, ради достиженія цѣли, разрѣшалось многое, хотя бы и дурное, безнравственное. Іезуиты проникали въ народъ, въ высшее общество, ко дворамъ государей, и особенно обратили вниманіе на воспитаніе юношества. Въ этомъ отношеніи они встали на вѣрный путь, основывая воспитаніе на тщательномъ изученіи душевной жизни каждаго ученика. Благодаря своему устройству орденъ іезуитовъ сдѣлался главнѣйшимъ орудіемъ папства; въ мѣстахъ, затронутыхъ реформаціей, они повели противъ нея жесточайшую борьбу.

И само *папство*, какъ будто встрепенулось отъ долгаго сна и стало отыскивать средства борьбы. На первую очередь было поставлено искорененіе уже существующей ереси. Появились строгія разслѣдованія ереси, *инквизиція* при чемъ слѣдователи (инквизиторы, сообразно нравамъ того времени, прибѣгали къ пыткамъ. Преслѣдовали неуклонно, неумолимо, не только за явное обнаруженіе несогласій съ церковью, но и за мысли, которыя могли казаться вредными для церкви. Была установлена строгая *цензура*, которая составляла списки запрещенныхъ книгъ и истребляла самыя книги. Наказанія, налагаемыя судомъ инквизиціи, были самыя страшныя; не останавливались передъ массовыми казнями (обычно черезъ сожженіе, чтобы не проливать крови).

Благодаря давленію церкви, во многихъ странахъ начались гоненія противъ отпавшихъ отъ католичества. Особенно съ ними связано имя *Филиппа II Испанскаго* (1555—1598). Онъ былъ фанатичнымъ слугою инквизиціи и говорилъ, что приказалъ бы сжечь собственнаго сына, если бы тотъ былъ уличенъ въ ереси.

Тотъ же Филиппъ II поднялъ поголовное гоненіе противъ протестантовъ въ одной изъ своихъ провинцій — въ *Нидерландахъ*, которое закончилось отпаденіемъ этихъ земель отъ Испаніи. Во *Франціи* въ XVI ст. всѣ слои общества были заняты религіозной борьбой, во время которой въ одну изъ августовскихъ ночей [1]) въ Парижѣ произошло многотысячное избіеніе гугенотовъ католиками, подготовленное правительствомъ. Религіозная смута окончилась здѣсь лишь въ 1598 году: король изъ новой династіи *Бурбоновъ*, смѣнившей Валуа, *Генрихъ IV* замирилъ враждующія партіи и установилъ свободу совѣсти для кальвинистовъ своимъ *указомъ въ Нантѣ*.

Обстоятельства въ значительной степени благопріятствовали католической церкви. Италія, Испанія, южная Германія, Польша остались вѣрны католичеству, во Франціи кальвинизмъ затронулъ лишь небольшую часть населенія, преимущественно дворянъ и горожанъ.

Въ *Англіи* церковныя преобразованія были сначала дѣломъ самой государственной власти. Въ 30-хъ годахъ король *Генрихъ VIII* провозгласилъ себя главой англійской, или англиканской, церкви и отобралъ въ казну огромныя монастырскія имѣнія. При преемникахъ Генриха, *Эдуардѣ VI* и *Елизаветѣ* (1558—1603), въ англійской церкви укрѣпились протестантскія понятія, но уцѣлѣли многіе обряды и учрежденія католичества--всѣ таинства,

---

[1]) На 25 августа (св. Варооломея).

католическое богослуженіе и санъ епископа (почему англійская церковь иначе называется *епископальной*). Рядомъ съ этой *правительственной* реформаціей, шло въ Англіи народное религіозное движеніе. *Пуритане* требовали «очищенія» церкви отъ остатковъ католическихъ порядковъ и ученій; въ Шотландіи кальвинисты, *пресвитеріане*, установили чисто республиканское устройство церкви съ самостоятельными приходами, управлявшимися выборными старѣйшинами — пресвитерами. Наконецъ, появились различные сектанты, напримѣръ, «независимые», или *индепенденты*, которые проповѣдывали, что не должно быть ни государственной церкви, ни установленнаго вѣроученія, и каждый имѣетъ право вѣрить и учить по своему внутреннему убѣжденію. Правительство Елизаветы одинаково боролось и съ католиками, и съ «несогласными» протестантскими партіями, защищая, однако, въ Европѣ протестантизмъ противъ католическихъ государствъ — Испаніи и Франціи.

Борьба католиковъ и протестантовъ окончилась лишь въ половинѣ XVII в. Въ Германіи религіозныя распри продолжались, потому что по Аугсбургскому миру равноправіемъ пользовались только протестанты (кальвинисты исключались), кромѣ того, слишкомъ большую власть имѣли князья. Сторонники старой церкви воспользовались этимъ недовольствомъ, и въ Германіи возникла междоусобная *тридцатилѣтняя война* (1618—1648), въ которую вмѣшались и другія государства (Швеція и Франція). Война закончилась установленіемъ равноправія религій, но зато Германія раздробилась на массу мелкихъ государствъ (до 300), обезлюдѣла (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе убавилось на девять десятыхъ) и потеряла многія изъ своихъ владѣній.

Реформація шла не уединенно, а сплеталась съ политическими и общественными вопросами, и хотя реформаціонные годы во многомъ принесли разочарованіе людямъ, отпавшимъ отъ католической церкви, все же реформація открыла новую страницу въ исторіи Европы: она сбросила обветшалые средневѣковые предразсудки католицизма, призвала разумъ къ рѣшенію сокровенныхъ вопросовъ человѣка, приблизивъ его къ религіи. Подъ вліяніемъ свободнаго толкованія Св. Писанія, евангельскія истины стали открыто прикладываться къ жизни и, хотя эти попытки, какъ мы видѣли, далеко не вездѣ были удачны и правильны, но уже самое появленіе ихъ показываетъ въ человѣчествѣ стремленіе осуществить правду Божію на землѣ.

Суриковъ. „Боярыня Морозова“.

(См. стр. 430).

Сынкова. „Родина Жбовова."

(См. стр. 430).

17. Англійская революція XVII вѣка.

Со смертью королевы Елизаветы (1603) въ Англіи прекратилась династія Тюдоровъ и престолъ перешелъ къ ближайшему родственнику шотландскому королю *Іакову I Стюарту*. Вѣкъ царствованія Стюартовъ въ Англіи былъ временемъ упорной борьбы англійскаго народа съ династіей за политическую и религіозную свободу.

Іаковъ былъ сторонникомъ неограниченной (абсолютной) монархіи: «власть короля отъ Бога; настоящій король можетъ исполнять законы страны», если желаетъ, но самъ онъ выше законовъ. Законы и вольности королевства были, въ его глазахъ, дѣломъ королевской милости, пожалованіемъ, которое всегда можетъ быть отмѣнено. Іакова въ его стремленіи къ абсолютизму поддерживала епископальная государственная церковь.

А между тѣмъ въ Англіи король не былъ самодержавнымъ властителемъ: существовалъ парламентъ, и король долженъ былъ править, вмѣстѣ съ парламентомъ, и безъ согласія парламента не имѣлъ права ни издавать или отмѣнять законовъ, ни налагать податей. Король не считался съ правами парламента и дѣйствовалъ самовластно: вводилъ новые налоги и продавалъ монополіи, т.-е, права на продажу опредѣленныхъ товаровъ. Въ Европѣ того времени государственные расходы сильно выросли вслѣдствіе разорительныхъ международныхъ войнъ, и Стюарты почти не выходили изъ финансовыхъ затрудненій.

Подъ давленіемъ денежныхъ затрудненій Іаковъ нѣсколько разъ вынужденъ былъ созывать парламентъ; каждый разъ, какъ только собирался парламентъ, между нимъ и королемъ начиналась борьба. Парламентъ 1621 года указывалъ королю на свои права и смѣло заявлялъ: «вольности и права парламента—это неотъемлемыя права всѣхъ англичанъ съ самаго ихъ рожденія. Трудныя дѣла, которыя касаются государства, защиты страны и англійской церкви, изданіе законовъ и прекращеніе злоупотребленій, должны быть обсуждаемы парламентомъ, а для этого, каждый депутатъ долженъ имѣть право говорить, спорить и высказывать все, что онъ думаетъ, совершенно свободно».

Не отказывая королю въ деньгахъ, парламентъ ставилъ условіемъ, чтобы отмѣнены были всѣ незаконные поборы, обращено вниманіе на справедливыя жалобы населенія и на злоупотребленія въ управленіи. Разгнѣванный король распускалъ палаты, засаживалъ въ тюрьму наиболѣе видныхъ ея чле-

новъ и продолжалъ управлять самовластно, расточая казну и нарушая основные законы страны.

Въ 1625 г. Іаковъ умеръ; на престолъ вступилъ его сынъ *Карлъ I* (1625—1649). Населеніе привѣтствовало молодого короля, надѣясь, что онъ возстановитъ законность; но эти надежды не оправдались. Подобно отцу, Карлъ былъ убѣжденъ, что его власть отъ Бога, что онъ выше законовъ и хотѣлъ править столь же неограниченно, какъ и его отецъ; онъ всячески стремился расширить королевскую прерогативу, т.-е. права королевской власти въ законодательствѣ и управленіи. Карлъ готовъ былъ и совсѣмъ не созывать парламента, но казна была пуста, а народъ отказывался платить незаконные налоги. Волей-неволей, Карлу приходилось созывать парламентъ и просить денегъ, а парламентъ снова указывалъ королю на дурное управленіе и просилъ принять мѣры противъ злоупотребленій. «Помните, что я воленъ созывать парламентъ и распустить его, когда захочу,—говорилъ депутатамъ разгнѣванный король, — если я найду его поведеніе хорошимъ, я сохраню его; если же нѣтъ, то уничтожу». Депутатовъ нельзя было запугать; сознаніе законности своихъ требованій и сочувствіе народа придавали имъ энергіи и смѣлости въ борьбѣ съ насиліемъ. Въ 1628 году парламентъ подалъ королю *петицію о правахъ*, въ которой просилъ его «объявить свою королевскую волю и желаніе», что 1) безъ разрѣшенія парламента не можетъ быть никакихъ налоговъ, 2) никто не можетъ быть арестованъ, лишенъ своего имущества или наказанъ безъ законнаго суда, 3) запрещается въ мирное время ставить военные постои и примѣнять военные законы.

Послѣ долгихъ колебаній король, нуждаясь въ деньгахъ, въ полномъ собраніи парламента далъ отвѣтъ: «да будетъ, какъ того желаютъ». Добившись разрѣшенія налоговъ, онъ распустилъ непокорный парламентъ и рѣшилъ больше его не созывать.

Одиннадцать лѣтъ длилось *правленіе безъ парламента* (1629—1640). Это были годы самаго безграничнаго произвола. Король довѣрялся временщикамъ, которые чувствовали себя всесильными и безнаказанно чинили всякія беззаконія. «Петиція о правахъ» была забыта. Первый министръ Карла, графъ *Страффордъ*, совѣтовалъ королю итти «напроломъ» въ борьбѣ съ противниками, опираясь на военную силу; другой совѣтникъ Карлъ I, архіепископъ *Лоудъ*, явно склонялся къ католичеству; церковный судъ («Высокая комиссія») безпощадно преслѣдовалъ пуританъ. Недовольство широко разлилось по всей странѣ тысячи англичанъ, не признававшихъ государственной церкви, покидали родину, вынуждаемые жестокими религіозными гоненіями; на-

родъ съ негодованіемъ относился къ тому, что творилось. Все больше и больше нуждаясь въ деньгахъ, король объявлялъ принудительные займы у своихъ подданныхъ и, наконецъ, по совѣту Страффорда, рѣшился возстановить старинный налогъ, *корабельную подать*. Одинъ изъ прежнихъ членовъ парламента *Джонъ Гемпденъ* отказался уплатить этотъ налогъ, какъ незаконный; онъ былъ присужденъ къ тюрьмѣ, но общественное мнѣніе было на сторонѣ Гемпдена и привѣтствовало его, какъ борца за свободу.

Какъ разъ въ этотъ моментъ народнаго возбужденія, король вынужденъ былъ созвать парламентъ, такъ какъ въ Шотландіи изъ-за гоненій на пресвитеріанъ вспыхнуло грозное возстаніе, и для его усмиренія до крайности нужны были средства. Парламентъ, собравшійся осенью 1640 г. извѣстенъ въ англійской исторіи подъ именемъ *Долгаго* такъ какъ онъ не расходился цѣлыхъ 12 лѣтъ. Депутаты собрались гнѣвные и недовольные; изъ своихъ мѣстечекъ и уѣздовъ они привезли цѣлыя тетради жалобъ и челобитныхъ. Въ одинъ день парламентъ отмѣнилъ корабельную подать и всѣ незаконныя мѣры, уничтожилъ произвольные суды по политическимъ дѣламъ и «Высокую комиссію»; отнынѣ парламентъ не могъ быть распущенъ безъ собственнаго на то согласія и долженъ созываться королемъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года. Ненавистный всѣмъ Страффордъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и осужденъ на смерть. Карлъ призналъ постановленія парламента, но онъ громко жаловался, что у него вырвали уступки силой, и потому онъ вовсе не обязанъ исполнять свои обѣщанія. Не довѣряя королю, большинство членовъ парламента, съ Пимомъ и Гемпденомъ во главѣ, настаивали на расширеніи правъ парламента въ управленіи государствомъ; меньшинство, возставая противъ абсолютизма, стояло за сохраненіе королевской «прерогативы». Постепенно парламентъ, а вслѣдъ за нимъ вся страна, раздѣлился на двѣ партіи: защитниковъ короля, которыхъ народъ прозвалъ *кавалерами*, — большинство изъ нихъ были дворяне, высшая знать, приверженцы епископальной церкви,—и сторонниковъ парламента, которыхъ дворяне прозвали *круглоголовыми*: къ послѣднимъ примыкали преимущественно горожане и мелкіе землевладѣльцы, пуритане, по своимъ убѣжденіямъ.

Скоро обнаружилось вѣроломство Карла I. Онъ увѣрялъ, что хочетъ мира, а самъ оставилъ столицу и сталъ готовиться къ войнѣ. Тогда и парламентъ сталъ собирать милицію (народное ополченіе) и деньги на ея содержаніе. Вспыхнула *гражданская война*. Первыя побѣды достались королю, и парламентское войско

было разбито. Тогда парламентъ заключилъ союзъ съ шотландцами и сталъ набирать новую армію. Организація этого новаго войска была поручена одному изъ членовъ Долгаго парламента, *Оливеру Кромвелю*, который выдѣлился, какъ талантливый полководецъ. Кромвель хотѣлъ составить армію изъ людей, готовыхъ душу свою положить за вѣротерпимость и свободу. Его армія, набранная изъ *индепендентовъ* и другихъ сектантовъ, была крѣпко спаяна религіозно-нравственнымъ духомъ, который ее проникалъ, и строгой дисциплиной; за свое непоколебимое мужество и стойкость въ бою воины Кромвеля получили прозвище «желѣзныхъ боковъ»

Устроенная такимъ образомъ армія разбила короля наголову, онъ бѣжалъ въ Шотландію, но шотландцы выдали его парламенту, и король оказался плѣнникомъ. Парламентъ, въ которомъ большинство членовъ были пресвитеріане, враждебно относившіеся къ индепендентамъ, хотѣлъ распустить индепендентскую армію; но армія отказалась разойтись и требовала, чтобы парламентъ установилъ религіозную свободу и самостоятельность отдѣльныхъ общинъ вѣрующихъ.

Въ новой междоусобной войнѣ умѣренныя партіи соединились противъ сектантовъ, изъ которыхъ состояла армія, но, несмотря на помощь шотландцевъ, были побѣждены. Армія, которая поклялась потребовать отъ короля «отчета за пролитую имъ кровь и за зло, причиненное имъ народу», настаивала теперь на томъ, чтобы король былъ призванъ къ суду. Парламентъ не соглашался и хотѣлъ заключить миръ съ королемъ. Тогда солдаты вошли въ помѣщеніе парламента и «очистили» его отъ пресвитеріанъ. Оставшіеся въ нижней палатѣ депутаты—индепенденты постановили судить короля за государственную измѣну. Его присудили къ смертной казни, какъ «убійцу и врага страны», (1649 г.); Англія объявлена была республикой, которой управлять долженъ былъ парламентъ.

Отъ Долгаго парламента осталось всего 80 членовъ изъ 500, такъ что онъ представлялъ только жалкій остатокъ парламента, «хвостъ», или «охвостье», какъ его прозвали. Кромвель и армія требовали, чтобы былъ выбранъ новый парламентъ. Но «хвостъ» цѣпко держался за власть, и депутаты постановили, что въ новый парламентъ они всѣ войдутъ безъ переизбранія. Тогда Кромвель разогналъ палату военной силой и захватилъ власть въ свои руки, принявъ званіе лорда-протектора (покровителя). Кромвель тотчасъ же собралъ новый парламентъ. Этотъ парламентъ стремился къ верховной власти и требовалъ, чтобы Кромвель ему подчинялся. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній, Кромвель распустилъ и этотъ

парламентъ и нѣкоторое время правилъ одинъ, опираясь на армію. Онъ дѣйствовалъ столь же деспотически, какъ и Стюарты, своею властью устанавливалъ налоги и издавалъ указы. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что Кромвель былъ вѣротерпимъ и при немъ стихли религіозныя гоненія.

Значительная часть англійскаго населенія относилась, однако, враждебно къ республикѣ, въ которой господствовала крайняя партія, индепенденты, требовавшіе неограниченной свободы совѣсти и полнаго народовластія. Въ странѣ съ сожалѣніемъ вспоминали о казненномъ королѣ, въ которомъ многіе видѣли мученика. Мѣстами вспыхивали возстанія съ цѣлью возстановить на престолѣ сына Карла. Кромвель усмирялъ эти возстанія съ непомѣрной жестокостью. Для «успокоенія» онъ раздѣлилъ всю страну на 10 военныхъ округовъ, которыми управляли военные начальники; всѣхъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи королю, арестовывали.

Въ 1658 году всесильный «протекторъ» умеръ. Въ арміи начались раздоры, генералы ссорились между собой за первенство. Одинъ изъ нихъ генералъ *Монкъ* не поладилъ съ другими и завелъ переговоры съ Карломъ II, призывая его вернуться въ Англію. Монкъ занялъ своимъ полкомъ Лондонъ и собралъ парламентъ изъ представителей обѣихъ партій, кавалеровъ и круглоголовыхъ. Парламентъ почти единогласно постановилъ произвести реставрацію—возстановить правительство «короля, лордовъ и общинъ» и призвать на престолъ сына казненнаго короля. Карлъ высадился въ Англіи при радостныхъ кликахъ собравшагося народа. Прежнимъ противникамъ монархіи была обѣщана амнистія (всеобщее прощеніе); вѣротерпимость, установленная индепендентами, должна была остаться въ силѣ.

Карлъ II (1660 — 1685) пережилъ революцію, провелъ въ изгнаніи многіе годы и испыталъ немало лишеній, но ничему не научился. Вернувшись въ Англію онъ, подобно отцу, стремился къ безграничной власти. «Я не буду считать себя королемъ до тѣхъ поръ, пока парламентъ будетъ заниматься моими дѣлами, выискивать ошибки въ моихъ счетахъ и наблюдать за моими министрами». Карлъ II былъ увѣренъ, что его отецъ погибъ, потому что не имѣлъ постоянной арміи, и самъ обзавелся военною силой въ видѣ королевской гвардіи. А между тѣмъ народъ англійскій съ ненавистью относился къ постоянной арміи, отъ которой столько натерпѣлся при Кромвелѣ. Не меньшее недовольство вызывала и внѣшняя политика Карла, который, нуждаясь въ деньгахъ, заключилъ тайный договоръ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, самодержавнымъ го-

сударемъ, ярымъ католикомъ и гонителемъ протестантовъ. Карлъ обязался помогать Людовику въ его войнахъ, и поддерживать въ Англіи католицизмъ, а Людовикъ обѣщалъ Карлу ежегодную денежную помощь и поддержку въ борьбѣ съ подданными. Этотъ тайный договоръ, однако, скоро сталъ извѣстенъ и вызвалъ глубокое негодованіе въ странѣ. По вступленіи Карла на престолъ, созванный имъ парламентъ, составленный изъ «кавалеровъ», возстановилъ англиканскую церковь и суровые законы противъ католиковъ и пуританъ. Карлъ не рѣшался открыто ввести католическую вѣру, но онъ издалъ указъ о вѣротерпимости, желая такимъ образомъ облегчить положеніе католиковъ.

Помня неудачу съ корабельной податью, Карлъ не рѣшался своею властью вводить налоги, но деньги, ассигнованныя парламентомъ на государственныя нужды, тратилъ на развлеченія и на подарки любимцамъ. Парламентъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на поведеніе короля, и въ палатѣ горячо обсуждался вопросъ, какъ достигнуть законномѣрности въ управленіи. Чтобы помѣшать королю по своему произволу тратить государственные доходы, парламентъ возстановилъ свое старинное, давно позабытое право устанавливать статьи расхода. Палата общинъ стала провѣрять, дѣйствительно ли деньги истрачены на то, на что даны. Чтобы обезпечить въ странѣ законность, парламентъ не находилъ лучшаго средства, какъ установить *отвѣтственность министровъ* и совѣтниковъ короля. Надо считать, что *король не можетъ быть неправъ*, а за всѣ незаконномѣрныя и вредныя для государства поступки короля должны отвѣчать его министры. Палата общинъ постановила, что всѣ дѣйствія министровъ должны быть не только законны, но честны, справедливы и полезны для государства. На этомъ основаніи палата привлекла къ суду министра Дэнби, который подписалъ договоръ короля съ Людовикомъ. Дэнби говорилъ, что онъ нисколько не виноватъ, такъ какъ только исполнялъ приказаніе короля, что обязанъ былъ сдѣлать. Палата общинъ утверждала, что министръ не обязанъ исполнять незаконнаго приказанія короля, а долженъ скорѣе выйти въ отставку, а если исполнилъ, то самъ и несетъ за него отвѣтственность. Въ политическихъ спорахъ этого времени сложились двѣ новыя партіи, бывшія какъ бы продолженіемъ партій временъ республики: *виги*, отстаивавшіе строгое право и законность, и *тори*, сторонники королевскаго полновластія, основаннаго на божественномъ правѣ.

При Стюартахъ особенно участились произвольные аресты; власти охотно посылали въ тюрьмы людей, имъ неугодныхъ или

подозрительныхъ. Чтобы обезопасить гражданъ отъ произвольнаго заточенія, виги въ парламентѣ настояли, чтобы король подписалъ законъ *„габеасъ корпусъ“* (1679). По этому закону, всякій человѣкъ, который арестованъ (или всякій другой за него), имѣетъ право потребовать, чтобы его представили судьѣ, а судья, долженъ дать приказъ о приводѣ къ нему арестованнаго, т.-е. указъ «габеасъ корпусъ», и потребовать, чтобы ему объяснили, за что арестовали это лицо. Тюремные начальники обязаны представить заключеннаго суду, и судъ можетъ утвердить арестъ или немедленно освободить заключеннаго, если найдетъ, что онъ заключенъ незаконно, и противъ него не имѣется достаточныхъ улпкъ; пострадавшій можетъ пожаловаться въ судъ на незаконное лишеніе свободы.

Въ 1685 году Карлъ II умеръ, и на престолъ вступилъ его братъ *Іаковъ II*. Іаковъ обѣщалъ соблюдать законы страны и защищать англиканскую церковь, но обѣщаній своихъ не выполнилъ. Безъ разрѣшенія парламента король содержалъ армію въ 20.000 человѣкъ. Іаковъ былъ ревностный католикъ и задумалъ возстановить въ Англіи католическую религію, а между тѣмъ англичане враждебно относились къ старой церкви и ненавидѣли католицизмъ. Еще при Карлѣ II парламентомъ былъ изданъ *законъ о присягѣ*, который лишилъ католиковъ возможности занимать государственныя и общественныя должности. Іаковъ утверждалъ, что ему принадлежитъ право отмѣнять законы, и онъ упразднилъ всѣ ограничительные законы противъ католиковъ. Затѣмъ онъ воспользовался своимъ правомъ назначенія духовныхъ лицъ и чиновниковъ и сталъ замѣщать всѣ должности духовныя, военныя и гражданскія, католиками. Начальство надъ арміей и управленіе государствомъ постепенно переходили въ руки католиковъ, которые могли теперь выбираться и въ парламентъ. Страхъ попасть подъ власть папства охватилъ протестантское населеніе Англіи, и въ странѣ быстро росло враждебное отношеніе къ королю. Даже прежніе сторонники, торіи, отъ него отвернулись. Тогда-то среди дворянства зародилась мысль свергнуть Іакова и призвать на престолъ изъ Голландіи его дочь—протестантку, Марію, и ея мужа, правителя Голландіи *Вильгельма Оранскаго*. Вильгельму было послано письменное приглашеніе явиться для защиты протестантизма и свободы, и вскорѣ онъ высадился въ Англіи. Эта высадка была полною неожиданностью для Іакова. Онъ издалъ манифестъ, въ которомъ обѣщалъ защищать англиканскую церковь и не допускать католиковъ въ палату общинъ, но уже было поздно. Туманной ночью король, всѣми оставленный, бѣжалъ со всею

семьею во Францію. Парламентъ постановилъ считать бѣгство короля равносильнымъ отреченію и престолъ свободнымъ. Корона Англіи была теперь предложена Вильгельму и Маріи, но на извѣстныхъ условіяхъ: король и королева должны были подписать законъ, или *билль о правахъ* (1689), которымъ утверждались вольности англійскаго народа:

1) пріостановка законовъ королевскимъ повелѣніемъ, безъ согласія парламента, незаконна;

2) взиманіе налоговъ въ пользу и въ распоряженіе короны, безъ согласія парламента, незаконно;

3) обращаться съ ходатайствами къ королю есть право подданныхъ и всякое задержаніе и преслѣдованіе за такія ходатайства незаконно (свобода петицій);

4) выборы членовъ парламента должны быть свободны;

5) свобода слова въ парламентѣ не должна быть стѣсняема.

Стюарты навсегда были изгнаны изъ Англіи. Англичане гордятся этой революціей и называютъ ее «достославной революціей 1688 г.» Это былъ переворотъ мирный, почти безъ пролитія крови, и имъ закончилась вѣковая борьба между монархіей и народнымъ представительствомъ.

Отнынѣ въ Англіи установилось *господство права*, т.-е. неотмѣнимое дѣйствіе законовъ, изданныхъ народнымъ представительствомъ въ согласіи съ короной. Упрочились права парламента, къ которому перешла верховная власть въ государствѣ. Въ теченіе XVIII вѣка окончательно установилась *отвѣтственность министровъ* за ихъ правительственныя дѣйствія, право парламента судить министровъ и *независимость суда* отъ правительства. Основы общественной свободы и *парламентскаго строя* въ Англіи сложились, такимъ образомъ, уже въ такое время, когда во всей отдѣльной Европѣ населеніе жило еще въ полномъ безправіи, подъ властью неограниченныхъ монарховъ.

18. Западная Европа въ эпоху „стараго порядка".

I.

Съ XVI вѣка въ Западной Европѣ начинаетъ усиливаться королевская власть и въ XVIII в. почти во всѣхъ государствахъ, въ иныхъ раньше, въ другихъ позже, устанавливается *абсолютная*, т.-е. неограниченная, самодержавная *монархія*. Повсюду, кромѣ Англіи и Польши, исчезаютъ или утрачиваютъ значеніе собранія сословныхъ представителей, которыя въ XIV—XVI вѣ-

кахъ правили и законодательствовали, совмѣстно съ королевской властью: Генеральные штаты во Франціи, испанскіе кортесы, сеймы нѣмецкихъ государствъ. Вся власть сосредоточивается въ рукахъ самодержавныхъ, или абсолютныхъ монарховъ, которые правятъ при помощи *бюрократіи*, т.-е. назначенныхъ ими министровъ и чиновниковъ. Общество совершенно устраняется не только отъ государственныхъ дѣлъ, но и отъ мѣстныхъ, такъ какъ мѣстныя дѣла, даже мелкія, рѣшаются въ министерствахъ и департаментахъ. Всѣ приказанія идутъ изъ одного центра, изъ столицы, отъ самого монарха или правящаго министра, и чиновники на мѣстахъ обязаны ихъ исполнять; устанавливается строгая *централизація*. Подавленіе личной свободы подданныхъ и неуваженіе къ ихъ личнымъ правамъ, которыя ничѣмъ не обезпечиваются, и безграничный правительственный произволъ, являются характерными чертами европейскихъ монархій XVIII вѣка. Нѣмецкіе историки и юристы прозвали такое абсолютное монархическое государство, которое всѣмъ завѣдуетъ, всѣмъ безконтрольно распоряжается, не исключая частной и духовной жизни,—*полицейскимъ государствомъ*.

Въ то время, какъ средневѣковое феодальное государство, въ силу различныхъ историческихъ условій, было разрушено, и на его развалинахъ утвердилось самодержавное государство XVIII вѣка, средневѣковой общественный строй сохранился во всей почти неприкосновенности. Строй этотъ, какъ извѣстно, былъ сословный. Населеніе дѣлилось на *сословія*: привилегированныя—дворянство и духовенство—и непривилегированныя—городское населеніе (*буржуазія*) и сельское крестьянство. Эти сословія пользовались неодинаковыми правами и подчинялись разнымъ законамъ; мѣстами сохранилось еще крѣпостное право. Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ большихъ государствахъ Западной Европы, за немногими исключеніями (напр., Англія), *монархическій абсолютизмъ* соединился съ *общественнымъ неравенствомъ*, съ сословнымъ строемъ. Этотъ государственный порядокъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *стараго порядка*, такъ какъ во второй половинѣ XVIII вѣка въ нѣкоторыхъ государствахъ (въ Австріи, Пруссіи и друг.) его начали измѣнять сами государи, а въ концѣ вѣка онъ былъ окончательно разрушенъ великой французской революціей.

Старый порядокъ и установился раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и проявился ярче всего во *Франціи*. Ознакомившись съ государственнымъ и общественнымъ строемъ до-революціонной Франціи, мы получимъ понятіе о сущности «стараго порядка» вообще.

Во Франціи короли XVI в. уже обладали почти неограниченною властью. При *Людовикѣ XIII* въ первой половинѣ XVII в. всесильный министръ кардиналъ *Ришелье* завершилъ утвержденіе абсолютизма: дворянство утратило послѣдніе остатки политическихъ правъ, управленіе сосредоточилось всецѣло въ рукахъ правительства. Людовикъ XIV (1661—1715) «великій король», «король—солнце», какъ его именовали льстивые писатели того времени, былъ уже неограниченнымъ монархомъ.

Людовикъ прямо обоготворялъ свою королевскую власть. Въ «Наставленіи», написанномъ для своего наслѣдника, онъ говоритъ: «Когда государь вынужденъ принимать законъ отъ своихъ подданныхъ—это худшее несчастье, въ какое только можетъ впасть лицо нашего королевскаго сана. Богу угодно, чтобы всякій, кто родился подданнымъ, повиновался безъ разсужденія. Тотъ, кто далъ людямъ государей, хочетъ, чтобы ихъ чтили, какъ его намѣстниковъ, предоставляя одному себѣ право судить ихъ поведеніе».

Въ своихъ министрахъ король хотѣлъ видѣть лишь покорныхъ исполнителей своей воли и не разъ высказывалъ мысль, что министръ обязанъ исполнять приказанія, а одному королю принадлежитъ право разрѣшать всѣ дѣла какъ важныя, такъ и неважныя.

Вся Франція въ XVII вѣкѣ раздѣлена была на округа, или интендантства, и во главѣ каждаго округа поставленъ былъ назначаемый королемъ *интендантъ*, который и завѣдывалъ всѣми дѣлами. Интендантъ посылался въ округъ «для исполненія приказаній Его Величества», и былъ всемогущимъ человѣкомъ въ провинціи: онъ управлялъ, судилъ, распредѣлялъ налоги и набиралъ народную милицію, руководилъ общественными работами и поддерживалъ безопасность и порядокъ въ своемъ округѣ, для чего въ его распоряженіи имѣлись особыя дозорныя команды, а, въ случаѣ надобности, и армія. Городское самоуправленіе было отмѣнено, сельскіе сходы шагу не могли ступить безъ разрѣшенія интенданта.

Старый порядокъ не зналъ и независимости судей. Всякое судебное дѣло могло быть изъято изъ вѣдѣнія общихъ судовъ и передано въ особую судебную комиссію, назначенную королемъ. Издавались королевскіе указы, которые воспрещали судамъ разсматривать тѣ или иныя дѣла, или приказывали судьямъ рѣшать различнаго рода судебныя дѣла, согласно желанію правительства.

Личной свободой, которая проявляется въ личной неприкосновенности, свободѣ совѣсти и въ свободѣ слова, абсолютная

французская монархія не признавала. Каждый подданный короля, кто бы онъ ни былъ, находился въ полной власти правительства, которое могло, по своему произволу, сослать его или заточить въ тюрьму на какой угодно срокъ, безъ суда и слѣдствія, безъ всякой вины съ его стороны, при помощи такъ называемыхъ *указовъ за королевскою печатью*. Въ 1685 году Людовикъ XIV отмѣнилъ вѣчный и неотмѣняемый «Нантскій указъ» Генриха IV и возобновилъ *религіозныя гоненія*, которыя раздирали Францію въ XVI вѣкѣ: преслѣдуемые за вѣру гугеноты—самая дѣятельная и трудолюбивая часть населенія—массами покидали родину. Не было также и свободы слова: печатныя произведенія, неугодныя правительству, сжигались рукой палача, а авторы и типографщики подвергались суровымъ наказаніямъ. Долголѣтнее царствованіе Людовика прошло въ разорительныхъ войнахъ. Необычайная расточительность Людовика, хищничество и произволъ чиновниковъ, гоненія на протестантовъ, огромные косвенные налоги—все это привело страну къ разоренію и упадку. Несмотря на свои недостатки, этотъ строй просуществовалъ во Франціи еще $^3/_4$ вѣка — при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI — вплоть до великой революціи, вспыхнувшей въ 1789 году.

Усиливая свою политическую власть и ревниво ее охраняя, ни Людовикъ XIV, ни его преемники не касались стариннаго общественнаго строя Франціи, строя сословнаго. Въ XVIII вѣкѣ населеніе Франціи дѣлилось на три сословія: два высшихъ, привилегированныхъ, *дворянство* и *духовенство*, и *третье сословіе*, которое включало въ себя городское и сельское населеніе.

Французское *дворянство* въ XVIII в. оказалось совершенно не у дѣлъ; въ управленіи государствомъ оно не принимало никакого участія и отъ завѣдыванія мѣстными дѣлами было совершенно отстранено. Мѣсто дворянина занялъ повсюду королевскій чиновникъ. Не неся никакой общественной службы, дворянство оставалось привилегированнымъ сословіемъ и сохранило свои старинныя права и преимущества.

Во второй половинѣ XVIII вѣка дворянъ во Франціи насчитывалось 140.000, и имъ принадлежала $^1/_5$ земель всего королевства. Тѣмъ не менѣе, дворянство совершенно избавлено было отъ главной поземельной подати, *тальи*, потому что дворянскія земли не подлежали этому налогу. Дворянство освобождено было и отъ жеребья въ милицію, и отъ военнаго постоя, и отъ дорожной повинности.

Въ XVIII в. дворянство еще сохранило многія свои старинныя *сеньеріальныя права*, которыя возникли въ феодальную эпоху. Платя за землю, оброкъ или *цензъ*, крестьянинъ, кромѣ того,

обязанъ былъ молоть свое зерно на мельницѣ помѣщика, давить свой виноградъ въ его винодѣльнѣ, бить скотъ на его бойнѣ, печь хлѣбъ въ его печи. Эти господскія монополіи (*баналитеты*) были очень тяжелы и разорительны для крестьянъ.

Кромѣ дворянства, привилегированнымъ сословіемъ во Франціи было *духовенство*. Духовныхъ лицъ считалось во второй половинѣ XVIII вѣка 130.000. Духовенству принадлежала $^1/_5$ земель всего королевства; его имущество оцѣнивалось въ 4 милліарда и приносило дохода до 100 милліоновъ. Кромѣ того, духовенство получало съ населенія десятину, которая равнялась 123 милліонамъ, такъ что въ общей сложности духовенство получало ежегодно болѣе 200 милліоновъ годового дохода. Отъ налоговъ духовенство было избавлено и уплачивало только ежегодно ничтожный «добровольный даръ» въ 15 милліоновъ.

Всѣ, кто не принадлежалъ къ дворянству или духовенству, составляли *третье сословіе*. Въ третье сословіе включали одинаково какъ горожанъ, такъ и сельскихъ жителей. Но это третье сословіе рѣзко дѣлилось на двѣ части: на высшій классъ сельскаго и городского населенія, или буржуазію, и на крестьянъ.

Наиболѣе забытымъ и обездоленнымъ классомъ населенія были *крестьяне*.

Крестьянамъ принадлежало не болѣе $^1/_5$ земель всего королевства, а между тѣмъ они на своихъ плечахъ выносили весь гнетъ государственныхъ *податей и повинностей*, не считая помѣщичьихъ правъ, тяготѣвшихъ надъ ними. Государственные налоги быстро росли. За время царствованія Людовика XV (1715 — 1774) они выросли болѣе, чѣмъ вдвое. Эти налоги уплачивались, главнымъ образомъ, третьимъ сословіемъ; во второй половинѣ XVIII вѣка духовенство платило государству не болѣе $^1/_4$ своего дохода, дворянство платило $^1/_6$, а третье сословіе $^2/_3$. Эти $^2/_3$ падаютъ преимущественно на крестьянское населеніе, такъ какъ города сумѣли переложить платежи на деревню. Кромѣ прямыхъ налоговъ были еще косвенные.

Крестьяне постоянно жалуются на обремененіе ихъ налогами, и жалобы ихъ весьма краснорѣчивы. «Государь,—пишетъ одна изъ деревень,—всѣ являющіеся къ намъ отъ вашего лица, являются только затѣмъ, чтобы требовать съ насъ денегъ. Мы положительно задавлены налогами, мы отрывали для васъ до сихъ поръ добрую часть отъ собственнаго куска хлѣба, но если это будетъ продолжаться такъ и далѣе, то намъ вскорѣ нечего будетъ ѣсть самимъ».

Тяжелымъ бременемъ ложились на крестьянъ различныя казенныя повинности, какъ, напримѣръ, обязанность поддерживать въ исправности дороги и мосты или подводная повинность.

Послѣдствіемъ такого чрезвычайнаго обремененія деревни платежами и повинностями была ужасающая бѣдность и нищета сельскаго населенія въ XVIII вѣкѣ. Въ 1740 г. епископъ Массильонъ писалъ министру: «Народъ нашихъ деревень живетъ въ страшной нищетѣ. Большинству не хватаетъ на добрую половину года даже того ячменнаго и овсянаго хлѣба, который составляетъ ихъ единственную пищу, и который они вынуждены вырывать изо рта своихъ дѣтей для уплаты налоговъ».

Неурожаи и голодовки были часты, потому что земледѣліе во Франціи находилось еще на крайне низкомъ уровнѣ.

Спасаясь отъ своей невыносимой жизни, отъ голода и неумолимыхъ сборщиковъ, крестьянинъ бѣжалъ изъ деревни въ городъ, и было множество деревень, совершенно покинутыхъ своими жителями.

Городскія ремесла и мастерства въ XVIII вѣкѣ, какъ и въ средніе вѣка, были организованы въ *цехи*. Чтобы получить право заниматься какимъ-нибудь ремесломъ надо было сперва учиться ему у мастера. Ученье требовало денегъ. Занятіе ремесломъ переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну, и промышленность, поэтому, закрѣплялась за извѣстными семействами. При такихъ условіяхъ и въ городахъ рабочій народъ бѣдствовалъ не менѣе, чѣмъ въ деревняхъ.

Городское населеніе выдѣлило богатый и зажиточный классъ населенія—*буржуазію*.

Составъ этого класса населенія былъ весьма разнообразенъ: въ него входили и фабриканты, и купцы, и промышленники, и судьи, и многочисленные чиновники, и домовладѣльцы, и откупщики и вообще всѣ люди, имѣвшіе извѣстный достатокъ, возвышавшій ихъ надъ народомъ, и не принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ.

Буржуазія была единственный классъ населенія въ XVIII в., который пріобрѣталъ, копилъ и богатѣлъ. Богатство буржуазіи быстро расло, благодаря сильному развитію торговли и промышленности, и буржуазія стала самостоятельнымъ, независимымъ и образованнымъ классомъ населенія. Эта трудолюбивая, дѣловитая, богатая, независимая и образованная буржуазія сознаетъ, что она ничуть не ниже празднаго, легкомысленнаго, ни къ чему неподготовленнаго дворянства, живущаго на чужой счетъ

Мало-по-малу буржуазія проникается враждебными чувствами по отношенію къ дворянамъ и ненавистью къ ихъ привилегіямъ. Это негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что въ обществѣ распространились новыя понятія, выработались новые идеалы, которымъ совершенно не соотвѣтствовалъ установившійся порядокъ.

II.

XVIII вѣкъ былъ *вѣкомъ просвѣщенія*. Къ этому времени у человѣчества накопилось много новыхъ знаній о природѣ и о вселенной, которыя дали возможность смотрѣть на міръ Божій и на человѣка, на его мѣсто въ природѣ, на его нравственный міръ, на положеніе въ обществѣ и государствѣ, на его права и обязанности совершенно иными глазами, чѣмъ смотрѣли еще въ началѣ вѣка, и выработать новое міросозерцаніе. «Вѣкъ просвѣщенія» назывался также «философскимъ вѣкомъ», потому что просвѣтители пытались разрѣшить самые основные вопросы жизни—о происхожденіи вселенной, о Богѣ, о началахъ нравственности. Такъ какъ всѣмъ просвѣщеніемъ, которымъ такъ гордился XVIII в., человѣчество обязано было дѣятельности *разума*, то возникла сильная и глубокая вѣра въ разумъ, въ его могущество, въ возможность съ помощью разума все объяснить и все создать.

Просвѣтители, или философы, XVIII в. ничего не хотѣли принимать на вѣру, что не оправдывалось бы разумомъ; они отвергли слѣпую вѣру и преданіе, которыми жило человѣчество до сихъ поръ. Они вѣрили, что настало царство разума, и что съ помощью разума возможно устроить счастливую жизнь на землѣ; для этого необходимо слѣдовать велѣніямъ природы, изучая ея законы. Такъ какъ человѣкъ только часть великаго цѣлаго — природы, то онъ подчиненъ, какъ и все въ природѣ, незыблемымъ принудительнымъ законамъ; надо жить такъ, какъ указываетъ природа или естественные законы, которые познаются разумомъ человѣческимъ; должна быть и естественная религія, и естественное право, и естественная свобода, и равенство, и естественное устройство государства. И просвѣтители XVIII в. занялись изученіемъ съ точки зрѣнія разума и естественныхъ законовъ множества вопросовъ личной и общественной жизни—религіи, общества, государства и нравственности.

Просвѣтители ставили себѣ цѣлью распространеніе своего ученія въ обществѣ; они ревностно проповѣдывали его въ своихъ произведеніяхъ. Возникла такъ называемая *просвѣтитель-*

ная литература. Эта литература насквозь была проникнута духомъ равенства, свободы и общественнаго блага.

Съ точки зрѣнія равенства и свободы разсматривалась въ ней современная жизнь и подвергалась жестокому осужденію. Просвѣтительная литература приняла рѣзко боевой, или оппозиціонный, характеръ; философы нападали и на церковь, которая возмущала ихъ своею нетерпимостью, на религію, которая основывалась на откровеніи, а не на разумѣ, и на духовенство, которое нравственною испорченностью своею и образомъ жизни не внушало никому уваженія и нисколько не походило на служителей Бога, и на правителей, которые злоупотребляли своей властью, и на несправедливые законы, и на феодальныя права, и на неравенство, и вообще на всѣ порядки, которые мѣшали людскому благополучію и заставляли страдать народъ.

Особенно сильное вліяніе на дальнѣйшую политическую жизнь Франціи оказали два философа 18 вѣка — Монтескье и Руссо. *Монтескье* былъ глубокимъ и вдумчивымъ мыслителемъ. Самое замѣчательное его произведеніе «Духъ законовъ». «Законъ вообще»,—говоритъ Монтескье,—есть человѣческій разумъ, поскольку онъ управляетъ всѣми народами земли, а политическіе и гражданскіе законы каждой націи должны быть лишь частными случаями приложенія этого человѣческаго разума». По мнѣнію Монтескье, законы возникаютъ не по человѣческому произволу, а суть результаты дѣйствія многихъ условій, каковы: природа страны, ея климатъ, образъ жизни ея населенія, нравы, обычаи, правительственная форма, религія и тому подобное. Совокупность всѣхъ этихъ отношеній онъ и назвалъ «духомъ законовъ». Монтескье былъ вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникомъ *индивидуальной* (личной) и *политической свободы*. Онъ находитъ, что такая свобода возможна бываетъ лишь въ монархіяхъ; подъ монархіей же разумѣетъ такое правленіе, когда правитъ одинъ, но на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ. Главной гарантіей свободы Монтескье считаетъ *раздѣленіе и равновѣсіе властей*. Чтобы не могло быть злоупотребленія властью, надо чтобы одна власть сдерживала другую. «Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, есть троякаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная, и эти три власти должны находиться въ разныхъ рукахъ». Законодательная власть должна быть въ рукахъ народныхъ представителей, исполнительная—въ рукахъ наслѣдственнаго государя, судебная—выборныхъ судей. Лучшимъ образцомъ государственнаго устройства была, въ глазахъ Монтескье, Англія съ ея парламентомъ. Мысли Монтескье сильно вліяли на тѣ слои фран-

цузскаго общества, которые стремились къ ограниченію абсолютной монархіи и установленію представительнаго строя.

Другой прославленный писатель того времени *Жанъ-Жакъ Руссо* имѣетъ мало общаго съ Монтескье. Руссо страшный противникъ всякаго неравенства и нападаетъ какъ разъ на тотъ самый строй, находя его несправедливымъ, который восхваляетъ Монтескье. Какъ и Монтескье, Руссо горячо любилъ свободу, но понималъ ее совсѣмъ иначе. Человѣкъ, по мнѣнію Руссо, родился свободнымъ, а вездѣ онъ въ цѣпяхъ. Общественный порядокъ основанъ на соглашеніи. Люди сознательно и добровольно вступаютъ въ союзъ, на основаніи взаимнаго договора, и государство является именно такимъ союзомъ, имѣющимъ своей цѣлью общее благо, которое для всѣхъ одинаково. Верховная власть принадлежитъ народу; она неотчуждаема, недѣлима, непогрѣшима и неограничена. Общая воля всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ. Личной, или индивидуальной, свободы Руссо не признаетъ, и она у него ничѣмъ не обезпечивается; раздѣленія властей, которому придаетъ значеніе Монтескье, Руссо отвергаетъ, онъ прославляетъ самое широкое, ничѣмъ *неограниченное народовластіе*. «Всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, — говоритъ онъ, — не имѣетъ силы: это и не законъ вовсе». Лучшее государственное устройство, по мнѣнію Руссо,— *демократическая республика*, въ которой народъ правитъ непосредственно, какъ это было, напримѣръ, въ древнегреческихъ государствахъ-городахъ

Просвѣтители XVIII вѣка мечтали о переустройствѣ государства и общества въ духѣ новыхъ идей, и въ этомъ отношеніи они возлагали большія надежды на государей; они полагали, что только абсолютная королевская власть въ силахъ провести въ жизнь эти идеи. «Короли должны осуществлять идеи мыслителей», восклицаетъ *Вольтеръ*, одинъ изъ величайшихъ писателей вѣка, всю жизнь отстаивавшій въ своихъ произведеніяхъ идеи просвѣщенія и вѣротерпимости. Надежды философовъ на монарховъ имѣли основанія. Во второй половинѣ XVIII в. почти всѣ европейскіе государи, интересовались просвѣтительной литературой, были съ ней хорошо знакомы и сочувственно относились къ новымъ идеямъ. Многіе монархи переписывались съ философами, просили у нихъ совѣта, приглашали къ своему двору. Въ 1765 году *Дидро* писалъ, что въ Европѣ нѣтъ ни одного монарха, который не былъ бы и философомъ.

Во второй половинѣ XVIII в. реформы въ европейскихъ монархіяхъ сдѣлались государственною необходимостью: торговля и промышленность въ этомъ вѣкѣ сдѣлали огромные успѣхи,

и абсолютныя монархіи были принуждены сдѣлать уступки выросшему и усилившемуся буржуазному классу: онѣ урѣзывали всемогущество католической церкви, сокращали дворянскія привилегіи, заботились даже о культурномъ развитіи подданныхъ. Въ Европѣ настала эпоха, которая носитъ названіе *«просвѣщеннаго абсолютизма»*. Эта эпоха началась со вступленіемъ на престолъ прусскаго короля-философа, Фридриха II. *Фридрихъ II* (1740 — 1786) и австрійскій императоръ *Іосифъ II* (1780 — 1790) являются главными представителями «просвѣщеннаго абсолютизма». Къ этому времени рѣзко измѣнился взглядъ на монархическую власть. Людовику XIV приписываютъ слова: «государство это—я»; онъ считалъ, что власть его отъ Бога, и что онъ имѣетъ одни права и никакихъ обязанностей. Фридрихъ II писалъ: «вотъ въ чемъ заблуждается большая часть государей. Они воображаютъ, что Богъ нарочно и изъ особаго вниманія къ ихъ величію, благополучію и гордости создалъ ту массу людей, попеченіе о которой имъ ввѣрено, и что подданные предназначаются лишь къ тому, чтобы быть орудіями и слугами ихъ нравственной распущенности. Король не деспотъ, руководящійся лишь своимъ капризомъ. Государь есть только первый слуга государства, обязанный поступать добросовѣстно, мудро и вполнѣ безкорыстно, какъ будто бы каждую минуту онъ долженъ былъ быть готовымъ дать отчетъ согражданамъ въ своемъ управленіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Фридрихъ II стоялъ за неограниченную монархическую власть, такъ какъ, по его мнѣнію, только обладая такой властью, короли могутъ должнымъ образомъ исполнять свои обязанности.

Вступивъ на престолъ, Фридрихъ II, имѣя въ виду прежде всего интересы государства, его укрѣпленіе и усиленіе, принялся за реформы администраціи, суда, финансовъ, народнаго образованія, вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Король-философъ стоялъ за вѣротерпимость и предоставилъ своимъ подданнымъ «спасаться каждому на свой ладъ». Особенно заботился Фридрихъ II объ улучшеніи правосудія. Король стоялъ за полную независимость суда отъ администраціи и говорилъ, что «судьи не должны обращать вниманія на указы, хотя бы они выходили изъ королевскаго кабинета». Преобразованные прусскіе суды считались образцовыми по независимости и добросовѣстности судей.

Фридрихъ II былъ все же очень умѣренный реформаторъ; онъ не тронулъ стариннаго общественнаго строя Пруссіи, основаннаго на сословныхъ привилегіяхъ. Гораздо дальше короля-философа въ дѣлѣ реформъ пошелъ его большой поклонникъ и ученикъ австрійскій императоръ *Іосифъ II*. Австрія

была наиболѣе отсталой страной, и реформы въ ней были необходимы для спасенія самого государства, какъ это показала война съ Фридрихомъ, захватившимъ Силезію. Подражая Фридриху, Іосифъ рѣшилъ преобразовать свое государство въ духѣ идей XVIII в. и дѣйствовалъ при этомъ рѣшительно и какъ настоящій деспотъ, говоря: «государство, въ которомъ я царствую, должно управляться по моимъ принципамъ». Управленіе, судопроизводство, финансы—все это Іосифъ стремился преобразовать въ духѣ централизаціи. Въ противоположность Фридриху, Іосифъ былъ противникомъ сословныхъ привилегій и стремился къ установленію гражданскаго равенства среди своихъ подданныхъ. Онъ не оставилъ въ покоѣ и соціальнаго строя всего государства. Іосифъ уничтожилъ крѣпостное право, обезпечивъ за крестьянами ихъ земельные надѣлы, и отмѣнилъ податныя привилегіи дворянства, издавъ указъ о налогахъ (1789), который вводилъ поземельный налогъ на всѣхъ землевладѣльцевъ. Цензура книгъ и завѣдываніе школами было отнято у духовенства, печать получила нѣкоторую свободу. Реформаторская дѣятельность императора была настоящей революціей сверху, и Іосифъ II, этотъ «революціонеръ на тронѣ», встрѣтилъ сильную оппозицію въ странѣ, особенно со стороны привилегированныхъ—духовенства и дворянства,—и многія его реформы потерпѣли неудачу.

Эпоха просвѣщеннаго абсолютизма окончилась съ началомъ великой французской революціи.

19. Великая революція во Франціи.

I.

Людовикъ XVI получилъ въ наслѣдство отъ своего дѣда, расточительнаго Людовика XV, обширную монархію съ крайне разстроеннымъ механизмомъ управленія, обремененную громадными долгами. Чтобы покрыть безконечныя траты двора и уплатить проценты по долговымъ обязательствамъ, требовались новые и новые расходы, а чтобы достать необходимыя для этого деньги, пришлось изыскивать новыя средства обложенія. Между тѣмъ страна бѣднѣла, и положеніе главнаго контролера финансовъ, какъ назывались во Франціи министры финансовъ, становилось все затруднительнѣе. Вотъ отчего эти министры въ царствованіе Людовика XVI мѣнялись чуть ли не каждый годъ. Королю казалось страннымъ, что не можетъ найтись человѣкъ, способный спасти Францію отъ грозящаго ей упадка, и онъ

приглашалъ все новыхъ и новыхъ министровъ. Лучшіе люди Франціи того времени сознавали, что единственный выходъ страны изъ того экономическаго застоя, въ которомъ она находилась—уравненіе въ платежѣ налоговъ привилегированныхъ съ остальными классами населенія. Привилегіи были главнымъ зломъ Франціи. На нихъ указывали королю многіе администраторы и министры, но король считалъ уничтоженіе привилегій посягательствомъ на вѣковые устои Франціи, поддерживать которые онъ считалъ священною обязанностью монарха. Съ своей стороны онъ былъ правъ: его абсолютная власть сжилась съ пережитками феодализма, и держалась ими; оберегая привилегіи знати и свои, онъ спасалъ свою верховную неограниченную власть. Но идея отечества значительнѣе идеи короля; королю же она была недоступна, и мягкій Людовикъ XVI продолжалъ искренно вѣрить, какъ нѣкогда Людовикъ XIV, что государство и король—одно. За подобное заблужденіе онъ поплатился впослѣдствіи короной.

Поиски за средствами спасенія страны начали собою большое дѣло. Они выяснили, что бюрократическими средствами здѣсь не поможешь, необходимо обращеніе къ обществу. Были созваны *нотабли* (именитые люди всѣхъ сословій), которые не одобрили новыхъ налоговъ и, между прочимъ, потребовали *созыва Генеральныхъ штатовъ* (представителей трехъ главныхъ сословій), не сзывавшихся съ 1614 года. Ихъ требовали также провинціальные штаты (земскія собранія), духовенство и особенно третье сословіе. Повидимому, это былъ единственный выходъ какъ для короля, такъ и для Франціи, и послѣ нѣкотораго колебанія король объявилъ о созывѣ генеральныхъ штатовъ.

Это извѣстіе было принято въ странѣ съ неописуемыми надеждами и восторгомъ. Вновь призванный, популярный въ странѣ министръ *Неккеръ* не оказывалъ давленія на выборы, начавшіеся весною, и не стѣснялъ печать въ обсужденіи положенія дѣлъ. Въ выборахъ могъ участвовать каждый французъ, плативній налогъ и достигшій 25-лѣтняго возраста. Особенный интересъ къ выборамъ обнаружило третье сословіе, (буржуазія), окрѣпнувшее и получившее значительный вѣсъ въ странѣ, благодаря своему экономическому положенію и просвѣщенію. Сущность пожеланій третьяго сословія была изложена въ брошюрѣ аббата *Сійеса* «Что такое третье сословіе?», которая (въ январѣ) въ нѣсколько дней разошлась въ количествѣ 40.000 экземпляровъ. «Что такое третье сословіе?»—спрашиваетъ авторъ этой брошюры. «Все», потому что привилегированныхъ въ странѣ насчитывается всего около 200.000, а остальные 25

милліоновъ принадлежатъ къ третьему сословію и крестьянамъ, интересы которыхъ въ Генеральныхъ штатахъ представляли депутаты того же третьяго сословія. На этомъ основаніи Сійесъ, а съ нимъ и все третье сословіе требовали, чтобы и число ихъ депутатовъ въ Генеральныхъ штатахъ было увеличено вдвое, т.-е., чтобы численностью представительства оно бы равнялось двумъ первымъ сословіямъ вмѣстѣ. «Чѣмъ было до сихъ поръ третье сословіе?» — продолжаетъ вопросъ Сійесъ. «Ничѣмъ»— «Чѣмъ оно хочетъ быть?»—«Чѣмъ-нибудь». Но этотъ отвѣтъ Сійеса превратился въ концѣ книжки въ грозное «всѣмъ». «Депутаты третьяго сословія,—говоритъ Сійесъ, въ правѣ считать себя истинными представителями всей націи», слѣдовательно, долгъ депутатовъ третьяго сословія «объявить себя національнымъ собраніемъ».

Населеніе, въ большинствѣ случаевъ, сознательно отнеслось къ выборамъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ масса *наказовъ*, которые писались избирателями для своихъ депутатовъ. Правда, многіе изъ этихъ наказовъ писались не самими избирателями, а лицами со стороны, многіе писались по готовому образцу, но, сопоставляя наказы, мы все-таки получаемъ полную картину настроенія французскаго общества передъ революціей. Наказы, особенно третьяго сословія, требовали возродить націю, укрѣпить ее, при чемъ во всѣхъ наказахъ стояло требованіе *ограниченія королевской власти*, хотя это ограниченіе понималось сословіями по разному (такъ привилегированные стремились ограничить власть въ свою пользу). Наказы требовали *личной свободы*, религіозной *терпимости*, предлагали проекты устройства суда, администраціи и т. д. Конечно, наказы третьяго сословія стремились къ *отмѣнѣ феодальныхъ правъ*, а наказы привилегированныхъ были за ихъ сохраненіе, но во всѣхъ наказахъ проглядывала мысль, что нація выше короля, и Генеральные штаты въ правѣ говорить отъ лица всего народа. Иногда въ наказахъ слышатся отвлеченныя понятія, что являлось увлеченіемъ демократическими теоріями писателей просвѣтительнаго вѣка. Много также содѣйствовало этому закончившаяся незадолго передъ тѣмъ война Сѣверо-Американскихъ колоній за свою независимость. Борьба американцевъ за свободу возбуждала во французскомъ обществѣ живѣйшій интересъ; въ Америку ѣздило много добровольцевъ-французовъ, которые приносили съ собою на родину и распространяли идеи политической независимости. Во всякомъ случаѣ, французское общество своими наказами показало, чего оно ждетъ отъ Генеральныхъ штатовъ и чего требовало чрезъ нихъ отъ правительства. У самаго же правительства

не было никакой программы—оно созвало Генеральные штаты, не приготовивъ для нихъ ни одного проекта для обсужденія. Этимъ объясняется отчасти то господствующее положеніе, которое заняли Генеральные штаты по отношенію къ правительству и королю.

5 мая 1789 г. въ Версалѣ, торжественно, рѣчью короля были открыты *Генеральные штаты*. Всего депутатовъ прибыло отъ первыхъ двухъ сословій вмѣстѣ 561 и отъ третьяго 557. Среди представителей духовенства было болѣе 200 сельскихъ священниковъ, которые при старомъ порядкѣ занимали довольно приниженное положеніе и въ большинствѣ случаевъ стояли на сторонѣ третьяго сословія. Среди депутатовъ буржуазіи одно изъ главныхъ мѣстъ по численности (болѣе 200) принадлежало адвокатамъ. Въ числѣ депутатовъ отъ третьяго сословія находились аббатъ *Сіэсъ*, авторъ знаменитой брошюры, и дворянинъ *Мирабо*—оба они сыграли въ революціи видную роль.

Первымъ дѣломъ Генеральныхъ штатовъ явилась провѣрка полномочій депутатовъ, и сейчасъ же всталъ передъ ними вопросъ громадной важности; какъ вести штатамъ засѣданія, вмѣстѣ или отдѣльно, и какъ подавать голоса, *по сословіямъ*, считая каждое сословіе за одинъ голосъ, или *поголовно*? Отъ рѣшенія этого вопроса, для третьяго сословія зависѣла судьба всѣхъ его замысловъ потому, что при поголовномъ голосованіи перевѣсъ могъ быть на его сторонѣ, благодаря удвоенному числу голосовъ, которое оно получило, тѣмъ болѣе, что третье сословіе могло разсчитывать на поддержку большинства сельскаго духовенства. Депутаты двухъ привилегированныхъ классовъ упорно отстаивали голосованіе по штатамъ, т.-е. по сословіямъ. Нѣсколько недѣль прошло въ этихъ спорахъ, наконецъ третье сословіе рѣшило, по предложенію Сіэса, обрѣзать канатъ и 17 іюня объявило себя *Національнымъ Собраніемъ* такъ какъ оно одно составляло представительство, по крайней мѣрѣ, девяноста шести сотыхъ всей націи. Это постановленіе явилось неожиданностью для короля, тѣмъ болѣе, что многіе привилегированные депутаты присоединились къ Національному Собранію. Короля убѣдили устроить королевское засѣданіе Генеральныхъ штатовъ, на которомъ будетъ приказано штатамъ раздѣлиться и, въ случаѣ нужды, пригрозить военною силою. *20 іюня* депутаты Національнаго Собранія нашли помѣщеніе, гдѣ они собирались, запертымъ, подъ предлогомъ приготовленій къ королевскому засѣданію; это раздражило депутатовъ, и они, собравшись въ манежѣ, служившемъ для игры въ мячъ, торжественно поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока не

будетъ дана Франціи конституція. Черезъ три дня въ соединенномъ засѣданіи король властно приказалъ сословіямъ размежеваться и, покидая засѣданіе, отмѣнилъ всѣ постановленія Національнаго Собранія. Два первыхъ сословія удалились, вмѣстѣ съ королемъ, но депутаты третьяго сословія остались на своихъ мѣстахъ и рѣшили, не обращая вниманія на происшедшее, продолжать прерванныя работы собранія. Это мужественное поведеніе Національнаго Собранія обезкуражило короля и дворъ. Король никакъ не ожидалъ такого сопротивленія и растерялся, у него не было мужества рѣшиться на переворотъ, который ему подсказывался придворной партіей, и онъ только махнулъ рукою, когда ему доложили о грозномъ сопротивленіи Національнаго Собранія и даже велѣлъ остальнымъ сословіямъ присоединиться къ третьему сословію. Такъ въ лицѣ короля старый порядокъ сдался передъ требованіями жизни и народа.

Но придворная партія, игравшая большую роль при слабохарактерномъ Людовикѣ XVI, не намѣрена была добровольно уступить свое положеніе, а съ нимъ свои привилегіи. Въ ея средѣ начались широкія приготовленія къ заговору противъ народныхъ представителей. Постепенно и, по возможности, безъ огласки, король началъ стягивать къ Парижу войска, среди которыхъ было много наемниковъ-иностранцевъ. Эти приготовленія и ихъ цѣль не остались тайной для парижскаго населенія, напряженно слѣдившаго за положеніемъ дѣлъ въ Версалѣ. Особенно его раздражало присутствіе иностранныхъ войскъ. Раздраженіе достигло крайняго напряженія послѣ отставки Неккера, которому симпатизировало собраніе, и назначенія новаго министерства, одному изъ членовъ котораго приписывали фразу: если народъ голоденъ, пусть ѣстъ сѣно. Въ Парижѣ начались уличныя сходки, на одной изъ которыхъ молодой человѣкъ, Камиллъ *Демуленъ*, сталъ призывать народъ къ защитѣ народныхъ интересовъ и свободы. Въ городѣ начались безпорядки. Явилась мысль объ учрежденіи народной милиціи въ противовѣсъ замысламъ двора. Наконецъ, *14 іюля*, возбужденная толпа разграбила арсеналъ съ оружіемъ и, послѣ настоящаго боя, взяла штурмомъ *Бастилію*, крѣпость, служившую политической тюрьмой. Это событіе поразило французовъ, какъ громомъ. Оно разстроило всѣ планы двора и заставило короля пойти навстрѣчу Національному Собранію, которое, услышавъ о заговорѣ двора и не имѣя собственной охраны, рѣшило не расходиться. Событія разсѣяли страхъ населенія, и король, ввѣривъ свою жизнь Національному Собранію, переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ уже была учреждена *національная гвардія* съ *Лафайетомъ*, героемъ американской войны,

во главѣ, назначены новыя городскія власти и установлена національная трехцвѣтная кокарда, символъ обновленной Франціи.

Взятіе Бастиліи заставило потерять всѣ надежды на возвратъ къ старому порядку, и съ этого времени многіе сеньеры и принцы начали эмигрировать (переселяться) изъ Франціи заграницу. *Эмигранты*, будучи непримиримыми противниками новаго строя, не хотѣли остаться заграницей простыми зрителями и принялись дѣятельно за агитацію въ пользу возстановленія въ покинутомъ отечествѣ стараго порядка вообще и прежнихъ правъ короля въ частности. Эмигранты старались возбудить противъ Франціи общественное мнѣніе Европы и поэтому были очень опасны для Франціи, гдѣ оставалось много ихъ единомышленниковъ и сообщниковъ съ королевской четой во главѣ. Они, главнымъ образомъ, были виновниками того, что Франція была вовлечена въ кровопролитныя войны.

Между тѣмъ слухъ о взятіи Бастиліи проникъ въ деревенскіе углы Франціи и сразу всколыхнулъ тѣ ненормальныя отношенія, которыя установились съ давнихъ поръ между народомъ и помѣщиками. Населеніе смутно почувствовало, что старому порядку пришелъ конецъ, парижская толпа 14 іюля дала ему образецъ насильственныхъ дѣйствій, и въ деревняхъ начались грабежи, безпорядки и погромы.

Тревожныя извѣстія изъ провинціи заставили Національное Собраніе, присвоившее себѣ также названіе *Учредительнаго*, обратить вниманіе на соціальное законодательство, потому что укрѣпленіе новаго конституціоннаго строя было немыслимо рядомъ съ существованіемъ феодальныхъ пережитковъ. Въ одно *засѣданіе 4 августа*, затянувшееся за полночь, было уничтожено большинство дворянскихъ привилегій, напр., податныя льготы, исключительное право охоты, господскій судъ, барщина, и было установлено равенство въ налогахъ. Многіе дворяне, въ порывѣ энтузіазма, сами отказывались отъ привилегій, усиливая этимъ общее умиленіе передъ торжественной минутой. Это общее настроеніе создавалось подъ вліяніемъ переживанія идей о человѣческомъ естественномъ правѣ, свободѣ и равенствѣ, которыя давно уже проповѣдывались въ сочиненіяхъ англійскихъ и французскихъ писателей XVII и XVIII в., и послѣ американскихъ «Декларацій правъ», гдѣ эти идеи нашли свое приложеніе, были постояннымъ предметомъ желаній для французскихъ свободолюбивыхъ патріотовъ.

Въ августѣ 1789 года была выработана и французская «*Декларація правъ человѣка и гражданина*», представляющая изъ себя копію американской. Въ этой декларації, первый пунктъ которой

гласить: люди рождаются и остаются свободными и равноправными», установлены незыблемыя основы гражданской свободы Франціи, свободы печати, вѣроисповѣданія и проч., которыя остаются и до сихъ поръ устоями французской гражданственности. Декларація правъ лежитъ въ основаніи *конституціи*, которую выработало Учредительное Собраніе въ 1791 году. Реформы коснулись всѣхъ сторонъ французской жизни.

Прежде всего была провозглашена во Франціи *конституціонная монархія*. По конституціи 1791 г., Франція должна была управляться палатой народныхъ представителей, называвшеюся *Законодательнымъ Собраніемъ*. Участвовать въ выборахъ могъ всякій французъ, платившій налогъ въ размѣрѣ трехдневной заработной платы (въ среднемъ около 60 су); такимъ образомъ, большинство рабочихъ было лишено политическихъ правъ. Исполнительная власть должна была принадлежать королю и министрамъ, которые не могли быть изъ числа членовъ Законодательнаго Собранія и даже не имѣли права присутствовать на его засѣданіяхъ. Это было сдѣлано изъ опасенія давленія со стороны исполнительной власти на законодательную. Верховная власть была сильно сужена. Король имѣлъ право налагать «*вето*» (запрещеніе) на постановленія Законодательнаго Собранія, но это вето имѣло не безусловное значеніе, а только отсрочивающее, потому что оно теряло силу, если дважды смѣнившееся собраніе вынесетъ прежнее постановленіе. Въ конституціи 1791 года было много несовершеннаго. Не говоря уже о лишеніи большей части населенія избирательныхъ правъ, что противорѣчило даже «декларацiи», боязнь исполнительной власти дошла до разобщенности министровъ съ народнымъ представительствомъ и лишила возможности страну видѣть министрами депутатовъ, т.-е. лицъ уже облеченныхъ довѣріемъ общества. Для удобства управленія Франція была раздѣлена на 83 *департамента*, и, чтобы лишить короля и министровъ силы въ провинціи, департаментамъ было дано полное самоуправленіе, которое было трудно контролировать, благодаря слабости исполнительной власти. *Судъ* сдѣлался общедоступнымъ, гласнымъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Обширныя церковныя имѣнія были объявлены національнымъ имуществомъ и назначены въ продажу за 400 милліоновъ, подъ которые и были выпущены ассигнаціи; выручка должна была пойти на уплату государственнаго долга. *Національныя имущества* были раскуплены частью крестьянами, частью буржуазіей. Крестьянамъ при расширеніи площади ихъ владѣній, также при выкупѣ феодальныхъ повинностей, не было оказано со стороны государства никакой

поддержки—имъ было предоставлено самимъ входить въ соглашенія съ бывшими сеньерами; это было очень тяжело, такъ какъ требовало большихъ затратъ, и крестьяне, въ сущности, были мало довольны той политической свободой, которую установило Учредительное Собраніе, потому что ихъ положеніе требовало, рядомъ съ свободой, въ значительной степени экономическихъ улучшеній. Мѣропріятія Учредительнаго Собранія коснулись и самой *церкви*. Священники стали разсматриваться, какъ государственные чиновники, обязанные повиноваться не папѣ, главѣ церкви, а правительству. Они сдѣлались выборными, при чемъ въ выборахъ могли принимать участіе лица всѣхъ исповѣданій. Эти мѣры Учредительнаго Собранія создали въ обществѣ, особенно въ духовенствѣ, большой расколъ

Какъ видно изъ изложенія конституціи 1791 г., ея составители не отличались практичностью и дальновидностью и въ большинствѣ случаевъ руководились только идеями, не обращая вниманія, насколько онѣ примѣнимы къ жизни. Но какъ бы то ни было, работа Учредительнаго Собранія была громадна. Она захватила всѣ стороны французской жизни, и многія изъ реформъ Собранія были благодѣтельны для страны. Учредительное Собраніе окончательно упразднило старый порядокъ и постаралось, правда иногда неудачно, примѣнить на дѣлѣ тѣ многочисленныя теоріи, касающіяся отношеній государства и общества, которыми были полны головы людей XVIII вѣка. Если же основы «декларація правъ человѣка» не нашли себѣ цѣликомъ примѣненія въ конституціи 1791 г., то этого и невозможно было требовать отъ одной сессіи законодательнаго учрежденія; осуществленіе идей «декларація»—дѣло всей исторіи вообще, положительная же сторона Великой Французской Революціи и заключается въ защитѣ основныхъ положеній «декларація».

Чтобы понять реформы Учредительнаго Собранія, необходимо остановиться на *партіяхъ* этого собранія. Въ Учредительномъ Собраніи правую сторону занимали *роялисты*, сторонники стараго порядка, ихъ было немного и они не имѣли значенія въ Собраніи, но они постоянно оказывали сопротивленіе упроченію новаго строя и, несомнѣнно, были въ сношеніяхъ какъ со дворомъ, такъ и съ эмигрантами. Центръ составляли *конституціоналисты*, стремившіеся связать монархическое устройство съ идеями свободы. Эта партія, несомнѣнно, выражала въ то время настроеніе всей страны. На *крайней лѣвой* сидѣли лица, думавшіе провести въ жизнь начала чистаго народовластія, мысль которую можно найти въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Руссо, но ихъ стремленія еще не получили отчетливой формы, и одинъ

изъ представителей идеи народовластія, депутатъ Робеспьеръ, въ эпоху Учредительнаго Собранія былъ убѣжденнымъ сторонникомъ монархіи и даже смѣялся надъ республиканцами.

Революція сдѣлала французское общество самодѣятельнымъ; оно почувствовало, что принимаетъ участіе въ управленіи, поэтому стало пристальнѣе всматриваться въ дѣятельность выбранныхъ имъ депутатовъ, стало искать средства поближе узнать цѣли народнаго правительства. Удовлетворяя эту потребность населенія, появилась масса газетъ, листковъ, брошюръ; нѣкоторые изъ нихъ расходились въ количествѣ 200.000 экземпляровъ. Особенной извѣстностью пользовались газеты Демулена «Революція Парижа» и Марата «Другъ Народа». Съ другой стороны, сами депутаты не желали быть оторванными отъ народа и стремились сдѣлать свою дѣятельность гласною, ища этимъ поддержки со стороны избирателей. Такъ возникли *политическіе клубы*, въ которыхъ партіи могли проповѣдывать свои идеи и входить по поводу ихъ въ обсужденіе съ населеніемъ. Особою извѣстностью пользовался клубъ «Друзей Конституціи», помѣщавшійся въ домѣ упраздненнаго монастыря Св. Якова, отчего и самый клубъ получилъ названіе *Якобинскаго*.

Задача Учредительнаго Собранія заключалась въ упроченіи въ странѣ идеи конституціоннаго строя, но придворная партія не склонна была мириться съ создавшимся положеніемъ дѣлъ. Дворъ хотѣлъ сохранить наружныя благожелательныя отношенія съ Учредительнымъ Собраніемъ, съ другой стороны, возбуждалъ противъ него своихъ сторонниковъ какъ внутри, такъ и внѣ страны. Появленіе новаго иностраннаго полка въ Версалѣ и банкетъ, данный въ честь его, чрезвычайно встревожили парижское населеніе, страдавшее отъ дороговизны хлѣба. Въ началѣ октября толпы народа двинулись къ Версалю къ «хлѣбопеку», какъ они называли короля, прося его защитить населеніе отъ голода. Толпы проникли въ самый дворецъ и заставили короля обѣщать позаботиться о продовольствіи. Чтобы успокоить населеніе, король, вмѣстѣ съ семьею, долженъ былъ переѣхать въ Парижъ. Туда же было переведено и Учредительное Собраніе. Хотя французское общество было еще очень предано монархіи, но двусмысленное поведеніе Людовика XVI вредило монархіи во Франціи. Считая себя связаннымъ во Франціи, король, подъ вліяніемъ своей жены (сестры австрійскаго императора) и эмигрантовъ, рѣшилъ бѣжать за границу.

Утромъ 21 іюля въ Парижѣ распространилось угнетающее извѣстіе, что король, вмѣстѣ со своей семьею, бѣжалъ. Одно время ожидали иноземнаго нашествія. Но Учредительное Собраніе взяло управленіе въ свои руки, быстро организовало войска

и своими распорядительными дѣйствіями успокоило населеніе столицы. Зато престижу королевской власти былъ нанесенъ ударъ. Республиканскія партіи теперь встрѣчали всеобщее сочувствіе; негодованіе противъ Людовика XVI и ненависть къ монархамъ стали общими чувствами. Король былъ узнанъ на самой границѣ и возвращенъ въ столицу, какъ плѣнникъ. Учредительное Собраніе пріостановило его власть на время слѣдствія, наряженнаго надъ нимъ. Королю удалось спасти свое положеніе только торжественной присягой конституціи, которую выработало Собраніе. Но въ народѣ недовѣріе и ненависть къ Людовику XVI пустили такіе большіе корни, что стали собираться подписи подъ петиціей объ его низложеніи. На Марсовомъ полѣ, черезъ три дня послѣ празднованія годовщины взятія Бастиліи, произошла большая демонстрація, съ подачей упомянутой петиціи. Правительству это народное движеніе показалось опаснымъ и манифестанты были разсѣяны ружейными залпами, при чемъ было не мало жертвъ. Это событіе съ одной стороны не утишило возбужденія толпы противъ короля, съ другой стороны поселило вражду между парижскимъ населеніемъ и новымъ правительствомъ, выражавшимъ интересы буржуазіи.

Въ сентябрѣ 1791 г. Учредительное Собраніе объявило свою миссію законченной и разошлось, чтобы уступить мѣсто *Законодательному Собранію*, при чемъ, по предложенію Робеспьера, было постановлено, что никто изъ членовъ Учредительнаго Собранія не будетъ баллотироваться въ члены новаго Собранія. Это было сдѣлано во избѣжаніе навѣтовъ, что Собраніе работало для себя, но это было громадной ошибкой. Какъ ни какъ, члены Національнаго Учредительнаго Собранія проработали два года въ тяжелой обстановкѣ и пріобрѣли навыкъ разбираться въ сложныхъ вопросахъ политики и государственнаго хозяйства; кромѣ того, не нужно забывать, что въ Генеральные Штаты были выбраны лучшіе и способные люди страны и постановленіе Учредительнаго Собранія лишало населеніе возможности послать въ новое Собраніе депутатовъ, уже получившихъ опытность въ дѣлѣ законодательства.

Между выборами въ Генеральные штаты и въ Законодательное Собраніе есть нѣкоторая разница. Тогда выбирало безправное населеніе, стремящееся въ открывшееся окно влить какъ можно больше свѣжаго воздуха. Генеральные штаты были единственною надеждою населенія. Теперь же, послѣ великихъ реформъ, старый порядокъ остался позади. Для многихъ было слишкомъ достаточно совершоннаго въ эти два года революціи, чтобы не требовать больше; вотъ почему въ глухихъ уголкахъ Франціи населеніе не

обнаружило интереса къ политической жизни и нерѣдко $^{9}/_{10}$ изъ него не появлялось на выборы. Но зато были люди, глубоко понимавшіе, что задача будущаго Законодательнаго Собранія заключается въ упроченіи конституціи, и видѣвшіе враговъ этой конституціи. Поэтому они старались выбирать депутатовъ—борцовъ за революціонныя идеи. Такимъ настроеніемъ части избирателей воспользовалась немногочисленная, но стойкая *партія республиканцевъ*, которые и получили въ Законодательномъ Собраніи значительное вліяніе.

II.

1 октября 1791 г. Законодательное Собраніе открыло свои засѣданія. *Роялистовъ* въ Законодательномъ Собраніи не было вовсе; ихъ мѣсто заняли умѣренные *конституціоналисты*, лѣвую же сторону заняли *республиканцы*, которые дѣлились на двѣ большія группы: *жирондистовъ* (отъ департамента Жиронда) и *монтаньяровъ* (т.-е. «горцевъ», сидѣвшихъ на верхнихъ скамьяхъ). Эти республиканцы, въ большинствѣ случаевъ, были якобинцами и только потомъ якобинцами стали называться только монтаньяры. Нетрудно предположить, какую позицію заняло новое Собраніе по отношенію къ королю и представителямъ стараго порядка.

Члены Законодательнаго Собранія не считали дѣло революціи законченнымъ, особенно послѣ того, какъ обнаружились темныя силы *контръ-революціи*. Съ самаго начала возникли столкновенія Собранія съ королемъ. Законодательное Собраніе постановило, чтобы помѣщики представили документы, доказывающіе ихъ право на землю, которую крестьяне могли выкупить по постановленіямъ Учредительнаго Собранія. Но такъ какъ помѣщики такихъ правъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли, то спорныя земли были объявлены собственностью крестьянъ (безъ выкупа). Это вызвало рѣзкій протестъ со стороны помѣщиковъ, немалое число которыхъ находилось за границей и оттуда посылало Франціи свои угрозы. Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ государи прусскій и австрійскій, поддерживаемые эмигрантами, рѣшились дѣйствовать противъ новаго порядка во Франціи, то Собраніе, разсматривавшее эмиграцію, какъ измѣну, потребовало отъ эмигрантовъ возврата въ извѣстный срокъ въ отечество, подъ угрозою конфискаціи имущества и даже смертной казни. Король, который принималъ близко къ сердцу интересы эмигрантовъ, наложилъ на это постановленіе Законодательнаго Собранія свое вето. На одну доску съ эмигрантами были поставлены и

священники, которые не присягнули конституціи. По отношенію къ нимъ была примѣнена та же мѣра, что и къ эмигрантамъ,—ихъ объявили измѣнниками. Король и на это постановленіе наложилъ вето. Это сильно раздражило Собраніе и разрывъ между королемъ и Собраніемъ сталъ неизбѣжнымъ.

Сношенія короля съ иностранными дворами продолжались, только поневолѣ сдѣлались тайными, что еще болѣе возбуждало подозрѣніе народа и Собранія. Въ январѣ стало извѣстно, что императоръ австрійскій и король прусскій заключили противъ Франціи наступательный и оборонительный союзъ, между тѣмъ, какъ министерство Людовика XVI не предпринимало никакихъ мѣръ противъ грозящей опасности. На министровъ посыпались обвиненія и запросы, изъ которыхъ выяснилась подпольная интрига какъ короля, такъ и его министровъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ были отданы подъ судъ, и короля убѣдили составить министерство изъ сторонниковъ Собранія; оно было составлено изъ жирондистовъ. Новому правительству предстояла неразрѣшимая задача: поддержать конституціонную монархію, тогда какъ она сама себя разрушала. Но передъ нимъ стояла въ то же время и другая защита отечества, которому грозило *иноземное нашествіе*. Жирондистское министерство стояло за войну съ Австріей—этого требовало и Собраніе. Жирондисты, между прочимъ, думали, благодаря войнѣ, распространить великіе принципы свободы по всей Европѣ. «Объявимъ же войну королямъ и миръ народамъ», воскликнулъ въ Собраніи одинъ изъ нихъ. Королю не хотѣлось войны, но уступая общему настроенію, онъ долженъ былъ объявить Австріи войну, при чемъ въ манифестѣ говорилось, что Франція не желаетъ завоеваній и не посягаетъ на чью-либо свободу (1792 г.). Въ народѣ война была очень популярна. Снаряженія шли быстро и воодушевленно. Въ короткое время была мобилизована большая армія, которая пополнялась добровольцами, горѣвшими желаніемъ сражаться и за отечество и за свободу [1]). Къ Парижу все прибывали и прибывали войска федератовъ, т.-е. добровольной милиціи, и явилась необходимость устроить для нихъ подъ городомъ лагерь. Неутвержденіе королемъ декрета Законодательнаго Собранія о лагерѣ федератовъ и выходъ, въ связи съ этимъ, въ отставку жирондистскаго министерства всѣмъ ясно показало, гдѣ находится центръ сопротивленія устройству національной обороны. Въ это же время въ Страсбургѣ былъ

[1]) Въ это же время всю Францію облетѣла мужественная пѣсня, составленная Руже де-Лилемъ, которую распѣвалъ батальонъ марсельцевъ-добровольцевъ, прибывшихъ въ Парижъ: эта пѣсня назвалась *Марсельезой* и стала гимномъ республиканской Франціи.

раскрытъ заговоръ о сдачѣ города австрійцамъ, прусская армія готовилась перейти границу и, вдобавокъ, на югѣ и западѣ самой Франціи уже начиналось возстаніе въ пользу короля. Парижъ волновался и Законодательственное Собраніе объявило *«отечество въ опасности»*, взявъ дѣло управленія въ свои руки. Чашу терпѣнія переполнилъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго, обращенный къ французской націи съ угрозами въ случаѣ нарушенія безопасности короля, войной, казнями, уничтоженіемъ Парижа и т. д. Въ манифестѣ говорилось, между прочимъ, что жители, захваченные съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ казнены, при чемъ національная гвардія причислялась къ простымъ жителямъ, а не къ регулярному войску. Подъ вліяніемъ этихъ событій большинство кварталовъ Парижа потребовало *низложенія короля. 10 августа* во время народнаго бунта, король, укрывшійся отъ толпы въ Законодательномъ Собраніи, былъ временно отстраненъ отъ власти. Такимъ образомъ, монархія была временно пріостановлена, окончательное же разрѣшеніе вопроса о монархіи и королѣ Законодательное Собраніе передало собранію представителей всѣхъ французовъ, достигшихъ 21 года, и это собраніе, подъ именемъ Національнаго Конвента, должно было собраться въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, т.-е. въ сентябрѣ 1792 года.

Возстаніе 10 августа было дѣломъ столицы, которое организовало изъ себя новую парижскую общину, *коммуну*. Легко возбудимое населеніе Парижа часто устраивало демонстраціи, нерѣдко кончавшіяся кровопролитіемъ, особенно послѣ того, какъ оно вооружилось. Но эти народныя выступленія имѣли громадное, иногда рѣшающее рѣшеніе не только въ судьбѣ Парижа, но и всей страны. Законодательное Собраніе заняло по отношенію къ парижской толпѣ странную позицію. Изъ боязни вызвать народное негодованіе Собраніе ничего не предпринимало къ обузданію этой толпы и не сдѣлалось въ странѣ господиномъ положенія, допустивъ какъ бы раздѣлъ власти и вліянія между представительнымъ учрежденіемъ, гдѣ должна была сосредоточиться вся власть, и парижскимъ населеніемъ, случайно сорганизовавшимся въ коммуну. Непосредственное участіе народа въ собраніяхъ печально сказалось въ такъ называемыхъ *сентябрьскихъ убійствахъ*. Монтаньяръ *Дантонъ*, новый министръ юстиціи, подъ вліяніемъ слуховъ о роялистскихъ заговорахъ, произвелъ въ Парижѣ повальные обыски и арестовалъ съ оружіемъ нѣсколько тысячъ человѣкъ (многихъ только по подозрѣнію). Въ первыхъ числахъ сентября разъяренная толпа, возбуждаемая статьями журналиста *Марата*, произвела по тюрьмамъ массовыя избіенія этихъ арестованныхъ, и Законодательное

Собраніе не имѣло силы противодѣйствовать этимъ убійствамъ.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались. Сначала они шли неудачно для Франціи. Армія была плохо обучена, продовольственная часть устроена наспѣхъ, но пораженія не убили патріотическаго настроенія. Напротивъ, народное воодушевленіе способствовало устраненію недостатковъ настолько, что 20 сентября генералъ Дюмурье одержалъ при *Вальми* первую побѣду надъ пруссаками герцога Брауншвейгскаго.

Черезъ два дня послѣ этой побѣды въ Парижѣ собрался *Національный Конвентъ*. Зная, въ какое время происходили выборы, нетрудно сказать, изъ кого онъ составился. На правую сторону перемѣстились теперь *жирондисты*, а на лѣвой сидѣли крайніе *монтаньяры* (гора, какъ ихъ называли въ конвентѣ). Довольно значительная группа образовалась посрединѣ, примыкавшая то къ той, то къ другой сторонѣ и называвшаяся *болотомъ*. Своею неустойчивостью болото способствовало кровавой распрѣ, возникшей въ Конвентѣ между крайними партіями. Такимъ образомъ, въ Конвентѣ совершенно не было открытыхъ приверженцевъ монархіи. Жирондисты и якобинцы были пылкими *сторонниками республики* и фанатически преданы идеѣ свободы. Среди той и другой партіи были очень талантливые и образованные люди, но въ политикѣ между ними была значительная разница. Жирондисты были въ большинствѣ случаевъ теоретики, полагавшіе, что достаточно издать хорошіе законы, какъ и жизнь станетъ хорошей; они слишкомъ вѣрили въ людей и плохо учитывали условія, въ которыхъ имъ приходилось работать. Якобинцы, наоборотъ, были людьми дѣла, превосходно учитывавшими положеніе дѣлъ, но было бы ошибочно сказать, что они не руководились опредѣленными убѣжденіями. На большинство изъ нихъ имѣли громадное вліяніе идеи Руссо о народовластіи. Якобинцы такъ горячо были преданы этой идеѣ, что готовы были рѣшиться на какія угодно жертвы, чтобы осуществить *непосредственную власть народа*. Выше народа не допускалось воли и власти, но народъ—понятіе очень неопредѣленное; самъ народъ, въ такомъ большомъ государствѣ, какъ Франція, править не можетъ, управляютъ страной отъ его имени его представители. Якобинцы, ради общихъ народныхъ интересовъ, готовы были поступиться интересами частыхъ лицъ: въ жертву государству—народу они приносили отдѣльныя человѣческія жизни.

Первымъ дѣломъ Національнаго Конвента было *провозглашеніе во Франціи республики* (22 сент. 1792), а черезъ четыре мѣсяца король былъ судимъ, какъ измѣнникъ; 21 января

1793 года потомокъ «короля-солнца» сложилъ свою голову на эшафотѣ. Бурное время заставило Людовика XVI играть несвойственную его характеру роль; у него не было своей воли,— онъ всегда жилъ чужимъ умомъ. У него было странное понятіе долга. Поклявшись конституціи, онъ ей измѣнялъ на каждомъ шагу; будучи честнымъ, рѣшался на подкупъ другихъ; нерѣшительный и слабовольный, онъ твердо встрѣтилъ свой послѣдній часъ.

Извѣстіе о казни короля произвело за границей и въ провинціи большое впечатлѣніе. За границей составилась грозная коалиція (военный союзъ), въ которой приняла участіе чуть ли не вся Европа. Въ это время, когда союзныя войска англичанъ, голландцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ окружили Францію со всѣхъ сторонъ, внутри Франціи, въ Вандеѣ (по нижнему теченію Луары), вспыхнуло *возстаніе крестьянъ* противъ Конвента. Его подняли неприсягнувшіе священники и эмигранты, возвратившіеся для междоусобной войны. Возставшіе отличались страшной жестокостью по отношенію къ попадавшимъ къ нимъ въ руки «патріотамъ»; возстаніе было тѣмъ болѣе опасно, что въ глухихъ городахъ противъ нихъ могли быть выставлены только небольшіе отряды національной гвардіи.

При такихъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать Конвенту, въ которомъ шла ожесточенная *борьба партій*. Жирондисты обвиняли якобинцевъ въ содѣйствіи сентябрьскимъ убійствамъ и въ стремленіи къ диктатурѣ (неограниченному господству), а монтаньяры нападали на жирондистовъ за скрытый роялизмъ, за измѣну и за намѣреніе расчленить Францію. Въ этихъ взаимныхъ нападкахъ было мало правды, но партіи боролись за большинство въ Конвентѣ, за власть, потому что Конвентъ былъ учрежденіемъ не только законодательнымъ, но совмѣщалъ въ себѣ какъ исполнительную, такъ и судебную власть. Опасность, грозившая республикѣ, понималась партіями различно. Было рѣшено для враговъ республики учредить *революціонный трибуналъ* съ судопроизводствомъ по ускоренному способу. Для искорененія крамолы въ провинціи были посланы комиссары, особые уполномоченные Конвента, съ исключительною властью. Комиссары были подчинены *Комитету общественнаго спасенія*, которому Конвентъ передалъ исполнительную власть. Эти мѣры, можетъ-быть, были необходимы, потому что отечество было, дѣйствительно, въ опасности, но Конвентъ былъ настолько напуганъ, что все дѣло спасенія отечества основалъ на страхѣ, отсюда и вся эта система управленія получила названіе *террора* (устрашенія).

Одной изъ жертвъ слѣпой партійной вражды и общаго страха пали жирондисты; они были изгнаны изъ Конвента, впослѣдствіи осуждены и частью гильотинированы. Терроръ усилился послѣ того, какъ деревенская дѣвушка *Шарлотта Кордэ* убила Марата, котораго считала виновникомъ массовыхъ убійствъ. Послѣ паденія жирондистовъ власть перешла въ руки монтаньяровъ, безусловныхъ сторонниковъ террора. Между ними теперь выдавался *Робеспьеръ*, увеличивавшій съ каждымъ днемъ число казней. Комиссары Конвента дѣйствовали страшными, ужасающими мѣрами. Возставшихъ вандейцевъ разстрѣливали сотнями, въ Нантѣ топили цѣлыми толпами. Городъ Ліонъ былъ взятъ и разрушенъ. Въ самомъ Парижѣ гильотина дѣйствовала безпрерывно. Достаточно было, при чрезвычайномъ судѣ, одного подозрѣнія, чтобы привести человѣка къ эшафоту. Были казнены не только королевская семья и сторонники монархіи, но и многіе члены Конвента, преданные республикѣ патріоты. Дантонъ, понявшій, что этой ужасной борьбой Конвентъ пожираетъ самъ себя, попытался умѣрить терроръ, но былъ обвиненъ Робеспьеромъ и казненъ. Послѣ гибели Дантона вліяніе Робеспьера возросло безгранично. Но онъ могъ дѣйствовать только страхомъ и готовилъ все новые списки жертвъ. Передъ членами Конвента стала вырисовываться дѣйствительно возможность диктатуры, и 27 іюля[1]) 1794 года Робеспьеръ палъ и былъ казненъ со своими сторонниками. Вскорѣ были уничтожены коммуна и якобинскій клубъ, отмѣнены чрезвычайные суды, въ Конвентъ были возвращены оставшіеся жирондисты, и національный Конвентъ приступилъ, наконецъ, къ проведенію въ жизнь конституціи, выработанной въ 1793 г., но не вводимой вслѣдствіе военнаго положенія, примѣненнаго во Франціи.

Теперь, послѣ паденія монтаньяровъ, настроеніе въ Конвентѣ было другое. *Реакція* противъ революціонныхъ крайностей дошла до внушительныхъ размѣровъ. Эмигранты опять подняли голову, и ихъ можно было различить подъ маской умѣренныхъ республиканцевъ—жирондистовъ, которые поднимали въ департаментахъ возстанія противъ господства якобинцевъ и коммуны. Средній, зажиточный классъ, *буржуазія*, давно уже чувствовала охлажденіе къ крайнимъ идеямъ демократіи, тѣмъ болѣе, что въ

[1]) По революціонному календарю 9 термидора, потому что Конвентомъ былъ принятъ во Франціи новый календарь. 1-й годъ считался со дня основанія республики, т.-е. съ 22 сентября 1792 года. Мѣсяцы получили другое названіе: такъ, іюль былъ названъ термидоръ (т.-е. теплый), январь — вантозъ (вѣтреный), ноябрь — нивозъ (снѣжный) и т. д.

эпоху якобинизма былъ раскрытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью коммунистическій раздѣлъ имущества и уничтоженіе частной собственности. Наконецъ, французское общество, вообще, было напугано тѣми нападеніями на религію, которыя были сдѣланы Робеспьеромъ, пытавшагося замѣнить христіанство религіей Высшаго Существа. Словомъ, Франція устала отъ всевозможныхъ потрясеній и жаждала отдыха. Вотъ почему Конвентъ измѣнилъ демократическую *конституцію 1793 г.* и замѣнилъ ее другою, получившей названіе *конституціи III г.* По этой конституціи, законодательная власть вручалась двумъ палатамъ — *Совѣту Старѣйшинъ* и *Совѣту Пятисотъ*. а исполнительная, вмѣсто президента (боялись вручить власть одному лицу)—пяти *директорамъ*. Избирательное право было сужено установленіемъ значительнаго ценза.

При *Директоріи* дѣло обороны страны было блестяще закончено, и Франція предприняла сама наступательное движеніе. Французскія войска наводнили сосѣднія страны, низвергая троны и учреждая республики. Нѣкоторыя земли, въ родѣ Савойи, тяготѣвшія и раньше къ Франціи, теперь были присоединены къ ней, такимъ образомъ территорія страны расширилась. Это было результатомъ революціи и энтузіазма ея войскъ. Революція дала Франціи не только внутреннюю силу, но и внѣшнюю славу. Но войны сдѣлали армію, правда, спасшую отечество, слишкомъ требовательной и исключительной силой въ государствѣ. Послѣ того, какъ Конвентъ борьбою партій подорвалъ свое значеніе, *армія* стала считаться главной защитницей республики, особенно ея вліяніе возросло послѣ того, какъ однажды Конвентъ былъ спасенъ солдатами отъ разгрома толпы, а Совѣтъ Пятисотъ—отъ нападенія роялистовъ. Но война родитъ героевъ, а герои пользуются въ арміи особымъ вліяніемъ. Такимъ героемъ сдѣлался генералъ *Бонапартъ*, въ рукахъ котораго очутилась и армія и республика. Намъ остается разсмотрѣть дѣятельность Національнаго Конвента и подвести итоги изложенію великой революціи.

Національный Конвентъ собрался въ исключительное время, когда Франціи грозила опасность какъ изнутри, такъ и извнѣ. Первою задачею Конвента было *укрѣпить идеи революціи*, выраженныя въ декларацiи правъ. Онъ выполнилъ это назначеніе, хотя способы его дѣйствій были далеко не гуманны и нерѣдко прямо противорѣчили декларацiи: сокрушая враговъ республики, онъ погубилъ много невинныхъ. Но Конвентъ не ограничился боевою дѣятельностью; онъ много сдѣлалъ для *народнаго образованія*; по мнѣнію одного члена Конвента, невѣжественный народъ не можетъ быть свободнымъ. Конвентомъ было основано

во Франціи цѣлая сѣть высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также и научныхъ. Были созданы консерваторія, Луврскій музей, національная библіотека и т. д. Во главѣ этихъ учрежденій сталъ Національный Институтъ, преобразованный изъ прежней Академіи. Но главная заслуга Конвента заключалась въ *отраженіи иноземныхъ нашествій* на Францію. Въ короткое время Конвентомъ была организована національная оборона, и блестящія побѣды республиканскихъ войскъ прогремѣли на весь міръ. «Я никогда не забуду, что Конвентъ спасъ мою родину», сказалъ впослѣдствіи одинъ роялистъ-патріотъ.

Прошло шесть лѣтъ послѣ того, какъ собрались Генеральные штаты, и Франція стала неузнаваема. Буквально не было уголка въ странѣ, области государственныхъ и общественныхъ отношеній, куда бы не проникли идеи революціи. Общій ходъ ея развитія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Генеральные штаты твердо выразили королю народную волю. Ослабленная королевская власть не могла бороться, и была учреждена конституціонная монархія. Но сторонники стараго порядка не сложили оружія; они подняли, съ одной стороны, противъ революціонной Франціи европейскія государства, съ другой — духовенство и крестьянство внутри Франціи; контръ-революцію поддерживалъ тайно король. Эта борьба еще болѣе революціонизировала Францію. Если обратимъ вниманіе на партіи, дѣйствовавшія во Франціи въ это шестилѣтіе, то увидимъ, какъ постепенно лѣвѣло французское общество, пока, наконецъ, самое революціонное собраніе, Національный Конвентъ, среди потоковъ крови не подавилъ всѣхъ попытокъ контръ-революціи; но въ кровавой обстановкѣ, среди которой шла эта борьба, въ партійномъ ожесточеніи перегорѣли, растратились революціонныя силы, и внѣшнія военныя удачи сдѣлали хозяиномъ Франціи армію и ея полководца—генерала Наполеона Бонапарта.

20. Европа и имперія Наполеона.

Въ послѣдніе годы XVIII вѣка, послѣ бурь революціи, Франція жаждала покоя и порядка. Но революціонныя страсти еще не улеглись, и борьба за власть вела къ постояннымъ новымъ политическимъ переворотамъ.

Революція въ корень измѣнила *общественный и государственный строй* страны. Пали всѣ сословныя ограниченія, фео-

дальныя права и привилегіи, провозглашено было гражданское равенство. Вся страна была заинтересована въ сохраненіи и упроченіи этихъ пріобрѣтеній революціи. О возвращеніи старыхъ порядковъ мечтало лишь ничтожное меньшинство бывшихъ привилегированныхъ. Но политическій строй Франціи не былъ проченъ. Революціонная борьба и внѣшнія войны отвлекали вниманія правительства отъ насущныхъ внутреннихъ реформъ. Въ управленіи царила полная безурядица, и часто произволъ революціоннаго правительства замѣнялъ всякіе законы. Идея политической свободы не укрѣпилась, не вошла въ жизнь страны и народа. Вожди революціи не разъ сами нарушали ея основныя требованія, и это не могло благопріятствовать воспитанію массъ въ духѣ истинной свободы и не пріучало ихъ цѣнить и отстаивать свои политическія права отъ посягательствъ правительства.

Значительно измѣнилось къ послѣднимъ годамъ XVIII в. и *настроеніе общества*. Отъ прежняго подъема духа, бодрости и надеждъ на возрожденіе страны и всего человѣчества не оставалось и слѣда. Вездѣ наблюдалась какая-то подавленность, равнодушіе, разочарованіе въ идеальныхъ стремленіяхъ, такъ еще недавно оживлявшихъ націю. Своекорыстныя побужденія и матеріальные расчеты выступили на первый планъ. Начинала поднимать голову дворянская реакція, но упорнѣе и страшнѣе была *реакція*, развивавшаяся въ новомъ обществѣ, среди буржуазіи, стоявшей еще недавно во главѣ движенія. Она и сейчасъ не хотѣла возвращенія старыхъ порядковъ, но относилась со страхомъ и недовѣріемъ къ движенію, начинавшему переходить извѣстныя границы. Оживлялись и религіозныя чувства, сильно оскорбленныя преслѣдованіями революціи, на религію начинали смотрѣть, какъ на политическую силу—опору общественнаго порядка.

Но рядомъ жила другая Франція—Франція военная, блестящая и побѣдоносная въ Европѣ. Въ *арміи* сосредоточились наиболѣе способные и дѣятельные люди Франціи. Здѣсь былъ и подъемъ духа, и энергія, и строгая организація. Военная Франція защищала отечество и высоко держала еще знамя революціи, призывая народы Европы къ благамъ свободы и равенства.

Европа, какъ мы знаемъ, объявила войну революціонной Франціи, желая остановить распространеніе революціи. Этимъ стремленіямъ новая Франція противопоставила борьбу за свободу съ угнетеніемъ во имя братства народовъ и возрожденія стараго міра. Съ успѣхомъ отразивъ нашествіе союзниковъ, Франція *перешла въ наступленіе* и въ 1795 — 1799 гг. овладѣла

рядомъ странъ, гдѣ ввела демократическій республиканскій строй, провозгласила «права человѣка и гражданина» и отмѣнила крѣпостное право.

Успѣхи Франціи объясняются поддержкой ея арміи въ завоеванныхъ странахъ населеніемъ, недовольнымъ старыми порядками, и смотрѣвшимъ на французовъ, какъ на своихъ освободителей. Постоянное соперничество, ссоры и взаимное недовѣріе ослабляли союзниковъ, имѣвшихъ каждый свои особые интересы и прежде всего желавшихъ расширить свои владѣнія. А главное: «старый порядокъ» разлагался уже и въ Европѣ. Крѣпостные солдаты въ войскахъ коалицій, подъ предводительствомъ неспособныхъ офицеровъ-дворянъ, не могли устоять передъ войсками молодой Франціи, одушевленными защитой свободнаго отечества.

Таково было состояніе Франціи во внѣ и внутри, когда во главѣ ея арміи сталъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Онъ ловко воспользовался положеніемъ и сумѣлъ сдѣлать побѣдоносную армію орудіемъ для достиженія власти и проведенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Наполеонъ Бонапартъ родился въ 1769 г. на о. Корсикѣ въ небогатой дворянской семьѣ. Воспитаніе онъ получилъ въ военной школѣ во Франціи, гдѣ его обучали на счетъ короля за услуги, оказанныя Франціи его отцомъ. Бонапарту было 20 лѣтъ, когда вспыхнула французская революція, и на службѣ въ войскахъ Конвента онъ впервые обнаружилъ свои способности военачальника. Онъ блестяще выполняетъ порученіе Конвента при осадѣ г. Тулона, передавшагося Англіи, и получаетъ чинъ бригаднаго генерала. Паденіе и казнь Робеспьера, пораженіе якобинцевъ толкаютъ его на сближеніе съ умѣренными, въ руки которыхъ переходитъ власть.

Широкую извѣстность Бонапартъ получаетъ 13 вандемьера 1795 г. (5 окт.) защитою Конвента отъ возстанія роялистовъ. Еще 4 октября, наткнувшись на баррикаду роялистовъ, Бонапартъ говоритъ своему пріятелю: «Если бы парижане поставили меня во главѣ, ручаюсь, что черезъ два часа они были бы въ Тюльери, и я выгналъ бы оттуда всѣхъ этихъ негодяевъ, членовъ Конвента». А на другой день Конвентъ рѣшается довѣриться «корсиканскому офицерику, который не поцеремонится», и во главѣ 5000 солдатъ Наполеонъ разбилъ мятежниковъ и спасъ Конвентъ.

Скоро еще недавно никому неизвѣстный Бонапартъ сталъ главнокомандующимъ всей внутренней арміи Франціи, его имя загремѣло въ Европѣ, онъ самъ увѣровалъ въ свою «звѣзду» и

грандіозные планы зародились въ его головѣ. А въ 1796 году онъ получаетъ давно желанное назначеніе главнокомандующаго итальянской арміей и ѣдетъ въ Италію, гдѣ Франція вела борьбу съ австрійцами и ихъ союзниками.

Наполеонъ давно готовился къ этому походу, изучилъ карту мѣстности и намѣтилъ планы сраженій. Ему предстояло трудное дѣло, и геній его, какъ полководца, блестяще развернулся въ этомъ походѣ. Положеніе дѣлъ во Франціи было очень печальное; страной управляла Директорія, смѣнившая Конвентъ; раздоры въ ея средѣ ослабляли правительство, казна была пуста. У союзниковъ были численно огромныя арміи и англійскій флотъ. Но на сторонѣ Наполеона была славная армія и ея храбрые вожди, новая тактика геніальнаго полководца и знаніе военнаго дѣла, и передъ этимъ не устояли полчища австрійцевъ, въ средѣ которыхъ царили устарѣлые порядки. Населеніе Италіи восторженно встрѣчало побѣдителей французовъ. Блестящая кампанія покрыла Бонапарта неувядаемой славой. Позорный для Австріи миръ въ *Кампо-Форміо* (1797 г.) отдалъ Франціи Бельгію, Германію до Рейна и Ломбардію (сѣв. Италія).

Уѣзжая въ Италію, Бонапартъ условился, что армія будетъ сама себя кормить и обѣщалъ пополнять казну правительства. Пользуясь богатствами Италіи, онъ пересылалъ Директоріи большія суммы деньгами и дорогія произведенія искусства, но это и ему давало огромную власть въ руки. Онъ становился господиномъ завоеванной страны, велъ дипломатическіе переговоры, не считаясь совершенно съ приказами Директоріи.

Уже Конвентъ практиковалъ содержаніе войскъ на счетъ завоеванныхъ земель, Наполеонъ ввелъ это въ систему. Прежнія фразы о братствѣ народовъ замѣнились такими приказами: «Солдаты! васъ плохо кормятъ, вы почти наги. Правительство вамъ многое должно, но ничего не можетъ для васъ сдѣлать. Я поведу васъ въ самыя плодородныя въ мірѣ равнины; вы найдете тамъ честь, славу и богатство. Солдаты, неужели у васъ не хватитъ мужества»? или такими обѣщаніями: «Я обѣщаю каждому солдату, что по возвращеніи изъ экспедиціи у него будетъ на что купить шесть арпановъ земли». И армія дѣйствительно обогащалась, привязываясь все болѣе къ своему вождю. Но населеніе покоренныхъ странъ начинало тяготиться игомъ побѣдителей.

Войны республики, начавшіяся во имя освобожденія народовъ, переходятъ постепенно въ *войны завоевательныя*. Франція заботится уже не только о распространеніи идей революціи, но и о расширеніи своихъ границъ и своего вліянія. Насаждая въ

Европѣ новые порядки, она заставляетъ покоренные народы платить ей тяжелыя контрибуціи (военное вознагражденіе) и во всемъ подчиняться ея требованіямъ; а нѣсколько позднѣе Наполеонъ начинаетъ покоренными народами распоряжаться, какъ своими подданными.

Своимъ вліяніемъ въ арміи Наполеонъ пользуется и для вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, пріучая войско смотрѣть на себя, какъ на силу, имѣющую свои собственные интересы. Армія вмѣшивается въ политическую борьбу. Въ 1797 г. по ея настоянію устраняются двое изъ директоровъ и нѣкоторые члены законодательныхъ палатъ. Послѣ мира въ Кампо-Форміо Наполеонъ возвращается въ Парижъ, но не развертываетъ еще всѣхъ своихъ плановъ. «Груша еще не созрѣла», говоритъ онъ, ему еще нужны новыя побѣды, чтобы создать себѣ славу и имя. Онъ совѣтуетъ Директоріи нанести ударъ Англіи *завоеваніемъ Египта*. Директорія была рада случаю отдѣлаться отъ властнаго генерала, а Наполеонъ давно мечталъ о Востокѣ, какъ болѣе широкомъ полѣ для своихъ плановъ великаго полководца; къ тому же онъ предвидѣлъ, что Директорія будетъ побита Европой, и тогда всѣ будутъ желать его возвращенія.

И Наполеонъ не ошибся: хотя египетскій походъ и закончился гибелью французскаго войска и флота, блестящія побѣды Бонапарта (битва у пирамидъ) создали ему великую славу. А Директорія, стѣсненная новой европейской коалиціей, зоветъ его обратно, но онъ не получилъ этого письма и самъ уже ѣдетъ во Францію, самовольно покинувъ армію, какъ только узналъ о событіяхъ въ Европѣ.

Возвращеніе его было своевременно: во внѣ Франція терпѣла пораженія, внутри царилъ полный хаосъ, власть въ Директоріи переходила въ руки различныхъ партій, опиравшихся въ своихъ переворотахъ на военную силу Наполеона восторженно встрѣчаютъ во Франціи и Парижѣ, какъ спасителя отечества. Его планы быстро созрѣли; поддерживая дружескія связи со всѣми партіями, онъ въ согласіи съ нѣсколькими членами Директоріи готовитъ *переворотъ 18 брюмера* (9 ноября 1799 г.).

Опорой заговорщикамъ было войско, стоявшее на сторонѣ Бонапарта, назначеннаго главнокомандующимъ. Распускается слухъ объ опасномъ заговорѣ якобинцевъ, засѣданія палатъ переносятся въ Сенъ-Клу. Двухъ директоровъ, не участвующихъ въ заговорѣ, арестуютъ. Совѣтъ Пятисотъ, понявъ измѣну, объявляетъ Бонапарта «внѣ закона», но онъ вводитъ солдатъ въ

залъ засѣданія и разгоняетъ народныхъ представителей. Сейчасъ же было назначено временное правительство изъ трехъ консуловъ и выбрана комиссія для выработки новой конституціи. Утомленная внутренними смутами страна безмолвно признала совершившееся.

Переворотъ 18 брюмера отдалъ власть въ руки Наполеона. Это былъ великій умъ, геніальный полководецъ и выдающійся администраторъ. Его неутомимость въ работѣ, энергія, память и сила воли поражали его современниковъ и сотрудниковъ. Но Наполеономъ во всей его дѣятельности прежде всего руководило великое честолюбіе, стремленія и интересы собственнаго «я» заслоняли всѣ другія побужденія. Онъ съ презрѣніемъ относился ко всякимъ идейнымъ теченіямъ и настроеніямъ, не признавая и въ дѣятельности другихъ людей иныхъ побужденій, кромѣ эгоистическихъ. Вся сила его воли была направлена на служеніе его честолюбивымъ замысламъ, при осуществленіи которыхъ онъ не разбиралъ средствъ и не щадилъ десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Эти черты характера Наполеона положили печать какъ на его внутреннія реформы во Франціи, такъ и на его внѣшнюю политику.

Первымъ дѣломъ новаго правительства были устройство государства и *внутреннія реформы*. Республика была сохранена новой *конституціей VIII года* формально, но по существу установилась монархическая форма правленія. Выборное начало было уничтожено. Законодательная власть раздроблена между четырьмя собраніями, члены которыхъ назначались: *государственный совѣтъ* только подготовлялъ законы, *трибунатъ* ихъ обсуждалъ, *законодательный корпусъ* принималъ, наконецъ, *сенатъ* долженъ былъ утверждать законы и охранять конституцію. Все управленіе было въ рукахъ *перваго консула*, которымъ и былъ объявленъ на десять лѣтъ Наполеонъ. Онъ назначалъ и увольнялъ чиновниковъ, велъ дипломатическія сношенія, завѣдывалъ военными и морскими силами, къ нему всецѣло перешло и внесеніе новыхъ законовъ. Конституція была принята народнымъ голосованіемъ (*плебисцитъ*), къ этой видимости народовластія Наполеонъ прибѣгалъ не разъ и позднѣе. Воспользовавшись своими побѣдами, Наполеонъ въ 1802 г. сталъ пожизненнымъ консуломъ, а позднѣе (1804 г.) получилъ титулъ *императора*. Слово «республика» вскорѣ исчезло изъ всѣхъ правительственныхъ постановленій, и окончательно установился новый монархическій строй, лишившій Францію на 15 лѣтъ всякаго подобія свободы. «Революція кончилась,—заявилъ консулъ въ

своемъ манифестѣ народу,—ея начала утверждены, и новая власть принялась за реформы.

Конституція VIII года обезпечивала собственникамъ купленныя ими въ періодъ революціи земли; эмигрантамъ и опальному духовенству было разрѣшено возвратиться, но подъ условіемъ отказа отъ имѣній, имъ ранѣе принадлежавшихъ. Это успокоило буржуазію и мелкихъ земельныхъ собственниковъ, крестьянъ. Знаменитый *Кодексъ Наполеона* (сводъ законовъ) установилъ гражданское равенство, равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу личности и вѣротерпимость. Упорядочена была судебная власть и судопроизводство. Новый уголовный кодексъ сохранялъ судъ присяжныхъ и адвокатуру. Этими реформами Наполеонъ признавалъ гражданскую программу революціи, но онъ былъ врагомъ политической свободы, и это наложило печать на всю его внутреннюю политику.

Франція была раздѣлена на департаменты и округа, все мѣстное *управленіе* сосредоточилось въ рукахъ чиновниковъ, назначаемыхъ центральною властью; министры, префекты (правители департаментовъ), мэры (сельскіе и городскіе головы) были послушными слугами консула. Даже *духовенство* Наполеонъ стремился сдѣлать орудіемъ своей политики. Для этой цѣли онъ вошелъ въ соглашеніе съ папой (конкордатъ 1801 г.), возстановившее во Франціи католичество, какъ религію большинства, и предоставлявшее правительству огромную власть надъ церковью. Продолженіе войнъ требовало огромныхъ средствъ, необходимо было подумать о *финансахъ*: былъ учрежденъ строгій контроль, отчетность; введены прямые налоги на землю и имущества, позднѣе возстановлены и косвенные налоги: акцизъ на соль и табакъ. Добровольцы-граждане въ арміи были замѣнены солдатами, набиравшимися ежегодно по жеребью. *Армія* прекрасно содержалась, каждый солдатъ могъ надѣяться на повышеніе.

Покровительствуя земледѣлію, торговлѣ и промышленности, устраивая пути сообщенія, Наполеонъ развилъ производительныя силы страны, но самъ же нанесъ имъ ударъ введеніемъ *континентальной системы* (1806 г.), закрывшей всѣ порты Франціи, а затѣмъ и Европы, для сбыта англійскихъ товаровъ. «Система» имѣла цѣлью подорвать обширную торговлю Англіи, противницы Наполеона. Англійскіе товары, найденные на материкѣ, конфисковались, постоянные обыски разоряли торговцевъ, продукты потребленія вздорожали, а перепроизводство французскихъ товаровъ вызвало безработицу. Жизнь страны была упорядочена, но всѣ реформы Наполеона были проникнуты мертвя-

щимъ духомъ *деспотизма и военщины*; это подавляло всякую самодѣятельность, свободу и убивало духовную жизнь страны. *Печать* была совершенно задушена, разомъ было уничтожено 60 газетъ, а затѣмъ число газетъ сократилось до четырехъ, печатавшихъ лишь правительственныя распоряженія и угодныя консулу статьи. Въ 1810 г. была введена строгая *цензура* для всѣхъ печатныхъ произведеній. Полицейскій произволъ царилъ повсюду, процвѣтали доносы, шпіонство, «черные кабинеты» слѣдили за частной перепиской. Оппозиція совершенно замолкла, и Наполеонъ безъ всякаго сопротивленія распоряжался властью: подчинилъ себѣ сенатъ, уничтожилъ трибунатъ, законодательный корпусъ не собирался годами, все законодательство совершалось его распоряженіями.

Наполеонъ I, императоръ Франціи, окружилъ себя роскошью, возникла знать новаго происхожденія, возстановлены были чины и ордена, созданъ новый орденъ «Почетнаго легіона». У императрицы, у матери и сестеръ императора были свои дворы. Устраивались торжественные пріемы, на которыхъ соблюдался строгій этикетъ, пышныя празднества въ дни побѣдъ и коронованія императора. Исполнилось и пожеланіе Наполеона—породниться съ однимъ изъ императорскихъ дворовъ Европы. Въ 1810 г. послѣ развода съ Жозефиной Богарнэ онъ женится на дочери императора Австріи—Маріи-Луизѣ.

Рядомъ съ кипучей дѣятельностью, внутри государства шли *непрерывныя войны*. Расширивъ быстро границы Франціи до Рейна, Наполеонъ отбираетъ земли нѣмецкаго духовенства (секуляризація), чтобъ вознаградить ими своихъ приверженцевъ въ Германіи. Число нѣмецкихъ княжествъ значительно сокращается, во многихъ изъ нихъ вводятся французскіе порядки: вводится Кодексъ Наполеона, отмѣняется крѣпостничество, уничтожаются привилегіи феодаловъ. Революція, окончившаяся во Франціи, начинается въ Европѣ, подрывая ея старые порядки. Наиболѣе сильнымъ врагомъ Наполеона въ Западной Европѣ была Англія; «побѣдить» ее Наполеонъ рѣшилъ, «побивая Европу». Правители европейскихъ государствъ, раздраженные самовластіемъ Наполеона и его новыми порядками, составляютъ противъ него *рядъ коалицій*, щедро поддерживаемыхъ золотомъ Англіи, но Наполеонъ одно за другимъ разбиваетъ государства Европы, заставляя ихъ подчиняться континентальной системѣ, которой онъ бьетъ Англію по карману, разоряя ея промышленность и торговлю.

Разгромивъ Австрію при *Ульмѣ* и *Аустерлицѣ* (1805 г.), Наполеонъ положилъ конецъ старинной Германской имперіи. Австрія

лишилась большей части своихъ владѣній, въ Германіи былъ уничтоженъ цѣлый рядъ мелкихъ самодержавныхъ владѣній и образованъ *Рейнскій союзъ* — 16 государствъ, покорныхъ во всемъ Наполеону. Наполеонъ становится господиномъ большей части Европы и мечталъ уже о всемірной монархіи. Цѣлый рядъ династій изгнанъ имъ совершенно съ престоловъ, которые переданы братьямъ и сестрамъ Наполеона, его генераламъ и маршаламъ (Неаполь, Испанія); недавно образованныя республики обращены въ королевства или присоединены къ имперіи (Италія, Голландія).

Держалась еще только *Пруссія*. Въ концѣ XVIII в. Пруссія была однимъ изъ наиболѣе сильныхъ государствъ Германіи. Политика короля Фридриха II содѣйствовала подъему ея промышленности, культуры и росту народнаго просвѣщенія; она нѣсколько улучшила и положеніе крѣпостныхъ. Страна имѣла хорошіе финансы и армію. Но суровый деспотическій строй подавилъ всякую самодѣятельность общества, политическія стремленія въ немъ совершенно отсутствовали, блестяще развивались только наука и литература, представителями которой были великіе нѣмецкіе писатели Лессингъ, Шиллеръ и Гёте. Французская революція вызываетъ сильное возбужденіе въ германскомъ обществѣ. Обезпокоенное этимъ, правительство Пруссіи вступаетъ въ европейскія коалиціи, но нѣкогда побѣдоносныя прусскія войска отступаютъ передъ солдатами революціи. Въ 1806 г. Пруссія потерпѣла полное пораженіе подъ *Іеной*. Наполеонъ занялъ Берлинъ и по миру въ *Тильзитѣ* (1807 г.) заключенномъ съ Россіей, также участвовавшей въ коалиціяхъ противъ Франціи, отнялъ у Пруссіи значительныя области, обложивъ ее тяжелымъ военнымъ налогомъ.

Побѣды 1806—1807 гг. сдѣлали Наполеона *повелителемъ всей Западной Европы*; казалось, что его могуществу нѣтъ предѣловъ. Но постепенно надъ великимъ завоевателемъ собираются грозныя тучи. Его владычество начинаетъ тяготить Европу. Континентальная система, навязанная Наполеономъ всѣмъ покорнымъ народамъ, подорвала богатство Англіи, но еще болѣе разорила народы Европы, страдавшіе отъ застоя промышленности и торговли, отъ дороговизны цѣнъ на продукты потребленія. Немудрено, что она возстановила ихъ противъ Наполеона. Еще большее негодованіе возбуждалъ Наполеонъ своимъ полнымъ презрѣніемъ къ національнымъ интересамъ завоеванныхъ странъ. Для него покоренные народы были лишь орудіемъ его политики; ихъ свобода, ихъ интересы и національныя требованія не имѣли для него никакого значенія. Униженія, которыя онъ заставлялъ

ихъ переживать, не могли не вызвать протеста народа, не желавшаго долѣе терпѣть ига надменнаго завоевателя. Первая поднялась *Испанія:* противъ Наполеона тамъ начинается жестокая народная война. Геройскіе подвиги испанцевъ воодушевляютъ и другіе порабощенные народы Европы.

Особенный подъемъ наблюдается въ *Германіи.* Наполеонъ самъ положилъ начало ея единству, уничтожая мелкія владѣнія, французское вліяніе и идеи революціи помогли духовному возрожденію Германіи, а деспотизмъ Наполеона переполнилъ чашу терпѣнія народа. И правительства шли навстрѣчу этому народному движенію, понявъ, что успѣшно бороться съ Наполеономъ они могутъ лишь опираясь на народныя массы, на національную гордость народа.

Наиболѣе подготовленной къ борьбѣ была Пруссія. Послѣ Іенскаго пораженія правительство рѣшилось на *коренныя реформы* и призвало къ управленію честныхъ и даровитыхъ людей. Въ короткое время страна преобразовалась при ихъ содѣйствіи. Наиболѣе видными изъ этихъ патріотовъ были *Штейнъ, Гарденбергъ,* и *Шарнгорстъ.* Уничтоженіе крѣпостного права было ихъ первымъ дѣломъ; они понимали, что рабы не могутъ бороться за свободу отечества. До сихъ поръ въ Пруссіи нѣкоторыми льготами пользовались только дворцовые крестьяне. Указами 1807—1811 гг. была уничтожена личная *крѣпостная зависимость* крестьянъ, установлена свободная продажа земель, пало, слѣдовательно, исключительное право дворянства на землю, отмѣнены *цехи,* стѣснявшіе развитіе промышленности. Штейну не удалось обезпечить крестьянъ землей, сильно было еще вліяніе дворянъ, не желавшихъ этого. Онъ провелъ еще только законъ о *городскомъ самоуправленіи,* построенномъ на выборномъ началѣ и самодѣятельности горожанъ. По требованію Наполеона, который съ тревогой смотрѣлъ на внутреннее возрожденіе Пруссіи, Штейнъ получилъ отставку.

Прусскую армію преобразовалъ Шарнгорстъ. Онъ уничтожилъ тѣлесныя наказанія, ввелъ *всеобщую воинскую повинность* и создалъ національную армію. По условіямъ Тильзитскаго мира Пруссія не имѣла права содержать большой арміи. Шарнгорстъ обошелъ это затрудненіе тѣмъ, что быстро обучалъ солдатъ и смѣнялъ ихъ новыми. Множество людей прошло такимъ образомъ военную школу, и во время войны за освобожденіе въ 1813 г. Пруссія могла выставить многочисленную армію.

Въ 1809 г., пользуясь неудачами Наполеона въ Испаніи, *Австрія* еще разъ пытается сломить французское владычество,

разсчитывая на поддержку Англіи и сочувствіе въ Германіи. Счастье ей сначала благопріятствовало, но новая блестящая побѣда Наполеона при *Ваграмѣ* и послѣдовавшій затѣмъ вѣнскій миръ совершенно разоряютъ Австрію и еще расширяютъ владѣнія Наполеона. Во всей Европѣ независимыми отъ него остаются лишь его непримиримый врагъ *Англія* и *Россія*, послѣдняя со времени Тильзитскаго мира въ союзѣ съ Наполеономъ. Но миръ съ Россіей не проченъ. Континентальная система, которую, какъ союзница, Россія вводитъ и у себя, совершенно разорила ея внѣшнюю торговлю. Уступая жалобамъ купцовъ, Александръ I вновь допускаетъ англійскіе корабли въ порты Россіи. Это вызываетъ неудовольствіе Наполеона, а безцеремонное господство послѣдняго въ Европѣ раздражаетъ Александра I; съ обѣихъ сторонъ начинаются подготовленія къ войнѣ. Въ 1812 г. Наполеонъ съ своей великой арміей вступаетъ въ Россію.

Но звѣзда Наполеона уже закатывалась. Его походъ въ Россію былъ «началомъ конца». Наполеонъ не думалъ, что встрѣтитъ въ Россіи отпоръ народа. Извѣстны главнѣйшіе моменты этой войны: Смоленскъ, Бородино, пожаръ Москвы, отступленіе великой арміи, погибшей въ снѣгахъ Россіи и бѣгство Наполеона (рис. 10).

Но онъ еще не сдается. Собирая быстро новую армію во Франціи, онъ начинаетъ жестокую оборонительную войну. Въ Европѣ создается новая коалиція, къ которой примыкаютъ недавніе союзники и вассалы Наполеона въ Германіи. На этотъ разъ, однако, это уже не коалиція правительствъ, а коалиція европейскихъ народовъ, вставшихъ на защиту своей свободы и отечества. *Освободительная война* 1813 г. поднимаетъ народы всей Европы. А французская армія далеко уже не та, что прежде, нѣтъ уже былого одушевленія, въ войскахъ нѣтъ дисциплины: наблюдается дезертирство и грабежи, ея вождь боленъ и удрученъ.

Поднимается сильное *недовольство Наполеономъ* и во Франціи. Населеніе ея разорено непрерывными войнами, налогами, страдаетъ отъ безработицы и континентальной системы. Слава Наполеона въ народной массѣ померкла, французы отказываются долѣе выносить его произволъ, лишеніе личной и общественной свободы. Начинается роковая расплата.

Разбитый арміями европейскихъ народовъ подъ *Лейпцигомъ*, Наполеонъ еще пытается бороться во Франціи, но безуспѣшно: союзники вступаютъ въ Парижъ, и ему остается только сдаться. По *парижскому миру* (1814 г.) Франція приведена къ своимъ

10. Наполеонъ въ Кремлѣ.
(Картина *В. В. Верещагина*).

старымъ границамъ, и на ея престолѣ возстановлены *Бурбоны*. Наполеону державы сохранили титулъ императора и дали *о. Эльбу* (близъ Италіи), куда онъ и долженъ былъ уѣхать. Новый король Франціи, Людовикъ XVIII далъ согласіе на конституціонную хартію, обезпечивавшую народное представительство, но онъ очень скоро забылъ ее и началъ править, не считаясь съ волей парламента. Мечтая о возвращеніи старыхъ порядковъ, онъ покровительствуетъ дворянству и духовенству, увольняетъ изъ военной службы буржуазію. Въ странѣ скоро поднимается недовольство, возникаетъ страхъ предъ потерей всѣхъ пріобрѣтеній революціи, и снова взоры арміи обращаются къ Наполеону. 1 марта 1815 г. онъ высаживается въ южной Франціи, тайно покинувъ Эльбу, и, восторженно принимаемый населеніемъ, достигаетъ Парижа. Людовикъ XVIII спасается бѣгствомъ.

Начинается новое короткое господство Наполеона—*сто дней*. Онъ обѣщаетъ населенію миръ и свободу, составляется демократическая конституція, но на выборахъ проходятъ въ большинствѣ сторонники свободы и республики. Франція не довѣряетъ Наполеону, а встревоженная Европа объявляетъ ему новую войну. Разбитый подъ *Ватерло* (1815 г.), Наполеонъ спѣшитъ въ Парижъ, но тамъ палаты уже провозглашаютъ временное правительство. Наполеонъ спасается бѣгствомъ, но попадаетъ въ руки Англіи. Державы сослали его на *островъ св. Елены* (въ Атлантическомъ океанѣ), гдѣ онъ скончался 5 мая 1821 г. Его прахъ въ 1840 г былъ торжественно перевезенъ въ Парижъ.

Такъ кончилось пятнадцатилѣтнее господство Наполеона во Франціи и въ Европѣ. Во внѣшнемъ строѣ государствъ Европы отъ этого господства скоро не осталось и слѣда. Вѣнскій конгрессъ перекроилъ по своему карту Европы. Но глубокія внутреннія перемѣны въ общественномъ, экономическомъ и политическомъ строѣ европейскихъ странъ, ознаменовавшія XIX вѣкъ., ведутъ свое начало отъ тѣхъ преобразованій, которыя были введены въ нихъ послѣ французской революціи Наполеономъ.

Большое значеніе имѣли реформы Наполеона и для Франціи. Задушивъ политическую свободу и идейную жизнь, Наполеонъ далъ толчокъ подъему производительныхъ силъ страны и всѣмъ своимъ законодательствомъ поддерживая *интересы буржуазіи*, содѣйствовалъ упроченію и росту этого новаго класса, выдвинутаго революціей и въ первую половину XIX в. игравшаго первенствующую роль въ исторіи Франціи.

21. Франція въ XIX вѣкѣ.

I.

Послѣ паденія Наполеона въ Европѣ началась эпоха, которая можетъ-быть названа эпохой *реставраціи*, т.-е. возстановленія. Державы побѣдительницы на Вѣнскомъ конгрессѣ, собраніи европейскихъ государей и министровъ, постановили возстановить государства, уничтоженныя Наполеономъ, и во всѣхъ европейскихъ государствахъ возстановить на престолахъ старыя *легитимныя*, т.-е. законныя, династіи, изгнанныя французскимъ императоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1815 году, государи Россіи, Австріи и Пруссіи заключили между собой *священный союзъ* для поддержанія общеевропейскаго мира, для охраны порядка, установленнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ и для защиты возстановленныхъ легитимныхъ монарховъ отъ могущихъ вспыхнуть противъ нихъ революцій. Къ священному союзу постепенно примкнули и другіе европейскіе государи.

Возвратившіяся династіи съ ненавистью относились къ политической свободѣ и стремились возстановить старый государственный порядокъ съ его абсолютизмомъ. Вслѣдъ за государями, вернулись домой и эмигранты, бѣжавшіе въ чужіе края отъ революціи. Эмигранты старались вернуть свои прежнія права и свое привилегированное положеніе, какое они занимали до революціи.

Такимъ образомъ реставрація во всей Европѣ сопровождалась сильной *реакціей*, т.-е. стремленіемъ повернуть назадъ колесо исторіи, возстановить «старый порядокъ», уже отжившій свой вѣкъ.

Во Франціи европейскія державы низложили побѣжденнаго Наполеона и возстановили старую династію Бурбоновъ (апрѣль 1814 года). Престолъ занялъ 60-лѣтній *Людовикъ XVIII*, братъ казненнаго Людовика XVI. Двадцать лѣтъ провели Бурбоны въ изгнаніи; новое поколѣніе ихъ не знало и отнеслось къ нимъ враждебно и недовѣрчиво. За это время во Франціи глубоко измѣнились всѣ общественныя отношенія: исчезло прежнее неравенство, низшіе слои народа вышли изъ безправія и невѣжества, крестьяне стали самостоятельными, скупивъ участки земли, принадлежавшей церкви и дворянамъ; особенно усилилась буржуазія благодаря росту производства и торговли. Людовикъ XVIII вынужденъ былъ дать конституцію, *хартію*, какъ онъ ее называлъ, не желая употреблять слова «конституція». Хартія

Айвазовскій. „Радуга“.

(См. стр. 431).

устанавливала гражданское равенство, свободу совѣсти и свободу печати, которыя, впрочемъ, ничѣмъ не были обезпечены, и признавала законность владѣнія бывшими національными имуществами. Ни одинъ налогъ не могъ быть установленъ безъ согласія парламента, которому принадлежала также и власть законодательная. Эта хартія сильно ограничивала власть короля, но она сохранила сильное чиновничество (бюрократію) Наполеона I и устанавливала для депутатовъ и избирателей высокій возрастный и имущественный *цензъ*. Депутатами могли быть лица не моложе 40 лѣтъ, платившіе 1000 франковъ прямыхъ налоговъ. Во всей Франціи такихъ лицъ набиралось не болѣе 15 тысячъ человѣкъ. Избирателями могли быть лица, достигшія 30 лѣтъ и платившія 300 франковъ прямыхъ налоговъ. Избирателей оказывалось всего 90.000 человѣкъ. Участіе въ законодательствѣ и управленіи страной стало привилегіей богатыхъ, широкія народныя массы лишились всякаго участія въ государственной жизни. Во Франціи установилась цензовая монархія.

Вмѣстѣ съ Людовикомъ, вернулись во Францію 3—4 тысячи самыхъ непримиримыхъ эмигрантовъ, еще остававшихся за границей. Эти эмигранты, вмѣстѣ съ остальнымъ дворянствомъ, смотрѣли на возстановленіе Бурбоновъ, какъ на побѣду надъ революціей, ненавидѣли хартію, лишавшую ихъ старинныхъ привилегій, требовали возвращенія конфискованныхъ у нихъ и перешедшихъ уже въ другія руки земель, возстановленія своихъ феодальныхъ правъ и передачи въ ихъ руки всѣхъ гражданскихъ и военныхъ должностей. Объ этихъ поборникахъ прошлаго сложилась поговорка, что они «ничего не позабыли и ничему не научились». Особенно увеличились притязанія этихъ «крайнихъ», какъ ихъ называли, послѣ неудачной попытки Наполеона вернуть себѣ престолъ въ маѣ 1815 года и новаго возстановленія Бурбоновъ по истеченіи «ста дней» при помощи иностранныхъ армій. Приверженцы стараго порядка, захватившіе, благодаря высокому цензу, мѣста въ законодательной палатѣ, требовали мести и расправы со своими политическими противниками и вообще оказались въ своихъ притязаніяхъ «болѣе монархистами, чѣмъ самъ монархъ», т.-е. Людовикъ XVIII, предпочитавшій опираться на умѣренныхъ правыхъ.

Между тѣмъ, въ буржуазіи, несмотря на то, что и она была охвачена реакціей и охладѣла къ революціи, которую сама начала, живы были свободолюбивыя стремленія — стремленіе къ политической свободѣ и къ свободѣ личности: это стремленіе получило названіе *либерализма*. Въ основѣ либерализма лежалъ *индивидуализмъ*, такъ какъ либерализмъ высоко ставилъ отдѣль-

ную личность (индивидуумъ) и стоялъ за освобожденіе личности отъ опеки государства и за расширеніе ея правъ. Либерализмъ защищалъ свободу совѣсти, свободу мысли и печати, неприкосновенность личности и уваженіе къ человѣческому достоинству, считая возможнымъ осуществленіе началъ свободы и въ монархическомъ строѣ при конституціи и двухъ законодательныхъ палатахъ. Либеральныя идеи распространены были преимущественно среди буржуазіи. Буржуазія послѣ революціи съ недовѣріемъ относилась къ народу и къ идеѣ народовластія, *демократіи*, и считала, что политическія права нельзя предоставить всему населенію, которое не цѣнитъ свободы, къ ней не подготовлено и пользоваться ею не умѣетъ, и поэтому либерализмъ принялъ буржуазный характеръ. Въ своихъ воззрѣніяхъ либералы рѣзко расходились съ другими противниками стараго порядка—*радикалами-республиканцами*, которые стояли за самое широкое участіе народа въ законодательствѣ и видѣли главное зло именно въ томъ, что государственная власть остается въ рукахъ меньшинства—все равно дворянства или буржуазіи.

Тотчасъ же послѣ реставраціи между крайними реакціонерами, ультра-роялистами, какъ ихъ звали, и либералами завязалась борьба: по существу дѣла, это была борьба между буржуазіей, т.-е. торгово-промышленнымъ капиталистическимъ классомъ и старымъ дворянствомъ, представителями крупнаго землевладѣнія. Эта борьба особенно обострилась при преемникѣ Людовика, его братѣ *Карлѣ X* (1824—1830), который до вступленія на престолъ стоялъ во главѣ крайней дворянской партіи. При немъ преслѣдованіе всякихъ проявленій свободы достигло крайнихъ размѣровъ, а между тѣмъ либерализмъ, благодаря печати, все болѣе и болѣе распространялся въ обществѣ. На выборахъ 1827 года одержали побѣду либералы, тогда какъ до этого года въ палатѣ господствовали роялисты. Либералы съ ненавистью относились къ династіи Бурбоновъ и образовывали тайныя общества, которыя ставили цѣлью перемѣну династіи. Росло и недовольство населенія мѣрами правительства, которое возложило на него уплату огромнаго (1 милліардъ франковъ) вознагражденія дворянству за утраченныя земли, сохранило цензуру и отдало народную школу въ вѣдѣніе духовенства. Карлъ X, подпавъ окончательно подъ вліяніе ультра-роялистовъ, которые неустанно твердили ему, что онъ долженъ быть настоящимъ королемъ, рѣшилъ расширить предѣлы своей власти, убѣжденный, что оппозиція, общественное сопротивленіе его политикѣ, является дѣломъ ничтожнаго меньшинства, кучки «недовольныхъ крикуновъ и агитаторовъ». Въ маѣ 1830 г. король распустилъ только что собравшуюся палату, въ

которой преобладали либералы, и, когда новые выборы, несмотря на всѣ старанія правительства, дали снова либеральное большинство, Карлъ рѣшился на настоящій государственный переворотъ. 25 іюля онъ подписалъ свои знаменитые *ордоннансы* (указы), которыми уничтожалась свобода печати и возстановлялась цензура, распускалась либеральная палата, только что избранная и еще ни разу не собиравшаяся, и измѣнялся избирательный законъ: избирательное право предоставлялось только богатымъ землевладѣльцамъ. На другой же день послѣ опубликованія ордоннансовъ, въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ появился протестъ журналистовъ противъ нарушенія хартіи. «Обнародованы указы, представляющіе собою самое очевидное нарушеніе законовъ,—говорилось въ протестѣ,—законный порядокъ прерванъ, началось господство силы. Въ томъ положеніи, въ какое мы поставлены, повиновеніе перестаетъ быть долгомъ. Правительство нарушило законность,—мы освобождены отъ обязанности повиноваться. Намъ нечего указывать незаконно распущенной палатѣ, какъ она должна исполнять свой гражданскій долгъ; но мы можемъ умолять ее отъ имени всей Франціи оказать сопротивленіе нарушенію законовъ. Избранные депутаты избраны и созваны совершенно правильно и законно; ихъ право сегодня такое же, какимъ было вчера. Франція умоляетъ ихъ не забывать этого. Все, что будетъ въ ихъ власти сдѣлать для того, чтобы доставить торжество этому праву, они обязаны сдѣлать».

Когда Парижъ узналъ объ ордоннансахъ, вспыхнуло возстаніе (27—29 іюля 1830 г.) при крикахъ: «да здравствуетъ хартія». Возстаніе это было чисто стихійнымъ движеніемъ, никѣмъ неподготовленнымъ. Его не ожидало правительство, не ожидали и либералы, которые были убѣждены, что народъ не двинется на защиту хартіи, которая не давала ему никакихъ политическихъ правъ; часть арміи перешла на сторону народа и обезпечила ему побѣду. Король взялъ назадъ свои ордоннансы, но было слишкомъ поздно. Народъ уже кричалъ: «Долой Бурбоновъ!» а либеральные журналисты и депутаты съ *Тьеромъ* во главѣ рѣшительно заявили, что послѣ всего, что произошло, Бурбоны болѣе во Франціи царствовать не могутъ, надо перемѣнить династію и призвать на престолъ герцога Людовика-Филиппа Орлеанскаго. Ни одинъ роялистъ не выступилъ на защиту короля съ оружіемъ въ рукахъ, а на армію положиться было нельзя. Министры, которые дали совѣтъ о государственномъ переворотѣ, бѣжали за границу. Волей неволей, Карлъ подписалъ отреченіе отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука и уѣхалъ въ

Англію; но о внукѣ его никто и не думалъ. Парижъ былъ во власти двухъ партій, соединившихся для борьбы съ Карломъ: республиканцевъ и либераловъ. Республиканцы подняли вопросъ о провозглашеніи республики, но они были малочисленны; Франція въ это время съ недовѣріемъ относилась къ республикѣ. Либералы о республикѣ и слышать не хотѣли. Они обнародовали прокламацію: «Карлъ X не можетъ болѣе вернуться въ Парижъ, онъ пролилъ потоки народной крови. Республика приведетъ насъ къ страшнымъ раздорамъ, она разссоритъ насъ съ Европой. Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи». И на престолъ возведенъ былъ Людовикъ-Филиппъ, который торжественно присягнулъ новой, болѣе либеральной хартіи. Такъ окончилась *іюльская революція 1830 года*. Бурбоны, навязанные Франціи иностранными державами, были изгнаны навсегда. Людовикъ-Филиппъ получилъ свою корону отъ французскаго народа и сталъ называть себя: «король французовъ Божьей милостью и по волѣ народной», а легитимисты (сторонники Бурбоновъ) прозвали его «королемъ баррикадъ»

Побѣдой народа воспользовалась *либеральная буржуазія;* она посадила своего короля на престолъ и захватила власть въ свои руки. Хотя по новой хартіи избирательный цензъ былъ пониженъ съ 300 фр. до 200, все же избирателей набиралось не болѣе 240.000 человѣкъ, которые и составляли политически полноправную «легальную страну». Большинство въ палатѣ составлялось изъ крупныхъ банкировъ, биржевыхъ и желѣзнодорожныхъ дѣльцовъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти депутаты выше всего ставили свои матеріальные интересы и больше всего заботились о сохраненіи мира во что бы то ни стало и о поддержаніи внутренняго порядка, который обезпечивалъ ихъ барыши. Правительство усердно охраняло это преобладаніе промышленнаго класса; монархія Людовика-Филиппа стала *монархіей буржуазной*.

Людовикъ-Филиппъ (1830—1848) стремился управлять лично, прячась за спины своихъ министровъ. Правительство, во главѣ котораго съ 1840 года стоялъ министръ *Гизо*, чтобы имѣть въ палатѣ большинство, прибѣгало къ подкупамъ избирателей и депутатовъ, раздавая мѣста, пенсіи, подряды. Подкупы были возможны, благодаря малому количеству избирателей. Дѣло дошло до того, что половина депутатовъ были чиновники, во всемъ послушные правительству.

30-е и 40-е годы въ жизни Франціи были временемъ расцвѣта французскаго капитализма; *крупная промышленность* пріобрѣла окончательное господство въ хозяйственной жизни. Торжество

фабричнаго производства нанесло тяжкій ударъ мелкой буржуазіи, представителямъ ремесла, которые, вдобавокъ, не имѣли и политическихъ правъ. Еще печальнѣе было положеніе *рабочаго класса*, который, помимо политическаго безправія, подвергался безпощадной эксплуатаціи и не имѣлъ защиты государства въ своихъ спорахъ съ фабрикантами относительно количества труда и размѣровъ заработной платы. Въ 30-хъ годахъ нѣсколько разъ вспыхивали возстанія рабочихъ, вызванныя безпросвѣтной нищетой и угнетеніемъ (ліонскій бунтъ 1831 года). Вообще царствованіе Людовика-Филиппа было порой рѣзкаго обостренія отношеній труда и капитала; рабочій пролетаріатъ принялъ воззрѣнія радикаловъ и считалъ наиболѣе соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ демократическій республиканскій строй.

Къ концу 40-хъ годовъ недовольство установившимися порядками и буржуазной монархіей, все болѣе и болѣе росло въ странѣ и все громче и громче раздавались голоса, требовавшіе *избирательной реформы*. Умѣренные либералы, число которыхъ съ 1830 года сильно возросло, настаивали на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Людовикъ-Филиппъ заявлялъ, что пока онъ живъ, никакихъ перемѣнъ не будетъ, а Гизо говорилъ въ палатѣ, что реформа не нужна, такъ какъ и безъ того больше 200.000 избирателей. «Обогащайтесь, трудясь, и вы сдѣлаетесь избирателями»,—говорилъ онъ, обращаясь къ недовольнымъ. Тогда всѣ партіи, желавшія реформы, объединились, стали устраивать въ Парижѣ и другихъ городахъ банкеты и грандіозныя манифестаціи, чтобы показать, что народъ желаетъ реформы. Когда агитація приняла широкіе размѣры, правительство заявило, что во Франціи права собраній не существуетъ. Въ Парижѣ полиція воспретила уже назначенную грандіозную манифестацію. Оппозиціонные журналисты и депутаты во избѣжаніе кроваваго столкновенія рѣшили манифестацію отмѣнить. Людовикъ-Филиппъ торжествовалъ и говорилъ министрамъ: «Вѣдь я предсказывалъ, что все это разлетится въ прахъ». Король называлъ все движеніе «бурей въ стаканѣ воды». Однако, тайныя республиканскія общества подготовляли возстаніе; народъ въ Парижѣ продолжалъ собираться. Произошли столкновенія съ войсками, были убитые и раненые, и внезапно вспыхнула революція, которой никто не ожидалъ (*февральская революція* 1848 г.). Въ первый день слышались возгласы: «Да здравствуетъ реформа, долой Гизо!» Король далъ отставку непопулярному министру; но буря не улеглась, и на слѣдующій день толпа уже кричала: «Да здравствуетъ республика!» Національная гвардія стала переходить на сторону народа. Король убѣдившись, что другого исхода нѣтъ.

отрекся отъ престола въ пользу своего внука; но уже избрано было временное правительство изъ республиканской партіи (*Ламартинъ*, *Ледрю-Ролленъ*), въ которомъ участвовали и соціалисты *Луи Бланъ* и рабочій *Альберъ*, и во Франціи провозглашена была республика (24 февраля 1848 г.)

Вторая республика (1848 — 1852) просуществовала недолго, всего четыре года, но это были бурные годы. Среди республиканцевъ не было единодушія; они дѣлились на двѣ фракціи; одна хотѣла только политическаго переворота, т.-е. замѣны монархіи демократической республикой, устраненія политическаго неравенства; другая же требовала соціальныхъ реформъ, устраненія неравенства общественнаго и стремилась къ переустройству общества на новыхъ началахъ, къ замѣнѣ капиталистическаго строя строемъ соціалистическимъ, при которомъ не было бы наемнаго труда и частной собственности на орудія производства. Въ XIX вѣкѣ, по мѣрѣ развитія крупной промышленности, грозно всталъ рабочій вопросъ, и соціалистическія идеи зародились уже въ началѣ вѣка. *Сенъ-Симонъ* провозгласилъ важнѣйшей задачей государства «улучшеніе участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса» — пролетаріата; его ученики предсказывали наступленіе новаго строя, въ которомъ исчезнетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ, и начало ассоціаціи, дружнаго соединенія силъ, станетъ на мѣсто классовой вражды, раздѣляющей современное общество и основанной на частной собственности. Другой писатель *Фурье* рисовалъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ этотъ строй будущаго — жизнь огромныхъ рабочихъ артелей, на которыя распадется человѣчество, при полной гармоніи интересовъ, общемъ участіи въ трудѣ и справедливомъ распредѣленіи результатовъ труда. Соціализмъ былъ противоположностью индивидуализму либераловъ. Индивидуалисты говорили, что дѣятельность личности нельзя стѣснять, а надо ей предоставить полный просторъ, полную свободу въ экономической борьбѣ. Ни государство, ни общество не должны вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь страны и въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Соціалисты же критиковали эту неограниченную конкуренцію, которая ведетъ лишь къ вырожденію и обнищанію трудового народа. Незадолго до февральской революціи Луи Бланъ изложилъ цѣлый планъ общественныхъ преобразованій, состоявшій въ томъ, что само государство должно взять на себя «организацію труда», заняться производствомъ, путемъ устройства «соціальныхъ мастерскихъ», и такимъ образомъ уничтожить частныя предпріятія и экономическое соперничество.

Соціальныя идеи пользовались сочувствіемъ парижскаго пролетаріата, который съ оружіемъ въ рукахъ требовалъ отъ временнаго правительства осуществленія *права на трудъ* и организаціи труда государствомъ. Для успокоенія рабочихъ было постановлено устроить общественныя работы подъ именемъ *національныхъ мастерскихъ*. Вся Франція — дворянство, буржуазія, крестьянство, — какъ огня, боялась «соціальной республики»; крестьянство было напугано слухами о томъ, будто рабочіе собираются лишить ихъ имущества и земли, чтобы передать ихъ въ общее пользованіе. Въ провинціи къ республикѣ отнеслись съ опасеніемъ, особенно послѣ того, когда правительство, сильно нуждаясь въ деньгахъ, увеличило прямые налоги на 45%. При такомъ настроеніи народа, въ Учредительное Собраніе, избранное для выработки конституціи всеобщей подачей голосовъ, попало значительное число реакціонныхъ депутатовъ, враждебныхъ какимъ бы то ни было соціальнымъ реформамъ, и даже тайныхъ сторонниковъ монархіи. Собраніе создавало вооруженную силу противъ рабочихъ, сплотившихся въ огромномъ количествѣ въ національныхъ мастерскихъ, и явно стремилось ко упраздненію послѣднихъ. Парижскіе рабочіе, обманутые въ своихъ надеждахъ, возстали (23 іюня). Въ возстаніи въ теченіе 4-хъ *іюньскихъ дней* участвовало болѣе 100.000 человѣкъ; цѣлью его была не перемѣна формы правленія, но измѣненіе самого устройства общества. Національное Собраніе усмирило это возстаніе съ безпощадной жестокостью, а по окончаніи борьбы началась безудержная месть побѣдителей: 14.000 было сослано безъ суда въ колоніи, зачинщики преданы военному суду. Дальнѣйшему развитію революціи и самой идеи республики былъ нанесенъ непоправимый ударъ.

Послѣ іюньскихъ дней въ странѣ началась сильная реакція; буржуазія, устрашенная рабочимъ движеніемъ, стремилась тѣснѣе сблизиться съ дворянствомъ и духовенствомъ. Въ конституціи, выработанной собраніемъ, вводилась всеобщая подача голосовъ, но глава исполнительной власти, президентъ, былъ снабженъ огромными полномочіями, опасными для существованія республики. Въ декабрѣ 1848 г. всенароднымъ голосованіемъ президентомъ республики избранъ былъ *Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ*, племянникъ Наполеона I, получившій $5\frac{1}{2}$ милліоновъ голосовъ изъ поданныхъ $7\frac{1}{2}$, а уже черезъ четыре года, опираясь на поддержку духовенства, арміи и своей партіи-бонапартистовъ, онъ произвелъ государственный переворотъ (2 декабря 1851 г.), сопровождавшійся кровопролитіемъ и насиліями, при чемъ конституція 1848 года была измѣнена. Вскорѣ послѣ

того всенародное голосованіе, происходившее подъ сильнымъ воздѣйствіемъ правительства, превратило Людовика Бонапарта въ «милостью Божіей и волею народа императора французовъ» подъ именемъ Наполеона III; во Франціи началась эпоха *второй имперіи*.

II.

Наполеонъ III (1852—1870) возстановилъ во Франціи абсолютизмъ; политической свободы болѣе не существовало. Права палаты депутатовъ были сильно стѣснены: она не имѣла права ни измѣнять своего устава, ни избирать своего президента, ни предлагать законопроектовъ. Существовало всеобщее избирательное право, но правительство оказывало давленіе на выборы самыми разнообразными способами. Правительство задалось цѣлью запугать общество и избавиться отъ опасныхъ для него республиканцевъ или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ молчать. Вся Франція очутилась въ положеніи усиленной охраны. Изданъ былъ «законъ объ общественной безопасности», дававшій правительству право безъ всякаго суда сажать въ тюрьму, ссылать и изгонять изъ государства всѣхъ, кто только раньше подвергался осужденію по политическимъ дѣламъ, а также и тѣхъ, кто впослѣдствіи будетъ осужденъ. Печать была сильно стѣснена. Безъ разрѣшенія нельзя было открыть новую газету, и редакторъ назначался правительствомъ. Преступленія печати были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, и послѣ второго приговора газета закрывалась. Правительство имѣло право закрыть всякую газету, если находило ее вредной для общественнаго спокойствія.

Правительство опиралось на армію и на промышленный классъ, предоставляя послѣднему обогащаться посредствомъ всевозможныхъ спекуляцій, поставокъ на армію, сооруженія желѣзныхъ дорогъ и т. п. Биржа получила огромное вліяніе на государственныя дѣла. На важныя государственныя должности назначались преданные военные генералы. Отъ чиновниковъ требовалась только угодливость и лесть. Для привлеченія рабочаго класса на сторону имперіи, Наполеонъ предпринялъ общественныя работы. Соціализмъ казался навсегда разгромленнымъ, и его вожди искали убѣжище въ свободной Англіи.

Несмотря на всѣ стѣсненія, въ странѣ нарастала оппозиція, что сказывалось на выборахъ въ палату, гдѣ, напримѣръ, въ концѣ 50-хъ годовъ появилось нѣсколько республиканскихъ депутатовъ. Въ 60-хъ годахъ Наполеонъ вынужденъ былъ смягчить деспотическій режимъ и сдѣлать кое-какія либеральныя уступки.

Наполеонъ хотѣлъ внѣшнимъ блескомъ и военной славой заставить Францію забыть о свободѣ и привязать ее къ имперіи. Обстоятельства такъ счастливо сложились для императора, что его внѣшняя политика имѣла большой успѣхъ, и въ 50—60-хъ годахъ Франція первенствовала въ Европѣ. Ея армія послѣ побѣдъ въ Крыму и на поляхъ Италіи считалась лучшей; европейскіе государи искали сближенія съ императоромъ, хотя въ ихъ глазахъ онъ былъ «выскочкой». Парижъ сталъ столицей всей Европы, его посѣщали иностранные монархи, и при дворѣ текла веселая, беззаботная жизнь. Но это внѣшнее величіе держалось на гнилыхъ устояхъ. Деспотическій строй быстро подтачивалъ силы Франціи. Въ 1870 году Наполеонъ по незначительному поводу началъ войну съ Пруссіей. Сторонники имперіи добивались этой войны, разсчитывая, что будущія побѣды, въ которыхъ они не сомнѣвались, укрѣпятъ имперію. Противниковъ войны продажные патріоты называли измѣнниками, а наемная печать твердила, что пруссаковъ надо розгами прогнать за Рейнъ. Уличная толпа съ криками: «въ Берлинъ, въ Берлинъ!» устраивала патріотическія манифестаціи, руководимыя переодѣтыми въ рабочія блузы полицейскими агентами и шпіонами.

Пруссія, въ свою очередь, очень хотѣла разгромить Францію, и нарочно вызывала ее на войну, къ которой давно и тщательно готовилась. Руководитель прусской политики Бисмаркъ видѣлъ въ этой войнѣ путь къ окончательному объединенію Германіи подъ верховенствомъ Пруссіи.

Франція оказалась совершенно неподготовленной къ войнѣ; ея военныя силы были въ полномъ разстройствѣ, благодаря канцелярщинѣ, небрежности и недобросовѣстности начальниковъ и наглому казнокрадству. Нація этого не знала, такъ какъ печать не смѣла раскрывать истину; не знало и правительство, которое съ легкимъ сердцемъ объявило войну. Когда началась война, въ Парижѣ и во всей Франціи съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о побѣдахъ, въ то время, какъ французская армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ. Правительство скрывало ужасную правду и сообщало ложныя свѣдѣнія. Лучшія военныя силы оказались запертыми въ крѣпости *Мецъ*; а вторая 100-тысячная армія, при которой былъ самъ Наполеонъ, подъ *Седаномъ* сдалась непріятелю со всѣмъ оружіемъ и военными припасами, и самъ императоръ оказался въ плѣну (2-го сентября). Когда въ Парижѣ узнали о седанскомъ разгромѣ, народъ высыпалъ на улицу, требуя низложенія Наполеона. Парижскіе депутаты собрались въ ратушѣ, провозгласили *республику* и образовали правительство національной обороны (4 сентября 1870 г.). Импе-

рія опиралась на армію и, когда арміи не стало, она пала безъ борьбы.

Положеніе Франціи было отчаянное. Нѣмцы осадили Парижъ, а черезъ мѣсяцъ французская армія въ 175 тысячъ человѣкъ, запертая въ Мецѣ, голодомъ вынуждена была сдаться. Въ Парижѣ было два милліона жителей, и, хотя провіанта было запасено много, но въ декабрѣ почувствовался недостатокъ въ припасахъ. Населеніе терпѣло отъ голода, холода и бомбардировки, но мужественно переносило бѣдствія, надѣясь на скорую помощь. Надежды были тщетны; вновь собранныя арміи, въ общей сложности въ 600.000 человѣкъ, терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Послѣ $4^1/_2$ мѣс. осады Парижъ вынужденъ былъ сдаться, и пруссаки заняли нѣкоторые кварталы. Въ Бордо открылись засѣданія Національнаго Собранія, избраннаго для заключенія мира. Въ собраніе попало много монархистовъ, избранныхъ крестьянами, которые хотѣли мира и думали, что республика захочетъ продолжать войну. Правительство національной обороны сложило свои полномочія, и Собраніе выбрало главой исполнительной власти *Тьера*, который стоялъ за миръ. Миръ былъ заключенъ на тяжелыхъ и унизительныхъ условіяхъ. Франція уступала Германіи двѣ области, *Эльзасъ* и *Лотарингію*, и должна была уплатить 5 милліардовъ франковъ (около 2 милліард. руб.) контрибуціи.

Парижское рабочее населеніе было страшно недовольно и сдачей Парижа, и условіями мира, и монархическимъ составомъ Бордоскаго Собранія, которое республиканцы называли «собраніемъ деревенщины». Возбужденіе усилилось, когда Собраніе постановило перенести свои засѣданія не въ Парижъ, а въ Версаль и прекратило уплату въ $1^1/_2$ фр. въ день за службу въ національной гвардіи. Недовольство проявлялось очень бурно и было опасно для правительства, такъ какъ 300 тысячъ парижанъ составляли національную гвардію и были хорошо вооружены. Тьеръ хотѣлъ обезоружить населеніе и началъ съ того, что приказалъ забрать пушки изъ рабочихъ кварталовъ. Толпа отбила пушки у солдатъ; солдаты братались съ народомъ, были разстрѣляны два генерала. Такъ началось (въ мартѣ 1871 г.) возстаніе, которымъ руководилъ центральный комитетъ національной гвардіи. Правительство съ Тьеромъ во главѣ переѣхало въ Версаль. Тогда во всѣхъ 20 округахъ Парижа произведены были выборы въ *коммуну*, т.-е. общинный совѣтъ. Попали люди разныхъ партій, всего больше революціонеровъ и соціалистовъ. Единства въ коммунѣ, этомъ революціонномъ правительствѣ, не было. Она дѣлилась на группы, которыя имѣли

разныя цѣли и намѣренія. Одни, напр., хотѣли обратить Францію въ федерацію (союзъ) свободныхъ общинъ, другіе находили, что Франція нуждается въ диктатурѣ. Общаго плана управленія не было; подчиненные не повиновались начальникамъ. Коммуна должна была взять на себя продовольствіе населенія, управленіе дѣлами громадной столицы и вести войну съ законнымъ «версальскимъ» правительствомъ; но пролетаріатъ былъ мало развитъ и мало образованъ, и знающихъ дѣльныхъ людей для многихъ должностей не было. Коммуна сдѣлала нападеніе на Версаль, но оно было отбито; эта неудача «коммунаровъ» отшатнула отъ коммуны мелкую буржуазію. И въ провинціи коммуна не встрѣтила сочувствія; иностранныя державы признавали правительство Тьера и знать не хотѣли коммуны. 21-го мая измѣна открыла версальцамъ входъ въ Парижъ, и началась «майская кровавая недѣля». На улицахъ столицы шла ожесточенная битва. Коммунары отчаянно защищались; офицеры и солдаты проявили звѣрскую жестокость, разстрѣливая военно-плѣнныхъ, не разбирая ни возраста, ни пола. Коммунары платили тѣмъ же, приказавъ разстрѣливать заложниковъ. Когда войско заняло Парижъ, объявлено было осадное положеніе. Въ эти дни гражданской войны было убито и разстрѣляно безъ всякаго суда не менѣе 17 тысячъ человѣкъ. Взято въ плѣнъ и арестовано было до 50 тысячъ, и началась военно-судебная расправа. Болѣе 200 человѣкъ было приговорено къ смертной казни, а всего осужденныхъ было 13.000; масса коммунаровъ бѣжала за границу.

Послѣ разгрома коммуны во Франціи началась борьба за утвержденіе республики. Въ Національномъ Собраніи было больше монархистовъ, чѣмъ республиканцевъ, и они желали реставраціи монархіи; но между ними не было единодушія по вопросу о томъ, кого возвести на престолъ. Раздоры монархистовъ усиливали республиканскую партію, которая, подъ предводительствомъ *Гамбетты*, горячо отстаивала республику. Только въ 1875 году была, наконецъ, обнародована конституція, которая устанавливала во Франціи республику; это была по счету *третья республика*. Во главѣ республики стоитъ *президентъ*, который выбирается на 7 лѣтъ парламентомъ. Законодательная власть принадлежитъ парламенту, который состоитъ изъ *сената* и *палаты депутатовъ*. Депутаты избираются всеобщей и прямой подачей голосовъ. Палатѣ депутатовъ принадлежитъ право контроля надъ министрами. Министры отвѣтственны передъ палатой; они обязаны согласовать свои дѣйствія съ желаніемъ и настроеніемъ большинства въ палатѣ и обыкновенно уходятъ въ отставку, если палата не

одобритъ ихъ дѣятельности, выразитъ имъ порицаніе или недовѣріе; такъ что третья республика—республика *парламентарная*. Третья республика существуетъ уже 40 лѣтъ, населеніе сжилось съ этой формой правленія, установившейся послѣ цѣлаго вѣка политической борьбы и измѣненій государственнаго строя.

22. Объединеніе германскаго народа.

I.

Германіи, какъ единаго государства, не было въ Европѣ XVIII вѣка. Освободительная война 1813 года противъ Наполеона впервые сплотила разрозненные народы Германіи, но до объединенія ихъ въ одно государство было еще далеко. О возвратѣ къ прежнему раздробленію на множество мелкихъ державныхъ государствъ не могло уже быть рѣчи; но устройство, которое получила Германія на Вѣнскомъ конгрессѣ, сильно задержало ея національное объединеніе. Страна была раздѣлена на 38 самостоятельныхъ, очень различныхъ по размѣрамъ и вліянію государствъ, которыя и составили *Германскій союзъ*. Никакого внутренняго единства народа союзъ этотъ не преслѣдовалъ: онъ былъ созданъ для защиты Германіи отъ иностранныхъ нападеній и для сохраненія мирныхъ отношеній между объединенными государствами. Единственнымъ общегерманскимъ учрежденіемъ былъ *Союзный сеймъ*. Это былъ союзъ правительствъ, которыя и посылали сюда своихъ уполномоченныхъ, народъ не принималъ въ ихъ выборѣ никакого участія. Предсѣдателемъ Союзнаго сейма былъ представитель австрійскаго правительства. Въ первую половину XIX ст. Австрія была наиболѣе вліятельнымъ государствомъ Германскаго союза. Знаменитый австрійскій канцлеръ *Меттернихъ* былъ вождемъ европейской реакціи, врагомъ всѣхъ нововведеній, установленныхъ въ Европѣ подъ вліяніемъ французской революціи. Фанатически преданный старому порядку, онъ немедленно и неуклонно преслѣдовалъ всѣ проявленія освободительнаго движенія въ Германіи и другихъ странахъ Европы.

Священный союзъ христіанскихъ государей Европы, основанный Александромъ I, былъ другимъ оплотомъ самодержавія и имѣлъ въ виду совмѣстное подавленіе вооруженной силой всѣхъ революціонныхъ народныхъ движеній.

Неудивительно, что стремленіе къ политической свободѣ, пробудившееся въ Германіи въ періодъ наполеоновскихъ войнъ, когда и сами правители обѣщали народу конституціи, теперь

не могло получить осуществленія. Только 15 государствъ исполнили союзное постановленіе о введеніи *сословнаго представительства*. Наиболѣе широкое представительство съ законодательною властью было введено въ южныхъ государствахъ (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ), въ сѣверныхъ государствахъ, а также и въ наиболѣе крупныхъ, въ Австріи и въ Пруссіи, былъ возстановленъ *абсолютизмъ*. Эти послѣднія только и могли бы встать во главѣ объединенія Германіи, и потому государства юга потеряли интересъ къ объединенію, боясь утратить свои конституціонные порядки.

Суровый режимъ Меттерниха не допускалъ и мысли о какомъ либо представительствѣ въ Австріи. Въ Пруссіи послѣ Вѣнскаго конгресса король не разъ обѣщалъ ввести конституцію, и была назначена комиссія для ея выработки, но работала очень медленно. Тогда въ печати и обществѣ заговорили о конституціи, королю изъ разныхъ концовъ посылались адреса съ просьбой о ея введеніи. Но нетерпѣніе общества только обидѣло короля, онъ выразилъ свое неудовольствіе сомнѣвавшимся въ исполненіи королевскаго обѣщанія и началъ преслѣдовать конституціонное движеніе. Только въ 1823 г. Пруссія получила сословное представительство, сеймъ, или *ландтагъ*, въ которомъ участвовали дворянство, города и крестьяне. Засѣданія его были не публичны и постановленія не имѣли почти никакого значенія. Абсолютный строй оставался незыблемымъ.

Въ началѣ XIX в. Германія была въ промышленномъ отношеніи страной отсталой. Большая часть населенія жила въ деревняхъ, городскихъ центровъ было немного. Пути сообщенія были очень плохія. Въ деревняхъ повсюду господствовали еще полукрѣпостныя отношенія. Только на лѣвомъ берегу Рейна прочно установилось гражданское равенство. Въ другихъ государствахъ сильное дворянство подъ покровительствомъ реакціи возстановило свои прежнія права и привилегіи. Въ Пруссіи *крѣпостное право* было отмѣнено, но многія барщины и феодальныя повинности сохранены въ пользу помѣщиковъ. Рядъ указовъ, опредѣлявшихъ новыя земельныя отношенія, былъ проведенъ всецѣло въ интересахъ дворянства. Выкупъ не былъ обязателенъ; въ собственность могли выкупать свои земли лишь крестьяне, имѣвшіе полное хозяйство, при чемъ наслѣдственные крѣпостные уступали помѣщику треть, а ненаслѣдственные—половину своего участка.

Помѣщики сохранили себѣ право вотчинной полиціи, расширили свое землевладѣніе, имѣли даровую рабочую силу въ лицѣ безлошадныхъ крестьянъ, не получившихъ права выкупа, мно-

гіе изъ выкупившихъ землю получили такой небольшой клочокъ ея, что предпочитали ее продать и шли въ рабочіе къ своему же помѣщику. Росло крупное землевладѣніе, вводившее усовершенствованные способы сельскаго хозяйства, а обезземеленное крестьянство было обречено на жалкое существованіе.

Промышленность Германіи была очень слабо развита. Почти вездѣ еще царило ремесло и прежніе цеховые порядки. Первые шаги капиталистическаго производства приняли форму *домашней промышленности*. Капиталисты раздавали работу на дома ремесленникамъ и кустарямъ и, пользуясь ихъ нищетой, безгранично эксплоатировали ихъ трудъ. Въ льняномъ производствѣ Силезіи прядильщики и ткачи-кустари изнемогали подъ двойнымъ гнетомъ капитала и мѣстныхъ помѣщиковъ, заставлявшихъ ихъ платить «ткацкій оброкъ». Положеніе ихъ дошло до крайности, когда ихъ ручной трудъ долженъ былъ конкурировать съ машиннымъ англійскимъ, а затѣмъ и нѣмецкимъ. Домашняя форма промышленности преобладала и въ горномъ дѣлѣ, и въ производствѣ суконъ въ Саксоніи.

Только въ западной Германіи (Рейнскія провинціи) развивалась крупная *фабричная промышленность*, создавались крупные промышленные центры, зарождался городской пролетаріатъ.

Произволъ помѣщиковъ въ деревнѣ и эксплоатація капиталистовъ въ городахъ были почвой, на которой росло недовольство существующимъ строемъ въ народныхъ массахъ. Это былъ горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть при первомъ возбужденіи, но пока эти угнетенныя массы были способны еще лишь на стихійный взрывъ негодованія.

Дворянство было оплотомъ реакціи. Духъ протеста жилъ въ средѣ зарождавшейся *буржуазіи*: самодержавный дворянскій строй Германіи и ея раздробленность и таможенныя перегородки препятствовали свободному развитію торгово-промышленныхъ отношеній.

Городская буржуазія была и наиболѣе культурнымъ и образованнымъ классомъ Германіи начала XIX в. Но всѣ попытки ея борьбы за политическую свободу встрѣчали дружный отпоръ реакціи, направляемой твердой рукой Меттерника. Усиленіе репрессій было вызвано самымъ невиннымъ по существу движеніемъ среди *студенчества*. Во многихъ университетскихъ городахъ возникли студенческія общества въ цѣляхъ саморазвитія. Въ день 300-лѣтняго юбилея реформаціи, 18 окт. 1817 г., въ Вартбургѣ собралось изъ разныхъ городовъ до 500 студентовъ во главѣ съ либеральными профессорами и журналистами. Все было совершенно спокойно, произносились либеральныя рѣчи, пѣлись

пѣсни, лишь подъ конецъ накипѣвшая злоба противъ реакціи выразилась въ томъ, что на кострѣ были сожжены реакціонныя произведенія и символы ненавистнаго строя—косичка и капральская палка. Для Меттерниха этого было совершенно достаточно, чтобы поднять шумъ въ реакціонныхъ газетахъ, писавшихъ, что вся Германія охвачена революціоннымъ броженіемъ. Убійство однимъ изъ студентовъ реакціоннаго писателя Коцебу, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ, дало поводъ къ сильнымъ репрессіямъ противъ студенчества и печати. Въ Карлсбадѣ собрались уполномоченные нѣмецкихъ правительствъ и составили извѣстныя *карлсбадскія постановленія*, установившія строгій надзоръ за студентами и профессорами, вводившія строгую цензуру. Особенно сильны были преслѣдованія въ Пруссіи и Австріи. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія или пелѣпаго доноса для ареста крамольника. Тюрьмы были переполнены, печать задушена, жизнь въ университетахъ замерла. Многіе нѣмцы покидали Германію, уѣзжая за границу и въ Америку.

Либеральныя движенія были подавлены, но буржуазіи удалось еще въ первой четверти XIX в. положить начало экономическому объединенію Германіи. Уже въ 20-хъ годахъ около Пруссіи объединилось нѣсколько мелкихъ государствъ, образовавъ Таможенный союзъ. Меттернихъ, боясь усиленія Пруссіи, не допускалъ таможеннаго единенія Германіи. Но интересы капитала побѣдили сопротивленіе, и въ 1834 г. въ *Таможенный союзъ* объединились уже 18 государствъ; они уничтожили свои таможни и установили свободу внутренней торговли на всемъ пространствѣ своихъ владѣній. Позднѣе къ Союзу присоединились и другія государства, кромѣ Австріи. Это дало сильный толчокъ торгово-промышленному развитію Германіи, началась постройка желѣзныхъ дорогъ. Окрѣпшая буржуазія почувствовала свою силу, и еще ненавистнѣе стали ей политическія путы самодержавныхъ правительствъ Германіи.

Французская *революція 1830 г.* была первымъ толчкомъ къ началу движенія за завоеваніе политической свободы. Сильныя революціонныя движенія въ сѣверныхъ государствахъ заставили правительства ввести конституціи (Брауншвейгъ, Гессенъ, Саксонія, Ганноверъ и др.). Во главѣ движенія стояла буржуазная интеллигенція. Оживилась пресса, появилась масса либеральныхъ и демократическихъ газетъ, заговорившихъ свободно и смѣло о нуждахъ народа. Сильнымъ вліяніемъ пользовались въ то время дѣятели и поэты литературнаго теченія извѣстнаго подъ именемъ *Молодой Германіи*. Наиболѣе видными изъ нихъ были *Гейне* и *Берне*. Они отстаивали права человѣческой лич-

ности, клеймили абсолютизмъ и проповѣдывали борьбу за освобожденіе народа; относясь съ презрѣніемъ къ узкимъ, своекорыстнымъ интересамъ буржуазіи, они не видѣли еще ясно путей, какими будетъ достигнуто это освобожденіе.

Оппозиціонное настроеніе росло и выливалось въ массѣ петицій и адресовъ, устраивались публичныя собранія и манифестаціи. Наиболѣе многолюдной была *манифестація въ г. Гамбахъ* 1832 г. Сюда собралось изъ разныхъ городовъ до 30.000 человѣкъ, произносились горячія рѣчи о необходимости политической свободы, раздавалась рѣзкая критика правительствъ и Союзнаго сейма.

Преслѣдованія движенія были и раньше, но послѣ этой манифестаціи были изданы новыя постановленія наподобіе карлсбадскихъ, усилившія цензуру, запрещавшія всякія собранія и политическіе союзы. Начались снова преслѣдованія прессы и либеральныхъ профессоровъ. Но подавить оппозицію уже было не легко. Протесты продолжались, агитація ушла въ подполье, появились нелегальныя газеты и брошюры, устраивались тайныя собранія и совѣщанія. Сильное возбужденіе во всей Германіи вызвало увольненіе семи видныхъ ученыхъ профессоровъ за ихъ протестъ противъ нарушеній конституціи въ Ганноверѣ. Въ западной Пруссіи населеніе долго волновалось изъ-за указа правительства, стѣснявшаго права католиковъ при смѣшанныхъ бракахъ; правительство должно было уступить.

Репрессіи уже не достигали цѣли. Волненія начались уже и въ Пруссіи и въ Австріи. Въ 1840 г. въ Пруссіи умеръ король, и на престолъ вступилъ сынъ его *Фридрихъ-Вильгельмъ IV*. Его царствованіе было встрѣчено большими ожиданіями, и, дѣйствительно, сначала онъ далъ амнистію политическимъ преступникамъ и нѣсколько ослабилъ цензуру. Общественная жизнь оживилась, появились новыя либеральныя и демократическія газеты. Но король былъ убѣжденнымъ сторонникомъ самодержавія и не допускалъ и мысли о возможности прусской конституціи. Первыя же заявленія о ней въ прессѣ и сеймахъ получили немедленный отпоръ правительства. Но *движеніе за введеніе конституціи* остановить было уже невозможно; оно захватило и чиновниковъ, суды оправдывали привлеченныхъ правительствомъ журналистовъ и общественныхъ дѣятелей, профессора съ каѳедры проповѣдывали либеральныя идеи. Провинціальныя собранія — сеймы требовали усиленія представительства городовъ и крестьянства, защиты интересовъ промышленности и рабочихъ, отмѣны привилегій дворянства.

Въ сороковыхъ годахъ началось, кромѣ того, сильное движеніе *среди крестьянъ и рабочихъ*, возстаніе силезскихъ ткачей распространилось и на другія области, начались голодные бунты, которые пришлось подавлять вооруженной силой.

Финансовыя затрудненія заставили короля въ 1847 г. созвать *Соединенный сеймъ, или ландтагъ* — депутатовъ отъ всѣхъ провинцій. Король обѣщалъ не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія Соединеннаго сейма. Но этотъ сеймъ никого не удовлетворилъ. Въ ландтагѣ было сохранено сословное представительство, ему былъ данъ только совѣщательный голосъ. Открывая сеймъ, король заявилъ, что онъ никогда не согласится на введеніе конституціи и не позволитъ, чтобы между монархомъ и страной, вмѣсто исконной священной вѣрности, вставъ «писанный листъ бумаги».

Въ отвѣтномъ адресѣ (обращеніи) королю депутаты высказали пожеланія полнаго переустройства сейма и отказали королю въ займѣ на желѣзнодорожныя нужды. Король распустилъ сеймъ. Вскорѣ затѣмъ въ Пруссіи началось революціонное движеніе.

Въ *Австріи* волненія вылились въ иную форму; здѣсь въ провинціяхъ, населенныхъ разноплеменными народами, поднялось національное движеніе, перешедшее затѣмъ въ конституціонное, въ Венгріи, Чехіи, Галиціи и Хорватіи; абсолютному режиму имперіи былъ нанесенъ первый ударъ.

Въ 1847 году начались политическія движенія въ сосѣднихъ странахъ Швейцаріи и Италіи, оживившія оппозиціонное движеніе въ Германіи. 1847 годъ былъ годомъ неурожая картофеля, вздорожали продукты потребленія въ городахъ, и снова начались голодные бунты, возстанія крестьянъ и волненія рабочихъ, разрушавшихъ фабрики и ненавистныя имъ машины, понизившія ихъ заработки. За послѣднія 15 — 20 лѣтъ промышленное развитіе Германіи значительно подвинулось впередъ, въ странѣ упрочивается крупное машинное производство, создается фабричный пролетаріатъ. Подъ вліяніемъ массовыхъ народныхъ движеній крестьянъ и рабочихъ, либеральная буржуазія въ свои политическія требованія включаетъ и заявленія объ ихъ экономическихъ нуждахъ. Особенно сильно было движеніе въ южной Германіи, тамъ постоянно устраивались собранія и манифестаціи. На одномъ изъ подобныхъ собраній въ Баденѣ, въ г. Оффенбургѣ, были формулированы *народныя требованія*, которыя стали затѣмъ программой движенія во всей Германіи. Снова выдвинуто было требованіе объединенія Германіи, общегерманскаго парламента съ широкимъ народнымъ представительствомъ, требовали установленія свободы совѣсти, печати, обученія, личной

неприкосновенности, созданія народнаго ополченія, справедливаго обложенія, уничтоженія остатковъ крѣпостного строя въ деревнѣ, защиты интересовъ трудящихся.

Въ то время еще не было самостоятельной организаціи рабочихъ, но *соціалистическія идеи* уже распространялись среди нихъ. Странствовавшіе во Франціи и Швейцаріи нѣмецкіе рабочіе сталкивались тамъ съ иными порядками, съ иными промышленными отношеніями. Оттуда же шло и первое распространеніе идей соціализма. Въ «Союзѣ справедливыхъ», бывшемъ очагомъ этого распространенія въ Парижѣ, было не мало нѣмцевъ, въ періодъ преслѣдованій покинувшихъ отечество. Въ 1847 г. въ него вступили будущіе вожди нѣмецкаго и международнаго рабочаго движенія, *Марксъ* и *Энгельсъ*, и союзъ этотъ получилъ названіе «Союза коммунистовъ». Подъ его вліяніемъ въ Германіи основались рабочія общества самообразованія, распространявшія идеи коммунистовъ. Въ 1848 г. появился знаменитый «Манифестъ коммунистической партіи» Маркса. Онъ мало тогда еще былъ извѣстенъ рабочимъ массамъ Германіи, но оказалъ огромное вліяніе на будущее рабочаго движенія въ Германіи и Европѣ.

Исторія борьбы классовъ, противоположность интересовъ двухъ наиболѣе сильныхъ классовъ современности—буржуазіи и пролетаріата, постоянно обостряющаяся борьба между ними, ростъ значенія рабочаго класса и неизбѣжность его побѣды—вотъ основныя положенія манифеста, ставшія позднѣе заповѣдью рабочаго движенія.

При первой возможности Марксъ и Энгельсъ вернулись въ Германію и приняли участіе во вліятельной демократической «Новой Рейнской Газетѣ» въ Кельнѣ. Не скрывая своихъ конечныхъ цѣлей, они поддерживали либерально-демократическое движеніе буржуазіи въ цѣляхъ добиться политической свободы, необходимой для роста и развитія рабочаго движенія и его будущей побѣды. Въ то же время они настаивали на необходимости организаціи рабочихъ, появились профессіональныя общества и союзы рабочихъ. Въ 1848 г. 29 такихъ обществъ объединились въ союзъ «Рабочее Братство» для защиты интересовъ рабочихъ противъ капиталистовъ. Союзъ издавалъ соціалистическую газету «Братство» и быстро разрастался. Въ 1850 г. въ него входило уже 250 обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли до 1000 членовъ.

Наступившая въ 50-хъ годахъ реакція задавила это движеніе, но оно создало благопріятную почву для будущаго объединенія рабочихъ въ самостоятельную рабочую партію.

II.

Февральская *революція 1848 г.* во Франціи вызвала революціонное движеніе и въ Германіи. Почва для него была уже подготовлена. На съѣздахъ либераловъ и многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ къ оффенбургскимъ требованіямъ прибавилось требованіе назначенія министровъ, пользующихся довѣріемъ народа. Движенія въ столицахъ Бадена, Вюртемберга, Баваріи, Саксоніи и друг. повели къ смѣнѣ министерствъ. У власти стали такъ называемыя *мартовскія министерства* изъ прогрессивныхъ общественныхъ дѣятелей, были обѣщаны реформы. Городское населеніе нѣсколько успокоилось, но по всей Германіи началось *движеніе крестьянъ*, они шли къ замкамъ, отыскивали документы и записи о повинностяхъ и предавали ихъ огню, горѣли и замки; мѣстами доходило дѣло до грабежей и насилій. Помѣщики испугались и нервые пошли на уступки: скоро въ южной и западной Германіи были изданы законы, отмѣнявшіе всѣ крѣпостные повинности и платежи. Это совершенно успокоило крестьянъ: получивъ удовлетвореніе своихъ требованій, они отошли отъ революціоннаго движенія.

Союзный сеймъ подъ бурнымъ натискомъ движенія совершенно растерялся; онъ издалъ позволеніе отмѣнять цензуру и заговорилъ о реформахъ, приглашая крупныя государства прислать въ помощь его работѣ своихъ уполномоченныхъ; но его никто уже не слушалъ. Страна пошла за либералами, съѣхавшимися 5 марта въ Гейдельбергѣ для выработки плана дѣйствій. Этотъ съѣздъ не пожелалъ обращаться съ просьбами къ союзному сейму, но отвергъ также и предложеніе о провозглашеніи республики; было рѣшено созвать общегерманское Національное Собраніе, выбранное во всѣхъ земляхъ, пропорціонально числу жителей. Для исполненія этого рѣшенія въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ долженъ былъ собраться «предварительный парламентъ» уполномоченныхъ отъ парламентовъ отдѣльныхъ государствъ.

Скоро послѣ этого вспыхнули *революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ*. Первой изъ провинцій, возставшихъ въ Австріи, была *Венгрія*: здѣсь знаменитый венгерскій демократъ *Кошутъ*, произнесъ въ сеймѣ рѣчь, безпощадно побивавшую всю политику Меттерниха. Къ императору была отправлена депутація съ требованіемъ конституціи и отвѣтственнаго предъ сеймомъ министерства.

Въ Вѣнѣ населеніе уже волновалось. Въ австрійскій сеймъ было подано заявленіе нѣсколькихъ депутатовъ, поддержанное крупной *буржуазіей*, о необходимости коренныхъ реформъ и политической свободы.

Сильно возбуждены были *студенчество* и *рабочіе*. Въ день открытія сейма, 13 марта, толпа народа собралась на площади; она желала, чтобъ сеймъ довелъ до свѣдѣнія императора требованія народа объ отставкѣ Меттерниха и о введеніи конституціи. Войска открыли стрѣльбу, чтобъ разогнать шумѣвшую толпу; это подняло на ноги весь городъ, студенты и рабочіе быстро вооружались, въ рабочихъ кварталахъ горѣли фабрики, уничтожались машины. Городъ покрылся баррикадами. Уступая единодушнымъ требованіямъ вѣнцевъ, императоръ далъ отставку Меттерниху, который бѣжалъ въ Англію, и согласился на вооруженіе студентовъ и горожанъ. Образовался «академическій легіонъ» молодежи, горожане также вооружились для защиты порядка, боясь рабочихъ волненій. Было назначено либеральное министерство и обѣщано созвать учредительное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Вѣнцы праздновали побѣду, нашедшую себѣ откликъ во всей странѣ.

Въ *Берлинѣ* въ это время все было въ движеніи. Съ начала марта ежедневно въ городскомъ паркѣ устраивались многолюдныя народныя собранія, обсуждались народныя требованія, готовилось обращеніе къ королю. Правительство то дѣлало небольшія уступки, то вновь прибѣгало къ репрессіямъ. Извѣстіе о побѣдѣ вѣнцевъ подняло духъ и въ Берлинѣ. Берлинцы настаивали на пріемѣ королемъ депутаціи съ народными требованіями. 18 марта король уступилъ, принялъ депутацію, а вечеромъ этого дня было объявлено о скоромъ созывѣ соединеннаго сейма, при чемъ признавалась необходимость конституціи. Огромная толпа народа собралась у дворца, король съ балкона привѣтствовалъ берлинцевъ. Народъ требовалъ удаленія войска. Внезапно въ толпу вдвинулся отрядъ драгунъ и началъ разгонять ее саблями. Съ криками: «Измѣна!» «Къ оружію!», народъ бѣжалъ съ площади, набатный колоколъ быстро поднялъ населеніе, начавшее вооружаться, городъ покрылся баррикадами. Начался жестокій бой, продолжавшійся два дня. Наконецъ король уступилъ, былъ данъ приказъ объ удаленіи войскъ изъ Берлина.

Баррикады были убраны, и берлинцы многолюдной процессіей понесли трупы бойцовъ ко дворцу. Король былъ принужденъ выйти имъ навстрѣчу и обнажить голову, пока длилось торжественное пѣніе молитвы.

Было образовано либеральное министерство, даны амнистія и согласіе на устройство національной гвардіи. Король высказался за объединеніе всѣхъ германскихъ государствъ. Онъ появился верхомъ на улицахъ Берлина, украшенный черно-красно-золотымъ цвѣтомъ единой Германіи. Народъ ликовалъ.

Послѣ побѣдъ народа въ Вѣнѣ и Берлинѣ, Союзный сеймъ не препятствовалъ собранію *предварительнаго парламента*. Парламентъ рѣшилъ созвать Національное собраніе для выработки общегерманской конституціи и разошелся, поручивъ комиссіи изъ 50 членовъ, совмѣстно съ Союзнымъ сеймомъ, привести это рѣшеніе въ исполненіе. Это было большой ошибкой: власть въ странѣ снова передавалась дореволюціонному правительству. Второй ошибкой было то, что, установивъ для выборовъ депутатовъ всеобщее избирательное право, парламентъ предоставилъ на рѣшеніе отдѣльныхъ правительствъ, будутъ ли эти выборы прямыми или двухстепенными. Не прошли и многія другія предложенія демократовъ, бывшихъ въ меньшинствѣ, о немедленной отмѣнѣ всѣхъ репрессій, о народномъ ополченіи. Увидѣвъ, что власть переходитъ въ руки умѣренныхъ, радикалы и демократы испугались, что и будущее Національное Собраніе не сумѣетъ защитить интересовъ народа, и подняли въ южной Германіи вооруженное возстаніе, надѣясь на поддержку народа. Возставшіе не имѣли ни средствъ ни полководцевъ, и быстро были подавлены войсками. Это возстаніе еще болѣе напугало умѣренныхъ изъ среды буржуазіи, жаждавшихъ уже порядка и твердой власти.

Такимъ настроеніемъ общества умѣло воспользовались правительства Пруссіи и Австріи. Въ Берлинѣ очень скоро по требованію буржуазіи, боявшейся волненій рабочихъ, вновь появились войска. Для успокоенія рабочихъ были организованы общественныя работы, проведены незначительные законы по охранѣ труда, все это нѣсколько успокоило возбужденіе. Соединенный сеймъ передалъ дѣло переустройства страны палатѣ, выбранной всеобщимъ, но двухстепеннымъ голосованіемъ, которая, по соглашенію съ королемъ, должна была выработать конституцію. 22 мая собралась эта палата и дала странѣ *либеральную конституцію*, закончивъ освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. Король былъ недоволенъ, и уже думалъ о переворотѣ, реакція собирала свои силы.

Въ *Вѣнѣ* власть народа въ городѣ продержалась дольше, революціонное настроеніе въ Венгріи и другихъ областяхъ поддерживало вѣнцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ центральный комитетъ изъ представителей «академическаго легіона» и народнаго ополченія. При первыхъ же попыткахъ правительства провести реакціонные законы, распустить «академическій легіонъ, вновь поднимались рабочіе и, подъ предводительствомъ студентовъ, отстаивали свои права. Императоръ покинулъ Вѣну. Это еще болѣе испугало буржуазію, дрожавшую передъ движеніемъ

рабочихъ, которые въ концѣ мая снова вытѣснили войска и завладѣли властью. Въ іюлѣ собралось *Учредительное собраніе*; въ немъ было много крестьянъ, которые въ первую очередь выдвинули разрѣшеніе *крестьянскаго вопроса*, уничтоженіе вотчинной полиціи, всѣхъ барщинныхъ повинностей, оброковъ и выкупа земли. Помѣщики протестовали. Правительство ловко воспользовалось этимъ и, желая имѣть крестьянъ на своей сторонѣ, поддержало ихъ требованія. Труднѣе было побѣдить рабочихъ.

Реакція воспользовалась для этого *розною національностей* въ имперіи, и, сдѣлавъ незначительныя уступки чехамъ и хорватамъ, правительство пріобрѣло ихъ силы для подавленія сопротивленія революціонной Венгріи и Вѣны. Венгрія въ это время уже почти отложилась отъ Австріи, тамъ господствовало временное правительство Кошута. Для усмиренія Венгріи правительство послало армію хорватовъ и пыталось для той же цѣли вербовать солдатъ среди рабочихъ Вѣны. Но вѣнцы поняли, что пораженіе Венгріи будетъ и ихъ пораженіемъ, и снова подняли возстаніе. Тогда было рѣшено наказать Вѣну, и императоръ двинулъ на нее соединенныя войска австрійцевъ и хорватовъ.

Началась знаменитая оборона Вѣны. Вѣнцы упорно сопротивлялись, но 30 октября городъ былъ взятъ; войска венгровъ, спѣшившія на помощь Вѣнѣ, уже опоздали. Въ городѣ было объявлено осадное положеніе, начались казни, учредительное собраніе было разогнано военной силой. Вступившій скоро послѣ этого на престолъ императоръ *Францъ-Іосифъ* при содѣйствіи русскихъ войскъ, посланныхъ императоромъ Николаемъ I, покончилъ съ венгерскимъ возстаніемъ и возстановилъ абсолютизмъ въ Австріи.

Паденіе Вѣны было сигналомъ для натиска *реакціи въ Пруссіи*. Было назначено консервативное министерство, въ Берлинѣ объявлено осадное положеніе и запрещены всякія собранія, засѣданія палаты перенесены въ захолустный городокъ. Депутаты палаты отказались признать эти постановленія, но не рѣшились обратиться за поддержкой къ народу; они прибѣгли къ «пассивному сопротивленію», приглашая народъ отказаться отъ платежа налоговъ. Этотъ призывъ не имѣлъ практическаго значенія. Распустивъ палату, король самъ даровалъ странѣ конституцію, въ которой сохранилъ всеобщее избирательное право и свободы. Выборы дали побѣду демократамъ, правительство, не найдя поддержки въ новой палатѣ, снова ее распустило. Новые выборы происходили уже по измѣненному избирательному закону,

который ввелъ трехклассную двухстепенную систему выборовъ, доставившую перевѣсъ голосовъ крупной буржуазіи и землевладѣльцамъ.

Постепенно революціонныя пріобрѣтенія были уничтожены и въ другихъ государствахъ Германіи. Пораженіе рабочихъ въ іюнѣ 1848 года во Франціи сильно укрѣпило реакцію въ Германіи. Внутреннія противорѣчія ослабляли силы оппозиціи: крестьянство, получивъ удовлетвореніе, успокоилось; буржуазія, испугавшись движенія рабочихъ и ихъ соціальныхъ требованій, стала очень умѣренна и уже боялась революціи; рабочіе не были еще организованы и одни не могли противодѣйствовать силамъ реакціи.

18 мая 1848 года собралось во Франкфуртѣ-на-Майнѣ *Національное Собраніе*, оно должно было положить начало объединенію Германіи, выработать общегерманскую конституцію. Съѣхалось 600 депутатовъ, среди нихъ были видные общественные дѣятели и ученые, но мало практическихъ политиковъ; было тамъ не мало и сторонниковъ дореволюціонныхъ порядковъ и очень мало представителей интересовъ демократіи. Двухстепенные выборы, установленные почти вездѣ, сдѣлали свое дѣло. Преобладали умѣренные, убѣжденные въ томъ, что мартовскія побѣды уже обезпечили конституціонный строй въ Германіи. Собраніе работало очень медленно, лились потоки рѣчей; занятое выработкой конституціи, собраніе совершенно не обращало вниманіе на продолжавшуюся въ странѣ борьбу съ реакціей. Временнымъ намѣстникомъ Германіи собраніе избрало австрійскаго эрцгерцога Іоанна, но не позаботилось о томъ, чтобъ назначенное имъ либеральное общеимперское министерство имѣло дѣйствительную силу; въ его распоряженіи не было ни денегъ, ни войскъ, ни исполнительныхъ органовъ на мѣстахъ. Когда собраніе, наконецъ, закончило выработку конституціи въ 1849 году, она никому уже не была нужна и осталась на бумагѣ. По вопросу о томъ, кто долженъ встать во главѣ объединенной Германіи, Австрія или Пруссія, въ собраніи были долгіе дебаты, оно разбилось на двѣ партіи; наконецъ, германскимъ императоромъ былъ избранъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV, но послѣдній отказался отъ императорской короны. Онъ согласился бы принять ее только изъ рукъ государей Германіи и не желалъ имѣть ее отъ парламента, выдвинутаго революціей. Австрія объявила, что національное собраніе не оправдало возлагавшихся на него надеждъ и отозвала своихъ депутатовъ, многія государства также высказывались противъ выработанной конституціи, ряды парламента рѣдѣли.

Тогда радикалы и демократы при поддержкѣ рабочихъ предприняли послѣднюю попытку спасти дѣло свободы и подняли новое вооруженное возстаніе, мѣстами къ нимъ примкнули крестьяне и войско, но скоро правительственныя войска подавили движеніе. Вожди его спаслись бѣгствомъ, не успѣвшіе скрыться были разстрѣляны. Остатки франкфуртскаго національнаго собранія, перенесшаго свои засѣданія въ Штутгартъ, были разогнаны войсками.

Крушеніе франкфуртскаго парламента было концомъ нѣмецкой революціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крушеніемъ надеждъ на политическое объединеніе германскаго народа. Попрежнему Австрія стояла во главѣ разрозненнаго «нѣмецкаго отечества», былъ возстановленъ прежній Союзный сеймъ, снова начались гоненія на печать, высылки вождей демократическаго и радикальнаго движенія.

Реакція вездѣ укрѣплялась, она обезпечила себѣ поддержку арміи, успокоила крестьянство, закрѣпивъ законодательными актами его освобожденіе, мѣстами (Австрія) былъ проведенъ выкупъ крестьянскихъ земель за счетъ государства. Пятидесятые годы въ Германіи были годами кипучей дѣятельности буржуазіи, росли фабрики и заводы, страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, открылись банки для кредита промышленнымъ предпріятіямъ. Промышленный подъемъ улучшилъ нѣсколько и положеніе рабочихъ, которые за это время начали организоваться по профессіямъ; запрещая политическія союзы, правительство терпѣло союзы профессіональные.

Это были вмѣстѣ съ тѣмъ и годы расцвѣта науки, литературы и философіи.

III.

Въ шестидесятыхъ годахъ политическая жизнь снова пробудилась въ Пруссіи. Въ 1857 г. психически больной Фридрихъ-Вильгельмъ IV уступилъ правленіе наслѣдному принцу *Вильгельму*, будущему первому императору Германіи. Онъ распустилъ палату и назначилъ либеральное министерство, находя, что необходимо итти навстрѣчу требованіямъ времени. Новые выборы дали большинство голосовъ либераламъ, но Вильгельмъ не рѣшался начать реформы. Разногласія между нимъ и палатой осложнялись, новый военный законопроектъ былъ поводомъ для начала борьбы.

Палата не была противъ увеличенія арміи, но не хотѣла отдавать эту реформу въ руки консервативнаго военнаго министра

Роона. Король распустилъ палату. Въ новыхъ выборахъ приняли участіе уже и демократы, которые раньше отказывались отъ участія въ выборахъ, образовалась новая партія *прогрессистовъ*, получившая преобладаніе въ палатѣ. Программой новой партіи была—единая Германія подъ главенствомъ Пруссіи, конституція и отвѣтственное министерство, независимый судъ, всѣ свободы, широкое мѣстное самоуправленіе. Военный законопроектъ былъ снова отвергнутъ. Изъ затруднительнаго положенія вывелъ короля его новый призванный къ власти министръ *Бисмаркъ*. Это былъ видный политикъ и дипломатъ, зарекомендовавшій себя, какъ посланникъ въ Петербургѣ и Парижѣ. Онъ былъ убѣжденный консерваторъ, сторонникъ самодержавія, но понималъ, что необходимо считаться въ политикѣ съ духомъ времени и растущими общественными силами. Практическая польза всегда имъ руководила прежде всего, онъ былъ убѣжденъ, что сила господствуетъ надъ правомъ. Его ближайшей задачей было объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, онъ былъ убѣжденъ, что германское единство будетъ добыто «желѣзомъ и кровью», а не рѣчами въ парламентѣ, и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности началъ осуществленіе своей задачи.

Сильная армія была необходима Пруссіи. Бисмаркъ предвидѣлъ, что, только побѣдивъ Австрію, Пруссія получитъ преобладаніе въ Германіи. Онъ убѣдилъ короля, не обращая вниманіе на сопротивленіе палаты, проводить военную реформу. Четыре года палата отклоняла проектъ военнаго бюджета, который утверждался верхней палатой, четыре года собирались налоги, не утвержденные народнымъ представительствомъ. Войско было преобразовано, но общественное возбужденіе росло. Успѣшная *война съ Австріей* вывела правительство изъ затрудненія. Война началась изъ-за нѣмецкихъ герцогствъ *Шлезвига* и *Голштиніи*, принадлежавшихъ Даніи. Бисмаркъ предложилъ Австріи совмѣстно отнять ихъ у Даніи, и послѣдняя скоро уступила австро-прусскимъ войскамъ. Пруссія думала присоединить себѣ герцогства, но Австрія не соглашалась и предложила перенести рѣшеніе въ Союзный сеймъ. Бисмаркъ отказался и выдвинулъ въ противовѣсъ этому предложенію Австріи проектъ созыва общегерманскаго парламента, путемъ всеобщей подачи голосовъ для переустройства Германіи. Реакціонная Австрія не могла на это согласиться. Начавшаяся въ 1866 г. война Пруссіи съ Австріей окончилась полнымъ пораженіемъ Австріи при Садовой. Абсолютизмъ и господство духовенства въ Австріи довели страну до полнаго истощенія и финансоваго краха. Пруссія расширила свои владѣнія, и прусскій король получилъ предсѣдательство въ образо-

вавшемся новомъ *Союзѣ сѣверо-германскихъ государствъ*. Въ союзъ вошло 21 государство Сѣвера, управленіе союзомъ было вручено Союзному совѣту изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ и государственному сейму, *Рейхстагу*, избиравшемуся всеобщей подачей голосовъ. Король Пруссіи командовалъ арміей союза и назначалъ главнаго министра союза—*канцлера*, неотвѣтственнаго передъ рейхстагомъ. Первымъ канцлеромъ былъ назначенъ Бисмаркъ

Новые выборы въ прусскую палату дали большинство сторонникамъ правительства, палата одобрила политику правительства и предала забвенію четыре года нарушенія конституціи. Образовалась сплоченная партія *національ-либераловъ*: это были сторонники конституціи, они поддерживали интересы буржуазіи и стремленіе правительства усилить военную мощь страны.

Вскорѣ прусскому войску пришлось выдержать новое испытаніе. Бисмаркъ уже давно задумалъ *войну съ Франціей* и подготовлялъ себѣ союзниковъ въ южной Германіи. Наполеонъ III, ослѣпленный своими завоевательными планами, началъ войну изъ-за ничтожнаго повода, не ожидая встрѣтить такого сильнаго противника. На сторону Пруссіи встала вся Германія, за послѣдніе годы выросшая, окрѣпшая и просвѣщенная. Во Франціи, напротивъ, внѣшній блескъ наполеоновскаго режима, скрывалъ внутреннее неустройство, полную неподготовленность арміи и правительства. Хорошо дисциплинированныя войска Германіи, подъ начальствомъ *Мольтке*, вели кампанію по выработанному плану. Французы были жестоко разбиты, ихъ арміи и крѣпости одна за другой сдавались Пруссіи (Седанъ, Мецъ, Страсбургъ); черезъ $1^1/_2$ мѣсяца послѣ начала войны прусскія войска были уже подъ Парижемъ. Позорный для Франціи миръ далъ Германіи новыя земли, *Эльзасъ* и *Лотарингію*, и огромную контрибуцію въ вознагражденіе за военныя издержки (1871).

Побѣда Пруссіи и пораженіе Франціи имѣли огромное значеніе не только для Германіи, но и для всей Европы. Эта побѣда завершила *объединеніе Германіи* и дала ей главенствующую роль въ европейской политикѣ.

Уже во время осады Парижа германскіе князья, собравшись въ Версалѣ, предложили Вильгельму *титулъ императора*. Сѣверогерманскій рейхстагъ послалъ императору депутацію съ выраженіемъ желанія націи. Теперь императорская корона предлагалась съ согласія всѣхъ князей, и отказа уже не было. Въ германскій союзъ вошли и южныя государства, еще ранѣе заключившіе таможенный союзъ съ сѣверо-германскими, и новыя земли Эльзасъ и Лотарингія.

Австрія навсегда отстала отъ союза. Въ 1861 г. тамъ была введена конституція, Венгрія долго отстаивала свою самостоятельность, пока, наконецъ, не состоялось соглашенія—образовался союзъ двухъ государствъ—*Австро-Венгрія*.

21 марта 1871 г. собрался первый *общегерманскій рейхстагъ* имперіи, выбранный всеобщимъ голосованіемъ. Германія стала союзомъ государствъ, въ которомъ общеимперскія власти имѣютъ большое вліяніе: въ ихъ завѣдываніи армія, флотъ, дороги, почта, телеграфъ, внѣшнія сношенія и торговля. Вслѣдъ за таможеннымъ объединеніемъ было введено и общеимперское гражданское и уголовное законодательство, суды, денежная система.

Создана была сильная общеимперская армія. На войско, сыгравшее такую роль въ объединеніи Германіи, тратились огромныя суммы. Политика Германіи была толчкомъ къ усиленію военныхъ силъ во всѣхъ государствахъ Европы; эта политика, получившая названіе *милитаризма*, разоряетъ массы населенія тяжелыми налогами и военными наборами и помогаетъ обогащенію буржуазіи, развивающей крупное производство на всемірный рынокъ, снабжающей войско и флотъ оружіемъ и снарядами.

Семидесятые годы въ Германіи были годами еще большаго расцвѣта ея *капиталистической промышленности*. Германія начинаетъ уже съ успѣхомъ конкурировать съ Англіей на міровомъ рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти годы были и годами роста *рабочаго движенія* въ Германіи, выросла самостоятельная германская рабочая соціалъ-демократическая партія.

Послѣ разгрома «Братства рабочихъ» новыя организаціи рабочихъ начали возникать въ Германіи лишь въ 60-хъ годахъ подъ вліяніемъ прогрессистовъ, понимавшихъ, что лишь при поддержкѣ рабочихъ они смогутъ вести борьбу съ реакціей. Возникли потребительныя и производительныя товарищества и общества самообразованія рабочихъ. Желая руководить рабочими, либеральная буржуазія не относилась къ нимъ, однако, какъ равный къ равному, она не давала рабочимъ рѣшающаго голоса въ своей организаціи, и, кромѣ того, прогрессисты не сочувствовали агитаціи за всеобщее избирательное право, необходимое рабочимъ. Рабочіе сознавали необходимость своей самостоятельной организаціи и обсуждали этотъ вопросъ. Они нашли себѣ поддержку въ лицѣ *Фердинанда Лассаля*, извѣстнаго своими научными экономическими трудами и политической агитацией противъ неустойчивой тактики прогрессистовъ въ борьбѣ съ прусскимъ правительствомъ. Лассаль указывалъ рабочимъ путь къ освобожденію: онъ считалъ, что рабочій классъ

въ своей борьбѣ, освободивъ себя, освободитъ отъ гнета капитала и все человѣчество; для этого рабочимъ необходимо образовать самостоятельную рабочую партію, чтобы завоевать свободу и всеобщее избирательное право, которое одно дастъ имъ политическую власть; тогда рабочіе могутъ получить и помощь государства для своихъ производительныхъ кооперативныхъ товариществъ, которыя сокрушатъ капиталистическое производство.

Лассаль защищалъ свои идеи на рабочихъ собраніяхъ и въ печати и пріобрѣталъ массу сторонниковъ. Программа Лассаля была принята *Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ*, образовавшимся въ 1863 г. на совѣщаніи рабочихъ представителей изъ десяти городовъ, собравшемся въ Лейпцигѣ. Въ 1864 г. Лассаль умеръ. Всеобщій Рабочій Союзъ насчитывалъ не болѣе 3000 членовъ, но они были хорошо организованы и продолжали борьбу. Рядомъ съ этимъ союзомъ, въ 60-хъ годахъ возникла въ Германіи и другая соціалистическая партія. Руководителями ея были *Либкнехтъ* и *Бебель*, будущіе видные депутаты рейхстага. Они образовали союзъ рабочихъ обществъ самообразованія и пропагандировали идеи Маркса и Энгельса. Въ 1868 г. эта партія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ примкнула къ программѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ (Интернаціоналъ), которое имѣло въ виду международную организацію рабочихъ для коренного измѣненія всего капиталистическаго строя на началахъ соціализма. Отвергнувъ путь борьбы вооруженнымъ возстаніемъ, сторонники Интернаціонала придавали огромное значеніе организаціи рабочихъ: экономической—для борьбы съ капиталистами и политической—для завоеванія власти въ парламентахъ. Объединеніе двухъ германскихъ соціалистическихъ партій произошло въ 1875 г.: до тѣхъ поръ онѣ между собою враждовали, расходясь во взглядахъ на внутреннюю организацію партіи и на отношеніе къ государству, вмѣшательство котораго въ свою политику отрицали соціалъ-демократы. Новая объединенная *соціалъ-демократическая партія* выработала свою программу и ближайшую тактику. Уничтоженіе капиталистическаго строя и учрежденіе демократической республики были ея задачами будущаго, въ настоящемъ же партія создавала экономическія организаціи рабочихъ и, пользуясь всеобщимъ избирательнымъ правомъ, посылала своихъ депутатовъ въ рейхстагъ, гдѣ они защищали свободу союзовъ, безплатное всеобщее обученіе, свободную школу, прогрессивное подоходное обложеніе, широкое законодательство по охранѣ труда и другія реформы въ интересахъ рабочаго класса. Скоро партія пріі-

обрѣла сильное вліяніе въ странѣ, рабочіе массами вступали въ ея ряды.

Партія не безъ упорной борьбы достигла этихъ успѣховъ. Въ Германіи со времени ея объединенія властно правилъ Бисмаркъ, онъ ввелъ во всей странѣ суровый бюрократическій режимъ Пруссіи, удовлетворяя умѣренныя конституціонныя требованія. Первые годы своего министерства онъ велъ *борьбу съ католическимъ духовенствомъ* — «культурную борьбу», какъ ее называли, и мало обращалъ вниманія на ростъ соціализма въ Германіи. Бисмаркъ хотѣлъ сдѣлать и духовенство послушнымъ ему чиновничествомъ, но встрѣтилъ сопротивленія католической партіи. Послѣдняя объединилась съ дворянствомъ и, опираясь на голоса сельскаго населенія, въ концѣ 70-хъ годовъ усилила число своихъ голосовъ въ Рейхстагѣ. Бисмарку пришлось уступить: онъ отказался отъ проведенія своей церковной реформы, тѣмъ болѣе, что голоса консерваторовъ понадобились ему теперь для борьбы съ соціалъ-демократіей. Онъ хотѣлъ помѣшать росту соціализма строгими законами противъ печати, но рейхстагъ ихъ не принялъ. Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ, гдѣ въ новой палатѣ создалось консервативное большинство, и съ его помощью были проведены въ 1878 г. *законы противъ соціалистовъ*, продержавшіеся 12 лѣтъ. Запрещались всѣ соціалистическія организаціи, полиція могла распускать собранія соціалистовъ и преслѣдовать ихъ газеты, начались аресты и высылки. Многіе видные соціалисты уѣхали за границу и тамъ издавали свои органы и устраивали свои съѣзды. За 12 лѣтъ господства исключительныхъ законовъ было посажено въ тюрьмы 1500 чел., болѣе 1000 выслано, запрещены 150 газетъ и масса книгъ и брошюръ. Легальная организація соціалъ-демократіи стала невозможною, дѣятели ея тѣмъ не менѣе энергично работали; они укрѣпляли экономическія организаціи рабочихъ и тайно вербовали сторонниковъ партіи.

Консервативная политика Бисмарка повела къ усиленію въ странѣ *вліянія землевладѣльцевъ*: свободу промышленности смѣнилъ протекціонизмъ, были введены пошлины на ввозъ иностранныхъ товаровъ и хлѣбъ, росли косвенные налоги на табакъ, спиртъ и другіе предметы потребленія. Это раскололо партію національ-либераловъ, выдѣлилась группа *свободомыслящихъ*, сторонниковъ свободной торговли. Для пріобрѣтенія новыхъ рынковъ сбыта, Бисмаркъ добылъ Германіи *колоніи* въ Африкѣ и въ Тихомъ океанѣ, все это требовало новыхъ расходовъ на флотъ и войско; зато Германія становилась одной изъ самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ державъ Европы.

Успѣхи рабочаго движенія, несмотря на преслѣдованія, не прекращались, и это заставило Бисмарка измѣнить политику по *рабочему вопросу*. Онъ задумалъ привлечь рабочихъ на свою сторону и провелъ рядъ реформъ въ защиту ихъ интересовъ: фабричные законы, охранявшіе трудъ женщинъ и дѣтей, фабричную инспекцію, государственное страхованіе рабочихъ, улучшеніе ихъ жилищъ и т. п. Это не прельстило, однако, рабочія массы, онѣ остались вѣрны соціалъ-демократіи, и число ея депутатовъ росло въ рейхстагѣ. *Уже* на выборахъ 1878 г. за соціалъ-демократическихъ депутатовъ было подано почти полмилліона голосовъ. Въ 1890 г. съ уходомъ Бисмарка въ отставку, послѣ вступленія на престолъ *Вильгельма II* (съ 1888 г.), были отмѣнены исключительные законы, соціалъ-демократія возстановила свою легальную организацію и на выборахъ этого года собрала до $1^1/_2$ милліона голосовъ. Число ея депутатовъ въ рейхстагѣ росло: въ 90 г. ихъ было 24, въ 93 г.—44, въ 98 г.—56, въ 1903 г.—80. На выборахъ 1903 г. соціалъ-демократія собрала 3 милл. голосовъ, на послѣднихъ выборахъ 1907 г. число поданныхъ голосовъ за соціалъ-демократію возросло до $3^1/_4$ милл., но число ея депутатовъ въ рейхстагѣ упало до 43.

Объединенная Германія стала страной крупнаго капитализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страной мощнаго расцвѣта и силы рабочей партіи. Въ политическомъ отношеніи она пріобрѣла огромное вліяніе на всѣ международныя отношенія; поддерживая милитаризмъ, она создаетъ *вооруженный миръ* великихъ и малыхъ державъ Европы. Большія успѣхи сдѣлала страна и въ развитіи сельско-хозяйственной промышленности и культуры земледѣлія. Ростъ наукъ, литературы, прессы и народнаго просвѣщенія сдѣлали изъ Германіи одну изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и культурныхъ націй Европы.

23. Объединеніе Италіи.

Въ началѣ XIX вѣка Италія, раздробленная до этого времени на мелкія государства, была завоевана Наполеономъ Бонапартомъ. Наполеонъ распорядился съ завоеванной страной, какъ побѣдитель: часть территоріи и городъ Римъ онъ присоединилъ къ Франціи, а остальную страну раздѣлилъ на два королевства, которыя отдалъ своимъ родственникамъ.

Послѣ паденія Наполеона европейскія державы на Вѣнскомъ конгрессѣ (1814—1815 г.) постановили возстановить въ Италіи 7 прежнихъ государствъ и возвратить правительства, изгнанныя

Наполеономъ. Такъ по волѣ державъ Италія снова распалась на 7 частей. Въ сѣверной части Италіи было два государства: на востокѣ *Ломбардо-венеціанское королевство*, которое захватила въ свои руки Австрія, и на западѣ *Пьемонтъ*, которому принадлежалъ и островъ Сардинія, почему Пьемонтъ называли также *Сардинскимъ королевствомъ*. Среднюю Италію занимала *Папская область*, гдѣ государемъ былъ папа, и всѣ должности занимали духовныя лица. Сѣвернѣе папской области расположены были три небольшихъ герцогства, въ которыхъ хозяйничала Австрія, потому что герцогами были принцы изъ австрійскаго королевскаго дома. Южную часть Италіи занимало королевство *Неаполитанское* съ островомъ Сициліей, которое называлось также «*королевствомъ обѣихъ Сицилій*». Занявъ снова утраченные престолы, итальянскіе государи поспѣшили возстановить старые государственный и общественный порядокъ, основанный на деспотизмѣ, сословномъ неравенствѣ и господствѣ духовенства. Современники яркими красками описываютъ порядки, установившіеся въ Неаполитанскомъ королевствѣ: «Каждый чиновникъ, начиная съ солдата и до генерала, отъ жандарма до министра полиціи, отъ священника до духовника короля, каждый писарь является безжалостнымъ деспотомъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и самымъ подлымъ рабомъ по отношенію къ начальникамъ. Тотъ, кто не находится въ числѣ притѣснителей, чувствуетъ со всѣхъ сторонъ гнетъ тираніи тысячи мошенниковъ; спокойствіе, свобода и состояніе честныхъ людей зависятъ отъ каприза не государя или министра, а отъ шпіона или отъ любого чиновника».

Не лучше было и положеніе дѣлъ въ средней Италіи. Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ австрійскій императоръ говорилъ населенію: «вы принадлежите мнѣ по праву завоеванія и должны забыть, что вы итальянцы. Вся власть была отдана въ руки австрійскаго чиновничества, такъ какъ на всѣ общественныя должности назначались нѣмцы. Власти нисколько не считались съ существующими законами, и въ странѣ царилъ безграничный произволъ. Власть австрійцевъ держалась только военной силой, полиціей и повсемѣстнымъ шпіонствомъ. Расходы на полицію превышали расходы на народное образованіе. Между тѣмъ французское владычество не прошло безслѣдно для Италіи: французы принесли съ собою идеи равенства и свободы, итальянцы прониклись этими идеями, и имъ невыносимо тяжело стало сносить самовластіе и произволъ возстановленныхъ правительствъ.

Недовольство населенія проявлялось въ образованіи тайныхъ обществъ, въ частныхъ народныхъ возстаніяхъ, которыя усмирялись съ безпощадной жестокостью, и, наконецъ, въ революціяхъ. За десять лѣтъ съ 1820 до 1830 года Италія пережила три революціи въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Пьемонтѣ и въ Папской области. Эти революціи были организованы тайнымъ революціоннымъ обществомъ *карбонаріевъ*, которые задались цѣлью освободить Италію отъ австрійскаго владычества, объединить всѣ мелкія государства и повсюду ввести конституцію. Общество карбонаріевъ соединило подъ своимъ знаменемъ всѣхъ недовольныхъ. Всѣ три революціи, поднятыя карбонаріями, были подготовлены весьма слабо, имѣли преимущественно военный характеръ, и народныя массы участія въ нихъ не принимали. Вслѣдствіе этого, начавшись успѣшно, онѣ легко были подавлены при помощи австрійскихъ войскъ.

Послѣ неудачнаго исхода революцій карбонаріи утратили свое вліяніе; но стремленіе къ освобожденію Италіи, ея національному объединенію и воскрешенію ея культуры, не заглохло. Въ 1831 году молодой адвокатъ и писатель, пламенный патріотъ, *Джузеппе Мадзини* основалъ тайное общество «*Молодая Италія*», которое поставило себѣ цѣлью свергнуть всѣ правительства полуострова и основать единую и нераздѣльную итальянскую республику. Мадзини былъ первымъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ объединенія Италіи; свою горячую и страстную вѣру въ возможность и необходимость этого объединенія этотъ вдохновенный пророкъ сумѣлъ передать народнымъ массамъ. Далеко не всѣ патріоты раздѣляли идеи Мадзини, многіе находили, что итальянскій народъ къ республикѣ не подготовленъ, единая республиканская Италія—неосуществимая мечта.

Въ противовѣсъ «Молодой Италіи» образовалась партія, которая проповѣдывала объединеніе всѣхъ итальянскихъ государствъ въ одинъ союзъ подъ главенствомъ папы. Въ 1846 году папой былъ избранъ *Пій IX*, 54-лѣтній, хорошо образованный, очень добрый и мягкій человѣкъ. Онъ съ любовью относился къ народу и былъ полонъ благихъ намѣреній. На него-то патріоты и возложили свои надежды. Едва вступивъ на папскій престолъ, папа далъ амнистію и произвелъ либеральныя реформы, которыя вызвали восторгъ во всей Италіи. Папу прославляли, какъ вождя итальянскаго народа; вездѣ, гдѣ собиралась толпа, раздавались крики: «да здравствуетъ Пій IX».

Вслѣдъ за папой и король пьемонтскій счелъ благоразумнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки своимъ подданнымъ. Иначе поступилъ король неаполитанскій: онъ объявилъ, что не станетъ

слѣдовать модѣ, не согласенъ ни на какія реформы и даже воспретилъ возгласы въ честь Пія IX. Въ началѣ 1848 года въ неаполитанскомъ королевствѣ вспыхнула революція. Король, опасаясь утратить свою корону, далъ конституцію. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всей Италіи и конституцію вынуждены были дать и король Пьемонта, и папа Пій IX, и герцоги. Только Австрія и думать не хотѣла ни о какихъ уступкахъ, надѣясь на силу своей полиціи и войскъ. Населеніе Ломбардо-венеціанскаго королевства волновалось и готовилось къ возстанію. 1848 годъ былъ вообще годомъ бурнымъ, революціонныя движенія охватили въ этомъ году почти всю Западную Европу. Въ Италію пришло извѣстіе, что въ самой Австріи вспыхнула революція. Тогда въ Миланѣ, столицѣ Ломбардо-венеціанскаго королевства, началось возстаніе противъ австрійскаго владычества. Городской совѣтъ объявилъ себя временнымъ правительствомъ. Жители Милана сражались съ беззавѣтной храбростью, и 14000 австрійскихъ солдатъ должны были отступить и очистить городъ. Революція распространилась по всему королевству. Временное правительство обратилось за помощью къ пьемонтскому королю Карлу-Альберту. Въ Пьемонтѣ жители горѣли желаніемъ итти на помощь братьямъ; Карлъ-Альбертъ послалъ свои войска. Населеніе всего полуострова было охвачено воинственнымъ пыломъ, требуя войны за свободу.

Всѣ государи должны были отправить свои войска противъ австрійцевъ, даже папа; но папа и неаполитанскій король скоро измѣнили народному дѣлу и отозвали своихъ солдатъ. Король Альбертъ одинъ продолжалъ войну, но въ двухъ походахъ его войска были разбиты. Въ отчаяніи король отрекся отъ престола въ пользу своего сына Виктора-Эммануила. Обезсиленный Пьемонтъ не могъ оказать никакой помощи Италіи. Ломбардо-венеціанское королевство снова подпало подъ власть Австріи. Повсюду была отмѣнена конституція. Только въ Римѣ событія развивались своеобразно. Папа бѣжалъ изъ Рима—въ неаполитанскую крѣпость Гаэту, и въ Римѣ была провозглашена республика; за папу вступилась Франція и послала въ папскую область войска, которыя подошли къ Риму. На защиту Рима со всѣхъ сторонъ Италіи спѣшили добровольцы подъ начальствомъ *Джузеппе Гарибальди*. Добровольцы, однако, не могли отстоять римской республики, и французская армія вошла въ Римъ при гробовомъ молчаніи всего населенія. Печаль и уныніе охватили всю Италію; геройскія усилія не привели ни къ чему, Италія не была свободна. Побѣдители торжествовали побѣду и спѣшили укрѣпить свою власть. Гарибальди,

будущій герой итальянскаго освобожденія, надолго удалился въ Америку.

Въ несчастный день,—день жестокаго пораженія пьемонтскихъ войскъ, сталъ королемъ *Викторъ-Эммануилъ II*. Пьемонтъ находился въ самомъ плачевномъ положеніи. Послѣ двухъ неудачныхъ войнъ страна была разорена и обезсилена. Австрія требовала отмѣны конституціи, но король съ благородствомъ заявилъ: «Савойская династія никогда не нарушала своего слова». Спасеніе Пьемонта и всей Италіи король видѣлъ въ сохраненіи конституціи.

Викторъ-Эммануилъ все свое вниманіе употребилъ на внутреннее устройство государства и на поднятіе его матеріальнаго благосостоянія, улучшеніе финансовъ и организацію арміи. Съ 1852 года король передалъ управленіе въ руки замѣчательнаго государственнаго человѣка, министра финансовъ графа *Камилла Кавура*, который поставилъ своей задачей объединеніе Италіи подъ властью Пьемонта; не будучи сторонникомъ демократіи, онъ готовъ былъ, однако, воспользоваться ради этой цѣли революціоннымъ движеніемъ въ Италіи. Около Пьемонта стали группироваться итальянскіе патріоты; даже республиканцы, члены образовавшагося въ то время «Итальянскаго національнаго общества писали Виктору Эммануилу: «создайте единую Италію, и мы будемъ съ Вами заодно».

Кавуръ усердно готовился къ войнѣ съ Австріей и заключилъ тайный договоръ съ Наполеономъ III. Наполеонъ обязался освободить Ломбардо-венеціанское королевство до Адріатическаго моря, а Кавуръ обѣщался за это уступить Франціи Ниццу и Савойю.

Война вспыхнула въ 1859 году. Въ ней дѣятельное участіе принялъ Гарибальди со своими добровольцами, прозванными «альпійскими охотниками». Послѣ этой войны, въ которой австрійская армія потерпѣла рядъ пораженій (при Маджентѣ и Сольферино), къ Пьемонту была присоединена Ломбардія (безъ венеціанской области); Франція получила, по уговору, Ниццу и и Савойю. Послѣ этого и въ мелкихъ государствахъ средней Италіи (Тоскана, Парма, Модена) начались народныя движенія, и населеніе съ рѣдкимъ единодушіемъ всюду постановляло присоединиться къ Пьемонту (1860 г.). Желаніе національнаго объединенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ достигло такой силы, что въ Сициліи вспыхнуло возстаніе. Повсюду заговорили, что надо поспѣшить на помощь братьямъ; въ Генуѣ образовался комитетъ сицилійскаго возстанія, который сталъ вербовать добровольцевъ и собирать оружіе и деньги. 4-го мая ночью Гарибальди,

снова появившійся на родинѣ, съ «тысячью» доброволъцевъ отплылъ изъ Генуи, благополучно высадился въ Сициліи и направился въ городъ Палермо. По дорогѣ армія Гарибальди все расла и расла и когда онъ дошелъ до города у него было 10.000. Жители Палермо, увидѣвъ условный знакъ, — огни на окрестныхъ высотахъ,—принялись строить баррикады. При помощи населенія Гарибальди легко взялъ городъ приступомъ. Революція охватила весь островъ, королевскія войска бѣжали, и Сицилія была свободна.

Гарибальди переплылъ проливъ и высадился на неаполитанскомъ берегу. Нелюбимый населеніемъ Франциск II всѣми былъ покинутъ: его солдаты разбѣгались и присоединялись къ Гарибальди; флотъ не хотѣлъ сражаться. Вездѣ поднимали трехцвѣтное итальянское знамя при крикахъ: «Италія и Викторъ-Эммануилъ!» Гарибальди встрѣчали, какъ освободителя; его добровольцевъ осыпали цвѣтами и устраивали въ честь ихъ празднества.

Франциск II видѣлъ, что защищать Неаполь при такихъ условіяхъ невозможно, и уѣхалъ изъ столицы въ крѣпость Гаэту, приказавъ войску и флоту слѣдовать за собой. Флотъ ему не повиновался, а соединился съ вошедшимъ въ гавань пьемонтскимъ флотомъ. На другой день Гарибальди вступилъ въ Неаполь и былъ провозглашенъ диктаторомъ юга. Народный вождь хотѣлъ образовать республику изъ завоеваннаго королевства; того же требовали и другіе видные дѣятели, какъ Мадзини, не желавшіе монархическаго объединенія Италіи.

Кавуръ рѣшилъ, что для Виктора Эммануила настало время выступить открыто и стать во главѣ національнаго движенія. Пьемонтскія войска перешли границу папской области. Папское войско было разбито, и Викторъ Эммануилъ вступилъ въ Неаполитанское королевство съ 22.000 арміей.

Пьемонтское войско докончило дѣло, столь блистательно начатое Гарибальди, и скоро все Неаполитанское королевство признало власть Виктора Эммануила (1861); всенароднымъ голосованіемъ рѣшено было присоединиться къ Пьемонту (1.100.000 голосовъ противъ нѣсколькихъ тысячъ), и Гарибальди преклонился предъ ясно выраженной народной волей: онъ сложилъ съ себя диктаторскую власть и сопровождалъ Виктора-Эммануила во время его торжественнаго вступленія въ Неаполь. Въ февралѣ 1861 года созванъ былъ первый итальянскій парламентъ, который провозгласилъ Виктора-Эммануила *королемъ Италіи*.

Объединеніе итальянскаго народа довершилось въ слѣдующее десятилѣтіе. Въ 1866 году послѣ новой войны Италіи съ

Австріей, на этотъ разъ въ союзѣ съ Пруссіей, была присоединена Венеціанская область. Только Римъ оставался еще въ рукахъ папы и былъ занятъ французскими войсками. Кавуръ умеръ, не завершивъ великаго національнаго дѣла. Негодуя на то, что итальянское правительство ничего не предпринимаетъ для присоединенія Рима, Гарибальди созвалъ своихъ добровольцевъ и отправился въ походъ для освобожденія вѣчнаго города. Наполеонъ грозилъ Италіи войной, если Гарибальди вторгнется въ папскія владѣнія. Скрѣпя сердце, Викторъ Эммануилъ послалъ войско противъ Гарибальди. Шальной пулей Гарибальди былъ раненъ, попалъ въ плѣнъ, но скоро былъ отпущенъ на островъ Капреру; его добровольцы разсѣялись. Въ 1870 году началась франко-прусская война. Защитникъ папской власти, Наполеонъ былъ разбитъ и пересталъ быть императоромъ, французскій гарнизонъ былъ отозванъ изъ Рима. Италія громко и настойчиво требовала занятія Рима, и въ самомъ Римѣ вспыхнули безпорядки.

Викторъ-Эммануилъ послалъ къ Риму армію. Послѣ недолгаго сопротивленія, папа велѣлъ своимъ войскамъ отступить, чтобы прекратить безполезное кровопролитіе. 2-го октября 1870 произведено было всенародное голосованіе въ Папской области, и населеніе высказалось за присоединеніе къ Виктору-Эммануилу.

Италія была объединена. «Вѣчный городъ», какъ и въ давнія времена, сдѣлался столицей итальянскаго королевства.

Свѣтская власть папъ, просуществовавшая болѣе тысячи лѣтъ, была, такимъ образомъ, уничтожена, но папа не покинулъ Рима, а поселился въ своемъ огромномъ дворцѣ Ватиканѣ, изображая изъ себя плѣнника, и со времени взятія Рима ни разу не покидалъ дворца. Пій IX отказался вступить въ какое-либо соглашеніе съ новымъ правительствомъ, запретилъ католикамъ участвовать въ политической жизни и отлучилъ отъ церкви Виктора-Эммануила. Тѣмъ не менѣе, 2 іюля 1871 года король торжественно въѣхалъ въ Римъ и поселился въ Квиринальскомъ дворцѣ, заявивъ: «мы пришли въ Римъ и останемся въ немъ».

Спустя два года послѣ занятія Рима умеръ Мадзини. Страстный проповѣдникъ свободы и единства Италіи и пылкій революціонеръ, какъ жилъ, такъ и умеръ республиканцемъ и до конца своихъ дней не могъ примириться съ монархіей въ этой прекрасной странѣ. Въ началѣ 1879 года скончался Викторъ-Эммануилъ. Смерть объединителя Италіи была національнымъ горемъ; ему устроили торжественныя похороны, и на гробницѣ короля были написаны слова: «отцу отечества». За нимъ сошелъ въ могилу народный кумиръ Гарибальди, слава и гордость Италіи

По мѣрѣ объединенія Италіи, въ присоединенныхъ государствахъ вводилась конституція Пьемонтскаго королевства, «Статутъ», какъ его называютъ. Эта конституція дѣйствуетъ въ Итальянскомъ королевствѣ и въ настоящее время съ нѣкоторыми измѣненіями.

24. Государственное и общественное развитіе Англіи въ XIX в.

I.

Въ началѣ XVIII вѣка Англія была страною земледѣльческою. Сельскимъ хозяйствомъ было занято два милліона человѣкъ, а на торговлю и промышленность приходилось менѣе 500.000; но въ XVIII вѣкѣ началось быстрое увеличеніе городского населенія, которое къ концу вѣка составляло уже половину всѣхъ жителей въ странѣ. Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка *ростъ городовъ* совершался съ поразительной быстротой. Съ 1801 до 1831 г населеніе многихъ городовъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза. Народъ изъ деревень бѣжалъ въ города, бѣжалъ потому, что деревня не могла его больше прокормить. Землевладѣльцы, «лендлорды», при помощи парламентскихъ постановленій добивались раздѣла («огораживанія») общинныхъ земель, которыми раньше пользовались сельскіе жители, и которыя составляли большое подспорье въ ихъ хозяйствѣ.

Съ 1760 по 1832 годъ лендлорды присвоили себѣ около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Кромѣ того, лендлорды производили такъ называемыя «очистки»: когда кончался срокъ аренды, они сгоняли мелкихъ фермеровъ, соединяли мелкіе участки въ одинъ крупный, сдавая его одному крупному съемщику, а еще чаще обращали освободившіяся фермы въ пастбища для овецъ. Шерсть имѣла хорошій сбытъ, и овцеводство было выгодно. Въ обширномъ помѣстьи одной герцогини въ 1814 году прокармливалось 15 тысячъ человѣкъ, а въ 1825 году фермъ уже не было, а паслись 131 тысяча овецъ При обращеніи фермъ въ пастбища, крестьянинъ не только лишался земли, но ему некуда было даже поступить сельскимъ рабочимъ. Такъ въ Англіи создались *крупная земельная собственность* и крупное хозяйство и образовался безземельный сельскій пролетаріатъ, не имѣющій ни кола, ни двора.

Этотъ пролетаріатъ нашелъ себѣ заработокъ въ промышленности, которая начала быстро развиваться въ Англіи съ конца

XVIII вѣка благодаря *изобрѣтенію машинъ*. Въ 1769 году была изобрѣтена паровая машина, которая быстро вошла въ употребленіе, замѣнивъ водяную силу, неудобную тѣмъ, что она прикована къ одному опредѣленному мѣсту. Почти одновременно изобрѣтены были и различныя рабочія машины. Въ 1770 году одинъ ткачъ изобрѣлъ прялку, прозванную «Дженни», станокъ съ нѣсколькими веретенами, на которомъ можно было сразу прясть восемь нитей, вмѣсто одной, какъ на старинной прялкѣ съ колесомъ. Девять лѣтъ спустя, была изобрѣтена мюль-машина, на которой подъ надзоромъ одного — двухъ человѣкъ работало до тысячи веретенъ. Въ1785 году изобрѣтенъ былъ ткацкій станокъ. Въ началѣ XIX вѣка ручное тканье повсемѣстно замѣнилось машиннымъ. Машины стоятъ дорого, и устроить фабрику съ пустыми руками невозможно, приходится затратить большой капиталъ. Возникло *капиталистическое производство*. Промышленность быстро развивалась, и въ началѣ XIX вѣка Англія изъ земледѣльческой обратилась въ торговопромышленную страну.

Для работы на фабрикахъ нужны были *рабочіе*, которыхъ нанимали фабриканты. Недостатка въ рабочихъ не было, такъ какъ обезземеленіе населенія шло быстрыми шагами, и, кромѣ того, мелкіе ремесленники не могли конкурировать съ фабричнымъ производствомъ, закрывали свои мастерскія и изъ хозяевъ обращались въ простыхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Чтобы не умереть съ голоду, люди готовы были наниматься за какую угодно плату и на какихъ угодно условіяхъ. Рабочіе работали по 14 и по 16 часовъ въ сутки, и за свой тяжелый трудъ получали такъ мало, что часто не могли прокормить свои семьи. Нужда заставляла рабочихъ посылать на фабрики женъ и дѣтей. Женщины и дѣти получали гораздо меньше мужчинъ, и фабриканты старались, гдѣ только можно, замѣнить мужской трудъ женскимъ и дѣтскимъ. Распространеніе и улучшеніе машинъ сокращало спросъ на рабочія руки и для всѣхъ работы на фабрикахъ не хватало. Образовалось лишнее населеніе, которому не къ чему было приложить свой трудъ. Условія работы на фабрикахъ были ужасны. При капиталистическомъ производствѣ годы процвѣтанія промышленности смѣняются годами застоя; товары изготовлены въ огромномъ количествѣ, а на рынкѣ по какимъ-либо причинамъ произошла заминка и сбывать товаровъ некуда; начинается сокращеніе производства, наступаетъ *промышленный кризисъ*; тысячи рабочихъ выбрасываются на улицу и пополняютъ ряды нищихъ и преступниковъ. Вторая четверть XIX вѣка полна этими тяжелыми промышлен-

ными кризисами, которые вызывали продолжительныя безработицы.

Бѣдствія населенія, связанныя съ экономическимъ переворотомъ, усиливались еще благодаря «великой войнѣ», которую Англія двадцать лѣтъ вела сперва противъ Франціи—республики, а потомъ противъ Наполеона. Эта война потребовала отъ населенія тяжелыхъ денежныхъ жертвъ. Однѣхъ субсидій союзникамъ за это время выплачено было до шестисотъ милліоновъ рублей. Доходовъ на военные расходы не хватало, приходилось прибѣгать къ займамъ, и государственный долгъ Англіи возросъ на четыре милліарда руб. Хлѣбъ вздорожалъ почти вдвое, такъ какъ ввозъ его прекратился. Производство хлѣба стало выгодно, и лендлорды усиленно принялись за сельское хозяйство, вводя усовершенствованные способы земледѣлія и ставя дѣло на капиталистическую ногу. Въ 1815 году война окончилась, открылся свободный доступъ для болѣе дешеваго заграничнаго хлѣба, но лендлорды не пожелали лишиться доходовъ, которые они извлекали отъ продажи своего хлѣба: изданы были *хлѣбные законы*, которые воспрещали ввозъ иностранной пшеницы, если мѣстная продавалась дешевле 80 шиллинговъ за квартеръ. Хлѣбные законы вызывали народное неудовольствіе, и во многихъ мѣстахъ вспыхивали возстанія.

Прекращеніе войны оставило безъ заработка сотни тысячъ солдатъ и матросовъ и вызвало страшный промышленный кризисъ, такъ какъ прекратился спросъ на многіе товары, необходимые во время войны, и вообще уменьшился сбытъ англійскихъ товаровъ. Бѣдствія населенія достигли неслыханныхъ размѣровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ шесть человѣкъ изъ семи стали нищими. Въ другихъ изъ 575 человѣкъ 419 получали помощь изъ кассы для бѣдныхъ.

Рабочіе стремились даже покинуть свою родину, гдѣ на ихъ долю доставались только тяжелый трудъ, горе и нужда, и обращались съ петиціей (ходатайствомъ) министру колоній, прося помочь ихъ переселенію изъ Англіи. «Причины, отъ насъ независящія,—говорилось въ петиціи,—превратили наше прежнее благополучіе въ состояніе крайняго обнищанія Мы стоимъ теперь на самой низкой ступени, на которую спускались когда-либо человѣческія существа, и глубже погрузились въ нищету, чѣмъ какая-либо группа промышленнаго населенія въ прежнее время. Ужасно состояніе, когда свободный человѣкъ не можетъ достаточно заработать для своего пропитанія; но еще ужаснѣе, когда даже такого скудно оплачиваемаго занятія нельзя найти, и когда общественныя отношенія таковы, что средствъ

къ существованію нельзя добыть никакимъ другимъ способомъ».

Ни правительство, ни парламентъ не принимали серьезныхъ мѣръ, чтобы поднять матеріальное благосостояніе населенія и облегчить его нужду.

Несмотря на то, что Англія не была уже земледѣльческой страной, и что въ началѣ XIX вѣка образовалось два новыхъ класса населенія — фабриканты и наемные рабочіе, *парламентъ въ Англіи* попрежнему состоялъ изъ землевладѣльцевъ. Не говоря уже о наслѣдственной палатѣ «лордовъ», т.-е. родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ выборную палату общинъ попадали преимущественно богатые помѣщики. Въ графствахъ въ XVIII вѣкѣ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, пользовавшихся активнымъ избирательнымъ правомъ, т.-е. правомъ выбирать депутатовъ, почти не осталось, и избирателями естественнымъ образомъ, оказались одни крупные землевладѣльцы. Пассивнымъ избирательнымъ правомъ, т.-е. правомъ быть избраннымъ въ парламентъ, пользовались только помѣщики, имѣвшіе не менѣе 6000 руб. годового дохода. Многіе города и мѣстечки, обладавшіе избирательнымъ правомъ, обратились въ захудалыя деревушки, въ которыхъ избирателей было всего 12—50 человѣкъ, а въ иныхъ и того меньше. Нѣкоторыя такія деревушки существовали только по имени: одна, напр., была залита водой, другая обращена въ паркъ, и въ ней избирателемъ былъ одинъ сторожъ. Эти *гнилыя мѣстечки*, какъ ихъ называли, находились въ полной зависимости отъ лендлордовъ, которымъ принадлежали городскія и окрестныя земли, и населеніе ихъ выбирало въ парламентъ то лицо, на которое указывалъ землевладѣлецъ. Между тѣмъ многіе большіе торговые города, какъ города новые, напримѣръ, Манчестеръ или Бирмингамъ, совсѣмъ не имѣли избирательныхъ правъ. Во всей Англіи на 8 милліоновъ населенія было всего 160.000 избирателей.

Къ концу XVIII вѣка дѣло дошло до того, что 154 избирателя, крупныхъ лендлорда, посылали въ Палату Общинъ 307 членовъ: изъ числа этихъ 307 депутатовъ 150 были попросту назначены 84 лицами, а остальные 150 человѣкъ были выбраны подъ давленіемъ 70 лицъ; а всего-то депутатовъ въ Палатѣ Общинъ было около 550 человѣкъ. Въ 1790 году въ Англіи было 30 «гнилыхъ мѣстечекъ», которыя посылали 60 депутатовъ, а избирателей въ нихъ, во всѣхъ вмѣстѣ, было всего 276 человѣкъ, слѣдовательно, въ среднемъ, 12 избирателей посылали двухъ депутатовъ. Городъ Лондонъ, въ которомъ было полмилліона жителей, посылалъ всего 4 депутатовъ.

При такихъ избирательныхъ порядкахъ и при такомъ составѣ парламента, государственная власть находилась всецѣло въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые одни составляли «правящій классъ», и они пользовались ею въ своихъ интересахъ.

Промышленники, сдѣлавшись богатымъ и вліятельнымъ классомъ населенія, захотѣли раздѣлить власть съ землевладѣльцами и получить доступъ въ парламентъ, пріобрѣсти политическія права. И фабричные рабочіе стали понимать, что, если бы они имѣли въ парламентѣ своихъ представителей, избранныхъ ими самими, то парламентъ былъ бы отзывчивѣе къ ихъ нуждамъ и требованіямъ. Уже въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка стали раздаваться отдѣльные голоса, требовавшіе переустройства парламента, *парламентской реформы*. Провести такую реформу могъ только самъ парламентъ, какъ законодательное учрежденіе. Понятно, что землевладѣльческій парламентъ не хотѣлъ самъ на себя наложить руки, и всѣ предложенія о реформѣ, которыя семь разъ вносились въ палату общинъ въ періодъ времени отъ 1770 до 1779 г. отвергались даже безъ всякаго обсужденія. Между тѣмъ сознаніе необходимости реформы охватывало все болѣе широкіе круги общества, и въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, начинается геропческая борьба населенія съ правительствомъ и парламентомъ за реформу,—борьба, которая продолжалась полстолѣтія. Выставлено было требованіе всеобщаго избирательнаго права. Послѣ 1815 года, когда окончилась война съ Франціей, и экономическое положеніе населенія было особенно тягостно, борьба за избирательную реформу приняла бурный характеръ. Подъ открытымъ небомъ устраивались митинги (сходки), на которые собирались десятки тысячъ народа; подавались петиціи съ сотнями тысячъ подписей. Издавалась дешевая газета для народа, которая неустанно повторяла: «Причина всѣхъ бѣдъ — дурное управленіе». Нужна реформа парламента; но не слѣдуетъ прибѣгать къ насилію; надо дѣйствовать законнымъ путемъ: собираться на митинги, подавать петиціи, привлекать сторонниковъ къ реформѣ». Парламентъ и слышать ничего не хотѣлъ о преобразованіи въ своемъ устройствѣ. «Реформа не нужна и безполезна», заявлялъ парламентъ. Митинги разгонялись силой, петиціи отвергались. Чтобы успокоить страну и прекратить всѣ толки о реформѣ, правительство прибѣгало къ суровымъ мѣрамъ. Нѣсколько разъ временно отмѣнялся законъ о личной неприкосновенности, *habeas corpus*, запрещены были многолюдные митинги, принятъ карательный законъ противъ «мятежныхъ и возмутительныхъ сочиненій», обсуждавшихъ реформу.

Наиболѣе дѣятельные и замѣтные сторонники реформы арестовывались, засаживались въ тюрьмы или высылались. Однако никакія преслѣдованія не могли уже заглушить мысль о реформѣ; въ странѣ все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что только реформа парламента можетъ вывести населеніе изъ бѣдственнаго положенія. Подъ страхомъ народнаго возстанія парламентъ вынужденъ былъ уступить, и въ 1832 году прошла *первая парламентская реформа*.

60 гнилыхъ мѣстечекъ съ населеніемъ менѣе 2000 душъ совсѣмъ лишились права посылать депутатовъ; мѣстечки съ населеніемъ болѣе 2000, вмѣсто двухъ-трехъ депутатовъ, могли посылать одного. Освободившіяся депутатскія мѣста переданы были большимъ городамъ и графствамъ. Избирателемъ въ округѣ могъ быть всякій владѣлецъ недвижимаго имущества, дающаго 100 руб. годового дохода, или арендаторъ недвижимости въ 500 руб., а въ городахъ всякій собственникъ или наниматель дома, дающаго 100 руб. доходу. Число избирателей увеличилось съ 435 тысячъ до 700.000 человѣкъ.

Надо сказать, что за три года до парламентской реформы старый парламентъ послѣ долгой борьбы отмѣнилъ «законъ о присягѣ», лишавшій политическихъ правъ католиковъ; этотъ законъ требовалъ, чтобы всякій, желающій занять какую-либо должность, члены парламента и избиратели приносили присягу въ вѣрности англиканской церкви и причащались по ея обрядамъ. Съ отмѣной закона о присягѣ и католики пріобрѣли гражданское равноправіе, получили возможность быть избирателями и депутатами.

Реформа 1832 года дала право выбирать депутатовъ среднему сословію, т.-е. купцамъ, промышленникамъ, фабрикантамъ, богатымъ ремесленникамъ, мелкимъ торговцамъ. Рабочіе избирательныхъ правъ не получили. Но все же эта весьма умѣренная реформа имѣла большое значеніе, старому порядку нанесенъ былъ большой непоправимый ударъ: окончилось царство лендлордовъ въ Англіи. Послѣ реформы не они одни правили страной, съ ними вмѣстѣ правилъ и торгово промышленный классъ.

II.

Парламентская реформа 1832 года вызвала всеобщее ликованіе, но ненадолго. Скоро выяснилось, что народъ, т.-е. трудящіеся рабочіе классы, которые такъ добивались реформы, отъ нея ничего не выиграли и ничего не получили. Рабочіе сорвали каштаны для другихъ, въ чемъ имъ пришлось очень скоро убѣ-

диться. Въ 1834 году парламентъ издалъ новый *законъ о бѣдныхъ*, который былъ съ ужасомъ встрѣченъ населеніемъ. Въ Англіи приходъ обязанъ былъ помогать своимъ больнымъ, немощнымъ и неимущимъ. Желая сократить расходы на бѣдныхъ, парламентъ постановилъ выстроить рабочіе дома, куда брали больныхъ и безработныхъ. Выдача пособій на домъ была прекращена. Рабочіе дома были отвратительными грязными тюрьмами, куда попадали рабочіе, виновные только въ томъ, что у нихъ не было работы. А между тѣмъ, вмѣстѣ съ развитіемъ фабричной промышленности въ Англіи, рабочее населеніе все болѣе бѣднѣло. Не было, кажется, періода болѣе тяжелаго для рабочихъ, чѣмъ конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ.

Извѣстный англійскій писатель Карлейль говорилъ въ это время: «земля даетъ богатые плоды, промышленность создаетъ неисчислимыя богатства, а люди умираютъ съ голоду; англійскіе рабочіе, самые способные на землѣ, сотнями тысячъ кончаютъ свою жизнь въ рабочихъ домахъ, гдѣ они сидятъ, подавленные своимъ горемъ. Спустись къ народнымъ низамъ въ городахъ и деревняхъ, вездѣ передъ тобой развернется глубоко печальная картина: рабочій классъ богатаго англійскаго народа дошелъ до состоянія, подобнаго которому никогда еще не бывало!» Снова въ странѣ началось броженіе. Рабочіе рѣшили добиться для себя политическихъ правъ, т.-е. права избирать и быть избираемыми въ парламентъ. Въ Лондонѣ возникло «Лондонское общество рабочихъ» (1837 г.), членами котораго могли быть только рабочіе. Общество рѣшило подать въ парламентъ петицію, въ которой выставило шесть требованій: 1) всеобщая подача голосовъ, 2) ежегодные парламенты, 3) закрытая подача голосовъ на выборахъ, 4) отмѣна закона о цензѣ для избранія въ депутаты, 5) жалованье членамъ парламента и 6) раздѣленіе страны на равные избирательные округа. Эта петиція названа была *Народной Хартіей*, и людей, которые боролись за эту хартію, стали называть *чартистами*. Чартисты говорили: «допустите только народъ въ парламентъ, дайте ему власть въ руки, и онъ сумѣетъ помочь себѣ». Послано было нѣсколько человѣкъ въ провинцію, чтобы знакомить народъ съ хартіей и собирать подписи. Въ фабричныхъ округахъ устраивались грандіозные митинги, на которые собиралось отъ 30.000 до 200.000 человѣкъ. Въ темные осенніе вечера на митинги стекались толпы народа съ факелами въ рукахъ. Подъ петиціей собрано было свыше милліона подписей, но парламентъ отвергъ петицію. Тогда во многихъ городахъ вспыхнули волненія; произошли столкновенія народа съ войсками, были раненые и убитые. Сотни чартистовъ были схвачены и засажены въ

тюрьмы, и движеніе временно стихло. Насталъ 1840 годъ, многіе чартисты отсидѣли свой срокъ, вышли изъ тюрьмы и тотчасъ же принялись за дѣло. Безработица и нужда все возрастала вплоть до конца 1842 года. Безработные устраивали митинги и процессіи и требовали помощи. Чартисты рѣшили подать вторую петицію. На этотъ разъ собрано было три милліона подписей; но и эту вторую петицію парламентъ не захотѣлъ даже разсмотрѣть. Въ 1847 году снова разразился промышленный кризисъ, начались стачки и волненія рабочихъ. Чартизмъ воскресъ. Вожди чартистовъ говорили: «нельзя проповѣдывать терпѣнье людямъ, умирающимъ съ голода. Народъ не согласится покорно умирать тысячами въ странѣ, преисполненной богатства».

Въ 1847 году происходили выборы депутатовъ въ палату общинъ. Чартисты получили много голосовъ, а нѣкоторые были выбраны въ депутаты. Тогда-то рѣшено было подать третью петицію, а если и она будетъ отвергнута, просить королеву распустить парламентъ и смѣнить министровъ. Чартисты говорили, что соберутъ подъ этой петиціей 5 милліоновъ подписей. Петиція была принята и разсмотрѣна. Черезъ нѣсколько дней палатѣ было сообщено, что подъ петиціей подписалось не 5 милліоновъ, а всего 2 милліона. Насмѣшки, упреки, оскорбленія посыпались со всѣхъ сторонъ на чартистовъ. Петиція была отвергнута, какъ и первыя двѣ. Это повело къ народнымъ волненіямъ, на улицахъ устраивались демонстраціи, толпы народа ходили съ черными флагами, съ пиками и дубинами на плечахъ. Происходили вооруженныя столкновенія съ полиціей и войсками. Начались массовые аресты и судъ. Присяжные всѣ принадлежали къ зажиточнымъ классамъ и осуждали «безумное требованіе всеобщей подачи голосовъ». Тюрьмы переполнились, массу чартистовъ сослали въ Австралію. Когда не осталось болѣе, кого хватать, судить и ссылать, правительство заявило, что «чартизма болѣе не существуетъ: онъ уничтоженъ навсегда». Но въ это же время знаменитый англійскій писатель говорилъ: «чартизмъ не умеръ; нѣтъ, онъ будетъ жить! Для уничтоженія чартизма требуются совсѣмъ другія мѣры, ссылками тутъ ничего не сдѣлаешь. Парламентъ не заботится о положеніи трудящихся классовъ. Члены парламента говорятъ сами за того нѣмого великана, т.-е. за весь народъ, которому не даютъ высказаться, запросовъ котораго они не знаютъ. Чартизмъ свидѣтельствуетъ о полномъ непониманіи высшими классами народныхъ нуждъ». Писатель былъ правъ: чартизмъ умеръ, но рабочіе въ городахъ не переставали страстно желать избирательнаго права и добиваться его. Значеніе и сила рабочаго класса возросли благодаря тому, что

значительная часть рабочихъ организовалась въ союзы. Имущимъ классамъ пришлось считаться съ неимущими, такъ какъ волненія рабочихъ вызывали разстройство въ промышленности и торговлѣ. Выгоднѣе было уступить, чѣмъ продолжать борьбу. Самъ парламентъ сталъ склоняться къ необходимости реформы, на проведеніи которой особенно настаивалъ одинъ изъ вождей либеральной партіи *Вильямъ Гладстонъ*. Въ 1867 году прошла, наконецъ, *вторая парламентская реформа*. Въ графствахъ былъ понижевъ избирательный цензъ, а въ городахъ право голоса было предоставлено всякому квартирохозяину, платящему за свое помѣщеніе 100 руб. въ годъ. Преобразованный парламентъ въ 1872 году провелъ законъ о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ.

Реформа 1867 года не дала избирательныхъ правъ сельскому населенію, батраку, или *ходжу*. Ходжъ много лѣтъ находился въ зависимости отъ помѣщика и пастора, былъ запуганъ, невѣжественъ, ничего для себя не требовалъ и молчалъ. А между тѣмъ положеніе ходжей было ничуть не лучше, чѣмъ положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ. У большинства ходжей земли не было, и они служили поденщиками у крупныхъ фермеровъ или помѣщиковъ. Вотъ какъ сами крестьяне описываютъ свое положеніе: «въ большинствѣ избъ кусокъ сала составлялъ роскошь. Мука была дорога; мы ѣли ячменный хлѣбъ. Чай стоилъ 3—4 руб. за фунтъ, сахаръ 30 коп. Свѣжаго мяса мы не видали мѣсяцами». Чтобы не умереть съ голоду, ходжи крали рѣпу и картофель съ полей помѣщика. Надъ ходжемъ командовали всѣ, помѣщикъ и пасторъ предписывали ему законы по своему произволу. Сельское населеніе не имѣло права голоса, коснѣло во тьмѣ, потеряло всякую надежду.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка заволновались и ходжи и потребовали избирательныхъ правъ. Въ 1885 г. произведена была, опять-таки по почину Гладстона, *третья парламентская реформа*, которая сравняла въ политическихъ правахъ сельскихъ жителей съ горожанами. Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, по закону 1885 года, избирателемъ сталъ всякій квартирохозяинъ, который платилъ налогъ въ пользу бѣдныхъ. Число избирателей увеличилось на 2 милліона и достигло $4^1/_2$ милліоновъ. Реформа 1885 года не ввела въ Англіи всеобщаго избирательнаго права; не получили голоса бѣднякн, которые не могутъ платить налога въ пользу бѣдныхъ. Не получили этого права и всѣ тѣ, кто живетъ у хозяевъ или въ меблированныхъ комнатахъ, и взрослые сыновья, которые живутъ при отцѣ, въ общемъ $1^1/_2$ милліона изъ 6 милліоновъ взрослаго мужского населенія. Но все же большинство городского и сельскаго населенія уже имѣетъ право

голоса. Палата общинъ изъ аристократическаго законодательнаго учрежденія, какимъ она была въ началѣ XIX вѣка, обратилась въ учрежденіе демократическое она является представительницей не одного какого-нибудь класса населенія, а всего народа.

Вообще, надо сказать, что законы 1867, 1872 и 1885 гг. осуществили главныя требованія Народной Хартіи и привели къ широкой демократизаціи англійскаго общественно-государственнаго строя. *Парламентскій способъ управленія*, начало котораго было положено отчасти еще въ XVIII в., прочно установился въ Англіи въ теченіе XIX в., главнымъ образомъ, во время продолжительнаго царствованія королевы Викторіи (1837—1901). Министерство отвѣтственно передъ Палатой общинъ. Министры въ Англіи должны подавать въ отставку, если Палата общинъ противъ нихъ, хотя бы за нихъ былъ самъ король и Палата лордовъ. Изъ государства *конституціоннаго* Англія обратилась въ государство *парламентарное*. Править Англіей не министерство съ помощью Палаты общинъ, а Палата общинъ черезъ министерство; а такъ какъ Палата общинъ избирается почти всѣмъ англійскимъ народомъ и народъ англійскій можетъ послать въ Палату кого хочетъ, то въ дѣйствительности *Англія управляется самимъ народомъ при посредствѣ Палаты общинъ*.

Въ 1876 году англійская королева Викторія приняла титулъ императрицы Индіи, и тогда стало входить въ обычай все Великобританское королевство съ Индійской имперіей и съ другими колоніями называть «имперіей», англійскій парламентъ *имперскимъ*. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Англіи проявляется сильное стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ колоній, къ расширенію своихъ владѣній, къ расширенію «англійской имперіи». Это движеніе получило названіе *„имперіализма“*. Имперіализмъ вызванъ очень серьезными экономическими причинами. Съ 1850 г. до 1885 года англійская промышленность развивалась съ поразительной быстротой, и Англія снабжала произведеніями своей промышленности весь земной шаръ. Въ восьмидесятыхъ годахъ у нея появились могучіе соперники — Германія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Американскіе и нѣмецкіе товары не только вытѣсняютъ англійскіе товары на внѣшнемъ рынкѣ, но проникаютъ и въ Англію. Вывозъ изъ Германіи и Соединенныхъ Штатовъ быстро растетъ, а въ Англіи не увеличивается. Англія стала искать рынковъ для сбыта своихъ товаровъ и вернулась къ своей старой колоніальной политикѣ, къ захвату новыхъ земель. Надо сказать, что въ концѣ XIX вѣка и другія европейскія государства, въ которыхъ сильно развивалась промышленность, охватила насто-

ящая колоніальная горячка, и они стремились расширить свои заморскія владѣнія. Соперница Англіи, Германія, которая прежде и не помышляла о колоніяхъ, къ концу XIX в. превратилась въ морскую, колоніальную державу; такъ что Англія только слѣдовала общему теченію. Въ Англіи не одни промышленники стоятъ за имперіализмъ, но и капиталисты. Дѣло въ томъ, что, несмотря на остановку въ развитіи промышленности, деньги приливаютъ въ Англію со всѣхъ концовъ міра, такъ какъ доходы отъ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, достигаютъ колоссальной суммы—1 милліарда 200 милліоновъ руб. Капиталистамъ важно внѣшнее могущество Англіи, ея международное вліяніе, обезпечивающія безопасность и доходность помѣщенныхъ за границей капиталовъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Англія заняла *Египетъ*. На югѣ Африки она завладѣла страной зулусовъ, а въ 1902 году послѣ упорной и тяжелой войны завоевала бурскія республики *Оранжевую республику* и *Трансвааль*. Затѣмъ Англія стала двигаться къ сѣверу, захватывая все новыя и новыя земли. Въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка Англія значительно расширила свои колоніи, и въ настоящее время представляетъ изъ себя величайшую колоніальную державу, которой принадлежитъ четверть земной поверхности, съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 400 милліоновъ; въ ея владѣніяхъ никогда не заходитъ солнце.

25. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

I.

Англія первая открыла въ XVI в. материкъ Сѣверной Америки, и на основаніи этого открытія англійское правительство считало Сѣверную Америку своимъ владѣніемъ, но о заселеніи своихъ отдаленныхъ владѣній долгое время совсѣмъ не заботились; первыя поселенія англичанъ на Атлантическомъ побережьи, которое было названо *Виргиніей*, появились лишь въ началѣ XVII в. Правительство раздѣлило Виргинію на двѣ части, сѣверную и южную, и отдало ихъ двумъ торговымъ компаніямъ съ правомъ устраивать поселенія. Южной компаніи очень посчастливилось: въ благодатномъ климатѣ южной Виргиніи, на ея плодородной почвѣ, прекрасно растетъ табакъ, куреніе котораго вошло тогда въ обычай не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. Колонисты южной Виргиніи усердно принялись за устройство табачныхъ плантацій. Это занятіе оказалось очень выгоднымъ, и колонисты стали богатѣть.

Въ Виргиніи образовался классъ богатыхъ людей—плантаторовъ, которые владѣли большими землями и нуждались въ рабочихъ. Откуда же было добывать этихъ рабочихъ въ пустынной странѣ?

Въ первое время Англія высылала въ Америку своихъ преступниковъ, и отдавала этихъ ссыльныхъ во временное рабство переселенцамъ. Кромѣ того, въ Англіи было много бѣдняковъ, которые стремились перебраться въ Новый Свѣтъ; за даровой проѣздъ черезъ океанъ, они закабаляли себя на нѣсколько лѣтъ въ работу особымъ вербовщикамъ, которые разъѣзжали по Англіи, отыскивая рабочихъ для плантацій.

Въ 1620 г. голландскій корабль продалъ виргинскимъ поселенцамъ двадцать негровъ, которые оказались прекрасными рабочими, очень трудолюбивыми и послушными: климатъ Южной Виргиніи они переносили гораздо лучше бѣлыхъ. Плантаторы стали охотно покупать черныхъ работниковъ, и число негровъ увеличивалось. Плантаторы стали полными властелинами своихъ безчисленныхъ слугъ и рабовъ и привыкли смотрѣть на себя, какъ на господствующій классъ; такъ что въ Виргиніи, съ самаго начала ея заселенія, образовался классъ господъ и классъ людей неимущихъ и вынужденныхъ работать на богачей. Торговая компанія просуществовала недолго: она была уничтожена, а Виргинія обращена въ королевскую провинцію съ англійскимъ губернаторомъ. Постепенно въ южной Виргиніи образовалось шесть колоній.

Совсѣмъ иначе заселилась *Сѣверная Виргинія*. Климатъ этой страны очень суровъ, почва малоплодородна и покрыта вѣковымъ лѣсомъ: страна не обѣщала быстрой наживы и не манила къ себѣ поселенцевъ, жаждавшихъ разбогатѣть.

Въ этотъ суровый край загнали переселенцевъ изъ Англіи религіозныя гоненія. Въ XVII в. отъ всѣхъ подданныхъ англійскаго короля требовалось, чтобы они принадлежали къ государственной англиканской церкви и исполняли ея обряды; но въ Англіи было много пуританъ, которые не признавали государственной церкви, осуждали ея ученіе и обряды и хотѣли вѣрить по совѣсти и по своему разумѣнію толковать Св. Писаніе.

Правительство жестоко преслѣдовало пуританъ. Спасаясь отъ гоненій, пуритане задумали переселиться въ Сѣв. Америку Они заручились обѣщаніемъ не преслѣдовать ихъ религіи въ далекихъ пустыняхъ Новаго Свѣта.

На кораблѣ «Майскій Цвѣтокъ» они переплыли Атлантическій океанъ. 22 декабря 1620 года, въ жестокую зимнюю стужу, «отцы-странники» сошли на неизвѣстный берегъ.

Шишкинъ. „Утро въ сосновомъ лѣсу“.

(См. стр. 431).

Шишкина. „Утро въ сосновомъ лѣсу".

Невѣдомая страна, съ одной стороны, и безбрежный океанъ, съ другой—вотъ что было предъ глазами смѣлыхъ путниковъ. Помощи ждать было неоткуда. Переселенцы усердно принялись за тяжелый трудъ. Они занялись земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбной ловлей, разработкой копей. Въ Сѣверной Виргиніи табакъ не могъ расти, и поселенцамъ пришлось приняться за воздѣлываніе хлѣба, кукурузы, льна, конопли. Свободной земли было много, каждый могъ занять любой участокъ, но долженъ былъ расчищать и обрабатывать его самъ; страна представляла пустыню, и рабочихъ достать было негдѣ, а вывозить изъ Англіи, какъ это дѣлали табачные плантаторы, средствъ на это не было. Вновь прибывавшіе переселенцы тотчасъ обзаводились собственнымъ полемъ и не шли работать по найму. Своей семьей земледѣлецъ можетъ обработать немного, такъ что поселенцы Сѣверной Виргиніи поневолѣ дѣлались мелкими фермерами. Трудно приходилось на первыхъ порахъ, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго труда поселенецъ жилъ уже въ полномъ довольствѣ и ни отъ кого не зависѣлъ. Онъ питался рожью, которую самъ посѣялъ, скотомъ, который самъ развелъ, дичью, которую самъ застрѣлилъ, и рыбой, которую самъ наловилъ. Одеждой ему служила шерсть и кожа съ его же стада и ленъ съ его же поля.

Черезъ нѣсколько лѣтъ у фермеровъ появился излишекъ, который онъ могъ продавать. Въ недавно еще дикой странѣ начинаетъ развиваться торговля, возникаютъ первыя фабрики и города. Въ теченіе двадцати лѣтъ 21.000 пуританъ перебрались въ Америку, и въ концѣ XVII вѣка въ Сѣверной Виргиніи насчитывалось уже семь колоній. Переселившись въ Новый Свѣтъ, пуритане не забыли своей родины, они попрежнему любили ее и въ воспоминаніе о ней назвали свои колоніи *Новой Англіей*. Переселенцы перенесли съ собой въ колоніи англійскіе законы и всѣ права, какими пользовалось населеніе въ далекой Англіи. *Управленіе колоніями* было организовано по англійскому образцу. Англіей правили король и парламентъ, законодательное учрежденіе, безъ котораго король не могъ ни издавать новыхъ законовъ, ни облагать населеніе новыми налогами. Въ колоніяхъ представителемъ особы короля былъ губернаторъ, а, вмѣсто парламента, были учреждены законодательныя собранія, которыя издавали для колоній законы, назначали и распредѣляли налоги. Предоставивъ своимъ заморскимъ владѣніямъ свободу и независимость во внутреннемъ управленіи, Англія все же стремилась извлекать изъ колоній выгоды и оставила за собой право регулировать торговлю и мореплаваніе. Во второй половинѣ XVII в., когда колоніи окрѣ-

пли и разбогатѣли, англійскій парламентъ издалъ *торговые законы*. Всѣ товары должны были ввозиться въ колоніи и вывозиться изъ нихъ исключительно на судахъ, принадлежащихъ англичанамъ и построенныхъ въ Англіи, и всѣ сырые продукты,— табакъ, хлопокъ, мѣха, мѣдную руду, — колонисты могли вывозить только въ Англію и здѣсь же обязаны были покупать нужные имъ товары. Различные запретительные законы стѣсняли развитіе американской промышленности; запрещено было, напримѣръ, устраивать желѣзодѣлательные и сахаро-рафинадные заводы. Колонисты роптали, жаловались на несправедливые, разорительные для нихъ законы, но терпѣли. Англія обирала свои колоніи, но она много для нихъ дѣлала: она ихъ защищала отъ старыхъ хозяевъ страны, индѣйцевъ, и отъ французовъ.

Индѣйцы ненавидѣли «блѣднолицыхъ собакъ», какъ они называли европейцевъ, завладѣвшихъ ихъ краемъ, и жестоко имъ мстили; нападали на поселки бѣлыхъ, жгли ихъ дома, уничтожали посѣвы и скотъ, убивали женщинъ и дѣтей. *Французы* за полвѣка до англичанъ стали селиться въ Америкѣ, и ихъ колоніи протянулись въ теперешней Канадѣ по рѣкѣ св. Лаврентія, по берегамъ Великихъ озеръ и вдоль рѣки Миссисипи и ея притоковъ, и тѣснымъ кольцомъ облегли поселенія англичанъ, грозя вытѣснить ихъ съ береговой полосы. Англія стремилась изгнать французовъ изъ Сѣверной Америки, которую считала своей, и вела съ ними нескончаемыя войны.

Защита колоній обходилась Англіи очень дорого, приходилось содержать войско въ отдаленной странѣ. Англійское правительство, испытывая денежныя затрудненія, рѣшило, что будетъ справедливо привлечь колонистовъ къ расходамъ по содержанію арміи, предназначенной для ихъ защиты. Въ 1765 г. англійскій парламентъ принялъ, а король подписалъ законъ о взиманіи *гербовыхъ пошлинъ* въ колоніяхъ. Этотъ законъ вызвалъ бурю негодованія въ Америкѣ. Всѣ колоніи объединились въ единодушномъ взрывѣ глубокаго возмущенія противъ Англіи, и представители всѣхъ законодательныхъ собраній собрались на общій конгрессъ (собраніе), который послалъ въ англійскій парламентъ петицію. Въ петиціи указывалось, что Англія не имѣетъ права облагать колоніи никакими налогами, потому что въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ представителей отъ колоній; первые поселенцы принесли съ собой и передали своему потомству всѣ тѣ льготы и права, которыми во всѣ времена владѣлъ и пользовался народъ Великобританіи. Въ Англіи же твердо установилось правило, что «нѣтъ налога безъ представительства».

Гербовыя пошлины были отмѣнены, такъ какъ собрать ихъ все равно было невозможно: не находилось чиновниковъ, которые согласились бы взять на себя продажу гербовой бумаги и марокъ; но Англія не отказалась отъ мысли обложить колоніи налогомъ въ свою пользу, и парламентъ наложилъ пошлины на товары, ввозимые въ колоніи. Тогда законодательныя собранія колоній подписали соглашеніе, направленное противъ ввоза и употребленія товаровъ, обложенныхъ пошлиной. Сильно развилась контрабанда. Англійское правительство рѣшило заставить колонистовъ уплачивать пошлины и послало въ Америку армію и флотъ. Недовольство еще болѣе усилилось. Американцы утверждали, что Англія не имѣетъ права, безъ согласія колонистовъ, содержать въ колоніяхъ постоянную армію, и рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права. «Мы сдѣлали все возможное,—говорили колонисты,—чтобы отвратить приближающуюся бурю. Мы ходатайствовали, умоляли. На наши просьбы не обращали вниманія, нашими мольбами пренебрегли. Нѣтъ больше никакой надежды. Если мы хотимъ быть свободными, если хотимъ спасти наши дорогія права, которыя мы такъ долго отстаивали, надо сражаться. Трехъ-милліонный народъ, вооруженный для защиты святого дѣла свободы въ такой странѣ, какъ наша, непобѣдимъ; какія бы арміи ни посылала Англія, онѣ ничего не сдѣлаютъ противъ него».

Возстаніе вспыхнуло прежде всего въ Новой Англіи (1775 г.). Въ г. *Филадельфіи собрался конгрессъ* изъ представителей отъ всѣхъ колоній. Конгрессъ назначилъ главнокомандующимъ колоніальной арміей *Георга Вашингтона*, человѣка безукоризненной честности, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и прекраснаго полководца, уже ранѣе проявившаго свои военные таланты въ войнѣ съ французами. Конгрессъ сдѣлалъ послѣднюю попытку примириться съ Англіей и послалъ королю петицію; король отвѣтилъ суровымъ манифестомъ противъ «измѣнниковъ и мятежниковъ». Къ веснѣ 1776 г. уже всѣ колоніи были въ открытомъ возстаніи противъ Англіи.

4-го іюля 1776 года конгрессъ издалъ *декларацію* (объявленіе) *о независимости*. Въ этой декларации говорилось: «Мы считаемъ за очевидныя истины, что всѣ люди родились равными и получили отъ Творца нѣкоторыя неотъемлемыя права, въ ихъ числѣ жизнь, свободу и право на счастье; для обезпеченія этихъ правъ учреждены правительства, пользующіяся своею властью съ согласія управляемыхъ,—если какое-либо правительство препятствуетъ достиженію этихъ цѣлей, то народъ имѣетъ право измѣнить или уничтожить его и установить новое правленіе». Далѣе

перечислялись всѣ грѣхи Англіи по отношенію къ колоніямъ, ея притѣсненія и несправедливости. «Поэтому мы, представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, собравшись на общій конгрессъ, торжественно объявляемъ, что эти соединенныя колоніи суть отнынѣ свободные и независимые штаты, что они освобождены отъ всякаго подданства британской коронѣ».

Война шла неудачно для Англіи, англійская армія терпѣла пораженіе за пораженіемъ. Колонисты обратились за помощью къ Франціи, соперницѣ англичанъ, которая дала американцамъ денежныя средства, затѣмъ признала независимость Соединенныхъ Штатовъ и заключила съ ними союзъ. Въ Англіи скоро поняли, что дѣло проиграно, колоніи утрачены навсегда. Послѣ 7-лѣтней войны Англія признала независимость колоній (1783 г.) и отдала имъ все пространство земли, которое лежитъ между Аллеганскими горами и рѣкою Миссисипи. Англійскія колоніи обратились въ независимыя государства — *штаты*. Новыя республики прекрасно понимали, что каждая изъ нихъ порознь слишкомъ слаба, чтобы защищать свою свободу, и что имъ и на будущее время необходимо держаться всѣмъ вмѣстѣ и не порывать союза, заключеннаго для борьбы съ Англіей. Чтобы союзъ былъ проченъ, на мѣсто англійскаго правительства необходимо было поставить новую власть, которая вѣдала бы общія дѣла, разрѣшала несогласія штатовъ и объединяла ихъ, надо было устроить союзное правительство. Въ 1787 г. въ Филадельфіи снова собрался конгрессъ, на который пріѣхали выборные отъ всѣхъ штатовъ. Конгрессъ составилъ основные законы—конституцію Соединенныхъ Штатовъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ конституція была принята всѣми 13 штатами, и такимъ образомъ на прибрежной полосѣ Атлантическаго океана появилось новое государство—республика *Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты* и новый американскій народъ. Въ то же время каждый штатъ попрежнему оставался государствомъ, имѣлъ свою конституцію и былъ самостоятеленъ въ рѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ. Союзному правительству переданы были только такія дѣла, которыя касались всего американскаго народа: сношенія съ иностранными государствами, армія, флотъ, почта, торговля, денежные знаки.

Исполнительная власть въ Соединенныхъ Штатахъ предоставляется *президенту*, избираемому на четыре года. Первымъ президентомъ былъ Вашингтонъ. Вступая въ должность, президентъ даетъ народу присягу: «Я торжественно клянусь, что буду по совѣсти исполнять обязанности президента Соединенныхъ Штатовъ и, по мѣрѣ силъ моихъ, соблюдать, охранять и защищать конституцію Соединенныхъ Штатовъ».

Законодательная власть принадлежитъ *Конгрессу*, который состоитъ изъ *сената* и *палаты представителей*. Сенатъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ штатовъ (по два отъ каждаго), выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ на шесть лѣтъ; палата представителей — изъ членовъ, избираемыхъ разъ въ каждые два года населеніемъ всѣхъ штатовъ.

Сперва избирателями могли быть только отцы семействъ, владѣльцы какого-нибудь имущества; но въ настоящее время уже установилось *всеобщее избирательное право*. Всякій американскій гражданинъ, достигшій 21 года, пользуется избирательнымъ правомъ; въ четырехъ штатахъ избирательными правами пользуются и женщины. Чтобы представителями могли быть не только богатые, но и бѣдные люди, постановлено было платить членамъ конгресса жалованье.

Когда Филадельфійскій конгрессъ выработалъ конституцію, она предложена была на разсмотрѣніе конвентовъ 13 существовавшихъ тогда штатовъ. Всѣ штаты нашли необходимымъ, чтобы въ конституцію вставленъ былъ такъ называемый «билль о правахъ», который обезпечивалъ бы гражданамъ неприкосновенность признанныхъ за ними правъ. Конституція была дополнена статьями о свободѣ совѣсти, собраній и печати.

«Конгрессъ не можетъ издавать законовъ о введеніи какой-либо религіи, ни о запрещеніи свободно исповѣдывать какую-либо религію». «Конгрессъ не можетъ издавать законовъ о стѣсненіи свободы слова и печати, ни объ ограниченіи правъ народа мирно собираться и обращаться къ правительству съ просьбами о прекращеніи злоупотребленій».

Подъ сѣнью этой конституціи, которая представляла гражданамъ свободу и самостоятельность, Соединенные Штаты стали быстро развиваться. Широкая политическая свобода, отсутствіе сословныхъ различій и сословныхъ предразсудковъ, столь сильныхъ еще въ старой Европѣ, полное равенство всѣхъ гражданъ—все это сдѣлало Штаты государствомъ, въ которомъ—при всѣхъ недостаткахъ общественной жизни—полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, осуществленъ идеалъ истиннаго демократическаго строя.

II.

Когда англійскія колоніи обратились въ свободное государство—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, изъ Европы потянулись сюда толпы переселенцевъ. Населеніе быстро возрастало. Становилось тѣсно жить на береговой полосѣ; американцы перешли Аллеганскія горы и устремились на новыя земли.

Долина рѣки Миссисипи заселена была французами; въ 1803 г. американцы купили ее у французскаго императора Наполеона I. Полуостровъ Флорида принадлежалъ испанцамъ, берега Мексиканскаго залива и теперешніе штаты Техасъ, Новая Мексика, Аризона и Калифорнія входили въ составъ сосѣдняго государства Мексики. Соединенные Штаты частью купили, частью завоевали и эти земли. Англія уступила въ половинѣ XIX вѣка весь сѣверо-западъ территоріи. Такимъ образомъ, вся страна очутилась въ рукахъ американцевъ. Пришлое населеніе оставалось обыкновенно въ старыхъ штатахъ, такъ что западъ заселялся, главнымъ образомъ, коренными американцами. Двигаясь къ западу, американцы смѣшивались съ жившими тамъ французами и испанцами. Въ теченіе столѣтія въ Америкѣ образовался *новый народъ*, который представляетъ смѣсь различныхъ народовъ Европы.

Рабство негровъ сначала существовало одинаково и въ сѣверныхъ и въ южныхъ колоніяхъ. Суровый холодный климатъ Новой Англіи вредно дѣйствовалъ на африканскихъ невольниковъ, вывезенныхъ изъ жаркой страны. Негры часто хворали, умирали въ молодыхъ годахъ и совсѣмъ не размножались; держать ихъ было невыгодно; рабство не привилось на сѣверѣ, и число рабовъ было очень невелико. Населеніе привыкло къ свободному труду, стало относиться къ рабству враждебно и считать позорнымъ имѣть рабовъ и торговать живымъ товаромъ. Послѣ войны съ Англіей, сѣверные штаты уничтожили у себя невольничество. Не то было на югѣ.

Негры прекрасно выживали здѣсь, хорошо и неутомимо работали; ихъ дѣти не умирали въ раннихъ годахъ; рабство стало очень выгоднымъ, и число рабовъ все росло и росло. Южане привыкли къ мысли, что безъ рабовъ они обходиться не могутъ, и старались оправдать рабство, доказывая, что бѣлые, какъ высшая раса, должны господствовать надъ неграми, которые немногимъ отличаются отъ животныхъ и созданы для рабства. Въ первыя 50 лѣтъ республики казалось, что рабство дѣйствительно способствуетъ процвѣтанію и силѣ Юга. Югъ первенствовалъ въ союзѣ. Въ теченіе полувѣка Югъ почти все время управлялъ страной, такъ какъ всѣ президенты, кромѣ двухъ, были южане. Число рабовладѣльческихъ штатовъ быстро увеличилось и превосходило число свободныхъ, такъ что и сенаторовъ Югъ посылалъ больше, чѣмъ Сѣверъ. Правительство дѣйствовало въ интересахъ Юга, и число рабовъ на югѣ все возрастало. Сѣверъ всѣми силами противился дальнѣйшему распространенію рабства. Каждый разъ, когда новый штатъ принимался въ союзъ, возни-

калъ вопросъ, какимъ онъ долженъ быть—свободнымъ или рабовладѣльческимъ. Сѣверъ стоялъ за свободный трудъ, Югъ—за рабскій. Происходили жаркіе споры. Дѣло обыкновенно кончалось взаимнымъ соглашеніемъ, по которому рабство допускалось въ одномъ штатѣ и навсегда запрещалось въ другомъ.

Помимо рабства, интересы Сѣвера и Юга рѣзко расходились. Благодаря рабовладѣнію, Югъ оставался исключительно земледѣльческой страной. На Сѣверѣ, кромѣ земледѣлія, развились промышленность и торговля. Югъ, постоянно нуждаясь въ фабричныхъ товарахъ стремился, чтобы цѣны на нихъ были какъ можно ниже, и былъ поэтому заинтересованъ въ установленіи свободной торговли; Сѣверъ хлопоталъ о томъ, чтобы продавать дороже, и старался большими пошлинами задерживать ввозъ иностранныхъ товаровъ, которые могли понизить цѣны. Что было выгодно земледѣльческому Югу, было, невыгодно промышленному Сѣверу. Между Сѣверомъ и Югомъ установились враждебныя отношенія.

Недолго царилъ Югъ въ союзѣ. Рабство оказало очень пагубное вліяніе на развитіе страны. Американскіе писатели такъ изображаютъ положеніе той и другой части страны передъ войной: «Въ началѣ существованія республики Югъ обладалъ многими преимуществами, но теперь Югъ ослабѣлъ, а благосостояніе и могущество Сѣвера значительно возросли. Городъ Нью-Іоркъ стоитъ больше, нежели цѣлый штатъ Виргинія. Южное населеніе за всѣмъ рѣшительно должно обращаться къ Сѣверу: за книгами, матеріями, обувью, машинами, лѣкарствами и многими другими необходимыми предметами. Даже въ земледѣльческомъ дѣлѣ, которому Югъ совершенно посвятилъ себя, онъ значительно отсталъ отъ Сѣвера. Однимъ сѣномъ свободные штаты выручаютъ больше, нежели рабовладѣльческіе хлопкомъ, табакомъ и рисомъ». Въ половинѣ XIX вѣка богатство Сѣвера настолько превосходило богатство Юга, что свободный штатъ Нью-Іорка одинъ могъ бы скупить восемь рабовладѣльческихъ штатовъ.

Южане думали, что главная причина упадка ихъ края—недостаточное число рабовъ, и находили необходимымъ возобновить ввозъ негровъ, воспрещенный съ 1820 г. Рабовладѣльцы говорили, что, по конституціи, они «имѣютъ право на охраненіе ихъ невольничьей собственности», и требовали, чтобы союзное правительство охраняло рабство.

Въ 1860 году происходили выборы новаго президента республики. Рабовладѣльцы тревожно ждали, чѣмъ окончатся эти выборы. Избранъ былъ *Авраамъ Линкольнъ*, извѣстный противникъ рабства.

Тогда Югъ, съ Южной Каролиной во главѣ, рѣшилъ выйти изъ союза и образовать отдѣльное рабовладѣльческое союзное государство. Южные штаты считали, что, такъ какъ они добровольно вошли въ союзъ, то добровольно могутъ и выйти изъ него. Изъ 31 милліона населенія Соединенныхъ Штатовъ въ отложившихся штатахъ было всего 9, въ томъ числѣ $3^1/_2$ милліона негровъ-невольниковъ; рабовладѣльцевъ было всего 350.000. Сѣверъ посмотрѣлъ на отпаденіе Юга, какъ на мятежъ, и союзное правительство, съ новымъ президентомъ Авраамомъ Линкольномъ во главѣ, рѣшило наказать югъ за сопротивленіе избранному законному правительству и силою принудить его снова признать власть союза. Началась ужасная междоусобная война (1861—1815). Авраамъ Линкольнъ говорилъ: «я далъ торжественную клятву охранять и защищать конституцію и считаю своею обязанностью спасти союзъ». Линкольнъ призвалъ милицію. Составилась громадная армія вполмилліона человѣкъ; собраны были деньги, заготовлено оружіе, созданъ новый флотъ. 1 января 1863 года Авраамъ Линкольнъ издалъ прокламацію объ *освобожденіи невольниковъ* въ отложившихся штатахъ. Четыре года длилась война съ перемѣннымъ счастьемъ; наконецъ Сѣверъ сталъ одолѣвать, благодаря свой промышленной предпріимчивости, большимъ денежнымъ средствамъ и численному перевѣсу. Югъ изнемогалъ, но не сдавался, ожидая новыхъ выборовъ президента. Въ 1864 году вторично избранъ былъ Линкольнъ, а въ 1865 г. онъ былъ предательски убитъ южаниномъ. Война продолжалась и послѣ смерти Линкольна, жестокая, братоубійственная война. Сѣверъ побѣдилъ, Югъ долженъ былъ подчиниться союзу и навсегда отказаться отъ рабства. Негры были освобождены и получили даже право голоса на выборахъ. Въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ внесена была статья: «Ни рабство, ни вынужденное нахожденіе въ услуженіи не должны существовать въ Соединенныхъ Штатахъ».

Война за освобожденіе негровъ стоила Штатамъ около милліона человѣческихъ жизней и обошлась въ $3^1/_2$ милліарда долларовъ, не считая расходовъ, произведенныхъ отдѣльными штатами. Во время междоусобной войны *переселеніе иностранцевъ* въ Америку почти прекратилось. Въ Европѣ предсказывали гибель союза и полное распаденіе государства среди всеобщаго разлада и неурядицы. Мрачныя предсказанія не сбылись. Страна начала быстро оправляться отъ разоренія военнаго времени, и тогда съ новой силой нахлынула волна переселенцевъ. Въ теченіе всего XIX вѣка въ Соединенные Штаты переселилось изъ Европы 19 милліоновъ человѣкъ, изъ нихъ почти половина, 9 милліоновъ,

прибыли въ Штаты послѣ 1880 года. Въ нынѣшнемъ XX вѣкѣ переселеніе достигло небывалыхъ размѣровъ; въ 1905 году переселилось болѣе милліона человѣкъ. Въ западные штаты, на берега Великаго океана, съ половины XIX вѣка устремились и жители Азіи — китайцы и японцы.

Съ уничтоженіемъ рабства въ Соединенныхъ Штатахъ стали быстро развиваться *земледѣліе, фабрично-заводская промышленность и торговля*, такъ быстро, что экономическіе успѣхи Америки пугаютъ старую Европу.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ Америка была почти исключительно земледѣльческой страной, и чуть не все ея населеніе занималось сельскимъ хозяйствомъ; да и теперь больше половины всѣхъ жителей занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а западъ страны въ настоящее время остается исключительно земледѣльческимъ. Большинство сельскаго населенія въ Америкѣ мелкіе фермеры, которые владѣютъ небольшимъ участкомъ земли, и сами, съ помощью членовъ своей семьи и одного, много двухъ-трехъ рабочихъ, обрабатываютъ свои поля.

Съ постройкой желѣзныхъ дорогъ сталъ быстро заселяться *«дальній западъ»*, и лѣтъ 30—40 назадъ на западѣ стало развиваться крупное сельское хозяйство. Иныя крупныя фермы заключаютъ въ себѣ 20 — 30 тысячъ десятинъ земли. Помѣстье принадлежитъ нерѣдко не одному лицу, а нѣсколькимъ капиталистамъ, которые не живутъ въ имѣніи, а проживаютъ свои доходы гдѣ-нибудь въ большомъ восточномъ городѣ или за границей. Мѣсто прежнихъ невольниковъ заняли наемные рабочіе и земледѣльческія машины. Пашутъ огромными плугами, очень громоздкими и дорогими. При помощи самыхъ лучшихъ машинъ, употребляемыхъ въ большихъ хозяйствахъ, трудъ одного работника даетъ столько пшеницы, что ею могутъ прокормиться нѣсколько сотъ человѣкъ въ теченіе года. Сотня квадратныхъ миль пшеницы въ крупныхъ хозяйствахъ при употребленіи лучшихъ машинъ требуетъ всего 400 рабочихъ, тогда какъ въ восточныхъ штатахъ, на мелкихъ фермахъ для воздѣлыванія такого же пространства требуется 5.000 человѣкъ. Чтобы вспахать, заборонить и засѣять одинъ акръ пшеницы въ 1830 году нужно было $10^1/_2$ часовъ, а при помощи современныхъ усовершенствованныхъ машинъ всего 45 минутъ. Въ дни цѣпа и гумна нужны были почти сутки, чтобы убрать и обмолотить этотъ акръ, а теперь при помощи паровой жнейки, молотилки и мѣшконасыпалки нужно не больше часа. Благодаря такимъ условіямъ Штаты производятъ не менѣе $^1/_5$ всего зерна, добываемаго на земномъ шарѣ, и поставляютъ свой хлѣбъ на всемірный рынокъ.

Понятно, что владѣльцамъ крупныхъ фермъ производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ мелкимъ фермамъ, а потому и продавать они могутъ дешевле и сбиваютъ цѣны. Мелкіе фермеры не выдерживаютъ такой конкуренціи, разоряются и бѣгутъ въ города.

Нѣкоторые ученые предсказывали, что въ недалекомъ будущемъ крупныя фермы пожрутъ всѣ небольшія хозяйства, и мелкіе фермеры обратятся въ наемныхъ рабочихъ на крупныхъ фермахъ. Но эти предсказанія не сбылись. Оказывается, что во всѣхъ частяхъ страны число мелкихъ фермъ не только не уменьшается, но растетъ. Старые фермеры уходятъ въ городъ, но ихъ мѣсто занимаютъ новые. Согласно даннымъ послѣдней всенародной переписи (1900), все количество земель, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, опредѣляется въ 336 милліоновъ десятинъ. Эти 336 милліоновъ десятинъ земли раздѣлены почти на шесть милліоновъ отдѣльныхъ хозяйствъ или ферм ъ. Больше чѣмъ на половинѣ фермъ (63%) хозяева—собственники земли, которую они обрабатываютъ; это—въ большинствѣ случаевъ мелкіе и средніе собственники; количество землевладѣльцевъ, владѣющихъ болѣе чѣмъ 100 десятинами земли, составляетъ всего 9%. Такимъ образомъ, Америка является страной, въ которой большая часть земли находится не въ рукахъ капиталистовъ, а въ рукахъ многочисленнаго сельскаго населенія, въ рукахъ сельской демократіи.

До половины XIX вѣка *крупной промышленности* почти не существовало въ Америкѣ; производство было, главнымъ образомъ, ремесленное и домашнее и не для рынка и вывоза, а для потребленія внутри государства. Но съ 1860 года промышленность стала развиваться съ необычайной быстротой, и въ настоящее время Сѣверо-Американскіе Штаты—первая промышленная страна въ свѣтѣ, оставаясь попрежнему и первой земледѣльческой.

Въ половинѣ текущаго столѣтія Соединенные Штаты вывозили преимущественно сырой матеріалъ, а получали изъ-за границы обработанныя произведенія. Теперь уже не то: можно только спрашивать, въ какой отрасли обрабатывающей промышленности американскій союзъ не занимаетъ перваго мѣста. Особенно процвѣтаетъ желѣзодѣлательное и машинное производство и мануфактурная промышленность. Во всѣхъ областяхъ промышленной дѣятельности американцы проявили исключительную способность къ техническимъ усовершенствованіямъ и далеко оставляютъ за собой Европу грандіозностью и смѣлостью своихъ сооруженій — каналовъ, желѣзныхъ дорогъ и мостовъ, архитектурныхъ построекъ и т. п.

Въ 1900 году въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось свыше полумилліона промышленныхъ заведеній, болѣе чѣмъ съ пятью милліонами рабочихъ. Если мы сравнимъ эти цифры съ цифрами 1860 года, то окажется что число заведеній возросло въ 3 раза, а число рабочихъ въ 4; капиталъ же, вложенный въ промышленность—въ 11 разъ.

Американская крупная промышленность организовалась въ могущественные *тресты*, или *союзы предпринимателей*, съ капиталами въ милліоны и милліарды рублей.

Отцомъ всѣхъ трестовъ былъ *нефтяной*; ему принадлежитъ 65% керосиноваго производства. Долго нефтяной трестъ былъ самымъ могущественнымъ трестомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но теперь у него есть соперникъ—*стальной трестъ*. Этотъ трестъ основанъ Морганомъ въ 1901 году. Стальной трестъ—это трестъ трестовъ. Онъ объединилъ десять большихъ союзовъ, которые уже ранѣе владѣли доменными печами и заводами, разсѣянными по всей странѣ, а также многими желѣзными и угольными рудниками. Капиталъ этого треста свыше $3\frac{1}{2}$ милліардовъ рублей, а въ его заводахъ и рудникахъ работаетъ 180.000 рабочихъ.

За послѣдніе годы число трестовъ быстро растетъ; тресты образовались во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и промышленности. Растутъ и капиталы трестовъ, достигающіе въ общей сложности суммы въ 25 милліардовъ рублей. Американскіе «промышленные короли» получаютъ чудовищные, прямотаки невѣроятные доходы. Такихъ богачей, какъ минный король Альфредъ Бендъ и нефтяной король Джонъ Рокфеллеръ, нѣтъ болѣе нигдѣ на свѣтѣ; они имѣютъ ежегодно по 105 милліоновъ рублей годового дохода; это составляетъ около 300.000 рублей въ день. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть множество богачей, которые имѣютъ больше дохода, чѣмъ многіе европейскіе монархи.

Немалымъ зломъ американскаго общественнаго строя является могущество, которое принадлежитъ этимъ капиталистамъ: отъ нихъ зависятъ десятки тысячъ гражданъ-избирателей, въ ихъ рукахъ находится печать, они оказываютъ сильное вліяніе на законодательныя учрежденія и весь ходъ государственныхъ дѣлъ. Интересы капитала повліяли даже на *внѣшнюю политику* Соединенныхъ Штатовъ. До недавняго времени Штаты не преслѣдовали никакихъ завоевательныхъ цѣлей, и вмѣшивались въ европейскія дѣла и ограничивались тѣмъ, что не допускали иностранныя государства дѣлать пріобѣтенія въ Новомъ Свѣтѣ, исходя изъ того правила, что «Америка — для американцевъ». Все это измѣнилось съ развитіемъ капитализма и ростомъ про-

мышленности въ Штатахъ: начало развиваться стремленіе къ расширенію предѣловъ, къ пріобрѣтенію *колоній*, которыя могли бы служить обезпеченнымъ рынкомъ для сбыта товаровъ. Промышленные интересы привели Штаты въ 1898 году къ *войнѣ съ Испаніей* и захвату ея колоній въ Вестъ-Индіи и Тихомъ океанѣ (Филиппинскіе острова); въ томъ же году Соединенные Штаты присоединили къ своимъ владѣніямъ и Гавайскіе острова. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ своего экономическаго положенія, великая заокеанская республика принуждена играть все болѣе дѣятельную роль во всемірной политикѣ для того, чтобы обезпечить за собой *господство на Тихомъ океанѣ*, которое оспариваютъ у нея пробудившіеся народы дальняго Востока (Японія) и европейскія колоніальныя державы.

26. Славянскіе народы въ новое время.

Турецкое владычество застало балканскихъ славянъ въ состояніи разобщенности и междоусобной вражды. *Болгарія* распалась во второй половинѣ XIV вѣка на три самостоятельныя, враждовавшія между собой части: приморскую около Варны, западную со столицей Видиномъ и юго-восточную со столицей Тырновомъ. Въ *Сербіи* послѣ смерти Стефана Душана начинается точно такое же быстрое образованіе самостоятельныхъ княжествъ. Такимъ образомъ, турки уже крѣпко утвердившіеся на Балканскомъ полуостровѣ, въ половинѣ XIV вѣка не встрѣтили организованнаго сопротивленія въ своемъ завоевательномъ движеніи на сѣверо-западъ. Всюду господствовала анархія; не лучше обстояло дѣло и въ самомъ Константинополѣ. По преданію, императоръ византійскій, видя грозившую гибель, обратился за помощью къ сербскимъ и болгарскимъ государямъ, призывая ихъ къ объединенію и совмѣстной борьбѣ; но онъ встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны близорукихъ славянскихъ царей, которые были даже очень рады униженію своего вѣкового соперника. «Не хотите помочь намъ. Смотрите, не кайтесь потомъ»,—отвѣтилъ по преданію византійскій императоръ. Каяться пришлось очень скоро: въ 1395 году Болгарія была уже завоевана турками, и послѣдній тырновскій царь, *Шишманъ*, погибъ. Сербія, совершенно разбитая на *Косовскомъ полѣ* въ 1389 году, еще сохранила, по милости турокъ и благодаря ловкой дипломатической игрѣ нѣкоторыхъ сербскихъ владѣтелей, тѣнь независимости до 1459 года. Потомъ и для нея наступили черные дни рабства.

Оглядываясь назадъ, мы не можемъ сказать, что турецкое иго было очень большимъ несчастьемъ для сербскаго и болгарскаго народовъ. Оно поработило ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объединило, воспитало народное сознаніе, чувство сознательной любви къ родной землѣ, къ православной вѣрѣ, къ прошлому своего народа: однимъ словомъ, выработало всѣ тѣ признаки, изъ которыхъ складывается нація. Съ подчиненіемъ туркамъ, сразу прекратились внутреннія междоусобія. Такъ случилось и со многими инородческими племенами, присоединившимися къ Россіи: съ бурятами, киргизами и др. И какъ у нихъ это присоединеніе, прекративъ внутреннюю борьбу, выработало, благодаря необходимости стоять за свое народное *я*, національное чувство и объединеніе, такъ и у сербовъ и болгаръ турецкое покореніе создало сербскій и болгарскій *народы*. Для всѣхъ южныхъ славянъ выгодно было такое прекращеніе постоянныхъ внѣшнихъ войнъ: какъ Финляндія, присоединенная къ Россіи, перестала быть ареной долгихъ и тяжелыхъ войнъ между Россіей и Швеціей и могла развиваться, не неся тяжкой военной повинности, такъ сербы и болгары сразу попали подъ охрану могучаго турецко-османскаго государства. Насилія и грабежи, которые допускались турками, все-таки не такъ пстощали и изнуряли страны, какъ прежнія войны, все выжигавшія и уничтожавшія на своемъ пути. Не сливаясь съ турками, которые съ пренебреженіемъ относились къ христіанскому «стаду» (райѣ), сербы и болгары не подвергались также опасности слиться съ греками или католическими сосѣдями, которая имъ угрожала раньше. Они были такимъ образомъ сохранены для національнаго возрожденія и вырабатывали мирный классъ сельской интеллигенціи, которая является вездѣ на первыхъ шагахъ народнаго возрожденія наиболѣе воспріимчивой средой для новыхъ идей свободы и права.

Таковы были положительные результаты турецкаго господства въ завоеванныхъ балканскихъ государствахъ. Ни Сербія, ни Болгарія, ни Греція не погибли подъ властью турокъ, но дождались лучшихъ дней. Турки не были способны слить съ собой покоренные народы, какъ на это не были способны и татары, покорившіе Россію. Причина одна и та же: она заключается въ чрезвычайной косности, умственной неподвижности, какой-то тупости этихъ народовъ. При извѣстныхъ благородныхъ свойствахъ души, которымъ турки обязаны даже почетнымъ названіемъ «рыцарей Востока», они не оказывались въ состояніи управлять, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, завоеванными провинціями. Правда, тѣмъ тяжелѣе былъ *гнетъ ту-*

рецкой власти: вмѣсто управленія, она ограничивалась выжиманіемъ изъ населенія денегъ; она охотно торговала этимъ населеніемъ, допускала выводъ сотенъ и тысячъ человѣкъ для продажи на невольничьихъ рынкахъ Востока; она всегда была готова сдѣлать всякую поблажку человѣку, давшему за преступленіе, за насиліе хорошія деньги; она требовала, наконецъ, внѣшняго униженія христіанскаго населенія и предписывала ему оскорбительныя формы сношеній съ властью и съ мусульманами; она ввела ужасный натуральный поборъ, «дань кровью», въ видѣ мальчиковъ, отбиравшихся у христіанъ и обращавшихся въ магометанство для несенія военно-рыцарской службы въ полкахъ янычаръ. Это все угнетало и разоряло христіанское населеніе Балканскаго полуострова, создавало на каждомъ шагу картины насилія и нищеты, о которыхъ краснорѣчиво разсказываютъ европейскіе путешественники по Турціи XVI—XVIII вѣковъ. Сотни самыхъ отважныхъ людей бѣжали въ горы, становились *«гайдуками»*, разбойниками - мстителями туркамъ за обиды. Крестьянское населеніе, мало соприкасавшееся съ турками, которые жили преимущественно въ городахъ, хранило запасы оружія и давало убѣжище гайдукамъ зимою и въ моменты опасности. Оно питало глубокую, все возраставшую ненависть къ турецкому режиму, а еще болѣе къ *греческому духовенству*, которое сумѣло въ своей старой столицѣ, Константинополѣ, сохранить вліяніе даже на султановъ и въ своей вѣковой *національной* борьбѣ съ православными народами полуострова, наконецъ, одержало побѣду. Духовенству Фанара, предмѣстья Константинополя, гдѣ жилъ патріархъ, была передана власть надъ сербской и болгарской церквами, сохранившими извѣстную самостоятельность. Въ Сербіи, благодаря содѣйствію турецкаго государственнаго дѣятеля Соколовича, родомъ серба, было возстановлено (1557) патріаршество; въ Болгаріи, которая была ближе къ Константинополю и больше страдала какъ отъ турецкаго, такъ и отъ греческаго фанаріотскаго гнета, подчиненіе народной церкви Фанару совершилось раньше (въ началѣ XV в.), но еще сохранился самостоятельный архіепископъ въ Македоніи. Однако, въ 1766 и 1767 годахъ грекамъ удалось добиться *уничтоженія славянскихъ церквей*, сербской патріаршіи, македонскаго (охридскаго) архіепископства. Такъ, въ концѣ XVIII в., турецкій гнетъ достигъ своего апогея, и въ это время, въ эпоху страшнаго разложенія въ самой Турецкой имперіи, начинается *борьба славянъ за освобожденіе*.

Передъ Турціей становится все болѣе опасный противникъ въ лицѣ *Россіи*, которая достигаетъ высоты своего могущества

и уже стремится къ самому Константинополю. Ея національная задача, объединеніе русскаго племени, была, казалось, завершена съ раздѣлами Польши, которые привели и къ большому международному событію, едва ли полезному для Россіи, къ уничтоженію польской государственной самостоятельности. Польская республика, окруженная государствами, имѣвшими отличныя войска и крѣпкій деспотическій строй, манила къ себѣ издавна сосѣдей; ея богатыя равнины, ея роскошные лѣса, ея просторъ открывали столько блестящихъ надеждъ, и всѣ эти богатства находились въ рукахъ людей, которые не создали ни крѣпкой государственности, ни постояннаго сильнаго войска, которые были беззащитны передъ нашествіемъ могучихъ сосѣдей. Мысль о раздѣлѣ Польши подсказывалась въ Берлинѣ уже Петру Великому; но онъ отказался отъ нея и только поспѣшилъ подчинить своему вліянію правительство польской республики. Различныя скрещивавшіяся вліянія лишили Россію при слабыхъ преемникахъ Петра того значенія, какое она имѣла въ Польшѣ при немъ; усилилась католическая партія, не допускавшая терпимости къ православному русскому населенію республики. Польша заняла враждебное по отношенію къ Россіи настроеніе во время русско-турецкой войны въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія. Отчасти въ отместку за это, отчасти для огражденія національныхъ правъ русскаго населенія, но главнымъ образомъ, въ естественномъ стремленіи къ расширенію своихъ владѣній, Екатерина II согласилась на предложенія своихъ, австрійскаго и прусскаго, сосѣдей, и въ 1772 г. совершился *первый раздѣлъ Польши*, отдавшій Россіи часть бѣлорусскихъ владѣній республики. Это былъ страшный ударъ для Польши, вызвавшій обновленіе во всѣхъ частяхъ народной жизни. Совершились реформы образованія, финансовъ и войска; въ 1788 году собрался сеймъ, высшее законодательное учрежденіе государства, который въ своей продолжительной сессіи (до 1792) выработалъ рядъ прекрасныхъ мѣръ, способныхъ возродить и усилить Польшу. Но именно это не было на руку прусскому королю Фридриху II и, пользуясь слабостью старѣвшей Екатерины, онъ предложилъ ей совершить *второй раздѣлъ* Польши (1793), сохранивъ самостоятельность лишь за Варшавой, Краковымъ и небольшой полосой чисто-польскихъ земель. Раздѣлъ не обошелся безъ сопротивленія. Отчаянная борьба подъ знаменемъ *Костюшки* (1794) оказалась безсильной справиться съ войсками трехъ государствъ. Польша пала: по *третьему раздѣлу* (1795) Варшава досталась Пруссіи (до 1807 г.), Краковъ—Австріи, вся Украйна и Литва были теперь въ рукахъ Россіи. Польская республика, которая

составляла прежде буферъ между Россіей и Германіей, теперь не существовала, и Россія оказалась непосредственной сосѣдкой Пруссіи, а въ самой Россіи возникъ тяжелый, донынѣ неразрѣшенный *польскій вопросъ*, который все болѣе и болѣе становится для насъ вопросомъ совѣсти. Защищая славянъ въ другихъ странахъ, Россія, вслѣдствіе неразрѣшенности своего польскаго вопроса, не могла и не можетъ до сихъ поръ вступить на путь свободной славянской политики.

По третьему раздѣлу, Варшава досталась Пруссіи, которая немедленно принялась проводить здѣсь политику германизаціи (онѣмеченія): на улицахъ городовъ была запрещена польская рѣчь, преподаваніе въ школахъ совершалось на нѣмецкомъ языкѣ, землю спѣшно скупали у разорявшихся дворянъ и отдавали нѣмецкимъ колонистамъ. Такая же политика, но только не такъ настойчиво, проводилась и въ Австріи, которая получила Галицію, и лишь въ тѣхъ провинціяхъ прежней Рѣчи Посполитой, которыя достались Россіи, продолжала развиваться польская жизнь, особенно послѣ смерти Екатерины II, при Павлѣ и имп. Александрѣ I.

Александръ I открыто заявлялъ, что считалъ большой ошибкой раздѣлы Польши, и не разъ передъ нимъ вставала греза о возстановленіи старой Польши и о соединеніи ея только личной связью (уніей) съ русской имперіей. Эта греза поддерживалась въ немъ какъ его польскими друзьями (особенно кн. Чарторыйскимъ), такъ и общимъ положеніемъ вещей въ Европѣ. Наполеонъ I, приближаясь, по мѣрѣ подчиненія себѣ германскихъ земель, въ разгарѣ побѣдъ надъ Пруссіей и Австріей, къ Россіи, чувствовалъ необходимость опереться на польскій народъ. Въ 1807 году, по Тильзитскому миру, было создано почти независимое государство, *Варшавское герцогство*, которое получило герцога въ лицѣ саксонскаго короля, свое войско, правительство и сеймъ; въ Познани и въ Австріи германизація становилась все болѣе невозможной; правительствамъ приходилось дѣлать уступки своимъ польскимъ подданнымъ, а въ Литвѣ и на Украйнѣ они имѣли полный просторъ въ развитіи наукъ на польскомъ языкѣ. Въ Отечественную войну поляки примкнули къ Наполеону. Послѣ паденія его, имп. Александръ I поспѣшилъ примириться съ Польшей и на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года съ большимъ трудомъ отстоялъ устройство королевства польскаго, которое имѣло войско, сеймъ и съ Россіей было связано въ лицѣ намѣстника. Однако ни Александръ I, ни, тѣмъ болѣе, его преемникъ Николай I не выдержали роли конституціонныхъ монарховъ. Въ Европѣ бушевала самая крайняя реак-

ція, и, подчиняясь ей, Александръ относился съ гнѣвомъ ко всякимъ попыткамъ Сейма проявить самостоятельность. Признаки недовольства все возрастали. Въ ноябрѣ 1830 г. вспыхнуло *польское возстаніе*, которое было усмирено съ большимъ трудомъ; началась эпоха обрусенія; во главѣ правительства сталъ личный другъ императора Николая—Паскевичъ. Это создало настроеніе глубокой затаенной ненависти къ Россіи. Со вступленіемъ на престолъ Александра II, въ положеніи Польши наступила перемѣна къ лучшему. Государь готовъ былъ дать краю автономію, но въ странѣ уже начались безпорядки, и, чѣмъ больше волновалась масса, тѣмъ, казалось, щедрѣе были уступки. Ненормальное положеніе вещей закончилось болѣзненнымъ взрывомъ: безсильное, плохо организованное *возстаніе 1863 г.* прекратило эру уступокъ, и до самаго 1904 г. продолжалась политика обрусенія, однако, не приведшая къ желаннымъ для правительства результатамъ. И лишь послѣдующіе годы показали, что настоящее объединеніе Польши съ Россіей возможно на основѣ общихъ стремленій къ свободному государственно-правовому строительству.

Иначе обстояло дѣло въ *Познани* и въ *Галиціи*. Въ первой до конца 70-хъ годовъ полякамъ жилось сносно, и ихъ языку не ставилось особенныхъ преградъ ни въ образованіи, ни въ государственной жизни. Лишь съ того времени начинается политика преслѣдованія всего польскаго, которая довела до закона 1908 года объ отчужденіи польскихъ земель въ Познани и т. п. Здѣсь польское населеніе очень культурно и сознательно. Оно отстаиваетъ каждый клочокъ родной земли, и нѣмецкимъ колонистамъ, поддерживаемымъ особыми банками, приходится трудно, часто не подъ силу бороться съ громаднымъ рабочимъ и патріотическимъ напряженіемъ польскаго населенія.

Въ *Галиціи* до 1846 года существовала крохотная независимая часть, *Краковская республика*, созданная Вѣнскимъ конгрессомъ. Послѣ крестьянскихъ волненій въ Галиціи, правительство Австріи, по соглашенію съ Россіей и Пруссіей, уничтожило эту республику и присоединило ее къ остальнымъ своимъ польскимъ владѣніямъ. Въ Австріи господствовала система крайняго централизма, и поляки составляли наиболѣе неспокойную, протестующую часть населенія имперіи. Но Австрія, какъ абсолютная монархія, не могла долго существовать: въ 1848 г. императоръ австрійскій долженъ былъ дать конституцію. Правда, вскорѣ онъ отобралъ ее, но съ 1859 г., когда Австрія испытала внѣшнее пораженіе (въ борьбѣ съ Италіей), конституція была возстановлена. Въ 1867 г. наступило сближеніе между имп. Францемъ-Іосифомъ

и наиболѣе вліятельной польской консервативной партіей (въ Галиціи), и съ той поры въ этой части прежней Польской республики народная жизнь развивается правильнѣе и спокойнѣе.

Возрожденіе чеховъ и хорватовъ относится къ началу XIX в. Въ 1848 г., въ годъ революціи, впервые потрясшей Австрію, Чехія была бѣдной земледѣльческой страной, съ самой ничтожной, по численности и политическому вліянію, интеллигенціей. Среди этой послѣдней были люди большого ума и таланта, *Палацкій, Ригеръ, Шафарикъ*. Они поняли, что, только опираясь на свой народъ, пробудивъ въ немъ угасавшее національное сознаніе, они смогутъ дать ему достойную гражданина жизнь. Изъ рядовъ чешскаго народа стали выходить люди, которые, получивъ образованіе, не спѣшили, какъ прежде, перейти въ нѣмцы, а продолжали и говорить по-чешски, и работать для чеховъ. Исторія показала, что они были правы: черезъ 60 лѣтъ Чехія превратилась въ самую цвѣтущую, промышленную, богатую часть Австріи; ея университетъ, политехникумъ, другія высшія школы составляютъ гордость страны; неграмотныхъ здѣсь нѣтъ вовсе, и общее народное сознаніе объединяетъ всѣхъ—богатыхъ и бѣдныхъ, милліонера и крестьянскаго мальчика.

Въ *Хорватіи* войны Наполеона, который, разбивъ Австрію, устроилъ изъ сербскихъ и хорватскихъ земель Иллирійское герцогство, положили твердое начало національному возрожденію. Появляются писатели, которые проповѣдуютъ идеи свободы и равноправія съ нѣмцами и мадьярами (венгры); возникаетъ политическое движеніе, извѣстное подъ названіемъ *иллиризма*; *Л. Гай* со своими единомышленниками къ 40-мъ годамъ создаютъ живой народный духъ. Борьба хорватовъ съ мадьярами за политическую автономію (право управляться по собственнымъ законамъ) не окончилась и донынѣ, но хорваты имѣютъ теперь университетъ, Академію наукъ, сеймъ, и языкъ управленія въ ихъ странѣ — хорватскій. Въ будущемъ ихъ побѣда не подлежитъ сомнѣнію.

Въ то время, какъ въ Австріи и въ Пруссіи порабощенное, разрозненное, кое-гдѣ едва тлѣвшееся славянство или вело борьбу за національныя права, или готовилось къ ней, начались новыя событія и на *Балканскомъ полуостровѣ*. Турція, видимо, разлагалась. Янычары смѣняли одного султана за другимъ; въ Оттоманской имперіи господствовала анархія, а во внѣшнихъ отношеніяхъ она была такъ слаба, что только соперничество европейскихъ державъ спасало ее отъ окончательной гибели. На сѣверѣ Балканскаго полуострова безчинствовали совершенно независимые вожди янычаръ и другихъ разбойниковъ; въ Бѣл-

градѣ, Виддинѣ и другихъ городахъ захватывали власть то одинъ, то другой изъ подобныхъ вождей. И вотъ христіанское населеніе Турціи начинаетъ поднимать голову. Греки дѣлаютъ попытку возстать, надѣясь на помощь имп. Екатерины II; но съ этимъ возстаніемъ туркамъ удалось справиться, перехвативъ главныхъ зачинщиковъ.

Въ *Сербіи* возстаніе принимаетъ болѣе затяжной и упорный характеръ, и турки оказываются вынужденными уже въ концѣ XVIII вѣка дать Бѣлграду и его области довольно широкую автономію. Правда, при первомъ удобномъ случаѣ они берутъ назадъ свои уступки, но населеніе страны начинаетъ организоваться, привыкаетъ къ мысли о предстоящей борьбѣ, и въ 1804 году, подъ руководствомъ одного изъ сербскихъ деревенскихъ вождей, Чернаго Георгія (*Кара-Георгія*), вспыхиваетъ настоящее вооруженное возстаніе. Оно распространяется все шире, опираясь на помощь Россіи, которая въ это время вела войну съ Турціей, и въ 1808 г. Кара-Георгій уже былъ провозглашенъ первымъ и верховнымъ наслѣдственнымъ сербскимъ вождемъ. За успѣхомъ скоро послѣдовали неудачи; сербскій народъ покорялся, складывалъ оружіе, а при первой возможности опять поднимался. Народное сознаніе было уже пробуждено. По Бухарестскому миру между Россіей и Турціей (1813), Сербія получала автономію; но Россія, занятая войной, не могла поддержать ее. Снова сербы пережили черные дни, и самъ Кара-Георгій бѣжалъ изъ страны, покинувъ ее на произволъ судьбы. Турки звѣрствовали въ странѣ.

Тогда изъ рядовъ народа вышелъ новый вождь, *Милошъ Обреновичъ*, такой же простой, неграмотный сербъ, какъ и Кара-Георгій, но умнѣе и ловче его. Политикой угожденія онъ снискалъ довѣріе турокъ и титулъ главнаго «кнеза», а въ апрѣлѣ 1815 г. въ деревнѣ Таковѣ, лежащей въ глубинѣ Западной Сербіи, онъ поднялъ новое возстаніе, которое постепенно освободило Сербію. Времена Кара-Георгія повторились, и въ 1826 г., съ помощью Россіи, Сербія получила по Аккерманскому миру значительную самостоятельность. По Адріанопольскому миру (1829) внутренняя *независимость Сербіи* была окончательно признана. Къ тому же времени относится *освобожденіе Греціи* и дунайскихъ княжествъ, *Молдавіи* и *Валахіи*. Казалось, владычеству турокъ надъ балканскими христіанами пришелъ конецъ; только въ Болгаріи попрежнему, жестоко и тупо, царилъ турецкій режимъ. Ей было труднѣе всего освободиться.

Однако, освобожденная Сербія развивалась въ продолженіе всего XIX вѣка неровно и неправильно. Кара-Георгій попробо-

валъ было вернуться въ Сербію, но по дорогѣ кѣмъ-то былъ убитъ. Однако, у него осталось потомство, между прочимъ, сынъ Александръ, который могъ считать себя законнымъ претендентомъ на престолъ, добытый его отцомъ. Милошъ, въ свою очередь, не признавалъ никакихъ законныхъ престолонаслѣдниковъ, кромѣ собственныхъ сыновей. Такимъ образомъ, уже очень скоро послѣ Андріанопольскаго мира въ Сербіи начинается та *борьба династій*, которая въ продолженіе цѣлаго столѣтія не давала ей возможности выйти на путь государственнаго строительства. Противъ Милоша начинаются заговоры и возстанія, вызванныя какъ его собственными вздорными выходками и самодурствомъ, такъ и закулисными интригами вельможъ. Въ іюнѣ 1839 г. Милошу пришлось отказаться отъ престола въ пользу своего больного чахоточнаго сына, Милана, который умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ этого событія. Престолъ перешелъ ко второму сыну Милоша, даровитому юношѣ *Михаилу*. Однако и онъ не долго удержался въ Сербіи: сынъ Кара-Георгія, Александръ, котораго Михаилъ сдѣлалъ своимъ адъютантомъ, велъ противъ него осторожную интригу, поддерживаемый старыми сторонниками Австріи. Въ 1842 году Михаилъ отрекся отъ престола. Теперь былъ избранъ *Александръ Карагеоргіевичъ*, остававшійся покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Австріи въ продолженіе всего своего княженія (до 1850 года); но именно это и погубило его: во время австрійской революціи 1848 года князь не могъ сдержать народнаго воодушевленія, которое выразилось въ помощи австрійскимъ сербамъ и въ возникновеніи мысли объ объединеніи всего сербскаго племени. Такимъ образомъ, Австрія отступилась отъ Александра, а Россія, со своей стороны, была заинтересована въ томъ, чтобы на сербскомъ престолѣ сидѣлъ князь, менѣе склонный подчиняться австрійскому вліянію. Народныя массы не любили своего князя за то же самое, съ любовью думали они о Россіи и съ глубокой вѣрой ждали только отъ нея объединенія и правды. Поэтому свергнуть Александра не представляло особеннаго труда, и онъ былъ замѣненъ въ 1858 году старымъ Милошемъ, который, вернувшись, немедленно принялся за старую политику деспотизма. Можетъ-быть, и на этотъ разъ ему пришлось бы покинуть Сербію, но вскорѣ онъ умеръ (1860), и престолъ безъ всякихъ потрясеній перешелъ къ *Михаилу*, который, такимъ образомъ, сдѣлался вторично княземъ Сербіи. Это былъ самый лучшій изъ сербскихъ государей XIX вѣка: образованный, осторожный, преисполненный широкихъ замысловъ, онъ сумѣлъ добиться окончательнаго признанія независимости отъ Турціи, очищенія бѣлградской крѣпости отъ турокъ, которые, по

договору, могли содержать здѣсь извѣстное количество войска (1867). Черезъ полгода князь Михаилъ былъ убитъ во время прогулки въ паркѣ Топчидерѣ. Дѣйствовали ли въ этомъ случаѣ политическія или личныя побужденія, это достовѣрно неизвѣстно до сихъ поръ; но народъ обвинялъ Карагеоргіевичей, и *Великая Скупщина* (народное собраніе), собравшаяся для избранія новаго князя, выразила народное чувство, постановивъ навсегда исключить изъ престолонаслѣдія эту династію, что, однако, на практикѣ оказалось невозможно.

Теперь на престолъ былъ призванъ племянникъ князя, четырнадцатилѣтній *Миланъ*, который жилъ и учился въ Парижѣ; на время его малолѣтства было учреждено регентство. Миланъ достигъ совершеннолѣтія и принялъ власть въ 1876 году, когда на Балканскомъ полуостровѣ готовились величайшія событія. Въ *Босніи* и *Герцеговинѣ*, остававшихся турецкими провинціями, происходили аграрные безпорядки и безчинствовали турки; въ Болгаріи свирѣпствовали поселившіеся здѣсь черкесы, выселившіеся съ Кавказа. Въ 1876 году *Сербія объявила войну Турціи*, но оказалась слишкомъ слабой, и только по настоянію Россіи Турція согласилась заключить съ нею миръ. *Звѣрства въ Болгаріи* продолжались и возбуждали общественное мнѣніе въ Европѣ, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ славянофилы требовали объявленія войны для освобожденія Болгаріи отъ турецкаго гнета. На Берлинскомъ конгрессѣ, который долженъ былъ подвести итоги *русско-турецкой войны 1877—1878 г.*, интересы Сербіи были оставлены русской дипломатіей на произволъ судьбы, такъ какъ всѣ ея стремленія были направлены на обезпеченіе Болгаріи, освобожденной этою войною. Зато Австрія готова была помочь Сербіи, хотя требовала за это уступокъ въ области торговыхъ договоровъ и желѣзнодорожной политики, которыя фактически лишали Сербію ея государственной самостоятельности. Опасаясь завоевательныхъ стремленій Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, англійская дипломатія, вмѣстѣ съ германской, руководимой Бисмаркомъ, всячески поддерживала Австрію, которая, наконецъ, получила возможность крѣпко стать на Балканскомъ полуостровѣ. По Берлинскому трактату, Боснія и Герцеговина занимались Австро-Венгріей, хотя юридически продолжали составлять часть Оттоманской имперіи. Впослѣдствіи, уже черезъ 2—3 года послѣ конгресса, въ Англіи поняли ошибку, совершенную на конгрессѣ поддержкой австрійскихъ интересовъ вопреки славянскимъ. Англія заключила съ Сербіей торговый договоръ, который обезпечивалъ ей политическую самостоятельность, но было уже поздно: князь Миланъ, разувѣрившись въ Россіи, бросился

въ объятія Австріи, предалъ ради своихъ династическихъ интересовъ родину, запуталъ ее въ долги и, наконецъ, когда Болгарія, нарушивъ Берлинскій трактатъ, присоединила Восточную Румелію, объявилъ ей (1885) войну, которую и проигралъ. Въ 1882 г. Миланъ провозгласилъ Сербію королевствомъ, а въ 1889 былъ вынужденъ, по настоянію скупщины, отречься отъ престола въ пользу своего сына *Александра;* но этотъ послѣдній былъ совсѣмъ ненормаленъ. Принявъ власть въ 1893 году, онъ принялся устраивать государственные перевороты, мѣнять конституцію, и личная его жизнь возбудила народное негодованіе. Въ маѣ 1903 года офицерскій заговоръ устранилъ Александра, послѣдній отпрыскъ династіи Обреновичей, и на престолъ вступилъ сынъ князя Александра Карагеоргіевича, король *Петръ*, человѣкъ уже старый. Онъ провелъ большую часть жизни за границей, много видѣлъ и испыталъ горя; его правленіе строго конституціонно; въ народѣ онъ пользуется все большимъ уваженіемъ, и въ годину печали, когда Австрія (1908) окончательно присоединила сербскія провинціи Боснію и Герцеговину, онъ былъ заодно со своимъ народомъ.

Это событіе совсѣмъ перевернуло жизнь Сербіи. Недостатки ея, мелкая партійная борьба честолюбцевъ за власть, апатія и т. п., отходятъ въ область прошлаго. Сербія полна рабочей энергіи и все болѣе готова постоять за свое экономическое и политическое существованіе противъ надвигающейся на нее Австро-Венгріи.

Болгарія развивалась со времени своего освобожденія болѣе спокойно и равномѣрно. Берлинскій трактатъ 1878 года оставилъ намѣренно цѣлый рядъ вопросовъ неразрѣшенными; вопросы эти были жгучіе, они представляли собой постоянно тлѣвшійся костеръ, отъ котораго могъ вспыхнуть весь Балканскій полуостровъ. Кромѣ Босніи и Герцеговины, къ которымъ стремилась и продолжаетъ стремиться Сербія, Берлинскій конгрессъ поставилъ въ невыносимое положеніе и Болгарію. Побѣдители, главнокомандующіе русской арміи, заключивъ предварительный договоръ съ Турціей въ предмѣстьи Константинополя *Санъ-Стефано* (18 февраля 1878 года), имѣли въ виду создать Болгарію въ предѣлахъ ея народныхъ границъ и даже далѣе, захвативъ сербскія части Македоніи и Старой Сербіи. Противъ этого и возсталъ конгрессъ: вассальное Болгарское княжество простиралось только немного по южную сторону Балканскихъ горъ, *Восточная Румелія* образовывала подъ властью христіанскаго генералъ-губернатора особую провинцію Турціи, *Македонія* оставалась подъ властью послѣдней на прежнихъ началахъ. Разу-

мѣется, никто въ Болгаріи не могъ удовлетвориться такимъ разрѣшеніемъ вопроса. Другимъ источникомъ безпорядковъ служило навязанное Болгаріи избраніе чуждаго ей нѣмецкаго принца, *Александра Баттенберскаго*, который оказался игрушкой въ рукахъ австрійской дипломатіи. Вопреки желаніямъ имп. Александра III, опасавшагося новыхъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ и неизбѣжности русскаго вмѣшательства въ возможную болгарско-турецкую войну, Александръ Баттенбергскій совершилъ переворотъ, объявивъ (1885) присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи. Отношенія между Россіей и Болгаріей такъ обострились, что князь Баттенбергскій былъ вынужденъ отречься отъ престола и уѣхать (27 авг. 1886 г.). Въ Болгарію пріѣхали русскіе генералы, которые, однако, держали себя такъ вызывающе по отношенію къ болгарскому населенію, что въ самомъ народѣ начались враждебныя антирусскія выходки. Въ октябрѣ 1886 года произошелъ окончательный разрывъ сношеній между Россіей и Болгаріей, который продолжался до 1895 года, принеся большой вредъ обѣимъ сторонамъ. Для Россіи было вредно воспитать въ болгарскомъ народѣ убѣжденіе, что онъ совсѣмъ не нуждается для своего политическаго и культурнаго развитія въ помощи «освободительницы»; болгары много потеряли, будучи предоставлены власти умнаго, талантливаго, но совершенно чуждаго имъ новаго князя, избраннаго на мѣсто Баттенберга, — принца *Фердинанда Кобургскаго*, а еще подпавъ разлагающему нравственно вліянію *Стамбулова*, агитатора, который выдвинулся въ эту пору борьбы Болгаріи съ Россіей проповѣдью ненависти ко всему русскому. Стамбуловъ и самъ былъ корыстолюбивый вымогатель и честолюбецъ, окружилъ себя самыми низкими людьми и создалъ въ болгарской государственной жизни атмосферу подкупа и насилія, отъ которой освободиться никогда не бываетъ легко.

Тѣмъ не менѣе, съ избраніемъ Фердинанда Кобургскаго кончились внѣшнія треволненія для Болгаріи. Новый князь добился признанія со стороны Европы, достигъ примиренія съ Россіей, для чего крестилъ въ православіе своего старшаго сына и наслѣдника Бориса и вообще повелъ такую разумную внѣшнюю политику, что Болгарія при немъ достигла преобладающаго значенія на Балканскомъ полуостровѣ. Во внутреннія дѣла страны онъ мало вмѣшивался, и это было самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, потому что страна получила возможность самостоятельнаго развитія. И именно на этомъ правѣ самодѣятельности основывается то экономическое и культурное развитіе, которое совершилось въ Болгаріи за послѣднія тридцать лѣтъ. Въ 1908 году

Фердинандъ объявилъ Болгарію окончательно независимымъ государствомъ, Болгарскимъ царствомъ.

Но еще остался неразрѣшеннымъ самый жгучій вопросъ ближневосточной политики—македонскій. *Македонія* прилегаетъ къ Эгейскому морю; ея главный городъ—Солунь (Салоники) даетъ широкія перспективы для морской торговли. Австрія, искони стремящаяся къ южному морю, и Германія, стоящая за Австріей, одинаково влекутся своей исторической политикой къ захвату Солуни, и всѣ политическіе шаги Австро-Венгріи за послѣдніе годы были связаны прямо или косвенно съ этими стремленіями на югъ. Но захватъ Солуни нѣмцами будетъ означать окончательную побѣду Германіи на Балканскомъ полуостровѣ, окончательное паденіе сложныхъ интересовъ другихъ европейскихъ государствъ, Россіи, Англіи, Франціи и Италіи. На Македонію одинаково зарятся болгары и сербы, но она принадлежитъ Турціи, которая и не думаетъ отказываться отъ этой важнѣйшей европейской провинціи своего государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ преобразованіемъ своего государственнаго строя (въ іюлѣ 1908 г.) пріобрѣла новый вѣсъ въ международныхъ отношеніяхъ. И другія европейскія провинціи Турціи манятъ къ себѣ Европу. Албанія привлекаетъ и Австрію и Италію, Новобазарскій санджакъ Австрію, Старая Сербія — Сербію; недавно доставшаяся Австро-Венгріи Боснія-Герцеговина все еще не примирилась со своей судьбой.

Такъ сложны дѣла на Ближнемъ Востокѣ. Греція, Турція, Болгарія, Сербія, Австрія, Италія, Румынія и Россія заинтересованы самымъ непосредственнымъ образомъ въ сохраненіи политическаго равновѣсія на этомъ полуостровѣ, но слишкомъ противорѣчивы и сложны сталкивающіеся здѣсь интересы державъ. Изъ современныхъ вопросовъ внѣшней политики одинъ изъ самыхъ жгучихъ—Балканскій, и русское общество должно слѣдить за нимъ въ собственныхъ интересахъ.

27. Азія въ XIX вѣкѣ.

Первоначальныя свѣдѣнія объ Азіи, какъ и обо всѣхъ странахъ, европейцы долгое время черпали изъ сочиненій древнихъ греческихъ писателей, особенно изъ описаній знаменитаго греческаго историка Геродота, жившаго въ V вѣкѣ до Рождества Христова. Онъ писалъ не только по даннымъ до него добытымъ, но и самъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы и Азіи. Кромѣ Геродота, слѣдуетъ упомянуть еще о болѣе позднихъ гре-

ческихъ писателяхъ Арріанѣ, Ксенофонтѣ, и Діонисіи Галикарнасскомъ. Впослѣдствіи европейцы получили возможность руководствоваться изслѣдованіями арабскихъ писателей, изъ которыхъ многіе путешествовали по всѣмъ извѣстнымъ тогда странамъ не только Азіи, но и Африки, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ибнъ-Батута и Ибнъ-Фосланъ въ XI и XIII вѣкахъ посѣтили даже нашу Россію. Самимъ европейцамъ удалось приступить къ ознакомленію съ Азіею назадъ тому всего лѣтъ четыреста, именно, когда португальскій мореплаватель Васко-да-Гама, въ 1498 г., впервые достигъ Индіи. Съ этого времени европейцы завязываютъ торговыя связи съ Азіею, постепенно занимаютъ въ ней господствующее положеніе, а затѣмъ и завоевываютъ большую ея часть. Мало въ Европѣ найдется государствъ, которыя не имѣли бы колоній въ Азіи. Со времени путешествія Васко-да-Гама и до XIX столѣтія включительно азіатскія владѣнія главныхъ европейскихъ народовъ достигли такихъ размѣровъ: 1) англичанамъ принадлежитъ $4^1/_2$ милл. квадратныхъ миль съ 270 милл. жителей, 2) голландцамъ — до 2 милл. квадратныхъ миль съ 30 милл. жителей, 3) французамъ—$^1/_2$ милл. квадратныхъ миль съ 18 милл. жителей, 4) русскимъ—17 милл. квадратныхъ миль съ 17 милл. жителей. Совершенно независимыми государствами оставались, собственно говоря, лишь Китай да Японія, но и они находились въ полной зависимости отъ европейцевъ въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Такъ было почти до самаго конца прошлаго XIX столѣтія. Но наканунѣ XX вѣка обстоятельства сильно измѣнились. Народы Востока сознали свою отсталость сравнительно съ европейцами, насилія и захваты иностранцевъ вызвали среди нихъ сильное національное движеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они стали усваивать основы западной культуры, въ особенности, точныя и прикладныя знанія (техника) и формы государственнаго управленія, для того, чтобы, вооружившись всѣмъ этимъ, отстаивать свою политическую самостоятельность отъ покушеній европейскихъ государствъ.

Главнымъ и неожиданнымъ виновникомъ этой перемѣны явилась маленькая *Японія*, которая въ короткое время сумѣла обратить на себя общее вниманіе своими исключительными успѣхами и въ политикѣ и во внутреннемъ развитіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что весь міръ былъ пораженъ такимъ, казалось, необъяснимымъ явленіемъ, и всѣ народы заинтересовались Японіею и стали изучать ее.

Незамѣтно для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вообще, а для Россіи въ особенности, Японія во второй половинѣ XIX столѣтія совершенно преобразовалась.

«Страна восходящаго солнца», какъ называютъ Японію, расположена на самомъ дальнемъ Востокѣ, среди водъ Тихаго океана, и состоитъ изъ пяти большихъ и нѣсколькихъ тысячъ среднихъ и малыхъ острововъ, которые длинною вереницею вытянулись вдоль восточныхъ береговъ Азіи, отдѣленные отъ послѣдней морями: Китайскимъ, Японскимъ и Охотскимъ. Населеніе Японіи довольно разнообразно, но преобладающимъ являются японцы — низкорослый народъ, принадлежащій къ монгольскому племени.

Въ глубокой древности единственными и неограниченными властителями страны были императоры, *микадо*. Но со времени сближенія японцевъ съ китайцами въ Японіи появились правители, *шогуны*, которые, раздѣливъ государство на княжества, сдѣлались настолько всесильными властителями, что господство императора мало-по-малу померкло. Ему воздавались почти божескія почести, но въ управленіи императоръ не имѣлъ никакого значенія. Страна распадалась на почти самостоятельныя области-государства, какъ это было, напримѣръ, въ Европѣ въ средніе вѣка; областями правили наслѣдственные князья, дайміосы; военнослужилое сословіе, дворяне—*самураи*, держали земледѣльцевъ въ крѣпостной зависимости. Такъ обстояло дѣло до второй половины XIX столѣтія, когда между странами по берегамъ Тихаго океана завязались оживленныя торговыя сношенія, благодаря дѣятельности европейцевъ; въ 1858 году, въ японскія гавани явились американскіе, англійскіе, французскіе и русскіе корабли и властно потребовали права на торговлю въ странѣ. Правившій въ это время одинъ изъ шогуновъ изъявилъ согласіе на требованіе иностранцевъ, но народъ сталъ волноваться. Тогда шогунъ прибѣгъ къ помощи императора, прося его своею властью подтвердить данное шогуномъ обѣщаніе. Микадо, однако, на это не согласился, чѣмъ вызвалъ войну съ европейцами, быстро заставившими японцевъ смириться.

Во время этой войны японцы убѣдились, что имъ не справиться съ европейцами, пока народъ останется невѣжественнымъ и не измѣнится на новыхъ началахъ государственный строй. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ появленія иностраннаго флота, въ 1867 году на престолъ вступилъ молодой императоръ *Мутсу-Хито*, царствующій и по настоящее время, въ Японіи началась революція. Главные дѣятели ея, среди которыхъ было много образованныхъ людей изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, завладѣли молодымъ микадо, чтобы онъ не попалъ въ руки шогуна, и разбили армію послѣдняго. Мутсу-Хито окружилъ себя талантливыми дѣятелями (особенно замѣчателенъ маркизъ Ито), кото-

рые считали необходимымъ вывести Японію изъ ея замкнутости, уничтожить старые несвободные порядки и сословное разграниченіе, установить въ странѣ европейское управленіе. Началась пора коренныхъ всеохватывающихъ преобразованій. Прежде всего крестьяне были освобождены отъ помѣщиковъ и надѣлены небольшими участками земли; господскія права на оброкъ и барщину были выкуплены правительствомъ. Затѣмъ объявлена была полная свобода совѣсти. Одновременно введена была всеобщая воинская повинность, а армія и флотъ преобразованы на европейскій ладъ. Были улучшены пути сообщенія и почтовыя учрежденія. Вниманіе преобразовательной партіи сосредоточилось на развитіи производительныхъ силъ страны, разработкѣ ея природныхъ богатствъ, расширеніи торговаго оборота и мореходства; основывались университеты по европейскимъ образцамъ, молодежь посылалась въ Европу для изученія наукъ. Наконецъ, въ 1889 г., въ Японіи введенъ былъ конституціонный, или представительный, образъ правленія съ двумя палатами, въ родѣ нашей Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. За императоромъ было оставлено право утверждать законы, объявлять войну, заключать миръ, командовать арміею и флотомъ; онъ назначаетъ министерство, обязанное давать отчетъ въ своей дѣятельности народному представительству.

Конституція дала японцамъ свободу печати, и періодическая пресса получила значительное распространеніе. Благодаря конституціи, въ Японіи улучшились суды, были отмѣнены пытки, вообще смягчались нравы и стало сильно распространяться народное образованіе.

Уже черезъ четыре года по восшествіи на престолъ, еще задолго до введенія конституціи, молодой японскій императоръ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ говорилъ: «мы желали бы, чтобы отнынѣ образованіе и просвѣщеніе такъ широко распространились въ странѣ, чтобы во всей монархіи не нашлось ни одной деревни съ безграмотной семьей и ни одной семьи съ безграмотнымъ членомъ». Это благое пожеланіе быстро осуществилось, и къ концу XIX столѣтія въ Японіи не было уже ни одного неграмотнаго человѣка.

Вооруженная всѣми средствами европейской культуры, сильная своимъ исконнымъ воинственнымъ духомъ и необычайно сильнымъ чувствомъ патріотизма, Японія въ 90-хъ годахъ выступила на путь завоеваній. Къ этому толкала ее необходимость пріобрѣтенія рынковъ для своей возросшей промышленности, а еще болѣе потребность въ новыхъ земляхъ для выселенія избытка своего населенія. Наиболѣе удобнымъ для этой цѣли

являлся Корейскій полуостровъ, примыкающій къ Китаю съ восточной стороны и отдѣленный отъ Японіи узкимъ проливомъ.

Слабое и немноголюдное государство *Корея* не могла оказать японцамъ серьезнаго сопротивленія; но стремленіе Японіи овладѣть Кореей привело ее къ столкновенію съ величайшей восточноазіатской державой—*Китаемъ*.

Въ 1894 году Китай, считавшій Корею подвластною себѣ страною, отправилъ, по просьбѣ корейскаго правительства, свои войска для подавленія возстанія на югѣ страны. Въ свою очередь, Японія, давно уже утвердившаяся въ Кореѣ и стремившаяся подчинить ее себѣ, также стала высаживать свои войска, будто бы для охраны японскаго посольства. Хотя возстаніе очень скоро было подавлено, Японія продолжала посылать на полуостровъ все новыя и новыя силы. Видя это, Китай также сталъ увеличивать количество своихъ войскъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что 1 августа 1894 года Японія объявила Китаю войну, которая и началась въ корейскихъ владѣніяхъ. Японцы захватили въ свои руки корейскаго императора, и послѣдній вынужденъ былъ поручить имъ очистить страну отъ китайцевъ. Въ теченіе не болѣе полутора мѣсяца Японія высадила уже 40-тысячную армію на материкъ, а въ то же время ея флотъ сталъ громить китайское побережье.

Тутъ-то Европа впервые убѣдилась, что въ лицѣ японцевъ она имѣетъ дѣло съ грозною силой, что Японія достигла высокой культуры и имѣетъ совершенно опредѣленные политическіе планы.

Всего черезъ семь мѣсяцевъ отъ начала войны китайцы, разбитые наголову, вынуждены были весной 1895 года заключить въ Симоносеки миръ на очень тяжелыхъ условіяхъ: Китай призналъ независимость Кореи, уступилъ Японіи островъ Формозу и Ляодунскій полуостровъ съ городомъ Портъ-Артуромъ; кромѣ того, Китай обязывался въ теченіе семи лѣтъ уплатить Японіи 400 милліоновъ руб. военнаго вознагражденія, открыть для японской торговли три новыхъ порта, оставивъ, въ видѣ залога, въ рукахъ Японіи портъ Вей-хай-вей.

Европейскія державы были встревожены этимъ внезапнымъ усиленіемъ Японіи. Имъ вовсе нежелательно было, чтобы Японія получила господствующее значеніе въ громадной странѣ, служившей выгоднымъ рынкомъ для европейской торговли.

Россія, поддерживаемая Германіей и Франціей, опротестовала условія мира и потребовала, чтобы Японія возвратила Китаю Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ и Вей-хай-вей. Затаивъ раздраженіе, Японія исполнила это требованіе, послѣ чего

Россія сама арендовала у Китая Ляодунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ, а Англія—Вей-хай-вей. Въ то же время Германія на условіяхъ аренды взяла бухту Цзяо-Чжоу, а Франція—Куангъ-Чжоу. Кромѣ того, обезсиленный Китай далъ согласіе Россіи на постройку желѣзной дороги отъ Харбина къ Портъ-Артуру, что ставило въ зависимость отъ Россіи и Южную Манчжурію.

Ровно черезъ десять лѣтъ Японія жестоко отомстила своему главному противнику Россіи за ея вмѣшательство при заключеніи мира съ Китаемъ.

Россія обязалась въ три срока вывести свои войска изъ китайской области Манчжуріи. Послѣдній срокъ истекалъ 8 октября 1903 г. Но ссылаясь на безпорядки въ Китаѣ, Россія не исполнила своего обязательства, при чемъ въ перепискѣ по этому поводу она согласилась на главенство Японіи въ Кореѣ, требуя для себя двухъ пунктовъ въ Кореѣ, съ цѣлью охраненія пути между Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ.

Японія не согласилась на эти условія и неожиданно 24 января 1904 года начала войну, а къ маю 1905 года, т.-е. черезъ годъ и четыре мѣсяца, послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ сраженій на сушѣ и на морѣ добилась перевѣса надъ своимъ европейскимъ противникомъ.

По заключенному 23 августа 1905 года миру Россія вынуждена была признать за Японіею политическое, военное и экономическое вліяніе въ Кореѣ, очистить одновременно съ Японіей Манчжурію, возвратить ее Китаю, передать въ арендное пользованіе Японіи Ляодунскій полуостровъ, уступить ей безъ всякаго вознагражденія построенную Россіей желѣзную дорогу до Портъ-Артура со всѣмъ имуществомъ и каменноугольными копями, обслуживавшими дорогу, и отдать, наконецъ, половину острова Сахалина.

Съ этого времени Японія сильно возросла въ глазахъ Европы и Америки и не только сдѣлалась равноправнымъ членомъ среди могущественныхъ державъ, но и возбудила страхъ, что она можетъ стать во главѣ азіатскихъ «желтыхъ» народовъ и угрожать «бѣлымъ» расамъ. Въ Европѣ послышались рѣчи о «желтой опасности», на которую впервые указалъ нынѣшній германскій императоръ Вильгельмъ II.

Эта опасность тѣмъ болѣе стала тревожить Европу, что послѣ войны съ Японіей проснулся и *Китай*. Эта громадная страна точно такъ же начинаетъ преобразовываться на европейскій ладъ, сознавая, что, сохраняя азіатскую косность, невозможно не подпасть подъ вліяніе другихъ народовъ.

Насколько велико это сознаніе, можно судить по слѣдующему обращенію народныхъ представителей къ принцу-регенту о необходимости скорѣйшаго введенія въ Китаѣ конституціи: «Россія и Японія,—говорится въ «обращеніи»,—завладѣли Манчжуріею, Монголія зависитъ отъ милости Россіи, Германія утвердилась въ Шандунѣ, Англія готова взять Тибетъ и даже Португалія захватила китайскій островъ. Наконецъ, русско-японское соглашеніе—ясный признакъ начавшагося раздѣла Китая. Смута и нестроеніе внутри имперіи перешли въ рядъ революціонныхъ вспышекъ и голодныхъ бунтовъ. Китай находится на краю гибели. Напрасно дворъ думаетъ, что всѣ эти отношенія ему не угрожаютъ: они для него столь же рискованны, какъ и для всей націи. Правительство состоитъ изъ волковъ, пожирающихъ народное достояніе; по дорогамъ—лисицы (подразумѣваемъ мелкихъ чиновниковъ), расхищающія остатки того, что не истреблено высшимъ правительствомъ. Народу милостиво предоставлено платить налоги и покорно сносить своеволіе властей и пренебреженіе къ его человѣческимъ правамъ. Дальше этого итти некуда. Представители народа заявляютъ поэтому о своей рѣшимости, если ихъ требованія не будутъ удовлетворены, ограничиться пока пассивнымъ сопротивленіемъ правительству, такъ какъ они все еще не теряютъ надежды, что голосъ ихъ будетъ услышанъ. Они заявляютъ, что населеніе перестанетъ уплачивать новые налоги, которые будутъ введены безъ согласія правильно организованнаго народнаго представительства, а выборные члены провинціальныхъ земскихъ собраній и конституціонной палаты сложатъ съ себя полномочія». Въ этихъ «обращеніяхъ» народные представители указываютъ, какова должна быть въ Китаѣ конституція. «Вся власть законодательная,—говорятъ они,—должна принадлежать народу, исполнительная—правительству, провинціи должны обратиться въ штаты (области) съ широкой внутренней самостоятельностью. Открытіе земскихъ собраній и конституціонной палаты, недавно учрежденныхъ, есть не что иное, какъ желаніе правительства переложить отвѣтственность за распадъ государства на плечи фактически безсильныхъ народныхъ избранниковъ — членовъ этихъ представительныхъ учрежденій».

Отсюда ясно, что не за горами время, когда Китай превратится въ сильное государство съ европейскими порядками.

Японія въ то же время спѣшитъ еще болѣе окрѣпнуть и поднять свою культуру. Въ 1910 году она окончательно присоединила къ себѣ Корею и заключила договоръ съ Россіей.

Въ виду всего сказаннаго, Европѣ приходится совершенно измѣнить свои отношенія къ Азіи.

До сихъ поръ европейцы распоряжались въ азіатскихъ странахъ, какъ полноправные хозяева, ссорясь лишь между собой. Теперь же, когда народы Азіи пробудились, приходится уже подумать о цѣлости ранѣе завоеванныхъ территорій и о сохраненіи пріобрѣтенныхъ правъ.

Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ началѣ XX вѣка совершенно преобразовалась *Турція*: партія сторонниковъ конституціи—«младотурки»—добилась свержения султана *Абдуль-Гамида* и установила въ странѣ представительный образъ правленія. Первымъ дѣломъ творцовъ новаго строя было покончить съ злоупотребленіями стараго порядка, подтачивавшими государство, впереди стоитъ возрожденіе матеріальныхъ силъ страны, ея военной мощи и развитіе просвѣщенія. Нельзя не упомянуть и о сосѣдкѣ ио азіатскимъ владѣніямъ Турціи—о *Персіи*, занимающей юго-западную часть Азіи, начиная отъ нашего Кавказа и береговъ Каспійскаго моря до Индійскаго океана. И здѣсь съ недавняго времени происходитъ глубокій политическій и культурный переворотъ. Рушатся устарѣлыя порядки, уходитъ въ прошлое безправіе, невѣжество и деспотизмъ; въ собраніи народныхъ представителей (меджилисъ) персидскій народъ впервые за свою многовѣковую исторію иолучилъ возможность самостоятельно строить свою жизнь на новыхъ началахъ свободы и законности.

Такимъ образомъ отъ самаго дальняго востока до крайняго запада Азіи, отъ Тихаго океана до Персидскаго залива замѣчается поступательное движеніе азіатскихъ народовъ, что сулитъ великія послѣдствія въ смыслѣ новыхъ условій въ жизни азіатскихъ странъ и новыхъ отношеній Азіи къ Европѣ, ближайшей сосѣдкѣ Азіи.

28. XIX вѣкъ и его историческое значеніе.

Недавно минувшій XIX вѣкъ представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Въ продолженіе этихъ ста лѣтъ культурные народы одержали больше успѣховъ въ различныхъ областяхъ устроенія жизни и дѣятельности мысли, чѣмъ это удалось сдѣлать за цѣлый рядъ предшествующихъ вѣковъ. Одинаково поразительны и многообразіе перемѣнъ, совершившихся въ теченіе этого вѣка въ культурно-общественной жизни, и та быстрота, съ какою совершалось самое развитіе подъ натискомъ выросшаго общечеловѣческаго сознанія и подъ вліяніемъ мощныхъ усилій изслѣдующей мысли и творческой воли людей. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ англій-

скаго ученаго (Уоллесъ), который, дѣлая обзоръ всему, что совершилъ человѣческій геній въ XIX вѣкѣ, назвалъ его «чуднымъ вѣкомъ».

Разнообразіе явленій и событій, наполняющихъ этотъ вѣкъ, почти лишаютъ возможности дать ему какое-либо общее опредѣленіе. Часто говорятъ, имѣя въ виду успѣхи въ области техники, что онъ былъ «вѣкомъ пара и электричества», «машиннымъ вѣкомъ», и въ то же время называютъ его вѣкомъ капитализма и промышленности. Съ неменьшимъ правомъ можно говорить о томъ, что онъ былъ временемъ величайшихъ завоеваній и въ области чистой науки, «вѣкомъ естествознанія и механическаго объясненія природы», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкаго распространенія научныхъ знаній и народнаго образованія, «вѣкомъ народной школы», такъ какъ ни въ одну изъ предыдущихъ эпохъ ни общество, ни государственная власть не сосредоточивали столько вниманія и не отдавали столько силъ и средствъ дѣлу культурнаго воспитанія и умственнаго просвѣщенія многомилліонныхъ народныхъ массъ. Наконецъ, у XIX вѣка есть еще одна слава, быть-можетъ, высшая изъ всѣхъ: ни въ одну историческую эпоху не искали такъ страстно и настойчиво рѣшенія великаго вопроса, съ начала исторіи стоящаго предъ человѣчествомъ,—вопроса объ общественной справедливости, устроеніи общества и государства на началахъ взаимности и права. Эти исканія и беззавѣтная борьба за эти идеалы въ теченіе XIX вѣка привели къ тому, что онъ сдѣлался въ нашихъ глазахъ и, конечно, останется въ памяти дальнѣйшихъ поколѣній вѣкомъ соціальной мысли и соціальнаго освобожденія—отъ многихъ цѣпей и оковъ, наложенныхъ на личность и дѣятельность человѣка ходомъ историческаго развитія.

На зарѣ этого вѣка еще звучалъ,—правда, ослабѣвая и заглушаясь голосами реакціи,—великій кличъ французской революціи: «Свобода, равенство, братство!» и народившійся вѣкъ не позабылъ этихъ словъ, прозвучавшихъ у его колыбели, несмотря на безчисленныя уклоненія и ошибки еще неувѣренной мысли, несмотря на грозное еще сопротивленіе отжившихъ общественныхъ силъ, которыя, держа въ своихъ рукахъ и богатство и власть, дѣлали все возможное, чтобы спасти отъ полнаго паденія обветшавшее соціальное и государственное зданіе.

На долю XIX вѣка выпала нелегкая задача покончить съ цѣлымъ рядомъ формъ и отношеній зависимости, порабощенія, неравенства, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Неравенство въ сословномъ отношеніи (крѣпостное право) еще существовало въ началѣ этой эпохи, на ряду съ порабощеніемъ, основаннымъ на расовыхъ отличіяхъ (рабство негровъ); къ этимъ видамъ несво-

боды присоединялись различныя въ различныхъ странахъ — ограниченія гражданскихъ правъ въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой національности или религіи. За исключеніемъ весьма немногихъ странъ, политическій порядокъ все еще опирался на начала правительственнаго авторитета и всевластія (абсолютизмъ) и весь экономическій бытъ былъ пропитанъ безчисленными стѣсненіями, тяготѣвшими надъ промышленнымъ трудомъ (цеховое устройство промышленности).

Развитіе общественныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ XIX вѣкѣ положило конецъ значительной части этихъ ограниченій. И прежде всего, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, своихъ духовныхъ вождей, писателей и государственныхъ дѣятелей, культурное общество безповоротно осудило личную несвободу. Въ двухъ противоположныхъ концахъ міра художники слова (Бичеръ-Стоу въ Соединенныхъ Штатахъ, Тургеневъ въ Россіи) изобразили въ незабываемыхъ чертахъ позоръ и ужасъ рабства, державшаго въ своихъ оковахъ милліоны трудового народа. Сила общественнаго мнѣнія и содѣйствіе государственной власти сдѣлали остальное. Въ 1834 году англійское правительство отмѣнило рабовладѣніе и торгъ неграми въ своихъ колоніяхъ; съ теченіемъ времени работорговля была уничтожена на пространствѣ почти всего чернаго материка (Африка), гдѣ только утвердилось политическое и культурное вліяніе европейцевъ. Въ 1848 году въ Германіи пали остатки крѣпостного права, сметенные потокомъ политической революціи, а день 19 февраля 1861 года принесъ вѣсть о свободѣ 20 милліонамъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Прошло всего нѣсколько лѣтъ, и въ великой заатлантической республикѣ совершилось освобожденіе невольниковъ-негровъ (1865 г.), правда, цѣной кровопролитной войны между штатами Сѣвера и Юга и безъ предоставленія новымъ свободнымъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ земельныхъ надѣловъ,— какъ это было сдѣлано великимъ актомъ 19 февраля въ Россіи,— которое могло бы обезпечить извѣстную хозяйственную самостоятельность освобожденному населенію, призванному къ гражданской жизни и свободному труду. Въ концѣ XIX вѣка личная несвобода, основанная на законѣ, была уже воспоминаніемъ прошлаго.

Установленіе *свободы совѣсти* (религіозной свободы) въ XIX в. не вызвало такого сильнаго сопротивленія, какъ соціальное освобожденіе, и совершилось сравнительно незамѣтно. Государства новѣйшаго времени на европейскомъ Западѣ постепенно отказались отъ той вѣроисповѣдной исключительности, которая отличала государство временъ реформаціи и даже еще при старомъ порядкѣ.

Въ протестантской Англіи въ двадцатыхъ годахъ произошла *эмансипація католиковъ*, т.-е. уравненіе ихъ въ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Вообще мысль о томъ, что въ религіозныхъ вопросахъ личности должна быть предоставлена широкая свобода, и что государство не должно вторгаться со своими требованіями во внутренній міръ подданныхъ, — мысль эта сдѣлалась на Западѣ прочнымъ общимъ достояніемъ. Есть даже государства (Соединенные Штаты, Франція), которыя совершенно отрѣшились отъ связи съ тѣмъ или другимъ вѣроученіемъ (отдѣленіе церкви отъ государства), хотя къ нему примыкаетъ большая часть населенія, и не предоставляютъ такой господствующей церкви никакихъ преимуществъ или матеріальной помощи. Не вполнѣ прекратились, однако, особенно въ малокультурныхъ странахъ столкновенія между различными частями населенія, исповѣдующими неодинаковую вѣру. Эти печальныя явленія становятся, къ счастью, все рѣже: съ распространеніемъ просвѣщенія растетъ въ народныхъ массахъ терпимость и къ людямъ другой религіи, вѣрнымъ своимъ унаслѣдованнымъ понятіямъ, и къ искателямъ религіозной истины, вышедшимъ въ своихъ поискахъ за предѣлы общепризнаннаго вѣроученія.

Въ XIX вѣкѣ упрочились и тѣ *основы политической свободы*, которыя отличаютъ современное государство отъ государства стараго порядка. Правда, въ XVIII представительный строй былъ уже въ Англіи, гдѣ онъ своими корнями уходилъ въ отдаленное средневѣковое прошлое; въ томъ же вѣкѣ англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ выросли въ обширную республику (Соединенные Штаты) съ широкимъ самоуправленіемъ отдѣльныхъ областей и народнымъ представительствомъ. Несостоятельность, даже простая неспособность старыхъ аристократическихъ правительствъ и несовмѣстимость сословно-самодержавнаго строя съ интересами новой общественной силы — средняго класса, или буржуазіи, были ясны и въ Европѣ уже въ XVIII вѣкѣ. Въ самомъ концѣ этого вѣка великая революція положила конецъ абсолютизму во Франціи, установивъ въ этой странѣ конституціонные порядки (конституція 1791 года), и сильно повліяла на государственное устройство въ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ. Такъ называемыя «*декларації правъ*» (американская и французская) провозгласили «естественныя, неотчуждаемыя и священныя» *права человѣка* — свободу, равенство въ правахъ и сопротивленіе угнетенію. Декларації говорили и о *народномъ верховенствѣ* въ государственномъ строѣ, участіи населенія чрезъ его выборныхъ представителей въ законодательствѣ и отвѣтственности правительства предъ народомъ.

XIX вѣку суждено было осуществить эти требованія въ жизни почти всѣхъ европейскихъ націй. Многочисленныя *европейскія конституціи*, начиная съ бельгійской (1831 года), повторяютъ и развиваютъ краснорѣчивыя статьи декларацій правъ: устанавливаютъ безсословный общественный строй и равенство всѣхъ передъ закономъ, который самъ является выраженіемъ «общей воли» гражданъ, обезпечиваютъ личную неприкосновенность, свободу совѣсти, печати, право союзовъ и собраній и, наконецъ, устанавливаютъ самоуправленіе народа при посредствѣ выборнаго представительства.

Борьба за народное представительство, какъ самую важную опору и условіе политической свободы, наполнила весь XIX вѣкъ. Прежніе правящіе классы встрѣтили съ непримиримою враждою это дѣтище революціи, и въ исторіи вѣка бывали не разъ моменты, когда противникамъ конституціонной идеи удавалось ей нанести, казалось бы, неисцѣлимые удары. И каждый разъ послѣ тяжелыхъ пораженій она поднималась снова, и ея неистощимая жизненная сила, которая черпалась ею въ сочувствіи широкихъ народныхъ слоевъ, обезпечила ей конечную побѣду надъ всѣми враждебными силами прошлаго. Со времени паденія имперіи Наполеона *конституціонныя учрежденія* постепенно распространяются по всей Европѣ. Въ 1814 году представительный строй установленъ во Франціи и Норвегіи, въ 1815—20-хъ годахъ введенъ въ русской Польшѣ и южной Германіи, въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ вся Германія и только что объединенная Италія вступили въ число конституціонныхъ государствъ, и, наконецъ, (между 1866—1878 годами), новый порядокъ торжествуетъ въ освободившихся отъ турецкаго господства мелкихъ балканскихъ государствъ. Наканунѣ XX вѣка во всей Западной и Южной Европѣ не оставалось страны, гдѣ населеніе было бы лишено политической самодѣятельности и не имѣло возможности въ большей или меньшей мѣрѣ опредѣлять свою настоящую судьбу и строить свое будущее среди другихъ народовъ міра.

Конституціонное государство XIX вѣка гордится тѣмъ, что оно является государствомъ правовымъ, основаннымъ на неизмѣнномъ дѣйствіи законовъ, *господствѣ права*, а не личнаго усмотрѣнія и произвола, царившаго въ старомъ дореформенномъ строѣ. Съ признаніемъ общаго равенства предъ закономъ исчезли сословныя привилегіи, преимущества происхожденія и рожденія. Вслѣдъ за ними постепенно исчезаютъ и тѣ ограниченія въ пользованіи политическими правами (имущественный и образовательный цензъ), какія были установлены на первыхъ порахъ въ представительномъ государствѣ ставшимъ у власти буржуазнымъ классомъ.

На исходѣ XIX вѣка въ передовыхъ европейскихъ странахъ устанавливается *демократическое устройство*, которое ярче всего проявляется въ господствѣ *всеобщаго избирательнаго права*.

Демократія съ ея всеобщимъ голосованіемъ и дѣятельнымъ участіемъ народной массы въ политической дѣятельности полнѣе всего утвердилась въ большихъ республиканскихъ государствахъ — Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, тогда какъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи уцѣлѣло еще немало слѣдовъ аристократическихъ порядковъ. Въ Англіи до сихъ поръ, рядомъ съ избранниками народа, стоятъ наслѣдственные законодатели — лорды, и избирательное право не освободилось совершенно отъ требованій ценза. Въ Германіи — сильная бюрократія и неотвѣтственная передъ народнымъ представительствомъ министерская власть; однако и въ этой странѣ демократизація политической жизни дѣлаетъ огромные успѣхи.

Въ тѣсной связи съ политическими движеніями XIX вѣка стоятъ *національныя движенія*, наполняющія весь этотъ вѣкъ. Въ политической борьбѣ принимали участіе цѣлые народы, они выступали, какъ дѣятельная сила, съ своими особыми стремленіями и интересами, и властно опредѣляли свой государственный и общественный бытъ. Въ свободномъ строѣ духовныя особенности каждаго народа достигали полнаго своего развитія, росло его національное самосознаніе—гордость своей культурой и связь его отдѣльныхъ членовъ въ общихъ преданіяхъ, языкѣ и нравахъ.

Въ началѣ XIX вѣка многія націи Европы стояли еще очень далеко отъ такого положенія. Однѣ изъ нихъ были разрозненны въ политическомъ отношеніи (германцы, итальянцы) или совершенно лишены независимости, жили подъ иноземнымъ игомъ (славянскіе народы подъ властью Турціи) или входили въ составъ государствъ, гдѣ преобладала другая болѣе сильная національность (чехи въ Австріи).

Среди этихъ разрозненныхъ и покоренныхъ народовъ въ XIX вѣкѣ проявилось сильное стремленіе къ культурному самоопредѣленію и достиженію политическаго единства и самостоятельности. Все это привело къ возникновенію цѣлаго ряда *новыхъ государствъ*, которое совершилось, большею частью, путемъ національныхъ возстаній и кровопролитныхъ войнъ. Уже въ 20-хъ годахъ маленькій греческій народъ, при содѣйствіи европейскихъ государствъ, особенно Россіи, сбросилъ съ себя многовѣковое турецкое иго; румыны, сербы и болгары добились такого же освобожденія во второй половинѣ вѣка.

Почти одновременно большія націи средней Европы — германцы и итальянцы,—до сихъ поръ не имѣвшія единаго государ-

ства, слились каждая въ особое политическое цѣлое (итальянское королевство; Германская имперія), при чемъ германскому народу не удалось достигнуть полнаго объединенія, такъ какъ нѣкоторая часть его осталась за предѣлами Германской имперіи — въ Австріи. Послѣдняя, съ ея разноплеменнымъ населеніемъ, въ особенности испытала на себѣ вліяніе національной идеи: такъ, венгры въ Австріи добились (1867) признанія своихъ національныхъ правъ и почти полной государственной самостоятельности: маленькій чешскій народъ, послѣ цѣлыхъ вѣковъ онѣмеченія, воскресъ къ національной жизни и создалъ свою самостоятельную культуру, возродилъ родную литературу и родной языкъ. Вообще политическое освобожденіе народовъ, образовавшихъ самостоятельныя государства или точно добившихся упроченія своей національной жизни, сопровождалось и возрожденіемъ культуры и обогащеніемъ всего ихъ жизненнаго содержанія. Національное освобожденіе вызывало къ жизни скрытыя творческія силы, порождало въ народѣ патріотическое одушевленіе и готовность къ энергичной работѣ въ новомъ отечествѣ и такимъ образомъ вело къ расцвѣту духовной и хозяйственной жизни всего народа.

Не всѣ европейскія націи достигли такихъ результатовъ. Ирландцамъ въ Англіи не удалось добиться самостоятельнаго управленія («гомруль»), польскій народъ не возродилъ своей отчизны, раздѣленной между европейскими державами въ концѣ XVIII вѣка.

Въ разноплеменныхъ государствахъ, гдѣ стремленія отдѣльныхъ народностей остались безъ удовлетворенія, выросла сильная *національная вражда*. Взаимная нетерпимость и даже ненависть раздѣляютъ народы, связанные между собою географическими условіями и исторической судьбой. Особенно острый характеръ пріобрѣтаетъ такая вражда тамъ, гдѣ господствующій народъ навязываетъ другимъ свои порядки, понятія, языкъ или стремится къ исключительному покровительству собственной національности, къ ея распространенію и процвѣтанію на счетъ другихъ. Въ Германской имперіи такую роль играетъ численно преобладающій нѣмецкій народъ по отношенію къ полякамъ и французскому населенію Эльзаса, присоединеннаго въ 1871 году; въ Австро-Венгріи двѣ «державныя» націи — нѣмцы и венгры — стремятся удержать въ подчиненномъ положеніи болѣе слабыя славянскія народности этого государства.

Національный антагонизмъ принималъ въ XIX вѣкѣ и болѣе широкіе размѣры. Націи, обладавшія и политической и культурной самостоятельностью, сталкивались съ другими независимыми націями на поприщѣ международнаго соперничества, въ

борьбѣ за торговопромышленныя выгоды и земельныя пріобрѣтенія. Война 1870—71 года надолго посѣяла глубокую враждебность между двумя передовыми народами Европы — германскимъ и французскимъ, наполнила послѣдній мечтами о «реваншѣ», отплатѣ за военныя пораженія и матеріальныя потери: экономическое соперничество, страхъ нѣмецкой промышленной конкуренціи вызываетъ такую же враждебность по отношенію къ Германіи и въ англійскомъ народѣ. На почвѣ взаимнаго отчужденія вырастаетъ преувеличенный узкій и нетерпимый національнизмъ («шовинизмъ» во Франціи), переоцѣнка своей національности и пренебреженіе къ другимъ, ведущія нерѣдко къ нарушенію международнаго мира и злоупотребленію силой.

Глубоко измѣнилась на протяженіи XIX вѣка и вся *хозяйственная жизнь* культурныхъ странъ. И здѣсь истекшій вѣкъ посѣялъ начала свободы: исчезли цехи, стѣснявшіе промышленное развитіе, съ паденіемъ сословнаго строя пали ограниченія относительно выбора профессіи (вида дѣятельности), передвиженія внутри страны или переселенія въ другія земли. Личныя силы, личная предпріимчивость пріобрѣли теперь невиданный просторъ; никогда человѣчество не развивало такой разносторонней и лихорадочно-напряженной дѣятельности въ добываніи и переработкѣ благъ природы, какою ознаменовался этотъ вѣкъ. Навстрѣчу расцвѣту промышленныхъ силъ шелъ съ конца XVIII вѣка и *техническій прогрессъ*, успѣхи прикладныхъ наукъ, которыя поработили силы природы (паръ, электричество, взрывчатыя вещества) и освободили такимъ образомъ массу человѣческихъ силъ. Механическія усовершенствованія проникли всюду: въ горномъ дѣлѣ и земледѣліи, въ маленькой мастерской и колоссальной фабрикѣ — повсюду господствуетъ *машина*, замѣнившая ручной трудъ.

Машина совершенно видоизмѣнила условія, характеръ и производительность труда, она преобразила самый обликъ культурнаго міра. Еще въ XVIII вѣкѣ Европа представляла рядъ земледѣльческихъ — за немногими исключеніями — странъ съ немногочисленнымъ населеніемъ, незначительными городами, слабымъ развитіемъ хозяйственныхъ сношеній. Совершенно иная картина на исходѣ XIX столѣтія: населеніе возросло въ нѣсколько разъ, промышленные города превратились въ огромныя скопленія людей, занятыхъ во всевозможныхъ развѣтвленіяхъ страшно выросшей индустріи. Торговый оборотъ и массовое производство давно перестали считаться съ государственными и національными границами, американскіе и европейскіе центры промышленности работаютъ на далекіе заокеанскіе рынки, раздѣленіе промышленнаго труда становится международнымъ. Сѣть желѣзныхъ до-

рогъ покрыла страны всего земного шара, побѣждая пространство и время: необычайно увеличилось и удешевилось, выигравъ въ скорости, массовое товарное и пассажирское движеніе. Самыя отдаленныя страны вошли или втягиваются уже въ этотъ всемірный оборотъ. Экономическое развитіе на исходѣ XIX вѣка все яснѣе идетъ къ міровому хозяйству.

Экономическая жизнь въ XIX вѣкѣ окончательно приняла форму *капиталистическаго хозяйства*, первоначальное развитіе котораго относится къ болѣе ранней порѣ. Обширныя промышленныя предпріятія, оборудованныя дорогими механическими двигателями, требовали высокихъ затратъ на первоначальное устройство, и созданіе ихъ могло быть дѣломъ только значительнаго капитала или соединенія капиталовъ. Проникновеніе капитала въ разныя отрасли промышленности совершалось въ теченіе всего столѣтія, и въ нѣкоторыхъ странахъ (Англія, Германія, Соединенные Штаты) этотъ процессъ является вполнѣ законченнымъ. Печальный опытъ показалъ человѣчеству, что и новый хозяйственный порядокъ не лишенъ темныхъ сторонъ. Капитализмъ принесъ съ собою много тяжелыхъ бѣдствій. Промышленные кризисы такъ же неотвратимо и стихійно поражаютъ страны капитализма, какъ неурожаи обрушиваются на страны натуральнаго хозяйства. Въ нѣдрахъ современнаго общества, упразднившаго сословныя различія, капитализмъ создалъ новое неравенство, провелъ глубокую черту между трудящимися и владѣющими классами, поставилъ колоссальное богатство сравнительно немногихъ лицомъ къ лицу съ гнетущей бѣдностью массъ и вызвалъ къ жизни грозные вопросы, ожидающіе своего рѣшенія отъ будущаго.

Среди этихъ вопросовъ *рабочій вопросъ* является наиболѣе важнымъ для современной цивилизаціи. Это вопросъ о хозяйственномъ, нравственномъ и умственномъ подъемѣ той значительной части общества, которая въ теченіе XIX вѣка выдѣлилась въ особую группу подъ именемъ рабочаго класса, пролетаріата или «четвертаго» сословія. Хотя возникновеніе этого класса относится къ болѣе раннему времени, онъ, по справедливости, можетъ быть названъ дѣтищемъ XIX вѣка. Вѣдь въ продолженіе этого времени, въ связи съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ промышленности, рабочій классъ и самъ количественно выросъ и организовался, тогда какъ ранѣе онъ былъ немногочисленъ и лишенъ всякаго единства. За эти сто лѣтъ онъ пришелъ постепенно къ сознанію своихъ особыхъ нуждъ и выработалъ средства для ихъ удовлетворенія. Опираясь на свои «профессіональные союзы», онъ сталъ вести борьбу за свои экономическіе интересы, добиваться лучшихъ условій найма и ограниченія рабочаго вре-

менп. Домогаясь защиты своихъ интересовъ со стороны государства, рабочій классъ не могъ не принимать участія и въ *политической борьбѣ* этого времени и явился одной изъ важнѣйшихъ опоръ демократическаго движенія. Не одна побѣда конституціонныхъ идей въ XIX вѣкѣ, провозглашавшихся буржуазіей, была одержана именно силами рабочихъ. Наконецъ, въ XIX вѣкѣ, преимущественно во второй его половинѣ, рабочій классъ во многихъ странахъ усвоилъ общественно-политическое *ученіе соціализма* и началъ принимать участіе въ политической жизни посредствомъ особыхъ рабочихъ (соціалъ-демократическихъ) партій и своихъ представителей въ парламентахъ.

Международныя отношенія въ XIX в. подверглись не менѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ внутренній строй государствъ и народно-хозяйственный бытъ. Экономическое соперничество націй, съ одной стороны, и боязнь вооруженныхъ столкновеній, которыя, даже при успѣхѣ, принесли бы съ собою тяжкое экономическое потрясеніе, съ другой — все это отражается на внѣшней политикѣ европейскихъ державъ. Со времени франко-прусской войны 1870—71 года въ Европѣ наступила *эпоха вооруженнаго мира*. Большія націи затрачиваютъ огромныя средства на то, чтобы быть постоянно въ военной готовности для защиты своихъ интересовъ, при чемъ успѣхи техники вызываютъ необходимость безконечныхъ перевооруженій и новыхъ затратъ, которыя могли бы пойти на культурныя цѣли. Попытки соглашеній относительно сокращенія вооруженій (Гаагская конференція) не имѣли большого успѣха. Въ концѣ XIX вѣка судьбы европейскаго мира находились въ рукахъ двухъ *большихъ союзовъ*: тройственнаго, возникшаго въ началѣ 80-хъ годовъ (Германія, Австро-Венгрія, Италія), и двойственнаго, франко-русскаго, сложившагося въ противовѣсъ тройственному союзу въ началѣ 90-хъ годовъ. Рядомъ съ великими державами Европы (Россія, Англія, Германія, Франція) появились новыя политическія силы и за ея предѣлами: Соединенные Штаты и выросшая въ четверть вѣка Японія. Всѣ эти большія современныя государства соперничаютъ между собой за участіе въ міровомъ владычествѣ — за обезпеченіе заморскихъ рынковъ для своей промышленности и расширеніе своихъ колоніальныхъ владѣній, необходимыхъ имъ для выхода избытка населенія. Во второй половинѣ вѣка націи Европы распространили свою власть на обширныя внѣевропейскія области. Произошелъ настоящій *раздѣлъ чернаго материка*: Франція съ 80-хъ годовъ овладѣла Тунисомъ, Мадагаскаромъ и большею частью сѣверо-западной Африки (Сахара и Суданъ), Англія расширила свое владычество въ Африкѣ «отъ Капа до Каира»; въ

этомъ раздѣлѣ приняла участіе и Германія, которая послѣ своего объединенія также стала стремиться къ обезпеченію за собою «уголка подъ солнцемъ» (слова германскаго канцлера). Тѣ же державы, вмѣстѣ съ Соединенными Штатами, подѣлили между собой острова Океаніи (Полинезія). Въ послѣдніе годы XIX вѣка областью міровой политики все болѣе становится Великій океанъ съ прилегающими къ нему странами *Дальняго Востока*. Здѣсь-настоящій узелъ торговыхъ и переселенческихъ интересовъ колоніальныхъ державъ (Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ), Россіи и Японіи, и столкновеніе притязаній всѣхъ этихъ государствъ сулитъ, быть-можетъ, въ недалекомъ будущемъ новый вооруженный споръ изъ-за господства на Великомъ океанѣ.

Міровая политика европейскихъ народовъ имѣетъ одно важное и плодотворное послѣдствіе — широкое *распространеніе европейской культуры* за предѣлы ея первоначальной родины. Захваты рынковъ, политическое господство въ колоніяхъ, даже военная дѣятельность европейцевъ—все это, въ концѣ-концовъ, приводитъ къ тому, что европейскіе порядки, бытовыя черты и понятія получаютъ права гражданства въ странахъ низшихъ цивилизацій и пріобщаютъ ихъ къ всемірной умственной жизни. Многіе внѣевропейскіе народы, какъ извѣстно, обнаружили и склонность и прямую способность къ развитію: поразительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются японцы. Область «европеизма» расширяется не въ меньшей степени и вслѣдствіе *переселеній изъ Европы*. Весь Новый Свѣтъ (Америка), Австралія съ прилегающими островами, южная Африка заняты почти сплошнымъ европейскимъ населеніемъ, при чемъ особенно бросается въ глаза *распространеніе англо-саксонской расы* (Соединенные Штаты, англійская Канада, Австралія и Новая Зеландія, Капская колонія) и англійскаго языка, который занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ на землѣ по числу говорящихъ на немъ людей. Въ новыхъ странахъ, занятыхъ европейцами, быстрѣе идетъ историческое развитіе, чѣмъ въ старой Европѣ, болѣе связанной преданіями и учрежденіями прошлаго, сильнѣе предпріимчивость, шире экономическій размахъ (напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ), въ новыхъ обществахъ скорѣе прививаются смѣлые опыты переустройства и улучшенія жизни (Новая Зеландія), для которыхъ еще не наступило время въ странахъ стараго континента.

Распространеніе сходныхъ учрежденій и понятій въ различныхъ странахъ міра является мощнымъ рычагомъ развитія *международнаго общенія*, международной взаимности, стирающей національныя и государственныя грани. Въ XIX вѣкѣ возникло немало учрежденій, которыя ведутъ къ сближенію народовъ, на-

перекоръ всѣмъ остаткамъ національной исключительности и враждебнымъ интересамъ государствъ. Достаточно назвать «Всемірный почтовый союзъ», договоры объ охранѣ литературной и художественной собственности, періодическія всемірныя выставки (первая въ Лондонѣ въ 1851 году) и научные конгрессы (съѣзды), при помощи которыхъ передовыя націи обмѣниваются между собою результатами своей промышленной и культурной работы. Все сильнѣе становятся *движеніе въ пользу мира* и отвращеніе общественнаго мнѣнія къ войнѣ; подчиняясь этому движенію, государства чаще прибѣгаютъ къ третейскому суду для рѣшенія вопросовъ, которые до сихъ поръ разрѣшались вооруженною рукою. Съ 60-хъ годовъ идутъ попытки сдѣлать и самую войну болѣе человѣчной, оградить интересы раненыхъ и больныхъ и обезпечить имъ врачебную помощь (Женевская конвенція, учрежденіе «Краснаго Креста» въ 1864 году). Міръ еще безконечно далекъ отъ осуществленія мечты поэта о той порѣ, «когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», но все же сдѣланъ немалый шагъ и въ этомъ направленіи.

Въ людскомъ сознаніи растетъ и крѣпнетъ мысль объ общемъ происхожденіи и родствѣ, объединяющемъ человѣчество, о томъ, что націи — дѣти одной великой семьи, и что для нихъ необходимѣе всего мирныя отношенія, мирный обмѣнъ культурныхъ и вещественныхъ благъ. Будущіе вѣка явятся, можетъ-быть, свидѣтелями этого торжества гуманности (человѣчности) въ отношеніяхъ между людьми.

Ни одинъ изъ успѣховъ общежитія, которыми отмѣченъ разсматриваемый вѣкъ, не могъ бы быть достигнутъ безъ мощнаго содѣйствія *науки*. Научное развитіе составляетъ славу XIX вѣка и является положительно безпримѣрнымъ въ исторіи. Благодаря трудамъ цѣлой арміи ученыхъ всѣхъ національностей, методы научнаго изслѣдованія доведены до наибольшей точности, пристальное наблюденіе открыло множество неподмѣченныхъ раньше явленій и въ жизни вселенной, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка. Сильно подвинулись впередъ гуманитарныя, общественныя науки — исторія, психологія, сравнительное языковѣдѣніе, наука о народномъ хозяйствѣ (политическая экономія) и, въ особенности, науки о природѣ (естествознаніе). Въ послѣдней области научный геній въ XIX вѣкѣ одержалъ свои самыя замѣчательныя побѣды и совершилъ величайшія открытія: ученіе о клѣточкѣ и ученіе о происхожденіи видовъ (теорія Дарвина), законъ единства физическихъ силъ и сохраненія энергіи, спектральный анализъ, установившійся однородность состава міровой матеріи, поразительныя открытія въ области явленій свѣта и электричества (напримѣръ, рентгеновскіе

лучи) — вотъ списокъ важнѣйшихъ научныхъ завоеваній, который можно было бы дополнить безконечнымъ перечнемъ второстепенныхъ открытій во всѣхъ областяхъ природовѣдѣнія. Соединившись съ техникой, наука произвела глубокія измѣненія и въ самомъ человѣческомъ быту, преобразовала способы производства, сношеній и передвиженія (механическіе двигатели, телеграфъ, воздухоплаваніе и т. п.), обогатила жизнь новыми формами воспріятій и впечатлѣній (фотографія), создала новые способы защиты человѣческой жизни отъ болѣзнетворныхъ организмовъ (успѣхи гигіены, бактеріологіи, асептика въ хирургіи). Наконецъ, подъ ея вліяніемъ медленно, но неизбѣжно совершается *переворотъ въ міросозерцаніи*: научное объясненіе міра смѣняетъ наивные взгляды, унаслѣдованные отъ временъ умственнаго младенчества людей; вѣра въ дѣйствіе естественныхъ и общественныхъ законовъ, управляющихъ развитіемъ, заняла мѣсто вѣры въ дѣятельность капризныхъ индивидуальныхъ силъ.

Современная наука оказываетъ глубокое вліяніе на жизнь и мышленіе людей, и это вліяніе постоянно усиливается. Въ демократическомъ строѣ культура не можетъ оставаться достояніемъ немногихъ избранныхъ, какъ было въ прежніе вѣка: она подвергается такой же «демократизаціи», какъ и гражданское общество. Великая историческая заслуга XIX вѣка и заключается именно въ томъ, что онъ былъ вѣкомъ народнаго просвѣщенія, поставившимъ своею задачей возвышеніе духовнаго самосознанія широкихъ круговъ населенія. Демократическое государство признаетъ за каждымъ своимъ гражданиномъ *право на образованіе* и стремится сдѣлать его всеобщимъ и доступнымъ, не исключая и образованія высшаго. Въ культурныхъ странахъ всюду идетъ оживленная работа надъ распространеніемъ, популяризаціей знанія: множатся библіотеки, просвѣтительныя общества, народные университеты. Пріобщеніе народной массы къ высшей духовной жизни не только не вызываетъ пониженія общаго уровня послѣдней, но, напротивъ, ведетъ къ новому обогащенію и расширенію культуры. Въ этомъ ростѣ и распространеніи знанія заключены всѣ лучшія надежды человѣчества, возможность исцѣленія его недуговъ и лучшаго будущаго. Наука въ самой себѣ носитъ освобождающую силу: въ ясномъ и чистомъ воздухѣ, царящемъ на высотахъ научнаго познанія, расходятся туманы ненависти и нетерпимости, распадаются миражи вѣковыхъ предразсудковъ, и виднѣе среди неизмѣримыхъ далей извилистый и трудный путь, по которому должно итти человѣчество, осуществляя свое призваніе на землѣ — путь къ правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости.

Указатель книгъ по всеобщей исторіи.

Для ознакомленія съ основными явленіями исторіи человѣчества удобнымъ пособіемъ являются учебныя книги *проф. Р. Виппера:* Учебникъ древней исторіи. Ц. 1 р. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Ц. 1 р. 35 к. Учебникъ новой исторіи. Ц. 1 р. 35 к. (наглядное изложеніе; подробно объ общественныхъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ). По исторіи среднихъ вѣковъ лучшимъ пособіемъ является: Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ подъ редакціей *проф. П. Г. Виноградова* въ 4 выпускахъ. Ц. всѣхъ выпусковъ. 8 р. 75 к. (важнѣйшія явленія средневѣковой жизни въ доступномъ научномъ изложеніи). По исторіи новаго времени рекомендуются: III и IV томы «Лекцій по всемірной исторіи» *М. Н. Петрова*. Ц. 3 р. 50 к.—Книга для чтенія по исторіи новаго времени въ 4 томахъ (вышли два тома Ц. I т. 2 р. 75 к., II т. 3 р. 25 к.). *Н. Карѣевъ*. Исторія Западной Европы въ новое время. 6 томовъ. Ц. 23 р. (подробное научное изложеніе). Обзоръ внутренняго государственнаго строя и общественныхъ отношеній въ главнѣйшіе періоды исторіи можно найти въ книгахъ *Н. Карѣева* Монархіи древняго Востока и грекоримскаго міра (Ц. 1 р.); Государство-городъ античнаго міра (Ц. 1 р. 50 к.); Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ (Ц. 2 р.); Западно-европейская абсолютная монархія XVI—XVIII вв. (Ц. 2 р. 25 к.); Происхожденіе современнаго народно-правового государства (Ц. 2 р. 25 к.). Очеркъ политической исторіи XIX в.; *Н. Карѣевъ*. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Ц. 75 коп.

По отдѣльнымъ вопросамъ и эпохамъ всеобщей исторіи рекомендуются слѣдующія сочиненія:

1. Общія понятія исторической науки.

Бернгеймъ. Введеніе въ историческую науку. Ц. 40 к. (объ историческихъ источникахъ и исторической критикѣ).—*П. Бартъ*. Философія исторіи, какъ соціологія. Ц. 2 р. (разсматриваются различныя философско-историческія ученія).—*Лакомбъ*. Соціологическія основы исторіи. Ц. 1 р. 50 к.—*Гартманъ*. Объ историческомъ развитіи. Ц. 60 к.—*Энгельманъ*. Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 50 к.—*Шершеневичъ*. Соціологія. Ц. 40 к.

2—3. Первобытная культура.

Кудрявскій. Какъ жили люди въ старину. Ц. 40 к. (простое, популярное изложеніе).—*М. Корелинъ*. Кто были наши предки? Ц. 30 к. (о значеніи археологіи и сравнительнаго языкознанія для исторіи; происхожденіе арійцевъ).—*Гёрнесъ*. Исторія первобытнаго человѣчества. Ц. 50 к.—*Липпертъ*. Исторія культуры Ц. 50 к. (одинъ изъ лучшихъ обзоровъ).—*Тайлоръ*. Первобытная культура. Ц. 4 р.—*М. Ковалевскій*. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Ц. 60 к.

4. Народы древняго Востока.

М. Корелинъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи: I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія; II. Ассирійскій народъ и его боги-покровители:

III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. каждаго выпуска 30 к. (изложеніе доступное).—*Масперо.* Историческія чтенія. Ц. 1 р. 50 к.—*Рагозина.* Исторія Халден. Ц. 2 р. 50 к. (живое, наглядное изложеніе; подробно о раскопкахъ въ Месопотаміи и содержаніи вавилонскихъ преданій-миѳовъ). *Бецольдъ.* Ассирія и Вавилонія. Ц. 50 к.—*Деличъ.* Библія и Вавилонъ. Ц. 50 к. (о родствѣ вавилонской и израильской культуръ).—*Н. Никольскій.* Древній Израиль. Ц. 1 р. 50 к.

5. Древняя Греція.

В. И. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи (ясное научное изложеніе, характеристика общественной и умственной жизни демократіи). Ц. 2 р. 50 к.—*Белохъ.* Исторія Греціи, 2 тома. Ц. 4 р.—*Виппперъ.* Лекціи по исторіи Греціи, часть I. Ц. 1 р.—*Баумгартенъ. Поландъ. Вагнеръ.* Эллинская культура. Ц. 5 р. (со многочисл. иллюстраціями).

6. Римское государство.

В. Герье. Основы римской исторіи. Ц. 50 к. (сжатый обзоръ).—Исторія римской республики по Моммсену. Вып. I. Библіот. для самообразованія. 2 р.—*М. Петрушевскій.* Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Ц. 1 р. 70 к. (первая половина книги—о государствѣ и обществѣ римской имперіи и ея разложеніи).—*Гримм.* Граххи, ихъ жизнь и общественная дѣятельность. Ц. 25 к.—*Буасье.* Картины древнеримской жизни. Ц. 1 р. 25 к. (общественная и умственная жизнь во времена имперіи).—*Корелинъ.* Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к.

7. Образованіе средневѣковаго міра.

М. Петрушевскій, назван. сочин. (вторая половина книги разсматриваетъ бытъ германцевъ и образованіе германскихъ государствъ).—*Фюстель де-Куланжъ.* Исторія общественнаго строя древней Франціи, томъ II—III. Ц. по 4 р. 50 коп. *Ог. Тьерри.* Разсказы изъ временъ Меровинговъ. Ц. 35 к.

8. Арабы ихъ религія и государство.

Вл. Соловьевъ. Магометъ, его жизнь и религіозная дѣятельность. Ц. 25 коп. *М. Петровъ.* Очерки изъ всемірной исторіи (статья о Магометѣ).—*Крымскій.* Исторія мусульманства. Ц. 2 р. 75 к.

9. Византійское царство.

Ремизовъ. Византія и византійцы. Ц. 30 к. (популярн.)—*Циль.* Юстиніанъ Великій и византійская цивилизація. Ц. 4 р.—*Успенскій.* Исторія Византіи.

10. Славяне въ средніе вѣка.

А. Погодинъ. Исторія Болгаріи. Ц. 1 р.—*Его же.* Исторія Сербіи. Ц. 1 р.—*Кутшеба.* Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Ц. 1 р. 50 к.—*Бобржинскій.* Очеркъ по исторіи Польши. Ц. 2 р. 50 к.

11. Франція въ средніе вѣка.

Петровъ. Очерки изъ всемірной исторіи (статьи о Жаннѣ д'Аркъ и Людовикѣ XI).—*Моравскій.* Средневѣковый идеалистъ (Людовикъ IX). Ц. 20 к.—*Ефимова.* Парижская революція XIV в. Ц. 40 к.—*Ея же.* Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи.—*О. Тьерри.* Городскія коммуны во Франціи. Ц. 1 р.

12. Англія въ средніе вѣка.

А. Быкова. Исторія англійской конституціи. Ц. 75 к. (популярн. изложен.).—*Д. Петрушевскій.* Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Ц. 1 р. (подробно о Великой хартіи вольностей и возникновеніи парламента).—*Оманъ.* Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. Ц. 50 к.

13. Германская имперія и папство.

Брайсъ. Священная римская имперія. Ц. 2 р.

Корелинъ. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства. Ц. 75 к.

А. Вязигинъ, Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность. Ц. 25 к.

14. Государство и общество въ средніе вѣка.

Тарасовъ и Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVII вѣковъ. Ц. 1 р. 25 к. (популярные очерки съ рисунками).—*Ефимова.* Рыцарство. Ц. 50 к.—*Булгакова.* Изъ жизни средневѣковаго ремесленника. Ц. 50 к. (натуральное хозяйство и развитіе цехового ремесленнаго производства).—*Дживелеговъ.* Торговля на Западѣ въ средніе вѣка. Ц. 1 р.—*Величкинъ.* Освобожденіе крестьянъ въ Англіи, Германіи и Франціи. Ц. 50 к.

15. Великія открытія и просвѣщеніе въ началѣ новаго времени.

Корелинъ. Очерки итальянскаго возрожденія. Ц. 1 р. *Буркгардтъ.* Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. 2 т. 1905—6 г. Ц. 5 р.—*Дживелеговъ.* Начало итальянскаго Возрожденія. Ц 2 р.—*Каутскій.* Томасъ Моръ и его „утопія". Ц. 1 р. 25 к.—*Гейгеръ.* Исторія нѣмецкаго гуманизма.—*Эразмъ Роттердамскій.* Похвала глупости. Перев. проф. *А. Н. Ардашева.* Ц. 1 р.

16. Расколъ католической церкви (реформація).

Бэрдъ. Реформація XVI в. въ связи съ новѣйшимъ мышленіемъ и знаніемъ. Ц. 1 р. 25 к.—*Бецольдъ.* Реформація въ Германіи. 2 т. Ц. 5 р. 50 к.—*Губеръ.* Іезуиты, ихъ исторія, ученіе, организація. Ц. 1 р.—*Ланглуа.* Инквизиція по новѣйшимъ трудамъ. Ц. 45 к.

17. Англійская революція XVII вѣка.

Гардинеръ. Стюарты и пуритане. Ц. 1 р. 75 к.—*Вейнгартенъ.* Народная реформація въ Англіи XVII в. Ц. 1 р. 75 к.—*Гаррисонъ.* Оливеръ Кромвель. Ц. 80 к.

18. Западная Европа въ эпоху „Стараго порядка".

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII в. Ц. 1 р. (доступное изложеніе).—*Ардашевъ.* Абсолютная монархія на Западѣ. Ц. 1 р.—*Тэнъ.* Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I (старый порядокъ). Ц. 2 р. 50 к.—*Токвиль.* Старый порядокъ и революція. Ц. 50 к.

19. Великая революція во Франціи.

Блосъ. Французская революція. Ц. 65 к. (живое, картинное изложеніе).—*Оларъ* Великая французская революція. Внутренняя исторія. Ц. 70 к. (научное пособіе для приступающихъ къ изученію этого времени).—*Его же.* Политическая исторія французской революціи. Ц. 2 р. 50 к.—*Гримиъ.* Мирабо. Ц. 50 к.

20. Европа и имперія Наполеона.

Сльонъ. Новое жизнеописаніе Наполеона. 2 тома. Ц. 6 р.—*Вандаль.* Возвышеніе Бонапарта. Ц. 2 р.—*Сорель.* Европа и французская революція. Т. V—VIII. Ц. 10 р. 50 к. (посвящены времени Наполеона).

21. Франція въ XIX вѣкѣ.

Н. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX в. Ц. 1 р.—*Ренаръ.* Республика 1848 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Кудринъ.* Очерки современной Франціи. Ц. 1 р. 50 к.

22. Германія въ XIX вѣкѣ.

Берлинъ. Германія наканунѣ 1848 г. Ц. 1 р. 50 к.—Очерки по исторіи Германіи въ XIX в. Т. I. Составъ. Базаровъ и Степановъ. Ц. 1 р.—*Дживелеговъ.* Исторія современной Германіи. Ч. I и II. Ц. 3 р.—*Его же.* Очерки по исторіи Германіи. 1806—1871 г. Ц. 30 к. (популярн.).

23. Объединеніе Италіи.

А. Быкова. Очерки по исторіи Италіи. Ц. 50 к.—*Е. Тарле.* Исторія Италіи въ новое время. Ц. 1 р.—*Орси.* Современная Италія. Ц. 2 р. 25 к.

24. Государственное и общественное развитіе Англіи въ XIX вѣкѣ.

Гиббинсъ и *Сатуринъ.* Исторія современной Англіи. Ц. 1 р. 20 к.—*Дайси.* Основы государственнаго права Англіи. Ц. 2 р.—*Пименова.* Политическіе вожди современной Англіи. Ц. 2 р.—*Бутми.* Политическая психологія англійскаго народа въ XIX в. Ц. 1 р.—*Діонсо.* Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.

25. Сѣверо-Американскіе соединенные Штаты.

Мижуевъ. Великій расколъ англосаксонской расы. Ц. 1 р. 25 к.—*Букеръ Вашингтонъ.* Отъ рабства къ славѣ. Ц. 45 к. (изъ эпохи освобожденія негровъ).—*Вильсонъ.* Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ. Ц. 1 р. 25 к.

26. Славянскіе народы въ новое время.

Ивановичъ. Борцы и мученики за свободу Болгаріи. Ц. 60 к. См. сочиненія назв. подъ рубрикой „Славяне въ средніе вѣка".

27. Азія въ XIX вѣкѣ.

Голобородько. Старая и новая Турція. Ц. 80 к. (популярн.).—Турецкій сборникъ (къ событіямъ на Ближнемъ Востокѣ). Ц. 1 р. 25 к.—Японія и японцы. Изд. „Русской Мысли". Ц. 35 к.—*Богдановичъ.* Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Ц. 1 р. 25 к.

Для болѣе подробныхъ справокъ слѣдуетъ обращаться къ „Указателю книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ" подъ редакціей Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. 1909. Ц. 2 р.

И. Рѣпинъ. „Запорожцы".

(См. стр. 429).

Изд. „Звъно“, София, 1981

Н. Гълъбова

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ЖИВОПИСЬ,
ВАЯНІЕ,
ЗОДЧЕСТВО.

1. Введеніе.

Потребности физической и нравственной природы человѣка являются главными мотивами, подъ вліяніемъ которыхъ развились различные виды человѣческой дѣятельности. Такъ, хозяйственная, или экономическая, дѣятельность людей шла навстрѣчу ихъ стремленію къ самосохраненію — потребности въ пищѣ, жилищѣ и одеждѣ; умственная дѣятельность отвѣчала на запросы человѣческаго духа, его врожденное стремленіе къ самопознанію и познанію окружающаго міра. Потребность въ украшеніи своей жизненной обстановки, художественныя, «эстетическія» стремленія также издавна существуютъ въ человѣкѣ: онѣ наблюдаются даже въ самыя отдаленныя времена и при самомъ низкомъ состояніи культуры.

Ближайшимъ результатомъ этихъ стремленій человѣка внести въ свою жизнь долю «красоты», хотя бы и лишенной всякой житейской пользы, и явилось *искусство*. При его помощи человѣкъ какъ бы «создалъ новый міръ, чтобы въ немъ укрываться отъ сутолоки и ничтожности обычной жизни».

Несомнѣнно, что искусство, или художественное творчество, является исконною потребностью человѣческаго духа; вѣдь, даже на низшихъ ступеняхъ органическаго міра, въ царствѣ животныхъ, мы встрѣчаемся съ проблесками дѣятельности, которая возможно, до извѣстной степени, подводитъ подъ понятіе искусства. Что касается человѣка, то ему искусство сопутствовало съ самыхъ древнихъ временъ; оно существовало и существуетъ у всѣхъ народовъ міра на всякомъ уровнѣ развитія.

Исторія искусства составляетъ, такимъ образомъ, достояніе всего человѣчества; она начинается въ ранюю первобытную эпоху, когда человѣкъ еще всецѣло былъ поглощенъ суровою борьбою за существованіе. Современникъ каменнаго вѣка уже стремился къ украшенію предметовъ своего повседневнаго обихода: онъ старался придать своей утвари, орудіямъ, посудѣ не только форму наиболѣе удобную и отвѣчающую ихъ практическому назначенію, но и красивый видъ, начертывая на нихъ

простѣйшій *орнаментъ* въ видѣ рядовъ точекъ и линій. Этотъ орнаментъ постепенно усложняется, и въ послѣдующее время мы встрѣчаемъ сосуды, украшенные довольно затѣйливымъ *геометрическимъ или линейнымъ узоромъ*, состоящимъ изъ крестовъ, зигзаговъ и квадратовъ или рядами извивающихся линій и круговъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ.

Новымъ шагомъ въ развитіи первобытнаго искусства являются попытки воспроизводить формы предметовъ, существующихъ въ окружающемъ мірѣ. Первобытный художникъ охотно останавливалъ свое вниманіе на мірѣ животныхъ, который онъ привыкъ наблюдать и изучать въ силу условій своего охотничьяго или пастушескаго быта; изображеніе себѣ подобныхъ казалось ему также заманчивою задачею. Древнѣйшими произведеніями этого рода были, повидимому, грубо выточенныя *фигуры людей* и *животныхъ* изъ оленьяго рога или мамонтовыхъ клыковъ (начало скульптуры). Слѣдующею ступенью являются рисунки на костяныхъ и каменныхъ орудіяхъ, вырѣзанные кремневымъ ножомъ (подобіе выпуклаго изображенія—рельефа) и *стѣнныя изображенія*, нацарапанныя на камнѣ, при чемъ очертанія заполнялись охрою (начало живописи). Всѣ эти рисунки — изображенія животныхъ, главнымъ образомъ, стадныхъ (олень, бизонъ, дикая лошадь); съ удивительною наблюдательностью древній художникъ улавливалъ движенія и очертанія животнаго и передавалъ ихъ съ рѣдкимъ мастерствомъ, если имѣть въ виду несовершенство его художественныхъ средствъ. Художникъ бронзоваго вѣка уже отваживается воспроизводить (на скалахъ въ Скандинавіи) цѣлыя сцены, представляющія людей, повозки, большія суда, плывущія по морю съ гребцами.

Видное мѣсто занимаетъ искусство и въ жизни современныхъ первобытныхъ народовъ — *дикарей*. По словамъ нѣмецкаго ученаго Бюхера, «ни одна жизненная потребность не вызываетъ у нихъ такой массы утомительнаго труда, какъ потребность въ украшеніи. прическа волосъ, раскрашиваніе тѣла, татуировка». Дикарское искусство очень напоминаетъ первобытное, особенно орнаментъ, отличающійся такими же пестрыми сочетаніями фигуръ и линій.

Уже на этихъ раннихъ ступеняхъ можно подмѣтить развѣтвленія искусства, изъ которыхъ впослѣдствіи выработались главные его виды. Нынѣшнее искусство распадается на нѣсколько большихъ отдѣловъ, въ зависимости отъ пріемовъ и средствъ изображенія. *Скульптура*, или ваяніе, возсоздаетъ самыя формы предметовъ и живыхъ существъ, такъ что онѣ доступны осязанію, какъ и произведенія *архитектуры*, или зодчества, выра-

жающаго мысль художника при помощи геометрическихъ фигуръ. *Живопись* прибѣгаетъ къ линіямъ и краскамъ, наносимымъ на плоскости и воздѣйствующимъ лишь на зрѣніе: вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности достигается здѣсь посредствомъ примѣненія законовъ перспективы (изображеніе на плоскости предметовъ такъ, какъ они представляются глазу) и разнообразныхъ красочныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти виды искусства объединяются подъ именемъ *изобразительныхъ, или пластическихъ искусствъ* въ отличіе отъ музыки, основанной на сочетаніяхъ тоновъ (музыкальные звуки). Къ пластическимъ искусствамъ причисляютъ и такъ называемое *прикладное, или декоративное, искусство* (иначе — художественная промышленность), произведенія котораго имѣютъ практическое приложеніе (ковры, рисунки матерій, художественная мебель, ювелирныя издѣлія и т. п.).

Подобно другимъ проявленіямъ духовной культуры, каковы, напримѣръ, религія, нравственность, наука, *искусство подчинено закону эволюціи* (развитія). Отъ первыхъ наивныхъ попытокъ первобытной поры художественное творчество постепенно восходитъ на высшія ступени и достигаетъ полнаго расцвѣта у одаренныхъ культурныхъ народовъ (греки въ V вѣкѣ до Р. Хр., итальянцы XV—XVI в.). Въ произведеніяхъ избранныхъ, геніальныхъ художниковъ искусство даннаго народа находитъ свое высшее, вѣчное выраженіе: такія произведенія переживаютъ цѣлые вѣка, не переставая вызывать глубокое преклоненіе предъ ихъ совершенствомъ (Афродита Милосская греческаго художника, Сикстинская Мадонна Рафаэля). Отъ великихъ творцовъ въ искусствѣ идутъ *школы* учениковъ и подражателей, развивающія ихъ художественные завѣты и подражающіе ихъ пріемамъ. Въ искусствѣ различныхъ народовъ бываютъ и *времена упадка*, вырожденія, слѣдующія нерѣдко вслѣдъ за порою расцвѣта, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ и культурныхъ условій. Значительная роль въ судьбахъ искусства принадлежитъ также *вліяніямъ со стороны*, идущимъ отъ другихъ народовъ или иныхъ эпохъ. Извѣстно, напримѣръ, что греческое искусство испытало на себѣ вліяніе восточнаго (Ассиріи и Финикіи) и, въ свою очередь, вліяло на творчество римскихъ художниковъ; великіе итальянцы XVI вѣка учились у греческихъ мастеровъ и сами наложили отпечатокъ на всю художественную жизнь новаго времени.

Какъ всѣ созданія человѣческаго духа, произведенія искусства неотдѣлимы отъ среды — физической или общественной — въ которой они возникаютъ. Самыя художественныя способности различныхъ націй стоятъ въ связи съ *природными условіями*.

Сіяющее солнце воспитало въ художникахъ южной Европы то пристрастіе къ яркимъ красочнымъ сочетаніямъ, которое побуждало древняго грека раскрашивать даже мраморныя статуи, тогда какъ подъ сѣвернымъ небомъ художникъ скорѣе научается цѣнить и воспроизводить тонкіе оттѣнки красокъ, которые здѣсь выступаютъ яснѣе и не исчезаютъ въ ослѣпительномъ солнечномъ блескѣ. Однообразная равнина и живописная альпійская область, суровое побережье сѣвернаго моря и смѣющіяся итальянскія озера — даютъ совершенно различныя художественныя впечатлѣнія, отражающіяся на всемъ искусствѣ.

Еще тѣснѣе сливаются *искусство и общественная жизнь* народа: искусство—плоть отъ плоти и кость отъ кости его культурнаго развитія и быта, оно само продуктъ народнаго генія. Художественное произведеніе не есть всецѣло созданіе отдѣльныхъ лицъ — художниковъ; сами художники опираются на работу предшествующихъ поколѣній и раздѣляютъ со своимъ народомъ его стремленія и эстетическіе вкусы. Все готическое искусство (средневѣковая церковная архитектура) обязано своимъ развитіемъ религіозному духу времени и не могло существовать безъ непосредственнаго дѣятельнаго участія въ его созданіи — народной массы. Такъ искусство отражаетъ на себѣ идеи, вѣрованія и понятія народа въ извѣстную эпоху его исторической жизни, и такимъ образомъ въ произведеніяхъ рѣзца и кисти мы знакомимся съ духомъ минувшихъ временъ, съ глубокими стремленіями и идеалами народовъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ лучшихъ людей. Исторія искусства становится частью исторіи всемірной человѣческой культуры.

Искусство заняло выдающееся положеніе въ современномъ обществѣ. Люди съ исключительными дарованіями посвящаютъ ему свои силы и всю свою жизнь; выставки художественныхъ произведеній привлекаютъ толпы людей, черпающихъ глубокое наслажденіе въ ихъ созерцаніи; въ наиболѣе культурныхъ странахъ стало общенародною потребностью окружать себя созданіями искусства, наполнять имъ свой домашній обиходъ.

Источникъ этого вліянія искусства — въ его общественной природѣ, въ его способности служить закрѣпленію и расширенію общественной связи между людьми. Оно выводитъ насъ изъ узкихъ рамокъ личнаго существованія и какъ бы пріобщаетъ нашу душевную жизнь къ широкой міровой жизни. «Всякое произведеніе,— говоритъ Левъ Толстой въ статьѣ «Что такое искусство?» — дѣлаетъ то, что воспринимающій вступаетъ въ извѣстнаго рода общеніе съ производившимъ или производящимъ искусство и со всѣми тѣми, которые одновременно съ нимъ, прежде

или послѣ него, восприяли или воспримутъ то же художественное впечатлѣніе. Какъ слово, передающее мысли и опыты людей, служитъ средствомъ единенія людей, такъ точно дѣйствуетъ и искусство. Особенность же этого средства общенія, отличающая его отъ общенія посредствомъ слова, состоитъ въ томъ, что словомъ одинъ человѣкъ передаетъ другому свои мысли, искусствомъ же люди передаютъ другъ другу свои чувства».

Въ этихъ словахъ великаго писателя отражена большая *соціальная роль искусства*. Искусство не «праздная забава», не безполезное самоуслажденіе, но «необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества, средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ».

2. Древнее искусство.

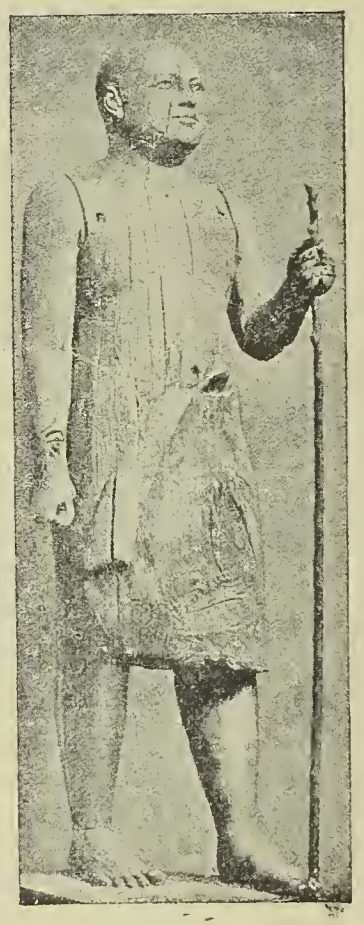
1. Египетское искусство.

По сохранившимся древнимъ монументальнымъ сооруженіямъ, которыя стоятъ цѣлыя тысячелѣтія, противясь разрушительному дѣйствію времени, можно познакомиться съ искусствомъ древняго Египта. Основнымъ свойствомъ характера египтянъ, народа очень одареннаго, былъ покой и закономѣрность жизни, что, конечно, отразилось на искусствѣ Египта—величавомъ, торжественномъ, съ оттѣнкомъ вѣчнаго покоя. Религія играла существенную роль въ жизни египтянъ; свои религіозныя идеи они воплощали въ памятникахъ искусства. Новѣйшія раскопки открыли намъ памятники самаго ранняго времени: сюда относятся отшлифованныя кремневыя орудія, издѣлія изъ мѣди и бронзы, каменныя статуи, гробницы (напр., гробница царя Мены).

Памятники *древняго царства* (3400 — 2500 г. до Р. Х.) относятся, главнымъ образомъ, къ культу мертвыхъ.

Храмы строятся рѣдко, зато возводятъ массу гробницъ, значительная часть которыхъ до насъ дошла. Гробницы богатыхъ и знатныхъ египтянъ носятъ арабское названіе «мастаба» (скамья). Представляя изъ себя массивныя постройки изъ камня или кирпича, мастаба строится на прямоугольномъ основаніи съ четырьмя покатыми стѣнами и прямымъ плоскимъ верхомъ. Раздѣляется мастаба на нѣсколько помѣщеній: погребальная камера, гдѣ стоитъ саркофагъ съ набальзамированнымъ трупомъ—муміей; помѣщеніе для статуй, изображающихъ покойнаго; затѣмъ камера, открытая для народа, гдѣ исполнялись священные обряды. Цар-

скія гробницы представляли собою величественныя сооруженія въ видѣ *пирамидъ*, состоящихъ теперь изъ суживающихся кверху рядовъ ступеней (въ свое время все было гладко облицовано); внутри находилась погребальная камера, куда и ставился саркофагъ съ мумiей фараона. Въ погребальные склепы можно было проникнуть черезъ узкіе коридоры. Размѣры пирамидъ очень различны. Три величайшихъ пирамиды фараоновъ *Хеопса* (около 69 саж.), *Хефрена* и *Микерина* являются самыми извѣстными образцами сооруженій подобнаго рода.



11. «Сельскій староста».

Недалеко отъ этихъ грандіозныхъ усыпальницъ царей стоитъ колоссальный *сфинксъ* — существо съ головой человѣка и съ туловищемъ и лапами льва, высѣченными изъ камня.

Зачатки различныхъ формъ капители [1]) *колоннъ* и столбовъ позднѣйшаго времени встрѣчаются въ древнемъ царствѣ. Мотивы заимствуются, главнымъ образомъ, изъ растительнаго царства, — можно встрѣтить капители въ видѣ цвѣтка лотоса, папируса или пальмы; стержень колонны, которому часто придавали видъ стволовъ растеній, въ самомъ низу слегка суживался. Въ покояхъ гробницъ было найдено много *статуй*, сдѣланныхъ изъ мягкаго матеріала—дерева или известняка. Правдивость портретныхъ чертъ, живость изображенія дѣлаютъ ихъ чрезвычайно интереснымъ памятникомъ древняго царства.

Значительнымъ произведеніемъ этого времени считается деревянная статуя, прозванная «Деревенскій староста» (рис. 11); портретныя черты рѣзко выступаютъ въ этомъ произведеніи: тучный, съ остриженной головой, плотно и прямо сидящей на шеѣ, онъ медленно выступаетъ, опираясь на палку. Живыми, талантливыми чертами отличается извѣстная статуя «Писца», сидящаго на землѣ съ поджатыми ногами: повидимому, онъ внимательно вслушивается въ слова, которыя ему диктуетъ его госпо-

[1]) Верхняя часть колонны.

динъ. На сохранившихся рельефахъ (выпуклыхъ изображеніяхъ) и стѣнной росписи гробницъ изображается загробная жизнь. *Живопись*, украшавшая стѣны гробницъ, представляла людей и животныхъ. Эти воспроизведенія были подчинены цѣлому ряду условностей: голова человѣка бралась въ профиль, глазъ и туловище прямо къ зрителю, ноги въ профиль. Фараоны изображались гораздо выше окружающихъ ихъ простыхъ смертныхъ.

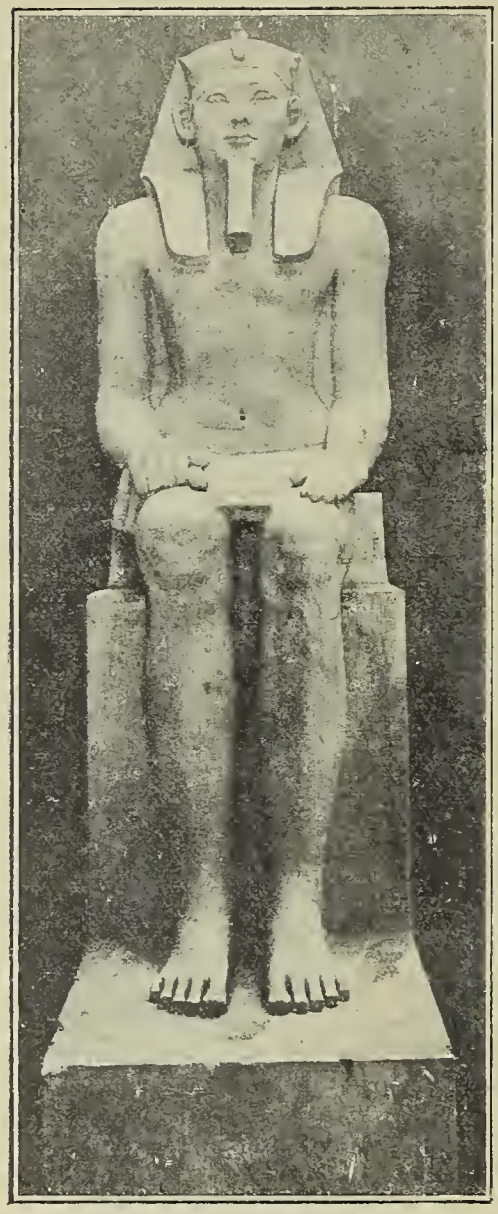
Искусство слѣдующей эпохи—*средняго царства* — характеризуется новыми надгробными сооруженіями, а именно гробницами въ скалахъ (Бенигассанъ). Въ глубинѣ скалы высѣкалась пещера, куда ставился саркофагъ; у входа высѣкались изъ скалы же различныхъ формъ столбы и колонны.

Къ этому періоду относится древнѣйшій *обелискъ*,—четырехгранный, немного суживающійся кверху столбъ, увѣнчанный небольшой пирамидой. Обелиски ставились передъ храмами.

Изъ скульптурныхъ произведеній этого періода сохранились, статуи фараоновъ. Фигуры становятся стройнѣе; сохраняя портретныя черты лица, египетскіе художники стремятся приблизиться къ одному общеегипетскому идеалу красоты.

Расцвѣтъ искусства *новаго царства* (1600 — 1100) сосредоточенъ въ Ѳивахъ—это періодъ большого храмостроительства. Изъ первоначальнаго небольшого святилища, путемъ пристроекъ, разрастается до грандіозныхъ размѣровъ *храмъ*. Аллея, уставленная съ двухъ сторонъ сфинксами, вела ко входу, который находился между двумя высокими башнями, такъ называемыми пилонами. Передъ главнымъ фасадомъ храма высились два обелиска, ста-

12. Развалины луксорскаго храма.



13. Статуя египетскаго царя.

вились колоссальныя статуи фараоновъ. За обширнымъ дворомъ, окруженнымъ колоннадой, слѣдовали крытыя помѣщенія, и въ одномъ изъ нихъ въ полной тьмѣ помѣщалась статуя божества; входъ сюда дозволялся лишь жрецамъ и фараонамъ. Главнымъ украшеніемъ храмовъ являлись колонны разнообразныхъ формъ. И стѣны храмовъ и колонны украшались красочными изображеніями и испещрялись іероглифами. Грандіозными храмами, развалины которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ, являются храмъ Амона въ *Карнакѣ* и храмъ въ *Луксорѣ* (рис. 12) — оба типичные образцы сооруженій подобнаго рода. Къ этому же времени относятся храмы высѣченные въ скалахъ, напр., въ Абу-Симбелѣ.

Жилыхъ помѣщеній до насъ не дошло; по сохранившимся рисункамъ можно заключить о роскоши и грандіозности дворцовыхъ сооруженій и о бѣдности построекъ простыхъ людей.

Скульптура новаго царства, технически болѣе совершенная, безжизненнѣе скульптуры древняго царства. Воспроизводимый типъ однообразенъ: улыбка, постоянная поза или сидячая, или шагающая, съ принужденно прижатыми къ тѣлу руками (рис. 13). Изъ гигантскихъ статуй этого періода, наиболѣе извѣстны—Аменофиса III въ Ѳивахъ, колоссы Рамсеса передъ храмомъ въ Абу-Симбелѣ. Черты реализма сказываются въ статуѣ Аменхотепа IV (Лувръ).

Рельефы, украшающіе храмы, живо передаютъ различныя сцены изъ жизни фараоновъ.

Послѣ долгаго промежутка, во время котораго Египетъ находился въ сильномъ упадкѣ, искусство опять расцвѣтаетъ въ

Саисѣ (ок. 600—525 до Р. Х.). На скульптурѣ этого времени замѣтно отражается вліяніе древняго и средняго царствъ; въ то же время замѣчается стремленіе къ изяществу, къ живости и чистотѣ формъ (напр., голова Псаметиха III).

Впослѣдствіи тѣсное соприкосновеніе грековъ съ египтянами (съ IV в. до Р. Х.) сказалось въ обоюдномъ культурномъ вліяніи и выработкѣ смѣшаннаго стиля.

2. Искусство Передней Азіи.

Цѣлый рядъ произведенныхъ раскопокъ познакомилъ насъ съ искусствомъ двухъ древнихъ передне-азіатскихъ державъ—Вавилоніи и Ассиріи.

Искусство *Вавилоніи* служило, главнымъ образомъ, прославленію дѣяній боговъ и правителей. Немногое можно возстановить по оставшимся *архитектурнымъ памятникамъ*, такъ какъ матеріаломъ построекъ являлась глина. Храмы строились въ видѣ цѣлаго ряда террасъ, которыя постепенно уменьшались кверху и заканчивались святилищемъ божества, ихъ дошло до насъ незначительное количество. Дворцы представляли собою открытые дворы, вокругъ которыхъ группировались комнаты и залы; стѣны ихъ были украшены глазированными кирпичами. *Скульптура* была очень развита у вавилонянъ, изображенія людей поражаютъ реальностью чертъ и своеобразіемъ. Примѣромъ могутъ служить діоритовыя статуи, изображающія царей (найдены въ развалинахъ дворца въ *Телло*). Во всѣхъ фигурахъ замѣчается стремленіе точно воспроизводить природу: нѣсколько мясистое тѣло покрыто гладкой одеждой, сложенныя руки прижаты къ груди, ноги плотно сдвинуты. Несмотря на нѣкоторые недостатки исполненія, напр., укороченность и широту формъ, эти статуи являются прекраснымъ образцомъ древне-вавилонскаго ваянія.

Съ IX в. въ Месопотаміи господствуютъ *ассирійцы*. Воинственный характеръ ихъ дѣятельности отразился и на искусствѣ. Ассиріійцы многимъ въ культурномъ отношеніи были обязаны вавилонянамъ, и въ области искусства они во многомъ являются ихъ послѣдователями. Изъ памятниковъ ихъ архитектуры сохранились развалины дворцовъ въ *Нимрудѣ* (IX в. при Ассурнарзирпалѣ), *Хорсабадѣ* (VIII в. при Саргонѣ) и *Куюнджикѣ*. Главнымъ матеріаломъ для построекъ служилъ кирпичъ. Стѣны были облицованы известняковыми или алебастровыми плитами, полъ покрывался камнемъ или глиной. Въ постройкахъ часто примѣнялись своды; колонны также были извѣстны. Великіе

ассирійскіе цари, создавая себѣ дворцы, которые должны были прославить ихъ могущество, старались украшать ихъ, какъ можно богаче. Скульптура и живопись служили архитектурѣ: множество рельефовъ, полосъ изъ глазированныхъ плитокъ украшали дворцы: клинообразныя надписи испещряли рельефы и каменныя плиты.

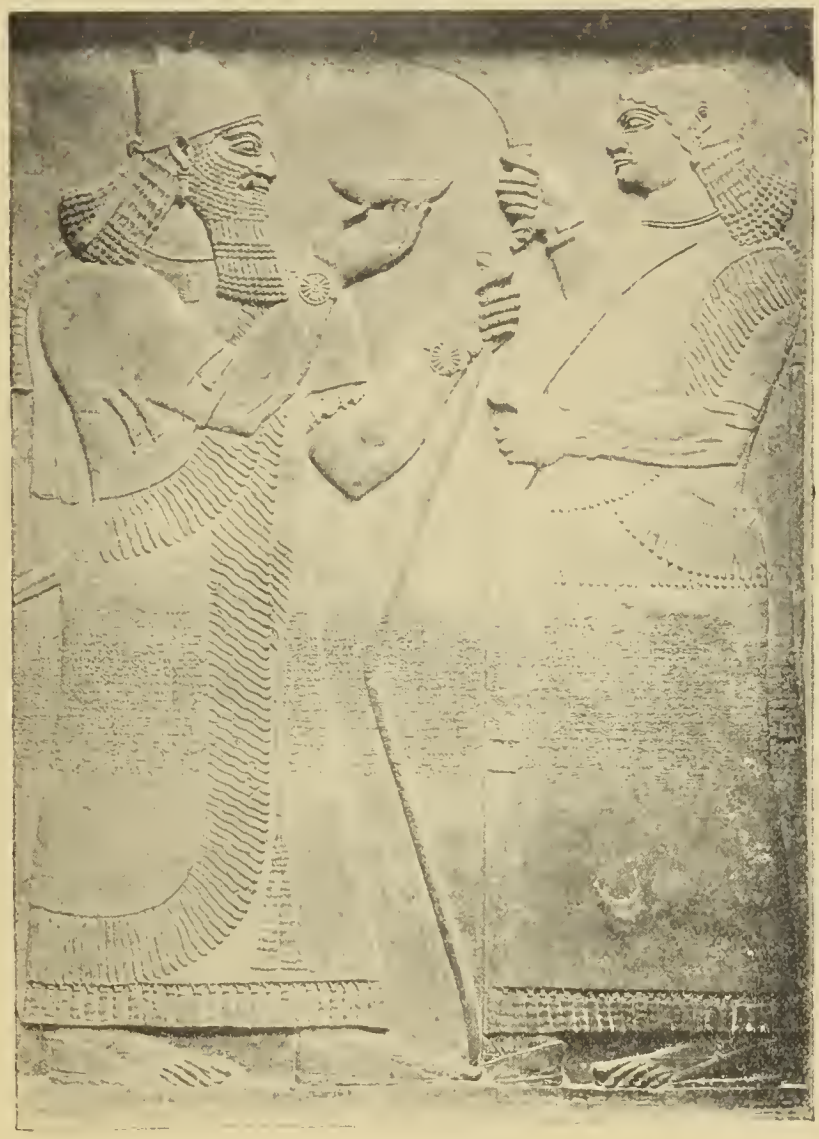
Стѣнные рельефы, найденные во дворцахъ въ Нимрудѣ, Хорсабадѣ и Куюнджикѣ, служили для прославленія побѣдъ и могущества повелителей, всѣ они отличаются отсутствіемъ индивидуальности и духовной жизни. Формы громоздки, передача условна. Женщины почти совсѣмъ не изображались; цари и воины представлялись бородатыми, слуги же безбородыми и всѣ въ профиль (рис 14). Больше удовлетворяютъ насъ изображенія животныхъ (раненый левъ, изрыгающій кровь изъ пасти, умирающая львица съ отнявшимися задними ногами). Дошедшіе до насъ рельефы (очень плоскіе) изображаютъ сцены изъ военной жизни, изъ царской охоты или прямо изъ обыденной жизни. Характерными статуями являются быки и львы съ бородатыми мужскими головами, стоящіе настражѣ по бокамъ воротъ.

Любопытны образцы ассирійской живописи на глазированномъ кирпичѣ, изображающіе людей, животныхъ и различные орнаменты (преобладающіе цвѣта—голубой и желтый).

Послѣ смерти Асурбанипала начинается паденіе Ассиріи, и въ VII в. вавилоняне, разрушивъ столицу Ассиріи — Ниневію, основываютъ новое Вавилонское царство. Вавилону пытаются возвратить прежній блескъ, но ново-вавилонское искусство просуществовало недолго: въ VI в. эту страну покоряютъ персы подъ предводительствомъ царя Кира.

Искусство *Персіи*, созданное царями и для царей, носитъ отпечатокъ цѣлаго ряда чужеземныхъ вліяній — мало-азіатскаго, египетскаго, греческаго. Древнѣйшіе памятники персидскаго искусства найдены въ резиденціи царя Кира въ Пасаргадахъ. Лучше всего сохранилась *гробница Кира*, постройка въ видѣ домика съ двускатной крышей, возвышающагося на шести высокихъ ступеняхъ; въ этой постройкѣ замѣтно греческое вліяніе. Отъ дворца Кира осталось очень мало. Раскопки въ *Персеполѣ*, новой столицѣ Персіи, даютъ намъ иной родъ памятниковъ — гробницы въ скалахъ и остатки дворцовъ. Дворцовыя сооруженія нѣсколькихъ царскихъ поколѣній были построены на общей террасѣ, къ которой вела широкая лѣстница; онѣ состояли изъ роскошныхъ залъ и портиковъ. Ядро построекъ было выведено изъ кирпича, облицованнаго темно-чернымъ известнякомъ. Рельефы, украшавшіе стѣны, представляли пре-

имущественно торжественныя шествія царей, ихъ побѣды надъ чудовищами, воиновъ, оберегающихъ повелителя или несущихъ ему дары. Изображаемыя фигуры очень однообразны и безжизненны по формамъ и движеніямъ. Болѣе интереснымъ образ-



14. Ассирійскій рельефъ (царь Асурназирпалъ).

цомъ національнаго творчества является персидская колонна съ характерною капителью, изображающею переднія части двухъ быковъ или львовъ, соединенныхъ спинами. Очень красивы фризы, составленные изъ цвѣтныхъ глазированныхъ плитъ, напр., фризъ, найденный во дворцѣ Артаксеркса въ Сузѣ, съ изображеніями идущихъ царскихъ лучниковъ, и фризъ со львами.

3. Греческое искусство.

На мѣстахъ, впослѣдствіи заселенныхъ греческими племенами, благодаря многочисленнымъ раскопкамъ, найдены остатки древнѣйшей культуры за 2000 — 1200 л. до Р. Х. Культура эта, въ виду того, что цѣннѣйшіе памятники найдены на островѣ Критѣ и въ Микенахъ, получила названіе — *критско-микенской*. Раскопки Эванса на *Критѣ* проливаютъ свѣтъ на эту культуру, памятникомъ которой являются развалины дворца царя Миноса въ Кноссѣ.

Громадную роль въ исторіи археологическихъ открытій сыграли нѣмецкіе ученые *Шлиманъ* и *Дёрпфельдъ*. Они разрыли въ Малой Азіи холмъ, носящій теперь названіе Гиссарлыка, въ которомъ находилось 6 поселеній, расположенныхъ одно надъ другимъ. Тутъ найдены были остатки жилыхъ помѣщеній, множество различныхъ предметовъ изъ золота, серебра, бронзы, камня, сосуды изъ обожженной глины.

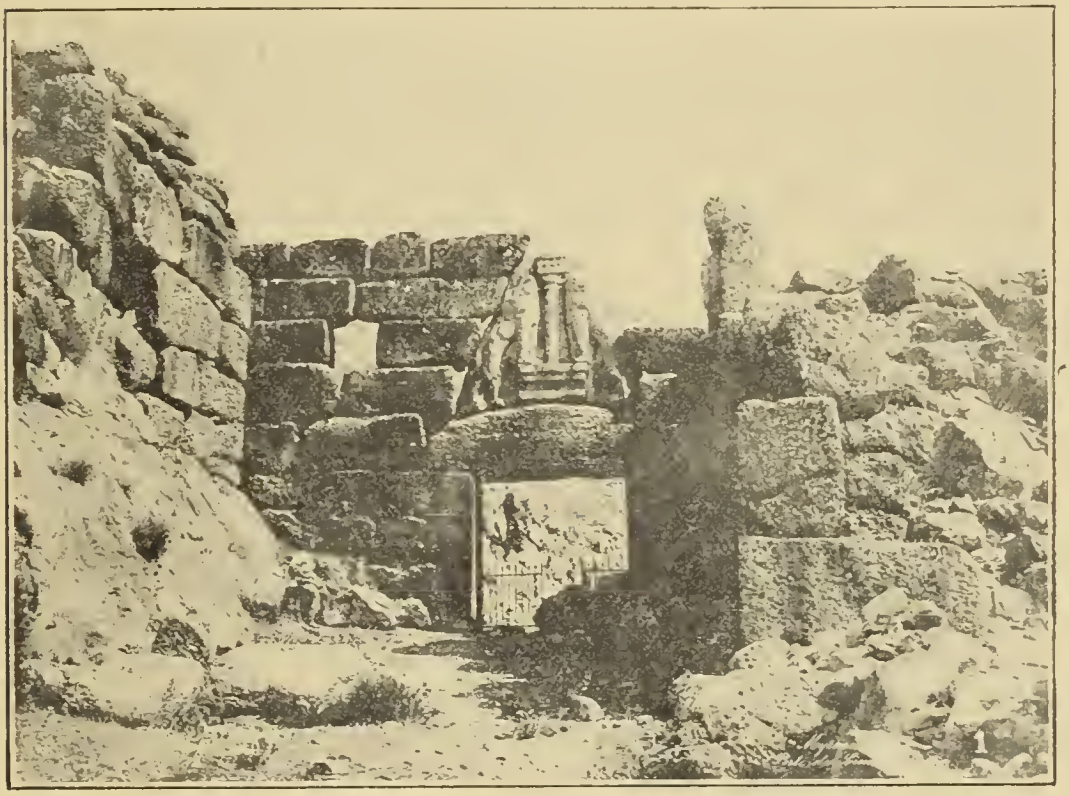
Много цѣннаго дали раскопки въ Пелопоннесѣ, въ древнихъ столицахъ *Микенахъ* и *Тиринѳѣ*. Въ нихъ царствовали княжескіе роды; археологическія данныя свидѣтельствуютъ намъ о ихъ любви къ роскоши, остатки монументальныхъ сооруженій сообщаютъ о неограниченной власти микенскихъ владыкъ.

Главнѣйшими архитектурными памятниками этой эпохи являются остатки городскихъ стѣнъ, дворцовъ и гробницъ. Микенскій кремль прославился своими «Львиными воротами» (рис. 15): на огромномъ камнѣ высѣченъ рельефъ, изображающій двухъ поднявшихся на переднія лапы львовъ; между ними—утолщающаяся кверху колонна. Насколько возможно хорошо изслѣдованы остатки дворцовъ. Строительнымъ матеріаломъ для фундамента служилъ камень, а для стѣнъ—необожженный кирпичъ, проложенный деревянными брусьями; внутреннія стѣны облицовывались и расписывались. Прекраснымъ образцомъ дворцовыхъ сооруженій является дворецъ въ Тиринѳѣ. Примѣромъ подземныхъ купольныхъ гробницъ является такъ называемая «сокровищница царя Атрея» въ Микенахъ.

Изъ скульптурныхъ работъ дошли до насъ рельефы. Затѣмъ очень много было найдено въ могилахъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ предметовъ, высоко стоящихъ въ художественномъ отношеніи.

Несравненно яснѣе рисуется предъ нами ходъ развитія греческаго искусства въ позднѣйшіе вѣка, когда греческія племена осѣли послѣ ряда переселеній и основали множество колоній по всему Средиземному морю. Страны, занятыя греками, отличались

красотой положенія, богатствомъ и разнообразіемъ природы, что помогало развиваться врожденнымъ художественнымъ дарованіямъ грековъ. Народонаселеніе Греціи принадлежало къ арійской расѣ. Основными чертами характера грековъ было сознаніе личности и стремленіе къ свободѣ. Греки поклонялись множеству боговъ, которые, по ихъ представленію, обитали на Олимпѣ. Народная фантазія олицетворяла ихъ въ идеальные образы благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой природы. Греческое искусство воплотило эти идеальные божественные образы въ своихъ



15. Львиныя ворота въ Микенахъ.

лучшихъ поэтическихъ созданіяхъ, въ которыхъ красота занимала главное мѣсто.

Въ первый періодъ развитія греческаго искусства на немъ сказывается *вліяніе восточныхъ народовъ*, но все же греки никогда не были простыми подражателями, они всегда вносили свое въ чужеземные образы, а впослѣдствіи пробудившійся эллинскій геній сбрасываетъ восточное вліяніе и создаетъ самобытное искусство.

Ранній періодъ греческаго искусства (VIII—V вѣка до Р. Х.) обыкновенно называется *архаическимъ*, т.-е. стариннымъ. Образуется цѣлый рядъ художественныхъ центровъ—въ Аттикѣ, въ

Пелопоннесѣ, Малой Азіи, Великой Греціи (Южная Италія). Въ архитектурѣ господствуютъ въ это время два стиля,—*дорійскій* и *іонійскій*,—которые примѣняются, главнымъ образомъ, въ храмовыхъ постройкахъ. Ядромъ *греческаго храма* является продолговатый четырехугольникъ, обнесенный глухими стѣнами, съ дверями, обращенными къ восходу солнца. Передъ короткими стѣнами бываетъ иногда портикъ, все это обносится затѣмъ въ болѣе обширныхъ сооруженіяхъ колоннадой (напр., Парѳенонъ имѣлъ по 8 колоннъ на короткихъ и 17 на длинныхъ сторонахъ). Надъ колоннами настилались гладкія, каменныя балки (архитравъ); надъ ними декоративная часть (фризъ) или (въ дорійскомъ стилѣ) изъ чередующихся столбиковъ съ желобками (триглифы) и плитъ, иногда расписанныхъ или покрытыхъ скульптурой (метопы), или (въ іонійскомъ стилѣ) представляющая непрерывную ленту. Затѣмъ идетъ карнизъ. По короткимъ сторонамъ двухскатной крыши образуются треугольныя поля (фронтоны), которые большею частью украшены рельефами или статуями. Матеріаломъ для постройки служилъ известняковый камень, который покрывался штукатуркой, а въ болѣе богатыхъ постройкахъ — мраморъ.

Дорійскій стиль характеризуется, главнымъ образомъ, своей своеобразной колонной: суживаясь кверху, она не имѣетъ основанія (базы) и поднимается прямо съ пола. Поверхность ея покрыта неглубокими желобками. Капитель отличается простотой: она состоитъ изъ подушки и надъ нею квадратной плиты.

Колонна *іонійскаго стиля* ставилась на особую подставку (базу). Стволъ колонны тоньше, суженіе кверху незамѣтно. Главнымъ же отличіемъ іонійской колонны является ея капитель съ завитками.

Образцомъ архаической живописи служили расписныя *греческія вазы*, найденныя въ большомъ количествѣ въ могилахъ Греціи, Италіи, Сициліи и т. д. Въ первое время разсматриваемой эпохи господствуетъ геометрическій стиль, называвшійся такъ по характеру украшеній. На сѣро-желтомъ фонѣ исполнялись темно-коричневые орнаментальные мотивы, которые позднѣе замѣняются изображеніемъ животныхъ и людей. Въ VI в. до Р. Х. Аѳины становятся во главѣ гончарнаго производства. Появляются чернофигурныя вазы, т.-е. вазы съ черными лаковыми фигурами на болѣе или менѣе красноватомъ глиняномъ фонѣ. Позднѣе появляются краснофигурныя вазы, т. е. вазы съ фигурами цвѣта жженой глины на черномъ фонѣ. На тѣхъ и другихъ вазахъ изображались, кромѣ орнаментовъ, также разнообразныя миѳологическія и изъ обыденной жизни сцены. Много

вазъ, часто помѣченныхъ именами мастеровъ, расходилось по древнему міру.

Высшему расцвѣту греческаго искусства — эпохѣ Перикла — предшествуетъ *переходный періодъ*. Крупнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ немногими дошедшими до насъ произведеніями VI в., являются *эгинскія скульптуры* (въ храмѣ на островѣ Эгинѣ), относящіяся ко II-ой четверти V в. до Р. Х. Онѣ представляютъ собою фронтонныя группы, изображающія битвы героевъ въ присутствіи Аѳины, покровительницы грековъ. Несмотря на нѣкоторые архаическіе пріемы, здѣсь замѣчается сравнительно свободная постановка фигуръ и равновѣсіе въ ихъ распредѣленіи.

Слѣдующей ступенью развитія являются скульптуры съ храма Зевса въ Олимпіи, въ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе реализмъ изображенія. Выдающійся скульпторъ *Миронъ*, жившій во II половинѣ V в. до Р. Х., работалъ преимущественно изъ бронзы, что давало ему возможность лучше разрѣшить проблему движенія. Примѣромъ можетъ служить статуя «Дискобола» — юноши, изображеннаго въ моментъ бросанія диска.

Въ области живописи въ переходную эпоху прославился художникъ *Полигнотъ*, написавшій много стѣнныхъ картинъ, изображающихъ миѳологическія и историческія сцены; но онѣ не дошли до насъ и судить о нихъ до извѣстной степени можно только по вазовымъ рисункамъ, въ которыхъ отразилось его творчество.

По окончаніи персидскихъ войнъ происходятъ большія перемѣны во всѣхъ областяхъ греческой жизни. Первенствующее положеніе занимаютъ Аѳины, прославившіяся на полѣ битвы. Полный расцвѣтъ культуры наступаетъ въ эпоху господства Перикла. Вся художественная дѣятельность этого періода связана съ именемъ славнаго скульптора *Фидія*, ближайшаго сотрудника Перикла.

Блестящимъ памятникомъ архитектуры этого періода являются сооруженія *Акрополя*. На возвышенной площади холма былъ выстроенъ храмъ, посвященный Аѳинѣ-Палладѣ,—*Парѳенонъ* (рис. 16). Весь изъ бѣлаго мрамора съ богатой раскраской, Парѳенонъ поражалъ глазъ своей красотой и соразмѣрностью частей и являлся совершеннѣйшимъ образцомъ дорійскаго храма. Его скульптура представляетъ цѣннѣйшій памятникъ искусства, на которомъ такъ или иначе сказалось вліяніе Фидія. Здѣсь изображены сцены борьбы: на восточной сторонѣ боги сражались съ гигантами; на западной — аѳиняне съ амазонками; на сѣверной — сцены изъ Троянской войны; на южной — бой грековъ съ кентаврами. На фризѣ было представлено торжественное шествіе, заканчивающееся подношеніемъ богинѣ одѣянія

16. Парѳенонъ.

во время великаго всеаѳинскаго праздника (разъ въ пять лѣтъ). На восточномъ фронтонѣ изображалось рожденіе Аѳины изъ головы Зевса, на западномъ — споръ Аѳины съ Посейдономъ изъ-за Аттики. Въ этихъ скульптурныхъ произведеніяхъ, принадлежавшихъ нѣсколькимъ художникамъ, живость и реальность исполненія соединена съ торжественной возвышенностью. Передача душевнаго настроенія, прекрасная моделировка тѣлъ, тонкая отдѣлка одеждъ ставятъ ихъ неизмѣримо высоко.

Противъ Парѳенона лежалъ *Эрехѳейонъ*, храмъ, посвященный Аѳинѣ и Посейдону, іонійскаго стиля. Изящный, какъ бы составленный изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ зданій, этотъ храмъ представляетъ контрастъ съ грандіознымъ Парѳенономъ. Небольшой южный портикъ поддерживался фигурами прекрасныхъ дѣвушекъ (рис. 17). Къ Акрополю велъ широкій подъемъ, который заканчивался роскошными воротами — *Пропилеями*. Посреди Акрополя высилась огромная бронзовая статуя Аѳины-Воительницы; а въ самомъ Парѳенонѣ большая статуя *Аѳины-Дѣвы*, изваянная Фидіемъ изъ золота и слоновой кости.

Эпоха расцвѣта греческой пластики является эпохой созданія идеаловъ боговъ. Народъ еще проникнутъ глубокой

вѣрой въ боговъ, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на могучихъ защитниковъ. Яркимъ выразителемъ художественныхъ стремленій эпохи является *Фидій* — скульпторъ боговъ и, главнымъ образомъ, Аѳины. Созданный Фидіемъ для олимпійскаго храма Зевсъ изъ слоновой кости и золота, сидитъ на тронѣ, въ правой рукѣ онъ держитъ статую богини побѣды, а въ лѣвой скипетръ.

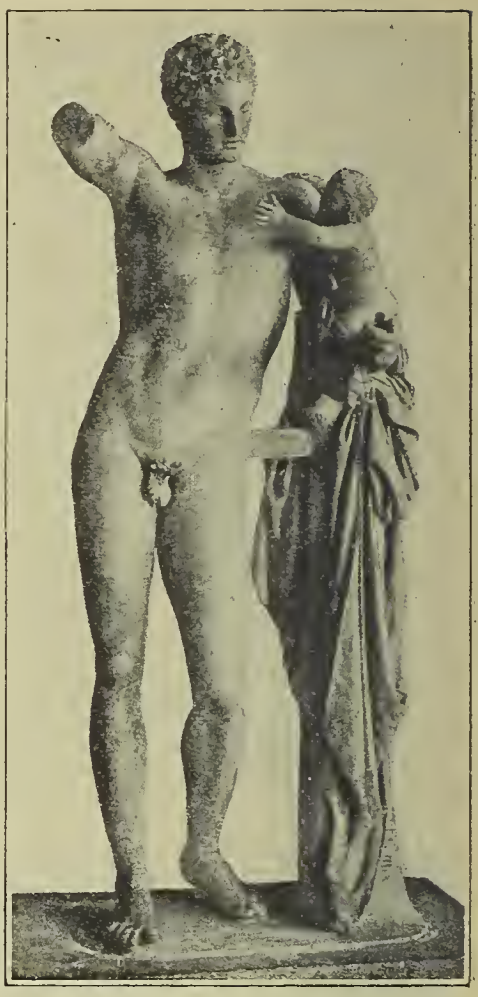
Современникъ Фидія *Поликлетъ* стоялъ во главѣ пелопоннесской школы. Мы можемъ судить объ его художественныхъ идеалахъ по «Дорифору» (копьеносецъ) (рис. 18), а также по «Діадумену» (юноша, надѣвающій на голову побѣдную повязку) и изъ женскихъ фигуръ—по «Раненой Амазонкѣ». Поликлетъ достигъ совершенства въ бронзовой техникѣ. Оригиналовъ его работъ до насъ не дошло, и возможно судить объ его произведеніяхъ лишь по мраморнымъ копіямъ. Цѣлый рядъ славныхъ именъ скульпторовъ относится къ этому же періоду. Художникъ Пеоній создаетъ статую Ники (Побѣды), которая сохранилась до нашего времени. Эта статуя съ развивающимся плащомъ прекрасно передаетъ впечатлѣніе полета.

Четвертый вѣкъ является эпохой войнъ и политическихъ волненій. Религіозное чувство уже не стоитъ такъ высоко у

17. Портикъ Эрехоейона.

народа, какъ раньше. Въ изображаемыхъ религіозныхъ сюжетахъ на первомъ мѣстѣ стоитъ культъ красоты и индивидуальное выраженіе. Въ архитектурѣ въ это время, кромѣ примѣняемыхъ ранѣе дорійскаго и іонійскаго стилей, получаетъ широкое распространеніе *коринѳскій*. Въ сущности это та же іонійская колонна, но еще болѣе стройная, съ капителью, имѣющей видъ высокой корзины, украшенной аканѳовыми листьями.

Величайшими скульпторами этого періода являлись *Скопасъ* и *Праксителъ*. Первый изъ нихъ блестящій техникъ, великолѣпно передавалъ движеніе и страсть, которыми дышатъ его созданія, напр., статуя «Аполлона съ киѳарой», выступающаго подъ звуки инструмента, или опьяненная въ дикомъ неистовствѣ «Вакханка».



19. Гермесъ Праксителя.

18. «Копьеносецъ» Поликлета.

Другимъ крупнымъ художникомъ эпохи является *Праксителъ*, создатель юныхъ прекрасныхъ боговъ---Аполлона, Афродиты, Эрота. Не лишенные оттѣнка чувственности, они отличаются спокойствіемъ и сознаніемъ своей божествен-

ности и являются прекрасными по выраженію и техникѣ произведеніями. Матеріаломъ Праксителю служилъ мраморъ. Въ большомъ числѣ копій до насъ дошелъ его «Отдыхающій Сатиръ». Въ сохранившемся «Гермесѣ», найденномъ въ Олимпіи (рис. 19), мы имѣемъ оригиналъ работы Праксителя. Изображенный непринужденно облокотившимся на древесный стволъ, на который брошена одежда бога, Гермесъ держитъ въ лѣвой рукѣ младенца Діониса, правой же показываетъ ему кисть винограда. Юное нагое тѣло прекрасно моделировано, красивая голова полна одухотворенности. Въ древности особенно славилась «Афродита», стоявшая въ городѣ Книдѣ; о ней мы можемъ судить по изображеніямъ на монетѣ и по дошедшимъ до насъ копіямъ. Статуя изображаетъ нагую богиню, которая готовится войти въ воду, сбросивъ одѣяніе.

20. Аполлонъ Бельведерскій.

Среди цѣлаго ряда извѣстныхъ скульпторовъ этой эпохи надо отмѣтить *Леохара*, которому приписывается созданіе «Аполлона Бельведерскаго» (рис. 20); въ этомъ произведеніи чувствуется юношеская лучезарность и гордое величіе бога.

Лизиппъ, скульпторъ времени Александра Великаго, сильно подвинулъ искусство въ области формы. Изображая, главнымъ образомъ, мужскія фигуры боговъ, онъ выражаетъ въ созданномъ имъ образѣ атлета свой идеалъ красоты. Любимымъ героемъ Лизиппа, который предпочиталъ передавать мощныя фигуры, былъ Гераклъ, изображенный имъ въ различныхъ положеніяхъ. Большой популярностью пользуется «Отдыхающій Гераклъ», который опирается на свою палицу. Лизиппъ былъ прекраснымъ портретистомъ, онъ сдѣлалъ очень много изображеній Александра Великаго.

При преемникахъ Александра Великаго въ искусствѣ замѣтны черты упадка. Аѳины уступаютъ первенство Малой Азіи. Восточные элементы сливаются съ греческими. Центромъ художественной дѣятельности дѣлаются *Пергамъ* и *Родосъ*. Новыя столицы заполняются богатыми, роскошными по отдѣлкѣ постройками.

Произведенія этой эпохи отличаются трагическимъ паѳосомъ, широкимъ декоративнымъ размахомъ или чувственностью. Художникъ стремится къ реальной передачѣ человѣческихъ страстей и щеголяетъ знаніемъ анатоміи и прекраснымъ исполненіемъ деталей. Археологическія изысканія доставили намъ прекрасные скульптурные образцы *пергамской* и *родосской школъ*. На рубежѣ III и II вв. царь Атталъ I украсилъ пергамскій и аѳинскій акрополь скульптурными изваяніями. Примѣромъ трагическаго паѳоса могутъ служить сохранившіяся фигуры, напр., «Умирающій галлъ», и огромный декоративный фризъ Пергамскаго алтаря съ изображеніемъ боя боговъ съ гигантами. Физическое страданіе живо передано въ «Лаокоонѣ съ сыновьями» изъ родосской школы. Вся группа отличается тонкимъ знаніемъ анатоміи и мастерской передачей извивающихся отъ боли и страха тѣлъ. Это произведеніе должно было поражать зрителя своимъ драматизмомъ и бить по нервамъ. «Афродита», найденная на островѣ Милосѣ, — прекраснѣйшее созданіе греческаго искусства — принадлежитъ по времени происхожденія къ этой же эпохѣ, но, вѣроятно, отражаетъ въ себѣ оригиналъ IV в. (рис. 21).

21. Афродита (Венера) Милосская.

Въ области живописи, кромѣ стѣнныхъ картинъ, въ этомъ періодѣ большого совершенства достигаетъ мозаика; образцы

мозаичныхъ половъ сохранилъ намъ Пергамъ. Послѣ завоеванія римлянами Греціи и обращенія ея въ провинцію, греческое искусство оказываетъ огромное вліяніе на римлянъ. Произведенія греческихъ художниковъ появляются въ Римѣ, гдѣ имъ поклоняются и подражаютъ.

4. Римское искусство.

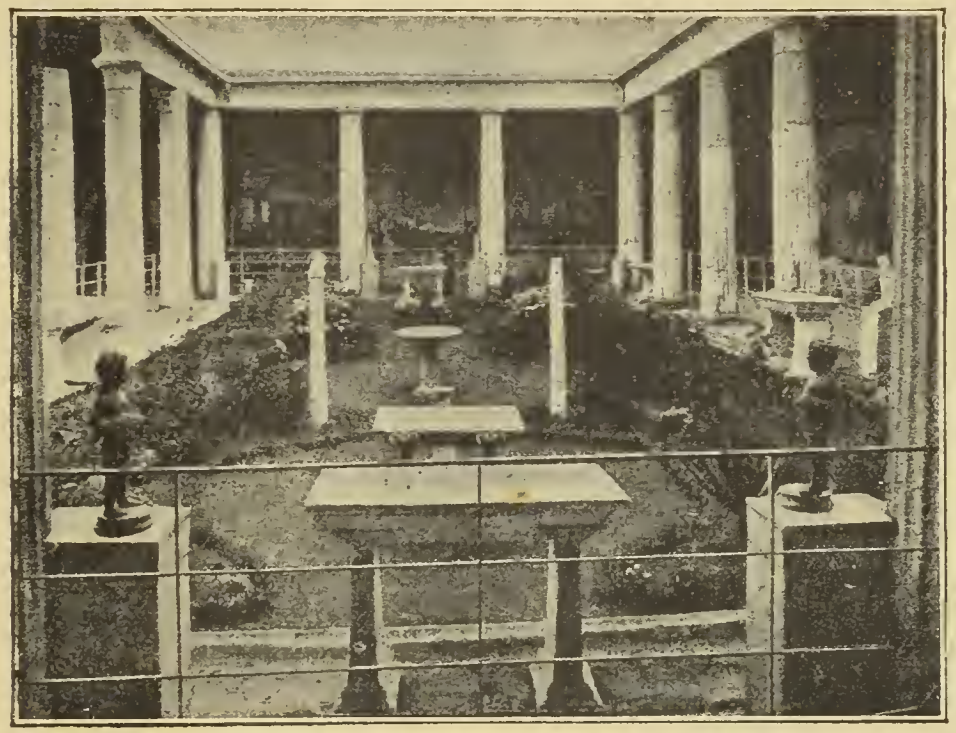
Римское государство образовывалось постепенно, грандіозныя завоеванія далеко расширили первоначальные предѣлы города-общины и сдѣлали Римъ величайшимъ государствомъ древняго міра. На римское искусство оказали вліяніе сначала сосѣди ихъ — *этруски*, которые сами находились подъ греческимъ вліяніемъ (греческія вазы въ этрусскихъ гробницахъ), а послѣ покоренія Греціи Римомъ завоеватели непосредственно ознакомились съ искусствомъ грековъ. Римъ наполняется памятниками греческаго искусства, которые становятся образцами для подражанія. Расцвѣтъ римскаго искусства относится ко времени императоровъ, много сдѣлавшихъ для украшенія своей столицы. Большую самостоятельность проявили римляне въ *зодчествѣ*, которое отличалось богатствомъ, величіемъ и грандіозностью. Они примѣняютъ греческіе ордера колоннъ, главнымъ образомъ, коринѳскій, любимый имп за роскошь, и вносятъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія. Особенностью римскихъ зданій были *арки* и *своды*. Очень многочисленны, разнообразны и интересны были гражданскія сооруженія. Раскопки показываютъ, что главныя постройки въ Римѣ находились на *Форумѣ* (такъ называлась площадь, гдѣ сосредоточивались общественныя зданія), но много ихъ также было разсѣяно въ другихъ частяхъ города и внѣ его. Изъ *храмовъ*, кромѣ прямоугольной формы, въ большомъ употребленіи были круглые, напр., знаменитый *Пантеонъ*, красивый и величавый по замыслу: большой круглый залъ покрытъ громаднымъ куполомъ, у входа высится портикъ на 8 колоннахъ коринѳскаго стиля. Изъ разнообразныхъ гражданскихъ построекъ надо отмѣтить многочисленные *дворцы* императоровъ; до насъ дошли, напр., развалины дворцовъ на Палатинскомъ холмѣ; затѣмъ базилики—зданія, предназначенныя для суда и другихъ дѣловыхъ и торговыхъ сношеній. У римлянъ былъ обычай возводить въ честь императоровъ колонны (такъ, напр., колонна Траяна). Въ честь полководца, возвращавшагося побѣдителемъ, воздвигались *тріумфальныя арки*, въ видѣ богато изукрашенныхъ вратъ (напр., арка Тита, арка Константина Великаго, арка Септимія Севера и др.). Любовь римлянъ къ состяза-

ніямъ разнаго рода, къ представленіямъ требовала построекъ соотвѣтствующаго рода. Театры по своему устройству очень походили на греческіе; до насъ дошли остатки театра Марцелла, вмѣщавшаго 20.000 зрителей, а изъ *амфитеатровъ* (мѣсто боя гладіаторовъ) особенно прославился Колизей, грандіозный по своимъ размѣрамъ и строго величественный по своимъ формамъ. Огромная арена была окружена со всѣхъ сторонъ мѣстами для сидѣнія, высившимися на нѣсколько этажей. Оставшіяся до сихъ поръ развалины этого гиганта производятъ могучее впечатлѣніе. Что касается *частныхъ жилищъ*, то прекрасные образцы намъ сохранила *Помпея*, провинціальный городокъ, лежавшій у подножія Везувія. Дома прекрасно сохранились со всей своей обстановкою. Внѣшній видъ дома очень простъ, внутри же онъ богато изукрашенъ. Пріемная атріумъ и перистиль, т.-е. открытый дворъ съ колоннами и были окружены жилыми покоями. Между атріумомъ и перистилемъ находился таблинумъ, такъ сказать, кабинетъ хозяина. Вотъ образецъ частнаго дома римлянъ, который, конечно, сообразно состоятельности хозяина, былъ богаче или бѣднѣе (напр., изящный перистиль въ домѣ Веттіевъ въ Помпеѣ на рис. 22). Нужно отмѣтить, что, кромѣ одноэтажныхъ домовъ, строились и многоэтажные, въ нихъ селились бѣдняки. Римляне были прекрасными инженерами; свое искусство они проявили въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ, каналахъ и мостахъ. Провинціи Римской имперіи также были заполнены памятниками римскаго искусства, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., въ теперешней Франціи и въ Сѣверной Африкѣ сохранились прекрасные образцы.

Въ области *скульптуры* римляне находились подъ сильнымъ вліяніемъ грековъ; самостоятельность римскаго творчества проявляется въ портретной скульптурѣ, которая достигаетъ совершенства. Прекрасное знаніе анатоміи, детальная наблюдательность, реальная передача поражаютъ насъ въ многочисленныхъ портретныхъ бюстахъ и статуяхъ. Лучшими образцами могутъ служить характерный бюстъ Каракаллы и статуя Августа.

Живопись римлянъ носила по преимуществу характеръ декоративный. Прекраснымъ памятникомъ этого рода являются богато-расписныя стѣны Помпеи и Геркуланума. Расписываемыя стѣны раздѣлялись на части и украшались картинами, преимущественно, копіями лучшихъ греческихъ образцовъ, которыя обрамлялись нарисованной же рамой. Сцены, изображаемыя на картинахъ, были миѳологическія, изъ домашней жизни, затѣмъ въ большомъ ходу были ландшафты, изображенія звѣрей и плодовъ и т. д.

Нѣкоторое развитіе получила портретная живопись: до насъ дошли портреты, писанные на стѣнахъ, а кромѣ того, много греческихъ портретовъ мумій въ Египтѣ. Эти портреты, точно воспроизводившіе индивидуальныя черты, рисовались на деревянныхъ доскахъ, которыя клались на лицо умершаго, въ подражаніе древне-египетскому обычаю.



22. Домъ Веттіевъ въ Помпеѣ.

Большого совершенства достигла у римлянъ *мозаика* [1]), которой преимущественно покрывали полы и украшали стѣны. Наиболѣе художественной мозаикой, найденной въ Помпеѣ, является «битва Александра Македонскаго съ персидскимъ царемъ Даріемъ».

Съ паденіемъ западной Римской имперіи античное искусство не сразу прекращаетъ свое существованіе, вліяніе его замѣтно и въ послѣдующее время.

---

[1]) Разноцвѣтныя каменныя плитки, изъ которыхъ выкладывался рисунокъ различныхъ узоровъ и изображеній.

3. Искусство средневѣковья.

1. Древне-христіанское искусство.

Христіанской религіи суждено было появиться и получить первоначальное распространеніе среди народовъ, уже достигшихъ высокаго культурнаго развитія. Поэтому въ формахъ искусства первыхъ христіанъ мы не найдемъ ничего, что бы ихъ отличало отъ формъ римско-греческаго искусства. И лишь постепенно это послѣднее, подъ вліяніемъ новаго содержанія, дававшагося ему новой религіей, а также и другихъ обстоятельствъ (завоеваніе римской имперіи германцами), получаетъ новое направленіе и новую пищу для своего развитія, и такъ вырабатывается своеобразное христіанское искусство.

Самые древніе памятники христіанскаго искусства были найдены въ *катакомбахъ*. Первые христіане устраивали особыя мѣста погребенія—длинные подземные коридоры, называемые катакомбами; самыя извѣстныя изъ нихъ—римскія катакомбы. Во время гоненій на христіанъ въ этихъ же подземельяхъ вѣрующіе собирались для богослуженій. Длинные коридоры катакомбъ расширялись въ прямоугольныя камеры, а въ ихъ стѣнахъ устраивались ниши съ арками, гдѣ ставили гробницы (епископовъ, мучениковъ). Потолки и части стѣнъ такихъ камеръ обыкновенно украшались живописью.

Живопись въ катакомбахъ напоминаетъ помпейскую: это тѣ же свѣтлыя краски, то же распредѣленіе украшеній, изображенія цвѣтовъ, птицъ и крылатыхъ геніевъ, попадаются даже миѳологическія фигуры (напр., пѣвца Орфея). Орфей, игрой на лирѣ укрощающій дикихъ звѣрей, означалъ всепобѣждающую силу церкви, фигура агнца означала Христа, принесеннаго въ жертву за грѣхи міра, фигура рыбы—тоже Христа и т. д. Библейскія сцены, часто изображавшіяся на стѣнахъ камеръ, имѣли тоже прежде всего иносказательное значеніе (исторія пророка Іоны, поглощеннаго и выброшеннаго китомъ, означала чудо спасенія). Такъ вырабатывалась въ христіанской живописи сложная символика. Въ общемъ надо сказать, что живопись въ катакомбахъ имѣла скорѣе свѣтлый, радостный, чѣмъ мрачный характеръ. Живопись была любимымъ искусствомъ христіанъ. Церковь относилась къ *скульптурѣ* менѣе сочувственно, такъ какъ видѣла въ статуяхъ прежде всего идоловъ, которымъ поклонялись язычники римскаго міра. Поэтому число дошедшихъ до насъ ранне-христіанскихъ статуй очень незначительно. Это, главнымъ

образомъ, изображенія *Добраго Пастыря*—пастуха съ овцею на плечахъ, символизовавшаго Христа и спасенную имъ душу. Въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ хранится самая изящная изъ такихъ статуй. Въ ней поражаетъ юношески-свѣтлое выраженіе благороднаго лица Пастыря (рис. 23).

Что касается *архитектурныхъ* сооруженій христіанъ, то письменныя свидѣтельства той эпохи говорятъ намъ, что христіанскія церкви строились еще во II вѣкѣ, но ни одна изъ нихъ не дошла до насъ. Послѣ указа о вѣротерпимости, изданнаго императоромъ Константиномъ въ 313 году, особенно оживляется церковное строительство. Древне-христіанскіе храмы на Западѣ получили названіе *базиликъ*. Это длинное зданіе, которому предшествуетъ четырехугольный дворъ съ фонтаномъ по серединѣ для омовенія рукъ входящихъ во храмъ; двумя продольными рядами колоннъ зданіе дѣлится на 3 части, или «корабля». Конецъ средняго корабля, противоположный входу, завершается углубленіемъ въ стѣнѣ, абсидой, гдѣ помѣщается алтарь и находится духовенство во время службы. Стѣны базилики покрывались двускатной крышей и плоскимъ потолкомъ. Несмотря на многія частныя измѣненія, въ главныхъ чертахъ это устройство христіанскихъ храмовъ сохранилось до сихъ поръ. Кромѣ храмовъ базиличной формы, на Западѣ въ эту эпоху сооружали также центрально-купольныя церковныя постройки (съ планомъ въ видѣ круга или равносторонняго креста). Примѣромъ такихъ построекъ въ Римѣ служитъ круглая церковь св. Констанцы, въ Равеннѣ—*церковь св. Виталія*. Въ V вѣкѣ Равенна занимаетъ выдающееся положеніе. Правители Зап. Римской имперіи выбираютъ ее своей резиденціей, и она дѣлается столицей, вмѣсто Рима. Здѣсь возникаетъ рядъ интересныхъ архитектурныхъ сооруженій. Равеннскій дворъ при остготскомъ королѣ Теодерихѣ Великомъ старался подражать пышному византійскому двору, и въ памятникахъ искусства Равенны замѣтно византійское

23. Христосъ въ видѣ Добраго Пастыря.

вліяніе. Особенно это вліяніе сказывается въ церкви св. Виталія. Церковь богато украшена мозаикой и производитъ своеобразное и очаровательное впечатлѣніе. Изъ остальныхъ памятниковъ Равенны надо упомянуть о надгробномъ *памятникѣ Теодориха Великаго*. Это—круглое зданіе съ массивнымъ куполомъ. По общему плану оно напоминаетъ усыпальницы римскихъ императоровъ, но въ орнаментѣ изъ остроконечныхъ линій замѣтно уже новое германское вліяніе. Античное преданіе понемногу гаснетъ въ памяти людей, въ искусствѣ выступаютъ представленія и образы, созданные фантазіей новыхъ, еще юныхъ, народовъ.

2. Византійское искусство.

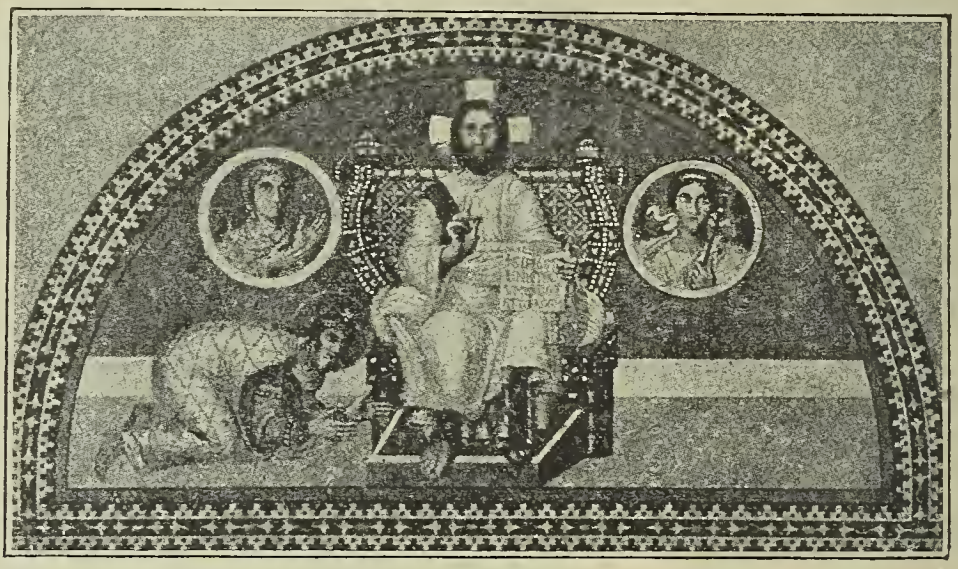
Христіане первыхъ вѣковъ мало сдѣлали для созданія новаго, самостоятельнаго искусства. Впервые такое искусство зарождается на Востокѣ, въ Византіи, и этому способствовалъ цѣлый рядъ историческихъ условій. Византія лежала въ сторонѣ отъ пути, по которому хлынула волна германскаго переселенія, и поэтому восточная столица Римской имперіи не подвергалась такъ часто опустошительнымъ набѣгамъ, какъ западные города. Близость Византіи къ Азіи способствовала распространенію въ ней вліянія азіатскаго Востока, съ его любовью къ роскоши, пестротѣ и украшеніямъ. Все это было лишь благопріятными условіями для развитія новаго искусства, а окончательное торжество христіанской религіи и значеніе духовенства сдѣлали это зарождающееся искусство служителемъ церкви, выразителемъ христіанскаго настроенія. Наибольшаго блеска византійское искусство достигаетъ въ VI вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ; самое блестящее созданіе византійской архитектуры этого времени—*храмъ св. Софіи* въ Константинополѣ (рис. 24). Въ этомъ величественномъ зданіи впервые была разрѣшена задача купольнаго покрытія четырехугольнаго основанія храма, и это составляетъ заслугу византійскихъ зодчихъ. Купольныя постройки существовали и въ древности и въ первые вѣка христіанства, но это были круглыя зданія, а если многоугольныя, то лишенныя необходимой связи между круглымъ куполомъ и многоугольнымъ основаніемъ. Установивъ эту связь, этотъ постепенный переходъ при помощи такъ наз. парусовъ, или сферическихъ треугольниковъ, заполняющихъ пространство между куполомъ и углами стѣнъ, византійское зодчество создало типъ величественнаго купольнаго христіанскаго храма, который прочно утвердился во всѣхъ восточныхъ христіанскихъ странахъ. Храмъ св. Софіи состоитъ изъ трехъ кораблей—одного широкаго и двухъ болѣе узкихъ. Середина средняго ко-

рабля, квадратная въ основаніи, покрыта мощнымъ куполомъ, опирающимся на массивные столбы, соединенные другъ съ другомъ величественными арками. Роскошныя украшенія изъ цѣннаго камня внизу и изъ мозаики наверху еще выигрываютъ отъ обильнаго освѣщенія въ верхней части зданія. Но не этотъ блескъ богатаго убранства храма поражаетъ входящаго: поражаетъ величественность общаго вида и то впечатлѣніе величественности и строгаго единства, которое даетъ господствующій надъ всѣмъ куполъ. Впослѣдствіи въ византійскихъ храмахъ уже не довольствуются однимъ куполомъ, а дѣлаютъ ихъ нѣсколько и помѣщаютъ на цилиндрическихъ каменныхъ барабанахъ. Внѣшнія стѣны украшаются колонками и арками. Такой типъ церквей распространяется по всѣмъ христіанскимъ странамъ Востока, между прочимъ, и въ Россіи.

24. Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ (внутренній видъ).

Въ византійской *живописи* полнѣе всего отразился христіанскій духъ, христіанское настроеніе. Несмотря на то, что, въ своемъ развитіи, византійская живопись все время питалась античнымъ преданіемъ, она создала вполнѣ новые и оригинальные образы и типы. Въ византійской живописи появляются величавыя, строгія фигуры, какъ нельзя болѣе подходящія къ величественному виду византійскихъ храмовъ. Отъ строгихъ лицъ, глядящихъ на насъ съ этихъ мозаикъ, вѣетъ неземнымъ величіемъ, серьезной сосредоточенностью, духовной проникновенностью (рис. 25). Всего этого не знало античное искусство. Но, къ сожалѣнію, византійская живопись, воплотивъ въ этихъ образахъ христіанскія представленія, подъ вліяніемъ церкви,

постаралась закрѣпить за ними эти образы, не допуская въ нихъ измѣненій. Этимъ, конечно, дальнѣйшее развитіе византійской живописи было пріостановлено; въ ней водворяется сухая *шаблонность*, условность фигуръ и рисунка. Несмотря на это, историческое значеніе византійскаго искусства прямо громадно. Вліяніе его на всѣ христіанскія страны Европы и Азіи было очень велико и продолжительно. На Западѣ формы византійскаго искусства часто повторялись и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи (замѣчателенъ *соборъ св. Марка* въ Венеціи,

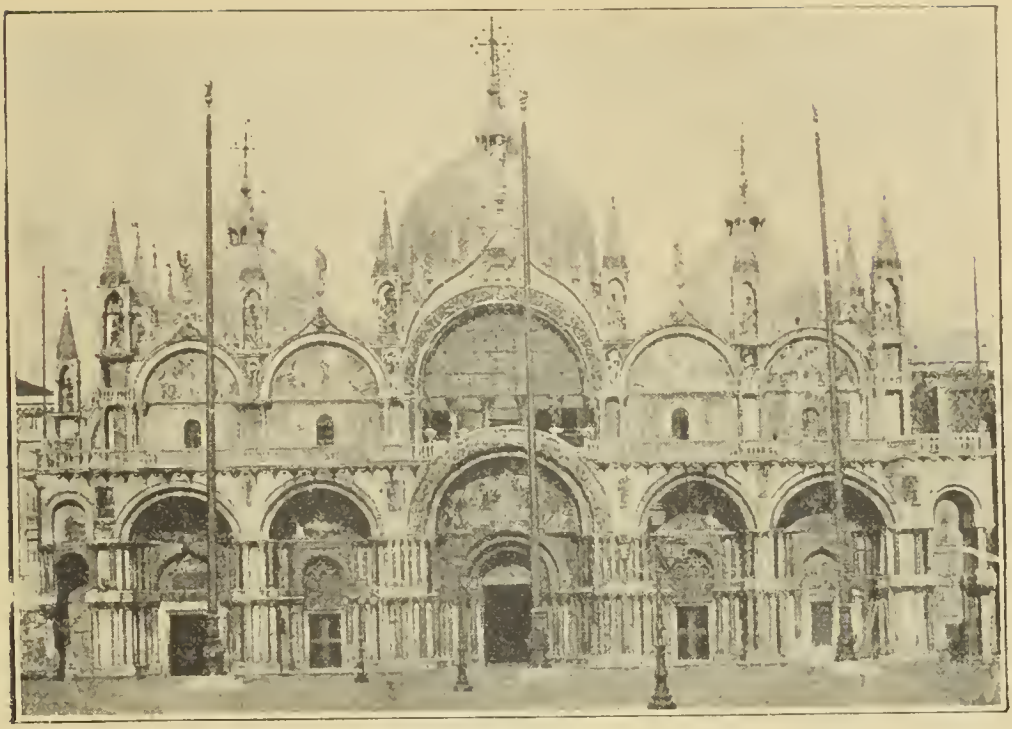


25. Мозаика въ храмѣ св. Софіи (Христосъ на тронѣ и поклоняющійся ему императоръ).

рис. 26). Необходимо отмѣтить и то, что Византія, мало задѣтая передвиженіями варварскихъ народовъ, имѣла для западнаго искусства большое значеніе вообще, какъ главная хранительница античнаго преданія и культуры. На Востокѣ Византія, вмѣстѣ съ христіанствомъ, передала свое искусство такимъ юнымъ христіанскимъ странамъ, какъ Россія, Арменія, Грузія. Даже на искусство нехристіанскаго народа—арабовъ—вліяніе Византіи было очень значительно.

3. Искусство арабовъ.

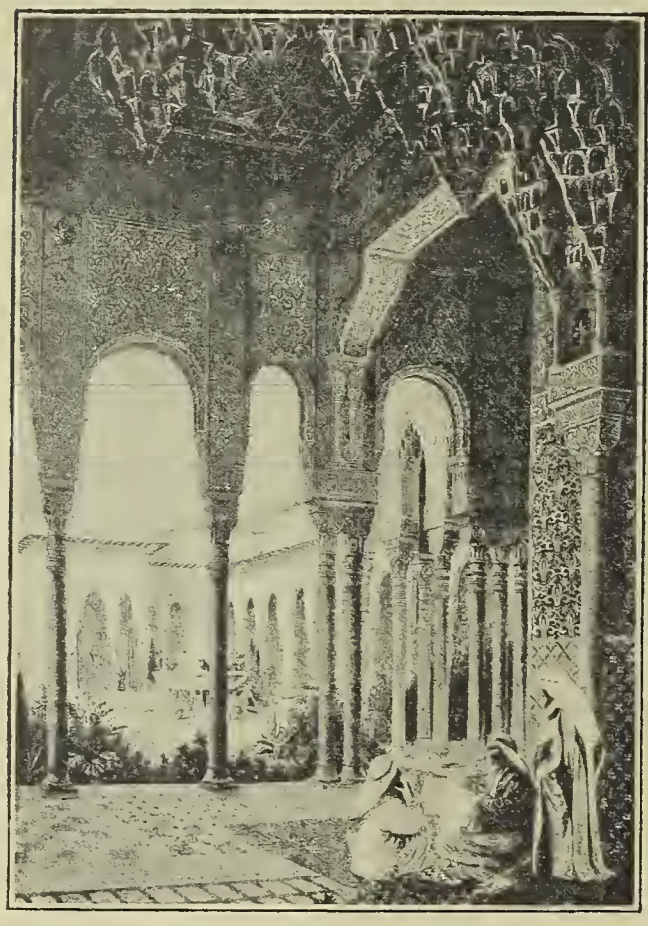
Когда арабскій народъ, воспламененный новымъ религіознымъ ученіемъ своего пророка Магомета, выступилъ распространять свою вѣру «огнемъ и мечомъ», онъ вскорѣ покорилъ все побережье Средиземнаго моря до самой Испаніи. Арабы, одаренные пытливымъ умомъ отъ природы, быстро восприняли западныя



26. Соборъ св. Марка въ Венеціи.

науки и искусство, но, переработавъ ихъ самостоятельно, создали своеобразную арабскую культуру, которая пышно расцвѣла при дворахъ арабскихъ властителей—халифовъ. До начала своихъ завоеваній арабы не имѣли искусства. Сначала они просто обращали въ свои мечети отнятые у покоренныхъ храмы, но потомъ стали строить сами и создали такъ много своеобразнаго и причудливо-новаго, что мы имѣемъ право говорить о самостоятельномъ *арабскомъ*, или *мавританскомъ*, *стилѣ* и искусствѣ. Арабскій стиль выразился только въ архитектурѣ, такъ какъ самая сущность Магометова ученія не давала живописи и скульптурѣ возможности развиться. Магометъ, больше всего боявшійся идолопоклонства, воспретилъ своимъ послѣдователямъ дѣлать изображенія живыхъ существъ. Такимъ образомъ, роль живописи свелась къ украшенію стѣнъ храмовъ фантастическимъ узоромъ изъ листьевъ и геометрическихъ линій, получившимъ названіе *арабесокъ*. Арабы не любили гладкихъ плоскостей и прямыхъ линій: всѣ стѣны они сплошь покрывали орнаментомъ изъ вѣчно ломающихся и самымъ капризнымъ образомъ переплетающихся линій, говорящимъ о безграничной фантазіи арабовъ, и блескомъ яркихъ красокъ напоминающимъ восточные ковры. Часто этотъ орнаментъ дѣлали рельефнымъ, отливая его изъ гипса, а затѣмъ раскрашивая.

Кромѣ арабесокъ, особенностью арабскихъ построекъ является изобиліе колоннъ и разнообразныя формы арокъ. Полукруглыя арки византійскихъ храмовъ казались арабамъ слишкомъ тяжеловѣсными. Арабы сооружали стрѣльчатыя (въ видѣ остроконечной дуги), подковообразныя арки, арки въ формѣ трилистника и т. п. Арки такой хрупкой формы уже не могли употребляться для подпорки тяжелыхъ стѣнъ и сводовъ и служили только, какъ украшеніе.



27. Львиный дворъ въ Альгамбрѣ.

Самаго пышнаго расцвѣта арабская архитектура достигла въ Испаніи. *Кордовскій соборъ*, построенный въ VIII вѣкѣ, снаружи не интересенъ, но внутренній видъ его производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Это — обширное зданіе, раздѣленное на части рядами колоннъ изъ цѣннаго мрамора. Надъ колоннами, соединенными подковообразными арками, возвышаются четырехугольные столбы, также соединенные арками, и такимъ образомъ, когда входишь въ храмъ, то не видишь ничего, кромѣ цѣлой рощи колоннъ и арокъ. Полумракъ, царствующій въ соборѣ и переливы разноцвѣтнаго мрамора и фантастическій узоръ на стѣнахъ создаютъ представленіе о какомъ-то заколдованномъ лѣсѣ. Еще болѣе сказочное впечатлѣніе оставляетъ самый блестящій памятникъ искусства испанскихъ арабовъ *Альгамбра* — мавританскій дворецъ въ Гренадѣ (рис. 27): его галлереи, залы, портики, дворики, окруженные легкими граціозными колонками, несущими воздушныя по своимъ очертаніямъ арки, потолки и своды, украшенные самымъ причудливымъ орнаментомъ, — все вмѣстѣ напоминаетъ сказку. Таковы памятники

арабскаго искусства въ Испаніи. На Востокѣ арабское искусство, вмѣстѣ съ магометанствомъ, утвердилось въ Турціи, Персіи и Индіи. Нельзя не упомянуть, что въ прикладномъ искусствѣ арабы достигли высокаго техническаго совершенства. Въ выдѣлкѣ ковровъ, стекла и золотыхъ вещей арабы долго не имѣли соперниковъ во всей Европѣ.

4. Романское искусство.

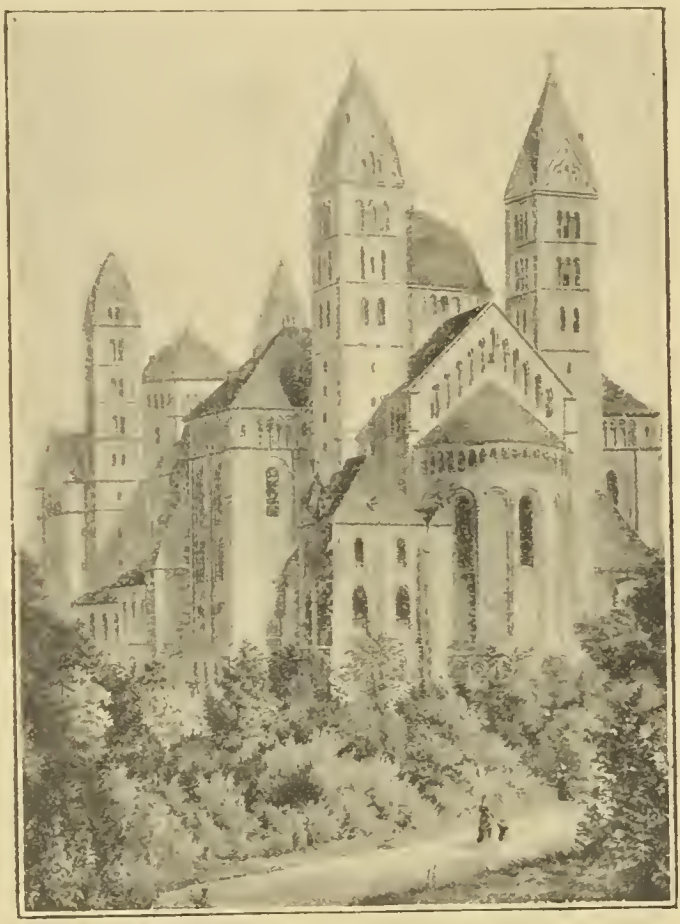
Въ сѣверо-западной Европѣ послѣ того, какъ улеглись первыя волны переселенческаго движенія народовъ, и пришедшія германскія племена прочно осѣли, образовавъ свои королевства, еще долгое время продолжаютъ господствовать формы римскаго искусства, хотя въ значительно огрубѣвшемъ видѣ. Варварскіе короли, проникнутые искреннимъ восхищеніемъ передъ римской культурой и искусствомъ, стремятся украшать свои страны римскими постройками. Меровингскіе короли воздвигаютъ цѣлый рядъ христіанскихъ базиликъ. Духъ германскихъ народовъ еще недостаточно окрѣпъ, чтобы проявлять себя въ искусствѣ. Только въ мотивахъ орнамента, который украшаетъ въ это время страницы священныхъ рукописей, можно замѣтить черты чисто германской фантазіи. Этотъ орнаментъ, либо изъ острыхъ угловъ, либо изъ переплетающихся лентъ, мы встрѣчаемъ еще на самыхъ древнихъ германскихъ украшеніяхъ. Въ правленіе Карла Великаго искусство испытываетъ нѣкоторый подъемъ. Съ Римомъ завязываются болѣе оживленныя сношенія, ко двору призываются образованные итальянцы, наконецъ, изъ Рима привозятъ даже колонны и мраморъ для построекъ. Но этотъ подъемъ искусства прекращается вмѣстѣ со смертью великаго императора; эпоха, послѣдовавшая за смертью Карла Великаго,—IX и X вѣка,—является самой безотрадной эпохой въ исторіи европейскаго искусства. Имперія Карла распалась на рядъ обособленныхъ государствъ, враждовавшихъ другъ съ другомъ; извнѣ эти государства также постоянно подвергались опустошительнымъ нападеніямъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ невзгодъ, не надо забывать и того тяжелаго настроенія, которое овладѣло народомъ въ эту эпоху: 1000-ый годъ по Р. Х. всѣ считали годомъ наступленія кончины міра и готовились къ нему постомъ, молитвой, истязаніями плоти. Въ такое время было не до наслажденія красотой въ природѣ и искусствѣ. Въ такое время всеобщаго уныния, раздоровъ и вражды искусство, казалось, должно было совсѣмъ погибнуть. Его спасительницей была *Церковь*. Она была послѣднимъ убѣжищемъ образованности, унаслѣдованной отъ

древняго міра (христіанское богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ и отъ всѣхъ священнослужителей требовалось знаніе латинскаго чтенія и письма). За крѣпкими стѣнами ея монастырей являлась возможность не только давать пріютъ разореннымъ нашествіями окрестнымъ жителямъ, но и сберечь отъ разрушенія и грабежа латинскія рукописи и нѣкоторыя произведенія искусства. Наконецъ, церковь сумѣла воспользоваться охватившимъ всѣхъ религіознымъ настроеніемъ и направить его на богоугодное дѣло — сооруженіе храмовъ. Этимъ она сослужила великую службу искусству.

Возникающій въ эту эпоху *романскій стиль* въ архитектурѣ является созданіемъ именно духовенства. Высшаго расцвѣта онъ достигаетъ въ XII вѣкѣ. Вообще послѣ мрачной эпохи IX и X вѣковъ въ искусствѣ западныхъ странъ наступаетъ нѣкоторое возрожденіе. Миновалъ страшный 1000-й годъ, но конецъ міра не наступалъ. Воображенія народа болѣе не пугалъ призракъ наступающаго конца, и оно обратилось на болѣе радостные и свѣтлые образы красоты окружающаго міра. Послѣдовали *крестовые походы*, и ихъ участники вернулись на родину, очарованные блескомъ и роскошью Востока, красотой въ его природѣ и художественныхъ произведеніяхъ. Съ другой стороны, за это время германскій духъ настолько окрѣпъ, что германскіе народы выступаютъ уже самостоятельными творцами въ искусствѣ.

Романскій храмъ развился изъ римской базилики, но при этомъ испыталъ рядъ измѣненій, совершенно отличающихъ его отъ этой послѣдней. Сначала романскіе храмы также, какъ и базилики, покрывались плоскимъ деревяннымъ потолкомъ. Но постепенно, какъ условія климата, такъ и стремленіе къ большей прочности, въ виду частыхъ разрушительныхъ нападеній норманновъ, заставили монаховъ-зодчихъ перейти къ сводчатому покрытію храмовъ, которое давало романскимъ храмамъ совершенно своеобразный видъ, математической соразмѣрностью и пропорціональностью частей производящій очень гармоническое впечатлѣніе. Во внѣшнемъ видѣ романскаго храма прежде всего бросаются въ глаза двѣ башни у западнаго фасада, между которыми заключенъ порталъ — главный входъ во храмъ. Верхъ портала дѣлали полукруглымъ, и его скошенныя внутрь стороны устанавливались колонками и многочисленными статуями. Въ полукругломъ пространствѣ надъ дверью (такъ называемомъ «тимпанѣ») помѣщали цѣлыя сцены въ рельефѣ, которыя должны были поучительно дѣйствовать на входящихъ. Таковы основныя черты романской церковной архитектуры. Ро-

манскіе храмы съ виду тяжеловаты и даже подчасъ неуклюжи. Не надо забывать, что они возникли въ эпоху полнаго упадка художественной техники и, кромѣ того, въ эпоху постоянныхъ войнъ и нашествій, когда только массивныя и тяжеловѣсныя зданія могли быть полезными и долговѣчными. Но религіозное воодушевленіе, создавшее эти храмы, отразилось въ нихъ, и недостатокъ техники возмѣщается тѣмъ впечатлѣніемъ торжественности, спокойнаго величія и церковной строгости, которое они производятъ, — впечатлѣніемъ истинно художественнымъ.



28. Шпейерскій соборъ.

Самые блестящіе памятники романской архитектуры находятся въ прирейнскихъ областяхъ: это—соборы *Майнцскій*, *Вормскій* и *Шпейерскій* (рис. 28).

Для украшенія храмовъ романской эпохи широко примѣнялись какъ живопись, такъ и скульптура. Живописными изображеніями покрывались какъ стѣны, такъ и потолки храмовъ, но, къ сожалѣнію, лишь очень немногіе изъ нихъ уцѣлѣли. Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ образцамъ, это была сначала очень грубая живопись, слабая и наивная по рисунку, но достигавшая все же декоративнаго впечатлѣнія. Въ позднеромансную эпоху исполненіе дѣлается свободнѣе и смѣлѣе. Скульптурныя украшенія помѣщались на капителяхъ колоннъ, на церковныхъ каѳедрахъ, но, въ особенности, на главномъ порталѣ храма. Средневѣковое духовенство понимало, что при тогдашней грубости нравовъ наглядными изображеніями оно сильнѣе подѣйствуетъ на души, чѣмъ молитвой и проповѣдью. И потому всѣхъ входящихъ въ храмъ старались устрашить,

преисполнить ужаса передъ своей грѣховностью, при помощи тѣхъ рельефныхъ картинъ, которыя помѣщались надъ порталомъ. Это—мученія грѣшниковъ въ аду, кривляющіеся демоны, фантастическія животныя. Въ этихъ рельефахъ много выразительности, но нѣтъ ни художественности ни правды: фигуры тощи, сухи, неуклюжи. Со второй половины XI вѣка въ развитіи скульптуры замѣтенъ подъемъ. Художники, до тѣхъ поръ слѣпые и глухіе къ красотамъ природы, обращаютъ къ ней свои взоры, и ихъ созданія дѣлаются гораздо жизненнѣе и изящнѣе.

Украшеніе внутренности романскаго храма завершали цвѣтныя стекла. Это своего рода мозаика изъ цвѣтныхъ кусочковъ стекла, которые спаивались вмѣстѣ при помощи свинца. Такія оконныя стекла давали храму очаровательное освѣщеніе. Техника цвѣтныхъ стеколъ является изобрѣтеніемъ средневѣковыхъ мастеровъ и осталась ихъ тайной.

5. Готическое искусство.

Начиная съ конца XII вѣка въ Западной Европѣ зарождается и вскорѣ широко распространяется новый стиль въ искусствѣ, получающій названіе *готическаго*. Послѣдній въ своемъ развитіи стоитъ въ зависимости отъ романскаго, но цѣлымъ рядомъ новыхъ чертъ совершенно отъ него отличается, такъ какъ является созданіемъ новаго времени, новаго настроенія, появившагося при новыхъ, измѣнившихся историческихъ обстоятельствахъ. Измѣненія происходятъ прежде всего въ государственной жизни народовъ. Феодальный порядокъ постепенно разрушается; безчисленныя, раздробленныя феодальныя княжества сплачиваются въ государства съ сильной королевской властью, способной установить порядокъ и спокойствіе въ своей странѣ. Въ этихъ государствахъ развивается городская жизнь, а, вмѣстѣ съ ней, торговля, богатство и самостоятельность городскихъ жителей. Однимъ словомъ, жизнь становится гораздо безопаснѣй и спокойнѣй, и уже больше не является нужды въ массивныхъ, тяжеловѣсныхъ постройкахъ, которыя были такъ необходимы въ предыдущую эпоху. Готическія постройки отличаются отъ романскихъ именно своей легкостью и стройностью. Въ связи съ укрѣпленіемъ государственной жизни стоитъ повышеніе культурнаго уровня общества и смягченіе нравовъ. Все это отражается въ новомъ искусствѣ. По сравненію съ суровымъ величіемъ романскаго зданія, въ готическомъ гораздо больше тонкости и изящества въ цѣломъ, больше изысканности и роскоши въ украшеніяхъ. Наконецъ, повышеніе умственнаго развитія общества ставитъ его въ

болѣе независимое положеніе по отношенію къ церкви и духовенству. Въ храмахъ романской эпохи вѣрующій чувствуетъ себя подавленнымъ мощью и величіемъ Дома Божія и безсознательно ищетъ опоры, руководителя, которымъ для него являлось духовенство. Въ готическихъ храмахъ на стройныхъ колоннахъ высоко и смѣло несущіеся ввысь легкіе своды и башни говорятъ о смѣлой, рвущейся къ небу мысли, о страстномъ стремленіи самостоятельно познать божественныя тайны. Духовенство перестаетъ быть руководителемъ умственной жизни общества, искусство также переходитъ изъ его рукъ въ руки мірянъ. Строителями готическихъ храмовъ являются уже не монахи, а городскіе цехи мастеровъ—артели ремесленниковъ, которые спеціально обучаются своему искусству и передаютъ другъ другу пріобрѣтенныя техническія знанія. Это ведетъ къ повышенію техники строительнаго дѣла и даетъ возможность возникновенія сложныхъ, покоящихся на тонкихъ механическихъ расчетахъ храмовъ готическаго стиля.

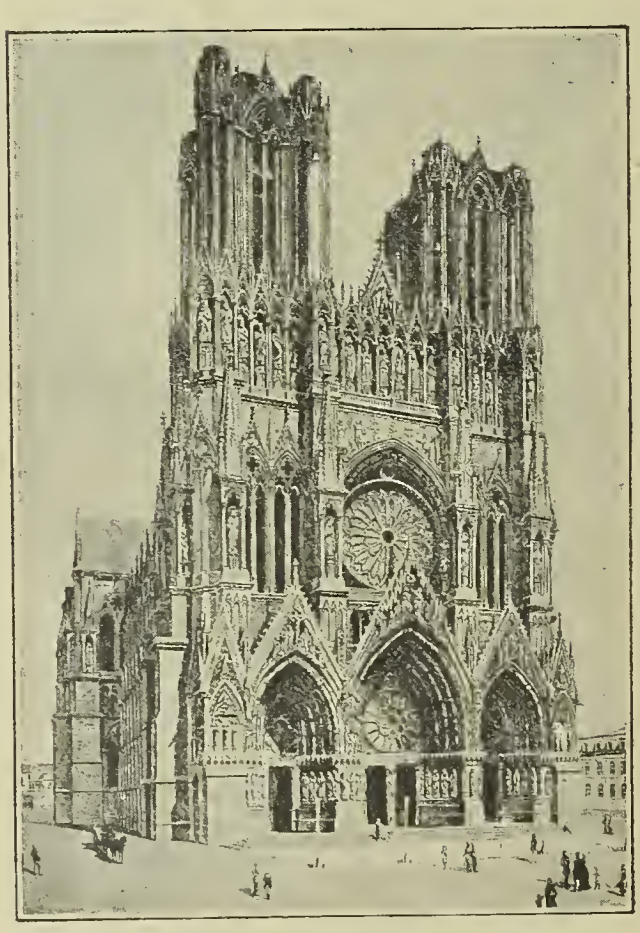
Впервые появляется этотъ стиль въ церковныхъ сооруженіяхъ сѣв. Франціи и отсюда разносится французскими мастерами по всѣмъ сосѣднимъ странамъ. Вслѣдствіе этого его нужно считать созданіемъ французскаго народнаго генія. Готическимъ, или варварскимъ, его прозвали итальянцы, въ противовѣсъ античнымъ памятникамъ искусства, увлеченіе которыми было такъ сильно въ эпоху Возрожденія. Лучшіе памятники готическаго искусства относятся къ XII и XIV вѣкамъ. Въ эту эпоху художники-строители сумѣли сочетать въ своихъ произведеніяхъ легкость, красоту и благородство со строгой послѣдовательностью въ примѣненіи системы и со смѣлымъ стремленіемъ тянуть зданіе въ высоту. Въ этотъ періодъ былъ сооруженъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ соборовъ въ богатыхъ городахъ какъ Франціи, такъ и Германіи и Англіи.

Готическіе храмы имѣли необыкновенно легкій и стройный видъ. Тяжеловѣсные романскіе столбы замѣняются здѣсь пучками тонкихъ стройныхъ колоннъ, которыя легко возносятся кверху и здѣсь переходятъ въ разбѣгающіяся во всѣхъ направленіяхъ ребра арокъ, какъ бы сѣткой паутины покрывающія высокій сводъ храма; огромныя окна съ цвѣтными стеклами давали храму обильное и причудливое освѣщеніе.

Внѣшній видъ готическаго собора роскошнѣе романскаго. Обиліе скульптурныхъ украшеній здѣсь часто такъ велико, что иногда кажется рѣзецъ скульптора сплошь изрѣзалъ всѣ стѣны зданія и превратилъ ихъ изъ каменныхъ въ кружевныя. Особенно богато отдѣлывался, конечно, главный фасадъ храма. Въ

горизонтальномъ направленіи онъ обыкновенно дѣлится на три части. Нижнюю часть занимаютъ порталы, которыхъ теперь три по числу кораблей. Надъ среднимъ порталомъ помѣщается огромное круглое окно—роза, изящно расчлененное каменной рѣзьбой. Надъ боковыми порталами высокія стрѣльчатыя окна. Надъ ними тянется галлерея изъ стрѣльчатыхъ арокъ, сквозная или уставленная скульптурами. Наконецъ, надъ ней возвышаются двѣ башни. Назначеніе ихъ не то, что прежде. Это уже не служащія для военной защиты сторожевыя башни романскаго храма. Ихъ цѣль исключительно декоративная. Стройныя, высокія, часто совсѣмъ сквозныя, увѣнчанныя острой пирамидальной крышей со шпилемъ, онѣ еще болѣе подчеркиваютъ то впечатлѣніе стремленія въ высь, которое получаешь отъ общаго вида зданія.

Изъ французскихъ памятниковъ эпохи расцвѣта готическаго стиля наиболѣе раннимъ является *соборъ Парижской Богоматери*, начатый еще въ концѣ XII вѣка. Въ немъ мы видимъ уже сложившимися всѣ типическія особенности готическаго собора. Между прочимъ, соборъ этотъ славится тѣми фигурами фантастическихъ чудовищъ (химеры), которыя украшаютъ выступы его крыши. Наивысшаго блеска готическій стиль достигаетъ въ соборахъ Реймса, Амьена, Шартра и Бовэ. *Реймскій соборъ* (рис. 29), является однимъ изъ немногихъ созданій готики, которыя были вполнѣ закончены. Готическіе соборы, вслѣдствіе необычайной сложности своей конструкціи и роскоши украшеній, рѣдко заканчивались въ своей постройкѣ. Обыкновенно городу не хватало средствъ для завершенія начатаго сооруженія. Многіе готическіе храмы не



29. Реймскій соборъ.

30. Внутренній видъ Кёльнскаго собора.

имѣютъ законченныхъ башенъ главнаго фасада, какъ, напр., соборы Амьена и Шартра. Въ Реймсскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ широтой замысла и строгой послѣдовательностью въ исполненіи, поражаетъ необыкновенная роскошь и изящество украшеній. Въ этомъ отношеніи декоративныя детали Реймсскаго собора остались навсегда образцами для всего декоративнаго искусства среднихъ вѣковъ. *Амьенскій соборъ* соединяющій съ большой легкостью и смѣлостью необыкновенную гармоничность въ пропорціяхъ считается наивысшимъ выраженіемъ французской готики. Строители собора въ Бовэ задались цѣлью достигнуть еще непровзойденной высоты, но ихъ смѣлый планъ не былъ удаченъ, такъ какъ соборъ рухнулъ и его пришлось перестраивать. Изъ французскихъ памятниковъ готики надо отмѣтить еще *Св. часовню въ Парижѣ*, которая является настоящимъ перломъ готическаго искусства. Верхній этажъ почти не имѣетъ стѣнъ, ихъ замѣняютъ огромныя окна изъ цвѣтного стекла. Тонкое изящество декоративныхъ частей и воздушныя стеклянныя стѣны дѣлаютъ эту небольшую часовню похожей на блестящую, хрупкую игрушку.

Въ Германіи готика оставила также нѣсколько блестящихъ памятниковъ. Изъ нихъ надо отмѣтить соборы Страсбурга, Фрейбурга и Кёльна. *Кёльнскій соборъ* (рис. 30), вполнѣ законченный лишь въ XIX вѣкѣ, является какъ бы послѣднимъ словомъ

готики: при взглядѣ на него кажется, что это несущееся ввысь зданіе состоитъ изъ однѣхъ вертикальныхъ линій.

Готическая архитектура давала широкое поле для развитія *скульптуры*. Въ готической скульптурѣ много красоты и изящества. Конечно, не всѣ скульптуры этой эпохи одинаково хороши. Огромный спросъ на скульптурныя украшенія заставлялъ довольствоваться не только произведеніями художниковъ, но и наскоро заготовленной ремесленной работой; но въ лучшихъ созданіяхъ XIII и XIV вѣковъ поражаетъ сила выразительности жизненныхъ типовъ и движеній, соединенная съ высокой одухотворенностью и изысканной нервной граціей фигуръ. Въ орнаментальной скульптурѣ всюду проглядываетъ тонкое наблюденіе природы. Фантастическіе завитки и чудовища романскихъ капителей замѣняются листвой дуба, вяза, чертополоха и другихъ растеній сосѣднихъ лѣсовъ и полей. Въ эпоху поздней готики эти качества готической скульптуры приходятъ въ упадокъ. Для *живописи* мало оставалось мѣста въ готическихъ храмахъ, такъ какъ гладкія плоскости въ нихъ совсѣмъ отсутствовали. Живописцы могли примѣнять свой талантъ лишь въ расписываніи оконныхъ стеколъ, въ миніатюрахъ рукописей и въ изготовленіи напрестольныхъ образовъ, которые все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе въ XIV и XV вѣкахъ.

4. Искусство эпохи Возрожденія.

I. Итальянское искусство.

Въ XIII и XIV вв. въ Италіи, въ связи съ культурно-экономическимъ подъемомъ городовъ, развивается и искусство. Во главѣ блестяще расцвѣтшей торговли и промышленности стоятъ нѣсколько городовъ: Пиза, Генуя, Венеція, Флоренція и Миланъ. Образовавшіяся республики и монархіи усиленно покровительствуютъ искусствамъ. Крупнѣйшими художниками XIII в. являются скульпторъ *Пизано* и, особенно, живописецъ *Джотто* (1266—1337).

До Джотто стремленіе приблизиться къ природѣ высказывалъ *Чимабуэ*, хотя онъ еще находился подъ сильнымъ византійскомъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, въ техникѣ. Съ появленіемъ Джотто живопись дѣлаетъ большой шагъ впередъ. Новое пониманіе христіанскихъ религіозныхъ сюжетовъ, тонкій психологическій анализъ, натурализмъ и разрывъ со старыми византійскими традиціями — вотъ основныя черты его творчества.

Ранней его работой были фрески, изображающія жизнь и дѣятельность св. Франциска Ассизскаго въ церкви надъ могилой святого. Сосредоточивая свое вниманіе на главномъ, отбрасывая все второстепенное, произведенія Джотто отличаются естественностью и правдивостью. Масса фигуръ прекрасно разгруппирована. Несмотря на нѣкоторую неопытность пріемовъ, какъ-то: изображенія людей и животныхъ, далекія отъ правды, цѣлый рядъ погрѣшностей въ области раскрашиванія и въ разстановкѣ изображаемыхъ предметовъ, Джотто вноситъ много цѣннаго въ область живописи. Онъ начинаетъ передавать въ картинахъ дѣйствіе, драматическое настроеніе, что, конечно, требовало многихъ техническихъ усовершенствованій.

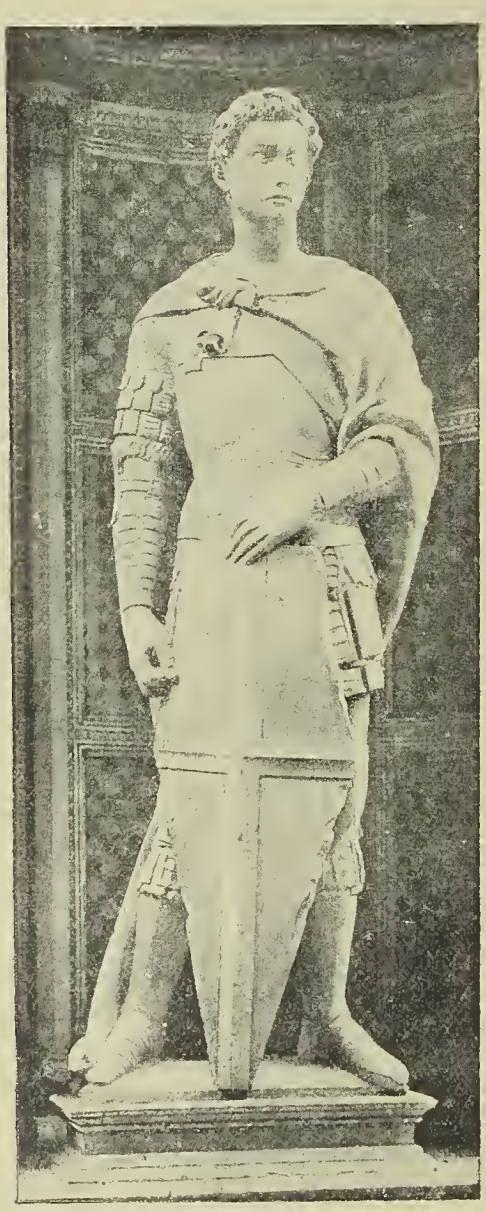
Полнаго своего расцвѣта достигло итальянское искусство въ эпоху Возрожденія, въ XV и XVI вѣкахъ. Изученіе природы и античнаго міра, развитіе индивидуализма и паденіе средневѣковаго міросозерцанія—вотъ главныя черты общекультурнаго движенія этой эпохи—гуманизма, отразившіяся и на возникновеніи новаго искусства.

Изученіе природы, детальная разработка всѣхъ ея частей—вотъ основное стремленіе искусства этого періода. Передача видимой природы въ томъ видѣ, какъ она представляется человѣку, дѣлается задачей художника. Памятники древности оживаютъ въ Италіи: изучаются древніе авторы, возстанавливаются античныя произведенія. Художники изучаютъ эти памятники, подражаютъ имъ, или, вѣрнѣе, берутъ изъ нихъ то, что имъ нужно, и, самобытно переработавъ, создаютъ вполнѣ оригинальныя работы.

Во главѣ цѣлаго ряда художественныхъ школъ XV в. стоитъ *Флоренція*, которая, сообразно своему внутреннему и внѣшнему состоянію, призвана была сыграть выдающуюся роль въ художественной жизни эпохи Возрожденія. Въ правленіе банкировъ Медичи Флоренція достигаетъ своего высшаго расцвѣта. Окрѣпшій свободный духъ, демократическій характеръ общества, накопленныя торговлей и промышленностью богатства—все способствовало тому, чтобы Флоренція явилась законодательницею всего новаго и оригинальнаго въ жизни Италіи. Новыя идеи и направленія, распространявшіяся по всей странѣ, исходятъ изъ нея. Многочисленные покровители наукъ и искусства окружаютъ себя выдающимися художниками, которыхъ они поддерживаютъ; особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ домъ Медичи.

Представителями ранней поры итальянскаго Возрожденія являются флорентійцы Брунеллески, Гиберти, Донателло и Мазаччо

Въ области скульптуры весьма важное мѣсто занимаетъ *Гиберти* (1381—1455). Главнымъ произведеніемъ Гиберти, гдѣ онъ говоритъ новое слово, являются бронзовыя двери въ флорентійской крещальнѣ, такъ называемыя «Райскія двери». Сцены, изображенныя на 10 рельефахъ, взяты изъ Ветхаго Завѣта; онѣ начинаются съ сотворенія Евы и кончаются встрѣчей Соломона съ царицей Савской. Введеніе перспективы, тонкій психологическій анализъ переживаемаго момента, нѣкоторые античные элементы и сила исполненія—ставятъ очень высоко это чудное произведеніе. Въ этой работѣ Гиберти, кромѣ того, проявляетъ себя прекраснымъ декораторомъ; рельефы обрамлены орнаментомъ, состоящимъ изъ поразительно красивыхъ статуетокъ, головокъ въ кругахъ, наконецъ, изъ великолѣпной гирлянды изъ цвѣтовъ, фруктовъ и разнообразныхъ птицъ — все это изящно исполненное, какъ нельзя лучше сочеталось съ главнымъ произведеніемъ.



31. Донателло. Св. Георгій.

Величайшій скульпторъ первой половины XV в. флорентинецъ *Донателло* (1386 — 1466) всецѣло обращается къ природѣ. Несмотря на суровую, а подчасъ и рѣзкую передачу страстей, его произведенія всегда грандіозны; элементъ драматическій и элементъ жизнерадостный у него переданъ одинаково ярко и сильно. Работа Донателло отличается прекраснымъ знаніемъ техническихъ пріемовъ и отдѣлкой общими широкими чертами. Онъ стремится съ помощью выразительныхъ внѣшнихъ движеній человѣка передать разнообразныя движенія души. Его статуя «Св. Георгій» (рис. 31) представляетъ собой могучее произведеніе, полное выразительности и античнаго благородства. Высшаго ре-

ализма достигаетъ Донателло въ такъ называемомъ «Цукконе», въ которомъ изумительно переданы индивидуальныя черты уродливой модели, въ статуѣ «Іоанна Крестителя», изображеннаго въ видѣ юнаго аскета, изможденнаго лишеніями.

Въ области *живописи* Флоренція занимаетъ также преобладающее положеніе среди цѣлаго ряда другихъ школъ. Основателемъ новаго направленія ея живописи является флорентинецъ *Мазаччо* (1401—1444). Онъ вноситъ въ нее много техническихъ усовершенствованій; вводитъ перспективу, овладѣваетъ свѣтотѣнью и чувствомъ пространства. Полныя глубокой правдивости и великаго замысла, его произведенія отличаются тонкимъ психологическимъ анализомъ и стройностью композиціи. Изображаемыя лица полны движенія и выразительности, взятыя краски отличаются силой и стремятся къ естественности. Во Флоренціи онъ расписываетъ фресками капеллу въ церкви Марія дель-Кармине. Въ изображеніи «Изгнанія изъ рая первыхъ людей» (рис. 32) поражаетъ чудное воспроизведеніе нагого тѣла.

32. Мазаччо. Изгнаніе изъ рая.

Много цѣннаго для разработки техническихъ сторонъ живописи сдѣлали Андреа дель-Кастаньо, Паоло Учелли и Доменико Венеціано. Фра Джованни да Фьезоле (Фра *Беато Анджелико*) (1387 — 1455), доминиканскій монахъ, является выразителемъ нѣжнаго и задушевнаго религіознаго настроенія, неземной кротости и чистоты, блаженной восторженности и тонкой печали. Созданные имъ образы Богоматери, Христа, святыхъ и ангеловъ отличаются благородствомъ формъ, чистой красотой. Фра Филиппо *Липпи* (1406—1469), такъ же, какъ Анджелико, монахъ, вводитъ въ изображемыя имъ священныя сцены повсе-

дневную жизнь; произведенія Филиппо Липпи отличаются красотой линій и ясностью колорита.

XV вѣкъ во Флоренціи завершается появленіемъ трехъ выдающихся художниковъ: Сандро Боттичелли, Филиппино Липпи и Доменико Гирландайо. Своеобразное творчество *С. Боттичелли* (1446—1510) вполнѣ отвѣчало общему тону настроенія, господствующаго при дворѣ Лоренцо Великолѣпнаго. Поэтъ и мистикъ Боттичелли создаетъ произведенія, полныя красоты, граціи и глубокой мечтательности. Очарованный прелестью античнаго міра, онъ даетъ нѣсколько картинъ съ миѳологическими сюжетами. Полными идиллической красоты и фантазіи являются его произведенія: «Рожденіе Венеры» (Флоренція), «Весна» (рис. 33), и др. Боттичелли создаетъ цѣлый рядъ портретовъ, отличающихся яснымъ колоритомъ, изящнымъ рисункомъ и разнообразной индивидуальной жизнью: въ своей извѣстной картинѣ «Поклоненіе царей въ Виѳлеемѣ» (Флоренція) онъ выводитъ семью Медичи. Изъ созданныхъ имъ образовъ Мадонны лучшимъ является извѣстная Мадонна въ Уффиціяхъ во Флоренціи.

Д. Гирландайо (1449 — 1494) воплотилъ въ изображаемыхъ имъ священныхъ сценахъ жизнь итальянскаго общества того времени: обстановка, костюмы, портреты современниковъ выхвачены изъ жизни. Своеобразнымъ художникомъ былъ умбріецъ Лука *Синьорелли* (1450—1523), прекрасно передававшій человѣческое тѣло. Его работы отличались сильнымъ драматизмомъ, строгимъ, нѣсколько жесткимъ характеромъ рисунка и мастерствомъ въ анатомической передачѣ тѣла. Лучшими его работами являются фрески въ Орвіетскомъ соборѣ съ изображеніемъ Страшнаго Суда и появленія Антихриста. Представитель падуанской школы, Андреа *Мантенья* (1430—1506), прекрасно передаетъ античную древность во всѣхъ ея характерныхъ деталяхъ. Въ его лучшемъ произведеніи «Тріумфъ Юлія Цезаря» (Лондонъ) ярко оживаетъ античный міръ.

Эпоха *поздняго Ренессанса*, обнимающая конецъ XV и XVI стол., является для итальянскаго искусства эпохой наивысшаго развитія. Произведенія этого времени отличаются глубиной идей и совершенствомъ исполненія. Центромъ художественной дѣятельности становится *Римъ*. Искусству усиленно покровительствуютъ папы, изъ которыхъ особенно прославились Юлій II и Левъ X, много сдѣлавшіе въ этой области.

Грандіозными фигурами этого блестящаго періода являются великіе художники — Леонардо да Винчи, Микель Анджело и Рафаэль.

Леонардо да Винчи (1452—1519) отличался поразительно многосторонней дѣятельностью: живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, музыкантъ, писатель, ученый, инженеръ — онъ во всемъ проявлялъ исключительныя способности. Вся дѣятельность Леонардо была согрѣта любовью къ природѣ и проникнута стремленіемъ къ изученію ея въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Въ своихъ картинахъ онъ давалъ тонкіе психологическіе этюды и блестящее разрѣшеніе художественныхъ задачъ. При этомъ Леонардо былъ изумительнымъ рисовальщикомъ и знатокомъ формъ. Онъ стремится создать образы, полные изящества, мечтательности и мягкости. Къ его раннимъ работамъ отно-

33. Боттичелли. Весна.

сятся картины «Поклоненіе волхвовъ» и «Мадонна въ гротѣ», отличающіяся строго выдержанной композиціей, свѣтовыми и живописными эффектами и идейной глубиной. Лучшимъ созданіемъ Леонардо была «Тайная вечеря», представляющая глубокую психологическую драму, переживаемую учениками, когда Христосъ сказалъ: «одинъ изъ васъ предастъ меня». Каждый изъ учениковъ по-своему выражаетъ охватившее его волненіе, вызванное вопросомъ: кто предатель? Вся композиція дышитъ единствомъ и гармоніей (рис. 34).

Изъ цѣлаго ряда портретовъ Леонардо да Винчи первое мѣсто занимаетъ портретъ «Монны Лизы» (Джіоконда). Прекрасные свѣтлые и прозрачные тона, жизненное изображеніе, поразитель-

ная нѣжность и утонченность формъ, загадочные глаза и таинственная улыбка—все вмѣстѣ даетъ притягательную силу этому произведенію. Бездна силы и движенія въ его картонѣ, изображающемъ битву при Ангіари, гдѣ, судя по отдѣльнымъ дошедшимъ до насъ эскизамъ, драматизмъ момента доведенъ до высшаго напряженія и, между прочимъ, изумительно переданы различныя движенія лошадей. Леонардо оставилъ много этюдовъ и рисунковъ; интересенъ сдѣланный имъ собственный портретъ. Вліяніе Леонардо было очень велико, онъ создалъ цѣлую школу.

Величайшимъ выразителемъ мощи эпохи Возрожденія является скульпторъ и живописецъ *Микель Анджело Буонаротти* (1475—1564). Главной задачей всего творчества Микель Анджело было детальное изученіе и мощное воспроизведеніе нагого человѣческаго тѣла въ его могучихъ формахъ и разнообразныхъ движеніяхъ. Къ его раннимъ работамъ относится бронзовый барельефъ, изображающій бой кентавровъ—композиція, полная движенія и анатомическихъ подробностей. Группа «Милосердіе» вся проникнута величіемъ и благородствомъ скорби Божьей Матери надъ умершимъ Христомъ. Слѣдующей за этой работой является заказанная ему во Флоренціи колоссальная статуя «Давида», изображеніе нагого юноши съ прекрасно обработаннымъ тѣломъ. Изъ живописныхъ работъ къ этому періоду относится картина «Святое семейство» (Флоренція), гдѣ на первомъ планѣ была поставлена задача композиціи и изображеніе нагихъ тѣлъ. Къ этому же времени относится исполненный имъ картонъ «Сраженіе на берегахъ Арно». Взятый моментъ ярко передаетъ переполохъ среди купающихся солдатъ, призываемыхъ къ бою. Въ этомъ произведеніи все сведено къ блестящему воспроизведенію нагого человѣческаго тѣла въ самыхъ различныхъ движеніяхъ. Микель Анджело прежде всего былъ скульпторъ и потому въ своихъ живописныхъ работахъ онъ на первое мѣсто ставитъ скульптурную форму. Въ 1504 г. папа Юлій II призываетъ Микель Анджело въ Римъ и даетъ ему заказъ — проектъ своей гробницы, съ которымъ художникъ прекрасно справляется, но задуманный въ грандіозныхъ размѣрахъ памятникъ не былъ вполнѣ осуществленъ. Въ этомъ сокращенномъ памятникѣ Микель Анджело принадлежитъ только исполинская фигура «Моисея» (Римъ) (рис. 35). Для этого же произведенія, которымъ Микель Анджело былъ заинтересованъ всю свою жизнь, онъ изваялъ статуи связанныхъ нагихъ рабовъ, полныхъ страданія. Другая огромная работа, полученная отъ этого же папы, была роспись потолка *Сикстинской капеллы* въ Ватиканѣ. Эта работа была великимъ созданіемъ его творчества; тутъ онъ

34. Леонардо да Винчи. Тайная вечеря.

высказался не только какъ художникъ, но и какъ величайшій мыслитель. Изображенныя библейскія сцены, какъ-то: сотвореніе міра и человѣка, грѣхопаденіе, потопъ и др.; образы пророковъ и прорицательницъ, углубившихся въ книгу или охваченныхъ раздумьемъ или потрясенныхъ внезапнымъ откровеніемъ—все это, обрамленное архитектурными украшеніями съ тамъ и сямъ разбросанными нагими фигурами, наполнено какой-то сверхчеловѣческой силой. Гигантскія тѣла, гигантскія души полны величія и страданія, онѣ являются воплощеніемъ вдохновенія художника. Заключительнымъ аккордомъ этой огромной работы является исполненный имъ позднѣе «Страшный Судъ», поражающій своими многочисленными мощными фигурами, находящимся въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Стремясь къ искренней передачѣ могучихъ чувствъ, онъ иногда грѣшитъ противъ естественности въ формахъ и движеніяхъ тѣла. Огромной скульптурной работой Микель Анджело являются созданныя имъ прекрасныя мраморныя гробницы Медичи въ капеллѣ св. Лаврентія во Флоренціи. Каждая изъ нихъ представляетъ собою саркофагъ, на закругленной крышкѣ котораго лежатъ символическія фигуры: «День и Ночь»—на одной и «Заря и Сумерки»—на другой; въ нишахъ же надъ саркофагами сидятъ полный отваги герцогъ Джуліано—въ одной и герцогъ Лоренцо, глубоко задумавшійся,—въ другой. Надо отмѣтить еще, что Микель-Анджело былъ примѣчательнымъ архитекторомъ; онъ руководилъ постройкой собора св. Петра, гдѣ по его плану былъ созданъ куполъ; выстроилъ библіотеку при храмѣ св. Лаврентія во Флоренціи.

35. Микель Анджело. Моисей.

В. Васнецовъ. „Богатыри".

(См. стр. 432).

В. Васнецов. "Ратник".
Ок. 1881 г.

Третьимъ величайшимъ художникомъ этого періода является *Рафаэль Санти* (1483—1520). Въ началѣ своего творчества онъ находится подъ вліяніемъ мечтательной религіозной умбрійской школы; особенно сильное вліяніе оказалъ на него учитель Перуджино. Къ этому раннему періоду относится «Обрученіе св. Дѣвы». Слѣдующій періодъ творчества Рафаэля — періодъ флорентійскій. Онъ переѣзжаетъ изъ Урбино во Флоренцію, гдѣ изучаетъ мѣстныхъ художниковъ. Онъ увлекается Леонардо да Винчи, Микель Анджело и др. Но все же, если Рафаэль и бралъ и усвоивалъ себѣ нѣкоторыя качества и особенности произведеній другихъ мастеровъ, то все это онъ дѣлалъ, не теряя своей оригинальности. Изъ работъ этого періода надо отмѣтить цѣлый рядъ Мадоннъ, какъ «Мадонна со щегленкомъ», «Прекрасная Садовница», «Святое семейство съ ягненкомъ». Создаваемые образы Дѣвы Маріи отличаются поразительной гармоніей между формой и содержаніемъ: они очаровываютъ глазъ красотой, кротостью, поэзіей, а также своими пріятными красками и яснымъ рисункомъ. Своимъ произведеніемъ «Положеніе во гробъ» Рафаэль производитъ сильное драматическое впечатлѣніе. Вліяніе флорентійскаго натурализма, прекрасный рисунокъ ярко сказывается въ этой картинѣ. Третій періодъ творчества Рафаэля — въ Римѣ. Онъ получаетъ въ 1508 г. отъ папы Юлія II заказъ расписать залы въ Ватиканѣ. Въ этой грандіозной работѣ геній Рафаэля достигаетъ высшаго своего развитія. Помимо блестящаго техническаго исполненія, эта работа полна глубокаго идейнаго содержанія. Въ первой залѣ Рафаэль создаетъ «Диспутъ о св. Причастіи». Апостолы, богословы, мученики, ученые, христіанскіе мыслители и простые вѣрующіе—всѣ охвачены религіознымъ порывомъ. «Аѳинская школа», изображающая философовъ и ученыхъ, считается доселѣ образцомъ композиціи. «Парнасъ» — произведеніе, изображающее Аполлона, окруженнаго музами и поэтами. Слѣдующей грандіозной работой является заказъ папы Льва X, который поручаетъ Рафаэлю роспись стѣнъ и потолковъ «лоджій» (галлерей) въ Ватиканѣ. Собственноручной работы Рафаэля здѣсь мало, онъ даетъ рисунки, по которымъ и работаютъ его ученики.

Рафаэль былъ также прекраснымъ портретистомъ; его работы отличались тонкимъ психологическимъ анализомъ. Лучшими произведеніями являются портретъ Юлія II, папы Льва X, Кастильоне и др.

Изъ многочисленныхъ Мадоннъ, исполненныхъ имъ въ этотъ періодъ, надо отмѣтить нѣсколько отличающихся красотой и гармоніей колорита и изяществомъ рисунка: «Мадонна въ креслѣ»,

«Мадонна съ рыбой», и, наконецъ, знаменитая «Сикстинская Мадонна» (Дрезденъ).

Ученики и послѣдователи этихъ трехъ геніальныхъ художниковъ, подражая имъ въ своемъ творчествѣ, впадаютъ въ вычурность, и неестественность; исключеніе составляютъ нѣсколько своеобразно-талантливыхъ мастеровъ, напр., Фра Бартоломео и Андреа дель-Сарто. *Корреджіо* (1494—1534) обладалъ нѣжнымъ и блестящимъ колоритомъ и прекраснымъ знаніемъ свѣтотѣни. Его религіозныя и миѳологическія вещи полны поэзіи съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ чувственности.

36. Соборъ св. Петра въ Римѣ.

Величайшимъ мастеромъ венеціанской школы является *Тиціанъ Вечелли* (1490—1576). Любимецъ королей и папъ, онъ создаетъ цѣлый рядъ религіозныхъ, историческихъ и миѳологическихъ картинъ, также славится, какъ изумительный портретистъ. Его творчество отличается спокойствіемъ и величественностью, живопись чуднымъ колоритомъ (золотистыми тонами). Лучшими его работами являются: «Небесная и земная любовь» (Римъ), «Введеніе во храмъ» (Венеція). Его портреты отличаются тонкимъ знаніемъ души человѣка; лучшими—портретъ Карла V (Мадридъ, Мюнхенъ), папы Павла III (Неаполь), затѣмъ

очаровательный женскій портретъ венеціанской красавицы, носящей черты герцогини Элеоноры Урбинской (Флоренція), «господинъ съ перчаткой» (Лувръ). Міръ здоровья и красоты царитъ въ изображаемыхъ имъ женскихъ образахъ. Изъ его многочисленныхъ учениковъ надо отмѣтить *Тинторетто* (1518—1594). *Паоло Веронезе* (1528—1588) является величайшимъ декораторомъ венеціанской школы. Особенно онъ прославился изображеніемъ веселой, роскошной жизни. Библейскія сцены Веронезе полны подробностей изъ современной ему венеціанской жизни, напримѣръ, «Бракъ въ Канѣ Галилейской», гдѣ всѣ изображенныя лица — въ костюмахъ XVI столѣтія.

На архитектурныхъ произведеніяхъ эпохи поздняго Ренессанса лежитъ отпечатокъ классическаго благородства и строгой красоты. Постройки отличаются удивительными пропорціями, украшены изящными портиками, колоннадой и богатой орнаментаціей. Лучшимъ архитекторомъ этого періода является *Браманте* (1444—1514), которому принадлежитъ планъ *собора св. Петра* въ Римѣ (рис. 36).

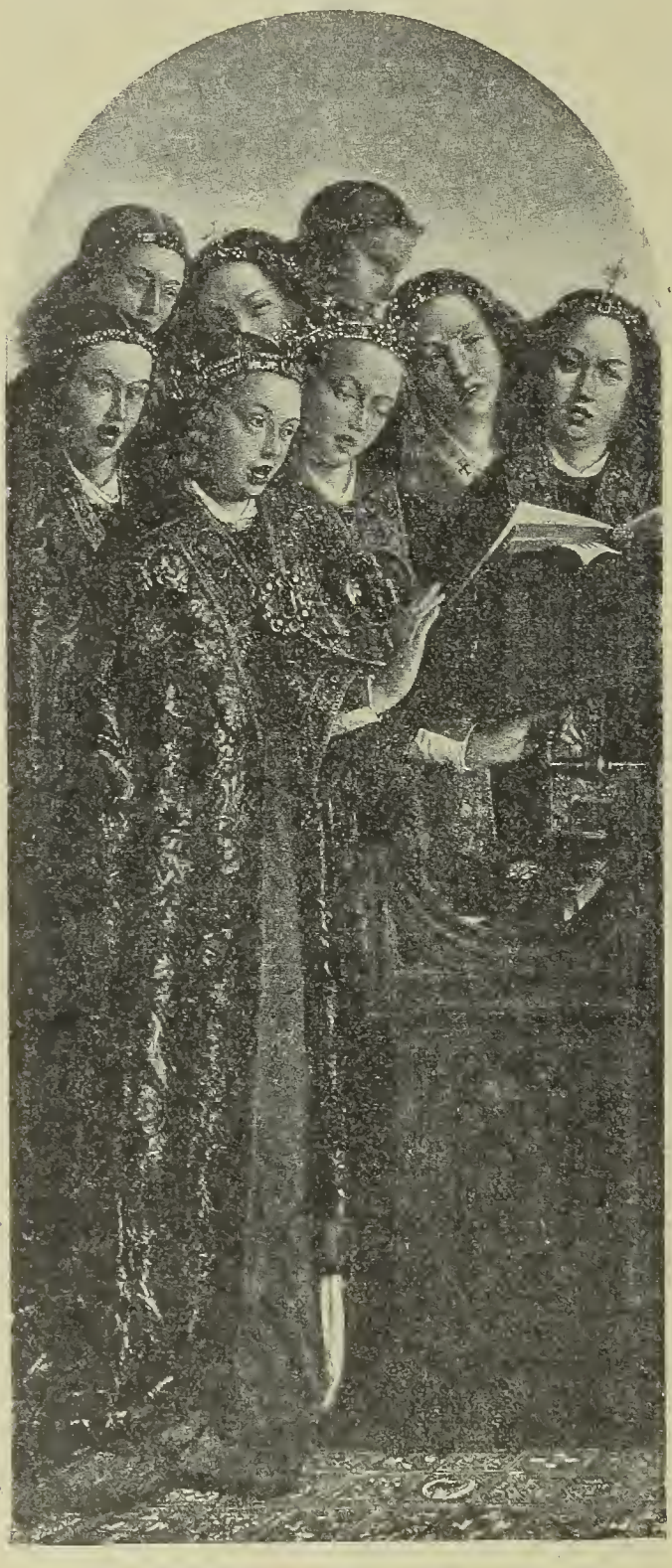
II. Искусство XV и XVI вв. въ Нидерландахъ, Германіи и Франціи.

Обращаясь къ искусству XV и XVI вв. въ другихъ странахъ, надо остановиться на Нидерландахъ, Германіи и Франціи, занявшихъ руководящую роль въ этой области. Въ богатыхъ торгово-промышленныхъ городахъ, заселенныхъ ремесленниками и крупной буржуазіей, начиная съ XV в., искусство вступаетъ на новый путь развитія. Главное мѣсто на немъ занимаетъ реализмъ—точное изученіе и воспроизведеніе природы.

Во *Фландріи*, въ ея большихъ и богатыхъ городахъ расцвѣтаетъ живопись. Братья *ванъ-Эйки* сыграли огромную роль въ этой области. Они усовершенствовали техническую сторону живописи, впервые умѣло примѣнивъ масляныя краски, которыя были изобрѣтены еще до нихъ. Но, кромѣ технической стороны ихъ дѣятельности, надо отмѣтить ту огромную художественную силу, которая проявилась въ ихъ обширной работѣ—въ Гентскомъ алтарѣ: «Агнецъ Откровенія». Въ нижней части этого алтаря изображено поклоненіе Агнцу, затѣмъ группы судей, воиновъ Христовыхъ, отшельниковъ и паломниковъ: верхняя же часть заполнена изображеніями Бога Отца, Маріи, Іоанна, Адама, Евы и группами поющихъ и играющихъ ангеловъ (рис. 37).

Младшій братъ Янъ ванъ-Эйкъ (ум. въ 1441 г.), который былъ представителемъ новаго искусства, доканчиваетъ это произведеніе. Хорошій портретистъ, онъ въ мельчайшихъ деталяхъ пере-

даетъ жизнь. Его работы отличаются тщательнымъ исполненіемъ; очень интересенъ у него пейзажъ. Но зато у Яна в.-Эйка нѣтъ того величія и вдумчивости, которой отличался его братъ. Въ своихъ самостоятельныхъ работахъ, религіозныхъ сценахъ и портретахъ, которыхъ до насъ дошло значительное количество, онъ еще рѣзче выражаетъ индивидуальныя особенности своего творчества.



37. Ванъ-Эйкъ. Гентскій алтарь (поющіе ангелы).

Нѣмецкое искусство XV и XVI вв. было сосредоточено въ большихъ торговыхъ городахъ (Нюрнбергъ, Кельнъ, Прага, Аугсбургъ, Ульмъ и другіе), которые имѣли свои художественныя школы.

Яркимъ представителемъ расцвѣта нѣмецкаго искусства является *Альбрехтъ Дюреръ* (1471—1528). Его родиной былъ Нюрнбергъ, гдѣ онъ и занимался сначала въ мастерской Вольгемута. Въ продолженіе своей жизни онъ посѣщаетъ Нидерланды и Италію; мастера послѣдней оказываютъ на него большое влія-

ніе (особенно Мантенья), но это не мѣшаетъ ему быть совершенно самобытнымъ нѣмецкимъ художникомъ. Глубокій мыслитель, талантливый писатель, улетавшій далеко на крыльяхъ своей фантазіи, онъ особенно интересенъ въ своихъ гравюрахъ на мѣди и на деревѣ, напр.: «Рыцарь, смерть и чортъ», «Св. Іеронимъ», «Меланхолія». Дюреръ былъ весьма наблюдательнымъ мастеромъ въ своемъ стремленіи реально передать жизнь. Въ своихъ религіозныхъ вещахъ, полныхъ глубокаго настроенія, онъ хотѣлъ быть понятнымъ народу. Обстановка, одежда — все носитъ характеръ современной ему жизни Германіи. Владѣя прекрасно техникой живописи, онъ обращаетъ вниманіе на мельчайшія детали исполненія. Въ своихъ примѣчательныхъ портретахъ онъ мастерски умѣетъ выразить внутреннюю сторону изображаемыхъ лицъ, яркимъ примѣромъ чего можетъ служить его собственный портретъ (рис. 38). Изъ картинъ Дюрера надо назвать: «Поклоненіе волхвовъ», Распятіе», «Св. Троица», «Евангелисты».

38. Дюреръ. Собственный портретъ.

Лука Кранахъ (1472—1553) очень интересенъ въ своихъ небольшихъ вещахъ, изображающихъ нѣжныхъ, тонкихъ Мадоннъ и разнообразныя сценки, носящія чисто нѣмецкій то бытовой, то почти сказочный характеръ.

Гансъ Гольбейнъ младшій (1499—1543) прославился, главнымъ образомъ, какъ портретистъ: онъ передавалъ разнообразные характеры съ неумолимой правдой реалиста. Высокаго совершенства достигаетъ Гольбейнъ въ своихъ гравюрахъ и рисункахъ (знаменитый циклъ «Танецъ смерти»).

Во *Франціи*, на смѣну готическихъ традицій въ искусствѣ появляются новыя вѣянія. Въ XVI в. сильное вліяніе оказываетъ Италія; призываемые французскими королями, итальянскіе художники пользуются большимъ почетомъ. Но все же, несмотря на иностранное вліяніе, французское искусство не утрачиваетъ своего самобытнаго характера.

Въ области скульптуры прославился *Гужонъ* (ум. 1568), давшій изящные образы (Нимфы «фонтана невинности», Діана де-Пуатье). Много цѣннаго дала Франція въ области архитектуры, гдѣ ярко проявляется самобытный французскій стиль. Очень интересны замки, которые постепенно изъ мрачныхъ средневѣковыхъ построекъ превращаются въ изящные и свѣтлые дворцы.

5. Европейское искусство въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Въ Италіи, вслѣдъ за эпохой яркаго расцвѣта искусства въ XVI в., наступаетъ время упадка. Итальянскіе художники XVII вѣка, преклоняясь передъ созданіями великихъ геніевъ Возрожденія, въ своемъ стремленіи подражать имъ часто не знаютъ мѣры, впадаютъ въ театральность, манерность и слащавость. Въ архитектурѣ XVII вѣка господствуетъ такъ называемый стиль *барокко*. Онъ проявляется, главнымъ образомъ, въ церковномъ зодчествѣ и отличается вычурно-изломанными безпокойными линіями и чрезмѣрною пышностью орнаментаціи. Католическая церковь поддерживала это направленіе, такъ какъ видѣла въ искусствѣ могущественную союзницу католицизма въ борьбѣ съ реформаціей и понимала, что блескъ и пышность католическаго храма, по сравненію съ убогой простотой протестантскаго, должны были завлекающе дѣйствовать на народныя массы. Этотъ новый духъ проникаетъ и въ остальныя отрасли искусства. Въ живописи господствуютъ два направленія: эклектическое, стремящееся путемъ изученія созданій великихъ мастеровъ соединять въ своихъ произведеніяхъ всѣ ихъ лучшія стороны (*Аннибалъ Караччи*, отчасти *Гвидо Рени*), и реалистическое, считающее природу единственной учительницей художника. Во главѣ реалистическаго направленія стоитъ *Караваджіо* (1569—1609). Рѣзкій и грубый, онъ любитъ изображать стычки пьяницъ и бродягъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Положеніи во гробъ», онъ достигаетъ рѣдкой мощи и величія. Изъ остальныхъ итальянскихъ художниковъ XVII вѣка надо еще упомянуть о *Сальваторѣ Розѣ* (1615—1673), неаполитанскомъ пейзажистѣ, который пишетъ романтическіе

ландшафты съ мрачными скалами, бурями и разбойниками. Эти страстно-безпокойные пейзажи—явленіе совсѣмъ обособленное въ итальянскомъ искусствѣ XVII вѣка, для котораго на первомъ планѣ стояла величественная историческая живопись. Среди художниковъ въ XVIII в. въ Италіи выдѣляется *Батони* (1708—1787); его лучшее произведеніе—«Кающаяся Магдалина» (рис. 39).

Въ противоположность Италіи XVII вѣка, въ Испаніи въ эту эпоху появляется рядъ крупныхъ художниковъ, которые своими созданіями сразу ставятъ Испанію, до сихъ поръ ничѣмъ не прославившуюся въ области искусства, на одинъ уровень съ

39. Батони. Кающаяся Магдалина.

знаменитыми своимъ искусствомъ странами. Испанскіе художники, всегда находившіеся подъ сильнымъ вліяніемъ итальянскаго искусства вступаютъ теперь на путь національнаго, самостоятельнаго творчества. Уже у *Рибейры* (1588—1652) мы находимъ главныя черты самобытной испанской живописи: огромную натуралистическую силу въ соединеніи съ мрачной мечтательностью, страстнымъ фанатическимъ аскетизмомъ. Царственное спокойствіе составляетъ отличительную черту *Веласкеза*,—художника, имя котораго должно быть поставлено въ одномъ ряду съ величайшими именами европейскаго искусства. Веласкезъ (1599—1660), аристократъ по рожденію, почти всю свою жизнь провелъ при испанскомъ дворѣ, гдѣ постоянно писалъ портреты членовъ королевской семьи. Эта галлерея портретовъ

является его лучшимъ созданіемъ, хотя онъ превосходно писалъ также историческія, религіозныя и жанровыя картины. Веласкезъ—спокойный и тонкій наблюдатель природы, которую онъ съ большой точностью воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ. Его портреты поражаютъ своей выразительностью, умѣньемъ художника выразить духовную сущность изображеннаго лица (рис. 40). Главное очарованіе его картинъ заключается въ замѣчательно благородномъ выдержанномъ колоритѣ, въ рѣдко счастливомъ сочетаніи красокъ и въ его манерѣ освѣщать фигуры яснымъ, серебристымъ свѣтомъ. Другой замѣчательный испанскій художникъ *Мурильо* (1618—1682)—большой знатокъ природы, кромѣ того еще мистикъ, религіозный мечтатель и, благодаря этому соединенію, типичный представитель испанской религіозной живописи. Его мадонны—юныя дѣвы съ просвѣтленнымъ вдохновеннымъ выраженіемъ лицъ (рис. 41). Эффекты свѣтотѣни и освѣщенія придаютъ его фигурамъ неземныя, воздушныя очертанія.

40. Веласкезъ. Портретъ испанской принцессы.

Послѣ Мурильо испанская школа замираетъ. Только въ копцѣ XVIII вѣка она выдвигаетъ еще одного странно своеобразнаго художника *Гойю* (1746 — 1828), творчество котораго представляетъ сочетаніе самаго причудливаго вымысла съ дѣйствительностью. Чудовищныя грезы его фантазіи и яркая жизненность его красокъ и рисунка выдаютъ въ немъ настоящаго испанскаго художника.

41. Мурильо. Непорочное зачатіе.

Фландрія въ теченіе XVII вѣка выставляетъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ Европы. Основателемъ фламандской школы живописи считается геніальный *Рубенсъ* (1577—1640). Всѣ предшествовавшіе ему фламандскіе художники были подражателями итальянскимъ мастерамъ. Рубенсъ также ѣздилъ учиться въ Италію, гдѣ провелъ цѣлыхъ девять лѣтъ, но всѣ посторонніе вліянія онъ сумѣлъ воспринять себѣ на пользу, не утративъ при этомъ нисколько самостоятельности своей цѣльной и сильной натуры. Рубенсъ — настоящій сынъ своего народа, живыхъ, предпріимчивыхъ, энергичныхъ фламандцевъ. Здоровый, жизнерадостный, онъ любитъ изображать такихъ же какъ онъ здоровыхъ и полныхъ фламандцевъ и фламандокъ, любитъ яркій солнечный свѣтъ и блестящія, сочныя, ликующія краски. Картины его отличаются широкой, смѣлой манерой письма, полнотой и роскошью композиціи и блестящимъ яркимъ колоритомъ. Рубенсъ обладалъ безграничной, неистощимой фантазіей и количество оставленныхъ имъ работъ прямо изумительно: всего онъ написалъ около 2.000 картинъ. Широкую извѣстность Рубенсъ пріобрѣлъ, исполнивъ картины «Распятіе» и

«Снятіе со креста», работы отличающіяся огромной реалистической силой, драматизмомъ и живымъ, непосредственнымъ чувствомъ. Съ этихъ поръ слава его растетъ съ каждымъ днемъ. Со всѣхъ сторонъ на него сыплются заказы на портреты религіозныя, миѳологическія, историческія картины. Онъ всѣ исполняетъ съ одинаковымъ блескомъ и свободнымъ мастерствомъ, прибѣгая къ помощи учениковъ для заканчиванія многочисленныхъ работъ. Изъ его портретовъ наибольшей славой пользуются портреты его второй жены Елены Фурманъ, цвѣтущей пышной блондинки, которая собой олицетворяетъ вкусъ Рубенса ко всему здоровому, природному, къ бьющей черезъ край жизненной силѣ.

42. Ванъ-Дейкъ. Портретъ англійскаго короля Карла I.

Самымъ талантливымъ его ученикомъ былъ *ванъ-Дейкъ* (1599—1641). Онъ болѣе изысканенъ и изященъ, чѣмъ его учитель, но у него нѣтъ ни мощной фантазіи Рубенса, ни его широкой сочной манеры. Ванъ-Дейкъ славится, главнымъ образомъ, какъ портретистъ. Значительную часть своей жизни онъ провелъ въ Англіи, гдѣ сдѣлался придворнымъ живописцемъ Карла I (рис. 42). Своей изысканной, тонкой манерой онъ великолѣпно передавалъ утонченное изящество и чувство своего превосходства гордой англійской аристократіи. Продолжателемъ Рубенса является также *Іордансъ* (1593 — 1678), но тогда какъ ванъ-Дейкъ тоньше и мягче Рубенса, Іордансъ, наоборотъ, грубѣе его. Предметомъ его картинъ обыкновенно служатъ окруженные животными коренастые крестьяне и дородныя крестьянки, съ аппетитомъ кушающіе за столомъ, уставленнымъ обильной, жирной пищей. Сильный колористъ, Іордансъ такъ же, какъ и

Рубенсъ, любитъ сочныя, хотя и болѣе рѣзкія краски, смѣлые широкіе мазки. Въ его грубомъ реализмѣ много простодушной и непосредственной близости къ природѣ.

Въ Голландіи послѣ освобожденія отъ испанскаго владычества, вмѣстѣ съ новымъ, самостоятельнымъ управленіемъ, зарождается также и самостоятельная школа искусства. Вниманіе голландскихъ художниковъ направлено, главнымъ образомъ, на изображеніе мелочей повседневной домашней жизни и портретовъ положительныхъ, довольныхъ горожанъ какъ въ кругу семьи, такъ и за дружнымъ совмѣстнымъ трудомъ, содѣйствующимъ мирному процвѣтанію ихъ родины. Голландцы пишутъ также картины на религіозные сюжеты, стремясь передать внутренній смыслъ библейской сцены, то настроеніе и размышленія, которыя вызываются чтеніемъ любимой книги Библіи вечеромъ въ кругу семьи у домашняго очага. Свои картины голландцы пишутъ не для пышныхъ дворцовъ аристократовъ, а для уютныхъ жилищъ скромныхъ людей, и потому эти картины обыкновенно небольшихъ размѣровъ и не бросаются въ глаза яркостью и пестротой красокъ. Вообще колоритъ голландскихъ картинъ отличается мягкостью и нѣжностью тоновъ, что обусловливается также характеромъ голландской природы. Въ Голландіи, странѣ заливовъ и каналовъ, воздухъ отличается необыкновенной влажностью, и голландскій пейзажъ всегда какъ бы окутанъ воздушной мглой, которая придаетъ нѣжность очертаніямъ предметовъ, сглаживаетъ рѣзкіе переходы отъ свѣта къ тѣни, создавая мягкую свѣтотѣнь. Величайшими голландскими живописцами являются Франсъ Гальсъ и Рембрандтъ. *У Франса Гальса* (1581—1666), принадлежащаго къ первому поколѣнію, слѣдовавшему за побѣдоноснымъ окончаніемъ войны, еще слышится боевое настроеніе. Онъ любитъ изображать задорныхъ удальцовъ съ шапкой набекрень, съ лихо закрученными усами. Его манера поражаетъ широкой смѣлостью и увѣренностью письма; его творчество—олицетвореніе молодой ликующей Голландіи. Изъ произведеній Франса Гальса отмѣтимъ портретную группу стрѣлковъ гильдіи св. Георга.

Среди всѣхъ голландскихъ художниковъ великій *Рембрандтъ* (1606—1669) по силѣ своего воображенія, по глубинѣ и серьезности своего таланта, по возвышенности своей натуры стоитъ совсѣмъ одиноко. Геніальному творчеству Рембрандта трудно дать исчерпывающее опредѣленіе. Эта великая личность долго оставалась непонятной какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, и лишь въ XIX вѣкѣ всѣми признана міровымъ геніемъ. Великолѣпный рисовальщикъ Рембрандтъ отличался своимъ умѣніемъ передать въ своихъ картинахъ и гравюрахъ ту красоту игры

свѣта и тѣни, которая называется свѣтотѣнью. Онъ умѣлъ добиваться выраженія силы свѣта и придавалъ тѣнямъ ту прозрачную воздушность, которой онѣ отличаются въ природѣ. Благодаря этому, всѣ его фигуры лѣпятся очень рельефно и выступаютъ, какъ живыя. Колоритъ его отличается мягкими золотисто-коричневыми тѣнями. Въ своихъ картинахъ Рембрандтъ изображалъ только окружавшихъ его лицъ и изображалъ очень жизненно и правдиво. Но въ то же время онъ придавалъ реальной ежедневности печать чего-то просвѣтленнаго, идеальнаго и, наоборотъ, чудесное, идеальное онъ представлялъ въ чувственныхъ, реально существующихъ формахъ. Необыкновенно хороши его религіозныя картины. Онѣ проникнуты простымъ и искреннимъ чувствомъ и глубоко передаютъ всю таинственность и драматичность библейскаго событія. Въ своихъ портретахъ онъ удивительно схватываетъ нравственный обликъ изображаемаго лица, его внутреннюю жизнь и настроеніе (рис. 43). Рембрандтъ—геній колорита и слава голландской школы, но и помимо его эта школа изобиловала крупными талантами (жанристы *Брауверъ* и *ванъ-Остаде*, пейзажисты *Гоббема* и *Райсдаль*).

43. Рембрандтъ. Старушка.

XVII вѣкъ во Франціи былъ временемъ наивысшаго торжества королевской власти,—временемъ, когда эта власть охватывала собой цѣликомъ весь строй государства. При дворѣ царствуетъ пышная церемонность, торжественное великолѣпіе. Король, заставлявшій служить себѣ всѣ силы государства, накладываетъ свою могучую руку также и на искусство, требуя отъ художниковъ точнаго исполненія своей воли и считая ихъ, наравнѣ со всѣми подданными, призванными къ сооруженію пышнаго храма своей славѣ, блеску и величію. Художники создаютъ огромныя, величественныя картины и зданія, но про-

являть свою личность и свои чувства они не смѣютъ. Типичнымъ памятникомъ этого искусства является *Версальскій дворецъ*, подавляющій своей роскошью и великолѣпіемъ, но въ то же время поражающій своей напыщенностью и холодной размѣренностью. Наиболѣе выдающіеся художники этой эпохи—пейзажисты *Туссенъ* и Клодъ *Лорренъ*.

Франція XVIII в. играетъ весьма значительную роль въ исторіи европейскаго искусства. Французскій *стиль рококо*, получившій въ XVIII вѣкѣ такое широкое распространеніе, составляетъ полную противоположность своими легкими капризно изогнутыми линіями тому величественному, торжественному стилю, который господствовалъ при дворѣ Людовика XIV. Въ этой перемѣнѣ стилей искусства отразилась перемѣна въ настроеніи французскаго общества, происшедшая послѣ смерти могущественнаго короля. Теперь въ искусствѣ, какъ и въ жизни, стремятся къ легкому, игривому, капризному, веселому. Въ архитектурѣ, вмѣсто прежней монументальности, ищутъ своевольнаго изящества и изысканнаго комфорта. Въ живописи и скульптурѣ прежнія театральныя, напыщенныя фигуры замѣняются стройными, граціозными фигурками свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ въ свѣтлыхъ легкихъ шелковыхъ костюмахъ. Изъ живописцевъ этой эпохи самый выдающійся—*Ватто* (1684—1721), очень поэтично и изящно передававшій утонченныя забавы веселящагося парижскаго высшаго свѣта

44. Ватто. Общество въ саду.

(рис. 44). *Буше*, послѣдователь Ватто, и *Фрагонаръ* отразили въ своемъ искусствѣ, вмѣстѣ съ изысканной элегантностью французскаго общества, также и его легкомысленную испорченность.

Во второй половинѣ XVIII вѣка чувствуется утомленіе этой утонченно-разсѣянной жизнью, появляется увлеченіе простотой, безыскусственностью и семейными добродѣтелями, образецъ которыхъ находятъ у нпзшихъ слоевъ французскаго общества. Это недовольство современной культурой и строемъ жизни, которое нашло себѣ мощное выраженіе въ литературѣ (Руссо), а въ широкихъ народныхъ массахъ привело къ революціи, въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ отразилось очень поверхностно, такъ какъ проистекало только изъ чувства пресыщенности и стремленія къ разнообразію. Неискренность этого настроенія чувствуется и въ живописи. Въ своихъ картинахъ *Грёзъ* (1725—1805) рисуетъ въ сантиментальномъ духѣ невинныя занятія въ счастливомъ семейномъ кругу, стремится выразить свое восхищеніе передъ наивной добродѣтелью простыхъ сердецъ, но въ его произведеніяхъ отсутствуетъ глубина чувства и звучитъ даже фальшивая нотка. Стремленіе къ простотѣ нравовъ и жизненнаго уклада привело въ концѣ вѣка къ увлеченію античностью и создало въ живописи школу классиковъ, во главѣ которой сталъ Давидъ, сначала первый художникъ революціоннаго времени, а затѣмъ придворный живописецъ Наполеона I.

6. Европейское искусство XIX вѣка.

Увлеченіе античной жизнью и искусствомъ въ эпоху великой французской революціи опредѣлило все дальнѣйшее развитіе европейскаго искусства. Въ продолженіе всей первой половины XIX вѣка искусство Западной Европы идетъ по пути подражанія великимъ мастерамъ прошлаго. Появляется цѣлый рядъ крупныхъ талантовъ, которые создаютъ прекрасныя произведенія, но созданія ихъ лишены самостоятельности и не имѣютъ никакой связи съ современной дѣйствительностью. Лишь постепенно, медленнымъ шагомъ идетъ освобожденіе отъ подчиненія авторитету великихъ мастеровъ и возвращеніе къ изображенію современной жизни, къ самостоятельнымъ взглядамъ и пріемамъ.

Въ дѣлѣ созданія новаго самостоятельнаго искусства XIX вѣка видную роль играютъ *Франція*, *Англія* и *Германія*. Отъ англичанъ исходятъ новыя вѣянія, дающія первый толчокъ къ освободительной и созидательной работѣ въ искусствѣ. У французовъ же, соединяющихъ твердое умѣнье съ врожденной техни-

ческой изобрѣтательностью и художественной воспріимчивостью, эта работа даетъ наиболѣе яркіе результаты. Изъ среды германскихъ художниковъ, вначалѣ отставшихъ отъ французскихъ, выходитъ во второй половинѣ XIX вѣка рядъ значительныхъ талантовъ, дѣлающихъ крупный вкладъ въ новое европейское искусство. Художественнымъ центромъ Европы, школой для художниковъ и средоточіемъ всѣхъ перемѣнъ и открытій въ искусствѣ остается все же до сихъ поръ Франція.

Во *Франціи* великая революція привела къ разрушенію всѣхъ старыхъ государственныхъ порядковъ и привычекъ. Надо было строить все сызнова, и въ этой созидательной работѣ взоры французовъ въ поискахъ за образцами невольно обратились къ великому примѣру прошлаго—къ римскому республиканскому строю, казавшемуся воплощеніемъ гражданской свободы, равенства и братства. То же самое произошло и въ искусствѣ: все старое было отвергнуто, какъ ненужное и вредное, новое еще не успѣло сложиться, и художники обращаются за образцами къ готовымъ формамъ законченнаго искусства древнихъ. Главнымъ представителемъ живописи этого времени является *Давидъ* (1748—1825), стоявшій во главѣ цѣлой школы послѣдователей. Давидъ былъ крупнымъ художникомъ, и портреты его современниковъ и картины, изображающія событія его эпохи— Смерть Марата , «Коронація императрицы Жозефины»—свидѣтельствуютъ о его смѣломъ реализмѣ и значительномъ талантѣ портретиста. Но слава Давида среди его современниковъ основывалась не на этихъ работахъ, а на его картинахъ на античные сюжеты. Сухая правильность и научная точность этихъ картинъ, повторяющихъ образы окаменѣлой красоты, почерпнутые въ изученіи античныхъ барельефовъ, дѣлаютъ ихъ безжизненными и мало интересными. Изъ многочисленныхъ учениковъ Давида, способствовавшихъ утвержденію во французской живописи классическаго направленія выдавался своей высокой одаренностью *Энгръ* (1780—1867), который также, какъ и Давидъ, стремился достигнуть въ своихъ произведеніяхъ красоты линій и пластическихъ формъ. Лучшими его произведеніями являются портреты.

Энгру пришлось выдержать упорную борьбу съ художниками новаго направленія во французской живописи—*романтическаго*, явившагося реакціей по отношенію къ холодной безстрастности классиковъ, къ ихъ исключительному поклоненію формамъ и линіямъ и презрѣнію къ краскамъ. Предшественниками этого направленія считаются Прюдонъ и Гро. Нѣжное, граціозное искусство *Прюдона* (1758—1823) очень отличается отъ современнаго ему классическаго. Его картины выдѣляются его умѣньемъ

писать нагое тѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнуты глубокимъ внутреннимъ переживаніемъ и нѣжнымъ чувствомъ. *Гро* (1771—1835), ученикъ Давида, во многомъ измѣнилъ своему учителю. Гро былъ живописцемъ наполеоновскихъ войнъ. Благодаря тому, что сюжеты его картинъ взяты изъ столь волновавшей всѣхъ современности, онѣ отличаются прочувствованностью и жизненной правдой, несмотря на нѣкоторую театральность и неизбѣжную идеализацію героя. Лучшія его картины—«Наполеонъ среди зачумленныхъ въ Яффѣ» и «Битва подъ Эйлау». Гро, поклонникъ Рубенса, картины свои писалъ яркими красками и широкой манерой, что уже составляетъ разницу между нимъ и Давидомъ.

45. Делакруа. Ладья Данте.

Первый дерзко и смѣло вступилъ на новый путь геніальный *Делакруа* (1799—1863). Все творчество Делакруа—страстный протестъ противъ сухой условности классической живописи. Произведенія его отличаются силой и смѣлостью въ движеніяхъ и очертаніяхъ, жизненной правдой выраженія, глубиной настроенія и сильными, пылающими красками; размѣщая фигуры на своихъ картинахъ, Делакруа заботился лишь о естественности и правдивости и предпочиталъ уродливыя, но выразительныя лица безжизненно красивымъ. Самыя извѣстныя его вещи: «Ладья Данте» (рис. 45), «Рѣзня въ Хіосѣ» (картина на современныя событія въ Греціи), «Алжирскія женщины», «Медея» и др.

Выступленіе Делакруа вызвало горячую борьбу между обоими лагерями. «Энгръ» и «Делакруа» было боевымъ кличемъ противниковъ. Борьба улеглась, когда на смѣну ихъ выступили

умѣренные и разсудительные художники буржуазной монархіи, старавшіеся смягчить крайности своихъ учителей и угождать прежде всего вкусамъ публики. Самый типичный представитель этого времени *Деларошъ* (1797—1856); его точныя и добросовѣстныя историческія картины, чувствительныя по содержанію и написанныя яркой живописью, пользовались огромнымъ успѣхомъ у публики.

Въ *Германіи* происходитъ та же смѣна направленій въ живописи, какъ и во Франціи. Представителями германскаго классицизма являются *Менсъ* (1728—1779), *Карстенсъ* (1754—1798) и *Корнеліусъ* (1783—1867). За увлеченіемъ древностью послѣдовало здѣсь увлеченіе средними вѣками, за холодной разсудочностью классиковъ—наивныя, искреннія чувства художниковъ такъ наз. Назарейской школы. Германскіе художники этой эпохи отличаются отъ французскихъ своей безпомощной, неумѣлой живописью. Самый интересный изъ романтиковъ—художникъ нѣмецкаго сказочнаго міра *Швиндъ* (1804—1871). Его богатая поэтическая фантазія выдаетъ въ немъ настоящаго германца и самостоятельнаго художника. Сознаніе своей безпомощности въ живописи заставило нѣмецкихъ художниковъ учиться писать красками у французовъ. Около середины вѣка происходитъ возрожденіе колорита въ Германіи, благодаря работамъ такихъ мастеровъ, какъ *Макартъ* (1840 — 1884), писавшій исключительно декоративныя, сверкающія красками картины, художникъ сверхчувственныхъ видѣній *Габріель Максъ* (1840 год.) и Ансельмъ *Фейербахъ* (1829—1880). Его простыя, величественныя композиціи по техническимъ пріемамъ и зависимости отъ старыхъ мастеровъ сближаютъ ихъ автора съ классиками, но выражающееся въ колоритѣ, то яркомъ, золотистомъ, то сѣромъ и тускломъ, настроеніе обличаетъ въ немъ нервнаго, утонченнаго человѣка новаго времени. Главнымъ представителемъ исторической живописи въ Германіи является учитель Макарта—*Пилоти* (1821—1886), пользовавшійся здѣсь такимъ же успѣхомъ, какъ Деларошъ во Франціи, благодаря своей чисто научной точности историка въ передачѣ подробностей изображаемыхъ историческихъ сценъ и перенятымъ у Делароша пріемамъ яркой живописи.

Европейская живопись первой половины XIX в. была чужда современной ей дѣйствительности. Она жила въ прошломъ; преклоняясь передъ формами прошлаго искусства, она умѣла только подражать имъ. Но такъ продолжаться долго не могло: искусство должно быть прежде всего зеркаломъ своего времени. Въ европейской живописи долженъ былъ наступить переворотъ, возвращеніе къ изображенію современной жизни и людей. Но

переворотъ совершался медленно. Публика такъ привыкла видѣть въ картинѣ прежде всего интересную повѣсть или полезный урокъ исторіи, что простое изображеніе повседневной жизни должно было показаться ей очень скучнымъ. Чтобы пріучить ее къ этому, художники должны были не просто изображать современныхъ людей, а изображая разсказывать интересный или забавный случай ихъ жизни. Реализмъ могъ утвердиться въ современной живописи только чрезъ посредство анекдотической *жанровой живописи.*

Новый путь въ этомъ случаѣ указала *Англія.* Отличительными чертами англійскаго искусства являются правдивость изображенія, интересъ къ современному человѣку, его внѣшней жизни и духовному міру. Эти черты ясны уже у англійскихъ художниковъ XVIII в.—*Гогарта* (1697—1764), стремившагося, кромѣ того, своими картинами изъ современныхъ нравовъ поучительно дѣйствовать на публику, у *Рейнольдса* (1723—1792), великолѣпнаго портретиста, проявившаго въ огромной галлереѣ портретовъ тонкое пониманіе душевнаго склада своихъ современниковъ, и у *Генсборо* (1727—1788)—художника съ глубокимъ настроеніемъ, которое онъ вкладывалъ въ изображеніе какъ людей, такъ и пейзажа. Классическое направленіе коснулось также и Англіи, но и въ классическую эпоху англійскіе художники (напримѣръ, *Вильки*), продолжали считать современную жизнь достойнымъ предметомъ искусства, рисуя забавныя и занятныя сценки изъ жизни среднихъ и низшихъ классовъ. Подъ вліяніемъ англичанъ жанровая живопись утвердилась въ Германіи. Во Франціи она находитъ меньшій откликъ, но здѣсь зато политическія событія 1830 и 1848 годовъ вызываютъ появленіе въ живописи жалостливыхъ сценъ изъ жизни бѣднаго, загнаннаго рабочаго люда. Первыми истинными *реалистами*, изображавшими жизнь просто, безъ прикрасъ, такъ, какъ она непосредственно открывалась ихъ художественному взору, были во Франціи художники *Барбизонской группы* и Густавъ *Курбе.*

Художественное творчество барбизонскихъ пейзажистовъ имѣетъ своихъ предшественниковъ также въ Англіи, которой и въ *пейзажной живописи* суждено было указать Европѣ новый путь. Первымъ вступилъ на этотъ путь великій *Тёрнеръ* (1775—1851), одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ и геніальныхъ пейзажистовъ всѣхъ временъ. Въ своихъ картинахъ Тёрнеръ всѣ подробности приноситъ въ жертву одной цѣли—передачѣ разнообразныхъ эффектовъ солнечнаго свѣта и воздуха; при этомъ въ воспроизведеніи то сіяющей, струящейся глубины неба, то подернутыхъ дымкой тумана водныхъ поверхностей Тёрнеръ достигаетъ такого

сверкающаго блеска красокъ, такой воздушности и легкости кисти, какихъ нельзя встрѣтить ни у одного художника. Его современникъ *Констебль* (1776—1837), отрѣшившійся отъ всѣхъ условностей въ пейзажѣ, непосредственно и свѣжо передалъ свои впечатлѣнія отъ родной англійской природы.

Картины Констебля и его послѣдователей произвели на французовъ сильное впечатлѣніе, которое вскорѣ вызвало переворотъ во французской пейзажной живописи. Группа молодыхъ художниковъ-парижанъ поселяется въ живописной деревушкѣ Барбизонѣ, въ мѣстности Фонтенбло, чтобы не въ мастерской, а на самомъ лонѣ природы передавать свои живыя впечатлѣнія и вдохновенныя мечты. Горячее чувство восторга предъ природой и серьезное изученіе оттѣнковъ освѣщенія и воздушныхъ явленій отмѣчаютъ собой произведенія сильнаго и выразительнаго *Руссо* (1812—1867), нѣжнаго и мечтательнаго *Коро* (1796—1875), *Дюпре* и *Добиньи*. Къ этой группѣ пейзажистовъ вскорѣ присоединился Франсуа *Милле* (1814—1874), одинъ изъ самыхъ значительныхъ художниковъ XIX вѣка, творчество котораго тѣсно примыкаетъ къ творчеству его барбизонскихъ друзей. Эти послѣдніе посвятили себя правдивому изображенію родной природы, Милле—крестьянскаго рабочаго люда, связаннаго съ природой узами труда (рис 46). Трудъ крестьянина въ изображеніи

46. Милле. Женщина, пасущая корову.

47. Курбе. Каменщики.

Милле—изнурительная тяжесть, придавливающая его, но въ то же время—то начало, которое возвышаетъ его, составляетъ его достоинство и нравственное величіе. Крестьянскую рабочую жизнь Милле передаетъ съ такой глубиной, искренностью и серьезностью, что достигаетъ впечатлѣнія торжественной внушительности; картины его прекрасны своей величественной простотой и правдивостью.

Творчество Милле было замкнуто въ кругу исключительно крестьянской жизни; распространителемъ принциповъ реализма въ живописи на изображеніе всей современной жизни былъ *Курбе* (1819—1877), сильный, увѣренный въ себѣ художникъ, шумно и рѣзко провозгласившій, что единственная цѣль искусства—точная передача всѣхъ подробностей современной жизни (рис. 47). Курбе и его послѣдователи внесли въ искусство жизнь и правду и потому могутъ считаться создателями новаго свободнаго искусства, но въ одной области они продолжали быть связанными со старыми мастерами—въ области колорита. Курбе былъ хорошій колористъ, умѣлъ искусно создавать изъ соотношенія тоновъ богатыя гармоніи. Но въ этой работѣ онъ слѣдовалъ завѣтамъ старыхъ мастеровъ; краски же старыхъ мастеровъ, потемнѣвшія отъ времени, какъ онѣ ни гармоничны и прекрасны, все же теперь не соотвѣтствуютъ краскамъ, наблюдаемымъ нами въ природѣ. Кромѣ того, всѣ мастера прошлаго писали свои картины въ мастерской, при комнатномъ освѣщеніи,

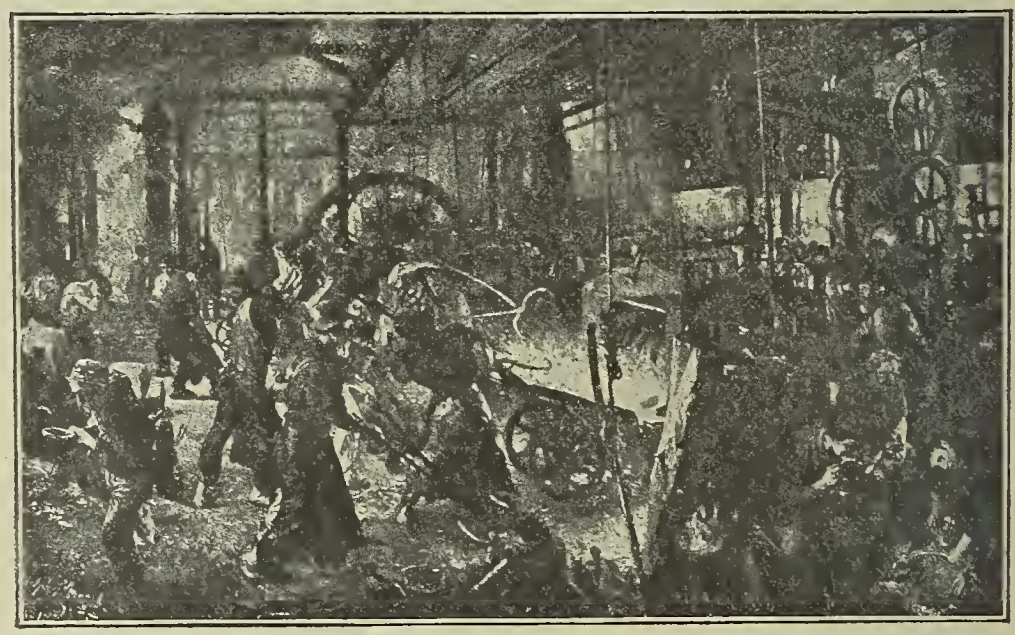
которое совсѣмъ не подходило къ сценамъ, представленнымъ на открытомъ воздухѣ. Курбе, считавшій себя независимымъ, не имѣющимъ другого учителя, кромѣ правды, не сумѣлъ достигнуть этой правды въ краскахъ, и несоотвѣтствіе между глубокой жизненностью въ его композиціи и рисункѣ и искусственностью въ колоритѣ не можетъ не броситься въ глаза.

Гораздо послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи были великій германскій реалистъ *Менцель* и представители реализма въ Англіи—группа художниковъ, назвавшая себя *Прерафаэлитскимъ братствомъ*. Въ концѣ 40-хъ годовъ три молодыхъ англійскихъ художника *Миллэсъ* (1829—1896), *Россетти* (1828—1882) и *Хёнтъ* (род. 1827 г.) составили союзъ, чтобы общими силами бороться противъ условности и подражательности въ современной имъ живописи. Они назвали себя *прерафаэлитами*, такъ какъ царствовавшему тогда въ Европѣ идеализму и увлеченію мастерами XVI вѣка они противопоставляли наивный, глубокій реализмъ художниковъ дорафаэлевскаго времени. Они утверждали, что въ природѣ ничѣмъ нельзя пренебрегать, такъ какъ въ ней все прекрасно, и старательно списывали съ натуры всѣ подробности своихъ картинъ. Такой нѣсколько угловато-правдивой манерой написаны, между прочимъ, «Благовѣщенье» Россетти, «Христосъ въ домѣ родителей» Миллэса и «Тѣнь смерти» Хёнта. Прерафаэлиты рѣшили и въ краскахъ точно слѣдовать природѣ и переносить на полотно всѣ краски, какъ ихъ видишь въ отдѣльности, но этотъ способъ привелъ къ пестротѣ и рѣзкости; ничто не объединяетъ ихъ красокъ въ гармоничное цѣлое.

Картины *Менцеля* (1815—1905), достигавшаго какъ въ сценахъ изъ современной жизни, такъ и въ историческихъ картинкахъ изъ жизни Фридриха Великаго, не только внѣшней, но и внутренней, глубоко человѣческой правды, по краскамъ тоже пестры и безпокойны. Извѣстна его «Кузница», отличающаяся поразительной живостью изображенія (рис. 48). И Менцель и прерафаэлиты, хотя и отрѣшились смѣло отъ стараго пониманія колорита, но быть создателями новаго не могли, потому что и у тѣхъ и у другого на первомъ планѣ былъ духовный интересъ, а не чисто живописный. Прерафаэлиты никогда не могли отказаться отъ повѣствовательнаго содержанія своихъ картинъ, и ихъ произведенія представляютъ собой всегда поэтическій разсказъ или воплощеніе поэтической печали; въ картинахъ же Менцеля на первомъ планѣ всегда чувствуются умъ и острый взоръ изслѣдователя.

Переворотъ въ пониманіи колорита и пріемахъ живописи суждено было произвести французамъ, а главнымъ толчкомъ къ

нему послужилъ возбудившійся въ 60-хъ годахъ интересъ и увлеченіе *японскимъ искусствомъ*. Тѣ образцы японской живописи, съ которыми стали знакомиться въ Парижѣ, поразили французовъ своей несомнѣнной высокой художественностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, своей необычностью. У японцевъ французы нашли то, что у многихъ было на устахъ, но чего никто не умѣлъ сказать,— новый, болѣе общій и свободный способъ выраженія сложныхъ, нервныхъ ощущеній современной жизни, ея мимолетнаго разнообразія и богатства. Японцы самыми простыми средствами—нѣсколькими штрихами и красочными пятнами—достигаютъ изумительной яркости и жизненности впечатлѣнія. Это



48. Менцель. Кузница.

зависитъ отъ ихъ умѣнья обобщать впечатлѣнія, выражать въ нихъ лишь самое существенное, безошибочно схватывать вѣрное соотношеніе между главнымъ и второстепеннымъ. Благодаря этому ихъ рисунки кажутся пойманными на лету мгновеньями. Японцы доказали французамъ, что не нужно непремѣнно писать темными коричневыми красками старыхъ мастеровъ, и что гармонія свѣтлыхъ нѣжныхъ тоновъ на ихъ картинахъ зависитъ отъ искусной передачи воздуха, игры свѣтовыхъ явленій. То новое пониманіе живописи и ея задачъ, которое усвоили себѣ французскіе художники подъ вліяніемъ японцевъ, получило названіе *импрессіонизма* (отъ французскаго слова, которое значитъ «впечатлѣніе»), а группу молодыхъ художниковъ, взявшихся проводить эти новые взгляды въ своихъ работахъ, про-

звали импрессіонистами. Это слово показываетъ, что сторонники новыхъ взглядовъ считали необходимымъ для жизненнаго изображенія дѣйствительности не объективную передачу всѣхъ ея подробностей, какъ у Курбе, а субъективное выраженіе общаго художественнаго впечатлѣнія отъ дѣйствительности.

Отцомъ импрессіонизма и творцомъ новѣйшаго искусства считаютъ самаго значительнаго художника этой группы *Манэ* (1833—1883). Въ своихъ картинахъ Манэ пишетъ фигуры при простомъ дневномъ свѣтѣ, свѣтлыми красками, безъ рѣзкихъ тѣневыхъ контрастовъ, стремясь передавать лишь свои впечатлѣнія («Олимпія», «Завтракъ на травѣ», «Завтракъ въ мастерской»). Но гармоничнаго колорита онъ добился лишь тогда, когда началъ писать на открытомъ воздухѣ и задался цѣлью изучить ту среду, которая создаетъ гармонію въ самой природѣ, т.-е. свѣтъ и воздухъ. Овладѣвъ новымъ способомъ, Манэ принялся за передачу впечатлѣній шумной столичной жизни, всегда интересуясь прежде всего разнообразными эффектами дневного свѣта и искусственнаго освѣщенія. Лучшія произведенія этого рода—«Дача», «Нана», «Буфетчица» и «Въ лодкѣ». Славу Манэ раздѣляютъ его товарищи *Моне*, *Ренуаръ*, *Дегазъ*, работавшіе въ одномъ съ нимъ направленіи.

Завоеванія импрессіонистовъ сдѣлались общимъ достояніемъ, выступила цѣлая вереница талантливыхъ живописцевъ, начавшихъ примѣнять новую манеру къ изображенію разнообразныхъ сторонъ современной жизни. Жизнь деревни и рабочихъ писали *Бастьенъ-Лепажъ* и *Лермитъ*, жизнь Парижа — *Рафаэлли* и др.

Нововведенія импрессіонистовъ внесли свѣжую струю въ современное искусство и, призывая молодыхъ художниковъ всей Европы развивать свое творчество на новой почвѣ, указывали на широкія перспективы для дальнѣйшихъ открытій. Вмѣстѣ съ этимъ, провозглашенный импрессіонистами субъективизмъ въ искусствѣ позволялъ молодымъ художникамъ быть болѣе самостоятельными и оригинальными въ развитіи своего творчества и отыскиваніи новыхъ путей для его выраженія. Вслѣдствіе этого трудно охватить творческіе пути современныхъ намъ художниковъ общимъ опредѣленіемъ. Утонченный художникъ конца вѣка *Уистлеръ* (1834—1903) ищетъ въ искусствѣ лишь выраженія настроенія отъ красочныхъ впечатлѣній природы. Еще дальше въ поискахъ за обобщенностью и живописностью, идутъ современные французскіе художники *Сезаннъ*, *Гогенъ*, *Каррьеръ*, *Матисъ*, которыхъ интересуетъ исключительно красочная сущность вещей въ природѣ.

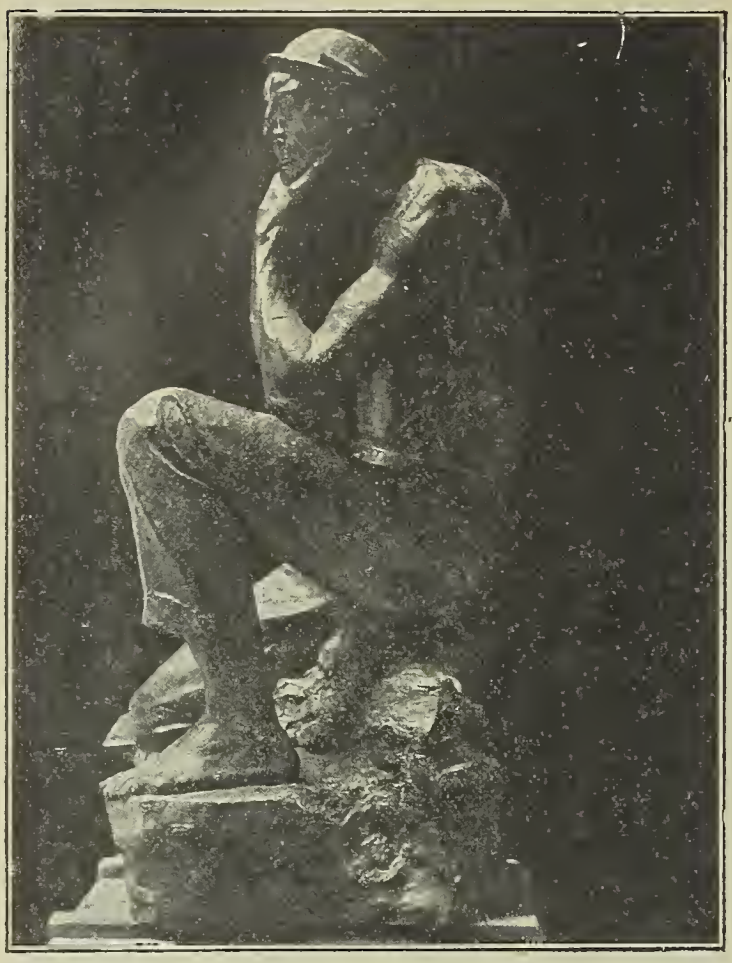
Натуралистическое искусство XIX вѣка дало полную картину внѣшнихъ формъ жизни современныхъ людей, но утонченная внутренняя жизнь современнаго человѣка, жизнь чувствъ въ разнообразныхъ оттѣнкахъ, жизнь сложныхъ образовъ его фантазіи не нашла въ немъ себѣ отраженія. Поэтому во второй половинѣ вѣка появляются художники, которыхъ не удовлетворяетъ простая передача въ искусствѣ впечатлѣній дѣйствительнаго міра, которые стремятся создать въ немъ другой міръ выше и прекраснѣе дѣйствительнаго, міръ сказочныхъ фантастическихъ образовъ, выражающихъ стремленія и порывы ихъ тоскующей по идеалу души. Только что пройденная реалистическая школа, подчинившая художнику природу, помогла идеалистамъ конца вѣка достигнуть въ изображеніи этого надземнаго фантастическаго міра необычайной выразительности, убѣдительности и правдоподобія. Въ Англіи, откуда впервые и исходитъ это *идеалистическое движеніе*, къ нему примыкаютъ художникъ мистическихъ грезъ прерафаэлитъ *Россетти*, утонченный, нѣсколько женственный *Бернъ-Джонсъ* и *Уотсъ* (1817—1904), самобытный и сильный художникъ, воплощающій въ простыхъ, величавыхъ и мощныхъ образахъ отвлеченныя мысли и представленія. Во Франціи Густавъ *Моро* (1826—98) пишетъ сверкающія золотомъ, камнями, восточными тканями картины, на которыхъ изображенъ міръ загадочно-причудливыхъ образовъ его нѣсколько болѣзненной фантазіи. Монументальныя, декоративныя композиціи *Пювисъ-де-Шавана* (1824—98), наоборотъ, преисполнены яснаго созерцательнаго настроенія, торжественности и простоты. Въ Германіи Арнольдъ *Бёклинъ* (1827 — 1901), величайшій поэтъ красокъ и замѣчательный пейзажистъ XIX в., одаренный безграничной фантазіей художникъ, возсоздаетъ въ своихъ произведеніяхъ сказочный міръ греческой миѳологіи, и онъ дѣлаетъ это такъ убѣжденно и сильно, что его фавны, кентавры и нимфы кажутся вполнѣ живыми и правдоподобными существами, совершенно неотдѣлимыми отъ его пейзажа, составляющими его сущность, его душу (рис. 49). Тотъ же міръ античныхъ миѳовъ любитъ изображать Францъ *Штукъ*, художникъ, склонный къ декоративности и античной строгости линій. Максъ *Клингеръ*, оригинальный и сильный художникъ, мыслитель и поэтъ, одаренный мощной фантазіей, воплощаетъ въ точныхъ, строгихъ формахъ свои грезы и настроенія.

Въ области *скульптуры* въ XIX в. мы не видимъ такой горячей борьбы, такой смѣны взглядовъ и направленій, какъ въ живописи. Классицизмъ, выдвинувшій на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ двухъ талантливыхъ ваятелей—итальянца *Канову* (1757 — 1822)

и датчанина *Торвальдсена* (1770—1844), надолго прочно утверждается въ скульптурѣ. Даже распространившееся съ середины вѣка стремленіе европейскихъ народовъ воздвигать памятники своимъ великимъ людямъ, не вызвало оживленія въ скульптурѣ, а привело лишь къ загроможденію улицъ большихъ западныхъ городовъ рядомъ безвкусныхъ изваяній, хотя, конечно, попадаются и болѣе или менѣе яркія исключенія. Но подъ вліяніемъ глубокаго переворота, совершившагося въ живописи, и въ скульптурѣ происходитъ подъемъ и глубокая внутренняя работа, благодаря которой и она находитъ новый, болѣе свободный,

49. Бёклинъ. Священная роща.

способъ выраженія природы современнаго человѣка. Новаторомъ выступаетъ французъ *Роденъ* (род. 1840), впервые примѣняющій къ скульптурѣ принципы импрессіонизма и достигающій этимъ такой подвижности и яркой жизненности, которая, казалось бы, въ скульптурѣ невозможна. Наиболѣе извѣстныя его скульптуры «Поцѣлуй», «Мыслитель» и др. Опыты Родена повліяли на бельгійца *Мёнье* (1831—1905), который съ огромной натуралистической силой возсоздаетъ въ своихъ произведеніяхъ образъ рабочаго, видя въ немъ, какъ Милле въ своихъ крестьянахъ, мученика и героя труда (рис. 50). Эти два крупныхъ художника имѣютъ много послѣдователей, далѣе развивающихъ провозгла-



50. Мёнье. Горнорабочій.

шенныя ими новыя начала и новое пониманіе задачъ скульптуры.

Въ *архитектурѣ* еще меньше, чѣмъ въ скульптурѣ видно самостоятельное творчество. Имѣвшій такое широкое распространеніе въ началѣ вѣка *стиль имперіи*, возникшій при Наполеонѣ I, былъ вызванъ подражаніемъ античной архитектурѣ. Во второй половинѣ вѣка появляется стремленіе развивать въ зодчествѣ національныя архитектурныя преданія въ примѣненіи къ потребностямъ современности. Такъ, англійскіе зодчіе создали англійскій «новый стиль», отличающійся простотой и стремленіемъ къ наибольшей уютности. Много подражаній вызвала архитектура домовъ Голландіи, Даніи и Швеціи — странъ, отличающихся большой національной самобытностью въ искусствѣ. Вообще складывается убѣжденіе, что современный домъ такъ же, какъ платье, долженъ выражать собой потребности и вкусъ современнаго человѣка. Особенно характернымъ для зодчества XIX в. являются постройки изъ желѣзныхъ балокъ — вокзалы, склады, мосты. Нѣкоторыя изъ этихъ желѣзныхъ сооруженій достигаютъ изумительной высоты и техническаго совершенства, какъ, напримѣръ, парижская башня, построенная *Эйфелемъ*, и сорокаэтажные дома въ Америкѣ. Возможно, что будущее современной архитектуры принадлежитъ этимъ желѣзнымъ великанамъ.

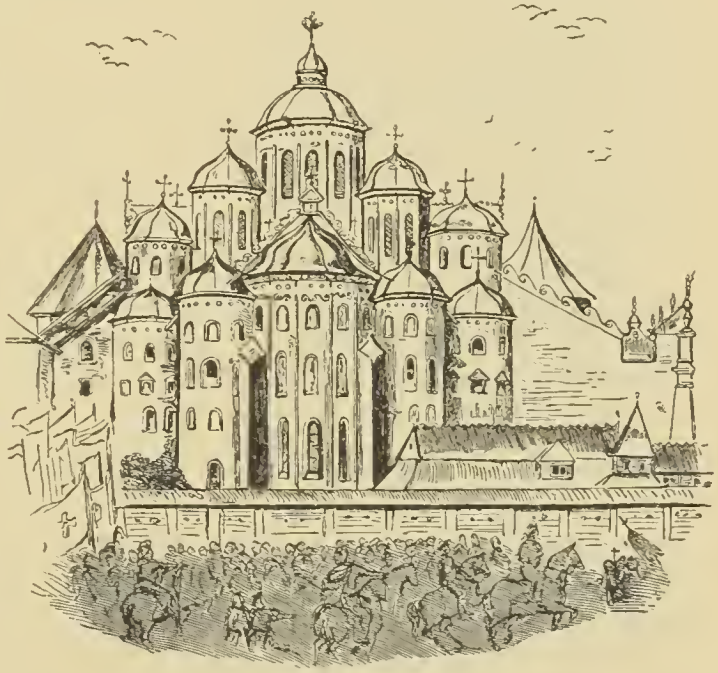
7. Древнее русское искусство (до XVIII в).

1. Зодчество.

Зачатки русскаго искусства относятся къ глубокой древности. Изученіе археологическихъ данныхъ постепенно пролило свѣтъ на художественную жизнь древнѣйшей эпохи на Руси.

Русское искусство находилось въ разные періоды своего существованія подъ иноземными вліяніями, но это не помѣшало ему сохранить свою *самобытность* и создать своеобразныя *національныя формы*.

Съ принятіемъ христіанства, *византійское вліяніе* распространилось на разныя области древне-русской жизни. Сказывается это и на искусствѣ. На Руси появляется каменное зодчество, до того времени существовало только деревянное. Князья соревнуютъ въ возведеніи храмовъ, выписываютъ греческихъ мастеровъ, которые созидаютъ и украшаютъ русскія церкви въ византійскомъ стилѣ. Впослѣдствіи ихъ учениками становятся мѣстные мастера. Въ великокняжеской столицѣ *Кіевѣ* первыми каменными храмами, сооруженными Владиміромъ, являются церкви *Васильевская* и *Десятинная* (X в.), обѣ не дошедшія до насъ. Главнымъ памятникомъ этой эпохи является *Софійскій соборъ*, построенный при Ярославѣ Мудромъ (1036 г.). Нѣсколько разъ перестроенный, онъ все же сохранилъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ свою первоначальную кладку (рис. 51). Отъ этого періода (XI—XII вв.) до насъ дошло еще нѣсколько церквей Кіева, Чернигова и другихъ сосѣднихъ городовъ. Правда ихъ первоначальный видъ очень пострадалъ, но путемъ изученія оставшихся



51. Кіево-Софійскій соборъ.

древнихъ частей можно возстановить ихъ общій видъ. Возвышаясь въ видѣ кубической массы, эти храмы имѣли своимъ основаніемъ, такъ называемый византійскій крестъ, надъ срединой котораго возвышалась глава, состоящая изъ «фонаря» и купола. Внутри церкви поднимались четыре столба, соединенные между собою арками. Окна въ два—три ряда шли по фасаду церкви.

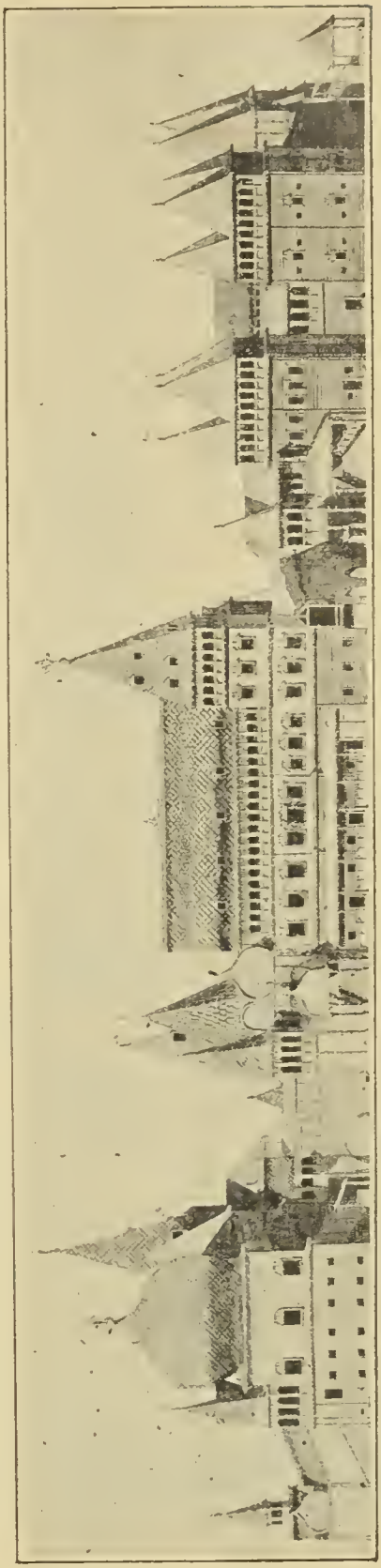
Въ XII в. Кіевская Русь падаетъ, населеніе отливаетъ на сѣверъ, возвышается Владимиро-Суздальское княжество. *Владиміръ* становится великокняжеской столицей. Здѣсь возводится цѣлый рядъ построекъ, при чемъ зодчіе, придерживаясь основныхъ византійскихъ началъ, постепенно производятъ цѣлый рядъ измѣненій, въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями. Вырабатывается самобытный типъ храмовъ. Матеріаломъ для постройки здѣсь служилъ бѣлый камень; планъ такой же, какъ и у кіевскихъ церквей, но стѣны выше, пропорціи стройнѣе, архитектурная отдѣлка богаче и красивѣе. Крупной особенностью Владимірско-Суздальскаго зодчества являются чрезвычайно интересныя, обильныя барельефныя украшенія, вырѣзанныя на бѣломъ камнѣ наружныхъ стѣнъ: цѣлый рядъ изображеній святыхъ, а также и фантастическихъ звѣрей, птицъ и растеній испещряютъ бѣлый камень. Лучшимъ архитектурнымъ памятникомъ этого времени является величественный *Успенскій соборъ*, построенный въ 1158—1160 г. и прославившійся по всей древней Руси. Позднѣе онъ подвергся многочисленнымъ бѣдствіямъ и перестройкамъ, исказившимъ его первоначальный видъ. *Дмитріевскій соборъ* (1194—1197 гг.) отличается строгой соразмѣрностью всѣхъ частей и богатствомъ оригинальныхъ внѣшнихъ украшеній. Сохранилась часть княжескихъ бѣлокаменныхъ палатъ Андрея Боголюбскаго, которыя являются единственнымъ памятникомъ гражданскаго зодчества этого времени.

Въ эпоху господства татаръ культурное развитіе на Руси пріостанавливается. Только богатые торговые вѣчевые города *Новгородъ* и *Исковъ*, менѣе испытавшіе татарскій гнетъ, создаютъ прекрасные архитектурные памятники (XIV—XV вв.). Византійскій образецъ постепенно подвергся цѣлому ряду измѣненій. Новгородско-псковскіе храмы отличались поразительной ясностью плана и стройностью формъ; очень изященъ орнаментъ, украшавшій эти храмы. Мѣстной особенностью псковско-новгородскихъ церквей являлись голосники—горшки, вставленные въ стѣну для усиленія ясности звука. Чрезвычайно интересны *звонницы*, прелестныя сооруженія для колоколовъ, которыя воздвигались на верху храма или ставились отдѣльно. Древ-

нѣйшій памятникъ Новгорода—*храмъ св. Софіи* былъ построенъ Владиміромъ Ярославичемъ въ 1045—1052 г. Византійскіе зодчіе соорудили его по образцу Софіи Цареградской и Софіи Кіевской.

Надо замѣтить, что въ древней Руси, одновременно съ развитіемъ каменнаго зодчества, самостоятельно живетъ и процвѣтаетъ — *деревянное*. Основной формой этого строительства являлась клѣть, т.-е. четырехугольный срубъ изъ бревенъ, положенныхъ другъ на друга въ нѣсколько рядовъ и связанныхъ между собою. Основное жилище осложнялось прирубами, стѣнами, придѣльцами, присѣньями, задцами, вышками и проч.—все сообразно надобности. Покрытіе было разное: на простыхъ клѣтяхъ и избахъ устраивались двускатныя кровли, богатыя же хоромы, состоявшія изъ нѣсколькихъ разнообразныхъ клѣтей, покрывались колпакомъ, шатромъ, бочкой, кубомъ. Богатая узорчатая рѣзьба украшала нѣкоторыя части этихъ построекъ. Характернымъ образцомъ деревяннаго зодчества считается *Коломенскій дворецъ*, нынѣ не существующій (рис. 52.).

Деревянный храмъ возводился съ помощью тѣхъ же пріемовъ, что и жилое помѣщеніе. Онъ представлялъ собою простую клѣть съ прирубнымъ алтаремъ на восточной сторонѣ, покрытую двускатной крышей, на которой воздвигались крестъ



52. Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.

или небольшая главка съ крестомъ. Первоначальный видъ постепенно осложняется, вырабатываются разнообразныя формы храмовъ: крестчатая (изъ четырехугольныхъ клѣтей съ бочкообразнымъ покрытіемъ) и круглая (группа многогранниковъ, увѣнчанная шатромъ).

Съ XIV в. начинаетъ возвышаться *Москва*, постепенно сдѣлавшаяся культурно-политическимъ центромъ древней Руси. Оживляется строительная дѣятельность, появляются новыя архитектурныя формы въ видѣ *луковичныхъ главъ* и покрытіе въ видѣ *кокошниковъ*. Вызываемые изъ Владиміра, Пскова и Новгорода зодчіе не могли справиться съ трудной задачей капитальныхъ построекъ, и русскіе князья вызываютъ мастеровъ-иностранцевъ.

Съ конца XV в. положеніе древней Руси рѣзко измѣняется: созданіе независимаго государства, освободившагося отъ тяжелаго татарскаго ига и покорившаго такъ недавно страшныя татарскія царства, поднимаетъ народныя силы, народный духъ и народное творчество.

Во всѣхъ областяхъ жизни почувствовалась самостоятельность, самобытность, выливающаяся въ разныя формы. Расцвѣтаетъ и искусство. Іоаннъ III возводитъ цѣлый рядъ гражданскихъ и церковныхъ сооруженій. Выписанные мастера-итальянцы должны были сообразоваться съ русскими требованіями, слѣдуя старымъ образцамъ. Въ этомъ періодѣ ими были выстроены дворцовыя постройки (*Грановитая палата*), кремлевскія стѣны съ ихъ башнями и воротами и храмы. Строитель Успенскаго собора (1475 г.) *Аристотель Фіоравенти* придерживается типа владимірскихъ церквей, дѣлая нѣкоторыя отступленія (рис. 53). Въ *Архангельскомъ соборѣ* (1504—1509 г.), построенномъ *Алоизіемъ Фрязи-*

53. Успенскій соборъ въ Москвѣ.

54. Покровскій соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ.

нымъ, на архитектурныхъ деталяхъ сильнѣе сказывается западное вліяніе. Оставляя такимъ образомъ прежнія основныя начала, итальянцы вносятъ свое въ детали, въ орнаментику, а главнымъ образомъ, научаютъ болѣе совершенной техникѣ. Позднѣе самобытный русскій духъ, перенеся въ каменное зодчество старозавѣтныя формы исконнаго деревяннаго, создаетъ блестящіе образцы національнаго творчества. Таковы храмы, покрытые шатрами, съ разнообразными планами, фасадами и затѣйливыми архитектурными украшеніями. Примѣромъ можетъ служить *Покровскій соборъ* (Василій Блаженный) въ Москвѣ, выстроенный въ 1555 г. Іоанномъ Грознымъ въ память покоренія Казани и Астрахани (рис. 54). Этотъ храмъ является цѣннѣйшимъ памятникомъ русскаго зодчества, въ которомъ рѣзко проявились самобытныя народныя черты: онъ имѣетъ девять восьмигранныхъ башенъ заканчивающихся разнообразными главами луковичной формы,

и причудливо декорированъ чрезвычайно оригинальными и разнообразными украшеніями; вся постройка поражаетъ соразмѣрностью своихъ частей.

2. Иконопись.

Вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, древняя Русь принимаетъ отъ Византіи и *живопись*. До сихъ поръ еще не найдено ни одного образца живописи временъ язычества, по которому можно было бы судить о состояніи русскаго искусства до принятія новой вѣры.

Византійцы въ религіи не отличались терпимостью, и въ своей церковной живописи они старались возможно точнѣе выразить религіозную идею, не допускающую никакихъ измѣненій. И вотъ эта идея неизмѣнности иконописнаго преданія настолько усваивается древней Русью, что сами русскіе считаютъ всякія измѣненія въ религіозной живописи за отступленія отъ истинной вѣры. До XVI в. древне-русская церковная живопись носила всецѣло *византійскій характеръ* и отличалась неподвижностью и однообразіемъ; въ XVI—XVII вв. появляется стремленіе къ новому.

Для украшенія новыхъ храмовъ вызываются греческіе живописцы, которымъ помогаютъ ихъ русскіе ученики. Преобладающее положеніе занимаетъ *фреска* (картина, писанная на стѣнѣ); въ богатыхъ церквахъ встрѣчается *мозаика* (рисунокъ, выложенный изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ кусочковъ).

Изъ памятниковъ Кіевской Руси надо отмѣтить мозаическую и фресковую стѣнную роспись *Софійскаго собора*, теперь реставрированную. Лучше другихъ сохранилось изображеніе Божьей Матери, носящее названіе *Нерушимой Стѣны*. Чрезвычайно интересна роспись Новгородскихъ храмовъ, которая является цѣннѣйшимъ памятникомъ древне-русской иконописи. Въ эпоху расцвѣта художественной жизни Новгорода (XIII—XV вв.) въ мѣстную иконопись вносятся особые пріемы, создавшіе памятники такъ называемаго *новгородскаго письма*. Характерными особенностями послѣдняго являются рѣзкій рисунокъ, мрачный колоритъ, короткія фигуры, длинное лицо; лики святыхъ отличаются строгостью, величественностью и спокойствіемъ.

Съ конца XIV ст. иконопись постепенно развивается въ *Москвѣ*, впослѣдствіи занявшей руководящую роль въ этой области. Крупнымъ мастеромъ XV в. является знаменитый иконописецъ *Андрей Рублевъ*, который вноситъ въ свои произведенія тонкую художественность. Изъ его многочисленныхъ работъ въ

видѣ стѣнописи и иконъ въ своемъ первоначальномъ видѣ до насъ дошло чрезвычайно мало, напр., *икона св. Троицы* въ Сергіевской Лаврѣ. Вліяніе Рублева было очень велико.

Работы послѣдующихъ московскихъ иконописцевъ—сравнительно съ предшествующими произведеніями—отличаются большей художественностью: колоритъ становится болѣе свѣтлымъ, лики и тѣло расписываются вмѣсто темно-коричневой—желто-коричневой краской; выраженіе лицъ святыхъ дѣлается болѣе мягкимъ и умственнымъ; исполненіе подробностей производится тщательнѣе.

Вслѣдствіе большого распространенія въ древней Руси иконописанія, сильно возрастаетъ число иконописцевъ, которые не имѣя ни должной подготовки къ дѣлу, ни хорошихъ образцовъ, создаютъ небрежныя работы, смотря на нихъ, какъ на средство наживы. Въ виду этого Стоглавъ (1551), выясняя свой взглядъ на иконопись, какъ на дѣло священное и почетное, доступное не каждому, поручаетъ высшій надзоръ за иконописаніемъ и иконописцами духовнымъ лицамъ. Вмѣсто развитія самостоятельнаго творчества, предписывается строго держаться принятыхъ образцовъ. Появляются, такъ называемые, *иконописные подлинники*, сборники богословскихъ и техническихъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому иконописцу.

Работа московскихъ иконописцевъ начинаетъ отличаться чрезвычайно тщательнымъ исполненіемъ деталей: особенно ярко это сказывается въ такъ называемомъ *строгановскомъ письмѣ*, прославившемся своими иконами малаго размѣра. Отличительными признаками этого письма являются длинныя, тонкія фигуры, свѣтлый колоритъ, оживленный яркой раскраской, и, главнымъ образомъ, тончайшее исполненіе мелочей.

Стѣсненный въ своей творческой фантазіи русскій иконописецъ долженъ былъ слѣпо подчиняться разъ навсегда установленнымъ образцамъ, выполняя свою работу тѣмъ или инымъ пошибомъ, т.-е. пріемомъ.

Но стремленіе къ новому, появившееся въ XVI стол., проявляется еще сильнѣе въ XVII в. Является желаніе выйти изъ узкихъ рамокъ подражанія старымъ образцамъ, являются попытки свободныхъ новшествъ и разнообразія въ видѣ новыхъ сюжетовъ и типовъ, усовершенствованій въ стилѣ и пріемахъ письма. Постепенно укореняется художественное *вліяніе Западной Европы*. Въ эпоху процвѣтанія московской иконописи (XVI—XVII вв.) появляется *царская школа*, состоящая изъ жалованныхъ (получавшихъ постоянное жалованье) и кормовыхъ (получавшихъ кормъ во время исполненія работъ) иконописцевъ.

Вотъ изъ среды заурядныхъ мастеровъ этой школы, въ концѣ XVII в., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, очень любившаго иконописное дѣло, выдвигается талантливый *Симонъ Ушаковъ*. Признавая важность русскихъ исконныхъ формъ, онъ требуетъ отъ нихъ, подъ вліяніемъ знакомства съ западнымъ искусствомъ, изящества и красоты. Онъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя отступленія, производитъ техническія усовершенствованія. Значеніе Ушакова, создавшаго свою школу, было очень велико. Образовавшійся новый стиль иконописи извѣстенъ подъ именемъ *фряжскаго*. Новыя произведенія отличаются западными заимствованіями, стремленіемъ къ художественности и техническими усовершенствованіями. Въ это же время начинаются первые шаги свѣтской живописи, въ видѣ портретовъ и гравюръ.

3. Прикладное искусство.

Русское прикладное искусство достигло высокаго развитія. Съ древнѣйшихъ временъ русскій людъ подвизался на этомъ поприщѣ. *Орнаментъ*, украшавшій памятники этого рода искусства находился сначала подъ разнообразными вліяніями (византійское, западно-европейское, азіатское) и къ XVI—XVII вв. выработалъ своеобразный, красивый стиль. Геометрическіе мотивы чередуются съ фантастическими изображеніями животныхъ и растительнаго міра. Создаются прекрасные образцы орнамента для *заставки*, или иниціала рукописи; поразительно разнообразятся орнаментальные мотивы для *кружевъ*, для разнообразныхъ *вышивокъ* (для церкви и для обыденной жизни), для *рѣзьбы изъ дерева* (различныя архитектурныя украшенія, церковные предметы и предметы домашняго обихода) и проч.

8. Новое русское искусство (XVIII—XIX вѣка).

Царствованіе Петра Великаго, было временемъ глубокаго внутренняго и внѣшняго переворота, отразившагося на всѣхъ сторонахъ русской жизни. Всюду проникаетъ *западное вліяніе*, появившееся уже въ предшествующія царствованія, и достигаетъ полнаго расцвѣта въ этотъ періодъ. Печать этого вліянія лежитъ и на русскомъ *искусствѣ XVIII вѣка*.

1. Архитектура.

Необходимость построекъ для новой столицы *Петербурга* оживляетъ архитектурную дѣятельность этого времени. Выписанные архитекторы-иностранцы создаютъ рядъ сооруженій въ

разныхъ стиляхъ. Формы древне-русскаго зодчества замираютъ, господствуетъ стиль «барокко».

Въ царствованіе Елизаветы особенно прославился архитекторъ *Растрелли*. Лучшими созданіями его являются Смольный монастырь, затѣмъ Зимній дворецъ и др. Съ 1757 года кладется прочное основаніе русскаго архитектурнаго образованія въ видѣ открытія Академіи Художествъ.

Множество построекъ возводится въ Екатерининскую эпоху. Постепенно водворяется *классицизмъ*. Изучается и примѣняется античный стиль и стиль эпохи Возрожденія; дворцы, общественныя и частныя зданія, усадьбы украшаются колоннадой и разнообразными античными деталями. Выдвигается нѣсколько талантливыхъ архитекторовъ: *Кокоринов*ъ, прославившійся проектомъ Академіи Художествъ; *Старов*ъ, построившій Таврическій дворецъ въ Петербургѣ (нынѣ зданіе Государственной Думы); *Казаков*ъ, самый крупный архитекторъ Москвы, создавшій свою школу. Интересной постройкой этого времени является домъ Пашкова (теперь Румянцевскій музей).

Въ царствованіе Александра I изъ крупныхъ построекъ надо отмѣтить Казанскій соборъ и Горный институтъ въ Петербургѣ, созданные архитекторомъ Воронихинымъ; Адмиралтейство и начатый по плану *Монферрана* Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ, и всѣ эти архитектурныя созданія были исполнены подъ вліяніемъ тогдашняго западнаго зодчества («стиль имперіи»).

Архитектура эпохи Николая I отличалась строгимъ офиціальнымъ характеромъ. Къ этому времени относится дѣятельность Стасова (церковныя постройки) и Росси (Михайловскій дворецъ). Стремленіе возвратиться къ типу древне-русскихъ церквей выразилъ *Тонъ* въ цѣломъ рядѣ своихъ созданій, каковы, напр., Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, большой кремлевскій дворецъ и др. Многія церковныя постройки этого времени возводятся въ этомъ якобы настоящемъ русскомъ стилѣ.

При Александрѣ II усиленно распространяется древнерусскій стиль, теперь болѣе разработанный и понятый. Въ концѣ XIX в. этотъ стиль переносится и на свѣтскія постройки: Историческій музей, Политехническій музей, дума, ряды—въ Москвѣ. Русское зодчество выходитъ изъ узкихъ рамокъ подражанія и начинается самостоятельное творчество. Выдвигается рядъ крупныхъ архитекторовъ, какъ, напр.: Бенуа, Горностаевъ, Гриммъ, Померанцевъ, Резановъ, Сусловъ, Султановъ и др.

Среди цѣлаго ряда архитектурныхъ теченій послѣднихъ десятилѣтій значительнаго развитія достигаетъ такъ называемый *новый стиль*, пришедшій съ Запада, но подвергшійся у насъ различнымъ измѣненіямъ.

2. Живопись.

Начало свѣтской живописи. Зачатки свѣтской живописи встрѣчаются еще въ до-петровскую эпоху. При дворѣ царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича работаютъ иностранные мастера. Они пишутъ портреты русскихъ царей, ихъ приближенныхъ и духовенства. Стремясь поставить искусство на должную высоту, Петръ посылаетъ за границу талантливыхъ молодыхъ людей для обученія художествамъ. Въ 1716 г. отправляется пять человѣкъ въ Нидерланды и въ Италію. Наиболѣе талантливые, *Матвѣевъ* и *И. Никитинъ*, исполнили по своемъ возвращеніи множество заказовъ на аллегорическія темы и портреты.

Русскіе художники того времени своей прямой задачей ставили подражаніе иностраннымъ образцамъ. Ни малѣйшей живой мысли, ни творческой фантазіи не дали эти художники-мастера. Въ 1757 г. возникла давно ожидаемая *Академія Художествъ* въ Петербургѣ. Приглашенные для преподаванія иностранные мастера вкореняли своимъ ученикамъ поклоненіе античнымъ образцамъ. Все реальное должно было изображаться лучше и чище, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ; темами художественныхъ произведеній могли служить только возвышенные сюжеты изъ исторіи и миѳологіи, но отнюдь не окружающая жизнь.

Выдающихся учениковъ для усовершенствованія искусствамъ отсылали за границу. Русскіе художники этого періода служили преимущественно двору, высшему обществу и духовенству. Исполняя весьма разнообразныя работы, они подлаживались подъ вкусъ своихъ заказчиковъ, создавая то, что отъ нихъ требовали.

Основателемъ направленія *русскаго классицизма* является *Лосенко*. Строгій рисунокъ, величавость композиціи и условность колорита, полное отсутствіе творческой фантазіи и всюду подражаніе—вотъ основныя черты академическаго направленія, типичными представителями котораго являлись *Угрюмовъ*, *Егоровъ*, *Шебуевъ*. Крупное мѣсто занимаетъ историческая живопись, темы берутся изъ священной исторіи, изъ античнаго міра, изъ миѳологіи. Эти сухія офиціальныя картины вполнѣ соотвѣтствовали господствовавшему ложно-классическому духу той эпохи. Но одновременно съ быстрымъ ростомъ офиціальнаго искусства появляются и зачатки самостоятельнаго творчества.

Во второй половинѣ XVIII в. сильно развилась *портретная живопись*. Портретисты этой эпохи являлись исполнителями прихотей современнаго имъ общества. Портреты заказывались изъ

тщеславія, заказчику нужно было не сходство, а благообразіе, потому-то художникъ и долженъ былъ быть льстецомъ. Огромное вниманіе обращалось на выписку всевозможныхъ регалій чиновныхъ заказчиковъ и разнообразныхъ цѣнныхъ матерій, мѣховъ, брилліантовъ, кружевъ и уборовъ модныхъ заказчицъ. Фонъ портрета заполнялся роскошной архитектурой, дорогой мебелью или пейзажемъ. Во всемъ этомъ должно было быть какъ можно больше богатства и изящества. Позы и выраженіе лица были условны, сообразно этикету, различавшему классовое и общественное положеніе заказчика. При всемъ томъ портреты XVIII и начала XIX вв. являются не только фотографіями модъ, но отражаютъ въ себѣ эпоху со всѣми ея интересами.

55. Левицкій. Портретъ кн. Хованской и Хрущовой.

Цѣлый рядъ русскихъ художниковъ подвизался на этомъ поприщѣ. Очень крупнымъ портретистомъ является *Левицкій* (1735—1822). Колористъ отъ природы, онъ создаетъ великолѣпныя сочетанія красокъ, поражающихъ своей красотой и простотой. Прекрасно улавливая сходство, передавая всѣ мелочи костюма, вдумчиво передавая индивидуальныя особенности изображаемыхъ лицъ, онъ даетъ длинный рядъ портретовъ «лучшихъ людей того времени», во главѣ съ императрицей Екатериной Великой, писанной имъ много разъ (рис. 55).

Другимъ крупнымъ портретистомъ того времени является *Боровиковскій* (1757—1825). Его портреты ласкаютъ глазъ своей тонкой, нѣжной кистью, тщательной выпиской. Изъ лучшихъ его произведеній отмѣтимъ очаровательный образъ М. Лопухиной.

На смѣну роскошныхъ и великолѣпныхъ затѣй половины XVIII в. въ концѣ его распространяется увлеченіе простотой (въ этомъ сказывается вліяніе французской революціи, измѣнившей вкусы того времени). Въ моду входятъ небольшіе портреты. Изображаемыя лица представляются въ условныхъ положеніяхъ и закутываются античной драпировкой; фонъ заполняется воздушнымъ цвѣтомъ или пейзажемъ. Это искусственное направленіе, далекое отъ правды, господствовало у насъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ.

Представителемъ *начала романтизма* въ Россіи являлся талантливый *Кипренскій* (1783—1836), окончившій курсъ въ Академіи. Онъ стремился передать въ своихъ портретахъ чувство. Будучи тонкимъ и чуткимъ художникомъ, онъ создаетъ великолѣпныя работы, напр., портретъ его отца, Дениса Давыдова и друг.

Въ Москвѣ въ это время крупную роль сыгралъ *Тропининъ* (1776—1857). Его многочисленные портреты отличаются жизненностью и пріятнымъ колоритомъ. Стремленіе къ правдѣ, исканіе ея—вотъ основныя черты его творчества. Онъ оставилъ множество работъ (напр., прекрасный портретъ гр. Зубовой).

Первымъ русскимъ жанристомъ является *Венеціановъ* (1780—1847). *Жанръ* — изображеніе повседневной жизни и народнаго быта—считался долгое время низкимъ родомъ живописи, и русскіе художники занимались имъ лишь между прочимъ. Венеціановъ—въ своихъ работахъ старался реально передать окружающую его дѣйствительность; онъ горячо стремился просто и правдиво изобразить крестьянскую жизнь. Правда, его работы слабы по техникѣ и колориту, въ немъ не было тонкой наблюдательности, которая такъ необходима бытовому живописцу, но зато его картины «Гумно», «Лѣто» (рис. 56), «Весна» «Группа крестьянъ», «Утро помѣщицы» и др. цѣнны какъ попытки приблизиться къ русской дѣйствительности.

Первые опыты *пейзажа* въ Россіи не шли далѣе подражанія иностраннымъ образцамъ. Въ модѣ изображенія великолѣпныхъ дворцовъ, затѣйливо раздѣланныхъ садовъ, которыхъ особенно много строилось и устраивалось въ эпоху царствованія императрицъ.

Семенъ *Щедринъ* (1745—1804), первый пейзажистъ, вышедшій изъ Академіи художествъ, пишетъ съ натуры русскую природу. Онъ исполняетъ цѣлый рядъ работъ, изображающихъ Гатчино, Павловскъ и Петергофъ; въ этихъ вещахъ, технически слабыхъ и нелишенныхъ подражанія иностраннымъ пейзажамъ, онъ стремится передать настроеніе, что ему иногда и удавалось.

М. Воробьевъ (1787—1855), поэтъ въ душѣ, воспѣваетъ сѣверную столицу, отмѣчая всю прелесть ея своеобразія.

Большую роль въ исторіи русской живописи сыгралъ *Карлъ Брюлловъ* (1799—1852), питомецъ Академіи, выпускавшей въ продолженіе десятковъ лѣтъ длинный рядъ бездарныхъ, сухихъ, неинтересныхъ художниковъ.

Блестяще окончивъ Академію, Брюлловъ ѣдетъ въ Италію, гдѣ создаетъ свою грандіозную картину «Послѣдній день Помпеи»

56. Венеціановъ. Лѣто.

(рис. 57). И въ Италіи и въ Россіи эта вещь была принята съ небывалымъ энтузіазмомъ. Въ своемъ богатомъ творчествѣ Брюлловъ соединялъ академическій классицизмъ съ романтизмомъ. Въ изображенномъ моментѣ разрушенія Помпеи онъ поражалъ своей смѣлой композиціей, сильными драматическими движеніями, мастерской техникой и яркими, блестящими красками. Основною мыслью этой работы является безпомощность человѣка передъ грозной силой природы. Но Брюллову при всемъ его большомъ талантѣ не удалось освободиться отъ типичныхъ чертъ академизма: такъ въ этой вещи много ложнаго, неглубокаго, чисто внѣшняго показного эффекта и паѳоса. Изъ послѣдующихъ историческихъ работъ Брюллова отмѣтимъ: «Смерть Инесы де Кастро» и «Осада Пскова». Цѣнны его портреты, отличающіеся прекрасной, жизненной передачей изображаемыхъ лицъ, про-

стотой и изяществомъ, напр., «Портретъ графини Самойловой», «Всадница» и др. На ряду со страстными поклонниками Брюллова, существовали и ярые противники, но оба эти отношенія преувеличены. Брюлловъ не создалъ новой эпохи, но онъ цѣненъ тѣмъ, что̀ ему удалось сдѣлать при обстановкѣ того времени.

Одновременно съ Брюлловымъ на художественномъ поприщѣ подвизался талантливый *Ѳ. Бруни* (1800—1875). Его колоссальная картина «Мѣдный змій» пользовалась въ то время большимъ успѣхомъ.

57. Брюлловъ. Послѣдній день Помпеи.

Представителемъ новаго направленія *религіозной живописи* является *А. Ивановъ* (1806—1855), талантливый, глубоко вдумчивый художникъ. По окончаніи своего чисто академическаго образованія, онъ получаетъ отъ Общества поощренія художествъ командировку въ Италію, гдѣ серьезно продолжаетъ свои художественныя занятія, ища новыхъ путей. Первой работой, посланной имъ въ Россію, было «Явленіе Христа Магдалинѣ», произведеніе, встрѣченное съ большимъ сочувствіемъ. Слѣдующимъ созданіемъ, надъ которымъ онъ работалъ 20 лѣтъ, было «Явленіе Христа народу» (Румянцевскій музей въ Москвѣ). Стремясь соединить изображеніе глубокой религіозной идеи, высшей кра-

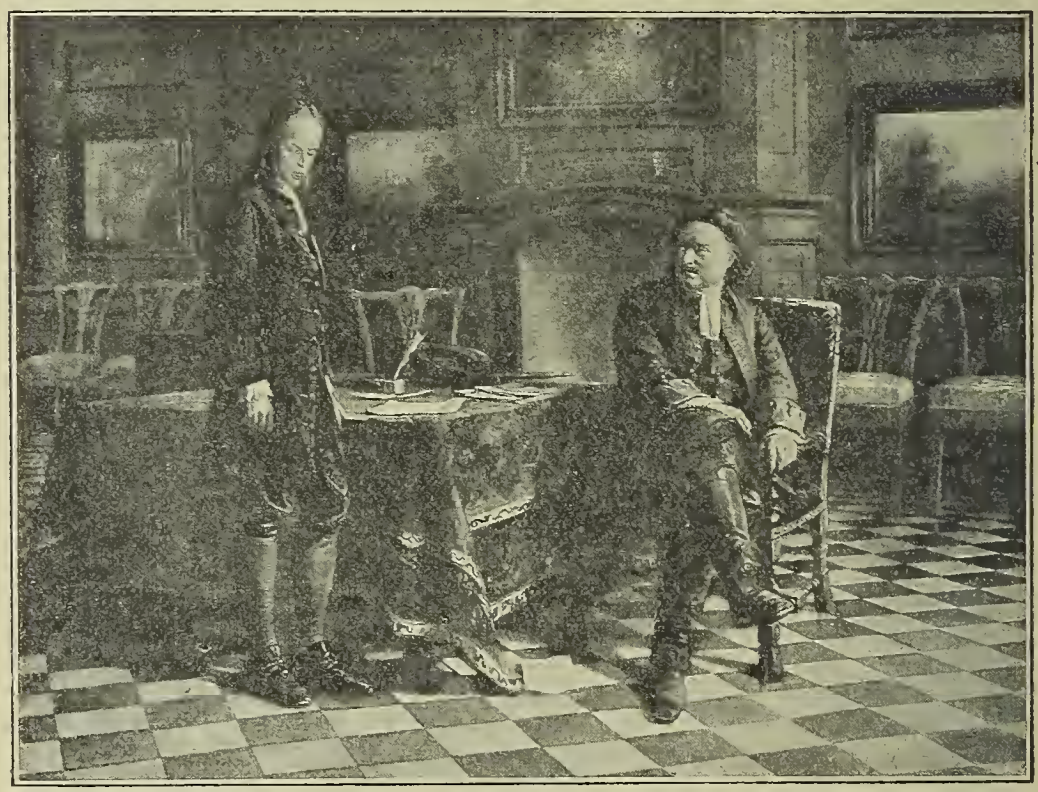
соты съ правдивымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, онъ совершаетъ огромную предварительную работу. Особенно цѣнны его подготовительные этюды, многіе изъ нихъ гораздо лучше передаютъ задуманный типъ, чѣмъ исполненный на картинѣ. Въ этомъ произведеніи поражаетъ глубина и цѣльность замысла, сила душевныхъ движеній, выраженныхъ въ лицахъ и позахъ представленныхъ людей, а также яркая характеристика отдѣльныхъ типовъ и реальная передача природы. Непріятность колорита, какая-то сухость и жесткость и другія слабыя стороны не мѣшаютъ этой картинѣ быть своеобразнымъ, великимъ твореніемъ. Высшимъ созданіемъ Иванова являются рисунки на сюжеты Ветхаго и Новаго завѣта, поражающіе глубиной мысли и художественнымъ совершенствомъ.

Пробывъ около 30 лѣтъ за границей, Ивановъ возвращается въ Россію, гдѣ его ждало большое разочарованіе. «Явленіе Христа народу» было встрѣчено холодно, немногіе сумѣли оцѣнить его. Художники того времени стояли далеко отъ міровыхъ идей, отъ религіозно-мистическаго направленія, они стремились приблизиться къ родной дѣйствительности, старались вникнуть и передать народные интересы. Но все же заслуга Иванова чрезвычайно велика: онъ сказалъ новое слово, впослѣдствіи понятое и оцѣненное многими художниками.

Изъ послѣдующихъ представителей религіозной живописи отмѣтимъ Ге, Крамского, В. Васнецова, Нестерова и Врубеля.

Н. Н. Ге (1831—1894), вѣчно неудовлетворенный мыслитель, главное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ отводитъ содержанію, въ техническомъ же отношеніи и въ композиціи онъ очень слабъ. Темы свои онъ беретъ преимущественно изъ Евангелія. Первой его вещью была «Послѣдняя вечеря Христова съ Его учениками»; за нею шли «Вѣстники Воскресенія» и «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду». Въ 80-хъ гг. на творчествѣ Ге сильно сказывается вліяніе Льва Толстого; изъ произведеній этого періода отмѣтимъ: «Выходъ съ Тайной Вечери въ Геѳсиманскій садъ», «Что есть истина?», «Іуда» и поразительное «Распятіе». Большинство работъ Ге не пользовалось успѣхомъ, нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ были запрещены для выставленія, какъ, напр., двѣ послѣднія. Созданныя имъ вещи захватываютъ глубиной замысла, смѣлой передачей извѣстнаго психическаго состоянія и реальностью изображенныхъ лицъ, но въ чисто художественномъ отношеніи довольно слабы. Большою извѣстностью пользуется историческая картина Ге «Петръ I допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича» (рис. 58).

Крамской (1837—1887), какъ религіозный живописецъ, далъ двѣ вещи: «Христосъ въ пустынѣ» и «Христосъ на судѣ передъ Пилатомъ». Въ этихъ произведеніяхъ онъ старался передать заинтересовавшія его психическія состоянія. Будучи поклонникомъ Иванова, онъ все же далеко стоялъ отъ него. Надъ вдохновеніемъ Крамского всегда царила разсудочность, не дававшая ему отступить отъ установленныхъ положеній новаго художественнаго направленія, вожакомъ котораго онъ былъ. Въ 1863 г. во главѣ съ Крамскимъ 13 конкурентовъ на золотую ме-



58. Ге. Петръ I и царевичъ Алексѣй.

даль отказываются отъ заданной программы и покидаютъ Академію. Порвавъ съ сухимъ академизмомъ, стремясь къ новому, они устраиваютъ Артель художниковъ, впослѣдствіи превратившуюся въ *Товарищество Передвижныхъ Выставокъ* (1872), сыгравшее большую роль въ исторіи русской живописи.

Изъ религіозныхъ произведеній *Поленова* (1844) отмѣтимъ «Христосъ и грѣшница» (рис. 59), картину, произведшую въ свое время много шума, затѣмъ «На Генисаретскомъ озерѣ» и «Христосъ-Отрокъ среди учителей». Всѣ эти работы отличаются обстоятельнымъ изученіемъ природы страны, костюма и быта жителей и нарядными, нѣсколько слащавыми красками.

59. Полѣновъ. Христосъ и грѣшница.

Крупнымъ религіознымъ живописцемъ является *Викторъ Васнецовъ* (род. въ 1848 г.), горячо стремящійся передать въ своихъ произведеніяхъ истинную рускую народную вѣру. Въ своемъ творчествѣ онъ хочетъ приблизиться къ древней религіозной стѣнописи, къ византійцамъ, къ итальянцамъ, хорошо знакомится со старымъ письмомъ иконописи и пользуется имъ въ своихъ работахъ. Въ 1880 г. Васнецовъ получаетъ заказъ расписать Кіевскій Владимірскій соборъ, что онъ и исполняетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Эта грандіозная работа даетъ цѣльное своеобразное впечатлѣніе. Если ему и не удалось передать того проникновеннаго религіознаго чувства, которымъ дышатъ созданія древнихъ иконописцевъ, то все же эта работа его очень цѣнна. Въ изображеніяхъ святыхъ Васнецовъ старался дать ихъ типичную характеристику, выраженную въ лицахъ, положеніяхъ и костюмѣ. Вся композиція отличается цѣльностью формы, и краски достигаютъ красиваго эффектнаго впечатлѣнія. Чрезвычайно интересны и стильны орнаменты, которыми онъ украсилъ стѣны собора (рис. 60).

60. Васнецовъ. Богоматерь (въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ).

Представителемъ *бытовой живописи*, начавшей сильно развиваться съ конца 40-хъ годовъ, является жанристъ-юмористъ *Ѳедотовъ* (1816—1852). Онъ первый чутко отозвался на появившійся въ то время призывъ къ національности и реализму, и первый приблизился въ своихъ работахъ къ господствовавшему въ то время общественному настроенію. Ѳедотовъ талантливо набрасываетъ различныя живыя сцены, выхваченныя изъ русской дѣйствительности, рисуетъ помѣщиковъ, чиновниковъ, военныхъ, купцовъ,

ремесленниковъ, мужиковъ. Съ острымъ юморомъ отмѣчаетъ онъ слабыя стороны современнаго ему общества въ картинахъ: «Свѣжій кавалеръ», «Разборчивая невѣста», «Сватовство майора» (рис. 61). Особенно же цѣнны его рисунки и наброски, передающіе всю свѣжесть впечатлѣнія и всю его широту художественнаго

61. Федотовъ. Сватовство майора.

взгляда на жизнь: тутъ и семейныя драмы, и сцены франтовства, и расточительность жены, и увлеченіе карточной игрой, и сердечные порывы, и бракъ и т. п. («Болѣзнь и смерть Фидельки», «Первое утро обманутаго молодого», «Житье на чужой счетъ», «Художникъ, женившійся безъ приданаго», «Модный магазинъ»).

Въ царствованіе Александра II сильно развившееся стремленіе ко всеобщему обновленію сказалось и на живописи. Художникъ, какъ и писатель, ставитъ своей задачей исправленіе общественныхъ недостатковъ. Взятыя имъ темы, носящія характеръ проповѣди и нравоученія, обличаютъ темныя стороны существующихъ порядковъ. Характернымъ выразителемъ этого направленія является *Перовъ* (1834—1382), создавшій нѣсколько картинъ на бытовыя темы: «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ», «Проповѣдь на селѣ», «Крестный ходъ на Пасхѣ», «Чаепитіе въ

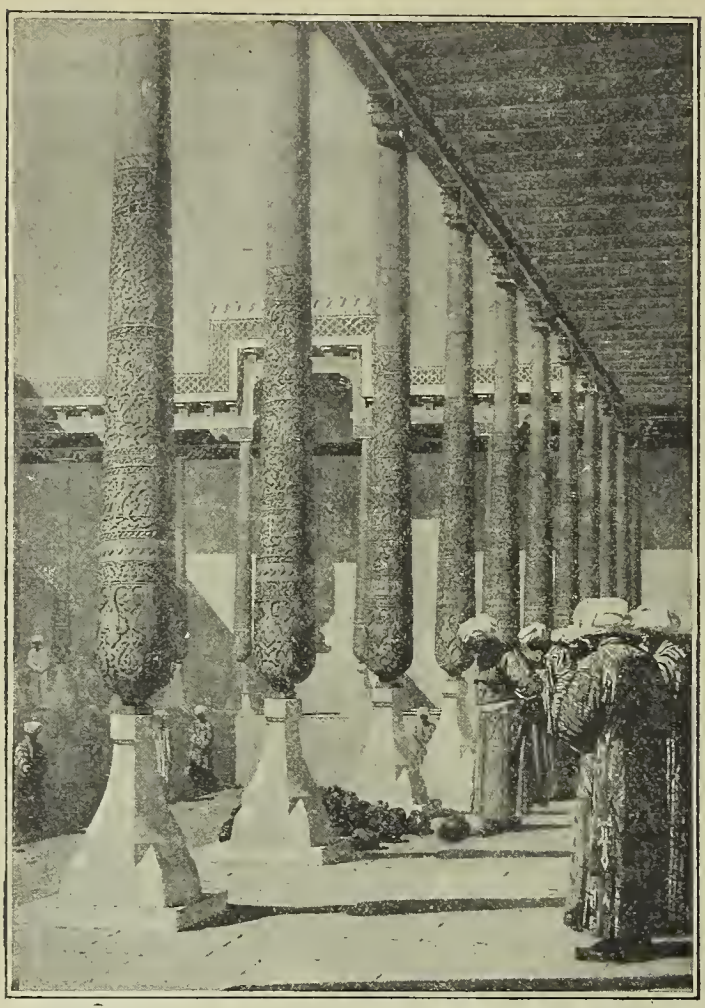
62. Перовъ. Пріѣздъ гувернантки.

Мытищахъ», «Пріѣздъ гувернантки» (рис. 62). На смѣну рѣзкому сатирическому направленію въ работахъ Перова впослѣдствіи приходитъ печальное, безотрадное настроеніе, какъ, напр., въ картинахъ: «Похороны въ деревнѣ», «Тройка», «Рисовальный учитель». Изъ позднѣйшихъ работъ Перова надо отмѣтить: «Птицеловы», «Рыболовы», «Охотники». Множество художниковъ пошло по стопамъ Перова.

Изъ этихъ жанристовъ, часть которыхъ увлекается обличительной проповѣдью, часть же—выраженіемъ настроенія и художественной стороной, отмѣтимъ *Корзухина, Прянишникова,*

Неврева, *Мясоѣдова*, *Ярошенко*, *Архипова*, *Пастернака*, затѣмъ *В. Маковскаго*, давшаго въ своихъ картинахъ самые разнообразные типы общества (напр., «Благотворительницы», «Оправданная», «Пріемъ у доктора», «Въ четыре руки»), и высокоталантливаго *И. Рѣпина* (1844). Работы этого крупнаго художника отличаются сложнымъ психологическимъ настроеніемъ и великолѣпнымъ колоритомъ. Тонкій реалистъ, прекрасный бытописатель, онъ создастъ нѣсколько сильныхъ работъ въ этомъ родѣ. Первой вещью Рѣпина были «Бурлаки», картина глубоко захватывающая силой исполненія. Тутъ представлена великая драма безпросвѣтнаго, нечеловѣческаго труда русскаго бурлачества; типы чрезвычайно жизненны и характерны. Послѣдующими работами въ области жанра являются: «Крестный ходъ» и «Не ждали». Изъ вещей историческихъ (всѣ—въ Московской Третьяковской галлереѣ) отмѣтимъ: «Царевна Софія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ во время казни стрѣльцовъ», «Іоаннъ Грозный и сынъ его Иванъ», «Запорожцы». Преобладающее положеніе въ этихъ картинахъ занимаетъ психологическій анализъ, онѣ потрясаютъ своимъ драматизмомъ. Въ своихъ портретахъ Рѣпинъ даетъ длинный рядъ представителей общественной дѣятельности, литературы и искусства, какъ, напр., портреты Мусоргскаго, А. Рубинштейна, гр. Л. Толстого, Писемскаго, Пирогова и мн. др.

Обращаясь къ *батальной живописи*, остановимся на произведеніяхъ *Вас. Верещагина* (1842—1904), произведшихъ переворотъ въ этой области. До него батальная живопись служила, главнымъ образомъ, для прославленія подвиговъ и побѣдъ; война представлялась въ видѣ блестящихъ маневровъ: дѣйствующія лица чисто одѣтыя были изображены въ условно-благородныхъ позахъ и движеніяхъ, всѣ же темныя стороны войны были опущены. Верещагинъ первый раскрылъ весь потрясающій ужасъ войны, съ нечеловѣческими страданіями и безсмысленными смертями массы людей. Онъ просто и реально разсказываетъ въ своихъ картинахъ видѣнныя имъ сцены изъ войнъ, въ которыхъ ему самому нѣсколько разъ приходилось участвовать. Изъ огромнаго количества его работъ (въ Третьяковской галлереѣ) отмѣтимъ слѣдующія: «Забытый», «Окружили», «Представляютъ трофеи» (рис. 63), «Торжествуютъ», «Апоѳеозъ войны», «Побѣжденные», «Плевна», «Передъ атакой», затѣмъ цѣлая серія картинъ «Наполеонъ I въ Россіи». Эти работы произвели огромное впечатлѣніе. Много путешествуя, будучи очень наблюдательнымъ, Верещагинъ даетъ въ своихъ работахъ (картины, наброски, рисунки) большой этнографическій матеріалъ.



63. В. Верещагинъ. Представляютъ трофеи.

Русская живопись XIX в. довольно богата *историческими картинами.* Ихъ авторы большей частью занимались рѣшеніемъ то психологической, то костюмно - обстановочной, то колористической задачи (*Якобій, Ге, Мясоѣдовъ, Флавицкій, Перовъ, Семирадскій, К. Маковскій*) и не давали самой сути воспроизводимой эпохи со всѣми ея отличительными особенностями, съ ея народнымъ духомъ и народнымъ настроеніемъ. Воскрешеніе древнерусской старины даетъ *Шварцъ* (1838 — 1869), подробно изучившій занимавшіе его вѣка (XVI—XVII вв.). Лучшей его вещью считается «Царскій выѣздъ на богомолье въ XVII в.». Огромной художественной силой представляется своеобразное, талантливое творчество *Сурикова* (1849). Являясь истиннымъ историческимъ живописцемъ, онъ съ поразительной мощью и яркостью передаетъ народныя переживанія старой Руси. Его работы отличаются глубокимъ проникновеніемъ въ духъ эпохи. Выводимыя лица прямо выхвачены изъ давно прошедшей дѣйствительности. Грубый, но въ то же время страшно правдивый реализмъ, въ соединеніи со своеобразной красотой колорита, производитъ сильное впечатлѣніе. Изъ его работъ назовемъ: «Утро стрѣлецкой казни», «Меньшиковъ въ Березовѣ», «Боярыня Морозова», «Покореніе Сибири Ермакомъ», «Городокъ».

Кромѣ того, въ области исторической живописи работаютъ: Рѣпинъ, Васнецовъ, Рябушкинъ, Рерихъ.

Обращаясь къ *пейзажу* послѣ Воробьева, отмѣтимъ главныхъ представителей разнообразныхъ теченій, водворившихся въ этой области.

Айвазовскій (1817—1900), художникъ-поэтъ, воспѣвавшій море въ его различныхъ состояніяхъ, создавалъ свои картины по памяти, фантазируя. Его лучшія работы цѣнны своимъ настроеніемъ, большинство же его картинъ, исполненныхъ наспѣхъ, мало художественны. Изъ огромнаго количества его произведеній болѣе замѣчательны: «Буря», «Черное море», «Девятый валъ», «Буря у мыса Аѣи», «Кораблекрушеніе», «Радуга».

Представителемъ реализма въ пейзажѣ является *Шишкинъ* (1831—1898), сосредоточившійся на изображеніи русскаго лѣса. Съ любовью, подробно изучивъ его, онъ передаетъ природу съ фотографической точностью. Прекрасный рисовальщикъ, онъ главное вниманіе обращалъ на форму, сторона же внутренняя—поэзія русскаго лѣса—отъ него ускользала: «Лѣсная глушь», «Сосновый боръ», «Утро въ сосновомъ лѣсу», «Корабельная роща» и мн. др. Представителемъ направленія, обратившаго свое главное вниманіе на передачу свѣтовыхъ эффектовъ и красокъ, является талантливый *Куинджи* (1842): таковы, напримѣръ, его «Березовая роща» (рис. 64) и «Украинская ночь».

Крупное явленіе въ исторіи русскаго пейзажа представляетъ собою поэтическая школа пейзажистовъ, занявшихся выясненіемъ настроеній въ природѣ. Ихъ работы отличаются правдивой передачей впечатлѣній, навѣянныхъ тѣмъ или другимъ уголкомъ природы. Художникъ стремится высказать свое личное

64. Куинджи. Березовая роща.

отношеніе къ природѣ и въ той или иной формѣ это передать: напр., *Васильевъ* (1850—1873)—«Послѣ грозы», *Саврасовъ* (1830—1897)—«Грачи прилетѣли», *Дубовскій*—«Притихло», *Остроуховъ*—«Сиверко» и *Левитанъ* (1861—1900). Талантливый поэтъ-художникъ, прекрасно передававшій настроеніе, Левитанъ тонко прочувствовалъ и изобразилъ всю прелесть скромнаго русскаго сѣвернаго пейзажа во всемъ его незатѣйливомъ, но задушевномъ очарованіи (рис. 65). Его работы отличаются глубиной чувства, поэзіей и чрезвычайно простой передачей самой сущности изо-

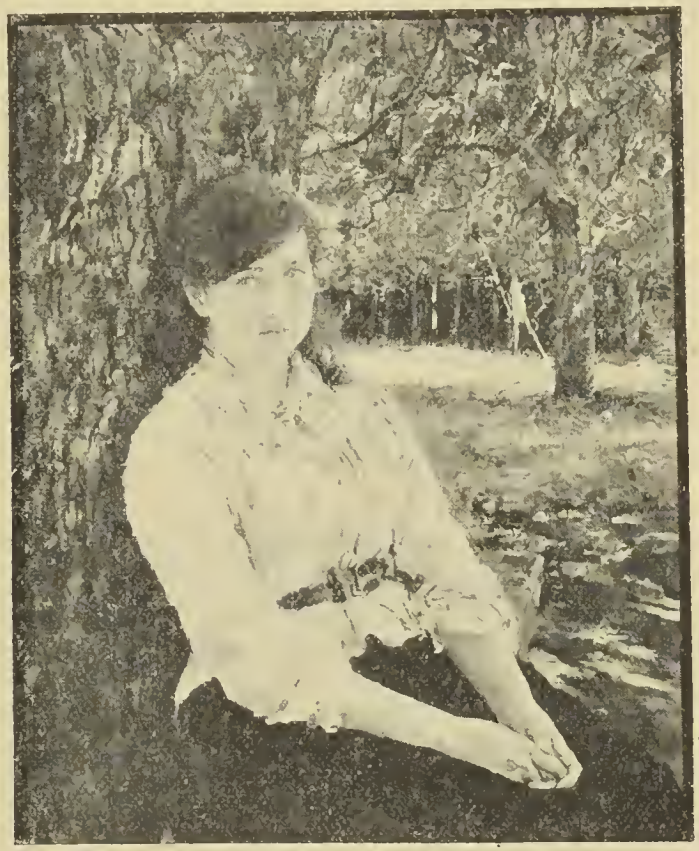
65. Левитанъ. Надъ вѣчнымъ покоемъ.

бражаемаго. Его краски производятъ очень красивое, изящное и мягкое впечатлѣніе. Своеобразныя работы далъ *А. Васнецовъ* (1856). Полны настроенія и самобытной силы его пейзажи, изображающіе Сибирь, Уралъ, Кавказъ; интересно его тонкое воссозданіе «Старой Москвы».

Обращаясь къ области былинъ и *народной сказки*, которой занялись многіе современные талантливые художники, отмѣтимъ перваго изъ нихъ, а именно *В. Васнецова*. Погрузившись въ міръ народной фантазіи, онъ создаетъ нѣсколько произведеній подобнаго рода: «Поле битвы», «Коверъ-самолетъ», «Три царевны подземнаго царства», «Аленушка», «Богатыри», «Иванъ-царевичъ

съ Еленой Прекрасной на сѣромъ волкѣ», «Спринъ и Алконостъ». Крупную роль Васнецовъ сыгралъ еще своими декоративными работами въ древне-русскомъ стилѣ, имъ прекрасно понятомъ (рисунки для мебели и другихъ вещей).

На этомъ же поприщѣ подвизалась талантливая художница *Польнова* (1850—1898), создавшая богатыя по фантазіи иллюстраціи къ русскимъ народнымъ сказкамъ и рисунки въ русскомъ стилѣ для прикладного искусства. Она стояла близко къ худо-



66. Сѣровъ. Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ.

жественнымъ мастерскимъ въ Абрамцевѣ (столярная, гончарная, вышивальная) и дала туда много своихъ набросковъ для исполняемыхъ работъ. Цѣлый рядъ художниковъ работаетъ въ этомъ направленіи, напримѣръ, выдающіеся декораторы *Коровинъ*, *Головинъ*, *Малютинъ*, *Билибинъ* и *Рерихъ*. Они иллюстрируютъ русскую сказку, создаютъ самые разнообразные рисунки для декоративныхъ работъ и значительно улучшаютъ театральную постановку (декораціи, обстановка и костюмы).

Изъ представителей *современной живописи*, кромѣ упомянутыхъ уже лицъ, остановимся на наиболѣе яркихъ фигурахъ.

Талантливый реалистъ *Сѣровъ* (1865) занимаетъ очень видное мѣсто, какъ портретистъ (рис. 66). Его прекрасныя въ живописномъ отношеніи работы отличаются тонкой характеристикой изображаемыхъ лицъ, пейзажи полны поэзіи и правды. Страстно любящій природу, онъ чрезвычайно непосредственно ее передаетъ. Сѣрову принадлежитъ нѣсколько работъ на темы изъ русской исторіи. Великолѣпнымъ колористомъ является *Коровинъ* (1861). Его главное вниманіе обращено на созвучіе красокъ. Поэтичное воспроизведеніе сѣвернаго пейзажа онъ даетъ на панно, украшавшемъ русскій сѣверный отдѣлъ на Нижегородской и на Парижской выставкахъ. Даровитый *Нестеровъ*, кромѣ религіозныхъ работъ во Владимірскомъ соборѣ, создалъ еще цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ ярко проявляется все очарованіе его творчества. Всѣ эти вещи полны глубокаго настроенія и проникновеннаго религіознаго чувства. Монастырская жизнь со всѣмъ ея своеобразіемъ у него очень правдиво передана (рис. 67). Крупное мѣсто въ его картинахъ занимаетъ пейзажъ, полный мечтательной поэзіи и утонченной красоты.

Говоря о современной русской живописи, объ ея новѣйшихъ теченіяхъ, нельзя не отмѣтить преобладающаго положенія, которое

67. Нестеровъ. Великій постригъ.

68. Врубель. Панъ (греческій богъ лѣсовъ).

въ ней занимаютъ импрессіонизмъ, исканіе красочной гармоніи, символизмъ [1]) и стилизація [2]). Молодые художники ищутъ новыхъ путей, проявляя свою индивидуальность. Несмотря на сильное западное вліяніе, самобытность не исчезаетъ въ русскомъ творчествѣ. Главными представителями новѣйшихъ теченій, водворившихся въ русской живописи, являются художники, сгруппировавшіеся около журнала «Міръ Искусства», устраивающаго свои выставки. Крупнѣйшимъ художникомъ послѣдняго времени является *Врубель*. Его оригинальное творчество полно чарующей фантазіи и глубокихъ переживаній (рис. 68). Великолѣпный декораторъ и стилистъ, онъ даетъ волшебныя сочетанія красокъ. Полная гармонія его богатой и сильной фантазіи съ выдержаннымъ стилемъ и прекраснымъ колоритомъ изобличаютъ въ немъ великаго художника. Въ его лучшемъ созданіи, «Демонѣ», рельефно выступаетъ все своеобразіе его огромнаго таланта.

---

[1]) Символъ—условное изображеніе понятій и чувствованій.

[2]) Стремленіе передать совокупность особенностей, присущихъ какой-нибудь эпохѣ школѣ или художнику.

Нѣкоторые художники страстно увлекаются давно забытымъ временемъ, глубоко изучивъ его, они воспроизводятъ свои впечатлѣнія на полотнѣ. Тонкое и вдумчивое пониманіе XVIII в. даетъ *Бенуа* (1870): увлеченный этой эпохой онъ прекрасно передаетъ жизнь при дворѣ французскихъ королей во всемъ ея блескѣ. Чрезвычайно интересны работы другого выдающагося стилиста *Сомова* (1869), чутко воскресившаго давно прошедшіе 20-е и 30-е годы. Хорошо понявъ самую жизнь той эпохи, онъ сочувствуетъ ей всѣмъ своимъ существомъ; его творчество поэтично и полно грусти о забытомъ (рис. 69). Глубоко поэтичному *Борисову-*

69. Сомовъ. Дама въ голубомъ платьѣ.

Мусатову (1870—1905) принадлежатъ изящныя, полныя прелести и таинственности картины. Тонкій колористъ, онъ вкладывалъ въ свои произведенія глубокую символику. Гигантской силой отличается творчество *Малявина* (1869), сосредоточившаго всѣ свои силы въ области живописныхъ задачъ. Его работы поражаютъ пламенной мощью красиво сочетающихся красокъ, дающихъ совершенно своеобразный эффектъ (рис. 70).

Еще длинный рядъ молодыхъ художниковъ, идущихъ разными путями, горячо стремится къ выясненію художественныхъ истинъ. Художественная жизнь въ Россіи выражается въ устройствѣ многочисленныхъ выставокъ, дѣятельности обществъ художниковъ и въ появленіи цѣнныхъ изданій, посвященныхъ искусству.

70. Малявинъ. Крестьянская дѣвушка.

3. Скульптура.

Поздно возникшая русская скульптура не достигла высокаго развитія. Въ древней Руси искусство служило, главнымъ образомъ, религіознымъ цѣлямъ, но православная Церковь отрицательно относилась къ изваяніямъ человѣческихъ фигуръ, и потому скульптурѣ не было мѣста.

Въ Петровскую эпоху, а также и въ послѣдующія царствованія необходимость имѣть ваятелей заставляетъ выписывать иностранцевъ. Изъ нихъ въ екатерининское время прославился

Фальконетъ, создавшій конную статую Петра Великаго (въ Петербургѣ). Среди первыхъ русскихъ скульпторовъ особенно выдѣлялся талантливый *Шубинъ*.

Въ началѣ XIX в. представителемъ господствовавшаго въ то время классицизма является *Мартосъ* (памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ). Въ царствованіе Николая I скульптурная дѣятельность понемногу начинаетъ оживляться. Къ этому періоду относится дѣятельность *Пименова, Рамазанова* и гр.

71. Антокольскій. Іоаннъ Грозный.

Ѳ. Толстого, много сдѣлавшаго для постановки медальеннаго дѣла въ Россіи (медальоны на темы изъ Отечественной войны). Уже въ это время замѣчаются проблески реализма и національнаго движеніе сильнѣе развившееся въ царствованіе Александра II. Скульпторы стремятся приблизиться къ природѣ, воплотить ее въ своихъ твореніяхъ. Это видно уже въ работахъ бар. *П. Клодта* (Укротители лошадей на Аничковомъ мосту въ С.-Петербургѣ), еще ярче въ произведеніяхъ *Каменскаго* («Первый шагъ»). Изъ представителей позднѣйшаго времени отмѣ-

тимъ *М. Антокольскаго*, прославившагося своими историческими статуями («Смерть Сократа», «Іоаннъ Грозный» (рис. 71), «Петръ Великій» и др.), затѣмъ Н. и Г. Баховъ, Беклемишева, Лаверецкаго, Чижова, Опекушина, Лансере, Гинсбурга. Новѣйшія теченія, водворившіяся въ русской живописи, не замедлили сказаться и въ современной скульптурѣ—въ творчествѣ *П. Трубецкого* и друг. (рис. 72).

72. Трубецкой. Левъ Толстой.

Указатель книгъ по исторіи искусства.

Общіе обзоры.

Рербергъ. Краткій курсъ исторіи искусствъ. 1908 г. Ц. 2 р.—*Фридолинъ.* Краткая исторія европейскаго искусства съ древнихъ временъ до XV столѣтія 1910 г.—*Розенбергъ.* Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней.—*Байэ.* Исторія искусствъ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 4 р.—*Верманъ.* Исторія искусствъ всѣхъ временъ и народовъ. 1907 г. 2 т. Ц. 7+9 р.—*Мутеръ.* Исторія живописи. 3 т. 1901—1903 г. Ц. 7 р. (изложеніе доведено до XVIII в.).

Искусство Возрожденія и новаго времени.

А. Волынскій. Леонардо да Винчи. 1909 г. Ц. 3 р.—*Зайчикъ.* Люди и искусство эпохи Возрожденія. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.—*Романовъ.* Рембрандтъ. 1904 г. Ц. 20 к.—*Мутеръ.* Исторія живописи въ XIX в. въ 4 т. 1902 г. Ц. 17 р.

Русское искусство.

А. Новицкій. Исторія русскаго искусства. 1903 г. 2 т.—*И. Грабарь.* Исторія русскаго искусства (выходитъ отдѣльными выпусками)—*Проф. Павлуцкій.* Русское искусство въ XVIII—XIX в. (прибавленіе къ „Исторіи искусства“ Байэ кіевскаго изданія).—*А. Успенскій.* Очерки по исторіи русскаго искусства. 1910 г.—*Толстой гр. и Кондаковъ.* Русскія древности въ памятникахъ искусства. 6 выпусковъ.—*А. Бенуа.* Русская живопись (въ „Исторіи живописи въ XIX в.“ Мутера).—*Павлиновъ.* Исторія русской архитектуры. 1894 г.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ, встрѣчающихся во „Всеобщей исторіи".

А.

Абассиды—98.
Абдулъ-Гамидъ—319.
Абсолютизмъ въ Европѣ—200.
Авары—103.
Агура-Мазда—45.
Адріанопольскій миръ—307.
Адріанъ—72.
„Академическій легіонъ"—260, 261.
Аларихъ—82.
Александръ Баттенбергскій—311.
Александръ Карагеоргіевичъ—308.
Алексѣй Комнинъ—163.
Александръ Македонскій—59.
Аллеманы—80.
Алп—93.
Аменхотепъ IV—34, 35.
Амонъ—34.
Англо-саксы—135.
Англра-Майнью—45.
Антоній—70.
Аполлонъ—46.
Арабы—90.
Ареопагъ—55.
Аристидъ—54.
Аристотель—57, 60.
Арійцы (индо-европейцы)—9, 44.
Арій, аріане—84.
Артемида—46.
Археологія, понятіе—3.
Ассирія, ассирійцы—38, 43.
Асурбанипалъ—28.
Асурназирпалъ—43.
Асѣнп, братья—119.
Аугсбургское исповѣданіе—188.
Аугсбургскій миръ—188.
Аустерлицъ—234.
Аоппы—50, 55.

Б.

Багдадъ—98.
Базилевсъ—103.
Балтійскіе славяне—116.
Бастилія—214.
Бебель—268.
Бенефицій—88.
Берлинскій конгрессъ—309.
Билль о правахъ въ Англіи—200.
Билль о правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—293.
Бисмаркъ—249, 265.
Бланъ, Луп—246.
Боккачіо—174.
Болгары—115, 300, 310.
Боллъ, Джонъ—144.
Бонифацій VIII—127, 153.
Борисъ, князь Болгарскій—115.
Боэмундъ тарентскій—163.
Бронзовый вѣкъ—17.
Бруно Джордано—179.
Бурбоны—191. 239.
Бургунды—80. 82.
Буржуазія—165. 205.
Бѣлогорская битва—122.
„Бѣдные священники"—156.
Бэконъ—178.

В.

Вавилонія—29, 38.
Вавилонъ.—41.
„Вавилонское плѣненіе папъ"—127
Ваграмъ—237.
Валла, Лоренцо—175.
Валуа—128.
Вальдо, Петръ 153.
Вальденсы—153.
Вандалы—80, 82.
Варшавское герцогство—304.
Варѳоломеевская ночь—191.
Вассалы—88.
Ватерло—239.
Вашингтонъ, Георгъ—291.

Великое переселеніе германцевъ—79.
Великій расколъ католической церкви—155.
Великій Совѣтъ въ Англіи—139, 140.
Великая Скупщина—309.
Великая Хартія Вольностей—139.
„Вергельдъ“—45, 83.
Вестготы—82.
Виги—198.
Виклифъ, Джонъ—156.
Викторъ-Эммануилъ II—274.
Вилланы—162.
Вильгельмъ Завоеватель—135.
Вильгельмъ Оранскій—199.
Вильгельмъ I—264.
Вильгельмъ II—270.
Витенагемотъ—135.
Возстаніе „Ника“—105.
Вормсскій сеймъ—182.
Вормсское соглашеніе—149.
Вселенскіе соборы—108.
Всемірная исторія, понятіе—8.
Всеобщій германскій рабочій союзъ—268.
Вторая республика во Франціи—246.
„Высокая комиссія“—194.
Вѣнскій конгрессъ—239.
Вѣче—22.

Г.

Гаагская конференція—328.
„Габеасъ корпусъ“—199, 281.
Габсбурги—151.
Гай, Л.—306.
„Гайдуки“—302.
Галилей—178.
Гамбетта—251.
Ганнибалъ—65.
Гарденбергъ—236.
Гарибальди—273.
Гарольдъ—136.
Гастингская битва—136.
Гелоты—53.
Гемпденъ, Джонъ—195.
Генеральные Штаты во Франціи—127.
Генрихъ VIII англійскій—189.
Генрихъ IV французскій—149, 191.
Генрихъ III, императоръ—147.
Генрихъ II Плантагенетъ—138.
Гера—46.
Германцы—73.
Геродотъ—2, 29, 312.
Гетеріи—58.
Гиксы—32.
Гильдіи—166.
Гизо—244.
Гладстонъ, Вильямъ—285.
Гнилыя мѣстечки—145.
Гогенштауфены—145.
Горъ—34.
Государство-городъ—47.
Готфридъ Бульонскій—163.
Готы—84.
Гракхи—Тиберій—67.
„ Кай—68.
Григорій Великій—180.
Григорій VII Гильдебрандъ—148, 163.
Грюнвальдская битва—120.
Гугеноты—189.
Гуго Капетъ—122.
Гуманизмъ—175.
Гунны—82.
Гуситскія войны—122.
Гусъ Янъ—121, 156, 179.
Гутенбергъ, Іоаннъ—169.

Д.

Дайміосы—314.
Дантонъ—222, 225.
Дарій Гистаспъ—45.
„Даръ Константина“—176.
Декларація о независимости 1776 г.—291.
„Декларація правъ человѣка и гражданина“—215.
Демагоги—57.
Демократія въ Греціи—52.
Демосъ—51.
Демуленъ, Камиллъ—214.
Дидро—208.
Директорія во Франціи—226.
Діоклетіанъ—72.
Долгій парламентъ—195.
Домиціанъ—72.
Драконъ, архонтъ—51.
„Древнее царство“ въ Египтѣ—30.
Дэнби—198.
Дюмурье—223.

Е.

Елизавета англійская—191.
Епископальная церковь—192.

Ж.

Жаки, жакерія—130.
Жанна д'Аркъ—132.
Желѣзный вѣкъ—17.
Жирондисты—220.

З.

Законы XII таблицъ—63.
Законы исторіи—5.
Законодательное собраніе во Франціи—216.
„Законъ о присягѣ" въ Англіи—199. 282.
Законъ о рабочихъ въ Англіи 143.
Заратустра—45.
Зевсъ—46.
„Земледѣльческій уставъ" Льва III Исавра—109.

И.

Ибнъ-Батута—313.
Ибнъ-Фосланъ—313.
Израильское царство—44.
Иконоборцы—108.
Иліада—48.
Иллиризмъ—306.
Инвеститура—145. 158.
Индепенденты—192, 196.
Индульгенціи—153, 181.
Инквизиція—154, 191.
Иннокентій III—124, 151.
Ирина, царица—108.
Исламъ—93.
Исторія, понятіе—1.
Историческій процессъ—4.
Исторіографія—2.
Источники исторіи—1.

І.

Іаковъ I Стюартъ—193.
Іаковъ II Стюартъ—199.
Іезуиты, ихъ орденъ—190.
Іена—235.
Іероглифы—28.
Іерусалимское королевство—164.
Іоаннъ Безземельный—139.
Іоаннъ Дамаскинъ—112.
Іосифъ II—209.
Іюльская революція 1830 г.—244.
Іюньскіе дни во Франціи—247.

К.

Кааба—91
«Кавалеры»—195.
Кавуръ, Камиллъ—274.
Календарь египтянъ—37.
Калоянъ—119.
Кальвинъ—189.
Камбизъ—45.
Каменный вѣкъ—13.
Кампо-Форміо, миръ—236.
Каносса—149.
Кара-Георгій—307.
Карбонаріи—272.
Карлъ Альбертъ Пьемонтскій—273.
Карлъ Великій—87.
Карлъ Мартелъ—86.
Карлъ I Стюартъ—194.
Карлъ II Стюартъ—197.
Карлъ V французскій—131, 182.
Карлъ VII „ —133.
Карлъ X „ —242.
Карлъ Смѣлый—133.
Карлсбадскія постановленія—255.
Каролинги—86.
Карѳагенъ—65.
Катары—124, 153.
Кеплеръ—178.
Кимвры—73, 76.
Кимонъ—56.
Кириллъ св.—109.
Киръ—45.
Клермонскій соборъ—150, 163.
Клинопись—28, 38.
Клисѳенъ—53.
Клюнійскій монастырь—147.
„Книга страшнаго суда"—136.
Книгопечатаніе—169.
Кодексъ Наполеона—233.
Колоны—74.
Колумбъ, Христоферъ—172.
Коммендація—86, 135.
Комитетъ общественнаго спасенія во Франціи—224.
Коммуны—147, 166.
Коммуна парижская—250.
Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ—293.
Констанцскій соборъ—122.
Константинъ Великій—75.
Константинъ V Исавръ—108.
Константинъ VII Багрянородный—112.
Конституція VIII года во Франціи—232.

Консулы въ Римѣ—62.
Континентальная система—233.
Коперникъ—178.
Корабельная подать—195.
Корайшъ—91.
Коранъ—93.
Кордэ, Шарлотта—225.
Корпнеъ—50.
Косовское поле—300.
Костюшко—303.
Коцебу—255.
Кочевой бытъ—14.
Кошутъ—259.
Краковская республика—305.
Крассъ—69.
Крестьяне въ Англіи—143.
„ въ Византіи—109.
„ въ Германіи—185, 253.
„ въ Греціи—50.
„ въ Австріи—262.
„ во Франціи—130, 203, 205.
Крестьянская война—186.
Крестовые походы—162.
Критика историческая—3.
Кромвель, Оливеръ—196.
Круглоголовые—195.
„Кулачное право“—151.
Культъ предковъ—24.
Культура: матеріальная, общественная—8.
„ духовная—9.

Л.

Ламартинъ—246.
Лангобарды—102.
Ландтагъ въ Пруссіи—253.
Лассаль—267.
Латинское племя—61.
Латинская имперія—152.
Латифундіи—66, 73.
Лафайетъ—214.
Лаціумъ—61.
Левъ III Исавръ—108.
Легисты—126.
Ледрю-Ролленъ—246.
Ленъ—157.
Либерализмъ въ XIX в.—241.
Либкнехтъ—268.
Ливій, Титъ—2.
Линкольнъ, Авраамъ—295.
„Лионскіе бѣдняки“—153.
Лойола, Игнатій—190.
Ломбардо-Венеціанское королевство—271.
„Лондонское общество рабочихъ“—283.
Лорды—136.
Лоудъ—194.
Лѣтописъ—2.
Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій—243.
Людовикъ IX Святой—125.
Людовикъ XI—133.
Людовикъ XIII—202.
Людовикъ XIV—202.
Людовикъ XVIII—239, 240.
Люксембурги—151.
Лютеръ, Мартинъ—180.

М.

Мавры—97.
Магометъ—92.
Магометъ II—112.
Мадзини, Джузеппе—272.
Мадьяры—116.
Маратъ—222.
Мараѳонъ—54.
Мардукъ—38, 40.
Марій—69.
Маркъ Аврелій—72.
Марксъ—258.
Марсель, Этьенъ—130.
Материнское право—20.
Медина—93.
Мекка—91.
Меланхтонъ—188.
Мемфисъ—30.
Мена, царь—30.
Меровинги—85.
Месопотамія—37.
Месть родовая—21.
Металлы, ихъ обработка—17.
Меттерних—252.
Метэки—58.
Мецъ—249.
Меѳодій, святой—109.
Мидяне—44.
Микадо—314.
Микенская культура—47, 48.
Миланскій указъ 313 г.—75.
Милошъ Обреновичъ—307.
Мильтіадъ—54.
Мирабо—213.
Михаилъ Обреновичъ—308.
Миѳы—25.
Мольтке—266.

Моммзенъ—4.
Монашество—106.
Монета, ея появленіе—24.
Монкъ—197.
Монотеизмъ—25, 94.
Монтаньяры—202.
Монтескье—207.
Монфоръ. Симонъ—141.
Мораване—116.
Мутсу-Хито—314.
Мюнцеръ. Ѳома—186.

Н.

Нантскій эдиктъ—191.
Наполеонъ-Бонапартъ—229.
Наполеонъ III—248.
„Народная хартія"—283.
Натуральное хозяйство—23, 165.
Наука въ XIX в.—330.
Національ-либералы въ Германіи—266.
Національный Конвентъ во Франціи—223.
Національныя мастерскія—247.
Національное собраніе во Франкфуртѣ—263.
Національное собраніе во Франціи—213.
Неккеръ—211.
Неронъ—72.
Нибуръ—4.
Ниневія—43.
Нобили римскіе—65.
Новое царство въ Египтѣ—32.
Норманны—90.

О.

Общественное поле—64.
Община-задруга—117.
Одиссея—48.
Одоакръ—83.
Озирисъ—35.
Октавіанъ—79.
Олигархи—58.
Омаяды—37.
Ордоннансы Карла X—243.
Орудія первобытныя—13.
Освобожденіе невольниковъ—296.
Остготы—82.
Остракизмъ—53.
Осѣдлый бытъ—14.
Оттонъ I—146.
Оттонъ IV Брауншвейгскій—151.

П.

Павликіане—секта—107.
Палацкій—306.
Папство—86, 152.
Папская область—271.
Парижскій миръ—237.
Парламентъ въ Англіи—141.
Парламентская реформа въ Англіи—281.
Партіи цирка въ Византіи—105.
Патриціи—62.
Пелопоннесская война—59.
Первобытная культура—3.
Переворотъ 18 брюмера—231.
Периклъ—56.
Персы—45.
Петиція о правахъ—194.
Петръ Карагеоргіевичъ—310.
Печенѣги—109.
Пиппинъ—86.
Писистратъ—52.
„Письма темныхъ людей"—177.
Пій IX—272.
Платея—54.
Плебеи—63.
Племя—21.
Подвассалы—158.
Политеизмъ—25.
Политическіе клубы во Франціи—218.
Польскія возстанія въ 1830—1863 гг.—305.
Поляки—120.
Помпея—69.
Популяры—67.
Португалія—173.
„Похвала глупости"—177.
Предварительный парламентъ въ Германіи—259, 260.
Преемственность культуръ—9.
Пресвитеріане—192.
Прирученіе животныхъ—13.
Прогрессисты въ Германіи—265.
Пролетаріи Рима—67.
Пропія—110.
Просвѣтительная литература—296.
Просвѣщенный абсолютизмъ—209.
Протестанты—188.
Пржемысловичи—119.
Пуническія войны—65.
Пуритане—189, 192, 288.
Пясты—119.

Р.

Рабочее братство—258.
Рабочее движеніе въ Германіи—267.
Рабство въ Соединенныхъ Штатахъ—294.
Раздѣленіе церквей—106.
Раздѣлы Польши—303.
Разселеніе славянъ—114.
Раймундъ тулузскій—163.
Рамзесъ II—36.
Ранке—4.
Рафаэль—175.
Ре—30, 34.
Рейнскій союзъ—235.
Рейхлинъ—177.
Рейхстагъ—149, 266.
Религія вавилонянъ—40.
Религія египтянъ—34.
Республика въ Римѣ—62.
Реставрація Стюартовъ—197.
Ригеръ—306.
Римская имперія—70.
Ричардъ II—144.
Ришелье—202.
Робеспьеръ—218, 225.
Родъ—21.
Рокфелеръ—299.
Романизація—71
Ромулъ—62.
Роялисты во Франціи—217.
Руссо Жанъ-Жакъ—208.
Рыцарство—158.
Рыцарское возстаніе—185.
Рѣчь Посполитая—120.

С.

Савонарола—179.
Саксы—82.
Саладинъ—54, 164.
Салманасаръ II—43.
Самниты—64.
Самуилъ, царь Болгаріи—119.
Самураи—314.
Санъ-Стефанскій миръ—310.
Сарацины—157.
Саргонъ I—38.
Свайныя постройки—15.
Свевы—76.
Сводъ законовъ римскихъ—112.
Священная Римская Имперія—146.
Священный союзъ—252, 240.
Седанъ—249.
Секуляризація въ Германіи—188.
Семпты—9, 38.
Семья—20.
Сенатъ въ Римѣ—62.
Сенешалъ—124.
Сеньёръ—88.
Сенъ-Симонъ—246.
Сербы—115.
Сервы—160, 165.
Симеонъ болгарскій—119.
Симонія—148.
Сійесъ, аббатъ—211.
Славяне—103, 113.
Словинцы—117.
Совѣтъ старѣйшинъ—22.
Совѣтъ четырехсотъ—52.
Совѣтъ 500 въ Греціи—56.
Соколовичъ—302.
Солонъ, его реформы—52.
Соціалъ-демократическая партія въ Германіи—268.
Софисты—58.
Софоклъ—58.
Союзный сеймъ въ Германіи—252.
Союзъ сѣверо-германскихъ государствъ—266.
„Союзъ справедливыхъ“ (союзъ коммунистовъ—258.
Спарта, спартіаты—53.
Среднее царство въ Египтѣ—31.
Средніе вѣка, опредѣленіе—10.
Стамбуловъ—311.
„Статутъ“ итальянскій—277.
Стефанъ Душанъ—119.
Стефанъ Нѣманя—119.
Стефанъ Первовѣнчанный—119.
„Сто дней“—239.
Столѣтняя война—128.
Страффордъ—194.
Судъ Божій—84.
Судъ присяжныхъ въ Англіи—139.
Сулла—69.
Сумеры—38.
Сунниты—97.
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—292.

Т.

Тайлеръ, Уатъ—144.
Таможенный союзъ—255.
Тарквиній—62.

Тацитъ—2, 80.
Тевтоны—73, 76.
Тевтонскій орденъ—120.
Теодорихъ—83.
Терроръ во Франціи—224.
Тсцель—181.
Тильзитскій миръ—231.
Тираннія—52.
Тіаматъ—40.
Тори—198.
Траянъ—72.
Третья республика во Франціи—251.
Третье сословіе—204.
Тридентскій соборъ—190.
Тридцатилѣтняя война—172.
Тріумвираты—69.
Трубадуры—160.
Турки-сельджуки—103, 163.
Тутмозъ III—32.
Тьеръ—243, 250.

У.

Улфила—84.
Ульмъ—234.
Ульрихъ фонъ-Гуттенъ—185.
Ультра-роялисты во Франціи—242.
Урбанъ II—150, 163.
Учредительное собраніе въ Австріи—262.

Ф.

Факторы исторіи:—5, 6, 7.
Фараонъ—30.
Февральская революція 1848 г.—245.
Феодализмъ—86, 123, 157.
Фердинандъ Кобургскій—311.
Филадельфійскій конгрессъ—291.
Филиппъ Македонскій—59.
Филиппъ II испанскій—191.
Филиппъ II Августъ—123.
Филиппъ IV Красивый—126.
Финикійцы—42.
Франки—80.
Францискъ II неаполитанскій—275.
Францъ-Іосифъ—262.
Фридрихъ I—150.
Фридрихъ II—150, 209, 235.
Фридрихъ Вильгельмъ IV—256.
Фридрихъ Мудрый—182.
Фурье—246.
Фустъ—170.

Х.

Хадиджа—92.
Халдея—45.
Халифы—95.
Хаммураби—38.
Ханифы—92.
Хариджиты—97.
Херонсйская битва—59.
Хетское царство—44.
Хлѣбные законы въ Англіи—279.

Ц.

Цвингли—187.
Цезарь Юлій—69.
Цехи—166, 205.

Ч.

Чартисты—283.
Чехи—116, 120.

Ш.

Шарнгорстъ—236.
Шафарикъ—306.
Шварцъ, Бертольдъ—178.
Шеферъ—170.
Шишманъ—300.
Шиллеръ—235.
Шіиты—97.
Шляхта—120.
Шогуны—314.
Шпейерскій сеймъ—188.
Штейнъ—236.

Щ.

„Щитовыя деньги“—138.

Э.

Эа, богъ—40.
Эдуардъ I—141.
Эдуардъ VI—191.
Эккъ—181.
Эламъ—44.
Эллины—46.
Эльзасъ—250.
Эмансипація католиковъ въ Англіи—322.
Энгельсъ—258.
Эразмъ Роттердамскій—177.

Эрлы—135.
Этруски—64.
Эфіальтъ—55.

Ю.

Юліанъ (Отступникъ)—75.
Юлій II—176.
Юстиніанъ—102.

Я.

Ягелло—120.
Якобинцы—218.
Ятрибъ—91.

Θ.

Θемистоклъ—54.
Θивы—32.
Θукидитъ—2, 56.

Алфавитный указатель именъ и названій, встрѣчающихся въ „Исторіи искусства".

А.

Айвазовскій—431.
Академія Художествъ, русская—417.
Акрополь—351.
Альгамбра—366.
Амьенскій соборъ—373.
Антокольскій—439.
„Аполлонъ Бельведерскій"—355.
Арабески—365.
Архангельскій соборъ въ Москвѣ—412.
Архиповъ—429.
Архитектура, понятіе—338.
Аѳина-Дѣва—352.

Б.

Базилика—357, 361.
Барбизонская группа—400.
Барокко, стиль—388.
Бартоломео—384.
Бастьенъ-Лепажъ—405.
Батони—389.
Бахи, Н. и Г.—439.
Беато, Анджелико—377.
Беклемишевъ—439.
Бёклинъ—406.
Бенуа—417, 436.
Беринъ, Джонсъ—406.
Билибинъ—433.
Боровиковскій—419.
Борисовъ-Мусатовъ—436.
Боттичелли—378.
Браманте—385.
Брауверъ—394.
Брунеллески—375.
Бруни, Ѳ.—422.
Брюлловъ, Карлъ—421.
Буше—396.

В.

Вазы греческія—350.
Васильевская церковь въ Кіевѣ—409.
Васильевъ—432.
Васнецовъ—426, 430, 432.
Ватто—395.
Веласкезъ—389.
Венеціановъ—420.
Венеціано, Доменико—377.
Верещагинъ, Вас.—429.
Веронезе, Паоло—385.
Версальскій дворецъ—395.
Вильки—400.
Вормсскій соборъ—369.
Воробьевъ, М.—421.
Врубель—439.

Г.

Гальсъ, Франсъ—393.
Гвидо, Рени—388.
Ге, Н. Н.—423, 430.
Генсборо—400.
Гиберти—376.
Гинцбургъ—439.
Гирландайо—378.
Гоббема—394.
Гогартъ—400.
Гогенъ—405.
Гойя—391.
Головинъ—433.
Гольбейнъ, Гансъ—387.
Горностаевъ—417.
Горный институтъ—417.
Грановитая палата—412.
Грёзъ—396.
Гриммъ—417.
Гро—398.
Гробница Кира—346.

Д.

Давидъ—397.
Дегазъ—405.
Дейкъ, ванъ—392.
Декоративное искусство—339.
Делакруа—398.
Деларошъ—399.
Дерпфельдъ—348.
Десятинная церковь—409.
Джотто—374.
Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ—410.
Добиньи—401.
Донателло—476.
Дорійскій стиль—350.
Дубовскій—432.
Дюпре—401.
Дюреръ Альбрехтъ—386.

Е.

Егоровъ—418.

Ж.

Живопись, понятіе—339.

З.

Зимній дворецъ—417.

И.

Ивановъ, А.—422.
Идеалистическое направленіе въ искусствѣ—406.
Иконопись—414.
Импрессіонизмъ въ Европѣ—404, 435.
Исаакіевскій соборъ—417.
Искусство, понятіе—337.
Историческій музей въ Москвѣ—417.

І.

Іонійскій стиль—350.
Іорданъ—392.

К.

Казаковъ—417.
Казанскій соборъ—417.
Каменскій—438.
Канова—406.
Караваджіо—388.
Караччи Аннибале—388.
Карстенсъ—399.
Каррьеръ—405.
Кастаньо, Андреа—377.
Катакомбы—360.
Кёльнскій соборъ—373.
Кипренскій—419.
Классицизмъ—397, 418.
Клодтъ, П.—438.
Кокориновъ—417.
Колизей—358.
Коломенскій дворецъ—411.
Констэбль—401.
Кордовскій соборъ—366.
Корзухинъ—428.
Коринѳскій стиль—354.
Корнеліусъ—399.
Коро—401.
Коровинъ—433, 434.
Корреджіо—384.
Крамской—424.
Кранахъ, Лука—387.
Кремлевскій дворецъ—417.
Куинджи—431.
Курбэ—400, 402.

Л.

Лаверецкій—439.
Лансере—439.
Левитанъ—432.
Левицкій—419.
Леонардо да Винчи—379.
Леохаръ—355.
Лермитъ—405.
Лизиппъ—355.
Липпи—377.
Лосенко—418.
Лоренъ, Клодъ—395.

М.

Мавританскій стиль—365.
Мазаччо—377.
Майнцскій соборъ—369.
Макартъ—399.
Маковскій, К.—429, 430.
Максъ, Габріель—399.
Малявинъ—436.
Мантенья—378.
Манэ—405.
Мартосъ—438.
Матвѣевъ—418.
Матисъ—405.

Менгсъ—399.
Менцель—403.
Менье—407.
Микены—348.
Микель Анджело Буанароттп—380.
Милле—401.
Миллэсъ—403.
Милютинъ—433.
Миронъ, скульпторъ—351.
Монферранъ—417.
Монэ—405.
Моро—406.
Мурильо—390.
Мясоѣдовъ—429, 430.

Н.

Невревъ—429.
„Нерушимая стѣна“—414.
Нестеровъ—434.
Никитинъ, П.—418.
Новгородское письмо—414.
«Новый стиль»—417.

О.

Опекушинъ—439.
Орнаментъ—338.
Остаде, ванъ—394.
Остроумовъ—432.

П.

Пантеонъ—357.
Парѳенонъ—351.
Пастернакъ—429.
Пеоній—353.
Пергамская школа—356.
Перовъ—428, 430.
Персеполь, раскопки его—346.
Пизано—374.
Пилоти—399.
Пименовъ—438.
Пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина—342.
Пластическія искусства—339.
Покровскій соборъ (Василій Блаженный)—413.
Полигнотъ—351.
Поликтетъ—353.
Политехническій музей въ Москвѣ—417.
Полѣновъ—424, 433.
Померанцевъ—417.
Помпея—358.
Праксителъ—354.
Прерафаэлитское братство—403.
Пропилеи—352.
Прюдонъ—397.
Прянишниковъ—428.
Пювисъ-де-Шавана—406.

Р.

Райсдаль—394.
Рамазановъ—438.
Растрелли—417.
Рафаэль Санти—383.
Рафаэлли—405.
Реализмъ въ искусствѣ—399, 400.
Реймсскій соборъ—372.
Рейнольдсъ—400.
Рембрандтъ—393.
Ренуаръ—405.
Рерихъ—430, 433.
Рибейра—388.
Родосская школа—356.
Родэнъ—407.
Рококо, стиль—395.
Романтизмъ въ живописи—397
Романскій стиль—368.
Россетти—403, 406.
Рубенсъ—391.
Рублевъ, Андрей—414.
Румянцевскій музей—417.
Руссо—401.
Рѣзановъ—417.
Рѣпинъ, И.—429, 430.
Рябушкинъ—430.

С.

Саврасовъ—432.
Сальваторъ Роза—388.
Святая Софія, храмъ въ Новгородѣ—411.
Сезаннъ—405.
Семирадскій—430.
„Сикстинская Мадонна“—384.
Сикстинская капелла—380.
Синьорелли—378.
Скопасъ—354.
Скульптура. опредѣленіе—338.
Смольный монастырь—417.

Соборъ св. Марка—364.
Соборъ Парижской Богоматери—372.
Сомовъ—436.
Софійскій соборъ въ Кіевѣ—409, 414.
Старовъ—417.
Стиль имперіи—408, 417.
Строгановское письмо—415.
Султановъ—417.
Сусловъ—417.
Суриковъ—430.
Сѣровъ—434.

Т.

Таврическій дворецъ—417.
Тернеръ—400.
Тинторетто—385.
Тиціанъ Вечелли—384.
Товарищество передвижныхъ выставокъ—434.
Толстой, Ѳ., гр.—438.
Тонъ—417.
Торвальдсенъ—407.
Тропининъ—419.
Трубецкой, П.—440.
Туссенъ—395.

У.

Угрюмовъ—418.
Уистлеръ—405.
Уотсъ—406.
Успенскій соборъ во Владимірѣ—410.
Учелли, Паоло—377.
Ушаковъ, Симеонъ—416.

Ф.

Фальконетъ—438.
Фейербахъ—399.
Фидій—351, 353.
Фіоравенти, Аристотель—412.
Флавицкій—430.
Флоренція—375.
Форумъ, его постройки—357.
Фрагонаръ—396.
Фрески, въ Россіи—414.
Фризы—347.
Фрязинъ, Алоизій—412.

Х.

Хёнтъ—403.
Храмъ св. Софіи—362.
Храмы въ Египтѣ—344.
Храмъ Христа Спасителя—417.

Ц.

Церковь св. Виталія—361.

Ч.

Часовня (святая) въ Парижѣ—373.
Чижовъ—439.
Чимабуэ—374.

Ш.

Шварцъ—430.
Швиндъ—399.
Шебуевъ—418.
Шишкинъ—431.
Шлиманъ—348.
Шпейерскій соборъ—369.
Штукъ, Францъ—406.
Шубинъ—438.

Щ.

Щедринъ—420.

Э.

Эгинскія скульптуры—351.
Эйкъ, ванъ, братья—385.
Эйфель—408.
Энгръ—397.
Эрехоейонъ—352.

Я.

Якоби—430.
Японское искусство—404.
Ярошенко—429.

Ѳ.

Ѳедотовъ—426.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ,

находящихся въ этомъ полутомѣ „Народной Энциклопедіи“.

№№ рисунковъ.		Стран.
1.	Постройка пирамиды	33
2.	Народное собраніе въ Аѳинахъ при Периклѣ	49
3.	Въ усадьбѣ древняго германца	81
4.	Государевы посланцы разбираютъ судебное дѣло	89
5.	Жанна д' Аркъ въ Орлеанѣ	129
6.	Замокъ феодала XIII вѣка	159
7.	На праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка.	161
8.	Нѣмецкій городъ XV вѣка	169
9.	Лютеръ на Вормскомъ сеймѣ	183
10.	Наполеонъ въ Кремлѣ	238
11.	Сельскій староста	344
12.	Развалины луксорскаго храма	345
13.	Статуя египетскаго царя	346
14.	Ассирійскій рельефъ (царь Асурназирпалъ)	349
15.	Львиныя ворота въ Микенахъ	351
16.	Пароенонъ	354
17.	Портикъ Эрехѳейона	355
18.	„Копьеносецъ“ Поликлета	356
19.	Гермесъ Праксителя	—
20.	Аполлонъ Бельведерскій	357
21.	Афродита (Венера) Милосская	358
22.	Домъ Веттіевъ въ Помпеѣ	361
23.	Христосъ въ видѣ добраго пастыря	363
24.	Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ (внутренній видъ)	365
25.	Мозаика въ храмѣ св. Софіи. (Христосъ на тронѣ и поклоняющійся ему императоръ Юстиніанъ)	366
26.	Соборъ св. Марка въ Венеціи	367
27.	Львиный дворъ въ Альгамбрѣ	368
28.	Шпейерскій соборъ	369
29.	Реймсскій соборъ	372
30.	Внутренній видъ Кельнскаго собора	373
31.	Донателло. Св. Георгій	376
32.	Мазаччо. Изгнаніе изъ рая	377
33.	Боттичелли. Весна.	379
34.	Леонардо-да-Винчи. Тайная вечеря	381
35.	Микель Анджело. Моисей	382
36.	Соборъ св. Петра въ Римѣ	384
37.	Ванъ-Эйкъ. Гентскій алтарь (поющіе ангелы)	386
38.	Дюреръ. Собственный портретъ.	387
39.	Батони. Кающаяся Магдалина	389
40.	Веласкезъ. Портретъ испанской принцессы	390
41.	Мурильо. Непорочное зачатіе	391
42.	Ванъ-Дейкъ. Портретъ англійскаго короля Карла I	392
43.	Рембрандтъ. Старушка	394
44.	Ватто. Общество въ саду	395
45.	Делакруа. Ладья Данте	398
46.	Мілле. Женщина, пасущая корову	401
47.	Курбе. Каменщики	402
48.	Менцель. Кузница	404
49.	Бёклинъ. Священная роща	407
50.	Мёнье. Горнорабочій	408
51.	Кіево-Софійскій соборъ	409
52.	Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ	411
53.	Успенскій соборъ въ Москвѣ	412
54.	Покровскій соборъ (Василій Блаженный) въ Москвѣ	413
55.	Левицкій. Портретъ	419

№№ рисунковъ.		Стран.
56.	Венеціановъ. Лѣто	421
57.	Брюлловъ. Послѣдній день Помпеи	422
58.	Ге. Петръ I и царевичъ Алексѣй	424
59.	Полѣновъ. Христосъ и грѣшница.	425
60.	Васнецовъ. Богоматерь (въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ).	426
61.	Ѳедотовъ. Сватовство майора	427
62.	Перовъ. Пріѣздъ гувернантки	428
63.	Верещагинъ. Представляютъ трофеи	430
64.	Куинджи. Березовая роща	431
65.	Левитанъ. Надъ вѣчнымъ покоемъ	432
66.	Сѣровъ. Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ	433
67.	Нестеровъ. Великій постригъ	434
68.	Врубель. Панъ (греческій богъ лѣсовъ)	435
69.	Сомовъ. Дама въ голубомъ платьѣ.	436
70.	Малявинъ. Крестьянская дѣвушка	437
71.	Антокольскій. Іоаннъ Грозный	438
72.	Трубецкой. Левъ Толстой	439

Рисунки въ краскахъ на отдѣльныхъ листахъ:

		Стр.
1.	Никита Павловецъ. Икона Спаса Великаго Архіерея, въ Смоленскомъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ, письма 1677 г. (изъ школы Симона Ушакова) (см. стр. 416).	49
2.	Рафаэль. «Сикстинская Мадонна» (см. стр. 384).	97
3.	А. Ивановъ. «Явленіе Христа народу» (см. стр. 422).	145
4.	Суриковъ. «Боярыня Морозова» (см. стр. 430).	193
5.	Айвазовскій. «Радуга» (см. стр. 431).	241
6.	Шишкинъ. «Утро въ сосновомъ лѣсу» (см. стр. 431).	289
7.	И. Рѣпинъ. «Заиорожцы» (см. стр. 429).	337
8.	В. Васнецовъ. «Богатыри» (см. стр. 432).	385

Duke University Libraries
D02057138Q